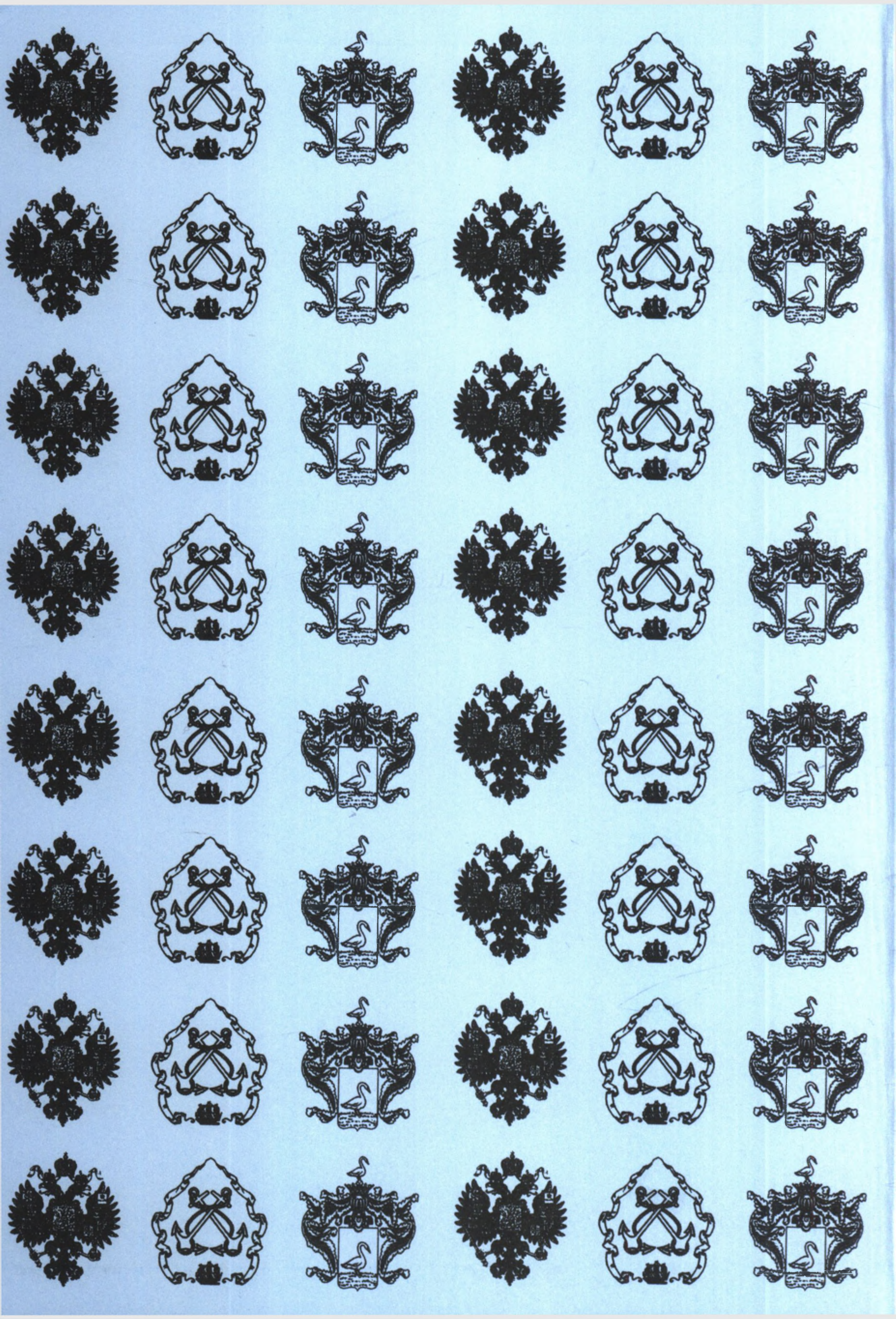
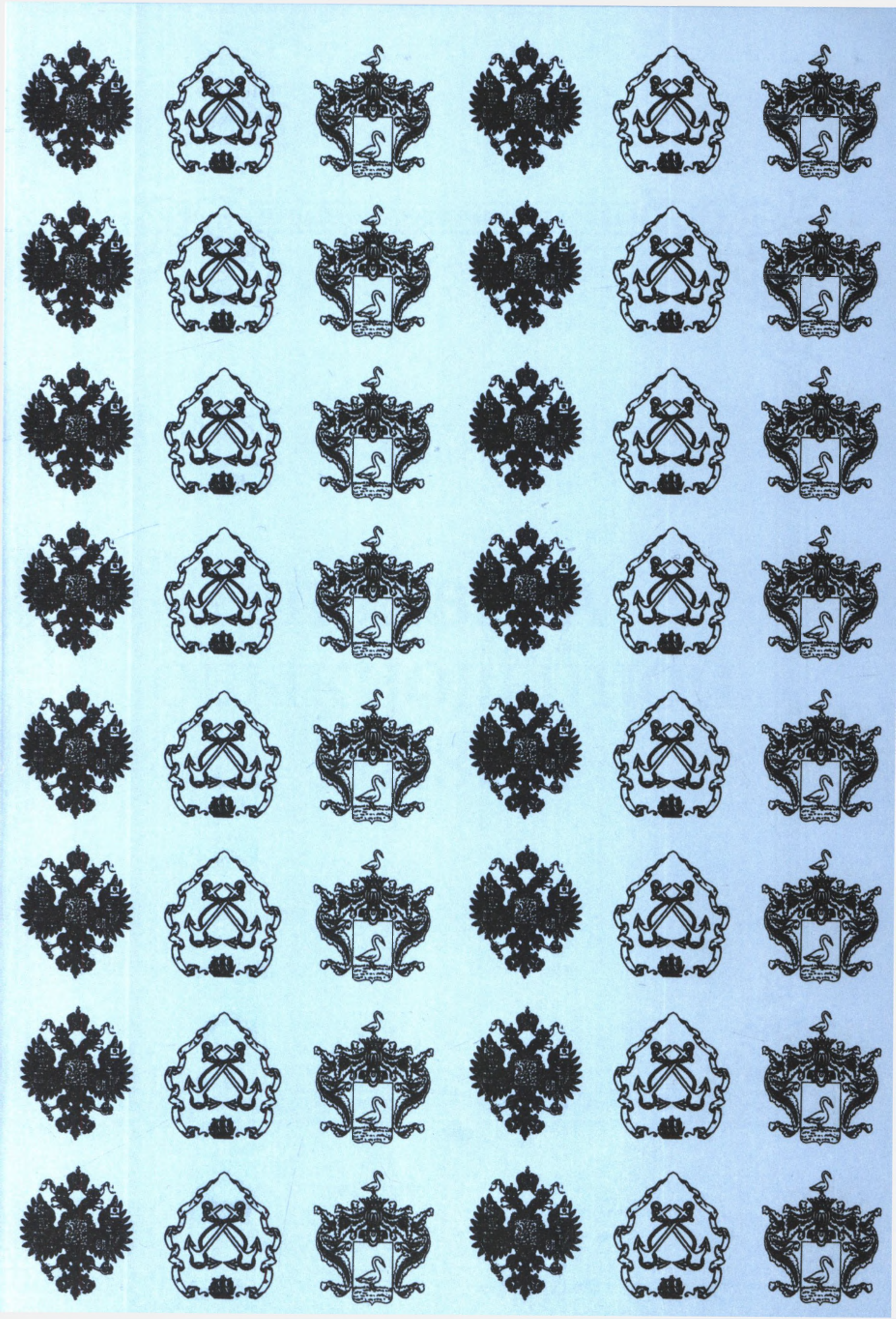
И. А. ШЕСТАКОВ

ДНЕВНИКИ

И. А. Шестаков

ПОЛВЕКА ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ

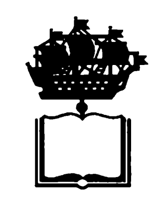

И. А. Шестаков

ДНЕВНИКИ

(1882–1888 годы)

Санкт-Петербург
«Судостроение»
2014

УДК 82-94
ББК 63.3(2)
Ш 51

Шестаков И. А.
Ш 51 Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882–1888 гг.). – СПб.: Судостроение, 2014. – 600 с., ил.

ISBN 978-5-7355-0796-6

Дневники выдающегося русского государственного и военного деятеля XIX в. генерала-адъютанта, управляющего Морским министерством России адмирала Ивана Алексеевича Шестакова публикуются впервые. Они фактически являются продолжением «Воспоминаний» и охватывают последний период жизни Шестакова, когда он непосредственно руководил развитием, строительством и практической деятельностью русского военно-морского флота.

Особая ценность «Дневников» именно в том, что они показывают Шестакова таким, каким он был в жизни, резким в оценках, искренне переживающим за судьбы России и её флота, непреклонным в решении тех задач, которые требовались от него, как морского министра.

Точные характеристики действующих на исторической сцене лиц и острые жизненные наблюдения и размышления о будущем России интересны и для нашего времени.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7355-0796-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, уже знакомый с «Воспоминаниями»[1] адмирала Ивана Алексеевича Шестакова, перейдя к его «Дневникам» почувствует разницу: переход от плавного литературного текста к обрывочному изложению фактов, мыслей и эмоций воспринимается как начало поездки по проселочной дороге после спокойного движения по современной автостраде – больше поворотов, больше кочек и ям. Возможно, возникнет желание остановиться и не дойти до последней строки. Настоятельно советуем, не поступать опрометчиво.

Именно этим вызвана необходимость дать некоторые пояснения.

В конце 40-х годов прошлого столетия по инициативе адмирала флота, заместителя Главнокомандующего ВМФ СССР Ивана Степановича Исакова были подготовлены к изданию «Воспоминания» И. А. Шестакова, охватывающие период в 50 лет жизни этого выдающегося государственного деятеля XIX века, одного из самых образованных и культурных людей того времени. И. С. Исаков, который являлся руководителем редакционной коллегии, лично написал предисловие к воспоминаниям (полный текст его помещен в первом томе «Полвека обыкновенной жизни»). В нем подробно рассказана история обнародования «Воспоминаний», детально изложены жизненный путь и служебная карьера Ивана Алексеевича Шестакова и лишь мимоходом сказано о дневниках, которые вел адмирал, ставший морским министром Российской Империи практически до самого момента своей смерти. Последняя запись в дневнике сделана 12 ноября 1888 года. Через девять дней адмирал Шестаков скончался. Но, если «Воспоминания» – это литературно обработанные автором страницы дневников, которые он вел на протяжении своей жизни с 1830 года по 1881-й, более того, это законченное произведение историко-мемуарного характера, то последующие дневники представляют собой всего лишь литературное сырье, из которого автор, проживи он чуть дольше, сделал бы не менее интереснейшее продолжение своих «Воспоминаний». Но эти дневники последних семи лет замечательны именно своей необработанностью, непричесанностью, в них адмирал Шестаков предстает в своем истинном виде, каким он был в жизни. И тем они ценны особо.

Впервые об их существований широкая военно-морская общественность узнала в 1946 году, когда во втором номере «Морского сборника» появилась

[1] Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838-1881 гг.). – СПб: Судостроение, 2006; Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. В 2-х томах. Том 1. Воспоминания (1838-1881 гг.). – СПб: Судостроение, 2013.

статья научного сотрудника Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина А. Н. Михайловой «Дневники и мемуары адмирала И. А. Шестакова». Возможно, именно после неё адмирал Исаков заинтересовался записками Шестакова и дал команду начать подготовку их к изданию. К 1949 году к печати были готовы «Воспоминания». К сожалению, по ряду как объективных, так и субъективных причин они тогда не увидели свет. (Кстати, при жизни И. А. Шестакова была напечатана лишь одна глава первой части «Воспоминаний», но с большими купюрами, вызванными цензурными ограничениями). Однако о публикации дневников Шестакова и во времена Исакова речь не шла, хотя предварительная обработка их для печати была проделана. Во всяком случае, были намечены подлежащие сокращению места, осовременены орфография и правописание, внесены комментарии и вписаны в машинописный текст от руки иностранные слова и фразы, во множестве рассыпанные по оригиналу дневников.

Подлинные тексты «Воспоминаний» и «Дневников» находятся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки в личном фонде Шестакова. Машинописные копии – в ЦГА ВМФ СССР, там же имеется и рукописная копия дневника, не уступающая по точности оригиналу.

Машинописные копии с мемуаров и дневников были сняты в 1912 году по негласному распоряжению начальника Морского Генерального штаба князя А. А. Ливена. К сожалению, эти копии значительно уступают по качеству писарским, которые были сделаны по приказу генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича вскоре после смерти Шестакова. В настоящее время в личном фонде в. к. Владимира Александровича в ГВМА хранится небольшая часть дневника за 1882 год (рукописная копия).

В копии 1912 года имеется очень много ошибок, пропусков, во многих случаях перепутаны даты.

Надо сказать, что в советское время все перечисленные оригиналы и копии были доступны для исследователей. Однако почему-то историков не заинтересовали живые свидетельства современника одного из самых плодотворных периодов истории отечественного военно-морского флота. Появление в свет книги «Полвека обыкновенной жизни», изданной Научно-техническим издательством «Судостроение» в 2006 году, – во многом, несомненно, заслуга военного историка капитана 1 ранга Виталия Викторовича Козыря. Полудетективная версия продвижения «Воспоминаний» к читателю коротко изложена им во вступительной статье к изданию 2006 года «От составителя». Она выглядит следующим образом: «...Мне случайно попалась на глаза стопка листов машинописного текста. ...Я направился в Государственную публичную библиотеку для поиска оригинала рукописи. В Рукописном фонде удалось обнаружить оригинал-макет первой книги воспоминаний и подлинные дневники последних лет жизни морского министра». Думается, придет время и В.В. Козырь более детально расскажет о том, как фактически была спасена одна из копий рукописи, сделанная в 40-е годы XX века.

В 2011 году издательство приняло от Виталия Викторовича семь папок машинописной копии дневников адмирала Шестакова. В издании, увидевшей свет благодаря поддержке ОАО «Совкомфлот», они впервые стали доступны широкому кругу читателей, интересующихся историей российского государства и его военно-морского флота.

Однако, поскольку издательство по ряду объективных обстоятельств не имело возможности сличить имеющиеся в его распоряжении тексты с другими

списками, то возникает вопрос о степени соответствия публикуемого материала оригиналу (или снятым с него копиям?).

Текст «Воспоминаний» фактически является аналогом подготовленного Военмориздатом в 1949 году издания. Что было убрано из оригинала, прокомментировал в своей статье адмирал И. С. Исаков.

Тексты дневников более приближены к оригиналу. Копии заверены научными сотрудниками Центрального Государственного Исторического Архива в Ленинграде (с указанием на соответствующий шифр хранения в Фонде Шестакова И. А.). Как выше сказано, оригинал рукописи дневников находится в Публичной библиотеке, копия, с которой публикуются данные «Дневники», сделана не с оригинала, а с какой-то другой копии (которых было несколько). Можем предположить, что с копии, снятой для великого князя Алексея Александровича. Подтверждением тому является наличие на полях машинописных текстов критических замечаний в адрес И. А. Шестакова. Они перенесены переписчиками с оригинала при подготовке копии. (Например, рядом с записью И. А. Шестакова за 24 июня 1886 года, касающейся кораблей «Манджур» и «Америка», вписан комментарий «На которых я плавал в 1873 г.». Именно в это время во Владивостоке был будущий генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович).

Издательство не взяло на себя ответственность за подготовку научных комментариев к текстам. Для полного и всестороннего анализа необходим коллектив исследователей, который смог бы охватить весь объем информации, имеющей отношение к тем вопросам, которые интересуют историков, изучающих 80-е годы XIX века профессионально. Одностороннее освещение событий, в частности, военно-морской истории, не может дать того положительного восприятия от трудов И. А. Шестакова, которое возникнет при академическом к ним подходе.

Необходимо отметить весьма важное обстоятельство. Относительная недоступность текстов Шестакова, вовсе не означала забвения его как выдающегося военно-морского деятеля, идеи которого продолжали жить. На наш взгляд, большая заслуга в этом теоретика ВМФ капитана 1 ранга М. А. Петрова. На его трудах по военно-морскому искусству и теории управления флотом воспитано не одно поколение советских адмиралов и офицеров. В его статьях и книгах имя И. А. Шестакова называлось неоднократно, что само по себе большая редкость для принятой в советское время, особенно в первый послереволюционный период, практики освещения отечественной истории в любой области. М. А. Петров называл И. А. Шестакова наиболее выдающимся адмиралом, «составившим себе имя в истории флота того времени»[2].

Задача, поставленная издательством, – дать возможность познакомиться с литературно-историческим наследием И. А. Шестакова более широкому кругу специалистов.

Естественен вопрос, насколько необходима эта работа? Тем более, что формально запрета на работу с оригиналами не было как ранее, так и в настоящее время. Исследователи могли работать с текстами копий, хранящимися в РГА ВМФ; рукопись, находящаяся в Публичной библиотеке, была также доступна для пользования. В советское время её использовали в своих трудах историки

[2] Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. – М.-Л.: 1926, с.42.

Л. Г. Бескровный, А. П. Шевырев[3] и другие. Эта рукопись также использовалась при подготовке книги «Русские и советские моряки на Средиземном море»[4].

Значительно чаще наследие Шестакова стало использоваться с началом 90-х годов ушедшего века историками русского военно-морского флота как в трудах посвященных узкоспециализированным вопросам (В. Ю. Грибовский, Р. В. Кондратенко, Г. А. Гребенщикова и др.)[5], так и в монографиях, обобщающих многовековую историю отечественного судостроения, флота и мореплавания[6].

Тем не менее, подчас можно наблюдать полное игнорирование такого ценного мемуарного источника даже при написании биографической работы о И. А. Шестакове. Например, в 2000 году увидела свет книга капитана 1 ранга Л. Н. Михайлова «На вершине флотской власти», в которой были «собраны сведения» о всех высших руководителях «центрального управления» российского ВМФ за трехвековую историю. Сама по себе весьма нужная работа, к сожалению, во многом отступала от архивных материалов, в частности, это коснулось и статьи об адмирале И. А. Шестакове[7]. Автор не мог не знать о существовании «Воспоминаний» и дневников Ивана Алексеевича Шестакова, но не использовал их в своей работе, что привело к предвзятости в оценке деятельности управляющего морским министерством.

Между тем, «Воспоминания», как историографический источник, позволили бы, например, объективно рассмотреть разногласия между И. А. Шестаковым и Н. К. Краббе. Конфликт между двумя сподвижниками великого князя Константина Николаевича закончился устранением И. А. Шестакова на много лет от активной работы в военно-морском флоте. Однако суть его – не только в личной неприязни бывших соратников друг к другу на почве карьеристских устремлений, как это трактовалось многими специалистами и историками и тогда, и после, он объяснялся разными позициями в выработке стратегии строительства броненосного флота в начале 60-х годов XIX века:

«Невыгодное соотношение элементов даже мореходных кораблей, а так же скромные размеры и слабая защита прибрежных броненосцев программы 1864 г. вызвали отрицательную оценку кораблестроительной политики Морского министерства со стороны некоторых офицеров, особенно контр-адмирала И. А. Шестакова. «В течение 30-40 лет этот броненосный флот – отмечал он, будет памятником невежества создавших его». Столь резкая критика тогда не нашла активной поддержки среди большинства флагманов и корабельных инженеров»[8].

---

3 Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. – М.: Наука, 1973; Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. – Издательство Московского университета, 1990.

4 Русские и советские моряки на Средиземном море. – М.: Воениздат, 1976, с.132-134.

5 Грибовский В.Ю. Флот в эпоху Александра III. «Морской сборник», 1995, №№7-9; Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. – СПб: Издательско-торговый дом «ЛеКо», 2006: Кондратенко Р.В. Кораблестроительные программы Российского флота в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века. – В сб.: Гангут. №50/2008, №51/2009; Кондратенко Р.В. Л.П. Семечкин. Судьба теоретика крейсерской войны. – СПб: Издатель М.А. Леонов, 2003; Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853 – 1856 годов. Геополитика и стратегия. – СПб: издатель М.А. Леонов, 2003.

6 Три века Российского флота. В 3-х томах. Том 1. – СПб: Издательство «LOGOS», 1996; История отечественного судостроения. В пяти томах. Т.2. Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. – СПб: Судостроение, 1996.

7 Михайлов Л.Н. На вершине флотской власти. – СПб: 2000, с. 193-199.

8 Три века российского флота. В трех томах. Том первый. – СПб: «LOGOS», 1996., с.229.

Возможно, эта многолетняя изолированность от активной морской практики и есть причина того, что «современники не находили объяснения, почему этот талантливый и незаурядный человек, получив практически неограниченную власть, не смог ею с пользой распорядиться»[9]. Объяснение этому искали в исповедуемом И. А. Шестаковым кредо «Я сам», как утверждал впоследствии адмирал П. Бурачок[10]. А сам Иван Алексеевич с горечью отмечал в своем дневнике, что не на кого опереться. Однако его же записи в дневниках свидетельствуют, что несмотря на его длительное отсутствие во время кругосветного плавания в 1886 году строительство нового броненосного флота в России успешно продолжалось, а флот учился по разработанным им же программам. Так что сетования Шестакова на отсутствие ему поддержки в делах и начинаниях, скорее всего, объясняются исключительной ответственностью и трудоголизмом адмирала. Такого напряжения, с каким работал он, мало кто мог выдержать.

Необходимо отметить, что отношение исследователей к деятельности И. А. Шестакова на посту руководителя Морского министерства не однозначно. «Редко в истории судьбы кораблей были столь ярко персонифицированы, как это получилось при И. А. Шестакове. Став в 1882 г. руководителем Морского министерства, он оказался полновластным хозяином флота и ведомства (великий князь Алексей Александрович в дела флота практически не вмешивался, а доверил вершить их своему управляющему), и от него в решающей степени зависело, как пойдет развитие флота и судостроения, – подчеркивается в «Истории отечественного судостроения», изданной в Санкт-Петербурге к 300-летию российского ВМФ. – При И. А. Шестакове была разработана первая долгосрочная программа строительства отечественного флота и реформирована организационная структура министерства. При его непосредственном участии были заданы проектные условия, спроектированы, построены либо начаты постройкой 7 броненосцев, 5 крейсеров, 13 канонерских лодок, 49 миноносцев и 7 минных крейсеров»[11]. Заметим, «первая долгосрочная» началась через два десятилетия после конфликта из-за «броненосцев». И реализация её подтвердила правоту И. А. Шестакова.

В вышедшей в 2006 году монографии «Морская политика России 80-х годов XIX века», подготовленной с многократным использованием материалов из дневников И. А. Шестакова, находящихся в РГА ВМФ, автор, Р. В. Кондратенко, делает следующий вывод: «...взявшись вывести морское министерство из того тупика, в который оно попало при великом князе Константине Николаевиче и Н. К. Краббе, И. А. Шестаков сам двинулся практически по тому же пути, лишь отчасти модифицировав теорию «двух флотов» и крейсерской войны с Англией». Но при этом далее оговаривается, что данный результат является объективной реальностью, неисправимой даже активными действиями энергичного чиновника: «Попытка же в неотвратимо менявшейся после образования Германской империи международной обстановке, при едва заметно прогрессировавшей экономике обеспечить решение усложнявшихся задач прежними методами не могла привести к успеху. Поэтому к концу 1880-х годов наметившийся ранее разрыв между объективными экономическими возможностями государ-

9 История отечественного судостроения. В пяти томах. Т.2. Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. – СПб: Судостроение, 1996, с.159.
10 Там же, с.160.
11 Там же, с.159.

ства и стремлением правительства проводить активную внешнюю политику, а также между обширными внешнеполитическими задачами и скромными возможностями флота, как инструмента их решения, так и не был преодолен»[12]. Необходимо отметить, что автор этой монографии не стал отходить от выбранной им темы «морской политики» именно России, а не адмирала Шестакова, хотя фактологический материал позволял говорить именно в таком ключе.

Всё это подтверждает то, что, на наш взгляд, подошло время для появления работы именно об Иване Алексеевиче Шестакове, адмирале, государственном деятеле, патриоте России. Необходимо объективно оценить, что смог сделать этот человек лично из того, что ему могли позволить реалии того времени? Что не удалось? Каков итог его жизненного пути? И представленные в этом томе «Дневники» морского министра России адмирала И. А. Шестакова прямо и непосредственно дают такую возможность, и не только незашоренным историкам, но и настоящим любителям истории отечественного военно-морского флота.

***

В заключение несколько замечаний по тексту дневников.

Публикация производится по новой орфографии и пунктуации, однако сохраняются особенности и разнобой в написании некоторых слов, старых грамматических форм и названий, присущих той эпохе и автору. Перевод иностранных слов дан в квадратных скобках.

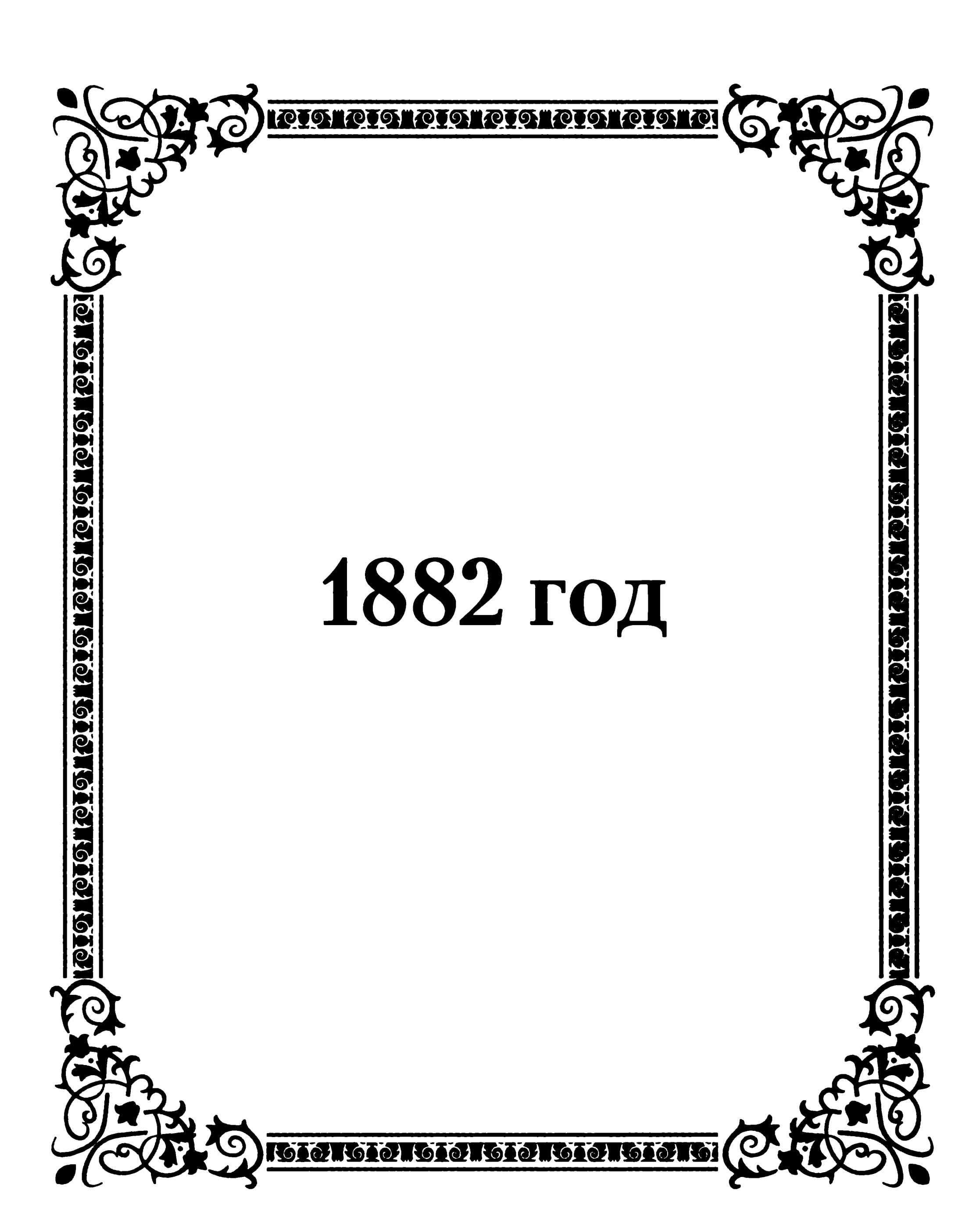
В тексте сделаны сноски-примечания к тем местам в тексте, которые не поддаются разбору, а также на пометки-комментарии, оставленные при просмотре машинописной копии. К последним относятся в первую очередь впечатанные на полях фразы, видимо, оставленные одним из тех, кто знакомился с дневниками адмирала, возможно, великим князем, генерал-адмиралом Алексеем Александровичем.

В отличие от «Воспоминаний» (опубликованных здесь в версии, предложенной И. С. Исаковым в 1949 году), «Дневники» издаются без купюр, оставлены и места, касающиеся сугубо личной жизни И. А. Шестакова.

В «Приложении» помещены некоторые статьи И. А. Шестакова из «Морского сборника», а так же материалы 40-х годов XX века, представляющие особый интерес в связи с публикацией «Воспоминаний» и «Дневников» адмирала И. А. Шестакова.

Юрий Скок

[12] Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов Х1Х века. – СПб: Издательство «ЛеКо», 2006, с.320-321.

1882 год

Начало дневника

Февраль 10 Среда 1882 г.

В сегодняшнем заседании Совета Попов повторил сцену, которую разыграл в бывшей Комиссии. По поводу повреждений на "Генерал-адмирале" начал оправдываться и просил чтобы внесли в журнал la blâme командиру за его неуменье укрепить упавшую трубу. Просто затеял plaidoyer и все время себя оправдывал. Тяжело иметь таких товарищей!

Кронштадтский вестник явился с моими речами. Не знаю какой эфект они произведут en haut lieu.

Вечером поехал на час времени к баронессе Н.С.Вревской. В пусте мелящие женщины и в карты дующиеся мужчины. Рихтер сказал, что Скобелеву, принимавшему в Париже студентов и говорившему им речь, велено по телеграфу возвратиться в Россию. Герой об"явил войну немцам и хочет вывести их из терпения. Подлинно enfant terrible.

Разорвал я совсем с чужбиною. Сегодня прибыло мое имущество из Рима.

II февраля. По приглашению был в соединенных Департаментах гражданских дел и экономии. Застал разбор отчуждаемых под канал мест, принадлежащих наследникам Путилова. Пути сообщения ценят сажень в I I/2 р., а прежние оценщики ценили в десять. Метлин и Новосильской ревели за справедливость, а не за государственную экономию, но были побиты. Утвердили в I I/2 р. и поторопились, чтобы не задерживать работ. Путилов покупал десятину 360 р., а получат наследники по 3000. Конечно, абсолютно потери нет, но ценность путейских, в виду будущей выгоды местности, ничтожна.

1882 ГОД

Февраль 10 Среда

В сегодняшнем заседании Совета Попов повторил сцену, которую разыграл в бывшей Комиссии. По поводу повреждений на «Генерал-адмирале» начал оправдываться и просил, чтобы внесли в журнал *un blâme* [выговор] командиру за его неумение укрепить упавшую трубу. Просто затеял *plaidoyer* [речь в защиту] и все время себя оправдывал. Тяжело иметь таких товарищей!

«Кронштадтский вестник» явился с моими речами. Не знаю, какой эффект они произведут *en haut lieu* [в высших кругах].

Вечером поехал на час времени к баронессе Н. С. Вревской. Пустомелящие женщины и в карты дующиеся мужчины. Рихтер сказал, что Скобелеву, принимавшему в Париже студентов и говорившему им речь, велено по телеграфу возвратиться в Россию. Герой объявил войну немцам и хочет вывести их из терпения. Подлинно *enfant terrible* [несносный ребенок].

Разорвал я совсем с чужбиною. Сегодня прибыло мое имущество из Рима.

11 февраля

По приглашению был в соединенных Департаментах гражданских дел и экономии. Застал разбор отчуждаемых под канал мест, принадлежащих наследникам Путилова. Пути сообщения ценят сажень в 1½ р., а прежние оценщики ценили в десять. Метлин и Новосильский ревели за справедливость, а не государственную экономию, но были добиты. Утвердили в 1½ р. и поторопились, чтобы не задержать работ. Путилов покупал десятину 360 р., а получат наследники по 3600. Конечно, абсолютно потери нет, но ценность путейских, в виду будущей выгоды местности, ничтожна.

У меня было дело по отчуждению земель под маяки. На Черном море все отдавали под маяки землю даром, а теперь по почину Паризо, все требуют платы. Херсонский окружной суд решил снести маяк в имении Паризо, а я телеграфировал на апелляцию, ибо срок кончается 26 февраля; между тем подпишется указ об отчуждении.

При раскупорке вещей моих много ценного разломано. Неужели, Боже, это предзнаменование.

12 февраля

Ездил на тройке на стрельбище (новый морской артиллерийский полигон на Ржевке, – ред.) по некогда знакомой дороге мимо Смольного, Охты и пороховых заводов. Познакомился с местностью и главными деятелями. Стреляли из новой дальнобойной 6-дюймовой пушки разными снарядами. Оказывается, что у нас стальные снаряды – фикция. Присмотрелся к пироксилиновой бомбе. Колпинская 8-дюймовая плита (правою частию) оказалась хороша.

15 февраля

Был с докладом у государя. Его Величество, подписывая дело о предании суду главного доктора Буша, сказал, что такое же дело было с Розеном, постращавшим, что он откроет какие-то гадости и потому просто уволенным в отставку.

Войска начали *promenades militaires* [военные маневры] и все будут направляться в Гатчино. Сегодня прибыл первый отряд. Государь смотрел их. Это следовало начать ранее. Войскам трудно, ибо погода раскислая.

На обратном пути Ванновской говорил о Скобелеве, будто толковали, чтоб лишить его аксельбанта и корпуса; но его просто засадят за канцелярскую работу и к корпусу пока не подпустят, ибо в пылу он, одним словом, направит всех в Герцеговину. Между тем на героя поступают жалобы: всё обещает жениться и не держит слова. Вечером приготовил записку о реформах.

16 февраля

Совет министров ничтожный.

Вечером, до приглашению обедал в зимней кают-кампании Гвардейского экипажа. Веселая и дружная молодежь. После обеда хотел уйти, ибо все сели в карты, но великий князь Алексий велел Головачеву меня догнать и попросить на минуту. Подали братскую чашу – подарок августейшего экс-командира. Великий князь, взявши её в руки, громким голосом, провозгласил мое здоровье. Дружное «ура» полилось в ответ и то же повторилось, когда за мое же здоровье выпил командир Головачев. Сконфуженный, грустный, потому что вспомнил, что некому радоваться моим успехам, я просил дозволения сказать несколько слов, благодарил великого князя за доставленную мне счастливую минуту, вспомнил о моем давнем знакомстве с Гвардейским экипажем, выставил выгоду связи командира с подчиненными и просил Гвардейский экипаж любовно относиться к остальной морской семье. Уехал в слезах, вспоминая Надю, и как бы она радовалась моим успехам.

Был Головин, читал письма великому князю, меня удививши. Философ, мыслитель, прекрасно выражающий свою мысль. Описание заседания, в котором пал Гамбетта, выказывает тонкую наблюдательность. Обед с Тургеневым у в. князя являет юмор и знание человеческого сердца вместе с тактом. *On a fait parles Tourgeneff sans l'exploiter* [мы непринужденно разговаривали с Тургеневым]. Но верх всего – мистериозное значение, которое имеет на в. князя Новый год. *Ce n'est pas un devot, c'est un vrai pieux* [Это не почитание, а настоящее благоговение]. И все это в самом расстроенном организме.

17 февраля

Сегодня, после Совета, Попов пришел с письмом к нему в. князя. Эти уже имеют другой характер. Фамильярная беседа с человеком, который видит удовлетворение только в одной, фривольной стороне – ибо страсть к игрушкам, флотом до-

ставляемым, фривольна. Константин учит Попова, чтобы не ссорился со мною, ибо знает нас обоих за «индейских петухов», опасается, чтобы я не зазнался. Всего более меня удивила бестактность писем, посылаемых по почте. В них он явно сетует на происходящее и говорит, что нас, т. е. его, седых и стариков, думают быть опытнее, «молодые, хотя и лысые». Неумно и нагло. Попов советует мне вступить в переписку с в. князем, *mais je m'en garderi bien* [но я и не подумаю].

18 февраля

Старый приятель И. С. Унковской порадовал внезапным визитом из Москвы. Очень много сочувствует. Читал мои записки. Батюшков давал ему их. *C'est une indiscretion* [Это нескромно], хотя И. С., прочтя их, начал ещё более ценить меня.

Работаю над общим очерком предполагаемых преобразований. Нужно делать скорее в виду получаемых из Германии известий и возможной перемены в английском правительстве.

Никуда не выезжаю, ничего не знаю кроме дела; его бездна и не хватает времени, хотя, Богу слава, силы будто растут.

20 февраля

Получил от Воронцова Д-ва что государю угодно, чтобы все министры присутствовали на коронации. Значит, о ней уже думают.

Доклад у великого князя и после разговор, чтобы довести дело о флоте до конца. Убеждал, чтобы не пускал дело в Государственный Совет, доложил предварительно государю.

21 февраля

Сравнительно свободный день.

Сделал несколько визитов сослуживцам, потом А. П. Озерову. Рассказал мне, как воротившись из Крыма в январе прошлого года, он явился государю. Тот спросил его, «не обедаешь ли с нами». «С нами» – значит в новом семействе. Вероятно, царь увидел что-либо на лице Озерова, тотчас махнул рукой и сказал: «нет, на тебя нечего рассчитывать» – и с тех пор до смерти не видел его.

Ждут Скобелева. Восторженные дуры хотели ехать на станцию с венками – верно, задержали на пути.

Княгиня Багратион и дочь встретили меня, как родного. Много говорили о прошлом, виленском, так для меня тягостном, и о настоящем, так для меня грустном, потому что пользуюсь им один.

Обедал у Гейден. Много дела.

22 февраля

С докладом у государя. Скобелев вчера приехал, был поднят на станции на «ура», но сегодня к государю не являлся. В Гатчино говорили, что его речи стоили нам свыше трех миллионов по падению курса.

В Москве, по словам государя, попался отставной флотский офицер Баланин, замешанный прежде ещё, в корпусе, и вышедший в отставку, потому что его послали, или лучше, сослали в Ревель. Государь заметил, что нужно смотреть за нижними чинами и говорил о Суханове. Я дал некоторые сведения.

Спросил о великом князе Алексие и государь велел произвести 26-го в вице-адмиралы. Затем спросил при государе у Алексия на счет 26-го, а государь отвечал, что нужно приехать в Гатчино, о чем объявится. Алексий, кажется, рассердился за то, что я послал после доклада спросить, когда явиться Чихачеву. Увидим, сегодня я действительно что-то нервен.

23 февраля

Был у великого князя. Сообщил некоторые мысли о задуманных мною преобразованиях. Соглашается, но записки моей ещё не прочел. Хочется сказать чтобы не очень доверялись дядюшке, но и хочется и колется – с одной стороны, боюсь повредить Константину, с другой, опасаюсь, чтобы не подумали, что играю в двойную игру, ибо письма его, конечно, распечатывают и, видя там мое имя, могут подумать, будто я с ним в сношениях.

В Комитете М-в говорили, что речи Скобелева нам стоят 3600000 р. Многие советуют поступать с ним строго; я же думаю, что нужно беречь таланты, пригодится, а потому следует действовать осторожно. Побьем больно, чудь иностранная подумает, что мы испугались её *recriminations* [встречных обвинений (англ.)], а свои поднимутся за популярного героя и не только за героя, а за его мысли, которые, даже в порицающих Скобелева, как я напр., находят известный уголок. Говорили об этом с В. П. Титовым и касались Игнатьева. Экс-дипломат думает, что за Скобелевым смотрит Игнатьева.

24 февраля

Старческий (т.е. Адмиралтейств) Совет. Передали мне, что в публике толкуют, будто мой выбор есть лучшее назначение царствования; а я приготовил мое завещание и отдаюсь совершенно душою и сердцем моей хранительнице Наде. Не оставляй меня до гроба, друг мой. Просил тебя молить, чтобы я умер в труде. Кажется, ты услышала просьбу мою, а Бог всемогущий твою молитву. Послал сегодня деньги на могилу твою.

Унковской читал мои записки, находит их интересными и читал выдержки умной старушке Мухановой. Дал ему право дочитать и шестой том.

25 февраля

Был у великого князя с приказом о производстве его в вице-адмиралы. «Ему все равно», – сказал мне государь, когда я докладывал о надобности произвести. «Нужно чтобы этого не знали другие, – отвечал я, – могут быть кривые толки, что так долго не производят великого князя». Работал весь день, как вол. Вечером сошлись обедать с Унковским и Лисянским у Сергия Оболенского. Что-то все говорят обо мне в газетах.

26 февраля

Ездил в Гатчино по случаю дня рождения государя. Экипажей на станции было много, но были дамы, следовательно, нельзя было сохранить порядка. Прождал возвращения возниц и прибыл как раз к церемонии. Прошел в церковь; очень понравилась и дивно пели. Наша царская семья просто молодцы; но царь над всеми – пышет здоровьем, дюж, в плечах верста – настоящий богатырь. Кабы он мог показываться народу, просто произвел бы восторг. После обедни сели за завтрак. Дяди и Лейхтенбергские составили почему-то особый стол. Я был между Путятиным и граф. Воронцовой Д-й. Скобелев, почищенный против шерсти тоже был. Он обезоружил Ванновского, которому поручено было вздуть его сознанием в вине. Стариков, знакомых моих, уже мало. Должен сознаться, что милости ко мне царя, царицы и всех князей возбудили во мне насмешку над присутствовавшими врагами моими – Шуваловым, Тимашевым и др. Человек я, как и все.

Игнатьев говорил, что царь велел разобрать ему, Набокову и мне дело о Суханове – не хочется начинать царствование казнями.

28 февраля

Крещение в. кн. Елены Владимировны. Ездил в Царское. Коллеги, в особенности Сольской, нашли, что я написал много против завладения частию адмиралтейства для архива государства. Я возражал, что в Совете есть охотники до литературы. Говорят, защищая государственных преступников, Александров сказал, что они не были бы на скамье подсудимых, если бы были в числе высоких казнокрадов, которые привели их в негодование и озлобление против правительства.

В церкви простояли на ногах 2½ часа. Служил старый знакомый – Макарий. Устарел. Крестил Бажанов, уже дряхлый до опасности. Восприемниками были царь и Екатерина Михайловна. Стоял, как перст, Швейниц. Познакомился со Скобелевым – неприятное произвел на меня впечатление. Воротились в три часа.

Предвижу, что не полажу с Григ. Бутаковым (см. приложение). Самовластен, как Попов. Врывается в общий бюджет. По упрямству не хочет подписывать контракта.

Уморительная статья в *«Gaulois»* на счет меня и Краббе. *Si non e vero e ben trovato.* [Если это не правда, то хорошо придумано].

1 марта

Панихида по усопшем государе. Молился с Надею. Будем молить Бога, друг мой, чтобы эта торжественная молитва была последнею в бедном отечестве нашем; чтобы он положил конец нашим смутам и страданиям. Храм был полон. Священнодействовал Макарий. Хлопот бездна, а тут ещё Григорий Бутаков с своим упрямством и маскированною злобою не только на Константина, но и на меня грешного, что не ему досталось Министерство. Кажется, я ясно вижу в этом случае, хотя ты, Надя, здесь иначе смотрела на моего старого товарища. Наставь меня.

2 марта

Все в соборе. Даже великие князья – братья не в Гатчине. Проповедник сказал политическую проповедь, в которой, между прочим, голо выставил мнение нигилистов и упомянул, что строй государственный, как всё человеческое, подлежит изменению, но – прибавил – свыше и привел многочисленные примеры, что цари наши производили *di proprio motto* [собственноручно (итал.)] нужные перемены.

3 марта

Говорил с Алексием о многом и, между тем, просил его развести меня с Бутаковым, разумеется, удалив его самым почетным образом в Государственный Совет. Обещал поговорить с царем. Надя, не оставь меня немощного, но желающего пользы.

Непременно хочу уничтожить здесь Главное командирство. Лишняя инстанция и мне лишнее препятствие.

4 марта

Рассказывали, будто когда государь принимал Валуева после Уфимской комиссии, тот представил документы, доказывавшие, что он часто исполнял веления государя, императрицы и, наконец цесаревича и царевны – *Tableau!* [Картина!]

5 марта

Знаменательный для меня день. По воле государя, с Гр. Игнатьевым и м. юстиции Набоковым рассуждали, кого казнить и следует ли казнить. Набоков *posait* [важничал] и как только заходила речь о градации преступности; поднимал нос, расширял ноздри и всходил, так сказать, на трибуну. Игнатьев, *en homme aux expedients gu'il est,* [человек миролюбивый, который] предложил всех помиловать, а о двух виновнейших объявить, что будет повещено о дне казни, затем протянуть до коронации и простить. Набоков настаивал, вследствие моего настояния о казни Суханова, чтобы приобщить к ним Исаева и Михайлова, как опасных виновных, говоря в то же время, что правительство сильное не должно выказывать страха. Я стоял за казнь Суханова, а в отношении к остальным – бескровие, и когда мне сказали, что опасные

могут, оставаясь живши, быть опасными, возразил – значит, мы казним их или, противореча себе, что правительство сильно, или за свою вину, что не умеем держать преступников. И пример был на лицо: третьего дня в крепости убедились, что Нечаев с братию ведут корреспонденцию через приставленных к ним солдат – сторожей. Игнатьев выставил свою неустрашимость, потолковали о белом терроре, который я назвал заговором шалунов (могут ли наши *aristokrates* [аристократы] организовать что-либо путное), о трусости в.к.М., о подвигах Тотлебено-Панютинских в Одессе (где без форм переказнили многих), о том, что уже повешено 28 в стране, так недавно гордившейся, что в ней не было казней, и пришли к следующему заключению: Игнатьев доложит завтра государю, что Суханова нужно казнить, а о двух – сомнительных, я уверен, сомнительных помилует.

6 марта

Длинный разговор с в.к. Алексием об участи казни обреченных. Всё тот же вой, будто снисхождение примут за трусость. Я убеждал в противном, уговаривая повлиять на государя с точки зрения благости, и, наконец, сказал ему: «по какому же праву вы требуете от повелителя России, и без того в настоящем положении горького, чтобы он был палачем?».

Не знаю, чем кончится доклад Игнатьева. Может быть, в понедельник увижу последствия моих мнений, весьма откровенно и резко высказанных.

7 марта

Был Игнатьев. По его словам государь, узнавши о нашем решении на счет Суханова, сказал: тогда не повесить втихомолку в крепости, а казнить перед фронтом. Совершенно справедливо. Игнатьев *joue double jeu* [ведет двойную игру] – мне казнь, а помилование остальных, мною же *avancee* [предложенное] приписывается, конечно, себе. Боже, храни царя. Надя, молись за него.

В деле Балтийского завода начинаю видеть ясно и, кажется, прозрю. Работал над ним шесть часов и убедился, что докладчик мой не чист, как невская вода.

8 марта

Доклад и потом смотр, на котором я участвовал, потому что был морской корпус. На докладе государь выразил согласие разделаться с яхтою во что бы то ни стало, даже когда я сказал, что в Севастополе нужна тюрьма, то и на это употребление выразил готовность отдать Ливадию.

На смотру государь очень мило обращался ко мне с разными вопросами, а когда все собрались к завтраку, издали обратился ко мне и приказал сесть возле себя. За завтраком он объявил мне, что согласен назначить Гр. Бутакова в Госуд. Совет. Надя! Ты, из числа товарищей моих, ценила Бутакова, и вот твой Ваня делает его (ибо я просил о том) членом высшего учреждения в Империи; твой Ваня, который

четыре месяца назад (непрестанно, впрочем, помня твою дорогую память), был ничем, бедным, бездольным горемыкою, утешавшимся только воспоминаниями. За что такая твоя милость мне, недостойному?

Государь был очень мил и выразил желание, чтобы будущая яхта была винтовая с рангоутом. Нужно зарубить и сделать её с двойною целью – яхтою-авизо.

Боже милостивый! Благодарю тебя.

9 марта

Поехал в Кронштадт и по прекрасной дороге проехал до льду, хотя видел, что пароход Бритнева уже пробивал канал. Представились начальники частей. Осмотрел артиллерийский кадр – нехорош воздух. Женатые помещены хорошо и хозяйства имеют зажиточный вид. Комендоры бойко читают и пишут, а унтер-офицеры (т.е. готовящиеся в них) решают проблемы. Даром упражняют у отживших уже аппаратов. Куприянов на все жалуется.

Госпиталь по простору чудо. Говорят, пропитан миазмами. Строят бараки для очищения его. Хирургическая часть в исправности; *W-C (ватерклозеты, – ред.)* хороши. Кухни в исправности. Психиатрическое заведение с биллиардом. Доктора, разумеется, были на местах. 3-й порции не показали. Матросов менее кого-либо. Дифтерит и скарлатина отделены и теперь слабее. Простор большой. Воздух сносен весьма, потому что искусственно очищается. Фельдшарская школа при госпитале. Три класса 147 человек, а комплект 150; здесь уже из окрестных сел и мало из матросов. Нужно пробить окна на море, переслать полы и устроить *W-C*. Тюрьма весьма сносна. *Des marees d'eau dans tout ce voisinage* [И куда ни глянь – море].

4-й Экипаж. Не красна изба, но порядок. Здесь же школа машинистов и кочегаров, но их не видел. Пища прекрасная и достаточно; хлеба свежего не дают, валовых всего 100 человек из всех экипажей (все противно тому, что сказал Перелешин), офицеров бездна. Прачешная и кухня (исключая сырых) в хорошем состоянии. Новобранцы не дурны, но мелки. Женатые размещены хуже Куприяновских, но удобно – стыда мало. *W-C,* очищаемые жаром, не пахнут. Лекция Тверитинова об электричестве. Нехорошо говорит, но ясно, и иллюстрирует опытами. Очень много собралось.

10 марта

Очень рабочий дань. В ½8 утра пошел в 7-й экипаж. Дисциплина есть, наряды невелики. Кухни неопрятны. Специалисты готовы были идти в классы и хорошо одетые. Метода одевать для классов мне нравится. Женатые пристойно размещены. В одном 7-м экипаже отхожие места нехороши; велел переделать, и главный командир нашел урезки.

Осмотрел обсерваторию – шлюпочный компас Колонга. Уничтожение девиации в компасной обсерватории. Гидрографической части велел отвести смежную

квартиру. В техническом училище бодрый веселый вид, прекрасный обед, чистые дортуары и классы удобные. Большой порядок. Достигнув 4 класса, ученики переходят без экзамена в военные гимназии, которые не принимают каждого, а в училище может поступить сын мужика.

Почти весь день посвятил минному делу. Классы практические со всеми приспособлениями к делу. Задачи химические – очищение пироксилина горячим спиртом или замораживанием. Прекрасно, безбоязненно и не в долбежку отвечают ученики. Офицеры, обязательные и необязательные, занимаются делом, и ведется список явкам и неявкам, В 7-м экипаже минный кадр с приготовительной школой и электрическою школою. Артиллерийский склад. Нет сарая для 40 тыс. снарядов, но по смете должен строиться. Арсенал, минный склад. Новая парусная с магазинами для парусов; шлюпочная (катер царя); шлюпочные сараи скверны. Мостовые в Новом адмиралтействе несносны. Константиновский док – горящая водокачальная машина, или лучше дрожащая. Мины. Склад минных материалов. Манеж с минными упражнениями. Вообще, утешительно смотреть на минную часть, но она важничает и расползается всюду.

В 9 ч. утра принимал командиров и старших офицеров и доказал им, что знаю их *deeds* [дела (англ.)]. Вечером смотрел чертежи гавани и её исправлений; фундамент нового 150-тонного крана. Право, Кронштадт лучше, нежели я ожидал.

Батюшков приехал в Петербург и хотел остановиться у меня, а я как раз уехал. Вечером на лекции лейт. Берхмана о миноносках. Лучше занимался бы делом.

11 марта

Офицерский артиллерийский класс, устроенный по поводу гальванической стрельбы Давыдова (entre nous soit dit [между нами говоря] весьма непрактичной), разросся в дельный артиллерийский класс. Кротков не имеет, очевидно, того авторитета, что Верховский, но и у артиллеристов тоже научно-практические приемы. В школах машинистов и кочегаров, рулевых и сигнальщиков тот же полезный метод, только в последней заметил, что не учат вписывать в журнал все элементы, что рулевым необходимо. У школы машинистов, в прежней кухне устроена практическая школа с забракованными вещами и целыми машинами. В 1-м экипаже, Крузенштерна, нашел большой порядок. Новобранцы просто удивили меня: не то, что прежние горюны – веселые, никого не пугающиеся и через месяц уже годные к фрунту, а меня, развитого мальчишку, били целый год, пока я стал не увальнем. В гальванопластическом заведении начальник Мордвинов – большой охотник: цинкует, серебрит, золотит и никелирует.

Серков вял. Пароходный завод – лев сгоняет комаров; все шлюпочные машинки. Многое несовременно, но вообще богато снабжен. И при завода школа, в Кронштадте учатся везде – сегодня был на лекции Борескова о подводной лодке, выработанной на счет добровольного флота.

Отдал минному классу мою вакансию на заграничное плавание, и, получивши от Круппа приглашение послать в Меппен на опыты с новыми орудиями, велел одного послать из артиллерийского класса.

12 марта

Утром, посетивши *school for show* [демонстрационный класс (англ.)] при мачтовом мастерстве, переехал по плавающему льду на пожарном баркасе в Ораниенбаум. На пути ужасался разрушению стенки гавани. Начальник спасательной станции хвастал, что третьего дня спас погибавшего.

На пути много болтал с Родионовым, бывшим флаг-офицером Лесовского.

Дома застал Батюшкова, совершенно у меня установившегося.

Вечером Бутаков вырвал у меня признание о его назначении и просил о сохранении жалованья.

13 марта

Преинтересное заседание в соединенных Департаментах Государственного Совета. Дело шло о регулировании работ на фабриках. Было много экспертов. Сан-Галли, московские – Морозов, Алексеев, Дмитриев, Кайданов. Меня порадовали их логичность, уменье говорить и непринужденность.

Гр. Баранов гнал вопросы, но не менее того много было высказано подробностей.

Работал как каторжный, а плодов мало.

15 марта

Доклад. Государь говорил о приговоренных и в особенности о Суханове. Из разговора его я не пришел к заключению, чтобы он решил расстрелять Суханова; он даже выразил мне, будто мы не согласились на счет его участи. Игнатьев сказал, что государь имел идею расстрелять его в Кронштадте, и я этой идее поддался, даже выразил мое мнение сегодня государю и, возвратясь, велел справиться в военном ведомстве об обрядности. Я, впрочем, решился сказать царю: «Не знаю, что Вам доложили, а мне кажется, мы пришли к заключению». Игнатьеву положительно верить нельзя.

Обедал у Нарышкина с великими князьями Сергием и Павлом. Встретил А. П. Давыдова. Вечером опять у Игнатьева, где решили Суханова расстрелять. Ванновский заметил, что это будет поворотом, ибо Дубровина повесили.

16 марта

Утром обер-полицмейстер Козлов приехал от Игнатьева и просил дать ему записку, что я не стою за расстреляние Суханова. Умолял меня, чтобы я отошел бы от своего намерения и представил много веских причин. Я отошел от идеи, послал записку и вслед затем от Набокова прибыл прокурор на счет соблюдения формаль-

ностей с Сенатом. Я поехал к Набокову, у которого завтра доклад, рассказал ему, в чем дело, и просил (не надеясь на Игнатьева), чтобы он безбоязненно выставил мою изменчивость государю, но положительно передал бы ему мою просьбу изменить расстреляние (от чего завоет весь флот) келейным законным вешанием.

Присутствовал вечером на морской игре – очень интересно.

17 марта

С нетерпением ждал возвращения Набокова из Гатчино. Он вызвал меня из Адмиралтейств-Совета и объявил, что государь упорно держался расстреляния Суханова в Кронштадте перед строем и опирался на то, что я находил Суханова более виновным, нежели всех других, и склонялся на расстреляние. Твердость в раз принятом намерении. Хвала ему.

Тотчас потребовал из Кронштадта коменданта и начальника Штаба, велел написать Главному командиру приказ об исполнении указа, который и переслал ему. Очень волновался и во сне видел приготовления к казни Суханова. Назначен новый министр народного просвещения Делянов, вместо нерусского барона Николаи.

И сегодня вечером Баранов исповедовался мне и кончил тем, что я ожидал – попросился во флот пока в случае если заговорят о войне. Что он наделал глупостей, взбешенный противниками, с тем согласен; но когда он спросил меня о впечатлении, произведенном на меня его рассказами, я отвечал ему: один из редких счастливцев, попавших по обстоятельствам или по собственной воле *entre l'enclume et le marteau* [между молотом и наковальней] (между Константином и Наследником) и вышедший не раздавленным. «Полно, не раздавлен ли я», – отвечал Баранов.

18 марта

Утром рано явились вытребованные адмиралы, и я передал им подробности, чтобы не вышло чего-либо, *que rien ne cloche* [чтобы нигде не споткнуться].

Преступника завтра в 6 ч. утра повезут на особой поезде, примут в Ораниенбауме на пароход и по прибытии в Кронштадт направят прямо на место казни за цитадельскими воротами. Да простит его Бог всемогущий; людям не приходится прощать его.

Всё же у нас безалаберщина. Оказывается, что в прошлом ещё годе некоторые офицеры, пыла ради, просили Алексия Александровича казнить Суханова в Кронштадте и конечно это запало у державного в памяти, хотя он и сказал Алексею: «Это не их дело».

Был у меня Игнатьев – все извертывается.

19 марта

Утром получил депешу, что в 8 ч. 45 м. совершилось над Сухановым человеческое правосудие.

Был с докладом у великого князя, который, пожелал знать о впечатлении, произведенном в Кронштадте. В 5 часов приехал адъютант Веселаго. Все шло, как я приказал, и, по-видимому, в порядке, без ошибок, которые повели бы к сценам, заставляющим обыкновенно жалеть о несчастном. Суханов вел себя с достоинством, молчал, поцеловал с чувством крест, помог надеть на себя саван и умер спокойно. Смерть была мгновенна. «Мертвые сраму не имут». Командовал Крузенштерн, присутствовали Стромилов и Хоменко.

Неймется, однако, злодеям. Вчера убили среди дня на Одесском бульваре генерала Стрельникова, присланного исследовать политическое преступление.

20 марта

Интересное заседание Государственного Совета (соединено Департаментов Законов и Государственной экономии) о труде малолетних. Шувалов и я настаивали, чтобы до 12-ти лет вовсе не употреблять в работу, а до 15-ти – в ночную работу. На счет первого все согласились, исключая Грота, который повернул назад, и, сначала согласившись, воспротивился. На счет второго все пугали, что нужно идти постепенно и приводили пример Англии, шедшей к тому с 1805 года. Я утверждал, что в вопросе о жизненности населения нужно смело пользоваться уроками других.

Великий князь Михаил присутствовал и меня спросил о Бутакове и о причинах, заставивших расстрелять Суханова, а не повесить. Я отвечал – чтобы яснее показать, что государь помиловал политических преступников, но не мог помиловать изменника знамени.

Говорят, будто в Кронштадте пришло накануне вечером, когда танцевали в клубе, известии о решении участи Суханова, и будто всех офицеров заставят присутствовать, и что многие уехали в Петербург.

Вечером Попов упрашивал о Кази и читал письмо Константина. Чего он от меня хочет? Чтобы я, *pour des beaux yeux* [за красивые глазки], навлек на себя гнев государя? За что я буду жертвовать собою и отделяться от воззрений царя, мне симпатичных, следуя воззрениям генерал-адмирала, совершенно мне противным.

22 марта

Доклад в Гатчине. По дороге Островский рассказывал о смене барона Николаи. Начать с того, что его рекомендовал государю Победоносцев. Николаи ни на что не решался. В Харьковском университете студенты просто осадили попечителя, так что он вооружился револьвером и вооружил людей своих, государь уж замечал барону о его упущениях и нить оборвалась на истории проф. Любимова (опять, однако, Моск. Ведом.). По высочайшему повелению Любимов был назначен на лишние 5 лет профессором. Коллеги, возненавидевшие его за участие в Комиссии Далянова, объезжавшей университетские центры с целью изменения устава 63-го года, приняли это продолжение *a' contre coeur* [поперек сердца (души)]. Николаи доложил государю, что

высочайшее повеление ограничивалось на 5 только лет, а не было бессрочно, и вместе написал конфиденциально попечителю не возбуждать вопроса о Любимове, если конференция поймет высочайшее повеление бессрочным, в противном случае предоставить Любимову баллотироваться. Конференция тотчас же обнаружилась и Любимов, через Победоносцева же, жаловался, что поставлен в безвыходное положение. Государь сказал Николаи, что не может согласиться на такое решение, и Николаи попросился вон. Государь предложил ему обменяться с Деляновым, но тот не согласился. Для чего Победоносцев во все мешается. Я ему писал, что командиры добровольного флота, приходя даже с казенными грузами, не являются к командирам портов, а он, соглашаясь, требует, чтобы военные командиры являлись к добровольным, если те старше. Ответ мой был довольно резок. Я написал, что ничего подобного нигде никто не слыхал, и кончил тем, что «если его пароходы удостоятся чести поднять военный флаг, само собою его командиры будут чествуемы как военные».

Пожалуй, наживу себе врага, а сплетничать теперь – ух, как все горазды. Лишь только явился я к Алексию, он предуведомил меня, что императрица удивилась, что я противился казни Суханова, хотя я сам настаивал у государя, чтобы его не миловали. После доклада государь начал говорить по-христиански о казни Суханова. Я попросил дозволения выставить ему факты и рассказал все, как записано о наших совещаниях у Игнатьева и о визите Козлова 16 числа. Государь высказал мне, что посмотрел на все, как на сплетню, и ни минуты не верил. Оказалось, что государь, вопреки словам Игнатьева, вовсе не предложил расстреляние, что он остановился на нем вследствие разговора со мною только, что было после доклада Игнатьева. Вот по истине *«un coeur l'eger»* [легкое сердце].

Осматривал 8½ часа гидрографические работы.

23марта

Осмотр геодезических работ. Великий князь прибыл из Гатчино и сконфузился, увидя собравшихся адмиралов. Довольно долго не думал о завтраке и, видимо, хотел узнать, что будем представлять государю.

Вечером, в 8 ч. зашел в Адмиралтейство и застал всё в порядке.

24 марта

Утром получил письмо от Асланбегова, с документами гр. Бомона, вызывающегося на серьёзные открытия на счет нигилистов. Прощелыга, но посылает численность посвященных в нигилизм и имена вожаков. Я послал Казнакова в Гатчино к великому князю Алексию. Тот прочел мою записку, сказал, что документов ему читать некогда, и пришлет ответ вечером, но не прислал.

Был у меня генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин, заручился моею помощью на предстоящем об Уссурийском крае совещании и высказал, что в Министерстве военном страшное неведение и апатия.

25 марта

Праздник после двух с половиною месяцев. В первый раз прошелся по Невскому – и то по делу. Зашел к приятелю Лесовскому, и там застал Попова, Его гость привез из клуба известие, что там меня прочат в министры внутрен. дел. Это мне говорили уже и прежде. Да минет меня чаша сия.

В «Руси» опять мне похвальба. Что это вздумалось Аксакову так поздно – да ещё называет меня генерал-адъютантом.

26 марта

Убийцы генерала Стрельникова повешены в Одессе. Уверяют, будто государь телеграфировал «казнить без отговорок». Жалею, если это правда. Лучше было бы оставить дело на решение Гурко.

28 марта

По приглашению разговлялся у в.к. Александры Иосифовны. В Гатчино были только братья государя. Утомительный день. Был у в.к. Михаила, где застал нового члена Государственного Совета Бутакова, дебатирующим о содержании. Там же встретил в.к. Николая.

В городе коробит назначение кн. Елены Кочубей гофмейстериной высочайшего двора. Говорят также о неразумном повелении рассчитать рабочих Николаевской дороги, данном чрез Черевина. Нет советников у нашего расположенного ко благу царя. Князь Горчаков, наконец, уволен от должности. Гирс утвержден министром иностранных дел.

29 марта

Делал визиты, увы, забывши о моей Наде. Игнатьева застал больным глазами. Вечером пришел кн. Дмитрий Друцкой и говорил, что в Пензе вовсе не думают о наших Петербургских дрязгах. Дай то Бог.

30 марта

Бутаков уверяет, что уничтожение Главного командирства всех поразило сюрпризом. Кажется, я этого не скрывал; да и что же задумываться в уничтожении бесполезного. Он уже начинает смотреть государственным павлином. Обещает свое покровительство.

Был у меня румынский министр Крецулэско, думал, что увидит мою хорошенькую племянницу, которую заметил в Исаакиевском соборе. Он знал, что я хотел быть там, и принял Лисянского, жалеронировавшего *Juliett* [Джульетту] за меня. Войдя, он удивился, увидев совершенно иное лицо – *tableau!* [картина!]

Был у великого князя, вставшего очень поздно. Странный. Соглашается на все, а как речь зайдет о Гвардейском экипажа, вспоминаем товарищей. Мне предстоит,

если не уничтожить Гвардейский экипаж, то умалить его до роты; только чтоб были на царских яхтах.

31 марта

С удовольствием виделся со старым знакомым Московским митрополитом Макарием. Готовится на трудный подвиг коронования, а в города ходят *des bruits sinistres* [зловещие слухи]. Был внезапно в Адмиралтействе, тюрьме и 8-м экипаже. Не ожидал застать все в порядка при неожиданном посещении, а вышло иначе.

1 апреля – Четверг

Мне сегодня 62 года.

2 апреля

Заседание в соединенных Д-х Государственного Совета. Все то же дело о работе малолетних. Говорили об инспекторах и кому подчинить их. Отвергали главн. инспектора, а кончили тем, что приняли его. Я настаивал на подчинении местных инспекторов губернаторам, указывая на важность сношений с фабричными массами, но у нас всё ещё мания разоблачать губернаторов и приводить их власть и значение к нулю.

3 апреля

Вечером, после многократных обещаний был у А. К. Пиллар. Претендуют, что великий князь Алексий совсем покинул хорошее общество. Уже сплетничают, будто я с ним не лажу по поводу его пристрастия к Гвардейскому экипажу.

Говорят, будто Игнатьева заменит Лобанов. Поздравлял сегодня Гирса с эмансипацией.

4 апреля

Свадьба Бойе в Константиновском дворце. Великая княгиня была по обычаю мила и все ещё хороша. Выходит всегда с сыном Дмитрием, её единственною опорою. Нужно иметь большую власть над собою, чтобы в её положении носить личину любезности.

5 апреля

День доклада. Пустой, и потому государь относился безучастно. После смотрел гидрографические работы. Остался доволен; всё время в галереях страшно дуло.

6 апреля

В Комитете министров слушали программу Коханова о занятиях Комиссии для реформы общего губернского управления. Одобрили.

Приехал внезапно в Морской корпус. Шел экзамен. Меня удивило, как экзаменатор наводил на ответы. Меня водили за нос; показывали, что хотели и лгали. *Je me laissai faire* [Я позволял это делать], но Епанчина нужно заменить.

7 апреля

Обедал у в.к. Сергия и Павла с Гирсом, Давыдовым, Мальцевым. Гирс эмансипировался и не совсем лестно отзывался о своем патроне Горчакове. Наши богачи – скряги *faisaient les frais de la conversation* [поддержали разговор].

8 апреля

Был у меня Государственный секретарь Перетц. Совет обиделся редакциею указа об уничтожении Главного командирства. Действительно, мы выразились *cavalierement* [бесцеремонно], представя Совету редакцию по исполнению указа тех статей, которые с ним не согласны. Дал слово, что сам повинюсь перед государем.

Обедал у Екатерины Михайловны. Вялый разговор – вовсе не то, что было у матери. Сегодня в Государственном Совете положили конец подушной подати. Галаган этим хвастался, а я сказал: кораблей не будет.

9 апреля

Обедал у приятеля Лесовского. Стюрлер предложил быть членом Английского клуба. Государь прибавил мне 4 т. рублей содержания. С этим кое-как можно будет жить.

10 апреля

Интересное заседание в соединенных Д-х по питейному вопросу. Присутствовал великий князь Михаил Николаевич. Эксперты – Ваганов, Самарин и Никитин. Самарина гр. Баранов остановил, потому что он начал переходить от кабака к земской думе. По уходе экспертов Галаган защищал земцев. Дело в определении нормы кабаков, в наблюдении за ними и в таксе на вино. Между земцами две партии. С своей стороны министр финансов отвергает норму, земский надзор за важнейшим доходом правительства и таксу. Министерская комиссия также не согласна в воззрениях. Решили в будущее заседание пройти новое положение с земцами по пунктам (после, впрочем, долгого дебата).

Видимо, земцев трактуют осторожнее, нежели промышленников.

После заседания сделал *mea supa* [признание своей вины (лат.)] перед в. к. Михаилом, который не заметил бы промахов редакции, если бы не подстрекнул его Перетц.

11 апреля

Утром работал с великим князем. Убеждал представить государю проект увеличения морских сил.

Вечером, до зову, был у граф. Комаровской. Гр. Левашева, *un femme gui met son nez partout* [женщина, сующая свой нос повсюду], непременно хотела со мною познакомиться. Затеялась болтовня, истинно женская. Подошли брат Комаровской – генерал армии и муж Левашевой. *On me croyait un oracle* [верили мне как оракулу] и смотрели на меня, как на совершенное диво.

Заехал к Игнатьевым и застал княгиню, которая просила меня любить её Николая – верно действительно шаток.

12 апреля

Поблагодарил государя за прибавку содержания и повинился, что представил дело об уничтожении Петербургского порта прямо в Совет. Был доложен проект об увеличении флота. Государь нашел, что это было бы весьма желательно, но велел переговорить прежде с Бунге. Небольшая надежда, если царь не хочет сказать решительное слово.

13 апреля

В комитете министров рассматривалось дело о Домброво-Ивангородской дороге, поднятое Альбединским в угоду польским магнатам, верноподданным Вельпольским *en tête* [во главе]. По обыкновению действовали на благодушие покойного государя, а от него дело перешло к горевавшему ещё сыну, и устав утвержден в июле прошлого года. Теперь понадобились изменения в уставе и все министры, по очереди, сознались в своей немощности, слабости, говорят, не хватило духу тогда идти напротив, а теперь все желали бы уничтожения контрактов донельзя; уже дано обещание, разрешены работы и заграницею составили капитал. Таким образом, зная, что дело вредно, дали 26 млн., да ещё дадут два-три, вследствие замечания Военного министерства, что если сделают дорогу, то понадобиться воздвигнуть крепости для защиты её. Увидим, дадут ли на флот, так легко давали на ляхов. В.к. Константин просит перехода в Одессу к 10 мая и указывает, хотя знает, что тщетно, на Ливадию.

14 апреля

Вечером заглянул на бал П. А. Кочубея и попросил Нарышкина спросить Воронцова объяснить, чего он хочет от меня по Московской иллюминации.

Был в Кронштадте и в Петергофе. В первом разрушение гавани и весьма медленная (распределенная на 8 лет) починка её. Взглянул на суда, готовящиеся к кампании и остающиеся в запасе. Не утешительно. А здесь ещё расходы – дело по столкновению «Кремля» с купцом и решение третейского суда по делу «Петра Великого» – 3000 фунтов нам приплатить. Это последствия доверия Константина Николаевича.

15 апреля

В соединенных департаментах по параграфам рассматривали питейный новый устав. Сведущие люди делали почти на каждый параграф замечания. Хвостов гово-

рил особенно a point [точно, по существу]. Самарин ограничивался общими фразами. Слушали внимательно; Бунге s'executait de bonne gràce [охотно согласился] в особенности, когда дело шло о корректуре. По окончании мы, следуя примеру гр. Баранова (и в. к. Михаила тоже) встали. Председатель благодарил экспертов за внесенный совет, а Бунге в довольно длинной речи высказал, сколько ошибок будет им исправлено вследствие советов экспертов. *Ceux-ci on ete charmes* [Они были очарованы] и, кажется, уверены, что подвинули земство к участию в правлении. Увидим, что выйдет.

Вечером зашел к игуменье гр. А. Блудовой, которая уверяла, будто сведущие люди хотят споить Россию и доставить земству доход, который до сих пор имели целовальники. *C`est ainsi qu`on fait l`histoire* [Вот так и рождаются сплетни].

16 апреля

Заседание у военного министра по Уссурийскому вопросу. *C`est un pouvre sir que notre ministre de la querre* [это ничтожество, наш военный министр]. Решили, чтобы в оборону Владивостока вошла северная только часть Русского острова. Пожалуй, если топография острова тому не препятствует. Важно, чтобы бухта Новик ни в каком случае не досталась неприятелю и чтобы последний не мог занять такой пункт острова, с которого легко было бы бомбардировать Владивосток поверх наших укреплений.

Обедал у Нарышкиных. После обеда Тимашев читал выдержки из записки Киселева, напечатанные. Характер Николая во всем его величии, когда падает *Louis Philippe* [Луи Филипп], некогда прельстивший его, как юношу, семейною своею жизнью в *Neuilly* [Невилли]. Хорош также рассказ, как на первом Варшавском сейме убеждали Николая купить большинство наградами и обещаниями. Честный дикарь *a bancé des coups de pied de tous les ćotés* [разогнал советчиков пинками].

17 апреля

Панихида по убиенном царе и в сердце моем по моей Наде. Их дни рождения сошлись. Помолился. В соединенных Д-х питейный вопрос – мелочный, преисполненный дрязг и во всяком случае несвоевременный. Потерпел бы легко, если бы отложили. Грот, как некогда главный спаитель народа, говорил более всех. Галаган – *ci devant* [прежде] сведущий человек – защищал проект коллег по параграфам, и Игнатьев приветливо улыбался ему. Б. Мансуров, желающий, чтобы его присутствия не забывали, говорит обо всем и всегда старается согласить, но, между тем, растягивая и оттягивая решения, всем, видимо, надоедает. Когда все лягут костьми, является диктаторияльный голос Сольского, как оживляющее средство. Баранов в отчаянии, что вопрос никогда не кончится, пободряет и взглянет с улыбкою на спасителя Сольского. Сидели люди с часа до 6-ти и ничего путного не высидели; а время идет и пропадает.

18 апреля

Рано утром поразили известием о внезапной смерти И. И. Бутакова. Был с докладом у в.к. Алексия, которому тотчас же передал печальное известие. Хорошо, что есть уравнитель, решитель всех мирских треволнений. Вчера ещё вместе молились об усопшем царе, а сегодня один из них – прах. Поехал к вдове, твердой, удивившей меня спокойствием.

Обедал у А. К. Пиллар. Толковали о злобах дня. Алекс. Толстой *faisait le fies diplomate* [строил из себя высокомерного дипломата]. Гирс скоро оставил собрание – имел совещание с Игнатьевым.

19 апреля

Сегодня государь высказал большое сожаление о внезапной смерти И. И. Бутакова. Я рассказал ему подробности, слышанная от вдовы. Перейдя к делу, решил по предложению моему, чтобы Бутакова заменил Кремер, которому из Гатчино же я телеграфировал прибыть скорее. Выразил негодование к характеру Епанчина и сказал, что его нужно заменить Арсеньевым. Я полагаю командиром порта назначить Пузино. По условию с великим князем решили дождать конца Литке, чтобы поместить Козакевича в Государственный Совет, а на его место Перелешина.

Вопрос о речной полиции в Нижнем. Прекурьезный случай. По приглашению я прибыл прямо с железной дороги; но меня звали по рекрутскому вопросу, а между тем позволили говорить по полиции и даже опрокинуть редакцию. П. А. Шувалов подошел ко мне и сказал, что я говорил прекрасно, но не имел права говорить. Вдобавок оказалось, что мой вопрос прошел первым. Я ушел.

На панихиде по И. И. Бутакове Григорий сказал мне, что царь сделал ему милую депешу от имени своего и императрицы. И я получил вчера от царя телеграмму, чтоб приезжал сегодня не к 11, а к 12.

20 апреля

Сегодня занимательное заседание в Комитете министров. Игнатьев, несмотря на явно высказавшееся нежелание коллег, внес еврейский вопрос, *baclé par* [неудачно] Готовцов, и привел его с собою для защиты. *J'ai commence par dir qu'on voulait tourner une difficulté par une horreur* [Я сразу назвал это намереньем превратить затруднение в кошмар]. Войдя, Игнатьев обратился ко мне с новостию, будто рассказывают, что я его заменяю. Я отвечал, что для меня это не новость и что нашлись люди, предполагающие во мне довольно мозга, чтобы поверить, что я отказался. На некоторые административные меры (кабаки и приостановку еврейских актов на покупку имений) мы согласились; зато первым в протоколе поставили, чтобы принять меры к прекращению движения, строго подтвердивши губернаторам, что они будут отвечать за повторение беспорядков. Отсюда же пустили гул, что на побиение евреев смотрят, как на вещь хорошую.

21 апреля

Утром хоронили И. И. Бутакова. К панихиде прибыла в. к. Александра Иосифовна и удивилась, что не было Алексия, вынесшего, однако, гроб из квартиры.

Возвратясь с печальной церемонии (благодарил на ней в. кн. и адмирала *Jores'a* [Жореса] от имени флота), открыл комиссию по преобразованию Морского министерства краткою речью и оставил за себя Н. П. Жандра.

Вечером Рахманов рассказывал о тупости и бестактности Тотлебена.

22 апреля

После дневной работы и заседания в Совете, вечером отправился на катере на острова, наглотался немного свежего воздуха и позлился на неисправность катера.

Около 12-ти часов ночи пришли сказать, что в здании пожар. Тотчас отправился и пришел в комнату конторы над портом, где нашел много дыму и горевший шкап с бумагами. Показалось с первого взгляда, что зажгли шкап; но пожар произошел от прожигания треснувшей трубы. Сходил на чердак, где едва прошел за дымом. Послал за караулом. Обер-полицмейстер не потрудился приехать, хотя пожар был в главном казенном здании города. Лег в 3 часа усталый, когда огонь уже был потушен.

23 апреля

День св. Александры. Хотел поздравить в.кн. А. И. но её пригласили в Гатчино праздновать вместе и именины Георгия Александровича. Une gracieu site (Из любезности). Обедал у Гейденов. Она тоже имянниница. Меня звали Нечаевы завтра на *partic aquatique* [водную прогулку] в Шлиссельбург, но я отказался. Погода чудная. До 18° в тени.

24 апреля

Кажется, мой великий князь просто равнодушен не только ко флоту, но ко всему и дела ему нет, хорошо ли России. Вместе с тем он являет черты доблестного характера, с негодованием говорит о меркантильности Кроуна. Просил меня объявить Епанчину, что его педагогические функции прекращаются.

25 апреля

Третьего дня скончался гр. В. П. Орлов-Давыдов, один из столпов нашей аристо-ретроградной партии. Ещё накануне вечером ему читали журналы, и он высказывал свои политические воззрения, но странно, смешивал надежду с убеждением, что настал конец: призывал всех домашних прощаться, велел прислать бальзамера и вместе говорил о даче около Выборга, в соседстве с послом Торнтоном. Умер в сознании.

Просили меня о Бруннере, старом знакомом, от которого садят в военной совет *sans gêne* [бесцеремонно].

26 апреля

При докладе государь ничего не говорил о нашей просьбе решить представление об увеличении флота, а вечером я получил от министра финансов уведомление, что приказано составить комиссию под председательством Рейтерна из Ванновского, Обручева, гр. Баранова, Бунге, Сольского, Гирса, Великого князя Алексия и меня, чтобы изыскать меры к достижению цели. Государь, назначая военных и министра иностранных дел, видимо, хотел придать нам голосов. Дай-то Бог, чтобы из этого что-либо вышло.

27 апреля

Осмотрел работы на Балтийском заводе. Не застал наблюдающих и отдал приказ. В комитет министров разбирали вопрос о Сибирской дороге. Посьет (и вместе Баранов), подали новый проект, – от Самары чрез Уфу на Екатеринбург и Тюмень, Рейтерн напоминал, что в торжественном заседании под председательством покойного государя было решено так называемое южное направление – Нижний, Казань, Екатеринбург. Я позволил себе заметить, что в промышленно-технических вопросах высочайшее позволение есть выражение надобностей минуты, признанных Государем вследствие советов его помощников; что эти подробности изменились как постройкою новых дорог, так и нашею бедностию в настоящем, что заставляет склоняться на самарскую линию; притом эта линия приближает сибирские производства к югу, а мы всё пришиваем к Москве и Петербургу; во всяком случае, я настаивал, чтобы, принявши немедленность постройки от Екатеринбурга на Тюмень (к чему пришли все), упомянули в журнале (не смотря на прежнее высочайшее решение), что возникает проект иного направления. Иначе защитники прежнего, южного, могут продолжать свои надежды, которые очутятся иллюзиями. Кажется, согласились.

Игнатьев, хваставший, что выиграл еврейский вопрос, жаловался на журнал и просил предоставить губернаторам право закрывать еврейские кабаки. Бунге не воспротивился, хотя противился всем мерам, опасаясь застоя в торговле.

Рейтерн сказал, что соберет нас около половины мая, так как гр. Баранов очень устал и в конце сессии предстоит много дела. Просил дать о том знать великому князю Алексию.

28 апреля

Ездил на Обуховский завод. В течение дня прошел весь процесс тигельного производства, начиная с мешения глины. Были при мне отливки разных систем. Завод громадный, возникший на средства Морского Министерства и теперь ускользающий от нас вследствие необдуманных действий моих предшественников.

29 апреля

Выпуск из училища дает мне много хлопот. Маменьки в слезах просят за детей-лентяев или идиотов, и не знаю, как от них отделаться. Несколько часов сидел

за экзаменными списками 74 челов. Только 4 не удостоены – и родители вопиют о несправедливости. Ходатайницы врываются ко мне бесцеремонно и теребят мою совесть. Однако же решил, остался глух и нем.

После доклада имел неприятный разговор с Епанчиным, вследствие объявления ему, что он не будет более директором. Желал, чтобы его сделали членом военного суда (главного), но я сказал ему, что ещё не дорос. Просил позолотить, сколько можно, пилюлю.

30 апреля

Ходил в Петергоф, осмотрел охранную эскадру, немного помуштровал и изъявил удовольствие. Потом взглянул на канал – просто диво – и осмотрел таможенные суда. Хорошо, если б нам их подарили. Целый день работал, как негр. Батюшковы прибыли из Москвы – верно, чего-нибудь ищут.

1 мая

Был у Батюшковых, которые приняли меня холоднее, вероятно, потому, что я решил принять у себя Помпея и познакомить его с моим другом.

2 мая

Ленив мой великий князь. Вчера отложил доклад, а сегодня назначил в 10 часов и торопился ехать к Сергию.

Агент наш в Берлине, Невохович, является с повисшим носом. Прорвался. Деятельность завела немного далеко, и употребляемый им агент повесился в тюрьме, куда его засадили по подозрению. Верно что-нибудь высказал, потому что с ним в Министерстве прекратили сношения. Ободрил, сколько мог.

3 мая

Докладной день в Петергофе. Государь *a fait fie* [придерживался] одного дела о нанесении ему оскорбления словами. На дело Неваховича смотрит как на исполнение обязанности. Живет царь в холоде.

После докладывал великому князю Алексию об училище и предположениях по личному составу флота. Не хочет разделаться со стариками, даже вовсе ненужными.

Уходя из Петергофа, велел миноноскам выйти за мною и резать мне под нос. «Чижик» браво шел против ветра и зыби и исполнил приказание, а «Пискарь» не мог сделать. Первому «удовольствие».

Островский уверен, что коронации не будет.

4 мая

Телеграфировал государю, спрашивавшему вчера о К. А. Чебышеве, прибыл ли он на место, что вчера же Чебышев вступил в командование. Пускай врежется в память, что адмирал быстро явился на свое место.

Был в Кронштадте, осматривал некоторые суда, погоревал с Главным командиром, лишившимся чудного сына от скарлатины, и потом собрал флагманов и капитанов для поверки назначения на заграничные суда, причем развернул систему подобных назначений – главное, чтобы молодежь (не подвергавшаяся взысканиям), посылалась по очереди.

5 мая

Утром у Баранова говорил о будущей комиссии касательно флота. Обещает, будто что-нибудь дадут. Ему же передал дело Горбурга об очистке котлов на железных дорогах.

В совете дело кораблестроителя Прохорова, воспользовавшегося переменою властей, чтобы требовать удержанные по наветам будто Попова, хотя с этими наветами согласился Совет и Главный командир. Попов вышел. Были защитники Прохорова, но я высказал, что благоприятное решение совета дает повод всем в подобных условиях просить, чтобы перевершали решения павших властей.

6 мая

День рождения Наследника. Шел в Петергоф с августейшими. Кн. Болгарский хотел со мною познакомиться. Алексей уверил его, что государыня, из патриотизма, любит запах лука; а когда кн. Александр наелся селедки с луком, сказал, что императрица терпеть не может вони.. Обращаясь к Арсеньеву, сидевшему чуть-чуть не на его шапке, он сказал: *je n`aime pas les couronnes écrasees* [игра слов; «я не люблю, когда свергают короны» / «мне не нравятся помятые шляпы»]. Я не знал, что он такой *loustic*[1] [шутник]. Мерзли у церкви в мундирах, потом ходили на парад, наконец, завтракали на ферме. Вышло недоразумение. Царь хотел чествовать уланов (был их праздник Вознесенье), они его ждали в казарме, а вышло, что царь хотел, чтобы все офицеры пришли к нему на завтрак. Сели без них, потом длили завтрак. Вообще гофмаршалская честь хромает.

Когда, на обратном пути, говорил о штуке, которую хочет нам сыграть Обуховский завод, Павел Шувалов вдруг отошел. Неделю назад он ездил на завод *il est donc du complot* [стало быть, он в заговоре].

8 мая

Предупредил великого князя, что составлен комплот против Обуховского завода, и в числе заговорщиков его клубные приятели, чтобы он остерегался. В первом порыве сказал, чтобы приготовить к понедельнику записку для государя, чтобы тот остерегался влияний. Просто хотят вырвать из наших рук завод, на который мы истратили миллионы и обратить его на частные нужды.

---

1 Первоначально было вписано – lonstig

Был на похоронах кн. Сем. Воронцова, собиравшегося ехать завтра на юг. Присутствовали все великие князья и один я очутился в виц-мундире. Вышло, что по главной квартире был особенный приказ, и когда я сказал Рихтеру, что до меня такие приказы не доходят, он возразил: «ещё» не доходят, но нужно думать, что будут доходить.

Близится знаменательный для меня день. В четверг назначено собрание особой комиссии по вопросу о флоте (Бунге, Сольский, Ванновский, Обручев, гр. Баранов, я, великий князь Алексей под председательством Рейтерна; Победоносцев тоже, ибо будет разбираться требование его на миллионную субсидию).

9 мая

Поехал подышать свежим воздухом и посмотрел на речной клуб и его гавань. Есть порядочные шлюпки, но не много; между прочим, поповка. Памятник – на колонне бюст Петра, а на цоколе известные стихи Пушкина: «То академик, тот герой» и пр.

10 мая

Был поражен внезапною новостию. По прибытии в Петергоф встретил К. А. Копытова в мундире. Ночью велено было явиться к государю, вследствие того, что кн. Болгарский просил его (по рекомендации Каткова) министром внутренних дел «Без русского министра князь не может возвратиться в Болгарию, где его упрекают в пристрастии к Австрии. Обращался к разным нашим министрам, а те ему рекомендовали чуть не нигилистов. Копытова как по лбу ударило. Я советовал сказать государю, что его по лбу так ударило, что он не в состоянии говорить, и просит дозволения переговорить с великим князем Алексеем, очнувшись. Государь не нашел нужным принять, пока он не решит дела с Болгарским, сказал, что не принуждает его, но был бы очень рад, если б поехал.

По возвращении Болгарский согласился на доводы Копытова и отпустил его. Понадобились и в Болгарии моряки.

На докладе государь сказал, что велел Гирсу ничего не предпринимать касательно Неваховича, не посоветовавшись со мною. Бью царю челом. Сабуров впал в дипломатическую лихорадку по этому случаю. Неваховича воротят жить вне Германии.

Бунге отказал Бутакову в пенсии 4 т., которую я просил, а государь дал – не в пример прочим. Когда Алексий сказал: «мы представили за 4 т. Нельзя ли немного прибавить к назначению Бунге, определившему 3 т? Государь сказал: нет, уже дать 4 т.»

Прочел царю предохранительную записку об Обуховском заводе.

11 мая

Комитет министров. Разбирались записки генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина – между прочим, о ссыльных и об улучшении администрации. Анучин весьма дельно говорил – ограничьте права общества высылать на ссылку

(на чем популярничащий Игнатьев настаивал) тем, чтобы каждому ссыльному на водворение общества платили 300 р. – и ссыльных будет менее. Что касается до администрации, то я, выслушав всё, выразил мнение, чтобы вместо 100 т., требуемых губернатором, с обещанием, что два года он употребит их на введение судов, отпускали 100 т. на те улучшения, которые он найдет нужными. Анучин отнекивался, а я сказал ему, что он должен отвечать и что, имея непрестанно перед глазами доказательства, что за преступные действия наказуют, верно, с его стороны будет нужная осторожность. Мяли, мяли и велели Анучину представить конспект, чего желает он. Я пожелал ему, чтобы он увидал исполнение благих его намерений, но выразил сильное сомнение. Говорил также, что нельзя управлять Сибирью, держа тамошние власти на помочах из Петербурга, и привел слова *Hastings'a* [Гастингса]. Только шумел. Вечером ездил на острова и притащил на буксире Преображенский катер. Оказалось, с великим князем Сергием, которого не узнал.

12 мая

Был у меня Гирс по деду Невaховича и оставил у меня телеграммы и переписку Сабурова, на которой государь пометил, чтобы он ничего не отвечал, не посоветовавшись со мною. Сабуров, как взлелеянный судьбою дипломат, очень огорчился, что Невахович попался, доставил ему, изволить видеть, несколько неприятных минут. Прусское правительство, под предлогом требования суда, назначенного над агентом Невaховича, требует, чтобы у Невaховича отобрали показания. Чтобы, в случае нужды, государь знал, что я посоветовал, я написал Гирсу письмо. Посмеявшись над волнениями Сабурова, выставя, что никто из служащих не имеет права рассчитывать на постоянно медовую струю жизни, я положительно советовал отречься от Невaховича, обвинить его официально, но поцеловать дома. Касательно же требования Буша, сказал, что ответ Невaховича будет отчетом служащего иностранной власти в своих действиях; что я уверен, если бы собственная власть вздумала насиловать Невaховича, он подвергся бы каре, но молчал бы. Мягкий Гирс хотел поговорить с Швейницем, который ничего ещё не получил.

13 мая

Знаменательный для меня день. По воле царя морской вопрос предстал пред особенную комиссию, о которой я говорил прежде. Перед заседанием я зашел к великому князю и освежил в его памяти, о чем нужно трактовать. Открыл бал Бунге, выставляя горестное положение наших финансов, невозможность займа, трудность поместить даже облигации ничтожной железной дороги, передержку в 17 кажется миллионов уже теперь, на 5 месяце года, против бюджета и т. п. За ним говорил Алексий, твердо, смотря только на флот, как моряк, с достоинством и не без некоторого *aplomb* [апломба]. Сольский нашел, что мы задались роскошно, что наш проект *pia desideria* [святая мечта (итал.)]. В долгой речи я поднял замечании Бунге, возражал Сольскому, с доказатель-

ствами, что наши требования суть трезвое выражение необходимого, приводил силы вероятных противников, наши нужды до разбросанности, благодарил за благосклонный взгляд на наши требования и, наконец, указывая, что флот, как явный признак, легче всего изобличает слабость государства, сказал, что есть средства восстановить его. Весьма нерасчетливо показывать простертую грудь; примут сейчас за нищего, а отрезать кусок от полы и приставить к груди – подумают, что ещё не слаб и не нищий. Может быть, на флот можно уделить от других. Хотели связать нас Черным морем только, но ни Алексий, ни я на это не согласились. Дали тотчас 3 миллиона (хвала Богу) и обещались выполнять всю нашу программу. Потом зашел вопрос о добровольном флоте. Победоносцев сказал, что можно часть наших крейсеров похерить, надеясь на добровольцев, которым просил миллион субсидий. Я хвалил «Ярославль» и им доказал, что заменять крейсеры добровольцами чистая фантазия; он не обшит деревом и быстрый ход его через пять месяцев будет ни во что. Победоносцев слаб. Я уступил ему только транспортную службу. Кончилось тем, что ему вместо субсидии предложили по-мильную плату, а для этого нужен расчет и дело отложено.

14 мая

Поездка с великим князем в Кронштадт. Только в таких случаях и можно наговориться с ним. Погода чудная, даже жарко. Главное, осмотрели угольные склады. Что за безобразие! Опыты в Минном классе над двумя системами – Эдисона и Максима – не удались. Великий князь остался, а я возвратился в город, благодаря светлым ночам. За обедом *c'est les vieux de là mer Noir qui défrayaient la conversation* [завели разговор о Черном море]. Нужна строгость с нашими господами.

15 мая

Опять ездил в Кронштадт. Доклад у великого князя. Не стал он ещё на ноги. Пожурил некоторых лиц.

Какие-то кляузники благодетели второй день присылают вырезки из С.-Петербургских Ведомостей по делу Буша. В сегодняшнем говорят, что следствие заглохло бы, если бы не назначили Управляющим меня, «никогда не вступавшего в компромисс со служебным долгом».

16 мая

Начал день визитом великому князю Алексию, потом был у Лорис-Меликова, говорившего об Игнатьеве, что он не хлопочет о согласии с другими министрами.

Государь неожиданно (для публики, по крайней мере) прибыл из Петергофа – по железной дороге на праздник Измайловского полка и оттуда furtivement [украдкой] прямо на пристань. Великий князь Михаил, приехавший также на пристань, не знал, откуда прибудет государь, успел после парада похоронить кн. Шаховскую и также явился на пристань. Курьезно было смотреть на стаю голубых кавалеров,

проскользнувших на сходку будто школьники. Боже всемогущий, прекрати это положение для благо родины моей, пожалей доброго и благонамеренного царя, принявшего такое наследие и в нем неповинного. Надя, молись за нас.

Проводивши государя, воротился домой и обедал у Гейденов.

17 мая

Доклад в Петергофе. Императрица на последних днях. Государь, по обыкновению, очень милостив. Настаивает на *trainingships* [учебных судах (англ.)] и весьма дельно. Мне пришло в голову, что мы распложаем белоручек-офицеров, что для специальностей у нас нет промежутка между гимназий и высшим специальным заведением, а нужно, чтобы было нечто ремесленное между низшими школами и высшими специальными. Было бы менее офицеров, а более механиков-практиков.

На обратном пути взглянул на охранную эскадру и написал Кремеру о недостатках, мною замеченных.

18 мая

Первый раз в *plenum'e* [здесь: на заседании] Госуд. Совета, ибо он пришелся не в докладной день. В вопросе о труде малолетних П. А. Шувалов защищал тезу нас – меньшинства, довольно убедительно, но безуспешно. В вопросе о тарифе говорил Грейг – мало, но складно. Он видел в новом тарифе переворот принципа – будто извинялись – что, как ни вертели, оставили некоторые предметы без обложения. Министр финансов, с тетрадкою в руке, выжидая конца нападавших на него и стоя сзади их, был похож на ученика, которого обещали высечь, если он не выдолбит опровержения противнику. Наблюдая за физиономиями, я заметил что Исаков, сидя, в профиле – совершенно портрет покойного государя.

Грот имеет деловой авторитет в Совете. Великий князь очень скромно и достойно председательствует.

Великий князь решился ехать в день своих именин, и я потолковал с ним о том, что не делать в его отсутствии.

19 мая

Ночью прислали от великого князя пакет с приказанием разбудить меня. Меня разбудили, и я прогнал человека. Оказалось, что офицеры в Ревеле попались в сношениях с нигилистами. Греве сочли нужным посадить в тюрьму. Государь, на донесении Игнатьева (искренно мне преданного) сделал грустную надпись. Сейчас же телеграфировал в Ревель, и ответ передал великому князю, а в Ревель послал Веселаго следить за делом и всмотреться в тамошние порядки.

Чтобы день имянин великого князя не прошел во флоте незамеченным, телеграфировал государю, что 21 празднуется по уставу, и что, смею думать, следует праздновать 20-е. Государь согласился.

Весь день перекидывался телеграммами с Ревелем, назидал великого князя, чтобы всё выслушивал от дяди с терпением и ничего не решал бы; чтобы примером научил Пещурова, как должно вести себя, не оскорбляя других, и продолжал беседу о том, что мне не делать в его отсутствии.

20 мая

В первый раз праздновали день великого князя Алексия. Он ездил в Петергоф и на пристани я его поздравил, потом пошел в собор на молебен и пропустил мимо себя матросов.

Из Ревеля получил дополнительные известия. Оба мичмана ещё в корпусе, по показанию их, имели запрещенные рукописи и *imfitimes* [издания, книги]

В 7 часов проводил на дорогу великого князя Алексия, отправившегося в Черное море.

Вечером Гирс прислал черновик письма Сабурову, написанного почти с моих слов. Дело Неваховича Гирс считает конченным. Невахович, разумеется, в Берлин не воротится. Гирс радуется, что Бисмарк *ne fait pas de cas de l'incident Nevahowitch* [не придает значения инциденту с Неваховичем]. Письмо написано с достоинством и Бушу дали по носу, как я указал. Во всех таких случаях обращаюсь к тебе, друг мой Надя, и тебя считаю виновницею, если успеваю кому-либо помогать.

21 мая

На телеграмму вел. кн. Константин отвечал благодарностию за любезное поздравление.

22 мая

Утром встретил государя у пристани. Приезжал внезапно на панихиду по матери. Велел не беспокоиться и не ждать его, и я отправился в Кронштадт. Прошел прямо на Большой рейд. Близка наша защита при теперешних орудиях. Стояли: кадетская эскадра и минная эскадра. Последней сделал сигнал «следовать движениям старшего на рейде», ибо не был поднят вымпел отдохновения. Входя на Малый рейд, велел шлюпкам артиллерийского отряда взять себя на буксир. Управлялись плохо, однако же, управились.

Съехал на «Первенец» – осмотрел каморную прислугу и подачу. Велел вооружить помпу, и оказалось, что шланги не все приходятся. Велел закричать «Человек за бортом!». Лейтенант Фелькерзам распоряжался сносно, но спасительного буя не отдали. Собрал офицеров, сказал, чтобы берегли друг друга, и откровенно предупредил их, что найдут в Ревеле гадкую историю. Съехавши, сделал сигнал «учить и учиться» – и отправился в Петербург.

23 мая

Был у меня посол Новиков. Его просто отозвали и делают членом Государственного Совета. Государь недоволен его унижением перед Портою; а он говорит, что султан «умный человек со всеми недостатками умного человека» – *une de ces phrases creuses pour lesquelles les diplomates sons forts* [одна из тех пустых фраз, которыми сильны дипломаты].

По его словам, туркам странно показалось, что одни и те же пароходы ходят проливом то под военным, то под купеческим флагом.

Вечером был у Посьета. Трактовали о Поти. Приступили к постройке порта зря и теперь не знают, что делать. Говорил с Посьетом о деле Горбурга на счет котлов.

24 мая

Доклад. Государь был очень внимателен, хотя пришлось говорить о многом. На пристани Казакевич встретил с известием, что вчера у домов терпимости подрались матросы с солдатами. Не послушали коменданта, тот вызвал роту полка и кто-то сделал три холостые выстрела. Драчунов вогнали в казармы. Я тотчас же предупредил государя. Распоряжения одобрили. Просил государя офицеров, уличенных в сношениях с заговорщиками, тотчас удалять со службы, и сегодня же начал с Греве и Снарского.

Императрица, несмотря на ежеминутно ожидаемое разрешение, вчера была на полковом празднике.

Вечером обедал на даче у Островского с министрами и экс-министрами.

25 мая

Суматоха. Суматоха. Поглощает дело.

В Комитете министров разбирали вопрос о новых железных дорогах. Я говорил о неотложности ветви от Ростово-Владикавказской к Новороссийску, указывая, что Азовское море нужно обходить, а не ходить по нем; что Новороссийск поддержит наш каботаж; что, наконец, эта дорога положит конец попыткам на творение портов в Азовском море. Говорил о Тукумо-Виндавской и настаивал, чтобы её включили в число неотлагательных. Обручев очень убедительно стоял за стратегические, прося на них определить процент с общей стоимости ежегодных дорог, которых предполагается строить до 12000 верст ежегодно. Куда мы бежим. Все это на краю банкротства. Одни предположения.

Ревельское дело заставляет меня задуматься. Нужно гнездо развалить.

27 мая

По приглашению обедал у великой княгини Екатерины Михайловны на Елагином вместе с Тотлебеном, рассказывавшим свои ...[2] с турками (султаном) и англи-

---

[2] Пропуск в тексте

чанами по поводу визитов. Тотлебен уверяет, будто десять лет твердит о необходимости Черноморского флота, который расхваливал до небес за прежнее время; что именье флота обеспечит за нами Босфор, который захватим, и там запрем Черное море, а всю армию употребим на борьбу с Европою, если та двинется. Обручевские идеи. Но *nous ne souron tamais oser* [мы никогда (на это) не осмелимся], а, во-вторых, будто Турция не потребует войска. Говорил так же Тотлебен, как офицеры Виленского округа, занимавшиеся съемкою, хвастали, что чуть не объявили войны немцам, болтавши на границе Германии всякий вздор.

29 мая

В Департаменте Экономии сегодня вопросы, касавшиеся Морского Министерства. Все прошли благополучно; но представитель Контроля, Клерикал-Терций, ударился в амбицию, что мы отвечали едко на замечания Контроля. Я извинился, заметив, что дело не в изяществе выражений, а в смысле их, и что сегодня же есть доказательство, что я иду на встречу весьма охотно замечаниям Контроля даже словесным, представляя справку в требованиях Кодификационного отделения на половину.

Был у меня командир порта Ревеля, оскорбленный моим неудовольствием на экипаж, в то же время представил список отъявленных негодников, которым я и велел предложить подать в отставку.

30 мая

Рано утром пошел в Кронштадт на отряд Морского училища. Был на обедне и на построении. Сказал несколько напутственных слов офицерам, гардемаринам, которые выучили себе чин, а теперь должны заслужить его) и команде. Благодарил священника, что он решился не оставлять питомцев до порога, отделяющего их школьную жизнь от служебной, и был порадован донесением, что вчера воспитанник Неежбанов бросился за борт спасти утопавшего товарища. Заехал на минный фрегат «Адмирал Лазарев», потом обошел весь училищный отряд и сигналом пожелал вместо счастливого «полезного пути».

Дождь мочил всё время.

Велел тотчас представить благородно-порывистого юношу, чтобы мог доложить завтра государю.

31 мая

День доклада. На пристани меня встретил адмирал Кремер и на вопрос о яхте «Славянка», которую государь дал Евгению Лейхтенбергскому для сопровождения «Зины» и которую я увидел на рейде, отвечал, что государь воротил её телеграфом будто потому, что Лейхтенбергский набрал на неё разной сволочи, как пассажиров. Действительно, во время доклада государь сказал мне, что хотел поговорить со мною давно и присутствие Алексея его женировало. Что почему-то генерал-адмирал поддался на

просьбу Алексия о принятии «Зины» в счет бюджета, что это неправильно и убыток для казны, ибо «нас так много», что просит меня прекратить это. Пускай все, кроме государя, генерал-адмирала и в. к. Алексия, содержат свои яхты на собственный счет и чтобы не носили военного флага, под которым могут дурачиться, а клубный. По моему возражению, дозволил продлить это до конца года. Тоже сделать с паровыми катерами.

Участь Игнатьева решена. Он более не министр. Говорят, хотел Земский собор; но для меня очевидно, видя неизбежную потерю места, он решился на подвиг, который доставит ему популярности. Давно ожидали смены легкомысленного Игнатьева, но никто, конечно, не ожидал, чтобы преемником его был непопулярный гр. Толстой! Едва ли он сумеет быть великодушным и пресса затрещит. Полиция от него отходит, но он остается президентом Академии.

Говорят (Влангали, только что прибывший), что курс наш поднялся тотчас по смене Игнатьева.

1 июня/вторник

Утром был поражен известием о внезапной смерти. Г. И. Бутакова, умершего на ялике на пути через Неву. По засвидетельствовании смерти тело перенесли в клинику, откуда я велел перевезти его на прежнюю квартиру. Мир праху твоему, старый товарищ, вместе деливший много земного горя.

Телеграфировал государю и Алексею, в Батум. Только дослал депешу в Александрию, раздались пушечные выстрелы. Царю Бог дал дочь Ольгу. Тотчас телеграфировал: «Простите, что сообщенное мною печальное известие совпало с событием радостным для Вас и всех ваших подданных. Соблаговолите принять поздравление одного из преданнейших. Да хранит Бог Вас, императрицу и новорожденную». Алексий отвечал, прося изъявить сожаление, а государь – «от души благодарю за поздравление. Слишком грустна смерть бедного Г. И. Бутакова, очень и очень сожалею о нем». Только что перебрался на любимую дачу, на острове около Выборга. Сейчас послал за женою и семейством пароход. Бедные. Бедные.

В Совете Министров Победоносцев рассказывал, что в начале месяца Игнатьев (вероятно, играя все козыри) подал государю записку, в которой просил собрать земский собор из 1000 представителей – для обсуждения Аксаковского уездного управления. Государь оставил записку у себя, а через некоторое время Игнатьев, видя, что есть признаки неудовольствия, попросил записку назад (он часто брал назад свои представления); но государь велел её обсудить Островскому, Победоносцеву и ...[3] Следствием было увольнение Игнатьева, надоевшего государю своею легкостию и шаткостью. Толстого, по словам Победоносцева, государь всегда скорее любил, нежели не жаловал. В начале года он Победоносцев, будто напомнил царю о Толстом, посоветовав призвать его на совещание по разрыву папского дела, зате-

[3] Пропуск в тексте

янного Валуевым. Потом Толстой напомнил о себе, являясь по случаю назначения президентом Академии.

В Совете Министров известие о смерти Бутакова произвело большое впечатление. И на меня немало подействовала кончина постоянного приятеля, хотя мы во многом не сходилась.

2 июня

Присутствовал на службе у тела моего приятеля. Рвет сердце смотреть на семью. Написал великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы ходатайствовал о пенсии семейству Бутакова. Обещают 5 т.р. и 3 т. на похороны. Вечером сделал визит Игнатьеву, претендуя, что у нас нет определенности в направлении. Он жалуется на Катковскую редакцию (Победоносцева, Островского и пр.); говорит, что предлагал 1000 выборных всех сословий, чтобы отдалить от коронации 12 т., набравшихся в различные депутации. Этот собор громадный был вследствие того, что теперь, по освобождении, все хотят быть представленными. А кто это поощрял? Не сам ли Игнатьев? В разделении полиции видит корень не только пререканий, но зла. Только лишь соединили всё в Министерстве внутрен. дел, вновь разделяют. Пожалуй, и правда. Жена злобна, а теща ехидна.

3 июня

Ещё день молитвы. Радуюсь, что вспоминается живее собственное горе. На панихиде присутствовала в.к. Александра Иосифовна, вступившая в управление детскими приютами вместо Александры Петровны и публиковавшая в длинном циркуляре, как она 22 дня проводила в приютах.

4 июня

Похороны Бутакова. Присутствовал великий князь Михаил Николаевич. Я просил его не забыть семейства. Обещал 5 т. пенсии и 3 т. на погребение, и когда он заговорил со мною о пенсии нераздельной с детьми. Перетц нашел препятствия.

Гроб в яму опустили с пушечною пальбою. И с предстательством моей Нади, которую просил принять усопшего приятеля.

5 июня

Я ездил на Охтенское поле на опыты над плитами Феодосьева – полная неудача. Удивляюсь, как дозволили ему вдруг готовить плиты от 6 до 15 д. Смотрел снижающийся станок Рассказова для осадного 4-фунтового орудия. Все выдумщики за казенный счет. Разнообразное путешествие: на паровом катере по Неве, Охте до крана; далее на дрезинах. На обратном пути осмотрел Охтенскую верфь, когда-то место моих подвигов.

По рапорту командира «Азии», уверявшего, что в Порт-Саиде его просили остаться для защиты, велел ему остаться: а в Александрию дослал «Забияку». Государь одобрил моё распоряжение.

Красновский просил, чтобы запретили стрелять в Кронштадте: в Александрии дрожат окна.

6 июня

Третьего дня на Васильевском острове открыли целую фабрику динамита и разных инфернальных снадобий. Следили с начала мая. Попались и женщины – одна премиленькая. Боже, взгляни милостивым оком на Россию и её царя. Рассказывают, что назначение Толстого производит неудовольствие. *Selon moi s'est un d fi gratis au public* [с моей точки зрения, такое назначение является вызовом для общественности]. Уже один журнал «Минута» прекращен великодушия ради. Он хвалил Толстого, но ругал Трепова.

7 июня

Докладной день. Государь был милостив по обыкновению; позволил напечатать его телеграмму о Бутакове. Говорили о том, что старые Черноморцы сходят со сцены. По этому случаю о Синопском бое и как Корнилов чуть было не сорвал лавровый венок с Нахимова.

Моя инструкция командирам в Александрии одобрена. Говорил государь, что в последней поимке попался, кроме нашего лейтенанта, майор гусарский.

Был удивлен (не очень, впрочем, ибо мысль приходила в голову вследствие излишней любезности), что меня хотят женить. *M-ele Pilar* [госпожа Пилар] готова соединить свою участь с остатком моей. Слабое я существо, Надя. Помоги мне. Твоя память пока господствует во всех случаях и событиях жизни моей; но она нужна мне, добрая, любившая меня Надя. Спаси меня, руководи мною; не допусти мня до измены. Теперешние мои отношения не претят мне думать о тебе; не мешают мне не любить никого, кроме твоей тени.

Благослови меня, сердце мое.

8 июня

Встретил великого князя Алексия. Доволен всем виденным и хвалит команды.

Говорит, что Пещуровым довольны, потому что Манганари-грек всех перессорил. Был у дяди; очень любезно его принял, но на дуги к Милютину не мог не выразить неудовольствия за уничтожение звания гардемарина.

В Потийской гавани, при SW (юго-западный ветер) воду вспучивает и вертит. Полагают, что *Cut* [канал] в северное устье Риона от этого избавит. Едва ли, так как встретят волну, входящую в устье.

11 июня

Доклад великому князю и после долгий разговор. Соглашается на все мои взгляды, но хочет, чтобы не трогали льготы на воспитание. Сообщил, что, говорят, будто Баранов будет моим помощником. Оказалось, что это явилось в журналах.

Собирал для окончательного решение о постройке судов. Решили усовершенствованные «Петры В.» для Черного моря: «Imperieus» [броненосец «Императрица»], как океанский броненосец; для крейсеров I ранга ждать опыта над новыми фрегатами, а для II ранга «Miaoulis» [корвет «Миаулис» (назван в честь греческого адмирала, – ред.)] греческий корвет по французскому чертежу, с ходом в 15½ узлов. Помоги господи, теперь только начинаются работы мои на пользу Родины. Помоги, дорогая Надя, твоим предстательством.

13 июня

Под предлогом забот о делах одолевает день. Не был у обедни и не молился за мою Надю. Сердце мое, прости меня недостойного. Боже, верую в будущее и верю в твое милосердие. Недостоен твоих милостей, но ради её молю пощадить меня.

Вечером гулял в ботаническом суду. В городе становится душно. На припеке было 42° тепла.

14 июня

В коротенький доклад. Говорил об Антокольском. Государь особенно доволен его статуей Петра Великого. Мне случилось видеть только бюст. Во весь рост (сколько могу судить по фотографии) Петр великолепно решителен, выступая вперед. Лицо знаменитой картины Ге. Алексей хотел упросить государя, чтобы яхта Лейхтенбергского «Зина», содержалась на казенный счет. На пристани смотрел на миноноску, движущуюся электричеством.

Возвратясь, остановился у минного отряда, сел на миноноску и, выйдя из реки, взорвал мину, но не на большом ходе, так что не обдало. Содрогание большое и выбило по обыкновению несколько заклепок.

15 июня

В Комитете министров пригласил на поездку по каналу. Мне выдумали взять на катере музыку и расцветиться флагами; а я хочу прибавить взрыв мины и выпуск Уайтхеда. Нужно оживить оставшихся в Кронштадте.

16 июня

Сын приятелей моих Стекль прибыл из Лондона в Россию, чтобы не забыть русский язык и привез мне поклоны добрых его родителей. Обедал у меня вместе с Влангали. Сегодня же получил письмо от матери.

На Адмиралтейств Совете Попов опять сунулся не в свое дело касательно Зарубина.

17 июня

Сегодня утром, по предварительному условию, пошел на «Неве» на открытие канала вместе с приглашенными коллегами (из них многие не явились по разным причинам). Лишь только вступил на пароход, получил телеграмму, что клиперу «Наездник» идти нельзя – так решили путейские лоцмана. Я велел идти прямо в Кронштадт, застал там «Наездник» в спокойствии, велел взять его за нос, пока тот разводил пары, и пошел прямо в канал. Из Кронштадта уже телеграфировали великому князю Алексию в Петергоф, что ход отложен. Он хотел выйти к нам и с нами завтракать. Мы вошли в канал и в порт благополучно с целою флотилиею миноносок, пароходов и паровых катеров завернулись и, выходя, расцветились флагами и салютовали. У самого входа в дамбы клипер черкнул, но без всякого вреда. Таким образом, выказано, что стоит что-либо захотеть сделать, выйдет можно. Воочию доказано, несмотря на малую воду и ветер, что канал теперь уже годен для судов с осадкою в 14 футов.

Приготовленный завтрак оказался весьма хорошим и в порядке. Кто бы это мне делал, если бы не было около меня существо, радеющим обо мне. Надя, прости маня. Я решился сегодня на брак, памятуя о твоем невидимом покровительстве .

18 июня

Сегодня великий князь заговорил о моем лечении, но я сам не знаю, когда и каким образом добраться до Эмса. Дела бездна и, говоря сам с собою, сознаю, что действительных помощников нет. Обо всем нужно помнить, всё подталкивать, входить во все мелочи.

19 июня

Рассказывали мне, что гр. Толстой, на замечание сестры: *«j'espère que vous n'allèz pas vous venger»* [надеюсь, вы не собираетесь мстить] отвечал: *«non, mais je muselerai la presse»* [нет, но я приструню прессу]. Какой же ещё род мести ему доступен? Живу в официальном мире, а равно ничего не знаю; впрочем, лучше и не знать; всё, по-видимому, основано на сговоре известной партии или партий; да и у себя дела пропасть. Свою душу в других не вложишь, а рвения мало.

21 июня

Государь принимал сегодня доклад в вагоне, переезжая в Царское Село на какой-то полковой праздник. После доклада перешли в зал, где, по приглашению государя, я очутился между августейшими. Предложил курить и накрыться. Мне показалось, что дяди не были довольны таким ко мне вниманием. Михаил Николаевич даже хотел острить на счет моей поездки в Царское, куда я хотел отправиться, не зная, что дорога идет мимо Петербурга и что мы подъехали к станции.

Доложил государю о необходимости возмещать Алексию издержки на путешествия и потом говорил Бунге об отпуске ему известной суммы (30 т.) на *Largesses* [в качестве вознаграждения].

Как Алексей не упрашивал государя, тот не согласился, чтобы яхта «Зина» содержалась на казенный счет. Упрям батько.

22 июня

Египетский вопрос близится к разрешению. Султан дал хороший урок западным державам, отказавшись от насилия над единоверцами, чтобы угодить Европе. Он не захотел выполнить просьбы держав, требовавших, чтобы для водворения в Египте порядка были посланы турецкие войска. А в 1855 году христиане обуздывали христиан же Магомета ради.

Сегодня *Jaurès* и *Thornton* [Жорес и Торнтон] явились в наше Министерство объявить, что в случае решительного отказа султана послать в Египет турецкие войска, они пошлют свои. Англия, несмотря на внутренние затруднения, встрепенулась, коль скоро вопрос стал ей близким. Друг мой говорит, что это *reptile* [пресмыкающийся], всюду заносящий свои лапы, но хвост её грызет Ирландия.

После обеда поехал посмотреть на пожар. Сгорела Аркадия.

25 июня

Сегодня говорил с великим князем о производстве *Monstre* [чудовища] к 30 августа и просил, чтобы Казнакова оставили в свите, на что он возразил, что государь не хочет иметь свитских и сделал только исключение для Долгорукова военно-родственной политики ради. Великий князь не хочет, чтобы вместо меня кто-либо оставался, чтобы не возымел мысль, будто станет моим товарищем. Разбирал списки: чрезвычайно трудно кого-либо не обидеть.

Получил вечером депешу, что наше консульство перебралось на «Азию» и «Забияку», готовые сняться. Верно, близок кризис. Газеты говорят уже, что адмирал *Seymour* [Сеймур] велел египтянам перестать возводить укрепления, грозя силою.

26 июня

Вечером великий князь Алексий прислал назад доклад с запиской, что государь посылает его на отпевание Скобелева. Похвальное внимание царя к знаменитому слуге. Скобелев скончался вчера от разрыва сердца.

Гр. Гейден прибыл из деревни на крещение в. кн. Ольги, назначенное было на 29-е, а его отложили на неопределенное время. Говорят, ждут греческую Королеву.

Дядя Константин смеется, «что за начальник флота, который вихрем обежал Черное море и даже не заглянул в Азовское».

27 июня

Сегодня был жертвою мистификации. Вчера хотел поздравить Александру Иосифовну. Дали знать, что не принимает и будет в Павловске этот день и следующий. Так как я должен был визит Константину Константиновичу, то поехал сегодня

в Павловск. Туда же послал вчера поздравительную телеграмму. Все оказалось *une blague* [шуткой розыгрышем]. Вчера великая княгиня была в городе и в Павловск не ездила ни вчера, ни сегодня. Заменил визитами приятелям. Потом остановился в Царском – визиты Апраксину, Озерову и Головину, где видел нового содержателя мехов и бриллиантов Ребиндера. Совершенно неожиданно встретил на станции Дядю – фельдмаршала Николая, едущего по тому же *errant* [извилистому пути]. Это произведет хорошее впечатление.

Сегодня в газетах прескверное сообщение. По поводу приведенного в никому неизвестной газетишке «Clairon» («Горнист») переговора её репортера с Игнатьевым, в котором последний уверял, что в Москве предлагали против евреев жестокие меры, на которые он, Игнатьев, не согласился, сообщено, что писал к Игнатьеву Долгоруков и выведено, что, если разговор был, то это служит только доказательством, что часто слова не сходятся с фактами – короче, что Игнатьев лжет.

28 июня

При докладе государь заговорил о смерти Скобелева и очень жалел его. Я тотчас же решился представить ему на утверждение следующий приказ: «Государь император, внимая к народному значению имени умершего генерал-адъютанта Скобелева и желая, чтобы военные доблести связывали войско и флот общими памятованиями, повелел корвет «Витязь» именовать впредь «Скобелев». Тогда же, в 11 часов, я телеграфировал в Москву великому князю Алексию и потом дал знать, что приказ выйдет за его подписью. Сам же отправился в Кронштадт и по осмотре разных судов прибыл на корвет «Витязь», велел прочесть приказ при команде, сказал ей, что государь хочет, чтобы они подражали примеру Скобелева и поручает им охрану части его славного имени. Затем велел отслужить по усопшему панихиду.

Вечером получил от Амосова, из Александрии, что сегодня в 5 часу утра Сеймур пригласил его выйти из линии огня, намереваясь через 24 часа открыть огонь по укреплениям. «Азия» и «Забияка» уходят. Депешу эту я тотчас сообщил государю.

29 июня

День Петра и Павла. Пошли на «Неве» в Петергоф с Влангали поздравить в. к. Павла Александровича. Застали у него Сергия и Владимира. Молодежь была очень любезна, а Владимир молча пожимал руки. Поехал по приглашению в церковь, в большой дворец.

Пригласили завтракать. За столом государь заговорил о бомбардировке Александрии и, не смотря на присутствие дам, позволил себе обозвать их скотами. Очень жаль, что державный не воздерживается. После завтрака явился в. к Николай, только что возвратившийся из Москвы. Кажется, вся Москва была на похоронах Скобелева. В одной только газете, «Новое время», сегодня благоприятные комментарии приказа по флоту.

1 июля

Обедал у Островского. Рассказ об увольнении Игнатьева. Хотел 6 мая созвать собор, потому что последний распущен 6 мая. На совещании государь говорил Игнатьеву несколько раз, что он говорит не то, что говорил ему глаз на глаз, и когда Игнатьев возразил, что он видит, что государь не имеет к нему доверия и потому покоряется и удаляется, государь сказал – об этом мы поговорим после.

Герой Скобелев умер свински. В гадском доме при отвратительной сцене. Женщины связали его и секли розгами для возбуждения. Так он и испустил свой героический и вместе с тем развратный дух. Боже, как мерзок человек. Помилуй меня, прости меня и ты моя бесценная тень. Прими вопли моего раскаяния. Не Скобелев я, а всё грешен и преступен. Знай я подробности, не решился бы просить государя о переименовании «Витязя».

Вечером получил депешу: *Trupes Egyptiennes quittent Alexandrie fiâmmes; chrétiens massacres, bombardement fini, pas de dessent anglais* [египетские войска оставляют Александрию в пожарах, христиане вырезаны; обстрелы закончились, однако англичане пока не высадились].

2 июля

Великий князь возвратился из Москвы. Должен был рассказать ему скандал Дубасова и просить остановить его. Он уверял, что вид при выносе тела Скобелева был изумительный. Весь народ плакал.

Катастрофа на Московско-Курской дороге даже не отвлекает от Скобелева. Везде служат панихиды. Его последний приказ, после смотра корпусу, замечателен.

Журналы сетуют, что умирают лучше люди – Макарий, Бутаков, Скобелев, и что верно у них наболело сердце, коли разрывается.

3 июля

По телеграмме из Александрии *Seymour* [Сеймур] предложил общую полицию в городе. Я тотчас телеграфировал Гирсу в Петергоф с мнением, что нам не следует принимать предложения, вовсе не желая, чтобы слишком скромные числом мы были прихвостнями англичан. Гирс ответил, что согласен со мною, но если другие дойду, то и нам нужно, впрочем, спросить у государя. Государь согласился с моим мнением, о чем Гирс мне и телеграфировал.

Приготовил приказ с выговором Дубасову.

4 июля

Воскресение. Готовлюсь к отъезду и не пошел помолиться за мою Надю.

5 июля

Доклад. Государь вспомнил о Гласко. Показывал карту действий англичан в Александрии. С великим князем не успел проститься. Заехал к Нарышкину, о многом толковали. Императрица хочет в Петербург, но Государь *aime les aires* [любит свежий воздух], ему нравится дикая Гатчина. Нужно бы разбить *somnolence* [вялость, сонливость].

Офицеры «Наездника» захотели со мною проститься. Завтра к ним поеду.

6 июля

Перед отправлением послал великому князю Алексию заметки о том, что следовало бы сделать, просил употреблять Казнакова на сношение с Гирсом, и препроводил копию моего последнего письма к нему, в котором убеждал послать «Забияку» для охраны Суэцкого канала не только для наших судов, но и для тех, кто не будет иметь своих защитников. Таким образом, с услугою будет фактически заявленное воззрение на то, что мы считаем канал общею собственностью.

Простился с моим другом, заботливо снарядившем меня на дорогу. Боже правый, едва не забыл обратиться к моей Наде.

В Кронштадте простился с офицерами и экипажем «Наездника» и дал последние наставления местным властям.

7 июля

Утром прибыл на «Олафе» в Биоркэ, где застал в сборе всю минную эскадру. На «Лазареве» осмотрел все приспособления; был на «Изумруде» и потом на «Жемчуге» стрелял миною Уайтхеда в щит, неудачно. Выпущена мина правильно, но упреждение было недостаточно. Вопрос этот недостаточно разработан. С буксирными минами была такая возня, что я велел не добиваться более с ними совершенства, считая вопрос непрактичным.

Велел «Лазареву» и «Изумруду» поставить заграждения. Хлопотно, По одной мине взорвали. В заключение потребовал катера с шпиронными минами, сел в один из них и на гребле велел взорвать. Шлюпка строила курбеты и стала на дыбы, но сотрясения очень мало.

Обедали у меня все командиры.

8 июля

В 5 ч. утра дошел на «Взрыве» в Транзунд. На плесе миноносец гадко качало и ход был не более 12 узлов. Сопровождавший «Самопал» шел гораздо спокойнее. Прошел рейд Транзундской, место подвигов покойного Г. И. Бутакова, и вошел в узкий зунд, где с трудом поворотили. На обратном пути шел лучше.

Возвратясь к эскадре, пошел на «Взрыве» же стрелять Уайтхедами в двигавшийся со скоростию 6 узлов щит. Мы выстрелили хорошо и за нами ещё две лодки; остальные три неудачно. Когда поймали мины, велел «Самопалу» действовать со

мною соединено, а остальным атаковать меня. Ринулся между судов эскадры. Атакующие разделились на две группы; я поворотил влево от крайнего клипера «Жемчуг», и когда гнавшиеся взяли тот же курс, поворотил вдруг вправо – надул. Но продолжая бегать между судами, не отвернулся от лейт. Григорьева, который ловко прошел под носом, сломавши мачту, и бросил мины так, что обе прижало к моему борту. Затем, освободившись, я велел продолжать бой. Думаю, что извне вид был хорош. Сходились близко и бегали шибко. Наконец, кончил и пристал к «Олафу» со «Взрывом». Приятно отдыхается от бумаг. На вечер ушел в Ревель, поблагодаривши сигналом. Ночью встретили «Державу» с греческим королем и утром вошли на Ревельский рейд. Тотчас поехал на стрельбу, севши на лодку «Вихрь». Она ходила контрагалсами с лодкою «Хват», и обе буксировали щиты. Расстояние было от 5–7½ кабельтов. Хорошо.

После завтрака пошел на стрельбу, на батарею «Первенец». Стреляли в том же расстоянии (большого не дозволяют учебные снаряды). Все три щита были сбиты. Инструментом *Lugeol* [Люжоля] беспрестанно поверяли расстояние. Шумят офицеры, выкрикивая их. Стреляли, также поворачивая.

Перед обедом Куприянов выслал гребные суда. Его ...[4] щеголяют.

Пригласил к себе обедать начальников. Стоим в гавани. Кажется *nous cherchons midi a 14 heures* [мы ищем вчерашний день]. Ревель лучше всего как отходный пункт раннею весною. Вечером съехал в Екатериненталь, которого не видел много-много лет. Дворец – тихое и милое убежище. Эспланада очень хороша.

10 июля

В 6 ч. утра поехал на стрельбу, севши на двубашенную лодку «Русалка». Без суеты и метко. Потом пересел на винтовую лодку и велел вооруженным катерам грести к щитам, стреляя. Снаряды ложились хорошо.

Возвратившись, поехал с Эрдманом на берег. Осмотрел новые работы в купеческом порту и недавно прорванную теперь уже заделанную перемычку. Роют бассейн, где нашли остатки днищ кораблей. В казармах экипажа нашел всё в исправности. Порт чрезвычайно симпатичен и хотя отдален от моря купеческою гаванью, неудобен по соединению с ней каналом. Хотели всё устроить современно, но не кончили. Нужно пустить в ход механическую и делать спуски для гребных судов. Наблюдать, чтобы не рубили деревьев, оттеняющих аллеи. Луг отдается в наём, и деньги употребляются на школу и клуб. Школа очень дельно и гуманно ведется. Дочь священника – премилая учительница. Есть при школе мастерские. Церковь в должном виде, но нужно подкрасить. Клуб делает честь Эрдману. Все чрезвычайно пристойно.

За обедом с командирами говорил о штурманском вопросе и вообще о специалистах. Кто не умен и не начальник, да и в подробности не входит.

К вечеру пришел «Наездник». Получил куриера с известием о приеме Эллинов.

4 Вставлен ?, [по смыслу - матросы]

11 июля

На ночь снялся с якоря и вышел Суропским проходом.

Прошли Моонзунд; нигде не было менее 18 футов глубины. Выйдя, направились к Доменесскому маяку и стали у него на якорь. Искусственный остров выстроен на зыбком движущемся песке. Уже начинаются повреждения. Паровой горн обращен к стороне Рижского залива. Приезжали строитель и смотритель. Временной маяк сколочен из досок и грозит разрывом при ветре. От маяка прошли к корвету «Богатырь», занимающемуся определением мели около Свальферорта.

12 июля

В 4 часа утра бросили якорь у Виндавы, а в 5 ч. уже плыл по великолепной реке на таможенной шхуне «Зоркая». Меня встретила целая депутация, которую пригласил с собою. Бежали между низменными берегами до ручья Пацкулен; там перешли на баркас «Чайка» и пошли по ручью. Выходил на берег, где видны ещё следы Герцогского дока, но морским ветром заметает вход между молами песком, так что сегодня было всего 12 фут.

В море помуштровал немного «Светлану» и к вечеру съехал в Либаву. Здесь работы сериознее – все на казенный счет, даже кур-гауз. Место для купанья превосходное. Решил высадиться в Данциге, где не был 50 лет (1833 г.).

В Виндаве нужно занять Лунку, Пацкулен соединить с лагуной и берега последнего над рекою возвысить.

13 июля

Около полдня подошли к Данцигскому заливу и усмотрели западнее Вислы Германскую эскадру. Потребовали лоцмана и черепашьим шагом вошли в устье реки. Глубина 20 и 21 фут. Стали в канале. Простился с экипажем и тотчас отправился вверх по Висле на пароходе. По реке большое оживление. Не доходя города, военное адмиралтейство. Заметил только один эллинг. Все здания роскошны. В реке стоял плавучий док, вероятно, только выстроенный здесь, ибо глубина едва ли позволяет поднимать на него суда. Повернули в речку, впадающую в Вислу, и остановились в *business-part* [деловой части (англ.)] города. Тотчас переехал на станцию и в 8 часов вечера отправился в Берлин. Какой-то полупьяный бельгиец *jurait et riait à gorge déployé* [отчаянно ругался и громко смеялся] всё время нашего путешествия.

14 июля

Утром, после весьма спокойной ночи, прибыл в Берлин на станцию Фердинад-Штрассе. В *Hotel du Nord* [Отель «Норд»] не застал ещё телеграммы и пошел прогуляться. Зашел к послу, и застал у него ещё двух послов: Лобанова и Моренгейма, едущих в Петербург. Говорили о египетских делах и о нерешительности или нежелании Пруссии выразить свою заботливость о Суэцком канале. Сабуров уже писал о надоб-

ности нам выказать, что мы отделяем дело Суэцкого канала от Египта, где у нас нет интересов. В этом мы совершенно совпадаем. Англичане, однако ж, идут на единичное решение вопроса и посылают в Египет войска, утешая, что о канале войдут будто в соглашение. Странно, что Сабурову не отвечают на его сообщение, а в прошлый понедельник было решено, что мы дошлем суда в канал именно с этою целью. Мои товарищи-дипломаты все того мнения, что нам нужно строить скорее флот в Черном море. Сабуров уверяет даже, что возможно провести выстроенные заграницею суда чрез проливы. Мне это очень сомнительно; разве выговорят это теперь, пользуясь вмешательством англичан в египетские дела, показывающим Порте, какие они ей приятели.

Получил депешу, что друг мой выезжает сегодня на соединение со мною.

15 июля

Страшные ливни в течение всего дня, так что выходил из дома урывками только. Из разговоров в посольстве заключаю, что нельзя Неваховича послать и в Италию. Ему везде будут заперты двери. Мейлинг приговорен к шестилетней каторжной работе, а студент прежде повесился в тюрьме. *L'affaire a en trop de retentissement* [дело имеет слишком большой резонанс].

16 июля

Утром прибыл из Петербурга друг мой. Прокатились по Тиргартену и к мавзолею Луизы; поговорили о времени, которое провели врозь и вечером (18 ч.) отправились по дороге в скорбный Баден.

17 июля

В час по полудни прибыл в Баден и тотчас отправился на могилу.

18 июля

Поклонился праху и поздно ночью отправился на лечение в Эмс.

19 июля

В 11 прибыли в *Hôtel de Quatre saisons* [Отель «Четыре сезона»], выпили *Comme avant-goût* [предварительно] по стакану воды и прочли журналы. Лихачев ждал меня здесь два дня и оставил письмо. Встретил А. Грота и увидел издали графиню Орлову-Денисову.

Во Франции из-за египетского вопроса полетело Министерство. Огромное большинство не хочет вмешательства в египетские дела.

20 июля

Увидел адъютанта Соболева и вечером зашел ко мне В. И. Ден. Рассказывал анекдоты; из них рассказ в Вене о причине, по которой в России не увеличивается

народонаселение, забавен. Митрополит на Иордани берет от матерей детей и, потерявши чувственность в пальцах от мороза, пускает их под лед, протягивая руки к новым пациентам и говоря «другой». Презабавный этот Ден; подал просьбу об увольнении от Сенаторства.

Набежал несноснейший кашель.

21 июля

В газетах положительно утверждают, что *Ону* велено не принимать участия в конгрессе по общеегипетскому вопросу, а разделить его по два и участвовать только в прениях по Суэцкому каналу. Если это справедливо, полагаю, что мое письмо Гирсу перед отправлением, на которое государь согласился, несколько виною нашей решимости. Но в таком случае самая конференция распадается.

22 июля

Обедня по случаю тезоименитства императрицы. Пастырь Тачалов с удовольствием встретил меня. Граф. Орлова уверяла, будто встречала меня в Ницце, и здесь, забывши, что мы знакомы 27 лет назад и раззнакомились потому, что не хотелось мне вводить Надю в её общество.

Ведем обычную, водяную жизнь, пьем воду, гуляем и ещё гуляем. Ден потешает своим враньем. Несколько утих, но тоже саркастическое воззрение на все окружающее.

24 июля

Получил письма от Казнакова и отвечал ему наставлениями. Между прочим, просил доложить великому князю, что хотелось бы кончить кампанию, соединив все отряды маневром защиты Кронштадта в присутствии государя, предпославши ему недельную боевую службу, со всеми требованиями военного времени. По моему мнению, великий князь сам должен приуготовить маневр и распоряжаться им. Хочется несколько расшевелить его и приохотить к строевой части.

25 июля

Большая у нас отвычка от службы. Получил телеграмму, что кап. Миллер вновь просит оставить прежнего ревизора. Послал приказание переменить его.

Ден рассказывал о своих *Prouesses* [подвигах], когда был курским губернатором. Уверяет, будто чувствовал себя счастливым в положении приводить в действие закон 19 февраля 1861 г. и рассказал, как объяснил государю причину прошения, на него поданого предводителями. Им просто не нравились новые порядки, в особенности освобождение из-под их влияния исправников и земской полиции. Государь высказал это при приеме предводителей; но обратился по ошибке не к запевале, а к неповинному, *Evidemment il faut rabattre de beaucoup sur tout ce qu'il racont. Dans*

sa position c'est l'unique consolation et au bout du compte s'est un brave homme [Очевидно следует опустить многое из того, что он рассказывает. В его случае это для него единственное утешение, и, в конце концов, он смелый человек].

26 июля

На водах люди, как Ден, бесценны; толчется скорее время и не лезут в голову удручающие деловые мысли.

27 июля

При дворе начинают веселиться. В день императрицы был в Петергофе бал. Дай Бог, чтобы ничего не мешало обычной жизни.

29 июля

Второе лето приезжаю в Эмс и только теперь заметил камень на месте, где *Benedetti* [Бенедет, прусский генерал] остановил короля в 1870 г. 13июля. На этом камне вспыхнула величайшая из новейших войн и зародилось падение Второй Империи и унижение Франции.

Египетский вопрос упрощается или усложняется? Англия склонила Порту к участию, но не высказывается на счет Суэцкого канала. Остальная Европа начинает сомневаться в надобности конференции.

31 июля

Написал Казнакову, чтобы преследовали газету, поместившую статью «Высеченный офицер», в которой искажен случай с артиллерийским офицером. Она выставляет в невыгодном свете все сословии, и я не должен терпеть этого.

1 августа

Получил письмо от Казнакова. Дубасов в порыве гнева подал в отставку и великий князь склонен его уговаривать остаться. Телеграфом я просил остановиться и дать Дубасову выйти, не обращая на бутаду внимания. Положительно нужен пример. Пилкин популярничает и уверяет, что он удивлен успехами Дубасова в минном деле. Пускай, а остановить сорванца нужно.

2 августа

Опочинина, тетка Скобелева, хотела меня видеть и два раза не приняла. Не понимаю подобного процесса. Зачем, впрочем, мне возобновление этих давних знакомств? Мое призвание отречься от мира и оставаться в нём только для исполнения моего долга гражданина. Я стал свободен от всего земного, исключая свойственных человеку физических слабостей.

4 августа

46 лет, как я лишился матери. Давности памяти, давность сердца, давность все поглощающая. Едва ли я вспоминал когда-нибудь этот день её имянин. Сегодня пришла на память кровная моя охранительница. Приголубь мою Надю, открой ей настоящее сердце мое, передай ей мое раскаяние. Соедините, дорогие призраки, Вашу любовь ко мне недостойному и благословите меня на труд полезный и успешный. Молитвами вашими да просветит Творец ум мой, да утвердит дух мой в справедливости, на пользу моей родины, на славу призревшего меня несчастного царя. Аминь.

Лисянский пишет, будто мое посещение портов и отрядов произвело в среде моряков хорошее впечатление.

5 августа

Начал приводить в порядок записки за прошлый год.

6 августа

Перед отъездом Дена много болтал с ним. Уверяет, будто коронация государя в Варшаве произвела бы фурор в Польше, а нам ничего не стоила бы. Так ли? Пойдут надежды на политические вольности.

Турки никак не могут сладить с англичанами на счет совместного занятия Египта. Мы как-то будируем англичан и, что хуже, будируем одни *Bismarc nous met dedans* [Бисмарк нас одурачил].

Последние дни лечения как-то идут труднее и медленнее.

8 августа

Приехал Лихачев и не знал, как со мною обращаться, но скоро сговорились и всё пошло гладко. Однако ж не мог не заметить мне, что его оскорбляет, что обращаются не к нему, а прямо к Линдену. Говорит, что в Москве все готово к коронации, и её ожидают. То же пишет ко мне Казнаков. У нас самоубийство офицера на «Пожарском». Умер Ф. П. Литке. Отставка Дубасова пойдет в ход по моему желанию. Жаль, но нужно.

9 августа

Рано утром Лихачев, перед отъездом в Париж, пришел ко мне и желал, чтобы я откровенно высказал ему мое мнение, не тяготит ли он меня, оставаясь на настоящем месте. Я отвечал, что сказал бы ему сам, если бы дальнейшее его пребывание не входило в мои расчеты. Он меня очень тронул предложением наблюдать за могилою Нади.

Отвечал Литке на его телеграмму.

10 августа

Сегодня не пришла почта из России.

12 августа

Сегодня оставил Эмс и пустился обратно к делу.

13 августа

На границе увидел только солнце. Прочел приказ об увольнении Дубасова от службы. Познакомился с К. В. Струве, прежним посланником в Японии. Он советует захватить Порт-Лазарев теперь, пока у англичан полны руки и хотел договорить о том с Гирсом.

14 августа

В 6 часов прибыл в Петербург. Казнаков тотчас же сказал, что смотр назначается в Транзунде и что уже все отряды созваны.

15 августа

Был у великого князя Алексия, по-видимому, обрадованного окончанием дела Дубасова. Говорили о маневрах. Не хочет сам ими распоряжаться.

16 августа

Доклад и представлялся государю, удивившемуся, что я приехал так скоро. Говоря о смотре, заметил, что суда наши много заходят на пути и сказал, что желал бы иметь на смотру «Петр Вел».

Ездил в Михайловское ко обедне по случаю 25 лет свадьбы вел. кн. Михаила; там представился греческой королеве.

Возвратясь, тотчас телеграфировал Басаргину, чтобы шел прямо в Биорко, и занимался подробностями предстоящих маневров.

19 августа

Окончательные распоряжения на счет маневров. Со мною, на «Олафе», идут завтра герцог Евгений Лейхтенбергский, вероятно, два голландских офицера, и охотники до смотра. Свита идет на «Державе», а я перебираюсь на неё в Транзунде. Там всё и произойдет. Доклады, доклады и доклады.

20 августа

Хотя знал, что «Олаф» не возвратился ещё из Транзунда, куда был дослан, в 6 час. отправился на «Неве» в Кронштадт, застал уже там спутника, герцога Евгения Лейхтенбергского, и расположился у Казакевича ждать, с намерением тотчас идти, если «Олаф» прибудет. Его задержала «Светлана», приткнувшаяся на мель в Транзунде.

21 августа

В 6 ч. утра, видя, что «Олаф» нейдет, отправился в Транзунд на «Неве» и встретил «Олаф» за Толбухиным, велел ему следовать за мною. Яхта вела себя хорошо, хотя для неё была порядочная зыбь. В 12 ч. пришел в Биорк-э, виделся с Пилкиным и пошел далее. В 3 часа прибыл на Транзундский рейд, тотчас осмотрел позиции и в северном проходе поворотил яхту, не смотря на толки командира и Березина.

Долго сидели за обедом. Велел начать действие. Вечером пришла яхта «Зина», которой герцог велел прийти в Транзунд. Молодец Меньшиков, а Палтов, высланный из Петергофа утром, воротился. Жалею, что вышел поздно и не сделал сигнала следовать за мною.

22 августа

Депеша что государь садится сегодня на «Державу» вечером и с рассветом снимается в Транзунд. Ветер крепкий и едва ли улучшится погода к назначенному времени отхода. К. П. Пилкин, со своими судами, ушел обратно в Биорк-э. Посетил «Кн. Пожарский». Был у обедни, потом осматривал всё, касающееся до матросов собственно. Большой процент неграмотных. Фрегат в порядке. Головачев дурно наблюдал мои движение. Ночь прошла без действий, потому что не хотелось даром мочить людей.

Французы счастлив, что у них Гиерский рейд для эволюции флотов, а у нас ещё лучше Транзундский, а мы смеялись, что Бутаков постоянно стоял здесь. Разумеется, следовало выходить в море, но все-таки арена чудная и на шлюпках можно поморячиться.

23 августа

Лишь только успел я разместить суда (причем должен был учить Брылкина, как свозить десант) показались из-за острова мачты «Державы» и «Царевны». Я вышел на встречу на «Неве» и указывал путь. Государь и императрица приняли очень ласково. За завтраком посадили возле себя и очень были милостивы.

После завтрака поехали за Миэн-Сари смотреть ловление мин и кладку их. Были взяты некоторые предосторожности, но не большие. Черевин показал мне донос, что хотели офицеры убить царя и меня. Если это была правда, то представлялся удобный случай. Царь был между мин, смотрел, как их вытаскивали на берег, гулял по берегу и т.п. Дети веселились, бегали и наследник меня удивил рассудительностию по поводу пролития кислоты из трубы мины. Тотчас начал засыпать землю, чтобы матросы, ходившие босиком, не повредили ног.

Ещё при входе яхты свозили десант и делали атаки. Вечером большой обед, на котором были привезенные мною голландцы и все высшие эскадренные чины. Музыка. Чета царская большие музыканты. С 9 часов начались атаки. Их интерес скоро иссяк, как вдруг открыли пальбу на дозорном катере, где были кадеты. По-

видимому, Пилкин дослал судно подкрасться. Брылкин наскоро развел пары, забрал десант и пошел к своей эскадре. Рейд до полночи освещали электричеством. Всё было удачно.

24 августа

В 9 час. утра вошел на рейду Пилкин с эскадрою. Его атака была очень эффектна и по истине блистательна. В густейшем дыме он ринулся на Головачева. Вместе напали на него из обоих проходов лодки и миноноски. Головачев кричал ура, хотя признал себя побежденным.

После завтрака смотрели метание мин Уайтхеда в проливной дождь и пальбу с судов артиллерийского отряда. Мины проходили вплоть к катеру государя.

Вечером весьма удачная иллюминация. Кадеты пели у борта.

25 августа

Вчера я пожурил Брылкина за доклады мимо маня. Сегодня, в 10 ч. утра, высочайший смотр флоту. Государь поехал на «Пожарский», где я показывал императрице *menu* [меню] обеда для «Джигита» и модель «черепахи-человека», которую приняли для наследника. На «Аскольде» государь был доволен воспитаниками и я велел простить Кедрова. Подле государя выстрелили из Пальмкранца («Пальмкранц» – 10-ствольная картечница для стрельбы патронами, принятыми в сухопутном ведомстве для ружей Бердана калибра 10,7 мм., – ред.) и когда он отвалил, выпалили ядром при салюте, по счастью в противную сторону. На «Лазареве» бросили мину, а на «Первенце» смотрели тревогу.

Пароход мой «Нева», спеша утром с курьером, сел на камень, пробивши дно, и не мог быть стащен. Поехали в Кронштадт за средствами.

После завтрака гонка шлюпок. Императрица раздавала призы.

За обедом не выдержал и провозгласил тост за здоровье царской четы с «Ура». Государь пил здоровье флота, чокался со мною и потом особенно благодарил меня и вновь чокался, также и императрица.

Вечером иллюминация, песни и взрыв мин при электрическом свете. Эскадра Головачева ушла на дистанцию. Приезжали гр. Ф. Гейден; просто сделался мумией.

26 августа

Утром снялись с якоря и в сопровождении царских яхт двинулись из Транзунда мимо судов эскадры Головачева, расставленных на пути. Погода чудная, летняя. Царственная чета всё время сияла удовольствием. Особенно отрадно было глядеть на них в обстоятельствах настоящего времени.

Доклад. Государь всё утвердил, но мое ходатайство, чтоб Казнакова оставить в свите, не удалось по принятому принципу. Царь хочет сохранить свиту до 30 человек, а их теперь 300. Долго ждать. Впрочем, он сказал, что ценит Казнакова, и

вероятно сделает для него исключение, но теперь не хочет обижать других, так как многие производятся с ним.

По прибытии в Кронштадт великий князь дал мне свою яхту. Я проводил «Александрию» до Петергофа, поровнявшись с нею у входа в гавань, спустил брендвымпел и через 1½ часа был в Петербурге.

Слава Богу всемогущему, и мое недостойное ему благодарение.

27 августа

Работал как вол.

28 августа

Утром был у великого князя. Говорил о Константине, который делал ученье на корвете «Воин» в Черном море. Ездил в Морской Корпус представлять возвратившихся из кампании кадет новому директору и по этому случаю объявил, что порядки изменятся, что гулять в будние дни уже не отпустят и что нужно на улице привыкать к дисциплине, к которой до сих пор привыкали в Гардемаринском звании. Арсеньев очень благодарил маня.

Вечером Попов, отравляющийся в Орианду и рассматривавший наши чертежи, читал мне лекцию. Не глуп, но всё везет в свои утопии круглых судов и стинфильдских доков.

29 августа

Сегодня собирал всех (более для одобрения) инженеров, чтобы рассуждать о новых постройках. Шварц, кажется, слаб и не знаю, каким он будет председателем Технического Комитата.

Объявил вечером приказ о производства 19 контр-адмиралов, 6 генерал-майоров, 2 вица-адмиралов и передвижение командиров. 4 флигель-адъютанта повышены, но без назначения в свиту, вследствие намерения царя уничтожить совсем свитских.

Был у меня отставной Дубасов. Я убеждал его, и, кажется, убедил, что он сделал глупость. Навернулись на глазах слезы. Я его порядочно постегал, так что он меня стал просить, чтобы видеть государя и великого князя Алексия, дабы убедить их, что выход в отставку был с его стороны ошибкою, а не бравадою.

30 августа

Боже милостивый. Господь благий. В умилении и прахе благодарю тебя за твои несказанные благодеяния. Утешен я, недостойный, утешена в лоне твоем и моя бедная Надя, много скорбевшая, что покойный царь, которого мы оба чтили и любили, жестоко исключил меня из военного дома. Нынешний владыка в этот день торжественно восстановил честь мою. Надя. Молись за него, за царицу и за детей. И

восстановил так мило, сказавши «Вы позволите мне назначить Вас моим генерал-адъютантом?». Выйдя с парохода, он подошел ко мне и совершенно внезапно (ибо на Державе ещё говорил о сокращении свиты) объявил мне то, что считал только любезностию и что для меня было торжеством.

Среди страшной толпы народа, он проехал, по обычаю предков, в Лавру. Там я горячо молился за него и за мою Надю, не показывался на глаза за завтраком у митрополита и вновь увидел царскую чету только при возвращении на пароход. Царь всё время (он остановился в Аничковом, откуда проехал на гробницу отца и потом на пристань) был в толпе и всемогущий сохранил его. Слава Богу милостивому.

Сделал телеграмму Константину: «Пожалованный генерал-адъютантом, я первее всего памятую, что обязан В. В. за направление меня по пути, на котором мне выпало истинное счастие».

Тотчас попросил Алексия простить Дубасова, который вчера был у меня и, кажется, понял, что сделал пошлость.

31 августа

В Петергофе являлся Алексию, государю и императрице. Прослезился, благодаря царя, просил простить меня, что вспоминаю, как я был исключен из военного дома и как торжественно реабилитирован теперь, что по этому для меня аксельбанты не награда только, лестная для каждого служащего, а истинное благодеяние и счастие. Царь дважды обнял меня, сказал, что всё тогда была клевета и благодарил не только за настоящее, но и за прошедшее, выразив уверенность, что я буду служить с пользою по-прежнему. Я ответил, что нет других интересов, кроме служб ему.

Милой императрице сказал, что государь сделал двух счастливыми, из коих одна уже не в мире сем. У меня своя религия, прибавил я, и я верю, что и Надя радуется. Невзгоды мои, разорение, собственные страдания она переносила стоически, но посмерть не могла забыть, как третировал меня покойный царь, которого мы с нею чтили. Пожалела царица, что некому делить моей радости, и отпустила растроганная.

Расписался у Михаила Николаевича и завтракал у Александры Иосифовны. Души теперь не чает в царе и хвалит его. Плакала, сказала, что писала мужу, чтобы *son avenir lui appartient* [его будущее принадлежало ему], а я сказал *son avenir vous appartiendra M-me* [его будущее будет принадлежать Вам, мадам].

Возвратился в 5 часов и едва успел поспеть на Московскую железную дорогу. При отправлении попал на сцену уезжавшего Черняева. Провожали молебном, «Ура!» и образом, но все чуйки. Всё – демонстрации. И Крестовский за ним в Ташкент. По дороге и в Москве не было оваций.

1 сентября

В 11 ч. утра прибыл в Москву, пыльную, неподдающуюся порядку. Общий вид круглого здания выставки с павильонами *a la russe* [в русском стиле] из центрального сада,

очень симпатичен. Осмотрел морской и военный отделы. Наш убран лучше, но для меня нет ничего нового. Все те же пушки, мины Уайтхеда; не видел только водомера Селезнева и его маячных ламп. В военном отделе отрадно было видеть русскую изобретательность в серии машин для многосторонней поверки гильз, для вытягивания их и для проверки патронов по весу. Полк. Борисов объяснил регулятор двух машин (приложимый к нашим), прячущиеся орудия по наклонной плоскости, с противовесом и движением плоскости вверх и вниз на 8". Пекарные печи, развинчивающиеся (на три части) осадные орудия и мортиру; новую амуницию солдат, уменьшившуюся за 25 лет на 11 фунтов; все станки для выделки призматического пороха и т. п. Бегло прошел закрывавшийся драгоценный ряд и лишь успел взглянуть на болгарский золотой подарок царю и несколько коронационных блюд.

С выставки поехал в храм Спасителя. Не ожидал быть так пораженным. Внутренность, вся окруженная дорогими разноцветными камнями, выше всего, что до сих пор удавалось видеть *le fini* [здесь: совершенство] вид канделябров, эмалированных хоругвей и всех деталей поражает отчетливостью. Вегер и иконостас из каррарского мрамора дивны. Многие священные картины (Нефа, Верещагина и Бруни) просто *chef-d'œuvre* [шедевры]. Кресла царственной четы и митрополита, из мрамора, дивны. Все великолепно и со вкусом и обильно светом. Взгляд мой был беглый, но успел восхититься. Наружность вовсе не отвечает внутренности – бесхарактерна, гола и опоясана слишком низко гирляндою скульптурною. Двери мизерны, входные ступени высоки. Кругом большая площадь, изоляция достаточная.

Возвращусь. Проехал в Кремль полюбоваться Замоскворечьем, но всё было в пыли. Начал день осмотром дворца. Был у Долгорукова и на завтра он велел мне хорошенько показать храм Спасителя. Опять на выставке. Смотрел художественный отдел и школьный.

Ответ генерал-адмиралу на мою сердечную депешу. На мою вежливость он отвечал грубостью, говоря, что желал бы на деле доказательств, что я помню то„ что он для меня сделал (никогда я этого не говорил), сохраняя все порядки, которые он заводил 29 лет.

3 сентября

Второй визит в Храме Спасителя. На выставке осмотрел нефтяное производство; регулятор Борисова в действии; машину самоучки-механика на бывшем заводе Бернадаки, сигаретную машину камергера Жадовского. Котел с топками, не требующими загребания, золотые вещи Овчинникова и Хлебникова и т. п.

Завтрак достойный быть выставленный по цене.

Отъезд.

4 сентября

Прибытие в Петербург. Прямо к великому князю. Сообщил депешу Константина. Решили на счет замены Казакевича. Нашел ещё поздравления.

Назначение Волконского товарищем Делянова и Маркова товарищем Грота. Безак телеграфом вместо Лидерса. Баранов в Нижний. Что с ним возятся?

5 сентября

Визиты Батюшковым и Гроту. Говорили о тенденциях Толстого и Победоносцева, их закон о прессе проходит.

6 сентября

Доклад у государя. Дозволено внести в следующий доклад: 1/ Назначение Казакевича в Государственный Совет; 2/ Перелешина главным комендантом; 3/ Переименование Инспекторского Д-та в Главный М. Штаб и 4/ назначение Казнакова испр. должн. Начальника Штаба. Я мотивировал перемену необходимостию показать при предстоящих подрядах на кораблестроение ничтожество канцелярии и будущую скорую участь её. В ней останется временно вице-директор. Г. И. затеял полемику против станков Пестича, думая, что он занимает начальническое положение. Велел переменить название эскадр-майора.

После доклада сделал визиты: Ольденбургским (был принят мило); Лейхтенбергским – не был принят. Екатерине Михайловне – напомнившей об Ораниенбаумской пристани. Сел в Ораниенбауме на «Ильмень» и пошел на «Петр Великий». Удивясь, что меня встречают в мундирах, узнал, что сейчас будет государь. Действительно, скоро вошел на рейд новый катер со всею царскою семьёю, «Дагмара» и за ним «Марево». Лишь только государь вступил на корабль, сказал мне, что помешал моему смотру, на что я ответил, что приехал смотреть не как и что на корабле сделано за компанию, а чего нам не должно делать на новых судах. Как всегда государь и императрица были очень милы. Офицеры не умели встретить государя по уставу. Вообще приезд был врасплох. Императрица выговорила, что ей назвали койки постелями. Проводил царскую семью до Александрии и пошел в Петербург. Стемнело и мы пробирались в вехах ощупью.

7 сентября

Потийский К-т Перелешину, что инспекторский Д-т, с его новым назначением, переименовывается в Штаб. Ему кажется, что я тороплюсь, а я боясь самого себя, чтобы не остановиться пенями Константина, хочу доказать, что иду твердо по пути.

Потийский вопрос. Мы все за продолжение южной молы. Разговор с Новосильским, обидевшимся, что его назначили экипажным командиром. Успокоил.

Комитет М-во, поздравили гр. Баранова в Франкфурт с 50-летним юбилеем. Получили алмазные знаки.

Просили Дурново и Набоков не придавать суду Головачева, опасаясь скандала. *Trop de Zele de la part de Kazakewitch* [слишком усердное участие Казакевича].

Государь с семьёю отправился на выставку, а говорят – короноваться. Итальянский военный агент, от верного, слышал, что Попов поехал в Крым уговорить Константина

на соглашение и предложить ему место председателя Государственного Совета. Попов *comme instrument de consiliation!* [как способ примирения!] Константин председателем уже эмансипированного от него совета, привыкшего к некоторой самостоятельности.

8 сентября

Проводил Мекленбургских и ездил к M-cle Роден, плакавшей о своем племяннике.

Государь благополучно пробыл в Москве и был встречен с восторгом. Всё время окружен толпою. Боже храни его.

9 сентября

Молебен по случаю рождения великого князя Константина. Не смотря на его мне ответ послал обычную телеграмму от морского ведомства. Решил два чертежа для черноморских броненосцев и один док сухой в Севастополе.

Дуэль между Столыпиным и Шаховским по делу марта месяца. Это уже неизвинительно глупо. Было время опомниться и рассудить.

10 сентября

Из иллюстрации видно, что есть неудовольствие на неосвящение храма Спасителя и потому думают, что его освятят теперь. Думаю, при докладе о Козакевиче, нужно будет мне сказать о вероятности призыва его в свидетели.

11 сентября

Родители (большею частию моряки) осаждают по случаю экзаменов. Странно, все морские дети доросли болванами до предельного возраста.

12 сентября

Вечером был прокурор Муравьев с докладом о деле Головачева. Очевидно, Козакевич доверял ему безгранично. Нечего делать, а должен завтра предостеречь, чтобы не пало на государя назначение, которого старик Козакевич может оказаться недостойным.

13 сентября

Доклад. Государь отложил назначение Козакевича, и я тотчас телеграфировал в Государственный Совет. Это разрушило на время все мои планы о перемещениях. Был у кн. Кочубей. По-видимому, все в восторге от Москвы. Там были артели полицейских, *sergents de ville volontairs* [полицейских из добровольцев-ополченцев] и распоряжались, как нельзя лучше. Царственная семья много накупила и князья тоже. Сегодня видел у в. к. Алексия кустарного всадника: *le cheval comme un capricorne* [лошадь будто козерог], да и всадник, Бог знает что.

Что-то плохо начинает Арсеньев свое дело. Чуть не прогулял конца экзамена, а теперь, как говорил Воронцов-Дашков, хлопочет, чтобы во дворце за ним осталась квартира, будто не желает жить в городе или думает пользоваться двумя квартирами.

Г.А. Ганецкой вспоминал мое виленское горе.

14 сентября

Приближается к концу период нравственных мук, к которым, хуже всего, привыкаешь. Кончаются экзамены в училищах – кончится и плач матерей.

Некто Рудзевич, Витебской губернии, третий раз приходит оттуда экзаменоваться в Техническое училище. Велел принять нового Ломоносова.

Написал Алексию, на что нужно обратить внимание на «Петре В.» и как на что смотреть, чтобы нам избежать ошибок на будущих кораблях.

15 сентября

Государь едет завтра на охоту с борзыми. Прекрасно, но не должно увлекаться московским приемом и полиции следует бодрствовать.

Публикован указ о временных правилах о печати и в иностранных газетах говорят, что Бунге и Набоков стояли за отказ Толстому.

16 сентября

Смотр Великого князя «Петру В». Ничего на корабле не кончено и много убедило меня, что преобразование мною затеянное необходимо. Никто ни за чем не наблюдает. Механизмы не являют должной силы, пушки действуют только на показ и пр.

Читал письмо Гладстона к О.К. Старик мило пеняет, что успехи англичан в Египте раздражали нас, порицает берлинский трактат и жалеет о герое Скобелеве.

А. К. Никонов накутил. Похоронил какого-то Лазарева в храме Адмиралов и настаивает, чтобы его там оставили. Жена даже телеграфировала Рихтеру, который сказал мне, что знал Лазарева как *un gros inbicile* [редкостного дурака].

17 сентября

Приходил Гирс. Пенял на во всё вмешивающегося Победоносцева. От Алексия слышал сегодня, что не хотят давать ему субсидий – и хорошо сделают. Алексий, по настоянию моему, говорил государю, что Добровольное Об-во может повести его к скандалу. Гирс уверен, что императрице не нравиться назойливое менторство Победоносцева – а пора бы ему кончиться. На обеде у Долгорукова, когда гр. Толстой спросил Гирса, отчего он не привел с собою Победоносцева, Гирс ответил: «Я думал, что вы его привезете с собою *allusion â leur camaraderie* [намекая на их товарищество] и слышавшая императрица одобрительно улыбнулась.

Мы приняли в корпус 30 человек сверхштатных. Разнесут газеты.

Поздно вечером агент северного агентства принес депешу, что на поповке «Новгород» разрывом мины в трюме убило 9 офицеров и 20 чел. команды. Просил не публиковать и велел тотчас запросить Пещурова.

18 сентября

Грустное происшествие в Севастополе. На поповке «Новгород» убило шесть человек (в том числе двух офицеров) и ранило девять взрывом мины в минном магазине. Недозволительное несоблюдение наставлений. Послал Казакова и Верховского на следствие с правом сменить командира. Просто служба пошла к ч...

Был Гр. Путятин. Странно, в таких летах и ненависть к Лесовскому. Всё из-за японской истории.

20 сентября

Доклад у государя. В разговоре с Алексием он держался за Гвардейский экипаж, но согласен, что два фрегата слишком много и что фрегат можно заменить клипером. Хочет привлечь в технику Лихачева. Я согласился, хотя предвижу, для меня собственно, *du mauvais sang* [(что это мне) подпортит кровь].

21 сентября

Показался знаменитый Баранов. Просил его абутировать меня с Победоносцевым на счет субсидии Добровольному флоту.

22 сентября

Был экс-архангельский, ныне нижегородский губернатор Баранов. Говорит, что Архангельского порта не нужно, а нужен на Мурмане. Просил абутировать меня с Победоносцевым касательно Добровольного флота. Обещал. Говорит, что согласен со мною, но можно ли ему верить.

23 сентября

Обошел Новое Адмиралтейство. Велел составить проект и смету на улучшение эллингов для кораблестроения. Хочу сосредоточить всё казенное судостроение в Новом адмиралтействе; отдать Галерный островок в наем, а затем хоть утопить Балтийский завод. Теперь в Адмиралтействе всё мертво; один «Дмитрий Донской» растет понемногу. Хорошо идет. Хотят, по-видимому, чтобы всё было современно.

Завтра столетие Фонвизинскому «Недорослю»; прислали две ложи для воспитанников.

Длинный доклад о Константинополе фл.-адъют. Макарова. Очевидно, занимался делом и замечал, что умел.

24 сентября

При докладе в. князь выразил желание, для избежания нареканий принять всех экзаменовавшихся, но объявив, что в будущем году уже ничего подобного не будет.

Боюсь, что с Арсеньевым выйдет ерунда. Болеет, живет в Царском.

Предложил Лихачеву место обер-техника, а он Жандру пишет о начальнике Штаба. *Pas si bête* [Дураков нет!].

26 сентября

Прочтя дело Казакевича, нашел нужным написать великому князю, что счастлив, что остановил его назначение в Совет, но и Главным командиром он оставаться не может, о чем просит его подумать. К ночи он ответил, что поговорит со мною о предмете лично. Непонятна упорная защита Козакевичем такого разбойника, как Головачев.

От Лихачева получил ответ: *respect fully déclins* [при всем уважении — отказываю (англ.)] – а Жандр читал письмо, в котором Лихачев, понимая, что нам нужно создать нечто, в роде Главного Штаба армии, т. е. особых офицеров – стратегов – пожалуй, принял бы место их начальника, думая, что лучше кого-либо может занять его. Что за ерунда. Офицеров-стратегов там *ou chagun, même l'amiral,ou plutôt l'amiralle premier,paie de sa personne* [где каждый, будь он хоть адмирал, хоть генерал-адмирал, сам себя за себя платит], и где всякая местность всякой битвы, мне совершенно ясна или известна.

27 сентября

У государя не было сегодня доклада, и я отправился в Кронштадт, предварительно осмотревши пароход «Красноводск» с прибором для топки нефтяными остатками. Чрезвычайно просто и, конечно, опрятно.

28 сентября

Был на панихиде у Баранцова. Всю жизнь плыл в позлащенной ладье попутным ветром, вынесшим его в графское достоинство и навеявшим на него все почести.

Вечером сидел у Победоносцева, которого убеждал подумать зрело о вопросе Добровольного флота. Просто чванный глупец, истинный *Amiral Suisse* [швейцарский адмирал (отсылка к выражению «выглядеть как швейцарский адмирал», то есть «выглядеть напыщенным дураком», вспомним, что в Швейцарии нет и не может быть флота)]. Ничего не понимает и ничем по флоту не занимается. Суется во всё, лишь бы напустить влияние на государя.

30 сентября

Суматошный день. Погребение Баранцова, потом призвали к новой жизни молодежь, выпущенную из училища. На акт собрались адмиралы, и приехал великий

князь. После долгой речи Арсеньева в. князь сказал юношам доброе, за душу цепляющее слово. Я выразил Арсеньеву надежду, что его воспитанники будут принимать иначе подобные приветы.

3 октября

Утром ездил на освящение студенческой коллегии Полякова. Благое дело, с какими бы видами не было связано. Собралось много публики, говорили много речей и ели и пили. Виновник сего метил на баронство и не пожелал Станиславства.

Прибыл Казнаков – сделал немного и неточно. Буду ждать решения следственного производства. Был ли злой умысел или нет, не знаю, но очевидно были упущения против требований устава.

Везде сопротивление. Козакевич обижается, что не он осматривает возвращающиеся суда [5].

4 октября

Морозный ясный день. Доклад, на котором я не мог объяснить, почему лейт. Кузин служит 28 лет.

Наследнику поднесена Кронштадтским портом модель клипера «Джигит».

Возвращаясь с великим князем Алексием, говорил о Константине; по-моему, его не следует привлекать сюда. Передавал все, что Казнаков сказал мне о его свидании с генерал-адмиралом. Говорил о спуске «Владимира Мономаха». Все боятся ещё за государя и вел. князь не знает звать ли его. Государь решил, что если обстоятельства потребуют, то был бы внезапный спуск.

Вечером слушал тоскливого Маклая, забавлявшего черепами и побасеночками. Уверял в. кн. Алексия, будто был у меня три раза.

5 октября

Ездил на Колпинский завод. Что за безобразие? Для чего его распространили? Пределы его деятельности указываются естественною силою – запружением р. Ижоры. Теперь большинство работ производится паром, требующим подвоза топлива весьма трудным путем. Выстроили громадное здание для прокатки брони и продолжают ставить плющильню, а железная броня уже вышла из употребления. Речка обмелела и, спускаясь по ней, я употребил 1½ часа на 7 верст. По обоим берегам теперь шерстяные заводы и барки положительно мешают сообщению. Не знаю, за что приняться.

---

5 Машинописный текст: «Центральный Государственный Исторический архив в Ленинграде, фонд Шестакова Ивана Алексеевича, ед. хранения № 1, 1882 г. Копия»; рукописный текст: «Верно: научный сотрудник Центр. Исторического Архива З. Коробова». Новая страница начата машинописным текстом: «1882 г. /Продолжение/».

6 октября

Начал фехтовать. Нет совсем моциона. Графиня Гейден сделала визит моему другу. Считаю это за большое одолжение с её стороны.

9 октября

Говорил после доклада с в. князем Алексием о том, что государю нужно переехать в Петербург. Поговаривают, будто в декабре хотят перебраться. Мне кажется, дружина *fait ses affaires* [устраивает свои дела].

10 октября

Спустили «Мономах». Истинно жалко расстраивать завод, а нечего делать. Туман непроглядный. Козакевич упал духом, и я сказал ему о суде над Головачевым.

11 октября

Доклад. Государь велел послать «Ярославль» за границу, по моей первоначальной идее, а судам, задержанным по египетскому вопросу, идти далее по назначению. Велел также изготовить благодарность охране.

Гр. Гейдену рескрипт, в котором сказано, что вследствие принятой им меры, государь вынужден приказать ему впредь советоваться с прокурором княжества. А русским генерал-губернаторам проходят бесчинства.

Позволил продолжать иметь дело с Балтийским заводом, ибо я сказал, что нам нужны суда.

12 октября

Утром ходил с в.к. Алексием в Кронштадт на «Стрелок». В вехах стал на мель поперек фарватера пароход (никакого наблюдения за проходящими судами): шедшие в оба направления конвои также остановились и совершенно заперли проход. Стали на мель и мы, потому что держались к подветренному краю фарватера. Шедшая за нами «Нева» хотела подойти, но я приказал дать задний ход и поставил её тем на мель. Бились два часа. Стрельненские офицеры вялы. Сам поехал осмотреть пароход и разогнать столпившихся. Стянулись, пошли в Кронштадт, смотрели «Стрелок» и воротились в Петербург во время, так что я успел отправиться по приглашению в Гатчино обедать.

Августейшие хозяева были очень милы. Государь говорил о Маклае, что тот жаждет меня видеть – и действительно сегодня Маклай рано утром, в белом галстуке (он прямо из Гатчино, где вчера демонстрировал вечером) приехал ко мне. Хочет станцию для крейсеров на островах около Новой Гвинеи – т. е. что бы быть в ней царьком. После обеда Гирс, когда говорил с императрицею, вдруг s'est affai [рухнул] – обморок. На обратном пути гр. Толстой болтал всё время; желчный blageur [хвастун]. Графу Гейдену, был рескрипт вследствие того, что он, противно финляндским законам, велел сделать обыск у нигилистов русских. Ванновский говорит, что Гейден просил сам, чтобы покончить дело.

16 октября

Утром у в. князя. Ему нужен адъютант, и я указал на Барятинского; только не знаю согласиться ли с этим отец.

Слишком сижу. Стал рано прохаживаться и фехтую, но доктор советует ещё пассивную гимнастику.

17 октября

Вечером заехал к Лессовскому для переговоров о членах комиссии под его председательством для пересмотра устава. Потом был у гр. Логина Гейдена. Говорил о рескрипте его брату.

18 октября

Доклад у государя. Ничего особенного. Победоносцев зашел в мой № и нес мне такую чепуху о Добровольном флоте, так настаивал на его полезности и на невозможности казенному управлению быть полезным, что я спросил его, что же он хочет, чтобы я подписал сам аттестат моей неспособности? Он дошел до того, что советовал мне через них заказывать крейсеры.

На обратном пути толковали с Рихтером, Черевиным и Мальцовым. Государь в дождик вдруг задумал ехать на охоту псовую и взял с собою великого князя Алексия, вовсе не желавшего подвергаться усиленному моциону в слякоть.

20 октября

Начал пассивную гимнастику – выдумка какого-то шведа. Чрезвычайно остроумные машины, коверкающие человека естественным образом, усиливая движение мускулов *in the right way* [правильным образом (англ.)]. В особенности замечательна система эксцентриков, разминающая брюшную полость. Встретил многих знакомых, помогающих себе нести жизнь – между ними почти 70-летнего К. К. Грота, вступающего в брак с Мухортовой.

22 октября

На новый проект центрального управления Казакевич прислал оппозиционно-поэтический ответ. Говорит, что я выдергиваю лучшие *fleuron* [цветочки] из реформ прошлого царствования, централизуя, тогда как незабвенный Освободитель все децентрализовал. Что за поэзия, когда дело идет о рублях и копейках!

25 октября

При докладе государь заметил, что лучше награждать инженеров по испытании выстроенных ими судов, а не при спуске. Дельно, но испытание-то у нас идет через долгое время по спуску. За что заставлять ждать?

Снег.

При докладе же государь говорил о финском кадре матросов. Я решился сказать несколько противное мнение и предложил расписывать их на суда, как делалось прежде.

26 октября

Говорил с Ф.Л. Гейденом о будущем кадре финского экипажа. Советовал расписывать их по судам нашим, а особых судов им не давать. Вчерашнее замечание государя сегодня же оправдалось. Оказалось, что «Нева» исправлена дурно, небрежно, и я просил великого князя Алексия изменить уже подписанный приказ. Инженера Александрова вымарали. Это должно произвести благоприятную в служебном отношении сенсацию.

Гр. Гейден сам просил, чтобы дело кончили замечанием ему.

28 октября

Давно, разными случайностями, я был в холодности с дядюшками великого князя и сегодня всё поправил. Николаю Николаевичу предложил адмиралтейский шпиц для опытов над сигнальным фонарем. Справедливо фельдмаршал замечает, что гелиографы и вообще дальние сигналы весьма важны для кавалерии. Михаил Николаевич сознался, что был неправ, виня меня в написании указа о Козакевиче. Он объясняет гнев брата Константина естественною досадою человека, которому неприятно видеть перемены им сотворенного.

У Михаила Николаевича застал Дондукова и П. Шувалова, не могущего отстать от значения.

1 ноября

Доклад. Миклухо-Маклай, по-моему, маклак, склонил государя занять или приобрести в Полинезии, какое-нибудь складочное место для наших судов. Для чего? По-моему, если уж непременно хотят, то пусть Маклай купит его и там поселится, что он только и хочет. Придет завтра меня сверлить.

Я никак не подозревал, чтобы Рихтер был драматический писатель. На обратном пути он декламировал своего сочинения пародию на *Victor Hugo* [Виктор Гюго] по поводу игравших на дворцовой лестнице музыкантов.

Сегодня у меня обедали Гейдены.

2 ноября

Большую часть дня провел с Маклаем. Советует занять пункт на островах Адмиралтейства и *Pellew* [Пелью]. Я, вместо Адмиралтейства, считаю лучше занять гавань Алексея на берегу Маклая на самой Гвинее. Все равно, чтобы мы ни заняли, узнают. На *Pellew* есть, кажется, две хорошие гавани и острова более поддаются северной натуре, но уже заняты разными тредерами.

Мне хочется направить «Скобелев» в (гавань,– ред.) Алексея и потом в Пелью, на пути в Японию, а возвращающуюся «Африку» – в Пелью, Алексей, Сидней с Миклухой и в Европу. Нужно переговорить с Влангали. По-моему, занять что-нибудь не дурно, но в военное время это не послужит нам ни к чему. Если укрепимся, хоть в Пелью, это притянет, разумеется, туда вражьи силы, а нашим даст простор и свободу.

3 ноября

Беспорядки в Казанском Университете, понудившие закрыть его. Держат в великой тайне, Бог знает для чего.

4 ноября

Телеграммою из Гатчино опровергнуты слухи об удалении Воронцова-Дашкова. Говорят, будто там *les regnins de la cour* [здесь: сильные мира сего] (как их назвала Трубецкая) покутили шибко и государь их жестко ускромил.

Сделал визит Н. Ф. Козлянинову и Клоту. Узнал неожиданно, что последний совсем «готов» и когда говорил о том с первым, «тоже готов». Он начал пенять на несправедливость судьбы, подвергшей одинаковому недугу его, ведшего правильную жизнь, и Клота, тратившего её беспутно. «Нет, – вдруг опомнился Козлянинов, – справедливо». «Меня 12 лет болезнь не сломила, а его свалила в 4 месяца. *Est-u ramalissement* [Он-то послабее меня будет]».

Гирс уехал в отпуск, сдал обязанности Влангали.

6 ноября

Сговорившись с Маклаем, велел написать корвету «Скобелеву» идти в Сидней и быть там в исходе марта, взять Маклая, идти с ним на Адмиралтейские острова, в бухту Астролябия и на острова Пелью, где встретиться с «Африкою», передать ей Маклая, а сам пойдет к Копытову. «Африке» быть в марте на Пелью, взять там Маклая, осмотреть острова Пелью, Адмиралтейства и берег Маклая и, высадив самого путешественника в Торресовом проливе, следовать в Россию. Таким образом «Африка» и «Скобелев» друг друга доверят.

7 ноября

На докладе великий князь рассказал историю Московского полка. Офицер Сахаров, разругавший баталионного командира, был оправдан судом. Начались козни против полкового командира Грипенберга, человека доблестного, большого служаки и строгого. На днях явилось в «Голосе» объявление, что «требуется сильный человек для ухода за душевно-больным в казармах Московского полка, в квартире Командира». Какой-то штабофицер примкнул к интриганам. Сахарова выгнали, наконец, а штаб-офицера перевели в Павловский полк с разрешением участвовать в завтрашнем празднике. Что за меры?

О мерах касательно Маклая нужно доложить государю.

8 ноября

Первый развод в манеже в нынешнее царствование Московскому полку. Весь полк в новой форме, не нравящейся по простоте прежним гвардейцам. Нет военного чванства прежнего. Государь обошел фронт пешком, сам не командовал и *laissait faire* [был безучастен]. Свита менее многочисленна. Великий князь Алексей, шеф полка, просто молодчина, богатырь и один, по-моему, умеет ходить.

В числе прочих были эксы: Л. Меликов, бледный с впалыми глазами, просто мертвец, и вечно улыбающийся Игнатьев, тут же вравший. Кто-то назвал их *Jean qui pleur* и *Jean qui rit* [Иван, который плачет и Иван, который смеется].

Большой завтрак в Аничковом дворце, где всё смотрит готовым жильем. Кроме полка, пригласили только генерал-адъютантов. Императрица спросила меня, был ли я вчера на бале в Морском корпусе, где явился великий князь Алексей.

Вечером, после обеда у Нарышкиных с Самариным, болтал, злословил про своих коллег и в каком-то нервном настроении вел себя нескромно.

Доклад был взят государем для прочтения. Заметил, что военно-судное дело не понял – не ясно изложено.

10 ноября

Акт по случаю 50-летия юридических академий. Верно уж *les hommes de robe* [здесь: люди в форме] должны быть болтунами. Несмотря на военные мундиры, Бобровский и Володимиров краснобаяли, как адвокаты.

Веселаго сказал, что моим именем вчера в собрании добровольного флота произвели скандал. На вопросы Мамонтова – какому направлению следовать, я отвечал моими идеями, уже выраженными министру финансов и поручил ему, в случае надобности, стоять за них. Я и рад, что он стоял, но молившись, разбил себе лоб, и, кажется, не кстати обидел Победоносцева и потребовал занесения его мнения в журнал. Посмотрю, чем кончится это неприятное дело.

12 ноября

Обедал у американского посланника *Hunt'a* [Ханта]. Выходка Г. Струве против дочери дома за любезность её с мужем, а не со мною. Был *Thornton* [Торнтон], английский посол. Разговор сравнительный между пьянством в России и Америке. Почтенный человек этот *Thornton*.

14 ноября

В Гатчино по случаю рождения императрицы. Вместо *cercle* [круга (имеется в виду круг семьи, высочайшее семейство)] дали целовать руку мимоходом. За завтраком сидел возле Победоносцева. Горячий разговор. Видит во мне худшего врага Константина Николаевича. Не могу в моем положении согласиться на добровольные бредни. На обратном пути разрумяненный кн. Долгоруков, Титов *en Pierrot* [как Пьеро].

История в Петербургском Университете – отголосок Казанской. Пока распорядились ловко и строго.

Толстой спросил, когда я подал ему руку: «знаете ли, что уже неделю, как я сумасшедший, а сумасшедшие кусаются». «Не боюсь, отвечал я, если кусается сумасшествие, то и я сумасшедший, потому что непременно кусаю, когда на меня нападают».

15 ноября

Доклад у государя. *Je est tenace* [Он настойчив] – говорил опять о неясности докладов по судебной части. Смотрел пункты подвигов Маклая и даже слушал письма к командиру «Скобелева» и Копытову. Нашел, что это нужно написать откровенно, в чем дело.

По предложению Островского, у которого тоже смуты в Лесном, государь велел назначить комиссию, в том числе и меня, чтобы обсудить меры для устранения беспорядков в училищах. Островский предлагает исключать с тем, чтобы возвращались к прежним правам до вступления в школу и подлежали обязательной службе – если вынут хорошие №. Может быть, средство не дурно, только нужно заставлять вынимать жребий до вступления, и чуть что-либо, прямо отсылать в полки.

Вчера на бале было много падений.

18 ноября

Несмотря на то, что все эти дни занимался изучением сметы, сегодня, когда пришлось защищать требования в Государственном Совете, некоторые пункты защищал слабо. Впрочем, это произошло и от чрезмерной усталости. В течение 4-х часов не только говорил, а спорил с присущим спору возбуждением – и это чрезвычайно утомило меня. Радуюсь тому только, что большой вопрос – о кораблестроении – окончательно решен. Дают все требуемые деньги. Сольский был очень любезен и довольно уступчив.

20 ноября

По приказанию государя собрались у Островского. Гр. Толстой, Делянов, Посьет, Победоносцев, Ванновский и я – обсудить, какие меры нужно принять, чтобы прекратить университетские беспорядки, *comme une trainee de paudre* [как огонь по пороховой дорожке], охватившие все наши университеты. Пришли к заключению заставлять виновных тотчас отбывать повинность в дисциплинарных баталионах. Я настаивал, чтобы определить самую узкую рамку для подлежащих подобной каре, напр., нанесение оскорблений, в особенности делом, начальству, и утверждал, что нужно притворять двери в университеты. Решили (создать, – ред.) субкомиссии для согласования существующих по набору и других постановлений с нашею решимостию. Но не в том дело. Победоносцев опровергал и, в длинной речи, не мог понять, почему армия не может служить ссылочным средством. Ванновский заметил, что он

не оратор, и ему это очень понятно. Армию он отверг вместе со мною, а дисциплинарные баталионы предложил. Тогда Делянов благодарил Победоносцева за идею, которую он так дивно развел! *0 tempora, o mores!* [О времена, о нравы! (лат.)]

22 ноября

Был с докладом, говорил о Маклае. Я не знал, что сегодня именины в. к. Михаила Александровича, даже не знал о существовании имени его, и, выходя, был удивлен, видя весь двор *en grande tenue* [при полном параде].

23 ноября

В Комитете министров дело о покупке пая у Кудрявцевой по Обуховскому заводу. Первое, что ищут – это возвратить дело для дополнения. Наконец, я столько говорил, так убеждал, что все уже сделано, и опасно ждать, что меня уполномочили войти в соглашение с Кудрявцевой и тогда представить в Комитете. Трудные дела всё откладываются; так и сегодня, – по делу о постройке Екатеринбурго-Тюменской дороги.

24 ноября

Екатеринин день. К Екатерине Михайловне, по традициям, перешедшим от Елены Павловны, собрался *toute la ville* [весь город] и прежние и нынешние величия. Меня посадили довольно близко, а потом пересадили прямо против великой княгини. Туда же с маленького стола переместили жену А.А. Сабурова, оставя между нами место. В конце завтрака вошел Николай Николаевич Старший и сел между нами. Великий князь Владимир очевидно избегал встречи со мною глазами – и все-таки не поеду ранее субботы.

У Краевского застал Тимашева *causant seriensement de politique avec une folle* [всерьез беседующим о политике с (какой-то) дурой]; а был министром. За обедом в. к. Мария Павловна спросила что-то обо мне у в. к. Алексия, тот ответил, кивая головою *et honnête* [честный].

26 ноября

Выход по случаю Георгиевского праздника, первый после удаления двора в Гатчино. Явились все состоящие на лицо кавалеры, но церемониальная часть была не в порядке; утеряли привычку. Вел. кн. Мария Павловна не хотела стать на колени, когда пели вечную память падшим. Вердер и его помощник, кавалеры св. Георгия, не дали этому ордену почетного места. Государь ещё не вошел в свою роль.

В 6 ч. вечера был обеденный стол. Пили за императора германского с живым «Ура!» Государь пил также за своих кавалеров с большим энтузиазмом; а за его, кавалера 3-й степ., не пили. Весьма жаль и после обеда я выразил это императрице. Одному из дядей – фельдмаршалов следовало бы провозгласить тост, которого все желали.

27 ноября

Представился, наконец, великому князю Владимиру и потом видел его и говорил с ним на молебне в Николаевской Академии по случаю её 50-летия. Государь почтил юбилейное молебствие своим присутствием и был очень любезен со всем штатом Академии.

Был и Жомини по наследству связанный с Академией.

28 ноября

После доклада великому князю Алексию, которому дал подписать приказ по флоту о смотрах, поехал в Академию на акт. По прибытии великих князей-фельдмаршалов начали акт. Драгомиров прочел исторический очерк Академии, неожиданно для меня возвеличил Сухазанета и Я.И. Ростовцева, похвально проскользил над Милютиным и в ряду академических кумиров возвеличил Н. П. Игнатьева.

Бухара, Хива, Китай, Сан-Стефано. Видно, что Игнатьев фаворит директора-славянофила. *On a fait une fournée de membres honoraires* [полна горница почетных членов]. Берг был врагом Академии, а при входе его портрет.

29 ноября

Доклад у государя, без особых замечаний. Назад, по обыкновению, приехал с великим князем Алексием. Рихтер читал пародию на *V.Hugo – l'homme qui mange* [Виктора Гюго – «Человек, который поедает»] – и субъект, гр. Перовской, мило принимал насмешку.

1 декабря

Панихида по Бутакове. Нужно доложить государю, чтобы в храме адмиралов сделали его доску. Был у меня киевский митрополит Платон. Говорил о Потапове и его деяниях. Вообще, вспоминал старину.

4 декабря

Доклад у великого князя, показывал чертежи новых кораблей. В Государственном Совете решили дать мне требуемые 244 тыс. рублей на сравнение жалованья флота с армией, но Терций и здесь, тоненьким голоском, противоречил.

8 декабря

Священная дружина, этот *nonsens* [бессмыслица, нелепость] рухнула, кажется, вследствие представления гр. Толстого, но, несомненно, вследствие статьи, появившейся в «Новом Времени».

11 декабря

Доклад у великого князя. В час заседания совета министров под председательством государя в Аничковом. Вопрос о расколе. Был комитет Панинский в 1864 г., потом Ло-

бановский в 1875 г., и, наконец, теперь только и кажется вследствие того, что распустили священную дружину, и захотели отблагодарить раскольников (вероятно им наобещали), собрали заседание. Начал Толстой и говорили все законники, и потом администраторы. Все ссылались на церковь православную. Впишу когда-нибудь, что говорил я в этом вопросе, который считал весьма важным. Говорил, как непосвященный и не ученый. В том же духе, но после меня, говорил в. к. Михаил Николаевич. Сущность моих аргументов сводилась к тому, что я согласен с представлением гр. Толстого и ничего более не требую, но желаю распространения следствий на большее число сект. Кончилось, разумеется, реакциею и полномочием М-ру внутрен. дел смягчать. Государь вышел из дела *tant bien que mal* [Скорее хорошо, чем плохо], не останавливал даже мямлявшего Титова.

12 декабря

Парад финляндского полка в присутствии государя. Полк шел отлично. На завтраке обычная сцена. Я оставил *cercle* [круг (императорской семьи)] раньше других, торопясь на концерт в пользу памятника Глинке. Приехал туда весь двор. Я сидел в ложе Л.К. Шестаковой. Вспомнили о брате её; у старушки навертывались слезы.

После концерта подошел ко мне Потапов *avec son air idiot* [с идиотским видом] – едва отделался.

13 декабря

Доклад у государя. Для флота знаменательный день: испросил позволения прекратить прием в училище по штурманскому отделу. Вопрос этот давний, но никто не решался покончить с ним. Теперь во флоте тьма специалистов. Мы, моряки, назначенные командовать, обращены в каких-то сторожей и исполнителей гарнизонной службы. Силою обстоятельств мы будем низведены с пьедестала – будем же вместе кораблеводами.

14 декабря

В Комитете м-в настаивал, чтобы не прощали харьковским предводителям вычета за ложные сертификаты и поручительства. Совершенно смешались понятия. Это харьковское дело было уголовное; благодушный государь простил преступление – хотят, чтобы было прощено взыскание.

Генерал-адмирал хочет, чтобы его не забывали во флоте, и велел меня просить напечатать, с предисловием, переписку его с Струве на счет кометы. Я было согласился, но Веселаго выразил то, что я думал – «не забывайте меня и смотрите, как я выше моего преемника» – вот что говорит Константин.

15 декабря

Не понимаю как люди старые, рассчитывающиеся уже с жизнию, не отряхают от себя мирские страсти. Гр. Л. Гейден, 25 лет уже ничего не делающий, не может потушить в себе зависти к современным деятелям.

18 декабря

Пошел к великому князю с мыслию поговорить серьезно. Он прислал мне безымянную записку против нового преобразования Министерства, с пометкою, что ему кажется, что в записке есть правда. После нескольких слов в. князь успокоился, так что я поговорил с ним более о тщеславии его дяди, приславшего мне пустую переписку о кометах со Струве. Ориандский отшельник, от нечего делать, был поражен кометою и давай спрашивать астронома. Тот длинно, очень длинно, ответил, что сам не знает более его; а всесторонний наблюдатель требует публикации переписки.

22 декабря

Умные сетуют на мою неправильную жизнь. Под видом участия, друзья распространяют слухи, которые могут вредить мне. Хочется, что-нибудь сделать, а при гневе на меня царя это будет невозможно. Казалось бы, кому какое дело до моей внутренней жизни. Служебную отдаю всецело краю потому только, что дома за меня хлопочут, и ничего домашнего не знаю.

24 декабря

Доклад Алексея. Цедили наградные списки. Кажется, больших несправедливостей не сделано.

Великий князь Константин хлопочет о моем здоровии и думает, что я выеду за границу. «Ведь он не молод», пишет он Головину. Действительно, не молод, увы. Но я лягу костьми, если царь будет нуждаться в моих трудах.

27 декабря

Доклад. Царь был милостив. Переезжают в пятницу, в субботу выход и потом бал. А. Н. Нарышкина болтала обо всем, бранила Толстого, бранила и хвалила Победоносцева, говорила о дружине, что сердится, что Толстой надул их и пр.

31 декабря

Был в окончательном заседании Государственного Совета. Наша роспись не так печальна, как казалось. Кроме завершения росписи, было дело лично меня касавшееся – прибавка 231 т. на жалованье офицерам. Утвердили, и когда государь подписал журнал, поторопились мне прислать. Я приготовил приказ от имени великого князя [6].

6 Центральный Государственный Исторический архив в Ленинграде. Фонд Шестакова Ивана Алексеевича, ед. хранения № 2. 1882. Копия «Верно: научный сотрудник Центр. Исторического архива З. Коробова».

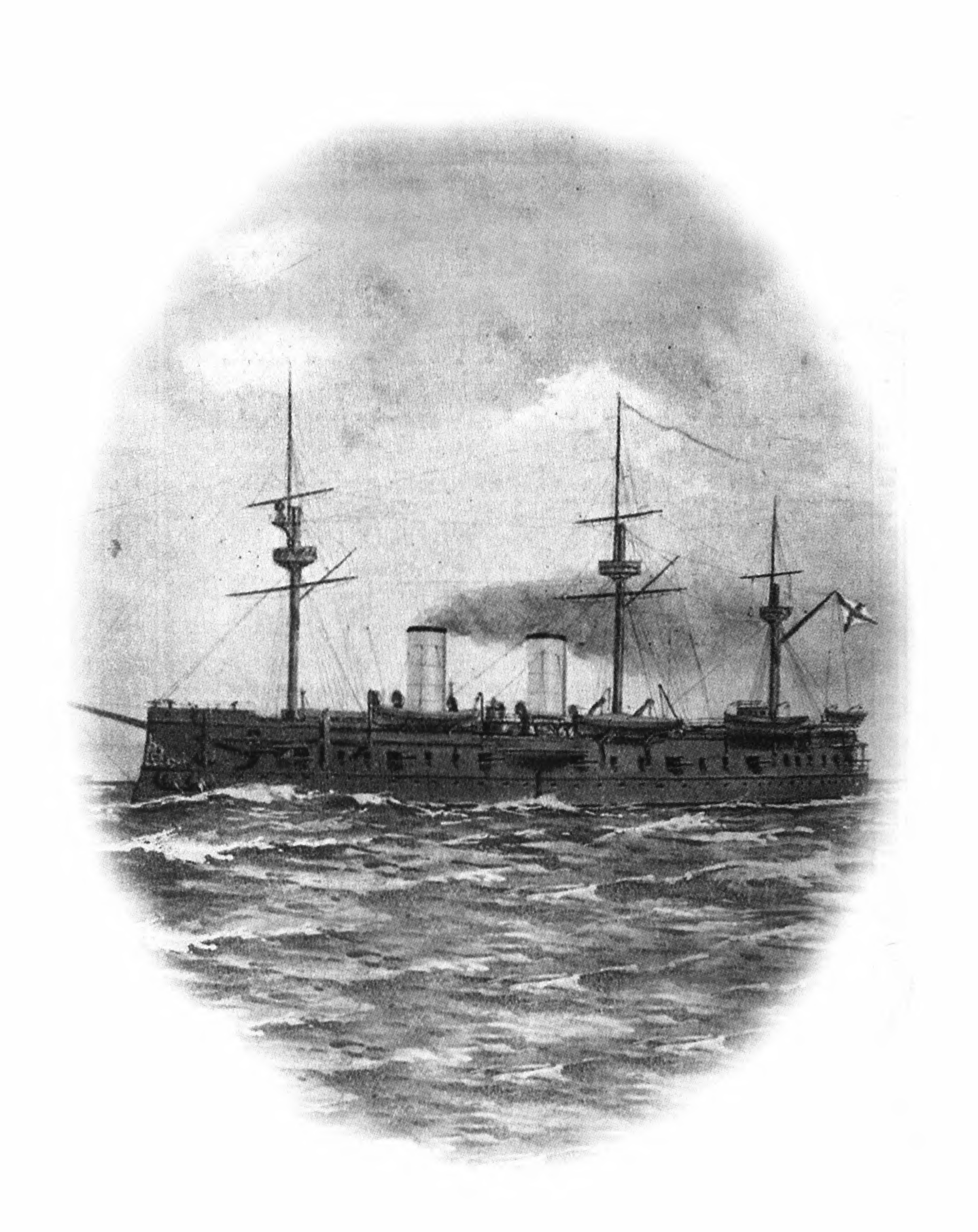
118

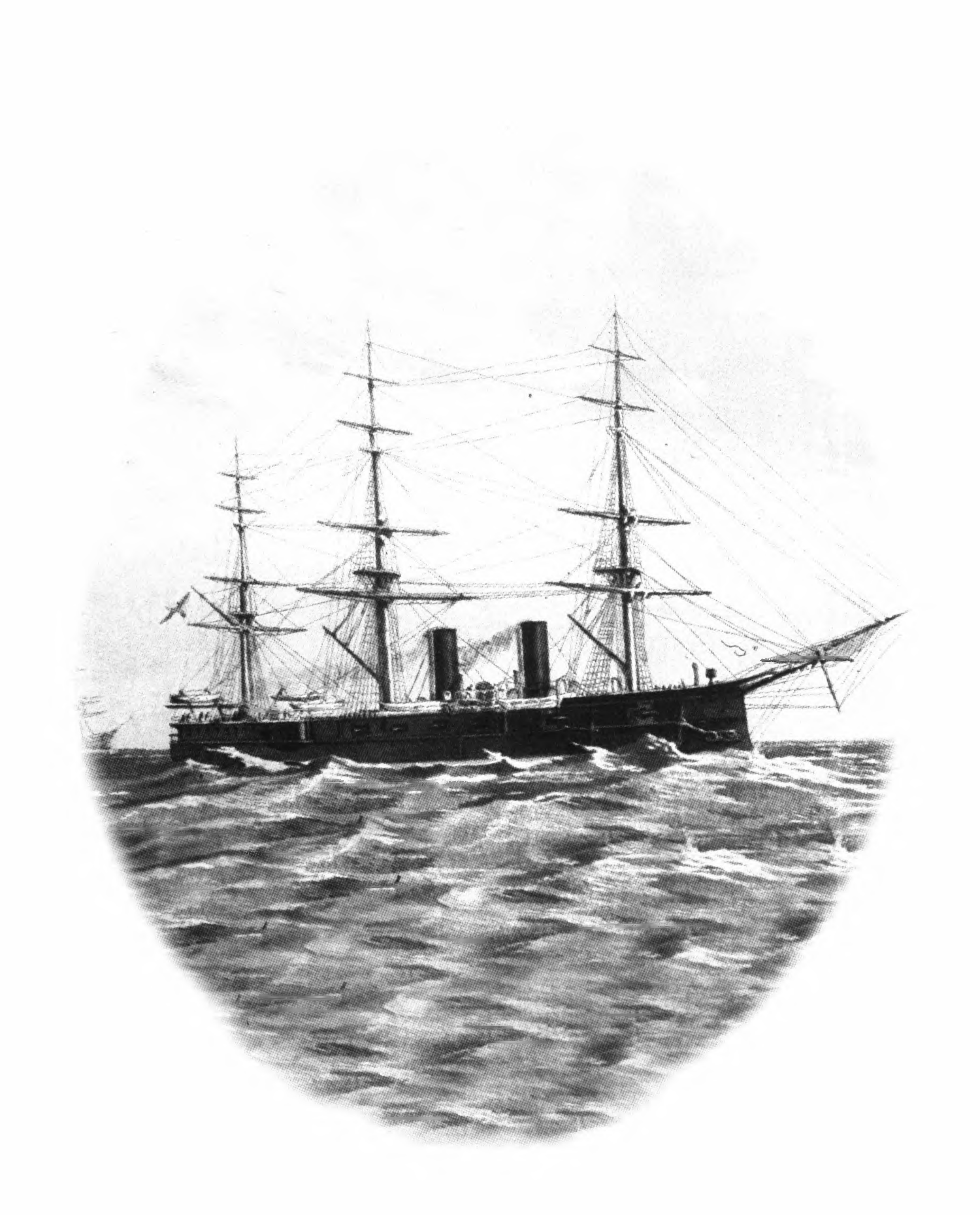
23.

31 декабря. – Был в окончательном заседании Государственного Совета. Наши росписи не так печальны как казалось. Кроме завершения росписи, было дело лично меня касавшееся – прибавка 231 т. на жалованье офицерам. Утвердили, и когда государь подписал журнал, поторопились мне прислать. Я приготовил приказ от имени великого князя.

Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде, фонд Шестакова Ивана Алексеевича, ед.хр.№ 2, 1882 г. Копия.

Верно: Научный сотрудник Центр. Историческ. Архива Захарова

1883 год

///

1883 год.

1 января 1883 г. /Суббота/

Большой выход в Зимнем дворце и после визиты всей царской семье.

Поздравил великого князя Алексия и телеграфировал в Париж адмиралу Романову.

Половцев *est enfin poussé* — статс-секретарь и государственный секретарь — *ridicule au plus haut degré*. Мансуров и Перетц члены Государственного Совета, а вместо Мансурова Куломзин.

Умирающему Урусову прекрасный рескрипт и Андрея. Вместо его Старицкой председателем Д-а Законов.

2 января /Воскресенье/

Поздравил великого князя с днем рождения и сделал несколько визитов. Александра Владимировича Адлерберга застал за воспоминаниями, которые он набрасывал на бумагу с спокойною совестью человека, который мог бы сделать много зла и не сделал его.

Адлерберг положительно утверждает, что *refutation* на книгу *Laferté* писана гр. Толстым А.А. Посматривая на мою ленту, граф вспомнил передрягу по случае пожалования меня Белым Орлом в контр-адмиральском чине.

3 января /Понедельник/

Заседание Государственного Совета. Все читали новые назначения. Будто Перетцы, Ковалевские и пр. и пр. спасли Россию. По две три награды. Все приветствовали вновь назначенных, вставая и кланяясь. В городе распространили слух будто Набокову г[о]сударь дал 100 т. на уплату долгов. Что Набоков в долгах — так, но не хочу верить, чтобы новый царь шел по следам прежнего, хотя Островский говорил, что государь упоминал ему о

1883 ГОД

1 января 1883 г. (Суббота)

Большой выход в Зимнем дворце и после визиты всей царской семье.

Поздравил великого князя Алексия и телеграфировал в Париж адмиралу Романову. Половцов *est enfin poussé* [быть в конце концов далеко продвинувшимся] – статс-секретарь и государственный секретарь – *redicule au plus haut degré* [нелепый в вышей степени]. Мансуров и Перетц, члены Государственного Совета, а вместо Мансурова Куломзин.

Умирающему Урусову прекрасный рескрипт и «Андрея». Вместо его – Старицкой председателем Д-а Законов.

2 января (Воскресенье)

Поздравил великого князя с днем рождения и сделал несколько визитов. Александра Владимировича Адлерберга застал за воспоминаниями, которые он набрасывал на бумагу с спокойною совестью человека, который мог бы сделать много зла и не сделал его.

Адлерберг положительно утверждает, что *refutation* [опровержение, резкий отзыв] на книгу *Laferti* [Лаферти] писала гр. Толстая А. А. Посматривая на мою ленту, граф вспомнил передрягу по случаю пожлования меня Белым Орлом в контр-адмиральском чине.

3 января (Понедельник)

Заседание Государственного Совета. Все читали новые назначения. Будто Перетцы, Ковалевские и пр. и пр. спасли Россию. По две-три награды. Все приветствовали вновь назначенных, вставая и кланяясь. В городе распространили слух, будто Набокову государь дал 100 т. на уплату долгов. Что Набоков в долгах – это так, но не хочу верить, чтобы новый царь шел по следам прежнего, хотя Островский говорил, что государь упоминал ему о стесненных обстоятельствах Набокова.

В последней книжке «Архива» прочел письма мои к М. П. Лазареву, писанные 31 год назад.

4 января (Вторник)

Н. Мансуров передал, что назначение его есть внезапность. Рейтерн узнал о нём только от великого князя Михаила, которому государь прислал приказание изготовить указ о Мансурове. Государь будто извинялся, что распорядился без ведома Рейтерна. О Куломзине просил сам Рейтерн и – говорил Мансуров – поторопился.

Старицкой застал меня за собственными записками.

5 января (Среда)

Был экс-государственный секретарь Перетц в свою очередь рассказал, как произошла его смена. Вместо умирающего Урусова, государь, по указанию Михаила Николаевича, хотел назначить (и назначил) Старицкого, оставляя вместе в кодификации. Старицкой пришел к великому князю сказать, что не в силах нести обе обязанности и предложил одну из них Перетцу. Великий князь призвал последнего, объявил ему это, и Перетц, не прося и не отказываясь, сказал, что, во всяком случае, если останется государственным секретарем, должен выяснить вопрос о доверии к нему государя, ибо заметил с его стороны холодность. Великий князь сказал это государю, который хвалил Перетца, но вопрос о доверии пропустил. Перетцу оставалось только уйти. Он жертва своих отношений к Константину. Государь хотел заменить Перетца товарищем министра юстиции Фришем, но тот уперся и был назначен в Совет. Случайно, будто бы, в это время навязался Половцов с каким-то приглашением и тем о себе напомнил. Как-то случайно все выходит пока.

Гр. Толстой помог, кажется, Половцову.

6 января (Четверг)

Крещенский выход и парад. Государь, показалось мне, избегал моего взгляда. Говорят, до него дошла моя неправильная жизнь. Видит Бог, она правильнее многих законных, и я много обязан моему другу, подавшему мне руку утешения в горьком моем одиночестве.

Ходил за царем на Иордан. Народ стоял поодаль – не пускали близко. В. к. Михаил надел преуродливый парик. Вечером у меня был новый государственный секретарь Половцов – *a curious conseited man* [любопытный человек].

7 января

Похоронили старого севастопольца – Кузьмина-Короваева.

Представлялся великой княгине Марии Павловне. Щирая немка, говорящая довольно свободно. Мог бы обидеться – приняли Баумгартена прежде меня, и этому, пожалуй, виноват гофмаршал Скален.

Возвращая книги, В. В. Богданович возвратил и письмо, которое нашел в них. Письмо 40 лет тому писано мною отцу по поводу перевода «Истории» Джемса.

Приезжал Батюшков, просить узнать, за что государь, столь милостивый к нему наследником, теперь держит его в черном теле, в бездействии. Помпей верит всем городским слухам, назначавшим его туда и сюда. Просто *une nullit* [бездарь, ничтожество] и вдобавок ходок по приходам. Явно жена его науськала. Страдали мы вместе; поди к Шестакову, авось поможет.

8 января (Суббота)

В соединенных Д-х Государственного Совета нашли, что штат нашего Колпинского госпиталя велик и уменьшили его одним фельдшером и повивальною бабкою. Заговорил и Новосильской по поводу изъятия от обязанности брать лоцманов из Петербурга в Кронштадт иностранным яхтам. Я успокоил его условием взаимности.

10 января

Выехал в Кронштадт по льду, но воротился и объехал на тройке кругом. В метель переезжал от Ораниенбаума и всего пробыл в дороге около 6-ти часов. В Кронштадте послали лошадей на смену и начали беспокоиться.

Тотчас отправился в Собрание, где запросто доморощенные музыканты собрались играть и петь. Было очень много.

11 января

Встал в 5 часов и отправился в 3-й экипаж. Застал всё в порядке. Новосильской большой хлопотун. Представлялись командиры. Вечером опять на музыке в Собрании и потом у меня Комиссия росписания.

12 января

Также весь день на воздухе, даже на льду – и кашель мой оттого не хуже. Боже! Дай мне силу только на то, чтобы быть полезным, а если не могу принести пользы, то... скорее, родная! Призови меня! Надя моя!

13 января

Возвратился из Кронштадта здоровый и только на час прилег после трех бессонных ночей.

14 января

Обедал у Нарышкина. Опять говорили о Победоносцеве и опять я увлекся. Узнал о новом покойнике – страдалец кн. Урусов кончил жизнь. Государь и императрица были на панихиде.

Мутило-Кропоткин приговорен в Лионе к 5-ти летнему заключению и к 1000 фр. пени. *M-lle Pillar* [мадемуазель Пиллар] претендует на меня; неужели ей так хочется быть подругою разочарованного, разбитого сердцем, усталого человека, способного радеть только о всех и негодного на единичную привязанность.

15 января

Доклад у великого князя. Копытов пишет, что англичане озарятся на порт Гамильтон. Влангали говорит – едва ли так, ибо это поднимет против них всех. Это не есть ещё причина.

Все продолжают удивляться, что Мансуров назначен членом Государственного Совета так рано.

Транзитный вопрос, говорят, предрешен. Приятель Островский, честный человек, закинул уже словечко государю; да и Влангали, чуя, что царь склоняется на вздутую москвичами ахинею, говорил ему, что хотя и не разделяет крупных мер, но так как транзит стал вопросом внутренней политики, то для успокоения умов, в особенности Московских (перед коронациею) нужно транзит воспретить.

17 января

Транзитный вопрос у великого князя Михаила Николаевича. Почти все министры, Лорис, Дондуков, Обручев и пр. Сидели почти пять часов. Проект Бунге: транзит разрешить, но умерить его более или менее высокою пошлиною. Посланник в Персии Зиновьев был против транзита; с ним Островский и отчасти Обручев. Представлялось много за и против. Я поставил вопрос так, что все расстегнулись. Отбросивши Персидскую торговлю, как ничтожную, я обратил внимание на Азиатскую и требовал, чтобы транзит в Баку был запрещен, потому что им могут провезти мины, что он потребует охраны не только таможенными крейсерами, но военными судами, что весьма нежелательно, что убьет и ту маленькую торговлю нашу, которая идет через Гязь и Астрабад на Мешед, а, главное, введет нас в дипломатические затруднения, причин к коим теперь нет. И будем мы блокировать – берега или всё море? Допустят ли нас на последнее. Что касается до Джульеринского транзита, я одобрял его. Его закрытие произведет контрабанду, которая с Трапезундского пути ринется на Кавказ и далее в Одессу, и даром раздразнит Кавказ. Действительности крейсерства я не допускал. Большинство, приводя разные аргументы, склонялись к закрытию Бакинского транзита и допущению Джульеринского. Я сделал вначале ошибку, допустив мысль о транзите по нашей Ахалтекинской дороге, но это ничего не изменило, и господствующее мнение все-таки мною было двинуто.

На докладе подал государю вести о победах наших шлюпок в Гон-Конге. Все шесть призов взяты ими.

18 января

В Комитете министров кончил затеянное мною дело о покупке паев, чтобы стать дольщиками Обуховского завода. Не одна Кудрявцева, а почти все предлагают свои паи.

В 4 часа собрались встретить Эдинбургских. Государь приехал прежде всех, в мундире. Великие князья явились было в сюртуках, но отбыли. Царь подал руку. Императрица прибыла после и поклонилась, сконфузившись. Был и Попов.

19 января

Адмиралтейств-Совет. Раздача милостыни. Первый бал с давнего времени в Зимнем дворце, который памятен только как вулкан. Ехал от себя около часа. Толпа

была невообразимая. Все теснились к дверям, в которых должна была показаться царская фамилия.

Открыли польским, в котором участвовали только августейшие лица. Правда, настолько, что был предлог прервать традиции и не допускать *les gros bonnets* [важные шишки, персоны] из простых смертных. Гр. Богарне была в числе. Нарышкин водил посланниц. Вероятно, в честь августейшего английского *homard'a* [омара] все были в красных конногвардейских или казацких мундирах. Эффект был великолепный, но жара нестерпимая. Чая от неё избавиться, я пробрался после польского в смежный зал. Оказалось, что там императрице представлялись с лишком 130 дам. Бедная мученица хотела быть со всеми любезною. Отдышавшись немного, я вернулся в общий зал, где нашел великих княгинь Екатерину и Ольгу в страхе, что у них на носах будет австриец. *Ça passait encore pour l'allemande* [это допускалось пока ещё для немца] – разумея Швейница, танцевавшего с Марией Павловной 1-й кадриль. Мои собеседницы не танцевали, а сидели. Вскоре прошел царь, подавший мне руку, а императрицу я так и не видал иначе, как в спину. Меня поразило, что не обращали внимания на иностранных дам. Они не танцевали. В первый раз, не участвуя, любовался ужином на 2 т. слишком человек. Вовремя ушел и воротился домой *erinté* [измотанный].

20 января

В. А. Стеценко просил посетить составленное им собрание из адмиралов и капитанов касательно того, как смотреть на сигналы при предстоящем их перепечатании. Многие высказывали свое мнение, между прочим, Кремер лучше всех выразил свое в пользу прежней системы. Интересно знать систему английских сигналов, и я просил великого князя Алексия эксплуатировать Эдинбургского в этом отношении.

Но Стеценко неразумен. При окончании заседания он прибавил: «Я подал пример, чтобы в важных вопросах собирали адмиралов». Хорошо было бы управление – лучше прямо перейти к коллегии. У Константина личные учреждения были нуль и учредились исполнительные баши-бузуки; теперь хотят всё решать коллегиально. От грубого до смешного один шаг.

21 января

Был у великого князя Владимира Александровича. Много вкуса в комнатах. Императрица, кажется, положительно хочет избегать случайностей встречи со мною. Мария Павловна обиделась, что я, не узнавши её, едва поклонился при встрече Эдинбургских. Мария Александровна сделалась совсем англичанкой. Было очень оживлено и не так, далеко не так томительно душно, как в большом дворце.

22 января

На докладе великий князь Алексей встретил меня словами: «мы не много спали». Нет не мы, а Вы, ибо я дозволил себе удалиться в 1-м часу. Ещё раз просил эксплуатировать Эдинбургского, и он обещал выведать от него, накачавши его.

Получил приказание состоять при государе во время коронации как генерал-адъютант. Значит, буду вдвойне на коронации.

На мою просьбу дать знать, когда царь посетит Морской корпус, Черевин отвечал, что невозможно: что государь согласился на осторожности, когда мы (т.е. он и царица) выезжаем вечером, и не хочет, чтобы за ним ездили соглядатаи.

23 января

После долгого перерыва представился Александре Иосифовне. Была до крайности любезна. Дала что-то от кашля. Хвастала деятельностью и силою над собою. Если бы следовала юмору, то все бы вокруг её были давно убиты.

Бал у Набоба Нечаева-Мальцова. Я ехал смеяться и критиковать, но не было ничего смешного, разве пудренные лакеи в костюмах *du vieux régime* [старого образца]. Я сказал, что это *monde á l`anvers – le bourgeois en noir* [мир навыворот – мещане в черном] барствуют, а маркизы холопствуют. По великолепию и, как мне говорили, по изысканности явств, *c`est desidement le bal de la saison* [это определенно бал сезона]. Всего страннее и интереснее был для меня бал как *étude de moeurs* [изучение обычаев]. Столько лет я видел тройку Нечаевых, прикидывающихся у дяди скупее его, а теперь, если бы дядя встал и потом лег, то в промежутке кое-что сделал бы.

24 января

Доклад. Как всегда не взял в расчет день Ксении и приехал не в форме, т. е. не *en gala* [в парадной форме (торжественно)]. Государь ничего не сказал, но придворные заметили. Заметил мне и в. к. Михаил, сказавший мне в Государственном Совете, что его поразило, как мы *de la vielle rache* [в форме старого образца] могли себе позволить такую *licence* [вольность].

Вышел манифест о коронации. Прекрасный мотив, почему она до сих пор не совершалась – нужно было перед таинством успокоиться сердцу, взволнованному ужасом.

27 января

Сегодня отложенный маленький бал в концертном зале. Государь, в милостивом приветствии, спросил, был ли я танцором, и я ответил, что танцовал ещё когда его тетки Мария, Ольга и Александра чуть не дебютировали в этом же зале. На императрицу весело смотреть – так танцы тешат её. Она все танцевала с Эксами – Тимашевым, Шуваловым и пр. Последний очень сериозен. На бале же представился великой княгине Марии Александровне, вспомнившей, что она знает меня ещё в Ливадии, и откровенно спросившей о жене, прибавя, что она её очень помнит.

Одна из гончих Анненковых, вечно ищущих какого-нибудь следа, М. Н. Струве, просила меня быть кавалером за ужином. Перед самым ходом подошел в. к. Михаил и пригласил сесть вместе. Мы поместились под тою же пальмою – *et de but en*

blane [из благих целей (добрых побуждений)], ищейка Струве начала предлагать мне жениться на Пиллер, сидевшей по левую руку мою. Её привел в. к. Михаил и всё оказалось комплотом. Нет! Я рабочий и люблю только Россию, неспособен любить никого и, если женюсь, то чтобы оставить пенсию той, которая одна взлелеяла меня горького, всеми оставленного, одинокого в полном смысле слова. Она дочь фермера, но в моих глазах выше беспрестанно падающих светских звезд.

29 января

Обед у английского посла для Эдинбургских. Опоздала назначенная мне фрейлина герцогини *Lady Osborne* [леди Осборн] с адъютантом герцога, и первые минуты обеда я сидел, как наказанный *naughty boy* [капризный мальчик] – один, без соседей. Наконец вошла провинившаяся и начала, усевшись, говорить, что миновалась самая горькая минута. Я ответил, что вместе миновалась и моя горькая минута – я перестал иметь вид наказанного. За этим последовал довольно оживленный разговор, в котором я так иронировал *lady* [леди] на счет её языка и она столько смеялась, что после обеда великая княгиня заметила мне, что я строил её фрейлине куры. Я ответил, что я старался заставить её забыть её неудачу.

При докладе говорил долго с Алексием о предстоящем назначении и перемещении адмиралов и о плане перестройки персонала флота. Кажется, ему хочется и колется. Увидим, будет ли по-моему.

31 января

На докладе государь говорил о Маклае. Я показал ему письмо Маклая, из которого видно что тот, как сам царь выразился, конфузясь, шалый; конфузясь потому, что через Оболенского хлопоты велел дать ему денег на издание трудов, которых тот вероятно не издает.

Я представил государю просьбу Александровского и при этом выразил мнение, что все хищники бросились на Морское М-во, потому что думают, что все жалобы на прежнее управление будут приняты и вдобавок знают, что отпустили 8 миллионов.

1 февраля

После Комитета министров говорили о расходах на коронацию. Пришли к тому, что Бунге взялся доложить государю об общей сумме. Затем мы уже разбираемся, на какие именно надобности кому требовать.

Батюшков опять надоедает узнать, ценят ли его таланты.

Лишь только осудили Кропоткина, председатель суда выразил надежду получить Русский орден.

Прочел рапорты Копытова и его командиров. Видно, отрадно видно, что есть адмирал и есть командиры, и что флот ещё не сгинул. Хочу просить Алексия обратить на это внимание приказом.

2 февраля

Гирс говорил мне, что в Вене получил протокол заседания нашего о Килийском гирле и прежде, нежели получил его, совпал с моею мыслию, в протоколе выраженною, потребовать права владения, не упоминая об углублении, и обещая давать знать, когда предпримем какие либо в устье работы.

К. Н. Посьет, наконец, рассердился. Гр. Баранов, вопреки его согласию, представил государю по своей Комиссии, между прочими членами одного состоящего по М-ву, выставя в своем представлении слова покойного государя: «За экстраординарные заслуги и награды должны быть экстраординарные». Государь всегда конфузится при личных докладах и, наконец, уважая Баранова, согласился, хотя тот и говорил, что Посьет не согласен. Посьет обиделся и доложил государю, что представляемый четыре года сряду был награждаем и вдобавок не представил отчета по Красному Кресту. Государь велел выждать срок и тогда представить. Посьет в письме Баранову выставил весь свой передоклад и удивился, как Баранов мог доложить, не смотря на его несогласие. Говорят, в совет внесут уступку 500 вер. железной дороги военным аферистам-инженерам. Нужно произвести разногласие, чтобы государь очнулся, и я намерен держать речь. Может быть, есть здесь и самолюбие, но я буду прав.

3 февраля

Занят как каторжный. Гирс прислал на рецензию депешу по Килийскому вопросу – посоветовал требовать сношения не с Комиссиею, а с правительствами – *donner avis aux gouvernements représentés dans la commission* [давать советы чиновникам, представленным в комиссии], в случае предпринятия нами работ и подчинение нашего сбора разбору Комиссии устранить. Прислал он на рецензию же и предложение Англии по Суэцкому каналу. Сущность моего ответа в том, что я хлопаю в ладоши, видя как в пункте 3 предложений, Англия рвет в клочки Пальмерстоуновские теории целости Турции, ставя в условие, что даже в случае войны с Турциею, не может быть действий в канале и по берегам Египта, т. е. и Турция в положении нейтрального к Египту. Впрочем, прибавил, что весь вопрос не стоит не только чтобы мы входили по нем с Англиею в затруднения, не только капли русской крови, или же капли русских чернил, ибо англичане, в случае войны, не задумаются быть коварными и будут, владея на то силою.

Поздравлял именинниц, в том числе мою нареченную. Застал у неё в. к. Михаила и в. к. Ольгу. Шутили о море адмиралов и уже злоязычествуют, будто мы произвели мертвого – Эрдмана. Смерть Манна я назвал личным мне одолжением со стороны Провидения, и когда в. кн. заметил что Манн был мне личный враг, я возразил, что, думаю, у меня личных врагов нет, ибо ни к кому сам вражды не питаю. Был у византийской иконы и у Дена. Пеняет, что *on le bat froid* [был принят холодно].

4 февраля

Направлял в. к. Алексия на то, чтобы дать движение проекту преобразования персонала флота и вместе сказал ему, что он мало с флотом говорит, указал на приказы Владимира и сказал, что поднесу ему приказ о рапортах Копытова. Вместе познакомил его с делом Посьет–Баранов и просил влиять на то, чтобы не доводили дела до Государственного Совета, стращая, что может выйти эскландр, ведь Анненковские штуки срамят самого властелина. После обеда у Посьета говорил с ним о предмете и поджигал, чтобы огрызся. Встретил Бюцова, который сообщил мне о Копытове самые утешительные сведения.

5 февраля

Доклад у в. к. Алексия. Вечером прием у австрийского посла, неженатого, без дам – что придавало какой-то суровый вид.

7 февраля

Доклад у государя. Наслышавшись, что мы «произвели мертвого» (что было уже мне сказано в. к. Михаилом), я вооружился документами и после доклада стал говорить о том государю, доказывая, что с моей стороны никакого подлога не было. Государь рассмеялся, сам подал мне стул сесть и вообще был очень любезен. Накануне я писал о слухах Алексию и просил его предуведомить о том государя.

От доклада поехал на похороны Апраксина и затем в Государственный Совет. Перед начатием великий князь Михаил сказал, что будет мне оппонировать, и когда пустое мое дело дошло, вместо того чтобы спросить – утвердить? – сделал паузу, посмотрел на меня и потом уже сказал обычную формулу. Разбирали всё заседание судебное дело, по которому перенесено оно из Сената в Совет. Решили против юристов.

Раут у кн. Кочубея, *qui tenait á m' avoir chez elle* [которая дорожила моим отношением к ней], обойдя комнаты, тотчас пустился вспять и встретил les impériaux qui arrivaient [прибывших членов императорского двора]. Алексий – «как? Вы уже уходите?» Я – «как? Вы только входите?» и он позавидовал моему счастию. У входа на лестницу встретился нос с носом с гр. Богарне, которая сама со мною познакомилась.

8 февраля

В Комитете министров, между прочими делами, разбиралась записка Гурко государю, очень ловко, сжато и ясно написанная. Дойдя до вредного влияния евреев на христиан в гимназиях, Делянов и К-о вздумали перейти к обособлению средних еврейских заведений. Я заревел против того и стал ещё горячее говорить в пользу Гурко о Ком-и дунайских гирл и административной организации края. В пылу моего ораторства пришли сказать, что государь поехал в Морское училище. Я должен был

туда следовать. Государь был очень милостив, обошел все каморы, церковь, классы и вообще был внимателен ко всему. Был очень любезен ко мне также и спросил, что было интересного в Комитете министров. Я за ним последовал, ибо он проехал по направлению к Крюковским казармам, но главнейше на всякий случай.

10 февраля

Бал у английского посла для Эдинбургских и *impériaux et demi – impériaux* [членов двора и полудвора]. Очень мило принимали. Ледяная чаша для напитков.

11 февраля

Бал в концертном зале. Августейшие продолжают быть милы. Народу было менее. Уморительный Свечин совался на глаза императрицы и княжен, потом даже пустился танцевать, чтобы заставить вспомнить его прежнюю паркетную славу. Ничего! Никто не обратил на него внимания.

Хотели было меня опять поймать за свадебным ужином, но я уехал ранее.

12 февраля

Парад всем войскам. Дивная погода. Все веселы. Чтобы ни говорили, а сердце бьется сильнее, когда видишь явное доказательство мощи отечества. Но как жалка тяжелая, гремящая бубенчиками и устилающая площадь сваливающимися доспехами кавалерия наша сравнительно с скромными, приросшими к коням казаками.

Перед завтраком очень милая встреча в коридоре с государем и столь же милое обращение императрицы, давно со мною не говорившей. Был военный завтрак и верховный вождь был донельзя любезен с другими вождями.

Поехал с в. к. Алексием и Эдинбургским в Морское училище.

Я удивил перед обедом Влангали *par une vociferation* [брань]. Разбирал дело арендаторства Командорских островов компании американцев. Что за срамное дело и как Анучин *donne dedans* [оказался там].

13 февраля

Совещание у Ванновского на известный случай. Он, Обручев, Гурко, его начальник Штаба и я. Разные комбинации. Решили, если случай застанет нас с настоящими средствами, возможно; но нужна транспортная сила, нужно получить заказанные миноноски и высадиться в стороне от пролива. Тогда по имеемым данным, Поповки, Воин, Сокол и Ярославль могут заставить молчать прибрежные батареи, а имеемые миноноски, вместе с ними, могут встретить три турецкие судна, готовые на внезапный случай. Впрочем, этих займут миноноски, которые ворвутся на ночь в Босфор и атакуют у Чарагана турецкие суда.

На транспортные средства нужно Чихачову прибавить 6 пароходов, которые он сейчас закажет, если с 500 т. субсидий ему дадут восточную линию. Я сказал, что

на эту линию и на Победоносцевскую субсидий не дадут, а так как хотят дать 800 т. Протопресвитеру, то 500 т. менее и Чихачов представляет более гарантии. Так и решили до создания Черноморского флота. но ... но как доложить Государю мену Победоносцева и излюбленного добровольного флота на Чихачова? С своей стороны я дело сделал – письменно не согласился на субсидию Об-у добровольцев без перемены управления. Да поможет нам и сбережет нас Бог!

Завтра у государя дело постройки железной дороги войсками. Боюсь, Посьета убьют, а, главное, убьют и Бунге расчеты – курс наш, поднимающийся, рухнет.

14 февраля

Доклад у государя позже обыкновенного, у Него собралась Комиссия по делу Посьето-Бараново-Ванновскому. Все выскочили как ошпаренные. Пока Посьет выиграл, и я чуть его не обнял в присутствии его неприятелей. Вот что происходило, как рассказал мне честный Посьет тогда же и вечером на бале у Кочубея. Царь поставил вопрос прямо: может ли М-во П. С. выстроить предполагаемую Ровенскую дорогу также скоро и также дешево, как добровольцы? Баранов начал доказывать невозможность, гарантированную прежними опытами. М-во п.с. всегда медлило, не решалось, строило дорого и пр.; напротив, Анненковский путь выстроен скоро и дешево. Посьет, в длинной речи, опроверг нападки на медленность и доказал, что прежний вопрос о стратегическом кресте длился по нерешимости Военного М-ва, которое само колебалось в нём, а что касается до Анненковского, то 19 т. с версты истрачены без рельсов и подвижного состава, – и повторил уверение, что выстроит даже лучше и скорее, если ему дадут Анненковские льготы. Ванновский затруднился подчинить железнодорожные роты инженерам, на что государь возразил – пустяки и, не видя причин отбирать исполнение от подлежащего Министерства, решил строить путейцам. В. к. Михаил поддержал один Посьета. Мне сдается *qu`il y a du rien dans tout ceci* [что он заодно со мной]. Я просил Алексия не пускать дело в Совет; может быть,он говорил предварительно с Михаилом или царем. Вечером, у Кочубея, видя пляшущего Свечина, я сказал: «охота же, игравши долго первую скрипку, начинать бить в тарелки». Язык мой – враг мой.

15 февраля

В комитете министров Баранов уверял, что Потийский вопрос решен под давлением, забывши, что он решен в июле противно давлению свыше, выраженному резолюциею государя. Он разумел давление участвовавшего Михаила Николаевича. Их хотели потребовать (т. е. его и Алексия) в К-т министров, но полагая, что может случиться, что мы их опровергнем, я советовал компромисс – передать дело в Государственный Совет. Собрались после заседания сговориться, но я ушел.

16 февраля

Un vrai bal de seigneur [Настоящий бал для вельмож]. Видно, что так привыкли жить. Без толкающихся и толкущих лакеев, без *raideur* [твердости] двора, с пристойным *soins gêne. Le vrai comme il fant* [забавным смущением. Понимание того, что всё идёт как] было в воздухе, так что и государь увлекся и танцовал. M-me Струве назвала мне Посьета *votre ami, votre protégé* [ваш друг, ваш протеже] – верно, дошло, что я против её братца Анненкова.

Несмотря на *entrainement* [приятную атмосферу] я оставил пышный дом Воронцова-Дашкова в 12 часов.

18 февраля

Упорный Жандр все стоит за сокращения. Целый вечер проспорил касательно преобразования Министерства.

Теперь меня особенно занимают: контракт с американцами на владение нашими Командорскими островами, телеграммы по Дунайскому вопросу, в котором я принимал участие, и многие свои специальные дела.

20 февраля

Днем все августейшие *flamieurs* [особы] отправились в *folle journey* [безумную поездку] к принцу Ольденбургскому, на Каменный остров, на тройках. Видя этот сумасшедший цуг, я внутренно помолился, чтобы его не сжарили. Стоявший целую зиму, дом топили *à autrance* [вовсю]. Смеясь, говорил, что на обратном пути их заедят волки.

Обедал у Нарышкиных и болтал по обыкновению.

Набросал рескрипт Черноморскому флоту по случаю столетия, вышло довольно удачно. Не знаю, согласится ли государь на это воззвание.

21 февраля

Ничего не значащий Государственный Совет. На докладе представил государю чертежи закладываемых броненосцев и рисунки их. Довольно долго рассматривал и одобрил. Говорил также о покупке острова Кабрера. Написал Чебышеву, чтобы осмотрел его.

Обедал у в. к. Михаила опять с Пиллер. Ехавши, опять прибегал к покровительству Нади. Боже, помоги мне. Лучше неправильность жизни, нежели измена любимому существу, почиющему уже в ином мире.

Кажется, неожиданно кн. Юрьевская прибыла в Петербург, *troubler les fêtes du carnival* [нарушать праздничную атмосферу], и была у Ольги Федоровны в течение часа.

22 февраля

Как деликатен наш повелитель. Сегодня 60 лет служения Ф. М. Новосильского. Государь хотел послать дежурного генерал-адъютанта (гр. Гейдена) поздравить его, но вспомнил, что граф старше Новосильского и послал дежурного свитского Арсеньева.

24 февраля

Интересные опыты. Стреляли пироксилиновыми бомбами. Добиваемся, чтобы они пробивали броню, и потом уже, чтобы их разносило на мелкие куски. Выстрелы в поле были чрезвычайно удачны и доказали, что бомбы не рвет в орудии и что боек действует при ударе. Не то было при пальбе в броню. Бомбы рвало после некоторого углубления. Затем боек вынули, оставя капсуль с гремучим составом. Снаряд разбило только, но его не взорвало. Будем делать опыты с крупповскими бомбами, проницающие броню без разбития.

Погода сначала была неприятная, но 8 часов на воздухе для меня были истинный праздник.

25 февраля

Обед у Набоба-Нечаева, с *Jaures`ом* [Жоресом], Жомини и другими. Французадмирал шумел за десятерых. *C`est un brave homme* [храбрый мужчина], но манеры его у нас кажутся дикими.

26 февраля

Думал ехать или не ехать, ибо в повестке сказано было, что приема по случаю рождения царя не будет.

После церемонии ко мне приехал государственный секретарь Половцов поговорить о деле субсидии добровольному флоту, которое вносится в Государственный Совет. Он знал, что я всеми силами против добровольного флота, и дал мне высказаться; потом сам заговорил с точки зрения государственной. Просто влияние Победоносцева его тяготит, и он хочет от него избавиться и быть (?)[1]. Пришлет на мое заключение внесенное в Сенат дело. *Je donnerai dedans comme un nigaud* [я попадусь в ловушку как простак] и не по глупости, а просто потому, что *ca sera le scandal du régne* [разразится скандал, связанный с государем] и пострадает нравственно сам государь; а от этого да сохранит его и нас всемогущий Бог.

Два скандала. Директор почт Перфильев (считавшийся всеми за порядочного человека), украл 45 т. и начал резаться перочинным ножом. Другой – отличился наместник Кавказский Дундуков. Пригласил Толстую ужинать к Борелю. Прежняя любовница, жена обер-полиц. Грессера, дала знать любовнику Толстой, кн. Белосельскому. Тот пришел к Борелю, оттаскал Толстую за косу. Дундук вступился, начали

[1] Так в тексте

таскать друг друга, так что татарская прислуга разнимала. *O tempora, o mores!* [О времена, о нравы!]

27 февраля

Дундуков на бале в. к. Михаила *etait gai comme un pinson* [был беззаботно веселый], верно сплетня или умел оправдаться. В Аничкином начали прыгать с 2 часов, пообедали и приехали хоронить масляницу к в. к. Михаилу. И меня пригласили, вероятно, потому что заключили, что никто более меня не рад похоронам. Хозяева милы и дворец чудный. Это второй в нем бал. Императрица танцовала много и мило. Государь приехал только к ужину. Владимир, Сергей и Павел выказывают ко мне холодность – за что, не знаю, да и мало о том думаю.

Зарезался экс-министр Маков. Умер, наконец, канцлер Горчаков. *L'astue s'est eteint sans eclairer l'horizon* [погасла звезда на чистом горизонте], как мечтал покойник.

Получил анонимное письмо, в котором мне пишут, что самодержавие задушено комиссиями, и царь не проявляет своей державной воли. Не проявляет и мой Алексей рвения и много мешает мне проволочками. Он будто боится говорить с государем, а мне неловко брать инициативу.

28 февраля

Кончилась жизнь, наделавшая много шуму и, в свое время, принесшая России пользу. Кн. Горчаков, наполнявший собою все журналы в течении четверти века, умер в Бадене, там, где он так поразил меня в сердце при встрече. Он шел от товарища своего старческого разврата, а я на молитву к телу моей Нади. Да простит нас всех Бог милосердный.

1 марта

Духовное с мирским соединяется в этой юдоли суетности. Говею после многих лет, и вместе составляю обвинение Об-ву добровольного флота. Не знаю, придется ли говорить об этом с государем, но записка моя назначается для Него.

5 марта

Государственный Совет решил послать представление Победоносцева на мое заключение. Поставленный между двумя огнями, я решился узнать предварительно от государя его взгляд и составил записку, в которой более, нежели откровенно, изложил всю несообразность полувоенного флота, существующего рядом с военным. К записке приложил письмо. Не желая сделать что-либо неправильно, я прочел записку в. к. Алексию, и он обещал завтра, при докладе, сказать государю, что я хочу представить ему её.

Сегодня праздновалось восшествие на престол. При 10° мороза отворили двери, будто хотели создать вакансии.

7 марта

После доклада в Гатчино в. к. Алексей сказал государю, что я имею подать ему записку о добровольном флоте. Я вынул её и оставил на столе. Мне показалось, что государь несколько смутился. К записке было приложено письмо, в котором я говорил, что за милости царя считаю долгом говорить ему правду.

8 марта

Утром получил от е. в. мою записку с милостивою благодарностью за откровенность и замечаниями, совершенно согласными с моими аргументами. Велено приписать добровольный флот к Государственному. Думаю, Константин меня за это менее разругает при встрече. Что за дивный человек государь и какою дрянью окружен. Распустили слух, что вопрос о добровольном флоте его личный вопрос. Все желали, чтобы его уничтожили и никто не решился говорить о том; шептались и хотели всё свалить на меня.

В Ком-те министров передал Победоносцеву приказание государя в моем смысле вести дело в Государственном Совете. *Il a fait bonne mine á mauvai's jeu* [Он сделал хорошую мину при плохой игре]. Островский в восхищении от моей решимости и от моей записки.

10 марта

Беседа с Победоносцевым. Кончилась тем, что он согласился с моим взглядом. Но просил дать в Совете пройти субсидии, чтобы Об-во было при Морском М-ве на особом бюджете. Не зная, верить ли ему, я сказал, что доложу в этом смысле государю и во всяком случае дам вид, что дело сотворится по нашему соглашению. Когда я сказал об этом Половцову, тот удивился. Верно, хочет унизить Победоносцева *par une defaite* [как разгромленного (поверженного)].

В Государственном Совете по поводу предложения Бунге дозволить заключать условия на звонкую монету по курсу, слушал с наслаждением Абазу и удивился, как решился говорить после него Грейг. Ни слова, ни смысла – просто хотелось говорить *á tout prix* [любой ценой].

11 марта

Ещё беседа с Победоносцевым. Кажется, готовит записку государю, а тот вчера объявил, что добровольный флот уже не существует. То же мне объявил Половцов, приехавший передать мне, что ему сообщил в. к. Владимир об объявлении государя. Тоже мне сказал Михаил Николаевич – *un amiral de moins* [адмирал, по крайней мере].

Вечером совещание о Потийском порте. Ни на чем не остановились.

12 марта

В. к. Алексий сказал, что гр. Воронцов предуведомил его, что Победоносцев так не оставит. Я велел приготовить к докладу два решения – одно решающее, указ министру финансов, другое, установляющее совещание для передачи. Не знаю, какое возмет верх.

13 марта

Вечером пришел Победоносцев и два часа говорил мне чушь, уверял, что я поставлю государя в странное положение к России, что прежнее согласие его, по совещании с коллегами, берет назад и должен будет высказать государю свои аргументы, что я поторопился, что мне насказали и подсказали и т.п.

Я решился действовать тверже.

14 марта

На докладе представил Государю повеление о немедленной передаче Об-ва добровольного флота из ведомства Мин-ва финансов в Морское и о принятии мер к передаче всего имущества. Победоносцев поморщился, но, кажется, государь твердо решился. С его плеч спадет большое бремя. Но Победоносцев *ne se tiendra pas qua* [не будет держаться за это].

Обедал по приглашению у молодых великих князей после долгого промежутка. Арсеньев *veut ramener le G.D.Serge au bercail* [хочет привести в. к. Сергея в лоно семьи].

16 марта

Написал Победоносцеву о решении государя.

17 марта

Вечер у Толстого. Победоносцев избегал встречи со мною. Скучный Казиев показывал свои штуки.

В анонимных письмах начинают меня ругать.

18 марта

Решили в Комиссии, как поступать с бунтующими студентами. Преступники – в исправительные роты военного ведомства. Остальные, исключенные университетским советом, лишаются всех льгот по образованию и семейных и мечут жребий, даже метавшие его прежде. Это мое предложение, всеми принятое. Поразительно, что Делянов нашел эту меру слишком мягкою и несправедливою, ибо счастливцы избегнут жребия, но и защищал, как меру устрашающую, и требовал, чтобы рядом с этим включили, что возвращение льгот зависит от представления военного начальства.

19 марта

На докладе великий князь сказал, что Победоносцев на меня жаловался и писал государю. Увижу в понедельник. Впоследствии я узнал, что он жаловался и вел. кн. Сергию и Павлу, будто я компрометирую государя, заставляя его действовать арбитрарно.

В Государственном Совете раскольничий вопрос в присутствии великих князей Михаила и Владимира. *On a rogné les articles de Толстой* [были сокращены статьи Толстого]. Был дебат о запрещении на раскольничьих молельнях креста. Поднялись, и я в том числе сказал, что мы на язычников вешаем кресты, как же откажем в них раскольникам; само собою они будут говорить, что мы антихристы.

Влангали говорит, что в разговоре с царем и императрицею Гирс назвал меня единственным государственным человеком.

20 марта

У приятеля Лисянского умер его Вася дифтеритом. Бедный Лисянский очень огорчен и перебрался ко мне.

21 марта

При докладе великий князь Алексей заговорил о письмах Победоносцева к государю. Царь сконфузился, но сказал, что отказал Победоносцеву собрать у него всех заинтересованных. «Я выразил мою волю в принципе», сказал государь, «а как это сделать это Ваше дело». И совершенно справедливо. Не менее того, мне трудно воспользоваться моею победою. Не знаю, как наладится дело.

24 марта

Поздно вечером получил телеграмму, что китайцы собираются силою отхватить у нас границу у «Посьета».

25 марта

Конногвардейский праздник. Весь двор был в манеже. После парада завтрак в Аничкином. Были любезны с конногвардейцами. После завтрака государь обходил всех и по обыкновению подал мне руку. Грейг был в мундире пограничной стражи, что заставило Черевина сказать, что он контрабандист.

Решаюсь сделать мое положение правильным. Надя видит это и простит меня.

28 марта

Доклад у государя. Великий князь Алексей говорил ему о моем намерении и тот принял милостиво. Гр. Панина представлялась императрице и та знала уже, что она была у меня, и удивилась *car je ne restai pas seul* [так как я не остался одиноким]. Сегодня, вероятно, государь скажет ей.

31 марта

В Государственном Совете транзитный вопрос. 13 с Бунге, несколько шатавшемся в своем проекте; 11 с Абазою, закрывшем транзит с (?)[2] ... ввозом сахара с пошлиною 2–20, как за песок, и я с Абазою.

4 апреля.

Доклад у государя. После доклада вновь позвал меня одного и сказал, что ему хочется сделать в коронацию великого князя Алексея генерал-адмиралом. Велел справиться, как это сделать. Я воспользовался случаем, чтобы поговорить о столетии Черноморского флота, просил, чтобы отнесли его к празднованию 200-летнего юбилея гвардейских полков и к коронации. Согласился и велел прислать депутацию. «Ярославль» велел переименовать в «Память Меркурия».

За мною, по обыкновению, вошел Островский и представил, неугодно ли государю расположить в коронацию арендами. После расспросов, государь велел мне назначить 4 т. в год, сказавши, что они мне нужны на свадьбу. Какое баловство, а я становлюсь не то что ленивым, а разбрасывающимся и мало выделывающим.

5 апреля

Схватили лейтенанта Куприянова по причастию к политическому делу.

6 апреля

Вечер у Делянова. Давка страшная в маленьких комнатах.

7 апреля

Ещё один из наших офицеров привлечен к ответственности и арестован.

Невеста Будзевича, приговоренного к смертной казни, приходила просить заступничества.

8 апреля

Совсем замотался в глупой работе и получил выговор от великого князя Алексия. Вчера государь сказал ему об аресте двух наших офицеров; он ответил незнанием и сегодня прислал мне записку укорительного содержания. Виноват – и говорить нечего. Все безпамятный Перелешин. Ответил, виня себя; нужно объясниться.

10 апреля

Надоедает немало кн. Болгарский. Сначала хотел идти на «Тамани» и миновать Константинополь, потом испугался султана и принял его яхту, посланную в Варну. Хотел чтобы «Тамань» его конвоировал, а когда государь не согласился, то

[2] Так в тексте

пошел один на яхте «Изздине», хотя, по рапорту Юрьева, «Тамань», посланный в Варну с Ону, вошел в Босфор если не вместе с «Изздином», то почти в то же время, чего велено было избегать.

Затем решено было, что князь пойдет из Константинополя до Тенедоса, где его ждет Чебышев, на той же «Изздине». Далее вздумалось Болгарскому ветреннику вспомнить, что явится в Афины на страстной неделе – новая перемена – захотелось идти на «Африке» вместо Афин в Яффу и Иерусалим. Сегодня слезно молит государя согласиться, чтобы «Африка» явилась у Яффы, а он, по предложению Султана, пойдет туда на «Изздине». Он согласился на предложение *de peur de perdre tout`ce qu`il a gagne* [из страха потерять все, что он выиграл], а государь, балуя его, согласился, чтобы «Африка» шла в Яффу.

Утром был на панихиде по принцессе Терезии. Много народу.

11 апреля

Доклад у государя. Говорил, что наши офицеры взяты недаром. В первый раз не согласился на два представления – на медали за спасение, ибо офицер спас труп (логично) и не подписал судебного дела. Вообще *il tait en veine de contradiction* [он был во внутренних сомнениях] и спорил, что все награды отложены до коронации.

Я получил анонимное письмо, что отставленные от похода молодые штурмана – удобное поле для пропаганды. Тоже говорил и Веселаго со слов полиции и вчера Вочак.

14 апреля

Прежде коменданта открыл навигацию поездкой на Балтийский завод. Был также в госпитале. Помещение женатых обнимает ужасом.

17 апреля

По императивному зову был у кн. Лизы Трубецкой – дала мне письма M-me Адат и экземпляр глупой «Общей воли». Отвратительная баба, желающая во что бы ни стало вмешиваться во внутреннюю политику. Просто хочется плюнуть.

18 апреля

В К-те министров прения о всемилостивейшем манифесте. Толстой проводил амнистию полякам 63 года, и я его поддерживал, говоря, что с первого дня министры и генерал-губернаторы миловали бунтовщиков, а теперь препятствуют царю их миловать. В заключение я удивился, что, пройдя всех мошенников, совершенно игнорировали прессу. Толстой сказал, что нарочно пропустил их; что если сложить с них взыскания, то во время коронации напишут что-нибудь не должное – все молчали, а Победоносцев прибавил, что думать об облегчении прессы – преступление.

20 апреля

Сегодня весь день между августейшими особами. Обед у Нарышкина, потом вечер у Т. М. Лазаревой, где были Мария Максим. и Евгений Максим. Говорили много внутреннеполитического вздора. Не могу не жаловаться на себя. Раскидываюсь, голова не стройна и вообще замотался; ни на что нет времени.

23 апреля

Приезд в. к. Константина. Завтракал в Гвардейском экипаже вместе с великим князем Алексием. Говорили о предстоящем приезде Константина. Когда я сказал, что его можно успокоить, давши ему средства жить, Алексей сказал, что не верит его бедности, ибо за освобождение крестьян покойный государь дал ему из уделов 100 т. ежегодно, что с 140 т. Великокняжеских и 60 т. на её пай, составляет 300 т. в год; что он мог издержать капиталы, но этих денег издержать вперед не может.

В 6 часов прибыл неудобный великий князь в весьма грязном виде. Меня едва заметил в толпе встречавших, и выехавшая навстречу великая княгиня *a tâché de me dedomager* [попыталась меня вознаградить]. По обыкновению Константин хотел всех очаровать. Не знаю, почему Алексей не дождался конца *cercle*'а [круга], но Михаил с детьми оставался. Может быть этикет.

24 апреля

Сегодня Константин звал многих к обедне, но я, как министр, счел недолжным представляться ему прежде, нежели он представится государю. Михаил говорит – не может же Константин, привыкший жить во дворцах, скитаться по трактирам.

Сегодня вступаю в брак – по долгу. Творил молитву моей Наде, прося её помилования.

25 апреля

Коронационный доклад. Государь обошел Козакевича, опасаясь, чтобы суд не очернил его. Не согласился также на подарки. Хочет возвысить Александра Невского – и отказал в нём Яневичу (с алмазами) и назначил чин. Остальное всё утвердил. Велел Алексия возвести в генерал-адмиралы.

26 апреля

В Комитете министров окончательные суждения о манифесте.

Был у в. к. Константина – случилось, что вошел Новосильской, и он принял нас вместе прилично, хотя заставил ждать довольно долго. Ни слова о флоте.

2 мая

Доклад у государя. После доклада разговорился о Константине Николаевиче. Думает, что не выдержит. Я рассказал ему, по его желанию, как меня принял вели-

кий князь, что говорил с Жандром и Козакевичем (о переменах – первому сказал, что говорит хорошо, но увидим, что сделаешь – тот уверял, что возвращаемся к его идеи; второму – не знаю ваших перемен и вероятно не узнаю). Вообще, государь хотел, кажется, высказать, что не бывать дяде чем-нибудь.

В Кремле Черевин настоял, чтобы осмотрели монастыри.

5 мая

Е. В. Богданович уверял меня, будто государь велел прекратить дело тестя Победоносцева Энгельгардта, написавши резолюцию: «дело ведено грязно, прекратить немедленно». Будто Бунге просил сегодня аудиенции для объяснения и, в случае надобности, подачи в отставку. Рассказывал также, что Черевин, по просьбе Никиты Всеволожского, выхлопотал высочайшее повеление о пересмотре дела его и потом, когда оказалось, что дела никакого нет, разорвал повеление.

В 7 часов вечера отправился в Москву с женою. Герцог Н. М. Лейхтенбергский оказался соседом, вошел в мое отделение и побеседовал. Брат его Юрий, великий князь Николай Николаевич с сыновьями и многие министры были в нашем поезде. По дороге везде расставлены солдаты.

6 мая

В 11 часов прибыли благополучно в Москву, на общую нашу квартиру. Не отдыхая, поехал с визитом – к Долгорукому и ко всем великим князьям. Потом установился у себя, в Славянском базаре.

7 мая

Утром узнал, что приехал гр. Д. А. Милютин, и тотчас пошел поклониться ему. Мало переменился. Делал визиты. Осмотрел батарею,, на той стороне реки, освещающую Иван Великий, в мастерской какого-то немца, который уверял меня, что нашим людям нужно молиться.

Рассказывали про Бунге иную версию. Дело возникло по доносу государю на продажу Путиловского завода, а не вследствие просьбы Победоносцева спасти его отчима.

8 мая

Получил неожиданного уведомление, что государь приезжает сегодня. К 6-ти часам на станцию Московско-Смоленской дороги собрался весь двор: великие князья, принц Александр Гессенский и в полном комплекте весь военный дом. Государь вышел с императрицею, пожал руку Гессенскому и поговорил с гр. Милютиным. На замечание кого-то, что царь удостоил разговором только одного Милютина, Трепов отвечал – да как же с ним не говорить.

В 2 часа встречал Константина Николаевича, прибывшего с греческою королевою. Лобызался со многими, но не со мною.

9 мая

В 9 часов собрались встретить Эдинбургских. Опять все князья и военный двор. Увидел знаменитого лорда *Wolsley*. После полдня, прогуливаясь в Кремле, любовался, как толпа глазела на красные английские мундиры. Любовался также на наших матросиков.

10 мая

Великий день! Сколько сердец билось тревожно? Какие чувства наполняли грудь царственной матери, в течение трех часов видевшей мужа и двух сыновей в положении, в котором всякое злоумышление легко могло иметь страшный исход.

К 12 часам мы все собрались в Петровский дворец. Мы, генерал-адъютанты, были приглашены к завтраку. По чистой случайности я очутился около царского стола. Императрица, после приема Монпансье и князя Черногорского, прибывших накануне, вышла к завтраку в золотом глазетовом платье и бриллиянтах, совершенно готовая к поезду. Монпансье сел по левую её руку, а по правую – Эдинбургский. Мария Павловна за тем же столом и возле её Черногорский.

После завтрака мы все выстроились вне ворот и ровно в 2 часа Государь сел на лошадь, а императрица, с Ксениею, в золотую карету, запряженную восемью белыми конями. Около государя, на лошадках, наследник и Георгий в казацких мундирах. Иностранные принцы стояли против нас, и все мы последовали за государем и вошли в давно выстроенную процессию на Смоленском шоссе. Начался гром пушек, и торжественная вереница двинулась к святой матушке-Москве. Естественно, все мы хотели быть сколько можно ближе к государю. Святополк Мирский закричал «флигель-адъютанты назад» – и настоял, чтобы молодежь не занимала наши места. Здесь были все знаменитости прошлого царствования: Милютин, Адлерберг и другие. Народ, густою толпою, стоял позади шпалер войска, оглушал радостными криками и бежал за государем. Духовенство выходило по всему пути в облачении и благословляло владыку. Довольно часто, шедший впереди царя эскадрон кавалергардов, по тесноте улицы, должен был перестраиваться. Все останавливались на минуту, и злодейская рука имела многие случаи поразить монарха.

Депутации встречали с хлебом-солью, и мы двигались довольно скоро.

В доме генерал-губернатора был собран весь дипломатический корпус, а напротив дворянство. Государь приостановился, поклонился дворянству и дипломатам. У Иверской царь сошел с лошади и поклонился иконе. Вид его был усталый. На Красной площади 500 мальчиков пели гимн, но крик народа и звон колоколов мешал слышать.

С непокрытыми головами мы въехали в Спасские ворота и скоро сошли с лошадей у Кремлевских святынь. Государь с императрицею и всем семейством, вошел в Успенский собор, потом в Благовещенский и поднялся по Красному крыльцу в золотой толпе придворных.

Погода была чудная, без палящего солнца и только капли дождя перепадали вначале. Все искали экипажей, и я прошел пешком до дома, не найдя своего и рисковавши быть раздавленным в. к. Владимиром.

Вечером смотрел на начинавшуюся иллюминацию.

11 мая

Церемония освящения знамени. К 12-ти часам собрались в оружейную палату. По пришествии государя начался молебен. Случилось то же, что 26 или 7 лет назад, на свадьбе Марии Максимилиановны, – государь выслал в. к. Владимира попросить свиту не шуметь. У нас несколько глухарей ревут, как коровы. Я думал, что знамя, как государственная регалия, преемственно. Выходит, что всякий новый царь имеет своё и прибавляется новое приобретение. Теперь Ташкент вошел в эмблемы. Знамя шелковое и на нем герб намалеван.

12 мая

Сегодня проделывали репетицию коронационного шествия.

«Какая смесь одежд, и лиц, и званий,

Племен, народов, состояний».

Мы собрались в великолепной Андреевской зале, где уже стояли на месте два золотых трона. Нам, балдахинщикам, нечего было делать, и мы пропустили мимо себя всю вереницу.

В Успенском соборе не будет тесно – для всех отведены места. Наше место невыгодное, но, пользуясь моими различными положениями, я надеюсь примкнуть к Государственному Совету, стоящему по левую руку трона, на возвышении.

Утром упросил великого князя убедить государя, что неловко обойти Козакевича. Тот съездил в Нескучное и привез разрешение дать Владимира I-й степени.

13 мая

Что было всего нужнее вчера, того не сделали – репетиции ношения балдахина. Многое оказалось не в порядке, не прилажено. И сегодня вздумали репетировать теоретически; однако ж я настоял на ношении, и благо мне было – никогда не воображал, чтобы было так тяжело. Г.г. на кистях шалили, а от них всё зависело. Стюрлер просто был навеселе. И все-таки ходили дурно и я боюсь, чтобы не вышло скандала.

14 мая

Заседание Государственного Совета в круглой зале сенатского здания, воздвигнутой Екатериной для народной депутации. Барельефы по стенам свидетельствуют о её подвигах. И отличались мы под сению духа Екатерины. Представление касательно лотерей для приютов было внесено такой канцелярской ерундой с разногласием, с разногласием постыдным. Кто на два, кто на шесть лет допускал лотереи в

силу ходатайств великих княгинь. Когда я попросил позволения у в. к. Михаила не вотировать, ибо не согласен ни с какой стороной, Михаил просил изнасиловать совесть – и я пошел с большинством.

У Бунге действительно было неприятное дело с государем по доносу о продаже Путиловского завода.

По возвращении домой пошел с Андреем к гр. Гейдену и поздравил его. Был очень тронут. Я получил Александра Невского и приятный рескрипт. Из военных 4 андреевские кавалера, *dont 3 marins* [среди которых 3 моряка].

15 мая

Великий день. Серенькое небо, встал в 6 часу и к 7-ми был в Андреевской зале Кремлевского дворца, откуда все мы, носильщики балдахина, скоро перешли в золотую палату, убранную роскошным сервизом для дипломатического корпуса. Начали составлять шествие, и в 9 часов вышел Наследник со всеми великими князьями и принцами. В ½10-го мы сошли с Красного крыльца и приняли балдахин от принесших его штаб-офицеров. Накрапывал дождик, но лишь только явился государь на Красном крыльце, блеснуло солнце и полилось «Ура!». Медленно и величаво сошла царственная чета вниз и стала под балдахин. Мы двинулись довольно стройно и подвели государя к входу в Успенский собор. Иоаникий встретил его словом, и все в соборе приняло должный вид. Трогательно было благословение архипастыря, обряд венчания и облачения царя в доспехи царские. Внятно, хотя несколько дрожащим голосом, прочел царь символ веры. Смиренно, будто нуждаясь в покровительстве, стала перед ним царица на колени; но всего впечатлительнее был момент, когда царь читал свою мольбу, стоя один на коленях, и просил Бога править народом честно и праведно.

Вся служба длилась два часа. Мы приняли венчанных у северных дверей и вокруг Ивана Великого обвели их опять в лучах солнца (хотя во всю службу шел дождь) по соборам и оставили у Красного крыльца, по которому они вошли, поклонились народу и удалились во дворец. Здесь мы ждали долго выхода к обеду. Я заглянул в Грановитую палату, но не остался обедать. Устал.

Вечером смотрел на фантастическую иллюминацию. Иван Великий, освещенный исключительно нашими электриками, был дивно величествен.

16 мая

Утром узнали милости и награды. Главные: в. к. Михаил к нам в К-т министров при лестном рескрипте. Чудный рескрипт Долгорукому или лучше Москве, с портретом. Много Андреев, из коих три – морякам. Им же рескрипты, в которых я участвовал. Старые слуги покойника не были забыты. Необыкновенные награды: Толстому Андрея мимо Владимира и жена статс-дамою, адмиралам Лесовскому и Посьету Владимира мимо алмазных знаков; мне, при лестном (но не для Констан-

тина) рескрипте Александра Невского и аренда в 4 т. рублей на шесть лет. Моя грамота Черноморскому флоту произвела сенсацию.

Утром представлялся государю вместе с членами Совета и неловко благодарил за милости. Представлялись послы, духовенство и депутации.

Сотня великолепнейших блюд. Далеко ушло серебряное искусство. Просто дивные произведения. Азиятские представительства были особенно интересны.

Пробыл во дворце до 3-х часов и вечером собрались на куртог в Грановитой палате, из которой дивно выказывался наш Ив. Великий. Царь и князья поочередно водили высоких дам между тысячами представителей и офицеров.

Сегодня, вечером, при безветрии, иллюминация был истинно волшебна.

17 мая

Представление военных. Я поставил Гвардейский экипаж по старшинству. Государь давал руку только генералам, а императрица имела терпение давать её всем. Какой-то отставной генерал пробился, уверяя, что пришел за 1000 верст больной – его допустили и сделали счастливым.

В газетах прочел речь Платона на вчерашнем представлении духовенства. В высшей степени циническая и бестактная. Царь по сердцу, потому что жизнь его безукоризненная (намек на отца); Провидение ему велело быть царем, потому что престол доставлялся не ему, а брату – и брат был отозван в горние. Какой-то мистический реализм.

В Петербурге запретили иллюминовывать в третий день. Говорят, толпа останавливала экипажи и побила сенатора и адъютанта.

Обедал у *Waddingtton`a* [Веддингттона], а вечером был на давке у Долгорукова – *liberté de la presse* [свобода прессы], как выразился кто-то.

18 мая

Прибыла депутация из Черного моря. Комитет министров. Дружный отпор польским претензиям. Резкость Толстого по поводу отклонения ходатайства Тверского земства о большем участии в народном образовании.

Велел назначить Комиссию для исследования правильности доклада мне К. А. Свешникова.

Парадный спектакль.

19 мая

Обед при дворе. Тесно сидели. Вечером бал в собрании. Опять давка. Бобринский (предводитель) сделан членом Государственного Совета.

20 мая

Утром в Чудовом монастыре, где был государь по случаю именин Алексея.

Прогулка на Поклонную гору.

Вечером бал у Швейница. Не было особенно тесно. Представился Черногорскому князю, весьма довольному своим переходом на «Джигите». Хвалил Миллера и желает вновь идти на клипера обратно.

Уехал по обычаю моему рано. Все было великолепно. Сервиз и серебро выписаны нарочно из Берлина.

21 мая

День Константина и Елены. Расписался у Константина, потому что в Петровске назначен был парад. На народном гуляньи Константин ядовито-мило напомнил мне, что 28 лет назад в этот день он мне привез свой аксельбант и Владимира 4 ст.

Нашли и другие, будто я должен был отпроситься у государя и быть у Константина; а я нашел, что Константин мог бы забыть в торжествах коронации своего византийского патрона и явиться для увеличения помпы своего государя. Не время было вспоминать о своих имянинах и шествовать в церковь с каким-то двором.

Что за дивное зрелище эти 500 т. волнующихся голов, разверзтых ртов и миллион рук, машущих в восторге при виде царя!

Порядок был дивный! Иностранцы были поражены.

Алексей рассказывал что у Константина сидел Александр Болгарский, когда принесли приказ о его генерал-адмиральстве. Взбесился.

Собранным волостным старшинам Государь, конечно, двинутый Толстым, сказал речь, предостерегая их от толков злонамеренных, что наделов никаких не будет и что им нужно доверять предводителям и с ними советоваться.

22 мая

Утром в Чудовом монастыре, слушали панихиду по императрице. Весь двор ездил в Лавру, а Константин не счел нужным. Отчего? И для чего? – трудно приискать извиняющую причину.

23 мая

2-х Столетний юбилей Преображенского, Семеновского полков, всей армии и примкнули наш экипаж. К 11 часам все съехались в Преображенское. После молебна государь передавал командирам полков знамена. Те становились на колени. Все великие княгини и императрица были в платьях Преображенского полка. Объезжая ряды, государь был милостив и с нашими полуинвалидами. Накануне их всех украсили.

Из Преображенского поехал на праздник, который город давал войску. Прекрасно распорядились. Было 200 столов, кормили 12 тысяч. Царя всюду и все встречали восторженно.

Вечером бал в Александровском зале. Великолепие в освещении и в нарядах. Ужинали 2500 человек.

В Кронштадте, у дурня Козакевича, некстати пившего за Константина в день коронации, произошел скандал не в пользу Алексия.

24 мая

Обед в Кремле в Георгиевском зале. Сидел между членами Государственного Совета. Дам опять посадили отдельно от мужчин, или хуже, только кровной молодежи позволили сидеть с дамами.

Начинает все это надоедать; даже на Петербург смотришь, как на тихое пристанище.

25 мая

Утверждают, будто *speech* [речь] Государя произведет благое влияние, что мысль о наделе землею общая в крестьянском сословии.

Обедал у Английского посла в чисто английском обществе. Познакомился поближе с *Wolsley* и *Clan William*'ом [Волслеем и Глен Вильямом].

Лишь только лег спать, потревожили письмом от Черевина. Государь уезжает днем раньше, 28-го. Нужно уехать за день.

26 мая

В 9½ утра отправился в храм Спасителя. Застал уже кругом войско, множество экипажей и в храме всех допущенных, были и на хорах. В то время, как ожидали государя, вошла дама в *pleureuse* [в слезах, плачущая] и хотела пробиться вперед. Оказалась французская вице-консульша. Её попросили на хоры, а следовало выгнать. Налево стояли дипломаты (кроме французов) и за ними представители дворянства, города и пр. Ближе к алтарю, ветераны 12-го года – всего шесть. Направо Государственный Совет и масса цветов в виде дам. Мы, в середине, ждали прибытия царя. Скоро «Ура!» народа возвестило о прибытии царя.

Иоаникий слишком долго задержал его речью. Началось освящение, во время коего царская фамилия была в алтаре. Принесли антимнис с мощами из Успенского собора и под ярким солнцем обошли храм. Дивное зрелище, с народом за Москвой-рекой, с хоругвями вокруг церкви и священнослужителями в золотых ризах.

За духовенством следовали царь и царица, князья и весь двор – женский и мужской. На ходу Пиллар поведала мне, что покойный государь унаследовал всю ненависть Александра I к Кутузову; она думала, что будет по нём панихида, но на многолетии пропели вечную память «вождям и воинству». Становились много раз на колени и вообще церемония, длившаяся 3½ часа, была утомительна.

Гирс думает, что Франция сдает в Тонкинском вопросе, опасаясь втянуться в длинное дело в теперешнем состоянии Европы.

Когда государь подошел к кресту, Амвросий Харьковский ударился в длинное красноречие и ещё задержал его.

Познакомился в храме с Катковым. Для меня дивная фантасмагория кончилась, завтра в Питер.

27 мая

Устремился в Петербург, как в тихое пристанище. По дороге говорил с Гротом о неопытности государя и необходимости всем министрам действовать так, как действуют некоторые нахрапом; *on ne peut pas les laisser faire* [нельзя им позволить действовать].

Расставленные по дороге солдаты изощряются в искусстве плести триумфальные арки из зелени, выделывать вензеля и т.п.

28 мая

В 11 часов прибыл в Петербург, а в ½1-го утра плыл в Петергоф, осмотрел там пристань и прошел в Кронштадт. Со мною был Козакевич, ленивый, индифферентный и слабый. «Державу» велел скорее выслать в море для пробы механизма. Взглянул на суда, отправляющиеся заграницу – всё идет вяло.

На «Нетронь-Меня» не застал никого – прощались с женами. Медиков не было. Был у Кумани и напутствовал воспитанников; также у Пилкина. Пока обходил суда, с моря пришли «Забияка» и «Вестник» и расположились на якоре. Потребовал с первой все шлюпки и отпустил под парусами, а второму велел под парусами перейти на малый рейд, всё это было неожиданно. Американский корвет, видя, что с «Невы» сигналят, верно, узнал, что я на ней и салютовал 19-ю выстрелами. Я прошел за «Вестником», посетивши «Забияку» и её нелюдима-командира. Кое-что было уложено не на месте.

Догнал «Вестник», велел убрать паруса и под парами перейти на прежнее место. Проходя, не вытерпел и поехал на него поблагодарить.

Сел обедать в 11 часов, воротившись домой.

29 мая

Поехал в 11 часов на Николаевскую дорогу. На платформе собралось довольно много и когда царь с царицей вышли из вагона, военный дом и многие присутствовавшие бросились к ним и целовали руки. *C`était trés fouchant* [Премило (очень трогательно)]. Крики «Ура!» начались на платформе и понеслись за царем по Невскому. Остановились и замолкли у Казанского собора, потом снова, вслед за царем, понеслись до Морской и Зимнего. Семейство повернуло в Крепость, а я на пристань. Скоро государь с семейством подъехал к пароходу, где его встретили все адмиралы. Со всеми и он, и она были любезны. Я провожал царя до Петергофа. «Стрельна» и «Нева» следовали разцвещенные всеми флагами как «Александрия».

Проводивши и удостоившись внимания веселого владыки, воротился домой.

Вечером, в толпе, смотрел иллюминацию. В этот раз не пускали экипажей, и было много конных и пеших полицейских. Все обошлось скромно. Адмиралтейство было эффектно, чему помогал освещенный фонтан.

31 мая

Осмотрел адмиралтейские работы. Вяло, лениво и едва ли Гейкинг в состоянии ускорить дело.

2 июня

Утром ушел на «Неве» навстречу великому князю и, вместе с ним, ездил на заграничные суда – для осмотра. Лихие ребята – и всё опять канет в лету. Разбредутся и пользы не будет. Гвардейский экипаж наделает бед. На «Вестнике» выслужившие срок с «Эдинбургского» просились в отпуск, и когда командир сказал им, что их посмотрит ещё государь, отвечали – «да мы его видели».

Доктор мой ещё не решил, куда мне нужно ехать искать облегчения от кашля.

3 июня

Прием великого князя, доклад и потом беседа. Готовлю к назначению Шварца в Кронштадт. Пилкин добросерд и будет под чужим влиянием.

4 июня

Конференция у Н. К. Гирса с Ванновским, Обручевым, Колпаковским, И. А. Зиновьевым, Куропаткиным и главное М. Г. Черняевым. Дело шло о разграничении или соединении Закаспийского края с Среднеазиятским. Говорили много и вертелись, как белки в колесе. Кончили тем, что, проголодавшись, решили ждать телеграммы из Асхабада; а с ним порешили отделить его от Кавказа.

5 июня

Разговор со Свешниковым вследствие его гадости. В 60 лет плачет. Думаю, кончить гласною острасткою.

6 июня

Доклад у государя. Решил ехать на открытие 14-го, а я просил дозволения сходить ранее с яхтами. По зову, отправился на американский фрегат «*Lancaster*» [«Ланкастер»], давши пароход для перевоза из Петербурга приглашенных дипломатов. Придя на малый рейд, съехал на «Пластун» и, несмотря на праздник, велел поднять баркас. Лихо. Осмотрел клипер. Внизу порядок, кроме укладки тросов.

Американцы истые американцы. Услужливы, явно хотят доставить удовольствие и не умеют. Приперли всех голодных в угол адмиральской каюты. Я первый

дал пример *débandade* [беспорядочное бегство], и с Гирсом и Шакир-пашею отправился в Петербург.

7 июня

Идет вопрос о новом делении Сибири; просил гр. Баранова, председателя, не торопиться созывом совещания, ибо должен ехать на каналы, куда и отправился в 9 часов вечера с тремя пароходами, Посьетом, Кремером и штатом.

8 июня

Всю ночь пробыл наверху. Сам убедился, что лучше осветить пороги для прохода царя. В 3 часа вышли в озере Шлиссельбургским фарватером, по которому нас провожала гроза. Вошли в Свирь в 10 ч. утра, остановились там, где остановимся с царем для забора министров, снялись и, войдя в Новый канал, причалили там, где причалим с царем.

9 июня

У входа в Волхов пообедали. Отправился на катере в Н. Ладожский канал. Воротился. *Desolation land* [земля опустошенная]. На ночь вышли в озеро из волховской бухты и тем же путем воротились в Петербург. *L`ayant échappé belle* [поймали сбежавшую красавицу]. Задул жестокий норд.

10 июня

Совещание у Толстого по делу о каре бунтующих студентов. Островский делал доклад по прежнему нашему решению. Государь положил резолюцию: «Согласен, но не думаю, чтобы это повело к удовлетворительным последствиям». Между тем, как говорит Островский, велел внести дело в К-т министров. Почему же не внести? Нет: увидели двойственность мнений. Какую? Мнение большинства, лютое было у них в сердце, а они подписали наше. Сочли нужным собраться ещё раз, в этот раз выразить два мнения и потом внести в комитет. Просто притворничество.

11 июня

Совещание у Ванновского по вопросу о дележе Среднеазиятской власти. У меня были две цели: подвинуться вперед против английского влияния и не пускать Черняева к границам Персии. Третья, не разрушать влияния на Хиву и её на Туркменов, как тихое, к коему привыкли.

Решили: Хивинского ставника в Мерве, поставленного Черняевым, не отзывать и заставить его признать и Асхабадскую власть. Не особенно хлопотать, чтобы туркмены не обижали друг друга, а нам двинуться с обоих флангов – с западного из Асхабада, далее по направлению к Мерву, а с востока факторию в Чарджуе, ибо нужно нам для плавания по Аму. Когда так решили, обратились к Гирсу. Кажется, согласился. Зиновьев особенно против Хивинского ставника в

Мерве, кажется, вследствие теоретического знакомства с среднеазиятским вопросом. Черняев слабо развивал свои аргументы, а Колпаковский беспристрастно молчал. Куропаткин дельно рисовал детали, но в общем взгляде на вопрос был слаб.

13 июня

Доклад у государя. Говорили о предстоящем завтра путешествии и кое-что решили. Потому, внизу, сговорились с Посьетом и Кремером. Сообщил великому князю Алексею Александровичу мой взгляд на предстоящую конференцию по административному делению Восточной Сибири. Говорит, что армейцы не согласятся, чтобы приморский край перешел в морские руки, нужно предложить, чтобы зависел от генерал-адмирала, как прежде все берега во Франции от него зависели.

Королева Ольга простилась со мною.

14 июня

В 9 часов вечера прибыл на «Александрию» у Смольного, где стояли «Стрельна», «Нева», «Онега», «Петербург» и «Ильмень», назначенные для приема сопровождавших государя лиц. В 11 часу прибыла венценосная чета. На пристани институтки.

Отвалили и пошли в путь, чтобы избавиться от криков толпы. В первый раз остановились в реке неудачно, как раз против парового молота. Вновь снялись и в тихих струях остались на ночь.

В ½6-го поплыли дальше. Несмотря на ранний час, дачники выходили на пристани и приветствовали.

15 июня

15-го, в 9 часов утра пристала «Александрия» к пристани в Шлиссельбурге. Мы, ночевавшие каждый на своем пароходе, вышли на берег с государем и потом пересели на пароход П.С. «Озерный».

Пароходам дано приказание идти в Волхов озером, а сами двинулись Александровским каналом. Впереди «Александрия», а сзади «Голубка», «Проворный», «Механик» и несколько «птичек». Я велел «Неве» пройти также каналом, не веря сказкам путейцев о невозможности.

Барочники крестились на царя. Народ, лентою, провожал по правому берегу и кричал «Ура!»

С наследником припоминал путешествие Екатерины по Волге. Вечером играл в вист с императрицею и Мариею Александровною.

16 июня

16-го, в ½2 ч. ночи пришли в Волхов и разъехались ночевать по своим пароходам, уже давно прибывшим. Моя «Нева» не приходила, и я остался ночевать на «Озерном». Двинулись на пароходах с вереницею из мелочи к Сязскому каналу. К 9 часам утра вышли в устье Свири, миновав Сясь и Свирский канал. Здесь собрался целый флот военных паровых яхт и катеров, пассажирских пароходов и барок, ждавших открытия, – все разукрашенные.

Посьет почерпнул Свирской воды «особенно чистой и приятной на вкус», как выразился министр в своей печатной программе, что наследник подцепил и не раз повторял. Блюдо или поднос прекрасны, сделаны из старого дуба, найденного при раскопке каналов и украшено орудиями каменного века.

В 11 часов двинулись на «Александрии» к пристани у молы. На пристани представление чинов путей сообщения, дворянства и Биржевого Петербургского К-та. Государь прошел к палатке у входного памятника-знака. Молебен с водосвятием. Ревностный народ подошел к моле по воде и так стоял всё время молитвы. После молебствия вновь перешли на «Александрию», через которую протянули голубую ленту с надписями: «Открытие Свирского канала 1883 г.» Императрица стала на выдающуюся часть мостика с ножницами изящной работы. Я с Посьетом прошли на кожухи, и когда «Александрия» медленно начала двигаться вперед, направили ленту под ножницы. Царица разрезала концы ленты на куски и раздала нам с *bais'e maitrs* [материнскими поцелуями].

Тотчас сели за завтрак, и государь, наполнивши Свирский хрустальный кувшин шампанским, пил здоровье Посьета и немного развеселил его, требуя, чтобы и тот пил. Видя приятеля веселеньким, я сказал – *Comme c`est triste de perdare dans un moment la reputation d`une longue existence honorable* [как это печально, потерять в один момент уважение, накопленное в течение долгого и достойного существования].

На обратном пути также вереница людей, тот же рев; но меня до слез тронула одинокая бабенка, шедшая по озерному берегу. Стала на колени и начала молиться.

Провожает нас весь штат Посьета, к которому нельзя приложить стихов Пушкина: «И Шереметьев благородный, и Брюс, и Баур, и Репнин» и пр. Все мошенники.

Наивность наследника, рассказавшего, как из-за занавеси он смотрел на горничную. *Tropen faut pour son âge* [согласиться, поддавшись на возраст]. Дивлюсь, зачем дозволяют ему шалить с папиросками. Георгий, как вьюн, коверкался целый день.

Везде подносили в баках стерлядей и осетров. У иных пристаней царь выходил, у других звал подносителей на «Александрию». Какой-то краснобай рассказывал, как он с женою молили Бога, чтобы он послал ему осетра, и в самый день первого прохода царя поймал его. И был же осетр!

Государь был очень весел, любезен и мил. К радости моей застал «Неву» в Волхове – прошла каналом, но ходить им яхтам нельзя. Пробрался на неё ночевать.

17 июня

17-го утром, вновь перебрались все на «Озерной» и двинулись по Александровскому каналу.

Толстой, по поводу огласки процесса Черниговского судьи, уверявшего, что его соблазнила девица, а не он ее, напал на прессу. Я винил перед царем само общество, сплетничающее не хуже прессы.

Дети прыгают как козы. Наследник умственно развит, но и в этом слишком невинно, наивно. Любознателен, помнит чему учили. А не все это помнят.

На одной из пристаней встретили фельдъегеря из Петербурга. Увидя у него чемодан, гр. Толстой внезапно вознегодовал и вскрикнул: «Подлец! Сколько бумаг натащил». Я рассказал это государю. В 10 часов пристали в Шлисселе к пристани и разъехались после часа по домам, а к 10 часам утра 18-го прибыли в Петербург, где простились с благодушным владыкою, всех благодарившим.

19 июня

После обычного доклада, отправился в Кронштадт. Накануне вечером перешел на «Неве» в Петергоф для доклада великому князю. Был на «Азии» – офицеры плохо занимались делом, команда молодцы и чистота изысканная. На обратном пути осмотрел новое адмиралтейство и решил, что нужно пристроить для кораблестроения.

20 июня

Был снова в Кронштадте с великим князем, на «Пластуне» и на «Азии». Козакевич совсем заснул.

21 июня

Спор об административном делении Сибири. Я бросал камни в Галкина и не согласился с общим взглядом.

24 июня

Опять *séance* [заседание] в четыре часа о сибирском административном делении. По обыкновению распустили решения в мутной воде, но случились два курьезные анекдота, выказывающие всю нелепость стремления управлять отдаленным краем из Петербурга. Гр. Баранов спросил министра гос. имущ., какие у них приняты меры для сохранения лесов в Уссурийском крае, а кто-то, возражая на мое настояние, чтобы центр администрации был во Владивостоке, спросил, как же на краю области будет Окружной суд. Я твердо решился подать особое мнение.

25 июня

Отправляюсь отдохнуть и полечиться в Карлсбад, и занят целый день, как негр. Выходя от великого князя, встретил царскую чету. Очень милостивы. Принимали запоздалые коронационные депутации.

«Владимир Мономах» поставили утром на док, а к 3 часам он был уже в Кронштадте.

26 июня

Весь день писал мое мнение о сибирском делении. Видел великого князя и сделал распоряжение касательно завтрашнего смотра. Асланбегову велел вчера ещё поднять флаг, как командовавшему осматриваемыми судами. Убеждал великого князя взять на себя защиту и преуспеяние Амурского края, твердил, что приобретает тем имя в Империи. Послал записку Г. М. Петрову с просьбою приобщить к протоколам совещания и изготовил копию великому князю.

27 июня

Доклад у государя. Назначен был смотр возвратившимся судам, но по дурной погоде отменен. Однако же откланялся государю и императрице; потом не вытерпел, пошел в Кронштадт, посмотрел на «Африку» – в великолепном виде и на обратном пути съехал в Галерный порт. До сих пор хорош. Взглянул на лесохранилище, на все редкости – рыбу-кит Александровского, модель Поповки, Галеру Петра и катер Карла XII – и теперь последний, по линиям и отделке, был бы современен. Пироксилиновый завод занял меня более. Прошел всё производство.

28 июня

В 8½ ч. отправился в Петергоф. Государь прибыл на пристань ровно в 10 часов, ждал всех и моего (прибытия, – ред) тоже. Отваливши, пошли к Кронштадту в линии. Под штандартом. Приблизясь, уменьшили ход и взяли между обеими колоннами с востока. Люди стояли по реям и все суда салютовали. Приближаясь к «Державе», бросили якорь. Государь объехал все тихоокеанские суда, с каждого производил общий маневр и под конец пожелал «Стрелку» счастливого пути. Затем переехал на «Державу», где в новой великолепной рубке сели завтракать. Государь был очень мил, не отделял меня от великого князя Алексия и пил с нами за флот, потом хотел пить за командиров. Позвал всех и *le beau capitaine* [красивый капитан], о котором мне прожужжала уши Мария Александровна, (Полянский), явился вместе с другими.

Обратное шествие всеми яхтами в Петергоф. Высокие властелины простились со мною, пожелав, чтобы воды были в пользу.

29 июня

Я говорил уже, что вопрос о делении Сибири очень интересует меня. Я вижу в нем будущее не только флота, но России – вот почему, прежде отправления, *je tenai á laisser des traces de ma conviction opiniatre que mes collegues faisaient une enorme brioche de politique intérieure* [я считал необходимым оставить следы былых убеждений, которые мои коллеги принимали за булочки с политической начинкой].

Давно хотелось мне посердиться на коллегов, но не было времени. Сегодня, отправляясь на подножный корм, взгляну на них сатирически. Наш комитет *in corpore* [все вместе (воедино)] бом-брам канцелярия: взаимные уступки, спихивание дел в Государственный Совет из лени или боязни ответственности, даже коллективной. У умного и строго говорящего (напоминающего стиль Мазада) Сольского, первая идея какой-нибудь предшествовавшей бумаги; иногда в словах его есть суть, но больше теория. Островский – сердитый чиновник, мечтающий, что от него только свет и пристойность, а кругом тьма и бурлачество. Гр. Толстой – ему хоть трава не расти, за исключением гонения на прессу. Диктатор по тону только, но легко сдается. Победоносцев – красновсхлипывающая кликуша. Бунге – честный, с лучшими намереваниями, но по уступчивости способный сделать не должное. Подлипало Старицкий. Посьет, не умеющий употреблять на пользу дела познаний, честности и усердия, *qu`il ne sait pas faire valoire* [не представляет из себя никакой ценности (никуда не годится), в чем ему нет равных]. Рейтерн опытен. *En conciliant il avance et fait accepter ses ideés* [в примирении он пошел ему навстречу и принял его идеи]. Военный министр никогда не бывает и заменяет себя логиком – Обручевым.

В ½2-го покатил за границу.

30 июня

В 6 часов Берлин, стройный чистый Берлин. Переехал через город к Ангальтской железной дороге. В 9 часов пустился далее, к водам.

1 июля

В полдень прибыл в Дрезден. Осмотрел церковь – создание Викулина. В 1 час ночи поехал в Карлсбад. Встретивший меня агент Качалов мало чем занимается.

2 июля

При дожде прибыл в Карлсбад. Остановился в *hotel de Russie* [отель «Россия»], и я тотчас пошел к М. Н. Островскому узнать про здешнее житье-бытье. Тоже что на других водах. Начал лечение.

4 июля

Начал регулировать жизнь. Возился со своими записками за 1881 год не более часу. Читал газеты: французско-английские затруднения по Мадагаскару и услови-

ям по Суэцкому каналу (последнее не нравится в Англии). После обеда прогулка по чудной аллее. По возвращении занимался проектом преобразования около часа, легкое чтение и в 10 часов постель. Так будет идти все время в Карлсбаде.

5 июля

Получил депешу что «Владимир Мономах» развил 8400 сил и шел 16½ узлов, но он не в грузу.

6 июля

Сегодня, после обеда, с Островским и Балашевым поднялись к *Hintensprug* [вершина Хинтенспруг], где водружен крест на легендарном месте, с которого упал будто пес Карл IV, преследуя козу, и сварился в Шпруделе. Сюда въехал верхом наш великий Петруша. Не знаю, кто водрузил здесь его бюст. На мраморной доске под ним имена Романовых, приходивших поклониться, а на другой доске прекрасные стихи поэта по заказу, но всегда чувствовавшего заказанное, П. А. Вяземского. Я всегда любил стихи, но русский рифм на чужбине как-то особенно сильно поет сердцу. Вот экспромт молодого до смерти старца:

«Великий Петр! твой каждый след для сердца
русского есть памятник священный,
И здесь, средь гордых скал, твой образ незабвенный,
Встает в лучах любви и славы и побед.
Нам святы о Тебе предания вековые,
Жизнь Русская Тобой ещё озарена,
И памяти Твоей, великий Петр, верна
Твоя великая Россия» (1853).

Невольно приходят на ум глубоко-пошлые измышления собой анти-Петровской школы, ищущей, что бы порицать в великом труженике, кровавым потом выработавшего величие России.

Кстати пришло в голову, что все наши цари, приобретшие что-либо для России, понимали, что ей нужен флот: Петр, Екатерина, Николай.

9 июля

Ожидаемое мною фыркание Лихачева свершилось. Сегодня получил от него из Лондона депешу, в которой просит немедленно освободить его от обязанности. На днях он просил о замене одного командира другим и о задержке заграницею некоторых офицеров, на что я не согласился.

Тотчас же написал великому князю Алексию письмо с просьбою отозвать Лихачева, выводящего из терпения своим характером.

Приехал отдохнуть, а здесь досадные истории.

15 июля

На мое письмо о Лихачеве великий князь телеграфирует, что поговорит со мною по возвращении. Разумеется, я буду настаивать, чтобы его убрали; но в каком же положении я буду к нему в Париже. Нужно унять себя.

17 июля

Интересная беседа с Арцымовичем. Говорили о декабристах, в особенности о Батенькове. Чтобы не сойти с ума в течение многолетнего одиночного заточения, Батеньков придумал себе средство проявлять непрестанно волю, власть над собою. Он разделил день и в каждую часть дня, несмотря на нерасположение духа или усталость, выполнял назначенное: ходил, делал умственные математические выкладки и т.п. Когда в первый раз, по милости Орлова, ему дали газеты (это было перед его освобождением), читая их, он боялся, не сошел ли с ума, ибо не мог связать прочитанного с тем, чему был свидетелем 16 лет назад. У него в памяти, понятии, в образности, была 16-ти летняя пустота. Боже! Какие страдания!

Слишком занимаю ум для лечения и, думаю, оно не будет иметь никаких последствий.

18 июля

Вчера страшное землетрясение на Иски; три года назад пострадавшая *Caramiciola* [город в Иски (Италия)] – теперь груда развалин. Более 2000 жертв. Весь Неаполь в плаче и погребальных ходах. Ужасное бедствие. Прошлый раз, приехавши в Рим по горячим следам, дал пострадавшим в память моей Нади 1000 фр., а теперь чем помяну её?

20 июля

Из газет вижу, что 16-го, в присутствии государя, был сделан десант на южный берег Финского залива – и удачно. Заметно, по крайней мере, оживление на флоте.

21 июля

Был порадован известием, что государь разрешил не вычитать с меня за квартиру. 3000 р. в год лишних.

22 июля

Меня преследуют из Петербурга известиями, и в том числе такими, которые могли бы сообщить после. Прислали интересный отчет о маневрах. Распоряжались вообще осмысленно, но были промахи, которые я заметил в письме Шмидту. Царь был доволен и дал благодарность, в том числе и мне.

Неприятно наслоилось на неприятностях со стороны Лихачева. Командир «Европы» не подчинился Шмидту, тот не привел его в повиновение и теперь при-

дется мне карать. Просил не присылать за мною «Европу», а «Африку», только что разоружившуюся, дабы Алексеев показал, на что способен.

28 июля

Около полдня оставил Карлсбад, на угод, по Ньюренбергской дороге.

29 июля

В 5-м часу прибыл в Баден.

30 июля

В 1 ч.45 м. оставил Баден и отправился в Париж, куда прибыл в 5 ч. вечера. Приторный Лихачев неожиданно встретил на станции с фальшивыми кувырканиями.

Решили завтра ехать в *St.Denis* [Сен-Дени].

31 июля

Ездил в *St.Denis* [Сен-Дени] смотреть миноносцы. Все довольно хорошо прилажено и приспособлено. Лихачев *en grand seigneur* [в качестве вельможи] мало входит в подробности, и я понимаю, что ему нужны помощники. Хочется прогуляться по Азовскому морю на новой миноноске.

Посмотрел также на наши пушки и прием их (от Гочкисса). Прием довольно продолжителен и не стоит иметь для того генерала. Нужно нам идти к 47-милим. пушкам, стоимостью £400 каждая.

1 августа

Утром поехал в *Hâvre* [Гавр] с причтом. Обедал в поезде очень плохо. Миноносец *Normand* [Норманда, Норманд – хозяин верфи] во всех отношениях *more ship-shape* [более ладный]. Видно, что им занимается не парижанин, а морской человек. Был на «Баяне», смотрел журнал и, по-видимому, виноват купец в столкновении.

Осмотрел трансатлантический пароход *«Normandie»* [Нормандия], построенный однако же в Англии. Лихачев приискивал одиночной каюты для перехода в Америку и, наконец, на станции решился высказаться. Объяснение кончилось благополучно, но все-таки я решился объяснить ему завтра, что царение его кончилось.

2 августа

Видел Орлова с его камнями из почек. Толковали много о великом князе Константине. Он тоже рассказывал, что уговорил уже его после 1 марта отказаться; но в. князь поехал к докладу и после доклада, будто чтобы дразнить государя, начал восхвалять лечившуюся тогда ещё в Ферроле «Ливадию».

Видел Карцова и старого приятеля Кумани. Последний с нами обедал и точил дипломатические лясы. Как Горчаков отправился на конгресс без карты, как он ему задавал писать меморию о привилегиях остзейцев, а своему племяннику Урусову о Монтенегро.

3 августа

Имел объяснение с Лихачевым. Объявил ему, что дальнейшее его существование в должности агента немыслимо. В таком случае он просил тотчас освободить его, на что я согласился.

За завтраком у Орлова был лясник Кумани и, разумеется, не обошлось без анекдотов. Кумани рассказал как Влангали бежал последним с Малахова кургана в сюртуке, а выбежал в куртке.

Орлов советовал мне хлопотать, чтобы Лихачева сделали генерал-адъютантом, на что я не согласился.

Вечером отправились в Кале.

4 августа

С раннего утра пришло к нам всё семейство жены. Накануне встретили брат и сестра – очень приличные. Отец скромный мужичок, а мать видимо *maitresse femme* [сильная женщина]. Старался быть любезным со всеми родными жены и посещал их в течение дня.

5 августа

Весь день катил в Берлин и Вильгельмс-Гафен через Кельн. В 10½ часов вечера прибыл на место и был встречен Качаловым, который уже условился с местными властями на счет завтрашней программы. Тотчас сделал визит главному командиру и застал у него общество.

6 августа

В 8 часов приехал Главный командир К. Ад. *de Monts* [контр-адмирал де Монтс] и мы пошли вместе осматривать порт. Как новое произведение, оно замечательно компактно. Всего занимательнее новый вход в порт, вместе и док сухой. Корабельные магазины щегольски устроены и способствуют скорому вооружению. Только пушки остаются на судах – все остальное свозится в магазины и по инвентарю сдается содержателю. Когда судно велят изготовить, старший офицер берет у содержателя ключ и распоряжается, как знает. Кораблестроительная мастерская в 600 футов длины чересчур просторна. В орудийном складе ходячие поперечные краны, стоющие 9000 р. Матросов в адмиралтейство вовсе нет, а наемные экс-матросы (плата 82 марки в м-ц и менее). Они караулят и холят суда (на больших 3 челов., меньших по 2 и по 1) и выполняют все валовые работы. Им позволяют готовить на судах кушанье. Всего в мое время 150 чел.

Город создан менее 20 лет назад. Садят деревья, строют хорошие дома и отдают их в наем служащим. Статуя Адальберга. Канал от Вильгельмс-Гафена к Эверу, больше для вестфальского угля.

В полдень отправился в Киль. По дороге пробыл в зеленом Бремене три часа. Осмотрел верфь *Weser C°*. Застал выстроенную за 125000 марок (!) японскую миноноску, величиною с наши. На ней один командир и 13 человек. Шла 22 узла. В Альтоне надоела таможня. В Киль прибыл в ½1 часа ночи. Встретил консула с готовою программою.

7 августа

Сделал визиты. В 10 ч. приехал И. Д. (исполняющий должность, – ред) Главного командира, капит. I ранга барон фон Рейбниц. Отправились в Адмиралтейство. Всё вырыто в материке. Панцирные корветы, предназначенные для войны с нами. План этого нападения мне только что прислан Обручевым. Согласно моим расчетам, они хотят высадить десант в Ревеле, навстречу армии, направляющейся в Петербург. Тоже устройство для скорого вооружения флота. В нынешнем годе практическая эскадра вышла без рангоута, как будто в военное время. Нужно нам спешить (записку государю).

В полдень возвратился на «Европу». Сели на *tug* [«извозчик»] и отправились в Фридрихс-Орт. Позавтракали и пошли смотреть. Приморские укрепления в руках моряков. Здесь минная мастерская, депо мин – Уайтхеды на стойках по пяти. Их до 500. Есть бронзовые. Место для пристрела. Остатки взорванных мин. Шлюпки для установки заграждений. К счастию, и Киль замерзает.

В 9 часов снялся с якоря и отправился в отечество.

8 августа

Рано утром стали на якорь за туманом. Велел сняться и весь день шли то малым ходом, когда туман густел, то большим, когда прочищалось. 12 узлов. Тихо.

10 августа

Прибыл в Гельсингфорс. Осмотрел наши учреждения на Скатудене и был в Свеаборге, который не узнал. Нет ничего морского, а в случае нужды, а по-моему нужда есть, не знаю, как мы будем содержать там флот. *A propos* [кстати] о флоте, никак не должно допускать финляндцев иметь вооруженные суда.

11 августа

Утром снялся с лодкою «Град». Говорили, что судам длины «Европы» нельзя пройти шхерным фарватером, особенно в пеленгах. Конечно, погода была чудная, но в пеленгах и других узкостях «Европа» так хорошо ворочалась, что я не имею ни малейшего сомнения в способности всех судов нашей береговой защиты ходить шхерным фарватером, а это весьма важно, ибо неприятелю трудно атаковать их с моря.

Вел Нелидов и по пятнам[3], но мы его не понимали.

К ночи остановил ход у Транзунда, послал шлюпки для атаки эскадры и, войдя на рейд, сам атаковал её. Ночная тревога на судах оказалась фиктивною – стреляли только из маленьких пушек.

12 августа

Целый день смотрел разные суда. Получил депешу, что государь уходит в воскресенье 14-го и поспешил сняться. Вошел на Большой рейд ночью.

13 августа

Поехал прямо в Петергоф. Представился сначала Алексию (упавшему с лошади и ушибшемуся), потом государю и императрице. Меня тотчас приняли. На мое донесение о действительности немцев и о готовности их к войне, государь ответил, что это возможно только при нынешнем императоре и при Бисмарке; что наследный принц совсем иных взглядов. Дай Бог, чтоб это так было.

Опять попались наши офицеры в Черном море.

Возвратился в Кронштадт объявить, что «Европа» пойдет с царем, и что осмотрю «Минин» завтра.

14 августа

Скверная погода. Ветер и дождь. Осмотрев «Минин», велел ему сняться и проводил его. Тщетно ждал государя до 6 часов. Телеграммой отложили отъезд. Возвратился домой.

15 августа

Проводил царскую семью. Были очень любезны, хотя я был не в форме, что заметила императрица. Когда зашли за бочки, поворотил назад и приспустил брейд-вымпел, на что государь ответил приспуском своего. Устал, но несмотря на это, поехал к военному министру; бедный заболел уже шесть недель и лежит недвижным.

18 августа

Спустили фрегат «Дмитрий Донской» в присутствии великого князя Алексия. Сошел отлично. Дождь. Хочет ехать заграницу в исходе августа и меня задержит. Пожалуй, поздно будет ехать на Каспий.

20 августа

Ездил внезапно в Кронштадт. Осмотрел «Мономах», кран, стенку и потребовал гребцов-воспитанников, которым после предложил по рюмке вина.

---

3 Так в тексте

21 августа

Ездил на могилу брата Дмитрия. Переделываю его памятник.

Тотчас же мысль о деле взяла верх. Осмотрел смежные казармы и въехал в Галерный порт. Застал кое-какие беспорядки.

22 августа

Сегодня, при докладе, в числе прочих вопросов затронул об уменьшении Гвардейского экипажа. Упрямится: всё воспоминания, и, к сожалению, только псевдослужба, ребячество, пустила корни в моем милом *baby* [ребенок], хотя, казалось бы, должен быть тертым калачом, видал виды.

Тихо и трудолюбиво течет жизнь моя. Дома нахожу необходимое спокойствие духа. Дело не только отвлекает от грусти, но нравится. Надя моя! *That is your doing* [Это твоих рук дело]. Прости, прости, сокровище! До другого мира, а в этом изнури меня в труде, лишь бы он был полезен.

29 августа

Три дня праздника сряду. Много праздники наши отнимают времени, но, при всей досаде, дают мне сравнительный отдых.

Приезжала M-me Новосельская говорить – сама не знала, о чем.

30 августа

Служба в Лавре. Мизерный народный праздник.

5 сентября

Хочу придерживаться новой системы. Необходимо отрываться от сиденья и глотать воздух. Вместо прогулки езжу по заводам и заведениям. Сегодня был у Леснера. Там изготовляются все наши спусковые аппараты. Был также на Металлическом заводе. Строили часть дока для Владивостока. Корабль уже в Кронштадте, и я боюсь, что док его задержит.

В Копенгаген, на частной яхте, прибыл Гладстон. Благо будет государю, если он найдет время на беседы с ним. Человек в том же положении, но в иных условиях, может прояснить голову, на которую находит тот же туман.

6 сентября

В первый раз мне пришлось вести разговор с воспитателем Наследника Г. А. Даниловичем. Видно, что Катковская рекомендация. Скромностию отделывается от бездарности. *Il paisait des coqs-âl'âne* [вел себя как важная шишка], хотел говорить о всём, чтобы выказать разнородность познаний; в особенности же пускался в суждения о литературе. Понимаю, что в его положении нужно быть скромным и опасаться серьезных разговоров; но зачем же быть глупым? Разве всех нас считал за дураков.

7 сентября

Братья-славяне отбиваются от рук. Кн. болгарский *chasse de race* [достоин своих предков] и хочет железнодорожной концессии в пользу австрийцев или предпринимателей, с которыми стакнулся. Соболев помешал, и за это хотят его гнать. Князь собрал собрание для новой конституции, тогда как, по условию с нами, должен был предложить только вопрос о железной дороге. Государь был им недоволен в прошлый приезд, а теперь послал Ионина пригрозить. Князь говорит, будто народ требует удаления русских, а Ионин говорит, что он может своею властию удержать их, так как конституции нет. Чтобы поставить на своем, князь хочет отказаться от деспотической власти и тогда, вместе с соумышленниками, будет обкрадывать Болгарию, в чем у нас не сомневаются.

9 сентября

В мерзейшую погоду ездил в Стрельну поздравить с рождением в. к. Константина, о котором не было и помину. Был у обедни. Уверяют, что в Стрельнинской церкви венчался Петр Великий. Сын в. к. Михаила – Алексий – *a very bright boy* [светлый, умненький мальчик]. Я завербовал его во флот.

Возвратившийся из заграницы, Половцов привез Лобановские и другие сплетни. Гирсом недовольны: *il geûte le moment pour parler de ceci et de cela á l'Empereur et ne le trouve jamais* [он пытался найти момент, чтобы поговорить с государем о том, о сем, но никогда его не находил].

Баранов, в путешествии своем, собрал все пени и хочет их представить в записке. Половцев хочет передать его председательству университетский вопрос, благо тот хочет *réparer tous ses tors* [наладить все эти связи]. Увидим.

14 сентября

Первое заседание *plenum'a* [пленума] в Комитете министров. Решили начать работы по Батумскому порту и наградить Козлова табакеркою: он произведен в коронацию через 200 челов. По этому поводу я просил, чтобы нас, военных, не привыкших к скорым производствам, не баловали.

16 сентября

Обедал в Царском у Половцова с в. к. Владимиром. *Un viveur* [гуляка], одаренный, но обленился на энциклопедических пустячках. Собеседники гр. Баранов, Бунге и гр. Толстой. *Un diner exquis* [чудесный обед]. И шелковые чулки и цепи и вместо скатерти цветы.

Если не хитрость, то государь хочет продолжить свое требование в Копенгагене. По натуре, нравится. Впрочем, с прусских маневров, приезжает в Данию принц Валлийский.

Удалось исполнить просьбу несчастной матери – Юрковской. В крепости содержится сын её, знаменитый Сашка; Толстой дозволил ей иметь с сыном свидание. Оказывается, что он не в числе отпетых на вечное заключение.

22 сентября

В Болгарии дела *s'embromillent* [запутанно]. Приехав на коронацию, Александр просил государя вывести его из материальных затруднений и государь обещал ему дать миллион из суммы, которую нам должна Болгария за покровительственную оккупацию; но вместе с тем Александр был недоволен, что его принимали не как короля и дали Владимира вместо Андрея Первозванного.

В Москву прибыла депутация из Софии помимо его воли, и он хотел, чтобы её прогнали, на что не согласились. Всё это заставило его уехать внезапно и, в отмщение, вероятно, стакнувшись с немцами, он захотел избавиться от нашей *tutelle* [опека]. Для этого он сам сбросил диктаторскую власть и обыкновенным (а не конституционным) собранием заставил вотировать возвращение к конституции. Каульбарс ушел вследствие того, что князь выбрал военным министром плута Лесного, не говоря ему ни слова о задуманном. Отсутствие государя затрудняет дело, не хотят отозвать всех наших офицеров, на что подвигает Ионин, видя, что его миссия не удалась. Англия, пока, находит, что мы имеем право вмешиваться в дела Болгарии; Австрия верит, что мы действуем примирительно. А все дело вышло от того, что Александр хотел обещанного миллиона немедленно и по отказе стакнулся с Гинцбургом и другими сообщниками того же австрийского Гирша касательно проведения железной дороги в Константинополь через Болгарию. Мы можем тотчас свергнуть интригана, но потом произойдет компликация. Кого назначить и как стоять на своем.

В Константинополе Нелидов – Игнатьев *en petit* [немного], как говорят в Министерстве И.Д.– Султан его холит, а тот думает, что султан у него в руках, советует ему не отдаваться немцам. Советы передают тем же немцам и скорый Нелидов остается в дураках. Здесь Нелидовым недовольны, но, чтобы ни говорил Влангали, Гирс, чувствуя, что он возможен только при нормальном положении дел, уже слишком заботится, чтобы из всякого вопроса выходило ни вода, ни масло.

25 сентября

Рано утром отправился в Кронштадт, на «Джигите». Ходил на мерную милю – 10½ узлов – и взглянул на местность для новой мили. Конечно, будет вернее и удобнее бегать от постоянных створов до постоянных.

В 8 часу пришел Карцов объявить, что графиня Гейден скончалась.

Сегодня был первый, кажется, мороз, и упражнения на «Джигите» шли не совсем успешно.

26 сентября

Решил ехать вечером в Ревель и сесть на «Мономах», чтобы убедиться лично в его быстроте и, если возможно, конвоировать государя по всему его пути. Это и прилично и с таким сильным судном, как фрегат, может быть полезно. В 9 часу сел в вагон, приготовленный для меня гр. Литке.

27 сентября

К 9 часам прибыл в Ревель. Взглянул на адмиралтейство; отправился на пристань посмотреть разрушение в наружном болверке. Город и мы должны соединиться, чтобы просить исправления. Новый бассейн заносит без прикрытия. К 10 часам перебрался на «Мономах» и тотчас снялся при противном ветре. Побежали слишком по 12½ узлов; но к вечеру начало свежеть, а за Дагерортом уже порядочно мотало. Увидел я безобразие выходов с новою командою. Всех укачало, даже кочегаров, от которых зависит единственное извинение скорой и поздней высылки судов. Некому было бросить лага, ничего не было прилажено. Волна пробивалась сквозь клюзы и топила палубу, как оказалось, вниз. Всю ночь так промарячились. Я рад был погоде: она показала, что нужно доделать и спрыснула мужиков от сохи.

Читал преинтересный журнал Карелина об экспедиции в 1836 г. в Мертвый Култук. Странно, как и какие у нас сохраняются традиции. Черняев говорил, что залив Кайдак негоден, что говорили киргизы и Карелину, но тот не поверил и нашел залив весьма годным. Но Карелин ещё нашел фарватер, который Черняев приписывает себе – и эта традиция не сохранилась. Карелин ещё, для политического воздействия на Хиву, указывает путь от Мертвого Култука, считая число нужных дней, в том числе безводных и всё со слов поименованных Киргизов, 20 раз гонявших в Хиву баранов.

28 сентября

К утру стихло. Многое замокло. Просушили. Качался фрегат плавно, но вдруг забирал носом, обыкновенно три раза, потом снова плавно. В 2½ ч. миновали Гоборг и побежали по 13 с лишком. Машина действует отлично. Не знаю, но едва ли можно тоже сказать о постройке. Уже и в бывшую полупогоду – оказались небольшие пропуски. Шпигатов мало. Будто строют для штиля (старший офицер Ламен, ст. механик, ст. штурман, мичмана Будиловский и Заборовский).

29 сентября

Все маяки жгут отлично.

Утром подошли к маяку Фальстербоо, бежавши ночью по 14 узлов. Услышал шум внизу и узнал, что механик бранит содержателя. Предвещало что-то недоброе. И в самом деле, оказалось, что у нас нет масла. В суматохе все потеряли голову. В то же

время мы увидели приближавшуюся к нам яхту «Царевна». Стали на якорь у Драге и командир, подойдя на расстояние голоса, сказал, что яхта прислана за мною. Тотчас велел послать на неё фрегатского ревизора, переехал сам и отправился в Копенгаген.

На рейде увидел «Державу», совершенно готовую к отплытию, и на берегу толпу, ожидавшую государя. Отправился прямо на берег. Застал все власти, встретил старого знакомого Корчевского, познакомился с посланником гр. Толем и со многими датчанами в русских лентах. Скоро приехали и августейшие особы. Государь был очень ласков, представил королю и королеве, которая сказала, что уже знает, что я морской министр. Наследный принц подошел сам. Переехали на «Державу», где завтракали. Здесь представление принцу Валлийскому и его моложавой жене, разным дядям и пр.

Впервые собралось всё семейство и резвились как дети. После многих салютов отплыли, и на пути я с удовольствием увидел маленький пароходик, мною заказанный через консула, уже шедшим к фрегату с бочками. «Мономах» палил и кричал «Ура!» и, пройдя уже, мы увидели, что пароходик пристал к его борту. Вскоре он нас подогнал (Мономах) и непростительный промах обошелся счастливо.

Плывем эскадрою – «Европа» и «Царевна» по раковинам[4], «Мономах» сзади. За обедом рассказывали, что в замке собрались 19 детей и задали такой vacarme (шум), что и старшие соблазнялись. С нами брат императрицы Вольдемар. На прощаньи были слезы, и даже царь очень растрогался. Машина «Державы» разогрелась на второй день похода в Копенгаген, и если бы это случилось позже днем, пришлось бы болтаться при крепком ветре.

Должен был доложить государю, что «Мономах» запоздал по беспорядку, присущему всякому новому судну, всё приписал качке, желанию моему гнать фрегат против волны и укаченному экипажу, отчего будто бочонки с маслом потекли и обезумевшие механики проливали масло. Стыдно было признаться, что взято его было недостаточно. Приглашая меня на яхту, государь предоставил однако же моей воле остаться на фрегате.

Утром гоняли «Мономах», шел 15½ узлов. Доклад. Государь заметил, что мы слишком откровенны в Кронштадтском Вестнике, публикуем о гнили.

День сначала южный, а к вечеру Борей. Наш ордер: (далее следует рисунок от руки)

Так следует возить царя.

1 октября

Утром подтянул ордер. Погода дивная; холодненький NW и едва-едва зыбь. Шкуны Ревельские оказались на своих местах. Отрадно смотреть царя между детей, участвующего в их играх. Вчера он мастерски намалевал мелом «Владимир-Моно-

[4] Так в тексте: * – без комментария

мах» – смело и верно. Я просил позволения отдать *sketch* [набросок] командиру. В 8 ч. утра вошли в Финский залив и в ½-го, по желанию государя, опять пустили «Мономах» в 4-х часовой гон. Вначале что-то случилось. Вольдемар, брат императрицы, *a real fool of the family* [настоящий потомок семьи], моряк – едва цедит коечто сквозь зубы.

Много говорил о флоте с адъютантом его, капитаном. У них тоже ввели предельный возраст и ценз. Чтобы быть капитаном, нужно 7 лет в море, а за отличие 4.

2 октября

Плывем безмятежно. Смею думать, что путешествие государя ещё никогда не было так обеспечено. Помимо конвоя, в особенности «Мономаха», способного вырвать «Державу» из когтей несчастия, на Некман-грунде и у Оденсгольма я велел расставить лоцмейстерские суда, оказавшиеся на своих местах. Сделал дополнительный доклад.

К 3 ч. ночи стали на якорь у Лондонского маяка, а в 7 утра перешли на Малый рейд. В порте спят. Царской яхте никто не подал перлиня на бочку, несмотря на то, что стояло кругом множество судов. Команды везде вытянувшись, а дела не делают.

К 10-ти часам собрались на молитву. По окончании её прибыли из Петергофа в. князья Владимир и Михаил, Рихтер и Черевин. Завтракали и, перебравшись на «Александрию», отправились в Петергоф. Я провожал до пристани, откланявшись заблаговременно. В Петербурге нашел жену здоровою и всё в порядке.

Начали готовить меня к отъезду.

3 октября

День забот, потом слез и печали. В 8½ часов сел в прекрасный *salon-wagon* [салон-вагон] Царицынской дороги и покатил в Москву.

4 октября

Утром остановился в Славянском базаре в Москве. Написал письмо в.к. Алексию с подробностями о всем, что случилось в его отсутствие и осмотрел завод М. ... *A small concern* [небольшое предприятие]. Просит, чтобы ему заказали все вспомогательные механизмы на Черноморские корабли.

Взглянул на галерею Третьякова. Сбор всего хорошего родного. Увидел многих старых знакомых с выставок, но в особенности приковали меня живые картины Верещагина. У Третьякова вся коллекция. Перов и Иванов, Ге и другие. Хорошо употребляется богатство.

На ночь, в том же просторном вагоне, покатил далее. Москва не успела ещё очушиться.

5 октября

За ночь переехали Рязань и утром был в Козлове. Здесь кончается дорога покойного Дервиза, замечательно выстроенная. Грязи и в настоящее чудное время в городе бездна. Край вялый, безотрадный, но над ним витает благодать.

В час в Грязях, имении Блокка, дающем ему до 40 т. дохода, что возбуждает зависть капитана, начальника движения войск, т.е. Анненковского агента.

Антрацит уже выходит из моды, и топят курным углем. С нами везут арестантов, 8 человек и 8 конвойных.

6 октября.

Хороши наши дороги. Лопнула паровая труба – что может случиться везде – но ждали локомотива всю ночь и опоздали на 4 часа. Скорость официальная 35 в., но на самом деле менее. Рано утром увидели струю тихого Дона. С Урюпинской ярмарки наползло жидов и разных хамов: поезд длиннейший и всего-то один пассажирский поезд в день. На станциях появлялись нефтяные вагоны, а у Царицынской их бездна.

По предварительному условию был готов локомотив Уркгардта. На тендере поставлена систерна с нефтяными остатками; от неё труба в котел и внутри этой трубы паровая, чтобы греть остатки в холод.

Приспособлен остроумный регулятор – коническая пипка в гнездо вставляется и по ней проведена паровая трубочка; сама пипка входит в трубку, ввинчиваемую в топку. Нефть по трубе с (?) ... концом[5] входит в дно пипки и пульверизируется струею пара. В топке печь из огнеупорного кирпича с боковым пролетом для притока воздуха. Струя пульверизированной нефти ударяет в переднюю стенку печи, отражается и поверх свода идет в дымогарные трубы. Только и дела, что открывай или прикрывай регулятор. Машинистам, а в особенности кочегарам – гульба.

Если кирпичи выдерживают шатанье железной дороги, то выдержат качку – и вопрос о кочегарах решится легко. Опрятно, не жарко, чудо! Кирпичи меняют после 15 т. верст хода. Пар гонят при растопке из других локомотивов и на растопку не нужно ни дров, ни угля. Нужно приготовить к новым Черноморским кораблям, т. е. испытать топление в море и приучить людей. Командир «Новосельского», на который я сел, уверял, что прошел золотой век кочегаров и теперь *on leurs fait la loi* [действовать по закону].

На локомотиве мы помчались вдоль берега и задним ходом перешли на рельсовый путь, проложенный вдоль нефтяных резервуаров. Остановились у Нобелевских и во первых пошли на нефтяную пристань. Поповка с помпами. К ней пристает баржа, наполненная наливом и прибуксированная с астраханского взморья, куда привозят нефть винтовые шхуны. У баржи приемная труба, которая соединяется с приемной трубой поповки *by a universal joint* [универсальным соединением]. *Universal joint* [униВеральное соединение] соединяют и отливные трубы, по которым машинные помпы

5 Так в тексте

Поповки гонят нефть вверх в резервуары. На горе 15 резервуаров в 100 000 пудов каждый. Два выше других и в них сперва накачивают для контроля. Самотеком проверенная нефть проходит в остальные. Из резервуаров проведены трубы для наливки вагонов, подходящих в дол горы. Здесь же разливочная на вынос, т. е. наливают нефть в бочки. Везде механические весы. Бочарная также механическая. Бочки делаются липовые и глазируются растопленным клеем. Нобелевский керосин идет уже в Варшаву. У него 1200 вагонов и вообще богатый подвижной состав.

Давно не проводил такого приятного технического дня. Видна Европа.

Задержал 1½ часа пароход, отданный в мое распоряжение агентом. Вообще все местные власти встречали и в высшей степени были любезны. Хорошо быть министром. Оказалось, что еду на «Новосельском», старом знакомом 1866 г., тогда *crack boat* [первоклассная посудина], а теперь второразрядном. Поместили прекрасно. Капитан, бывший штурман Американской С°, преуморительный. Всё ходил и юмористически рассказывал, как прежде, до Посьета, рассыпи не были означены створами и буями, и как он влезал к попу во 2-й этаж при полноводьи ночью, а к дьячку в огород. Посьет много сделал для речной навигации.

Весь наш поезд на пароходе.

7 октября

Между пассажирами Черно-Ярский исправник. По волжскому берегу, на 10 верст, отведена полоса для русских поселенцев, а между ними и ставропольским трактом кочуют калмыки. По словам исправника, они сущие дикари. *Ils flairent la charogne* [они чуют падаль].

Нисколько не подвинулись в просвещении, хотя посылают некоторые детей в школы. Очень уважают религиозные обряды и чтут духовенство, живущее в монастырях, называемых хорулами.

Четыре полиции: общая, казацкая, калмыцкая и киргизская. Облегчается тем, что губернатор вместе и атаман казаков.

Ехал рыбопромышленник Комов. Жаловался на Сапожникова и Базилевского, перенимающих рыбу в устьях и вообще на устарелость рыбного устава, изданного 20 лет назад. Прежде не жаловались, потому что сельдей было вдоволь, теперь стало менее. Сельдь плодится выше по Волге. Были съезды и депутации. Нужно двинуть Островского. Царицынская дорога много помогла рыболовству в том смысле, что вся мелкая рыба, которую бросали, теперь перевозится по дешевизне доставки.

Комов уверяет, будто все уголки моря изловляются и все – русскими, а сам же говорил, что русские в крае пришлые. У нас реки не подчиняются общему государственному закону. Владельцы и города выговорили себе право владения рекою безпереоброчное. Платят ничтожную сумму в казну, а отдают за громадные. Рыбопромышленники арендуют на 6 лет, а после переоброчка, под ватаги, где все местные жители, нанимают у крестьян на 15 лет. Удешевление соли пошло прямо в пользу

рабочих, ибо в жажде поймать более рыбы, их нанимают вдвое большее число. Комов парень бойкий.

Капитан «Новосельского» – Петрашович, прежний штурман Америк. С°, краснобай. Хвалил мне Жандра. Понимаю. Рассказывал, как Де-Ливрон въехал к попу в огород при полной воде, как адмирал к нему приехал и спросил – что вы тут делаете?

7 октября

7-го утром пришли в Астрахань. Собор открылся издали. Уверяют, что в начале прошлого столетия он выстроен за несколько сот рублей и что подрядчик нарочно бежал, чтобы дать время зданию сесть.

Стали у пристани прежнего нашего адмиралтейства, сданного К. и М., увидел «Александр II» в 25-тонном доке-корыте с задними воротами. При нас вывели. Явились все власти и между ними старый таганрогский приятель Львов.

Осмотрел тотчас «Геок-Тепе». Грузится последний котел. Потом машину и на буксире в Баку. Ждут хорошего. Осмотрел «Александр II». *American-shape* [по форме – американец]. Обошел адмиралтейство, прекрасные здания. Механический завод, бывшие шлюпочные сараи, отделенные каналом бывшие экипажеские магазины, ныне отданные под таможню. Осмотрел также место, которое просит город.

Недавно ещё пристань у Адмиралтейства защищалась островом, который река смыла. Кутит Волга. Против адмиралтейства стоят нефтяные баржи разных К. Главный ремонт К. и М. в Астрахани.

Мне показывали на карте и рассказывали экспедиции: Столетова, произвольно пустившегося из Красноводска на Хиву и возвращенного Павловым, – Ломакина и Маркозовскую, Лазарева, где отличились Долгорукий, Борх, Витгенштейн и пр. Их разбили и вырезали – и, наконец, Скобелевскую. Тергупасов, заменивший умершего Лазарева, планировал всецело Скобелевскую, даже до железной дороги; но эта, по медленности постройки, Скобелеву мало послужила. Сам он пошел из Чикишляра, от Михайловского, воздвигая посты, а из Хивы, через колодцы Игды, присоединился Куропаткин.

«Красноводск», на который я перебрался, не удался. Едва 7 узлов, рыщет немилосердно. Небрежность постройки.

Спросить у Зиновьева – кто, как и когда отодвинул наши границы от Кара-су к Атреку. Туркмены знать не хотят Персидского правительства, считают себя независимыми и, если зашалят, нужно нам будет посылать к ним войско для усмирения, а будь под нами, дело было бы легче. По-моему, мы создали себе будущий Туркмено-персидский вопрос.

8 октября

В 7 часов утра снялись с якоря. От первой рассыпи означен баканом фарватер; на баканах фонари и можно плыть ночью. Последняя рассыпь, Зюзина, и с левой

(стороны, – ред) коса того же имени, а с запада Бирючье, ограничивают вход в устье. Последняя продолжается к SO до 4-х бугорного острова, где маяк.

Маяк осыпается на 2 сажени каждый год. Путешествующий со мною Фабрициус предлагает вбить ряды свай с фашинником – думаю, что этого достаточно – а он хочет какой-то кладки. Может быть, откос придется выложить камнем.

Дул свежий SO. Наступила мятель. Мы знали, что на пути к Чистобанкенскому маяку стоит Меркурьевский маяк (частный произвол). Прошли его и начали бродить, отыскивая «Шах». «Красноводск» рыскал, как пьяный, между рыбацкими лодками. Думали, что для Михайловского залива нужно 3½ фута, а теперь открыли 6 ф. фарватер. Разогрели только подшипники и, наконец, догадались сжечь фальшфейер. «Шах» оказался уже позади траверза. Шатаясь, подошли к нему и в дождь на него пересели. Расположился в каютах, вмещавших когда-то средоточие вселенной, и тотчас велел сниматься.

9 и 10 октября

9 и 10 плыли по направлению к Красноводску. В 2 ч. ночи 9-го задул жестоким шквалом NW, провожавший нас до половины моря. «Шах» оказался не в порядке по части люков и иллюминаторов. По захождении солнца 10-го, при хорошей погоде показался мыс Терта. На нем, для плавания из Астрахани и из Баку, следует неотлагательно возвести маяк.

Счисление наше оказалось совершенно верным. Увидя Терты, начали ежечасно бросать лот и с такою осторожностию пришли на вид плавучего маяка на Красноводской косе.

11 октября

В полночь обогнули маяк и рано утром бросили якорь в бухте Муравьевской. Тотчас съехал на берег, бывши предварительно встречен начальником Штаба Закаспийской области Мейером. На берегу почетный караул и все офицеры.

Обошел всё. Стены прежней крепости, т.е. четырехугольника, упирающегося флангами в море, с 4-мя гладкими орудиями на северном фоне. Вне стен нефтяные запасы подрядчика, домики служащих, лавки и офицерское собрание, о чем в мое время на Кавказском береге не помышляли. Зато офицеры не пьянствуют в одиночку или попарно и даже не играют зло, несмотря на недостаток развлечений. В лазарете наши цинготные, но легко. Церковь в деревянном срубе. Дом уездного начальника Попова (из писарей, как большая часть здешних администраторов – и в этом зло подчиненности Закаспия Кавказу, хотя в данном случае это не зло).

В Красноводске дистиллатор и две пристани, от которых идут рельсы в провиантские и другие магазины. Нашел пристани, заваленными шпалами и другими грузами. Сказывают, будто накопление груза временное – всё железнодорожное, и

на буксировку 4-х барж будто не хватает «Аракса» и «Проворного». «Аракс» обязательно ходит два раза в неделю. Его не было, и я послал в Михайловское телеграмму. Перебравшись на щеголеватый «Баку», посадкою напоминающий «Стрельну», пошел «Араксу» навстречу. Снялись в два часа, «Шаху» велел перейти к о-ву Рау у входа в Михайловский залив.

Разговорился с Майером.

Хотели в области ввести целиком новое судопроизводство. Мировые судьи возможны, но как апелировать в Бакинский съезд? Туда требуется 200 р. на проезд (и это от офицеров и туркмен). Можно устроить коллегияльность из того же суда и двух военных судов.

По Черняевскому пути 30 с. колодцы и все в одну линию, а по другим в шахматном положении, так что могут следовать параллельно несколько караванов.

Майер хочет Сибирской дороги через Оренбург, Орск и Троицк, а не чрез Уфу, утверждая, что обогатятся владельцы на счет мужиков, ибо последние теперь арендуют десятину по 90 коп., а тогда ценность увеличится. Из Оренбурга же он ведет ж. дорогу на форт №2 и оттуда пароходное сообщение к Ташкенту.

Главный сюжет разговора был неотложность ж. пути к Красноводску от 2-й или 3-й ст. настоящей дороги. Новая ветвь (1 миллион) пойдет мимо ручьев, бегущих с малого Балхана, и устранит надобность буксировки по Михайловскому заливу, замерзающему на месяц-два. Замерзает и Красноводск, но не надолго. Придется Михайловское бросить. Теперь поезды развозят по линии воду.

Нужно недельное сообщение с Баку, а главное, нужно изменить нашу предполагаемую с Персией границу – и мне показался вопрос так важен, что при случае я сообщу его государю. Теперь разграничивающие комиссары Кузмин-Короваев и секретарь Тегеранской миссии. Нет ничего мудреного, если Зиновьев, заключавший трактат, будет настаивать и, напр., дер. Фирюза, врезающаяся клином в наши владения, потому что персы приняли её за Ферюзу у Астрабада или Мешеда, не будет нам мозолить глаза. Вообще, нелепость нашей границы по Атреку до Сумбари и потом по хребту – очевидна. Мы живем ещё прежним Скобелевским капиталом, но, очнувшись от разгрома, текинцы, видя, что мы не можем защищаться от гокланов и уступаем презренным персам, начинают сомневаться в нашей силе.

12 октября

Нужно ли такое совпадение обстоятельств. На «Новосельском», униженный и оскорбленный, я ехал 17 лет тому в Таганрог, а на «Араксе», также униженный, шел в Кронштадт с затоптанным Краббе техническим комитетом на какую-то пробу 20 лет назад. Теперь «Аракс», встреченный нами у Рау, был в своей тарелке. Медленно и верно двигалась его мелкая скорлупа по песчаным шхерам Михайловского залива, между косами от островов. В 8 часов, пробежав конечную прямую кишку, приткнулись к прекрасной пристани, на которой застали поезд, ждавший Майера. Я

тотчас вышел на берег, осмотрел 4 баржи (одна лазаретная) и воротился провести на «Араксе» душную ночь в каюте, где едва можно было пошевелиться.

Можно сказать, Михайловское состоит из опреснителя, вагона и барж. В ½8-го пошел в обратный путь. Совершенно летнее, *glorious morning* [великолепное утро]. В час пополудни подошли к Баку, а в ½2-го снялись вместе с «Шахом» и легли на N оконечность Чемкена, потом вдоль него. Всю ночь шли вдоль берега.

13 октября

В 7-м часу подошли к плавучему маяку, миновав который по фарватеру прошли на рейд Ашур-Аде. На рейде нашли баржу «Гагару», барказ «Быстрый» и блокшип, на котором ныне живет постовая команда. Тотчас съехали на берег и начал осмотр персидским гостиным двором. По кирпичному тротуару двинулся вдоль зданий, выстроенных нашими офицерами, а теперь занимаемых их преемниками даром. Осмотрел все суда. Блокшип хорош, опрятен. Вся провизия на нем, исключая масла, хранимого в магазинах в земле. Командир постовой команды вместе и командир «Быстрого», вовсе не стоющего своего имени. Баржа «Гагара» занимает 27 человек и служит только для перевоза дров – дорого. Два паровые катера исполняют полицейскую службу. «Секира» хромает. Матросы смотрят хорошо, но их не держат как военных людей. Нужно все изменить. Люди хороши, но офицеры явно спят; впрочем, пьянства и карт нет.

Перешел на «Баку», к гязскому берегу. Пристань негодная. Прошел по дороге в Астрабад, т.е. по какой-то тропе, не видавши другого орудия, кроме копыт мулов.

И здесь слышу жалобы на нелепость предполагаемых границ и на уступчивость наших дипломатов, всё желающих избежать переписки, всегда неприятной. Да за что же им платят? Между прочим, Туркмены режут не только персиян, но и наших грабят.

Англичане пробиваются в степь со своими фунтами. Горе дипломаты наши. На Амуре все возят с берега: мясо, овощи.

Немного промуштровали суда, вышел в море и около 6 часов миновал маяк. «Шах» прошел шестью часам позже нас, а с нами вместе снялся.

Странное распоряжение на счет почты. Почтовый пароход сдает её в Амуре нашим. Те посылают за консульским казаком взять паровой катер и отвозят обратно. Почтовое ведомство не сажает чиновника, говоря, что игра свеч не стоит. А мы содержим для этого паровой катер. Умно. Нужно положительно перевернуть станцию.

Плыли при самых благоприятных обстоятельствах. Стали на якорь в ночи. В ½6-го снялись с якоря. Густая мгла стояла над *Petrolennwille* [Нефтеградом]. Стал у городской пристани Александра II. Тотчас явился губернатор и многие с предложением услуг. Отправился на Баилов мыс. Между городом и Баилова мысом местность, включая часть хребта и возвышенностей и даже за ними, принадлежит морскому ведомству по уступке Кавказским начальством при кн. Барятинском.

Песчаная, мерзейшая дорога ведет к нашей колонии, выстроенной на дарственных участках. Единственная улица отделяет эту морскую по владению колонию от казенных учреждений, состоящих из двух казарм для матросов, прекрасного храма с площадью, двух казарм для женатых, госпиталя и домов командира порта и экипажного. К северу, по скату к заливу, расположен порт с молою, обнесенный стеною.

Ротные командиры, да и сам экипажный небрежны. Последний не знает офицеров по имени. Представлялись офицеры. Много минных штаб-офицеров. Осмотрел порт и госпиталь.

По приглашению обедали у меня Губернатор, голова и командиры. Говорили о росте Баку, о моем желании уменьшить флотилию. Весь день на ногах, легши в час и вставши в 5. Слава Богу, не устаю.

17 октября

В ½11-го выехал из Баку в министерском вагоне. Дорога бежала по ровной местности. Кое-где проглядывала Кура. Вскоре показались синие горы.

18 октября

Местность к Тифлису разнообразнее. Горы подступают ближе, и самый город защищен от солнца возвышенностию.

Дундуков выехал навстречу. Рассказывал про нелепый проект Обручева привлечения Кавказцев к воинской повинности. Хотят из них сделать местные войска, т. е. заставить диких провожать своих арестантов и занимать их родовитых князей ходьбой с этапом. Рассказывал также о неурядицах в. к. Михаила, которого держит в руках незаконными расходами, августейше-глупо произведенными.

Говорят, Баилов мыс нужен для карантина и таможни. Тем лучше, продадим все Эмеритальной кассы ради. «Эдинбургский» уже на пути в Европу, нужно отпустить его сына.

Проехали Михайлово, откуда дорога в Боржом, и где прежде были мастерские ж. дороги, теперь переведенные в Тифлис. От Кутаиса в Твибуль, к северу, верст на 30, ведут железную дорогу к угольным копям. Странно: в одном конце дороги нефть, в другом уголь, а паровозы топят дровами. К 12-ти часам, по прибережью, въехали в Батум. Встретили Пещуров, Греве и власти. «Меркурий» светил электрическим фонарем. Скоро успокоился в прекрасных его каютах.

Не много мне покоя со времени выезда из Петербурга.

В час снялись с якоря и пошли в Поти при порядочной мертвой зыби. Думаю, в настоящую погоду, «Меркурий» страшно валяет. Переход, по 12 узлов, всего 3½ часа. Съехал в порт и осмотрел работы на южной и северной молах. Сел на рабочий вагон и объехал всю гавань.

Главный вопрос в том, что обмывается южный мол изнутри. Одежда уже села и есть вдоль трещина.

20 октября

На пути вдоль берега, живо напомнившего мне молодость, подходили к месту моих ранних подвигов, Туапсе. В 2 часа бросили якорь в NO угле Новороссийской бухты, к которому в мое время не смели подходить. Хотелось убедиться, действительно ли тише здесь при боре, нежели против города. Боры не было, но дул очень свежий NO. На восточном береге раскинулся цементный завод, а ближе к верховью знаменитый нефтяной ключ Тведеля.

Съехал у пристани первого, у которой стояла баржа Р.О.П. и Т.

В коляске поехал на нефтяной завод. Не на что смотреть после Нобеля.

Возвратившись, при том же ветре, в 8 часов снялись и направились в Керчь.

21 октября

Ветер тот же, свежий. Все маяки горят отлично и углы входного и Павловского отсекаются отчетливо и верно. В 3 часа стали на якорь, как показалось, довольно далеко от плавучего маяка. Утром подошел «Прут», пересел и пошел в Керчь.

Вейс просит ускорить лоцманский вопрос. Адмиралтейство. Обратить здание из каменного тесаного песчаника в помещение для зимующих команд с плавучих маяков и «Прута».

Взглянул на ключ Азовского моря, – Тотлебенский Гибралтар, крепость на Павловском мысе. Весь мыс его занят.

На приморской батарее встретил коменданта – Блумеринга. Георгий на шее за Карс. Сел отсюда на пароход «Прут» и поплыл домой.

Командир Манто, лихой старого века – и это тотчас видно по расторопности и лихости команды. Благодарил Манто. «Меркурий» подошел ближе к плавучему маяку. Вечером снялись при NO же с дождем.

22 октября

Всю ночь бежали по 13 узлов. Утром вышел рано и велел сделать опыт полного хода. В час, по пеленгам, прошли 15½ миль и могли бы делать до 92 оборотов и идти около 17, ветер дул от N свежий. Войдя на Севастопольский рейд, прошли южную бухту и стали ставить заграждение.

Встали на якорь в Южной бухте, среди целой эскадры. В 12 ч. съехал в Адмиралтейство Русского общества. Начал осмотром эллингов, напоминают немецкие – все выложено камнем. 2 Мортоновские эллинга длиною в 900 ф. Поперек, в верхушке выстроена новая корабельная мастерская. Строют новую кузню. Мы найдем хорошее приспособление, когда возьмем адмиралтейство. Стена, составляющая подножие памятника, обваливается.

Перешли к строющемуся доку. Работы интересны. Теперь док углубляют так, чтобы можно было входить при 30 ф. углубления. Осмотрел казармы на набережной корабельной бухты. Порядочно, воздуха много.

Третий док придется строить, перерывши Павловский мыс. Склад угля вне.

Переехал в старое адмиралтейство. Мало места, но миноноски могут быть все 20 установлены.

Пловучий док в исправности.

В 6 часов возвратился на крейсер. Обедали Чихачов, Руднев, Папандопуло с анекдотами и трясли стариной.

Получил письма. В Одессу генерал-губернатором назначен Рооп.

Влангали пишет, что жалеет, что меня нет, чтобы говорить об элеваторах и университетском уставе.

23 октября

Осматривал храм св. Владимира. Решил окончательно, как обделывать стены под доски с надписями. Осмотр города. Севастополь *boude* [сердится]; всё ему необходимо на казенный счет. Воду из хутора 30- и 31-го экипажа нужно отдать городу, имеющему всего 40 тыс. ведер в сутки.

Братское кладбище в хорошем виде, покрыто зеленью. Жаль, что внутренность пирамидальной церкви совсем испорчена сыростью. Видел на доске имя брата. Кладбище вносит в военный бюджет. Михайловское кладбище, также военное, теперь заперто, потому что его пристегнули к братскому, а это под покровительством государя.

24 октября

В 8 ч. вышел в море на поповке «Попов». Курьезное чудовище. После подробного осмотра начал пальбу из орудий. Люди вовсе не защищены от осколков, от которых будет гибель. Желая беречь надстройку, велел испытывать, на сколько удобно наводить рулем и велел вертеться на якоре. *Une vraie toupie* [настоящий волчок, юла].

Пересел на миноноску «Поти», только что пришедшую из Франции. Побежали и, выпустивши на полном ходе мину, начали описывать циркуляцию. Велел повторить и, несмотря на предостережение Пещурова, продолжал круг. Вдруг прочертили и не могли более править рулем, оставшимся на правом борте. Велел себя буксировать прямо к эллингу. На эллинге увидели, что рудерпис сворочен. Весь винт сломан; телеграфировали *Normand* [Норманн – хозяин верфи], чтобы прислал другой.

Возвратившись в бухту, осмотрел суда. Старый «Эльборус» очень содержится и хорошо ходит.

Желаю от души помогать возрождению Севастополя и готов уступить всё, что нам не нужно; но касательно адмиралтейства отказал и если соглашусь на воду, то с условием провести её в адмиралтейство.

Обедал у Руднева, который струсил сказать мне речь за обедом и прочел после обеда. Пресмешной хлопотун.

Вообще есть между офицерами зачатки будущего, но, кажется, никто не вселяет в них бодрого и бойкого духа.

25 октября

Осмотр с 8 часов местности будущих наших учреждений. В Сухарной балке пороховой склад и лаборатория. Хочу прижать порох к западной стороне балки, чтобы он был в мертвом пространстве.

Сел в экипаж и объехал местность, назначенную под госпиталь. На Малаховом кургане общая могила, крест из ядер над местом смерти Корнилова и плита там, где убит Нахимов. Башня и место койки Истомина.

Кончить памятник Лазарева, развести *square* [сквер], поправить стену к адмиралтейству.

В ½9-го вечером снялись с якоря довольно ловко и пошли в Одессу.

Ночью покачало от S.

27 октября

В 8 ч. приблизились к Одессе. Стали за брекватером на якорь. Тотчас явились все власти. Я съехал немедля в Карантинную гавань и осмотрел «Россию», «Нижний» и «Кострому». Страшная дребедень без непроницаемых переборок и водяного балласта, без достаточных отливных средств и средств тушения, слабо выстроенные, изношенные и дурно содержимые. «Кострома» требует непременно 850 тонн балласта и понижения угольных ящиков.

Пароходы стояли по внешнюю сторону Платоновской молы, как ничего не делающие. Осматривал гавань. Новый мол, идущий от устаревшей и более уже не эффектной лестницы, ещё не кончен. По обе стороны, прикрываемые волноломом, прекрасные гавани.

Сделать несколько визитов.

27 октября

В 8 ч. утра отправился на маяк. Прекрасная дорога. Одесса не имеет предместий. На маяке все помещены прилично. С SW стороны грозит обвалом. Велел укрепить берег, чтобы его не обмывало волнением. Возвратился другой дорогою, между дачами.

После завтрака проехал по всей эстакаде к заводу Фейндриха. Всё в довольно значительных размерах и стоит поощрения.

Перешел к Чихачову, в прекрасное его заведение, обращенное теперь в склады для леса и в пильню. Уже готовят сосновые доски для броненосцев.

Прошли вдоль берега до Практической гавани, чтобы обозреть всю местность.

Обед у Чихачова в его барско-комфортабельном доме. После обеда разговор о броненосных кораблях.

28 октября

С рассветом снялись с якоря. На пути помуштровал команду. Бросили якорь у приморского укрепления Очакова. Всё ещё не кончено.

Перешел на «Эльборус» и в сопровождении миноноски «Сухум» и влившего в нос воды «Меркурия», двинулся к Николаеву мимо места первого моего бедствия в 1846 году. Везде знаки и маяки для ночного плавания. Встреча форменная. Узнал много старых знакомых. Въехал в адмиральский дом, полный для меня воспоминаний, представился хозяйке и нашел все положительно по-прежнему.

Думал ли я, входя в эту пристойную хижину, тогда мне казавшуюся дворцом, что буду играть в ней ту же и даже большую роль, что покойный наставник мой Михаил Петрович. Мир праху его!

29 октября

Пошел путем Михаила Петровича в Адмиралтейство. Осмотрел корабль «Екатерина». Мордвинов молодец. Нужно сделать полнее корму для румпеля и подумать о запасном. Странно: чем дальше от столицы, тем лучше.

30 октября

Был в казармах. Начал 2-м экипажем. Вообще, казармы куда лучше наших. Поддерживаются весьма прилично. Люди смотрят браво и новобранцы в особенности. Заметен везде порядок не на показ. Как жаль, что отдали одну казарму под классическую гимназию.

Новый госпиталь просто чудо. Много свету и воздуха. Везде простор. Легко держать все в порядке.

Переходил от сюрприза к сюрпризу. Приют, как здание и как система, достоин быть в столице.

Казна дала только место. Остальное плоды частных пожертвований и усилий; особенно попечителя Голенищева.

31 октября

Осмотрел хутора инвалидов. Живут припеваючи. В ½8 вечера выехал из Николаева, провожаемый всем синклитом.

1 ноября

Целый день в дороге, не сплю. В Харькове встретил Островского, восхищенного своею поездкою, Бор. Голицына, Свечина и Радецкого.

2 ноября

В ½8 из Орла взял экстренный поезд и отправился на Брянский завод, изготовляющий сталь для нашего судостроения. Процесс Сименса и Бессемера. Завод име-

ет будущность: у сплавной реки и вокруг громадная лесная дача. Всё по-европейски. Лазарет барачной системы на 300 чел. с сестрами милосердия и тремя медиками. Особая палата для заразительных болезней. Рабочих осматривают перед приемом. Трехклассная школа. Замечательная церковь – железный остов и деревянная обшивка. Рабочая колония в 12 т. человек. Контора служит *caisse d`épargne* [сберегательная касса]. В 6 ч. вечера прицепился к смоленскому поезду.

3 ноября

Ночлег в вагоне в Смоленске. Рано утром поехал в гимназию, отыскал племянника и вместе с ним поехал к сестре. Нашел в убогом, по-моему, трактире. Познакомился с племянницею. Саша всё в затруднении после смерти мужа, но несколько приободрилась. Взял всех с собою на железную дорогу, завтракал с ними и с губернатором Кавелиным, винтящим день и ночь.

В 1 ч. дня отправился далее.

4 ноября

Благополучно прибыл домой после месячного отсутствия. Застал жену здоровою и всё в порядке.

5 ноября

Утром поехал в Гатчино. Государь принял очень ласково, посадил, расспрашивал о путешествии и наконец впал в полу-политический разговор. Он хочет только свободы проливов и думает, что Англия, увлекаясь Египтом, *nous laissera faire* [позволит нам делать]; Франция, увлекшись колониальной политикой, тоже не воспротивится. Боится Германии, колонизирующей немцами весь путь к Салоникам. Я возражал, что можно помириться. По-видимому, государь дивится: в. к. Алексей пропал без вести. Императрица прямо сказала мне, что он их забыл. Сегодня у неё был дамский прием, но приняла и меня и сказала, что очень рада меня видеть, или лучше – «мы очень рады вновь вас видеть».

Влангали говорит, что Гирс очень доволен своим свиданием с Бисмарком, что Болгарские дела улаживаются ради совета, данного князю немцами, признающими наше влияние. Но был момент довольно острый.

6 ноября

Был у Михаила Николаевича, очень обрадовавшегося, что я стою за Поти и спрашивавшего, говорил ли я о том государю. Отвечал да, потому что говорил. В. княгиня захотела побеседовать, но я торопился к церемонии в училище.

Она произошла при августейшем шефе, нашедшем возможность быть неприятным и по этому торжественному случаю. Беспрестанно твердил, что нарушают традиции, что он не поклонник этой школы, что то и другое не на месте – а все остав-

лено так, как было при нём. Мне пенял, что не произвели его адъютантов и порицал Алексия, что тот не приезжает к 8 ноября, празднику своего Московского полка. Михаил тоже говорил, что про Алексия ходят разные сплетни и не сплетни. А тот дает знать, что выедет из Парижа 10-го и будет 13-го.

Константин популярничал, а кадеты увлеклись, оборвали его и посадили в карету.

7 ноября

На докладе государь очень разговорился и я заболтался. Результатом было, что он решил удалить Козакевича до окончания дела без назначения. И в самом деле он того заслуживает. Явный бунт 8 роты 4-го экипажа захотел кончить келейно. Следует в каторжную работу, а он вздумал обойтись арестами. Высказал государю свои планы касательно Гвардейского экипажа, чего не должен был делать, но прорвалось, и государь обещал поговорить с Алексием. Просидел около часу.

Сольский *me jette des bâtons dans les roues* [вставляет мне палки в колеса] под предлогом контролирования.

8 ноября

Поздравлял в.к. Михаила и потом на празднике Московского вел.князя Алексия полка, на который Алексий не прибыл, «что ему стыдно», по замечанию дядюшек.

Спросил у государя, не переменит ли он распоряжение насчет яхт, так как я слышал, что он идет на канал. Он отвечал, что если пойдет, то в субботу, и велел мне так сообщить не бывшему на завтраке Посьету.

9 ноября

Обедал у в. к. Михаила. Разговор шел о Кавказе и Каспии. Понял князь, что я хочу уничтожить Каспийскую флотилию.

10 ноября

Ездил в Кронштадт, где собирал экипажных командиров и внушил им нелепость скрытности и необходимость строгого присмотра за людьми. Все это говорил на счет сидевшего тут же Козакевича, обленившегося донельзя. После совещания объяснил ему, что следует убираться. Рыкачеву сделал выговор за то, что перепечатывает о каком-то бунте, случившемся за полвека именно в тот день, как бунтовали в 4-м экипаже.

12 ноября

Впуск воды в канал Петербургского порта, ведущий в Неву. Я пришел в канал на яхте. Мятель и свежие SO. Осмотрел механизм, к которому был привязан шнурок для императрицы. В назначенное время встретил поезд с государем, императрицею и детьми. Был приглашен на платформу, убранную палаткою, и вместе с высокими посетителями скатился на дно канала. Осмотрев все, поднялись к дамбе. Им-

ператрица дернула шнур и две сильные струи полились в выкопанное пространство. Государь отложил поездку по каналу и пригласил в свой вагон, где опять говорил об излишней инициативе Чебышева, бывшего в Генуе во время отъезда германского наследника в Испанию, и спрашивал, не приказал ли я ему там быть, ибо во всех газетах сказано, будто он получил приказание там быть и встретить принца.

13 ноября

Ездил на встречу в. к. Алексия, возвращавшегося из заграницы. Нашел его на Дивенской. Передал все, что ему следовало знать прежде встречи с государем. В Гатчино великий князь вышел представиться государю и остаться на завтрашнем торжестве.

14 ноября

В Гатчино выход и завтрак. День рождения императрицы.

15 ноября

Был у в. к. Алексия, потом Совет и К-т министров. В последнем, противно Островскому, защищал интересы Нобеля. Кажется, решен вопрос о Козакевиче и замене его Шварцем.

23 ноября

Золотой заем расхватили в один день. Напрасно не сделали большего.

24 ноября

Non possunus [Невероятно]. Вот отвечает министр финансов на мою смету, несмотря на успех только что сделанного займа, – и после многих споров решили, что я могу рассчитывать только на 8 миллионов рублей ежегодно для строения. Нечего было спорить, когда слышишь одно и тоже – нет денег – и я должен отказаться от одного броненосца.

25 ноября

В. к. Алексей недоволен дядею Константином и вообще, кажется, не знает, что с ним делать. Рассказывал, что Константин удивился, когда по возвращении из заграницы, Алексей приехал к нему в сюртуке. Тот возразил, что он более не подчиненный его. Кончилось тем, что Алексей сказал, что отныне требует, чтобы дядя отдавал ему визиты.

26 ноября

Суетный день. Утром Георгиевский парад и присяга в.к. Петра Николаевича и Георгия Михайловича.

Затем государь принимал мой доклад. Решены перемены в Кронштадте, между прочим, удаление Козакевича с почетом, назначенного членом военного и адмиралтейств советом, так как государь не хотел назначить его членом Государственного Совета.

На претензии Лихачева быть произведенным в адмиралы, государь отказал.

5 декабря

Не могу не сознаться, что по возвращении из путешествия я в каком-то одурении. Работаю и ничего не вырабатываю. К суматохе дел Государственного Совета и К-та Министров присоединилась собственная умственная неурядица. На сегодняшнем докладе государь принимал в халате. Жалуется на ревматизм в правом плече, мешающий совершенно владеть рукою, а говорят, просто ушибся, выскочив из саней на охоте. Странно, что не зовут тотчас всех знаменитостей.

6 декабря

Поздравлял в Гатчино наследника, *l'impecatrice faisait les honneurs* [Императрица оказала почести].

Государь не выходит и отказал парад Гвардейскому экипажу. Зато вечером в экипаже была оргия. Меня лишили невинности, заставив слушать цыган, которых я никогда не видел.

10 декабря

Открытие кают-компании 8-го экипажа. Был и великий князь. Отвечая на одно из приветствий, я сказал, что у нас нет гвардии и армии, а есть флот, что вызвало шум – и что этот флот вверен в. к. Алексею, за которого предложил тост. Скука смертельная на этих праздниках.

12 декабря

Обелениваюсь. Никуда не хожу, ни с кем не говорю. И дела по Министерству не подвигаются вперед. Нет у меня помощников. Все какие-то канцеляристы. Государя застал сегодня в лучшем положении, но вчера уже явился бюллетень о его болезни, требующие спокойствия и продолжительного лечения.

16 декабря

Между 5 и 6-ю часами дня, в квартире на Невском проспекте убили подполковника Судейкина и ранили полицейского с ним бывшего. Неужели опять начинается период террора! Вдобавок болезнь государя, о которой печатают вскользь, начинает тревожить умы. Боже! Сохрани Россию.

19 декабря

Государю гораздо лучше. На докладе избавил его от тягости. По деликатности он не знал, как решить с Лазаревым, командующим его яхтою и вместе остающимся адъютантом Константина Николаевича. Я предложил приказ общий: отчислять адъютантов при назначении командиров.

Дело с Судейкиным было так: один из террористов, Дегай (правильно: Дегаев – ред.), был привлечен на сторону полиции. Ему наняли на Невском квартиру, куда Судейкин и ходил. Грессер многократно говорил ему, чтобы он был осторожнее, но Судейкин, храбрый до дерзости, просил Грессера, чтобы он даже не знал о квартире. Когда Судейкин, придя на квартиру и будучи встречен Дегаем, сел с своими товарищами за самовар, пять человек вдруг ворвались в комнату, выстрелив в спину Судейкина и ошеломили ломом его товарища. По-видимому, в агонии силач Судейкин боролся страшно. Товарищ его, оставленный замертво, очнулся и рассказал все дело. Дегай, разумеется, бежал.

24 декабря

Окончательное заседание по моему бюджету. Просто играют на характеры и уступчивость. Спорили два часа и, наконец, помирились. Все-таки не дали мне на второй Балтийский броненосец, хотя позволили обратить все экономии на постройку.

26 декабря

Государь совершенно поправился и хочет непременно перебраться накануне Нового года. Говорил, что наши юноши моряки, попавшиеся в Николаеве, были увлечены и хочет вновь допустить их на службу. По поводу дела Конкевича, в Болгарской флотилии, думает, что его оправдал суд ради того только, что сам кн. Болгарский протягивал лапу в казну флотилии. Военным министром туда назначается Кантакузен.

27 декабря

Обедал у Нарышкиных с Воронцовым, Шуваловой и Черевиным. После обеда последний рассказывал разные подробности о Судейкине. Винят начальников, что они предоставили ему слишком большой круг действия. Показывал портрет изменника Дегая, говорит, что советовал везде вывесить и обещал 30 т. тому, кто его поймает. Вообще, он мне сегодня показался болтливым. Может быть и правда, если, по его словам, между правительством и нигилистами *une guerre á mort* [одна война до смертного конца], надобно нещадно воевать с ними – кто больше изведет.

30 декабря

Намеревался 2 января праздновать у себя рождение Алексея и впервые ввести его в среду моряков, просил сегодня Константина принять участие. Отговаривался

тяжестию вечерних выездов, не отказал, но и не обещал и проговорился об упадке службы в Черноморском флоте и как он оживляется балтийцами и пр. и пр. Все совершенно справедливо, а кто способствовал упадку дисциплины, как не сам он.

Как-то вяло кончается старый год! Не оживу ли я в новом. Бодрость и настойчивость нужны более, чем когда-либо.

31 декабря 1883 г.

Окончательное заседание Государственного Совета. Говорили только Бунге и Сольский – плавно привели к дефициту в 11 милл. и к тому, что пугаться нечего. Указали на увеличение будто бы моего бюджета, а между тем непропорционально урезали его на 5 слишком миллионов.

[6]Год кончен. Я беседую с самим собою. Итоги неутешительны. Затронул я множество вопросов – по убеждению, что нельзя не затронуть – и ни одного не привел к концу. Чувствую недостаток энергии. В долгой жизни заграницею, без подчиненных, утратил необходимую административную жесткость. Помощники ленятся, привыкли перебиваться с делом со дня на день и положительно имеют девизом – «казенного дела не переделаешь». Но всех более виноват я сам; работаю, но не решаюсь изменить помощников. Не оживит ли меня добрый гений мой на будущий год? Без её помощи стану немощен. Со стороны великого князя ни малейшей поддержки. Не о том думает. Весьма трудно подвинуть на решимость.

Вот вопросы, начатые и не решенные:

1/ Преобразование Министерства и портовых управлений.

2/ Введение морского ценза и предельного возраста совместно с пенсиями.

3/ Преобразование корпуса механиков.

4/ Приобщение добровольного флота к военному.

5/ Изменение приема в Морской корпус.

6/ и, главное, кораблестроение.

Буду ли я довольно счастлив решить эти вопросы в предстоящем году? Не притупится ли моя настойчивость общим равнодушием? Не паду ли я под бременем его и собственной изоляции? Боже милосердный! воззри милостивым оком на раба твоего! Надя, подкрепи меня!

6 Впечатано рядом с абзацем: «потому что на все разом кидался и несмотря на мои советы увлекался как глупое и капризное дитя» и «Хвастливое фатовство»

74.

День сначала южный, а к вечеру Борей. Наш ордер:

Д.

О Е. О М. Так следует возить царя. —

О Ц

I октября. - Утром подтянул ордер. Погода дивная; холодненький *NW* и едва едва зыбь. Шкуны ревельские оказались на своих местах. Отрадно смотреть царя между детей, участвующего в их играх. Вчера он мастерски намалевал мелом "Владимир-Мономах" - смело и верно. Я просил позволения отдать *sketch* командиру. В 8 ч. утра вошли в Финский залив и в 1/2 I-го, по желанию государя, опять пустили "Мономах" в 4-х часовой гон. Вначале что то случилось.- Вольдемар, брат императрицы, *a real fool of the family* - моряк - едва цедит кое что сквозь зубы.

Много говорил о флоте с ад"ютантом его, капитаном. У них тоже ввели предельный возраст и ценз. Чтобы быть капитаном нужно 7 лет в море, а за отличие 4.

2 Октября. - Плывем безмятежно. Смею думать, что путешествие государя еще никогда не было так обеспечено. Помимо конвоя, в особенности "Мономаха" способного вырвать "Державу" из когтей несчастия, на Некман - грунде и у Оденсгольма я велел расставить лоцмейстерские суда, оказавшиеся

1 —103— 4

31 декабря 1883 г. Окончательное заседание Государственного Совета. Говорили только Бунге и Сольский — ... но привели к дефициту в 11 милл. и к тому ... пугаться нечего. Указали на увеличение будто-бы моего бюджета, а между тем непропорционально урезали его на 5 слишком миллионов.

(На)

Год кончен. Я беседую с самим собою. Итоги неутешительны. Затронул я множество вопросов — по убеждению что нельзя не тронуть — и ни одного не привел к концу. Чувствую недостаток энергии. В долгой жизни заграницею, без подчиненных, утратил необходимую административную жесткость. Помощники ... ся, привыкли перебиваться с делом со дня на день и положительно имеют девизом — "казенного дела не переделаешь". Но всех более виноват я сам, работаю, но не решаюсь изменить помощников. Не оживит ли меня добрый гений мой на будущий год? Без ее помощи стану немощен. Со стороны великого князя ни малейшей поддержки. Не о том думает. Весьма трудно подвинуть на решимость.

Вот вопросы, начатые и не решенные:

1/ Преобразование Министерства и портовых управлений.

2/ Введение морского ценза и предельного возраста совместно с пенсиями.

3/ Преобразование корпуса механиков.

4/ Приобщение добровольного флота к военному.

5/ Изменение приема в Морской корпус.

6/ и, главное, кораблестроение.

Буду ли я довольно счастлив решить эти вопросы в предстоящем году? Не прискучится ли моя настойчивость общим равнодушием? Не паду ли я под бременем его и собственной инерции? ~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

1884 год

1 8 8 4-й год.

1 января. - Напустило снегу. Начал день визитами к августейшим особам и выходя от Владимира Александровича упал и ударился лицом. Не смотря на это явился на выход и по счастию начал год молитвою. Надя, внемли нам и благослови нас обоих.

Дурново с"острил, что в виду национального настроения назначили в Государственный Совет трех финнов: Маркуса, Дервиса и Ребиндера. *Doings of the Duke:*
вместо Титова - Николаи, Абазу в департамент экономии; кто был председателем, тот членом.

На выходе было много дам.

Возвратившись, провел весь день с женою мирно и счастливо.

2 января. - Поздравлял Алексия, потом доклад у государя. Был очень милостив и расспрашивал о моем вчерашнем падении и о сегодняшнем моем приеме.

В Государственном Совете было мое дело о содержании медиков. Должен был указать на излишнюю страсть, департамента Государственной экономии к цифрам. Встретил симпатию многих членов и дело пойдет к государю не с разногласием, а с соображениями меньшинства, т.е. общее собрание согласилось со мною.

Вопрос пустой. Увидим что будет в важных.

Заседание поклонилось перечислив вновь назначенных членов и председатель, Дервиса назначил в *pendant* к Головнину - просто карлик.

У меня раут. Моряков до 300 человек. *Bonmot* Комини по поводу женитьбы Анненкова: " *a general de chemin de fer est en chemin de faire une grande bêtise*

1884 ГОД

1 января

Напустило снегу. Начал день визитами к августейшим особам и, выходя от Владимира Александровича, упал и ударился лицом. Не смотря на это, явился на выход и по счастию начал год молитвою. Надя, внемли нам и благослови нас обоих.

Дурново сострил, что в виду национального настроения назначили в Государственный Совет трех финнов: Маркуса, Дервиза и Ребиндера. *Doings of the Duke* [Деяния герцога]: вместо Титова – Николаи, Абазу в департамент экономии; кто был председателем, тот членом.

На выходе было много дам.

Возвратившись, провел весь день с женою мирно и счастливо.

2 января

Поздравлял Алексия, потом доклад у государя. Был очень милостив и расспрашивал о моем вчерашнем падении и о сегодняшнем моем приеме.

В Государственном Совете было мое дело о содержании медиков. Должен был указать на излишнюю страсть департамента Государственной экономии к цифрам. Встретил симпатию многих членов и дело пойдет к государю не с разногласием, а с соображениями меньшинства, т. е. общее собрание согласилось со мною.

Вопрос пустой. Увидим, что будет в важных.

Заседание поклонилось, перечислив вновь назначенных членов, и председатель Дервиза назначил в *pendant* [в качестве подвески] к Головнину – просто карлик.

У меня раут. Моряков до 300 человек. *Banmot* [Барон] Жомини по поводу женитьбы Анненкова: *ce general de chemin de fer est en chemin de faire une grande bêtise* [этот генерал путей сообщения в дорожном деле допустил большой промах].

3 января

Черняев подал государю записку, в которой хвалит путь из Кунгрида к Мертвому Култуку, и просит сделать на этом протяжении (474 версты) верблюжью железную дорогу. Над этим в Комитете посмеялись и, не рассуждая, велели запросить надлежащих министров (меня в том числе). Всего милее высказал после Баранов. Вдадимтесь в его планы, сказал он, и будемте разбирать их, а то он сейчас затеет войну. В заседании комитета прочли две записки: Барятинского и Ливена. Оба говорят, что первое движение англичан к Каспийскому морю должно вести к войне с нашей стороны, и Барятинской прямо говорит к своду наших войск в Астрабад.

4 января

Делая визиты, просил Рихтера участвовать в комиссии, которая будет рассматривать новое положение о запасе флота, цензе и предельном возрасте. Говорят, уже решено, что Сабуров и Орлов меняются постами. Сабуров в чем-то сорвался, как честолюбивый мальчик.

6 января

Крещенский парад. Всех нас заперли в помпеевскую галерею и, говорят, многих даже не впустили во дворец ради тесноты. Это произвело неудовольствие. Государь надел пальто и нас *viex de la vieille* [старожилы] было не много в мундирах. Константин Николаевич заметил это, сказав, что я моложусь...

7 января

Готовлю *le grand coup* [сильный удар] очищение списка и установление правил прохождения службы, ценз, предельный возраст и т. п. Преобразование Министерства почти окончено и надеюсь представить его в Государственный Совет в нынешнюю сессию. Работал с Жандром три часа.

8 января

Чудный день. Ездил в школу рисования Штиглица. Есть чудные образчики искусства и дивные образцы для формирования вкуса. Во всех отношениях полезное и замечательное учреждение. Многие из выставленных вещей принадлежат Половцову. Японская коллекция Струве презамечательна. Тысяча чайников разной формы. Старые слесарные работы и проч.

10 января

Был в заседании особого совещания по делении Сибири вследствие того, что государь, прочтя мнение генерал-губернатора, велел ещё раз обсудить вопрос. Граф Баранов не давал нам говорить под предлогом, что нужно знать мнения вновь приглашенных (Козакевича, губератора Кляшевича, Ковалевского), а наши уже известны.

Давши всем высказаться, я заметил, что совещание собрано для придумывания лучшей системы управления краем, т. е. развития его, а мы все говорим о военных и политических вопросах. Подготовимте сначала для мирного нормального времени, а военное ведомство и дипломаты уже тотчас приурочат свои нужды. Оказалось, что решил всё Толстой, а то нам только приходится соглашаться. Не знаю, какая из этого польза и как и чем объяснят вопрос государю.

11 января

Обед в Гвардейской кают-компании. Был, чтоб разогнать облако. Брат Головачова, таганрогская известность, овладел мною и в конец просился в Министерство.

Алексей и Евгений Лейхтенбергский явились с перепоя.

Вчера праздновали совершеннолетие великого князя Петра Николаевича.

12 января

Послал карточку Татьяне Лазаревой.

13 января

По приглашению был в Мраморном дворце смотреть электрическое освещение. Везде Булыгинские лампы кроме ворот – где Яблочкова.

Застал музыку и великого князя, участвующего в квартете. Направник разыгрывал свой новый концерт. 3-я часть его (траурная) очень меня тронула. Великий князь обводит меня по всему бельэтажу и, как ребенок, любовался, что можно вдруг осветить и потушить. Два 8-ми сильные локомобиля на 200 рожков. Светло и в высшей степени опрятно. Стоит столько же, сколько и прежнее освещение с ламповщиками *avec brise um.n* [с ветром и прочим].

15 января

Прием у французского посла. Нельзя принимать в таком доме. Давка, начиная с лестницы.

16 января

На докладе государь говорил о предложении Миклухи забрать группу островов Каролинских. Прожектёр. По этому случаю перечитал донесения Копытова. Весьма справедливо он говорит, что эти острова (т. е. все не занятые ещё) далеки от пути торговли, следовательно, запасясь на них топливом, всё истратишь до станции.

Вечером первый бал в Зимнем. Держался в пустых залах и от жары не страдал. Государь с великими князьями, сквозь зеркальные двери, видел, как я китайствовал с Вокаром. Верно, было смешно.

Выхлопотал дозволение жене пройти на хоры, но она не захотела.

Весьма сильна и шумна статья М.К., в которой он (верно) указывает на деспотизм судебного ведомства, на то, что Государственный Совет не должен радеть о единогласии, ибо оно или разногласие – все равно для решающей власти (это по поводу Университетского устава), и совет – только совет, а не парламент.

16 января

«Новое Время» очень хорошо выставило поползновение Каткова и в особенности ловко доказало, что реформы Петра не так встретила Россия, как реформы Александра III.

18 января

Ездил по заводам: на Балтийский и бывший Берда. Машина на Imperieuse [для государя] уже подвинута и начата постройка крейсера. У *du Buit* [Дю Бюи] машина двигается плохо.

19 января

Дело по Добровольному флоту в Государственном Совете. Победоносцев распинался за мое представление, *ayant fait bonne mine au mauvais jeu* [делая хорошую мину при плохой игре].

Представление было двоякое: об управлении флотом и о деньгах на покупку нового парохода. Последнее было главное. Юристы и чиновники нашли неправильности и в сообщенном мною высочайшем повелении и в отборе, якобы, частной собственности. Помогли Ковалевский и в особенности Абаза, приведший к делу, т. е. к покупке парохода. Весьма ловко вертелись около высочайшего повеления, данного несколько неправильно, и в конец решили денег мне дать, а представление об управлении возвратить для пополнений. Весь промах с моей стороны в том, что я перенес дело в Совет с представлением в Комитет министров.

Скорбна депеша с «Минина». Зашел в Ботавию, машина не вертится и не знает от чего.

20 января

Маленький бал в Зимнем дворце. Болтунья Нарышкина рассказывала, что при дворе соперничание между Воронцовым и Оболенским, и что муж её хочет уйти. Я советовал не ребячиться. Мне представили Герберта Бисмарка; драгун – дипломат в зародыше, следующий по стопам отца. Меня редко видят и поэтому, встретясь, говорят о делах. Князь Долгоруков, у прошении, всегда мне почти не кланяющийся, хочет, чтобы я хлопотал о Таганрогском порте ради близости скупленных им угольных залежей.

Бродя, как индиферент, взглянул на место смерти покойного государя. Для спокойного отхода выставили его постель из ниши в кабинет и, около софы, он испустил дух. Зачем берегут окровавленный тюфяк и всю постель, как она была?

Une jolie difinition [красивое определение]. Новый посол Италии *Greppi un Anglais ramoli* [Греппи – англичанин, близкий к слабоумию].

22 января

После доклада государь заговорил об Обуховском заводе. Он видит в домогательстве Сущовской компании дутое дело; будто она вовсе не купила паев; ни Левашов, ни Зубков и *tutti quanti* [иже с ними] не имеют денег, всё просто комплот. Алексей, напротив, под влиянием друзей яхт-клуба, уверяет, что настоящие владельцы паев суть владельцы *bona fide* [«хорошие права пользо-

вания пастбищем»] и отнимать их право есть экспроприация. Я говорил, что, сколько мне известно, они заняли деньги на шесть месяцев, и что их можно выморить голодом. Все патриотические аргументы государь принимает за *blaque* [ложь], как и всегда, принимал их; но и прибавил, что комиссия разберет всё дело и если будет экспроприация, то и я буду его царю докладывать, о чем я уже заявил в комитете министров. Обручев в ответ на требование пайщиков, чтобы правительство их впустило на завод, твердит – докажите, что вы должны быть впущены.

Интересно, как кончится это дело, по-видимому, при всех данных, чтобы завод остался за казною.

Государь был у Рихтера. Кажется, ему не совсем хорошо после падения. Опять я чуть было не воскресил мертвого.

22 января

В сегодняшний доклад внес производство Лосева, а он взял, да и умер. Государь велел просить усиленной пенсии.

24 января

Утром поздравлял августейшую чету с семейным праздником.

В комитете министров разбиралось дело о записке Дондукова царю, поворотившему её в комитет.

Две черты в записке, составленной по преимуществу по поводу введения общей повинности на Кавказе. Целые мосты об опасности введения и в конце несколько строк о том, что следует ввести, ибо назад идти нельзя. Другая черта – жажда отбираний земель у горцев и хороших; с Кубани пусть переселяются – там земля благодатна, а в Дагестане, хотя и беспокойные, и разбойники, пусть живут на голых скалах. Сидели часы и не знали, как на что посмотреть. Повинность касалась военного министерства; остальное вследствие заметок царя казалось предрешенным. Положили в журнале указать только на опасность и несвоевременность. Последнее мне показалось лишним, и я просил выпустить.

25 января

Юбилей генерал-лейтенанта Веселаго. Говорят, было 22 речи. К счастью, я приехал под конец и, приветствовав юбиляра несколькими словами, вручил ему рескрипт государя.

В числе подарков юбиляру замечательна чернильница: колокольчик – башня с колоколом, подсвечники – маяк и башня, первая – веха и голик, штурвал, компас и другие атрибуты ремесла.

Ожидал, что я привезу августейший подарок, но многого хотел. Восемь месяцев назад юбиляр получил Александра.

Бал в концертном зале. Государь говорил со мною о юбилее. Кажется, будто он не много менее любезен. Может быть, по добровольному флоту. Впрочем: *faire ce que l'on doit – advienne ce qui pourra* [сделаю, что должен, а там – будь что будет].

Электрическое освещение зала зимнего сада, в котором был накрыт *le grand couvert* [большой стол].

27 января

Мои дела в Государственном Совете: 1) Петергофская пристань, 2) расход на Морское Училище, 3) перевод остатков на командировки.

Весьма любезно принимали мои требования. На пристань дозволили требовать, если не хватит строительной сметы, на Морское училище дали и согласились на командировочный перевод. Но пристань – синица в небе. Хочу заручиться 35-ю миллионами в год.

28 января

Беседовал о Владивостоке с начальником Штаба Наумовым. Человек со смыслом и осторожный. Ни слова о Фельдгаузене.

30 января

Курьезные дебаты в Государственном Совете по поводу упразднения, экономии ради, Новочеркасскаго сирото-воспитательного дома. Не согласились с военным министром, но думали постановить решение; спросить и поучаться в Москве и Петербурге экономическим приемам.

31 января

Курьез и в Комитете министров, по поводу требований Казанским земством денег на продовольствие, но без ответственности земства. Губернатор и *a appuy* [имел поддержку], но с условием, чтобы ему поручили надзор и дали право останавливать расходы. Министр внутренних дел согласился и внес. Я заметил, что дважды колеблят закон: во-первых, соглашаясь с земством на условие, которое оно не имеет права делать; во-вторых, на последствие такого согласия – нарушение прав земства надзором.

Потом внезапно умер член Государственного Совета Мих. Евграф. Ковалевский. Потеря эта была одного из немногих людей дела, а не слов в Совете.

2 февраля

Вынос Ковалевского. Бесстыдна *blaque* [ложь] его приятеля генерала Абазы, вследствие которого тело вскрывали, а нашли расширение сердца.

Мервцы покорились в наше подданство. *a sera la feuille de rose qui fera dèborder la coupe* [это будет опавший лист розы].

Едва ли устоит Министерство Гладстона, уже пошатнувшееся в верхней палате.

Бал у в. к. Михаила. Был до 2-х часов. Не смотря на счастливую случайность, должен был остаться ужинать. Хозяин очень мил. Мне кажется, государю уже успели выставить мой беспокойный характер.

3 февраля

Объявил Чихачову мое намерение перетянуть его на Государственную службу. Не знаю, удастся ли склонить государя.

Искуля, как женатого на разводке, не хочет нравственная Королева, только что посвятившая книгу памяти *John Brossn`a Brouillon* [Джон Бросcн Броильон]. Моренгейм в Париж. Капнист в Швецию. Посчастливилось Министерству иностранных дел. Вдруг перетасовка.

Обед у Шакир Паши. Старый похотник и молодые *d vergand s to be* [развратники оставили] странный отпечаток. Перед турком все хотели показаться самками. С Деляновым говорил о предстоящем прении по Университетскому выключению в солдаты. Он говорил, что высказывать более нечего. А государь велел присутствовать Алексию, Владимиру и Николаю Николаевичу. Увидим. Я готовлю пушку.

4 февраля

Мне раскидывают сети, пытаясь вовлечь в клику в. к. Константина Николаевича. Утром Головнин объявил, что тот хочет меня видеть по поводу новой организации. Новая суматоха. Будто дела мало. *Un pett de comedie* [забавная малость]. Целовавший руки у жены Помпей, когда взошел князь Орлов, вскочил и потом сел для разговора с ним, почти спиной к жене. По уходе Орлова Помпей присел, но когда доложили, что вошел Гирс, вскочил и побежал, в надежде с ним встретиться.

Желая увериться в возможности заказа машин и сокращении Каспийской флотилии, не смотря на Мервскую покорность, я пригласил Гирса к себе. До сего дня он не имел ещё известий, как принята эта новость в Англии. Извещение пришло уже несколько дней назад. Гирс советовал принять покорность, но не объявлять, но государь последовал своему характеру и дослал Толстому напечатать в Вестнике. Гирс не подкрепил своих доводов главным аргументом. Наши генералы суть генералы от эффектов; коли Комаров поторопился, выйдет громкое *fiasco* [провал].

Орлов едет в Берлин. Шувалов с кем-то дрался на дуэли. *Joursdes femmes* [дни женщин). Субуров, с обиженной гордостью отказался от Италии. Он-то артист – и от такого бесправильного и интересного поста, хочет в Государственный Совет.

6 февраля

Доклад. Решили по моему предложению послать клипер в Соаким, агента в Пруссию. Я выставил царю робость (не мою, а Гирса), чтобы отложить посылку до прибытия Орлова. Как всегда в подобных случаях *SM s'est cabré* [СМ встал на дыбы].

Решили вопрос о Чихачове. Государь соглашается с моим взглядом. Прежде ещё я говорил Алексею, что нужно смотреть вперед и избрать мне преемника. Я вовсе не отказываюсь, но готовлюсь по неимению деловых помощников. Чихачов один может заменить меня. Это будет удар Константину Николаевичу: да, что же делать.

Чихачов довольно много говорил, стараясь узнать меня, на что я отвечал откровенностью. Спросил, почему я не беру Жандра. Будет ждать решительного слова от жены.

Островский говорил государю, чтобы по дисциплинарному Университетскому вопросу пригласить в Комитет министров великих князей. Ловко.

7 февраля

Комитет министров с великими князьями по случаю вопроса об отдаче из Университетов и гимназий в солдаты за буйство. Я открыл огонь выяснением моего положения в совещании. Большинство переменило мнение вследствие резолюции государя, а Ванновский не стоял за мое мнение, принятое сначала единогласно. Мне нужно было выяснить мое положение и обнаружить, что я против мнения большинства решительно. Я нашел противоречие в мнение противников, доказывал им, что они именно политических субъектов хотят исправлять у нас, как они не отвертывались; приводил пример не действительности казарменного присмотра – скопцов и дивился как не боятся впускать в казармы нигилистов. Спору было много. Большинством 14-ть против 5-ти решили, что не следует в армию допускать изгнанных. Барон Николаи убедительно доказал, что предлагаемым большинством наказанием – наказывают дважды – административно – выключкой и уголовно – солдатчиной, лишающей вместе прав. Рад, что способствовал и деятельно отстранению беды от армии.

9 февраля

Великий князь Константин звал меня поговорить о реформе центральных управлений флота. Он настаивал, чтобы изменили объяснительную записку, утверждая, что, пожелав золотой пилюли, он не принимает её, утверждает, что реформа 67-го года есть продолжение реформы 60-го года, а так же точно, его произведение. Услышав, что это моё убеждение, Он сказал, что я совершаю подлог. На это я отвечал доказательствами, что если он подписал реформу 67-го года, думая, что она продолжение 60-го года, то не знал, что подписывал, и последствия доказывают, что все идеи его, или те, которые он усваивает, кончились фикциею и иллюзиями.

Мы так шумели, что человек отворил двери.

Счастливое прибытие Грессера прекратило сцену вовремя, ибо я сказал уже, что мне не подобает продолжать разговора, им начатого, об Алексее, о его равнодушии и т. п.

Нужно это покончить поскорее, показать ему, что касательно флота с ним все кончено.

10 февраля

Алексию рассказал вчерашнюю сцену и объявил, что я не должен более говорить с Константином о делах, но не знаю, как это сделать, ибо привык быть внимательным с августейшими особами. Просил скорее назначить Чихачова начальником Штаба, чтобы Константин, его ненавидевший, сказал бы себе *basciate ogni speranza* [хватит одной надежды].

Алексий подтвердил мне, что Государь презирает Константина, как человека.

Вчера неожиданно застал у Константина Головнина, молчавшего, как пень.

11 февраля

Парад при 15° морозу. Оценка Гурко армии и гвардии. Завтрак во дворце.

В Государственном Совете дело «Кавказа и Меркурий». Представил несколько технических взглядов, способствовавших утверждению предложения общества на 15 лет по 235.000 рублей. Опроверг синдикат Абазы, на который тот указывал, как на возможность. Я доказывал невероятность. Бунге, видимо, хотел, чтобы его принудили согласиться, хотя давал обществу только 5 лет. Жандр, *a fait les armes* [во всеоружии], говорил складно и хладнокровно.

У меня обедали. Довольно весело. Шакир, Нарышкин, Дондуков, Черевин и Жомини.

Не поехал на бал к набобу Нечаеву и хорошо сделал; кашлял и без того всю ночь.

Кончил переговоры с Чихачовым. Соглашается и вступает тотчас по переезде сюда. Высказал ему свои преднамерения, с которыми тот, кажется, соглашается.

На параде Алексей просил разрешение передать разговор мой с Константином Николаевичем – Государю.

13 февраля

Памятный доклад. Первый рескрипт Лесовскому, с изменениями задушевными, государь оставил у себя.

Вечером Алексей, желая, конечно, доставить мне духовное наслаждение, прислал подписанный рескрипт с прибавкою: «искренно уважающий Вас». Утром он мне заметил: «Я изменил ваши слова, они мне показались гордыми». Как это мило в самодержавии!

Алексей передал мою сцену с дядей, и государь хотел знать подробности. Я рассказал, как все было и на этот раз воздержавшись от касавшегося Алексея и прибавил, что не смотря на принципы, в которых вырос, считаю долгом быть с Константином даже невежливым и не идти к нему, если призовет, но не смел решиться на это без одобрения государя, которое и было дано.

В Государственном Совете – элеваторы. Я говорил, чтобы приняли меры против монополии, обязав министров давать местный % элеваторов в портах, с тем

расчетом, чтобы можно было воздвигнуть конкурентный элеватор. Пошли на голосовку прямо поставленного вопроса – принять или отклонить. За принять – 38, за отклонить – 8, в том числе и я, ибо видел, что хотят *bâcler l'affaire* [«замять дело»].

14 февраля

Диспут в Комитете министров о дорогах предстоящих не проводить в нынешнем годе. Началось шильничеством. В нынешнем годе дороги подвинулись очень мало. Бунге уверял Ванновского, что было положено 30 % ежегодных дорог строить стратегических, а как ныне будут строить очень мало, то и по стратегии мало, а было положено строить на 1200 верст, а рассчитано 400 верст по стратегическим. Давно говорили, что лучше все силы употребить на новейшую дорогу, в данном случае на Сибирскую, которой изыскания ещё не кончены. Я возразил, что эта теория не всегда верна. Пока изыскивают одну дорогу, можно построить половину другой. Идя далее, признали Новороссийскую дорогу важнейшей. Я облегчил выбор дорог из 7-ми или 8-ми представленных, сказавши, что нужно решить, может ли министр финансов дать вместе средства на порт; а если не может, то от морских дорог отказаться. Приняли.

В начале заседания прочли университето-петтенциарный журнал. Ослабили аргументы нашего большинства, усилили аргументы меньшинства (что и заметно) и вовсе не поместили моих веских аргументов.

15 февраля

Смена Черняева, доводившего свою самостоятельность до глупости, писавшего лично государю помимо Ванновского и Гирса. Назначение Розенбаха.

16 февраля

Приятелю Лесовскому прочли рескрипт, и он прослезился, сказавши, что и дети царя будут помнить слуг отца.

Закладывали корветы «Витязь» и «Рында» в страшный холод. После церемонии заехал к старому знакомому Бутовскому поздравить с юбилеем.

17 февраля

Доклад у великого князя, на котором решен вопрос о начальнике Штаба. Будем стирать белье вместе и выжимать излишнюю сырость, да и великому князю легче будет править парой ретивых коней, нежели одним коренником. Великий князь решил *dorer la pilule* [подсластить пилюлю] Казнакову – лентою, а я – деньгами.

Бал во дворце. Разговор с Абазой о деле добровольного флота. Хочет вывести меня из дилеммы. Я послал ему записку. Говорил с Ванновским о наименовании Начальника Штаба. Уверяет, что можно простым докладом. Гирс собрался на похороны *Hunt'a* [Ханта] во вторник. Кто-то заметил ему, что это демонстрация против

Бисмарка, недавно напечатавшего против Американского посланника в Берлине, за проявление соболезнования по случаю смерти Ласкера, разные пакости.

Нарышкина поняла, что я не был у неё на царском бале.

19 февраля

Folle journeé [сумасшедший день] в Елагином дворце. Государь приехал к обеду только и застал Алексея, храпящим в его Кабинете.

Je me suis glorieusement ennuie! [Я совершил жуткую бестактность!], – сказал Алексей, рассказывая об этой сцене.

Везде на пути находились полицейские и соглядатаи. По этому поводу рассказывают, что в прошедший парад многие перемерзли и будто одному казаку отняли обе ноги. Гулял пешком на Царицыном луге и, возвращаясь, видел тройки, без сомнения, участвовавшие в придворном катании. Одна была настоящая тройка. Всё диво: лошади, сани, меха и одежда кучера.

20 февраля

Сегодня довольно важный для меня доклад: Начальник Штаба, назначение командующих заграничными эскадрами и проч. Государь будто ко мне холоднее и в городе слухи, что я повздорил с Алексеем. Преемник мне готов, и я буду философом. В Государственном Совете (совещание) по делу добровольного флота. Абаза протянул руку помощи и внес свои поправки в изготовленный Половцевым журнал, не связывающие меня с обществом. На совещании Абаза называл Коханова г. статс-секретарем. Я улыбался, зная, что он называл правление добровольного флота статс-секретарским.

Начинаю эбошировать (планировать в чернее, – ред) маневры нынешнего года.

21 февраля

Похороны Американского посланника *Hunt`a* [Ханта]. Весь дипломатический корпус и демонстрация со стороны флота. Пастор, начавши тем, что ему запрещено относиться к личности покойного, сказал прекрасную речь и осязательно для чувств доказал, что есть жизнь вечная.

22 февраля

Вышел указ о Штабе и Чихачове. Говорят, что может быть России был нужен Петр Великий, но двух Петров для флота много.

А почем знать, может быть, скажут, говоря о моем времени:

«И смело птенцы гнезда Петрова».

Лишь бы захотела помочь мне Надя своими заботами обо мне и попечением.

23 февраля

Получил от великого князя Сергия премилую депешу в ответ на мою поздравительную.

25 февраля

Утром пришел Половцев, от приехавшего из Берлина великого князя Михаила, с претензией, что, воспользовавшись его отсутствием, провели у нас начальника Штаба.

Константин был у него и поджег его, клявшись, что он провел всё через Государственный Совет. Я велел составить записку с указанием на законы, делающие изъятия для военных ведомств, а главное, случай введения в Константиновское время новизн не иначе, как по всеподданнейшим докладам, тогда как несомненно их следовало пропускать через Государственный Совет.

Опять толкуют, что я ссорюсь с Алексеем. Невольно, может быть, по неосторожности я возбудил против себя. Бог и Надя помилуют.

Михаил претендовал, зачем я передал разговор мой с великим князем.

Готовят закон, что внуками, а не правнуками императоров кончается великокняжеский титул. Константин опять разозлится, ибо сыну первым это испытывать.

26 февраля

Прием в Аничковом, куда государь приехал из Гатчино. Объяснение с великим князем Михаилом и его женой.

Алексей подошел ко мне, стоявшему среди Государственного, и громко сказал: «Говорят, что мы с Вами поссорились, откуда это взяли?»

Я возразил: «Не знаю, но надеюсь, что в случае если Ваше высочество будете мною недовольны, – я узнаю это прежде других от Вас».

Многие поздравляли меня с Чихачовым; нашлись и такие, которые говорили, верно, я не имею причин бояться, если беру помощником такого практичного дельца.

Толстой, уходя, заговорил о Константине. Государь уже сказал ему, что я просил позволения не иметь более с Константином дела.

27 февраля

Вчера в 11 часов вечера скончался С. С. Лесовский. Я был у него за ½ часа до кончины. Бедная жена мнила усиленным трением задержать улетавшую жизнь, а оконечности уже холодели и страдалец хрипел. Вспомнилась моя горькая Надя. Боже, помилуй её, и его помяни недостойного.

Великий князь Константин пришел проститься с прежним помощником и счел нужным непристойно заметить, что новый Штаб отличился, разжаловав Лесовского. По принятому обычаю, самим же Константином на похоронах Голицына примененному, сняли царские вензеля.

Доклад прошел без чего-либо замечательного. Государь выразил желание присутствовать на отпевании в церкви и к вечеру я дал ему знать, что погребение назначено в ½2-го в среду.

28 февраля

Был на панихидах. Узнавши за обедом у своей опричины, что 8-й экипаж не может участвовать в погребальной церемонии, Алексей написал мне записку, в которой выражал на то неудовольствие, потому что доложил государю, что экипаж будет.

Всё это наделал Токарев своею глупостью.

29 февраля

С утра в хлопотах. Провожал покойного с квартиры до нашей церкви, поехал объясниться к Алексию и потом снова в церковь.

Приезжавшие великия князья *fausses alarmes* [ложные тревоги] немало беспокоили. Было много членов Государственного Совета и весь военный дом, Гвардейский экипаж, Павловский баталион и кадеты. Четверть часа ранее приехал государь, так что Алексей вбежал к ним, а Михаил опоздал. Александра Иосифовна возложила венок. Государь сделал сигнал, чтобы великие князья подняли гроб, и потом стоял, пока колесница и двинулась. Мы с женою шли пешком до самой могилы.

Лишь только воротился домой, переоделся и поехал обедать к Екатерине Михайловне, а оттуда опять переоделся и на вечер к Делянову.

Поистине день Русского министра. Высунул язык, ничего не делая.

Меня генерал-адмирал принимает в два линька.

Мир праху твоему, потрудившийся друг Степан. Многое тебе не удавалось, и умер ты в страданиях. Надя, молись за него.

1 марта

Панихида по царе-мученике. Я протежирую Воронцову, Шереметьеву и Нарышкину.

2 марта

Доклад. Молебен в соборе. Для успокоения жены пригласил Боткина; нашел, что у меня все в порядке и уговорил жену не беспокоиться, только велел час ходить.

Готовлю всё нужное для пенсии вдовы Лесовского. По этому случаю собрал все данные. Какой хватик Краббе был покойный. До 40.000 р. негласных вспомоществований, жене 6.000 р. пенсии 5000 р. аренды и 20.000 р. на обзаведение.

3 марта

Обед у Половцева *comme toujours exqui et grand* [как всегда был грандиозен]. Изготовил доклад и отослал великому князю.

4 марта

Обед у французского посла. Большинство военных. Не по-французски – изба красная и углами и пирогами.

5 марта

Доклад у государя, *fe gros* [большой] – пенсия Mme Лесовской. Просили 7000 р., сохранение 4000 р. аренды с 1879 года ещё на шесть лет и 10000 р. на лечение и похороны. Государь заговорил было об общей норме членов Государственного Совета. *Nous avons tenu bon* [Мы держались стойко]. Действительно, служба Степана была необыкновенная. Выставила всё, в особенности, его бескорыстие в сравнении с Краббе. Государь соизволил и сам начал дивиться Лесовскому, его дару слова (при чем припомнил, как думал, поставить его в тупик, ратуя против тогдашних мер) и вообще его рыцарскому характеру.

На пути беседовал с двумя Островскими.

Переехал к 7 часам в Кронштадт. До Лигова ехал с графиней Воронцовой. Вечером же собрал минную комиссию и прочитал проектируемый устав по параграфам. Засиделись до часа.

6 марта

Был на судах, отправляющихся в заграничное плавание: «Мономах», «Генерал-Адмирал», «Джигит». Исследовал случай с «Мининым».

С большим наслаждением проходил в минном классе отчет минного отряда. Сердцу любо, с какой охотой занимаются делом «Держава», «Джигит» и завод. Собирал адмиралов и беседовал о будущих командирах. Замечательно, что есть ещё общее мнение. По многим мнениям не расходились.

7 марта

С утра в минном классе, а потом встретил приехавшего Алексея. Опять пошли по судам и заводам. Смотрели, как взрывали мину, подведенную на фарватере под камень. Великий князь мил со всеми и зовет завтракать и обедать.

Вечером разбирал ненавистные канцелярские папки.

8 марта

Великий князь смотрел фронтовое ученье. Люди – очень хороши. Нельзя сказать того же об офицерах. *Nous avons arpent l'horital* [Мы побывали на плацу] и осмотрели два экипажа. Я продолжал осмотром помещения суда и учебный экипаж. Решили давно затронутый вопрос об увеличении суда.

Вечером в концерте. Лоди (оперный певец П.А. Лодий, – ред.) пел особенно симпатично. Кашенская, Ухтомская. Пришло известие о смерти Владимира Федоровича Адлерберга. Около ста лет. Уже за обедом приехал Евгений Лейхтенбергский. Зачем? Уехал вечером.

9 марта

Возвратился домой и вечером был на рауте у немецкого посла. Несмотря на смерть Адлерберга, толпился весь Петербург.

10 марта

Величавые похороны старца Адлерберга. Государь и вся фамилия вынесли гроб и потом сели на лошадей. Константин вспомнил старца со слезами на глазах. Больше никто не плакал и, действительно, провожать 92-х летнего избранного в могилу с обыкновенными человеческими чувствами было бы странно.

Не устали ещё меня назначать всюду. Теперь говорят, что меня берут попечителем Наследника.

12 марта

На докладе ничто особенного не было. Государь, на фантазиях генерального консула в Александрии Хитрово, советовавшего держать клипер в Измаилии вместо Суакима, надписал: «Это не его дело. Клипер послан Морским Министерством». «Светлану» велел оставить за Нелидовым, а просившему её великому князю Павлу велел дать «Баян».

14 марта

Ездил в Колпино. Ходил 5½ часов по заводу, смотрел на устройство бронепрокатной мастерской и обошел все другие. Завод работает в ущерб, и положительно не знаю, что с ним делать. Есть, кажется, и техническая сила, а в результате...

16 марта

Вопрос об элеваторах. Государь решил, не обижая ни громадное большинство в пользу его, ни наше убогое меньшинство. Велел прежде составить закон о *warrant`ax* [гарантиях], на которых предложение Русско-американское основано. Ловко.

17 марта

Обедал у Гирса с Лобановым, графом Фалькенгагеным, Валуевым, Абазою и проч. Валуев со мною любезничал. Видимо, постарел. Диспут с Абазою и Половцевым на счет пенсии M-me Лесовской.

Рафалович мне сегодня сказал, будто мы положительно делаем заем в 15.000000. – 5% и по высокой выпускной цене.

Большой спор с Жемини на счет Брюссельской конвенции и желания очеловечить войну. Как такого болтуна куда-нибудь посылали? Умер сын английской королевы, Леопольд – герцог Албани. Упал с лестницы в яхт-клубе в *Cannes* [Канны] и ночью пришлось помереть. Впрочем, всегда он был болезненный.

19 марта

После доклада возвращался в Петербург с великим князем и графом Перовским. Можно ли находить удовольствие в обществе такого циника-буффона? *Non, nos gouvernants ne sont pas exiglants ets ont le gout facil* [Нет, наши правители беспечны и не требовательны].

20 марта

Слушал лекцию Г. М. Куропаткина о Плевенском штурме. Присутствовали оба фельдмаршала и многие великие князья.

Спокойно и с достоинством лектор выставил подвиги Скобелева и затронул Имеритинского и, ни мало не стесняясь, упомянул, как в день штурма расстроили командование левым флангом; как центр стоял неподвижно, когда левый фланг умирал, и как последнему прислали сказать, чтобы он не ждал помощи. Ясно высказал, почему Скобелев предпочитал напрямик поочередному взятию редутов влево, и, наконец, пришел к выводам, что при всяком отряде должны быть саперы и что солдаты должны чтить лопату, как ружье, и что орудия обязаны действовать до нельзя не опасаясь остаться в руках неприятеля.

21 марта

Смотрел выставку собак, охотничьих птиц, домашних птиц и выставку картин. Есть хорошие образчики и в особенности курьезный экземпляр дикой кошки из Ахалтека. Между картинами замечателен портрет Грейга.

Узнал, что Посьет подал в отставку вследствие нового решения государя строить дорогу военному Министерству, так как дорога, принятая Посьетом в прошлом году, оказалась весьма дорогою.

24 марта

Явился в яхт-клуб, как новый член. Все серьезные люди. Прекрасный *local* [помещение]! Великого князя Михаила успокоил письмом, в котором уведомил его, что невнимательный к нему офицер посажен на гауптвахту. Удивительно обидчив. То же сделал с ним офицер военной академии и на ответ Драгомирова, что офицер оказался близоруким, великий князь послал ему мое письмо с замечанием, что в разных ведомствах разно смотрят на дисциплину.

Все толкуют о моем назначении воспитателем наследника.

25 марта

Парад в конногвардейском манеже. Для императрицы выстроили шатер в русском вкусе. Не мудрено, что не находят охотников командовать гвардейцами кирасирскими полками.

Обед у набоба Нечаева. Дивный потолок в обеденном зале Семирадского. Аврора и фигура женская внизу, пробуждающаяся от сна, прелесть. Особенно хороши у Авроры ноги в утреннем газе.

На выходе советывал Посьету, вновь преследуемому Барановым, показать зубы.

Приезжал Половцев насчет завтрешнего Совета по делу К. М. Хотят дать отпор великому князю, противившемуся департаменту экономии.

31 марта

По приглашению был вечером у графа Толстого, присутствовал в Imperiala (Империал), как говорил американский посланник. Играли *la veuve* [Вдова], все князья и княгини. Некоторые хоть сейчас *les gomeux* [хлыщ, франт] или в *Palais Royal* [Пале Рояль] на сцену.

Говорил с Оржевским и Плеве.

Добротворский вовсе не так невинен, как уверяла жена. Впрочем, все это прежнее дело. Теперь, говорят, приостановилась пропаганда.

Нарышкин тоже сообщил о слухах моего попечительства.

1 апреля

Семейный день.

Назначенный в комиссию для изыскания средств уничтожить пропаганду в армии, являлся к председателю – великому князю Николаю Николаевичу. Велел представить список всех попавшихся у нас с разными подробностями.

Вчера обедал у Абазы. Разговор о правительственных учреждениях. Хозяйка дома хотела женить Лобанова и Влангали.

Неужели граф Толстой будет воспитателем цесаревича? *Alors ce sera deux régne qui manquerant* [тогда это будет два господина, которые потерпят неудачу].

Как не вертишь в голове, а приходится убеждаться, что нужно стараться иметь влияние.

4 апреля

В Адмиралтейств Совете разговоры о представленной мною реформе центральных и портовых управлений. Козакевич возражал, а все прочие согласились. Попов, конечно, не был.

5 апреля

Приобщались св. таинств. Среди мирских волнений духовные потребности удовлетворяются будто мимоходом.

На Жандра поднялся великий князь, *et il ameute tout une bande* [и он созывает весь отряд]. Хотели склонить государь, чтобы служащие не занимались частными делами. А наши дипломаты?

8 апреля

Христос Воскресе, в чертогах царя, с по-прежнему томительным лобзанием. Кажется, даже не вспомнил, преступный, о своей Наде, всегда, несмотря на болезненность, присутствовавшей у светлой заутрени. Прости меня, голубушка, кручусь в вихре службы и света.

Вино ли или усталость, но чувствую какую-то лень.

Ездил по августейшим особам.

9 апреля

Затянувшаяся река, наконец, освободилась и сняла свой ледяной покров.

У заутрени Толстой объявил мне, что террористы Киева корреспондируют с террористами Петербурга через адмирала Никонова. Оказалось, что в конвертах на его дачу присылаются письма его племяннице. Старик принял хладнокровно известие и отправился от меня к Грессеру, бывшему так же при свидании.

10 апреля

Въезд невесты Константина Константиновича. Встречал весь двор. Не красавица. Говорят, в Мраморном дворце после молебна не захотела целовать крест. Верно, не надоумили, или немцы научили, чтобы капризничала.

15 апреля

Дюжий день. Свадьба утром, обед и бал; но на последнем я не был, что как-то узнал великий князь Михаил.

Приехал мой начальник Штаба. Не знаю, как пойдет у нас дело.

16 апреля

Государственный совет. Ничего замечательного.

17 апреля

Bals main [основной бал]. Невеста показалась дурною сегодня. Дамы поддерживали одна у другой хвосты, точно балет.

Королева Эллинов сказала, что примет после церемонии, а потом отказала.

21 апреля

Утром получил от государя записку, в которой он писал, что усмотрел, что яхта «Зина» комплектуется матросами; что это неправильно, и не исполняются приказания. Яхта два года уже не ходит в море и, в сущности, приказание исполнено (без приказа), но канцеляристы всё вносят яхту в комплектацию.

Отвечал, что приказание выполнено.

В Государственном Совете спор по поводу преобразования Комиссии прошений. Для жалоб на департаменты Сената утверждают департамент в Сенате же. Я,

вслед за Победоносцевым и Долгоруким, говорил против этого. Нужно учредить что-либо вне Сената. Но после заседания мне пришло на ум, что Победоносцев хлопочет о таком учреждении для себя, зная, что его туда назначат.

23 апреля

На докладе, или лучше после него, Государь заговорил об *incident Zina* [о случае на яхте «Зина»], был доволен моим оправданием и кончил тем, что для избежания ошибок нужно выключить яхту из списков флота. Тогда, отвечал я, выйдет то, чего, ваше величество, полагаю, не желаете – притеснение; ибо все яхты владельцев в списке флота. Нахмурился, но, кажется, обошлось благополучно.

Поздравил императрицу.

24 апреля

Вопрос о *cumul* [совмещении]. Решили *d'emblée* [сразу]. Члены Государственного Совета, министры и сенаторы не могут быть в правлениях частных компаний. Следовательно, участь Жандра решена. Хочется сделать исключение для пароходных компаний.

Умерло три генерал-адъютанта: Коцебу, Чертков (ударом) и Гильденштубе. В Гатчино вчера говорили, что с нового года это уже вторая серия и нужна ещё одна жертва.

26 апреля

Норденфльд, его ловкость.

Завтрак в Гвардейском экипаже.

27 апреля

Странное решение дала о преобразовании комиссии прошений. Вместо учреждения в Сенате учреждено при Сенате. Кто доложит государю, не упомянули, чтобы не сказать, что это будет министр юстиции.

Просто всем шутят.

30 апреля

Доклад бесцветный. Награды на 6-е мая. Государь согласился на всё, кроме возвращения орденов сотруднику Буша – Андрееву.

1 мая

Против общей меры, предложенной касательно *cumul* [совмещение], подал записку. Вследствие её Комитет министров ввел слова, что в случае пользы можно просить государя сделать исключение.

За Комитетом последовало заседание касательно предварительных бюджетов Бунге, не превышающих прошлогодние. Я воспользовался случаем и доказал, что на

пресловутую реформу флота отпущено с небольшим два миллиона в год, и просил меня опровергнуть. Велели представить соображения на будущий год.

Вечером заседание у Николая Николаевича, как поступать с офицерами замешанными; судить ли в мундирах или увольнять и потом судить.

2 мая

Первая поездка в Кронштадт. Ветер, снег и холод. Несмотря на это обошел изготовляющиеся суда. Всё идет медленно. Климат портит и человеческую натуру. Торнтон, в моем отсутствии, принес жалобу, которую мне передал Шварц в Кронштадте. Разумеется, мы боимся иностранцев. Министр финансов не замедлил взывать в пользу торговли. А вопрос простой: все хотят в гавань, а гавань нам нужно чистить.

Осмотрел гавань в Петергофе.

Немного тяжело. Просто батрачу.

5 мая

Открытие мило устроенной Грейгом садоводнической выставки в манеже при холоде и дожде. Ирония. Душенька императрица, нарушив этикет, поклонилась жене, никогда ей не представлявшейся. Великий князь Николай Николаевич просил представить его.

Вечером опять у него полномочное бдение. Дрентельн говорил с умом и практично. Оржевский обиделся, что бумагу к нему подписал Андреев.

В Совете одобрили новое положение о вознаграждении командиров. Подарок на совершеннолетие флоту.

Успел бы доложить государю, если бы великий князь не тратил время на охоту.

6 мая

Церемония присяги наследника. Читал звучно без запинки, но детским голосом. Я всё говорю, что ему нужно провести две зимы на воздухе. При представлении был естественно конфузлив.

Вечером в сюртуке был в Аничковом дворце подносить модель Ивана Великого. Наследник превратился опять в матросика и ребенка. Государь и императрица семейно милы. Только они и были в маленькой комнате. Великий князь Алексей по обыкновению опоздал.

7 мая

Банкет в Николаевском зале после утреннего смотра новобранцам. Внимание старика Вильгельма к наследнику; прислал узенькую ленту и малый орден в добавок к обыкновенным.

Вечером бал в дворянском собрании. Императрица со мною была мила. Я её встретил в 4-м часу катающейся, в 5 ч. она вошла на банкет, в 10 ч. на бал, а после бала уехала за границу. *Active et prodiqieuse* [Активная необычайно].

Наследник танцовал с женой предводителя Бобринского и тем кончил.

8 мая

Утром отправились показывать Кронштадт пруссакам. Хорошо вымуштрованный народ. Подбородки под одинаковым глянцем. Принц Вильгельм – надежда Пруссии – очень милый. Иоганн Мекленбург Шверинский также любезен. Этим господам ни на что нет времени, спешат и ничего не видят. Помощник Мольтке – *Waldersee* [Вальдерзее], присматривался к крепостям.

Возвратясь, узнал, что у меня был пожар. Даже жены не было дома. Огонь нас преследует.

10 мая

Представлялся королеве Эллинов, принявший с обыкновенной любезностью. Чебышевым недовольны. Обедал в Аничковом дворце *pour le Roi de Prusse* [для короля Пруссии]. Принц Вильгельм отъезжал и его кормили на путь.

Говорил Николаю Николаевичу, что в субботу буду говорить сердито.

После обеда проводили Вильгельма в Москву. Вместе отправлялся князь Долгоруков *l'eau á la bouche* [с пеной у рта], сказавший мне, что принца нужно угостить в Москве так, чтобы не забыл.

За обедом все наши в прусских мундирах. Алексей показал мне новую утвержденную морскую форму (прусских гусар), а я ответил, что не знал, что можно являться к государю, как в маскарад.

14 мая

Доклад Островского; по предварительному со мной соглашению сказал государю, что не должно соединять комиссию прошений с Сенатским департаментом для решений вносимых в комиссию дел, и сослался на меня; но приехал советник Победоносцев. Вероятно, государь будет с ним говорить, и тот переделает впечатление.

На Николаевской дороге катастрофа, почтовый поезд потерпел крушение. Один убит и несколько раненых. Ехавший великий князь Сергей принял участие в помощи. Посьет телеграфировал, что это повторение Екатер. дороги, что это злоумышление. Мы посмеялись, что теперь всё будут валить на нигилистов, а оказалось, что, действительно, из злобы на соседа сторож развинтил смычки.

15 мая

В Гатчино только семейство. В городе молебствие и иллюминация.

16 мая

Был в Кронштадте. Адмиралтейство возбуждает жалость, в особенности, судовые магазины. Велел составить план военной гавани и хочу за неё приняться.

Осмотревши в Петергофе пристань и охранные лодки, взял их, «Петербург» и две миноноски с собой и отправился в новый канал. Дошел с эскадрой до Путиловского порта, а оттуда на «Неве» – до перемычки, сквозь которую в прошлом октябре императрица пустила воду в бассейн. Там проехал на шлюпке на речную дамбу и на «Великом князе Алексее» возвратился домой.

18 мая

Последнее заседание Комиссии против пропаганды. Читан рапорт великого князя председателя, в котором сущность предавать суду, как правило, а административные меры как наказание.

Я на этом особенно настаивал. Оржевский приложил особое мнение о невозможности этого *par raison d`etat* [с учетом сословного положения]. После заседания я прочел Оржевскому лекцию о приведенных им примерах прекращения. *Habeas corpus a toi de sureté.* [Право неприкосновенности – твоя удача]

19 мая

Представлен доклад о переформировании личного состава. Хотел от себя, но Алексей принял на себя.

Дай Бог успешного конца.

Смотрел несгораемость хижин, окрашенных асбестовой краской.

20 мая

При поздравлении Алексей сказал, что Константин, поздравляя его, возрадовался, что командирам дали добавочное жалование. Пожалуй, у него кошки на сердце, что не он сделал.

21 мая

А что бы Константин сказал, если бы узнал, что день его тезоименитства выбран для исправления его ошибки главнейшей. Государь вчера вечером прочел весь доклад о реформе личности и сегодня утвердил его. Не знаю, чем кончится дело в Государственном Совете, но если пройдет со всеми нашими льготами, то будет лихо и будут меня помнить во флоте.

26-го приезжает императрица, 28-го все Гессенские, 3-го въезд, 4-го свадьба, а там приедут гостить все датские. Забыл, 26-го приезжает Эдинбургская.

26 мая

Доклад у Алексея, а потом заседание в Государственном Совете по Сибирскому вопросу. Я опоздал и потребовал, чтобы военное губернаторство в Уссурийской области было соединено с главным командирством. Обручев воспротивился, но я настаивал. Решили не делать теперь, как представляет Толстой, а предоставить генер.-губерн. решить вопрос опытом. *Déferré et pas encore perdu* [раскованный и ещё не потерянный].

Но военные хотят всем завладеть. Поможет ли мне Алексей отстоять?

27 мая

Со вчерашнего вечера сижу на море и жду герцогиню Эдинбургскую. Ночью шел дождь, а утром чудная погода. В 11 ч. прибыл на малый рейд великий князь Алексей.

Рано ездил по гавани, исправлял стоящие суда и потом прибыл на «Стрельну». Застал Озерова, который буффонил: рассказ какого-то лорда, который после обеда увидел подходящего к нему гиганта, русского генерала; тот приблизился в упор *il m'embrassa dans les levres comme une femelle* [пожал руку как девица].

На пришедшем *«Osborne»* [«Осборне»] и со мною случилось тоже – камердинер Великого князя Павла *m`embrassa comme une femelle* [обнял как девица]. Взяв герцогиню и Павла, «Стрельна» пошла в Петергоф, где встретил государь, только что прибывший с Измайловского праздника, а в 6½ должен встречать семейство Гессенских.

Я воротился в Петербург.

28 мая

Государь на докладе сам читал записку о наших заговорщиках. Показания Скворцова, шурина Шварца К. А. искренны. Собирались заговорщики в дежурных комнатах экипажа, крали шрифты в типографии Кронштадтского Вестника, вводили Софию Филиппову в собрание и Казакевич ничего не знал о том. Да и полиция не знала, уверяет, что узнала только теперь, а я сказал, что не верю, что просто полиция нам, начальникам, не верила и не уведомляла нас. Прибавил, что Скворцова, не смотря на решение нашей комиссии, просят меня уволить. Государь сказал: «Нет, уже это решено окончательно, чтобы не увольнять».

Алексей прежде мне говорил о решении царя, но думал, что Толстой передоложит.

Таким образом, кажется, решено по-нашему. В заключение я посоветовал нескольких простить и одновременно ни одного не казнить, и Алексей поддержал меня. Тайна, значит, снята; полиция будет уведомлять нас, что я и силился доказать в комиссии и прежде при докладах.

Туда и назад встретил наследника уже под флагом.

По поводу нового устава: из 15 салютных праздников – для заграницы уничтожены 12 и два генерал-адмиральские соединены в один (20-е мая). Будут праздновать коронацию (по воле царя вместо восшествия) и тезоименитства государя и императрицы.

29 мая

Курьез. В Петергофе семейный обед в честь жениха и невесты. Забыли во время пригласить жениха, который отсутствовал и пробыл день в Петербурге.

Окончательное заседание в Государственном Совете об университетском уставе. Сидели 5 часов. Граф Толстой и Делянов были побиты на всех пунктах.

Не кончили. Ещё одно заседание об угле, о Сибирском генерал-губернаторстве.

Приезд греческого короля.

30 мая

Приезд в Петербург императрицы. Александра Иосифовна мне выказывает холодность.

1 июня

Ездил в Колпино и оттуда возвратился через Царское село.

2 июня

С утра город иллюминовал флагами. Был в 10 ч. с докладом у великого князя, которому представил план моих скитальчеств, им одобренный.

В 2 ч. во дворец откуда смотрел въезд невесты Сергея Александровича и потом встретил её в церкви. Место мое было чудное.

Невеста, в противность Маврикиевны, поцеловала не только крест, но и руку Янышева. Да и Маврикиевна оказалась уже вышколенною. Невеста с очень симпатичным лицом. На выходе было мало, многие уже разъехались по дачам и деревням. Лишь только возвратился, явился ко мне мичман Скворцов, прощеный государем, в сюртуке без оружия. Он пришел прямо ко мне по повелению царя, по-видимому, последовавшего моему совету.

Приказание Скворцову тотчас явиться ко мне, считаю за знак особенной монаршей ко мне милости. Прочел счастливцу приличную нотацию. Кажется, он чувствует великость царского благодеяния.

Дай Бог государю привести заблужденных на истинный путь путем милосердия.

Надя, Надя, сладко отнести все это к твоему, по-видимому, покровительству.

3 июня

Свадьбы великого князя Сергея. Тот же сценический эффект. Перед венчанием представлялся королю Греции, который сказал мне *qu il est bien heureux de me connaitre* [что счастлив со мной познакомиться].

За обедом пил здоровье жениха.

Государь видел Скворцова вчера, как мне сказал Оржевский, его привозивший. Не знаю, что он говорил ему, но принял в кабинете.

Не был вечером на бале.

Утром лил дождь.

Вечером Жомини жаловался на *rudesse* [грубость] царя и рассказывал, как его уламывали, чтобы он не вышел на константинопольской конференции по египетским делам. Только соблазнили Суэцким перешейком.

4 июня

Baisse main [главный спуск] Елизаветы Федоровны в их дворце. Лестница чудная.

5 июня

Государственный Совет по поводу пошлины на чугун и уголь. Что за несчастие Грейга, говорить рядом с Абазою?

Грейг горячо восставал против пошлины. Вышел Абаза: ровно, достойно, с большею снисходительностью к Грейгу, нежели тот ко мнению большинства, Абаза разбил, раскрошил его. Я не мог не отдать похвалы Абазе, когда прибавил ко всем аргументам в пользу пошлины то, что она разовьет каботаж.

6 июня

Новый генерал-губернатор Приамурского края обедал у меня. Его взгляд полу-мой, полу-Обручевский. Хочет сохранить главное К-во с градоначальством и придать Сахалин и Камчатку и желал бы подчинения ему Главного Командира; а я хлопотал, чтобы не делили край до его заключения и развязали бы ему руки.

7 июня

Следовало быть в совещании у Баранова о мерах к устранению дефицита, но был внезапно отвлечен смотром фрегата «Герцог Эдинбургский». Послал вместо себя Андреева – и даром: болтали и наотрез отказали.

В 1 час прибыл в Петергоф, а оттуда с государем на Кронштадтский рейд. Потешная эскадра мною перед тем осмотренная, и за нами следовавшая, сильно меня беспокоит. Нужно изменить. И что это за шутки смотреть всем двором, как некогда Людовик XIV ходил на осаду крепостей. Греческая чета – Гессенцы, Батенберги, все были. Благодарил, а комиссия нашла в офицерах хлыщей. Люди чудные. Отправляясь на *«Osborne»* [Осборне], государь сказал мне: «Вам туда ехать не стоит», и я простился.

Все делалось под греческим штандартом. Длинношеий Георг любезничал со мною.

9 июня

Провожаю Марию Павловну в озеры. Три парохода багажа.

10 июня

Завтрак в Петергофе. Норденфельд жонглером. *Mon voyage projété* [мое путешествие спланировано].

11 июня

Mon voyage est décidé [мое путешествие разрешено]. Государь дозволил мне взять «Славянку». Ему показалось странным, что меня номеруют. Велел отбросить N, ибо сравнения быть не может.

После доклада пошел в Кронштадт. Вяло. В дождь осматривал суда, потом пошел прямо на Елагин и оттуда, по зову, обедать к великой княгине Екатерине Михайловне.

Отъезжающие Нарышкины, Дурново и Саблер.

Пашкову и Корфу велено прекратить проповедь или выехать. *Une gouvernement peut être cruel, mais il ne doit jamais se rendre ridicul* [правительство может быть жестоким, но оно никогда не должно становиться смешным], хотя и говорят, что собратья Пашковцам – нигилисты. Мода высылать.

12 июня

Ездил на Обуховский завод. Проследил процессы Бессемера и Симпсона, последний в соединении с тигельным для отливки деидвудного вала на «Мономах». Новое здание для отжига. Минная мастерская. Выделка тигелей. Кран, не занимающий места со шхивом в верхнем конце и тележкою на роульсах в нижнем. Бассейн для больших орудий. Пробыл от 9½ до 4½ часов; в промежутке между рабочими часами сходил на Зиновьева дачу. Прелесть. Здесь только и можно жить на даче. Наследники отдали в аренду, а арендатор Рыбкин отдает весь домик. Едва успел сесть в катер, как разразился ливень.

Устал, как никогда не уставал, и в жаре, которую испытал перед плавильными печами, забилось сильно сердце.

13 июня

Как всё знает графиня Тизенгаузен; упрашивает меня не изгонять Красного Креста из Адмиралтейства, вследствие того, что обходя здание, я заметил, что занято Красным Крестом – много пространства без надобности.

Может быть, вследствие той же молвы государь взял назад своё слово; позволить мне употребить «Славянку», а теперь захотел вдруг Сам идти семейно со своими детищами «Царевной», «Славянкой» и «Марево» – по шхерам.

А может быть, я породил в Нём идею и повел Его к внезапной решимости. Кремер Ему напомнил, а царь сказал, что Сам задумал прогулку, и я могу идти на «Онеге» или «Африке».

Царственный семьянин хочет гулять дней десять инкогнито.

15 июня

Эти дни все хлопотал о внезапном отправлении государя. Хорош Тудер. Отвечал, что будет ждать приказаний, а сам уехал из Сердоболя и отыскать не могут. Не знаю, идет ли великий князь Алексей с государем, я же имею позволение и отправляюсь завтра. Чихачов по моему приказанию.

16 июня

Утром собрался в путь с моею походною женою, на «Ильмене». Высадил матросов переводчиков в Петергофе и отправился в Биорк-э северным Кронштадтским проходом. «Царевна», «Славянка» и «Марево» стояли под парами. Великий князь Алексей узнал только сегодня, что государь не берет его с собою. Пока мы вертелись на северном фарватере, яхты снялись и у Толбухина маяка мы показались друг другу. «Царевна», сохраняя инкогнито, бежала под брейт-вымпелом императрицы. *Histoire de autruche* [«головой в песок», страусиная история]. Погода дивная. Царь прошел в Койвиста, а я бросил якорь среди минного отряда и осмотрел «Ладогу» – служащую для разборки мин, баржу для вылавливания (офицеры помещены дурно, нужна рубка) и съехал на берег в бедную деревню, где устроен душный лазарет.

Утомился после треволнений дня.

17 июня

Несмотря на воскресенье, смотрел вылавливание мин, или, лучше, сам вылавливал их. Послал «Взрыв» за Тудером, который вскоре и прошел вдогонку за царем, снявшимся в 10 часов. Помолившись, увидел, как метали на «Жемчуге» мину порохом. После завтрака, с миноносками, на буксире одной из них, отправился на водолазную баржу, стоявшую у Пейсари в бухточке. Напоминает баржа гостиницы нового покроя. Взглянул на аппараты и потом прошел в море, задевши за камень. На обратном пути, у Койвиста, пристал к «Ильменю», туда перешедшему, и пошел в Транзунд. «Изумруд» с новобранцами. Был на «Рюрике» с кадетами, при них гувернеры-французы. Всё хорошо. На «Гиляке» убедился, что воспитанников вовсе не знакомят с артиллерией.

На пути Транзундом поймал яхту «Викторию», совершенно спящею. Меня не видели или не хотели видеть. Потребовал командира и разбранил. Выдумали заниматься съемкою в проливе, где ежеминутно проходят суда. Прогнал и пошел к Выборгу, где вечером остановился у прекрасной гранитной пристани.

18 июня

Утром поехал на *St. Anne* [Святая Анна], где Петр оставил по себе след обнесенный решеткою; с этого места он бил Выборг. Замок и теперь стоит и сохраняется. Любезный полицмейстер проводил в *Monrepos* [Монрепо, (парк в Выборге, – ред.)] барона Николаи. Великолепный парк и в особенности *Nicolai Ruhe,* кладбище фамилии на высоком острове, сообщающемся с парком паромом. Светло-христианская мысль – могилы (отдельные) с надгробными камнями, клумбами цветов между ними и нечто в роде башни *pour couronnement* [венчающая часть сооружения]. Цинковая фигура вдохновенного баяна. Очень хорошо. Мерзавцы везде царапают свои имена.

Пароход «Великий князь Алексей» подошел к *Monrepos* [Монрепо], и мы отправились на нём по каналу. Вздымались по 3-х этажным шлюзам и пристали у дачи Гейденых, где обедали. Радушно приняли в дивном убежище. В 4 ч. поплыли дальше, взявши с собою старика Логина Логиновича.

Le roi s`amuse [Государь развлекается], из Гельсингфорса потребовал музыку. С царем все финляндцы. Прошли тихонько по знакомому концу канала, а потом, всё вздымаясь среди осязательного порядка, по незнакомому ещё. Особенно живописно у Ретиарва, где на горе дом с целой перспективой. Беспрестанно запирали нас в ящики, поднимали будто неведомой силой вверх и пускали по гладкой поверхности канала. Есть чрезвычайно узкие места и крутые повороты. Все время не отрывали глаз от живописных сих водяных ландшафтов. Всюду дачи, но к северу редеют.

19 июня

Ночью прошли остальную часть канала. Местами между высеченными скалами так узко, что невозможно разойтись. В последней части пояснительные надписи о Николае и Александре II. Выйдя из канала, взяли дорогу к устью Вуоксы, не штатную, так что нас вел шхипер, а не коронный лоцман. Через два часа мы бросили якорь у берега, где уже стоял шарабан, за нами присланный.

По проселочной дороге, пересекающей почтовые пути из Вильманстранда и Выборга, вскачь домчались мы к бревенчатой гостинице у самого водопада. Ничто не приготовляет к грандиозному капризу природы. Местность общероссийская пока не выйдешь на задний балкон, обращенный к реке. Здесь водопад или лучше быстрина во всём своем бешенстве. Вверху видна зеркальная поверхность озера, которую начинает складывать складками течение по мере приближения к острову, разводящему водопад такою общеводопадной чертою, а далее мост. Мне кажется, если долго любоваться мечущейся и шумной волной, может навести сумасшествие. Корзинки, в которой переправлялись через поток, уже нет. В затишье устроена купальня, а в другом – ловля форелей. Прогулки вдоль обоих берегов не богаты и однообразны. Подвергшись обобранию трактирщика, трактующего своих клиентов с остервенением Иматры, возвратились на пароход к 4-м часам и пошли далее к се-

веру, занимаясь определением хода, любуясь узкостями и высматривая отлично содержанные знаки, о которых я никогда не слышал от отцов наших, пятен в шхерах.

Вечером остановились на ночь у Нейшлота. Дрянное местечко, а пристань превосходная.

20 июня

Ночью холерина, не дававшая спать. В 9 ч. утра снялись и вышли на северный плес узким проходом между городом и старинной крепостцей, взятой Суворовым. Он назвал её Нейшлот, но финны, в оскорбленной гордости, не признают этого названия. Мальчик, посланный из Гельсингфорса учиться по-фински, объяснил, как противятся отведованию края, производимому дворянским сословием.

Путь до Куопию через *Warnlund* [Варнлунд] местами живописный. В Куопию губернатор Егренфельд. Поехали на гулянье на гору, откуда с башни любовались местностию. К NW будто кто-то взял в пригоршню и насыпал островов. Отсюда ходят пароходы в Петербург и Любек (прямо) с коровьим маслом. До 7.000 жителей.

Утром с губернатором пошли в церковь, где пробсты приготовлялись к конфирмации. Застали два класса в двух нишах. Были и слепые из школы слепых, здесь учрежденной. Пробсты – люд, пользующийся уважением и хорошо оплачиваемый доходами с пробстных имений. Не то, что наши 33 десятины. Преподают по-фински.

Как изменились времена! Прежде финны перекрещивались в шведов, а теперь национальное движение и финны поднимают голову. Странно, что все покорители оставляли следы, а мы теряем и те, которые были. Полковник, разучившийся по-русски.

Отправились в обратный путь. От порогов Тайполе шли узким протоком, миновали два шлюза, из которых один двойной, и живописным этим путем подошли на ночь к Варкауду (воровское место), заводу, расположенному на группе островов. По пути, у последнего шлюза, взяли с собою барона Бойе с женою и управляющего заводом, который, брившись, обрезался и воротил шею, чтобы не замарать рубашки.

Мы пристали к кораблестроительному отделению верфи, где увидел 109-й и 110-й пароходики, на верфи выстроенные; последний для лоцмейстерского ведомства. Работа хороша, только сталь для частей машины из Англии. Крытый эллинг, в котором можно строить вдруг пять пароходиков. Смотрел с целью сделать это миноносной верфью. Пристойный финляндец, бывший у *Yarrow* [Ярроу], показывал мне всё заведение вместе с юношей, учившимся в артиллерийском техническом училище и здесь заведывающим механическою мастерскою.

Мы здесь приняли 500 пудов угля. Прошли на другой остров, где у водопада механическая мастерская (сборочная у верфи) и литейная. Здесь наши чичероне показали нам парабоидальные рефлекторы, производимые из смолы верчением смолы. Вместо силы – вода, текущая из бака. Через установленные зеркала светило отражается в фокусе параболы чрезвычайно ясно.

Gentleman [джентльмен] предлагал это в Англии и теперь, когда своя рука владыка, приводит опыт в исполнение.

Отсюда перешли на третий остров, где сила воды наиболее приложена. В двух зданиях четыре пары четверных пил, в третьем – мукомольная мельница, в четвертом – плющильня. Навалены целые холмы опилков, употребляемых только на простые печи. В канал бросать не позволяют. Подтаскивают бревна по воде и спускают на воду, т. е. на суда, доски. Вальки делают на заводе и очень просто. Вообще, работы разнообразны – железоделательные, строительные, механические, включая машины и земледельческие орудия, производство досок, помол хлеба и проч. Рабочих от 240 до 1000 человек, смотря по заказам, но 240 можно считать кадровыми. Им отводят домики. Народ трезвый. Приятно видеть столь много полезного труда при небольших средствах. Артиллерийский воспитанник продает порох для охоты. Бывший в Англии совершенный *Gentleman* [джентльмен] нас не беспокоил работой до утра и жене поднесли букет. В литейной отливают до 400 пудов. Охота, не скучают.

22 июня

В 7 ч. утра вышли из интересного и гостеприимного Варнудена. Скупость графа Гейдена. Снова возвратились в Нейшлот и взяли к Осту. Дошли до знаменитого Пункагара, знаменитого в туманном и густом соображении и воображении финляндцев. Дорога от трактира бежит по дамбе (природной), отделяющей два озера. Ничего обыкновенного. По этому хребту мы и покатили в экипаже, высланном из кр. Нейшлота, а за нами Дерибас с Кузнецовым в тарантасе. Граф Гейден захотел непременно проводить нас на руле. До 3-х часов утра ехали по прекрасной дороге скоро. По приближении к Ладожскому озеру, местность стала живописнее. Запыленные, после 9-ти часового почтового бега, мы прибыли в Якимвари. К берегу озера населения было побольше.

23 июня

Как тать подкрался к «Ильменю», стоявшему Бог знает, где в великолепной бухте Якимвари. Застал своего деликатного командира в моей постели. Разбранил и тотчас велел сниматься. Через 3 часа сам ввел пароход в живописную бухту на Валааме и тотчас приступил к осмотру этого чудного памятника борьбы человека с жесткою природою.

Не дух подвижничества, не память святителей, чтимых суеверными поклонниками, а торжество силы воли, урегулированной дисциплинированной, истинно немецкой – вот что приковывает внимание на Валаам. Прекрасные здания, великолепные дороги между церквами и хозяйственными учреждениями, механическое заведение с замечательным подъемом воды на 19 сажень, литейный, мукомольный, лесопильной, гостиницы, фруктовые сады, огороды, конюшни – целый просвещенный мир, устроенный руками иноков послушных жесткой, но просвещенной воле.

На всей группе островов несколько скитов, все выстроены за последние 37 лет. Один главный монастырь стоит 90 лет вместе с собором св. Сергия и Германа, который теперь помышляют заменить новым, более просторным, ибо братии 300 душ. Работников до 200.

В день Сергия собираются тысячи поклонников. Всякий настоятель строил себе уединение. Тотчас к нему и дивная дорога, и посадка лиственных деревьев. Не глупо. Настоятель Ионифан, механик, и сделал водоподъем. Отец садовник развел такую землянику, вишни, яблоки и проч., что заслужил медали на выставках. Развели прекрасных лошадей. Свои золотари, весьма не дурной живописец с учениками уже.

При строгости в пище и материальности вообще, чудный северный Эдем. Душе не только любо, но мило и истребление монастыря Шевалье де Лагарди, как пожар Москвы, послужило к украшению. Жизнь строгая и уже не посылают во флот пьяниц, как в моем детстве. Сами монахи то отвергли. Есть пароходик и два допотопные галиота для обихода своего, между островами. Такой везде порядок, что хотелось бы, чтобы в моем ведомстве хотя часть была бы подобного. Садовник (он же и доктор) до того влюблен в свое дело, что хочется обнять его симпатичную полувдохновенную фигуру.

Выходя, дурень командир, только что со мною входивший и не знавший, что от Никольского острова и сруба у него не должно проходить ближе 50 сажень, вопреки указанию лоцмана, побежал полным ходом и задел килем за сруб, а главное, удивился, что велел застопорить машину.

Нужно весь пароход разметать.

24 июня

Под конец путешествия покачало.

Опять командир думал идти наугад, но я не спал целую ночь *et j`avais l`oeil* [высматривал]. Велел учить рулевых править самостоятельно фарватерами.

В 3 ч. вошел в исток Невы мимо жилища Ивана Антоновича, теперь возобновляемого для Сашки Юрковского и других негодяев. К 8 часам утра стали у Александровского моста. С удовольствием оставил тошный «Ильмень».

Дома был встречен неприятным известием. М. А. Пещуров получил пощечину от писаря эмеритальной кассы, которому делал замечание вследствие выказавшегося подлога.

Грустное происшествие.

26 июня

В Совете министров представление об артелях дворников графа Толстого. Я не видел ничего необыкновенного, что дворников явно хотели сделать полицейскими и предлагал решить вопрос утвердительно, выкинув из него все требовавшее новых

узаконений и придав нечто, способствующее развитию между артелями соперничества. Победоносцев понес об опасности, о монополии, об общих собраниях дворников и, наконец, о том, что артели поглотят полицию. Что видели в этом мои коллеги, не знаю, только положили возвратить представление для дополнения.

27 июня

Видел великого князя. Просто бесит своею леностью и равнодушием. Рассказывал ему об «Ильмене» и Деливроне. Он вспоминает, что он был исправным офицером и посмеивается.

29 июня

Болен.

30 июня

Доклад великому князю. Полнейшее равнодушие. Что из этого будет? Вчера государь возвратился из потешного своего путешествия. Доволен яхтами, в особенности Тудером, я готовил лоцманов, транспорт, вдобавок снабжавший всех углем. Так всегда судят только по впечатлению глаз.

2 июля

Доклад у государя. Тудер показал ему виды. Что сделано на описном финляндском пароходе, должно быть и на «Царевне». Опять по-детски.

Государь читал показания Добротворского. Я просто в тупик стал: посоветовать ли простить, как преступников, отказавшихся уже от своих замыслов, или всех высечь за то, что допустили к себе мысль об измене.

Странно, что государь проводит время над такими политическими сплетнями. Какие это доклады.

Испросил повеление на пенсии и чины, а о ходе дел не говорил ни слова.

Алексей, со своими ленивым умом и материальным воображением, торопится куда-то и время проходит в пустых воспоминаниях. *Mais il faut être serieux et travailler pour Eux malgré Eux* [Но надо быть серьезным и работать для них не смотря на них].

3 июля

Михаил Николаевич, по примеру государя хочет прогуляться по шхерам и даже до Стокгольма. Предложил ему «Олаф» и велел командиру явиться.

6-го июля

После долгого времени решили пойти в театр, в Ливадии. Давали *M-me l'Archi Duc* [Мадам Арчи-Дюк]. Нужно быть юным или весьма старым, чтобы подобные вещи нравились. Смеялся однако ж костюму и фигуре *Roux* [Рыжий]. Охранитель

Самодержавия, Плеве смотрел с участием любителя, как издевались над властью, вдобавок деспотическою и в особенности над двором. Не понятно. Пошлую книгу запрещают целым комитетом министров, а пьесу, представляющую власть в самом смешном и глупом виде, разрешает полиция. Забывают, что книгу мало кто прочтет, а пьесу слушают все и что театральные пошлости врезаются в поверхностные умы глубже – пошло высказанных в книге бредней.

7 июля

Все ломаю голову, как бы занять офицеров и людей. Для этого придумал общие действия всех плавающих, разделив их на два враждебных отряда. Это будет продолжаться неделю, а потом кончится общими маневрами в присутствии государя. Не знаю, утвердится ли всё это свыше.

9 июля

Доклад прошел очень скоро. Может быть, государь несколько обиделся, что на прошлом докладе, по поводу заговорщиков, я напомнил ему, что два года назад, во время смотра в Транзунде было получено письмо анонимное о готовившемся покушении на его жизнь. Нужно быть осторожнее. Но говорят (и нельзя не верить), что Головачов пользуется слабостию Алексия и шутовски, за завтраками, осуждает всё, что я делаю. Я предвидел это. Не знаю, сумею ли воздержаться, но, во всяком случае, не намерен быть под выстрелами какого-либо шута.

10 июля

Смотр Алексея «Баяну», «Пластуну» и «Мономаху». Все шутки и завтраки.

12-е июля

Торжественная закладка «Адмирала Нахимова» в присутствии государя. Убрано превосходно. Бюст, портрет Нахимова и его флаг – покрывало. Щиты с именами всех судов, выстроенных заводом. Великолепные закладные доски. Эффект удивительный.

Забыл я в суматохе вспомнить, что это горький для меня день кончины Нади. Прости душа души моей. Добрые минуты только те, когда приходит на память призрак твой.

14 июля

Был на пробе Мономаха. 15,5 – вот его ход. Шаг винта даром переменяли. Струйка в носовой части, под бронею и инженеры уверяют, что от хода. Было замазано цементом; значи,т знали до входа в док.

Прошел северным фарватером. «Александрия» не может войти в порт. Нужно поставить на якоре так, чтобы прямо вышла в ворота и вести западным каналом.

16 июля

Входя сегодня с докладом, застал государя и великого князя Алексея сконфуженными. Будто между ними был неприятный разговор или они говорили обо мне. Опять заметил, что государь читает с жадностию дитяти. Говорили о записках Литке.

Тотчас отправился в Биорк-э. Погода дождливая. Прошел Равицким проходом, оставя наставление Пилкину обозначить мне будущую позицию маневров. Вечером стал в Транзунде среди странно расположенной эскадры.

17 июля

«Аскольд» свез кадет. Воспитанники возмужалее матросов и млели, как девушки в период возмужалости.

«Дождь» исправился своими средствами. Велел идти в Кронштадт.

Чихачов говорит, что миноноски атаковали его ночью мало.

Рекруты на «Изумруде» пребравые.

На эскадре занимаются усердно и много.

Все традиции потеряны и нет руководств.

18 июля

Осматривал укрепления. Транзундский редут грозен, но всех лучше скрыта батарея при входе в пролив. Её сбить нельзя. Вообще, мало мортир.

Офицеры на судах живут неопрятно. «Баяну» велел сняться с якоря. Просто срам.

Воротившийся из Биорк-э Меншиков привез известие, что две миноноски столкнулись, и одна пошла на дно. Даром уменье не дается.

19 июля

Ночью перешел в Биорк-э. Тотчас съездил на подъем потопленной лодки, потом взял длинный «Жемчуг» и «Лазарев» и убедился, что маневр на рейде эскадрою возможен. Чихачов был со мною.

Засвежело и опыт с пушками не удался. Должны были прекратить. «Африка» продолжает держаться в порядке.

20 июля

Утром оставил Биорк-э и возвратился в Петербург. Илья взял свое. Громом убило двух солдат в Красносельском лагере.

22 июля

Целый день в Петергофе. Завтракал при дворе; вечером ходил (после 50 с лишком лет) смотреть иллюминацию. Часть иллюминовки у *Monpleaisir* [Монплезир] была освещена артистически. Танцовали до 4-х часов, но я на бале не был.

23 июля

На докладе государь сказал, что получил известие о смерти Э. Т. Баранова. Одним хорошим человеком менее. Решили завтра идти с великим князем к эскадре.

24 июля

Был на панихиде по Баранове в доме Адлерберга.

25 июля

Утром, на «Неве» отправился в Кронштадт, где тотчас пересел на «Владимир Мономах». Туда же скоро прибыл великий князь и мы пустились в путь. Бежали по 15,8 узла. «Олаф» и «Стрельна» за нами. В Биорк-э капитан хотел взять лоцмана, но я приказал идти без него и сам сторожил вехи. К обеду (7 часам) прибыли благополучно в Транзунд.

Два человека утонули, купаясь, и Меньщиков погорячился.

26 июля

После разных осмотров и пальбы в цель, на которой оказался негодный порох, съехали на остров, где недавно жили Коробочки, излюбленные всем флотом. Теперь остров купил русский и начал драть за всё.

27 июля

Чудный день. Празднуем сотворение мира – первую победу флота при Гангуде. Молебен.

28 июля

Различные ученья, осмотры и т.п. Офицеры начинают шевелиться.

29 июля

День отдыха. Перед обедом съехали гулять на материк и совершили длинную прогулку; в других отношениях провели день по-воскресному.

30 июля

Утром, натешившись в Транзунде, снялись с якоря. Эскадра вышла первою и на взморье осторожно маневрировала. Вслед за нею снялся я на «Олафе». «Мономах» сорвался с цепи через некоторое время и скоро обогнал нас. Через два часа прибыли в Биорк-э, прямо приступили к опытам над скоростными орудиями и настоящею миноноскою. Внешний эффект Норденфельдов над Гочкисом не поразителен. Последний, по-моему, палил метче, по оплошности командира «Чародейки», миноноска затонула среди эскадры. Все командиры и офицеры присутствовали на «Африке».

31 июля

Выходили в море стрелять. Эскадра прошла мимо нас и потом от неё отделились «Светлана» и «Баян», щегольнувшие старыми парусами. Смотрели заграждение на «Чародейке».

В 12-м часу снялись с якоря и пошли в Кронштадт.

1 августа

С утра в Кронштадте осматривал суда, в особенности «Дмитрий Донской». В 11 часов пришел на рейд «Мономах». Великий князь так же съехал на «Донской». Побегавши по судам, отправились каждый на свою яхту, и пошли в Петербург, где я обнял мою бедную отшельницу.

2 августа

Был назначен в Красном Селе парад войскам в 11 часов, и собрались из Петербурга *tout ce qu'il y a de plus hupé* [все кто мог, и даже больше]. В 4 часа утра государь встал, сел на коня и велел пробить тревогу. Объехавши войска, он пропустил мимо себя их церемониальным маршем и в 7 ч. утра все было кончено. Приехавшие опоздали.

5 августа

Тело графа Баранова встретили на Сергиевской станции. Был государь и вся мужская часть семейства. Полчаса шли по пыли в монастырь и там, после коротенькой панихиды, опустили тело доброго человека в могилу...

Государь был ко мне очень внимателен.

Назначены наши маневры 15-го. Впрочем, завтра все решится окончательно.

6 августа

В первый раз в неприглядном Красном Селе. Преображенский праздник. Государь решил, что маневры 15-го.

Ездили в Павловск и катались по чудному Павловскому парку. Попов *faisait les heunneus* [был счастлив].

7 августа

Взял все царские яхты и с ними ориентировался на северном фарватере. Переставил лодки и мины. Обозрел 4-й бастион. Всего был лучше государю смотреть с него.

Яхта принца Монакского, сидевшая в Швеции на камнях, пришла в Кронштадт и потом в Петербург.

Вместо покойного Баранова назначен Абаза. Неужели Алексей решился передать государю мои неоднократные указания. Увижу, ошибся ли я, что Абаза будет мне помогать.

8 августа

До сих пор наша комиссия о суждении военных политических преступников не повела ни к чему. Оржевский, по-прежнему, пишет того-то исключить, того-то можно оставить. Возвратившийся Толстой задерживает дело – и понятно, у него хотят отнять или притупить орудие запугивания. Набокова склоняет, но тот колеблется и, кажется, хочет согласиться с нами. Не знаешь, как мириться со своею совестью. Двух исключил, потому что те сами сознались; но сознаются все и все, сговорясь, конечно, утверждают, что и Суханова козни все распылись и кончились.

А я хочу утомлять офицеров. Маневры – одно из средств.

11 августа

С «Державою» и «Царевною» пошел в Биорк-э. Там расставил обе яхты по местам, которые они должны занимать с государем и заставил себе рассказать пруэсы отряда Пилкина. Молодежь вошла в азарт и норовила обмазать адмиралов. Все это игра, но вынуждает к бдительности.

12 августа

Рано утром съехал на место десанта, определил, где его свозить и где устроить пристань для государя. Чуть не сел на мель с «Державою»; так дурно ворочает. После молитвы снялся. В море встретил «Донской», который обогнал нас, хотя не мог поднять полного пара. Встретил также и «Генерал-Адмирал», наконец, вышедший. Переговорил с адмиралами и пошел с «Варягом» в канал, откуда домой.

Не мало мне стоят труда предстоящие маневры.

13 августа

Маневры отложены на один день. Верно, шепнули, что в Успение драться не следует.

15 августа

Утром отправился в Петергоф, где получил последние приказания великого князя Алексея и перешел в Кронштадт. Поверил ещё раз поле действий у северного фарватера и возвратившись, поместил жену на «Олафе». Скоро показалась «Александрия», и я пересел на «Державу» для встречи государя. С ним императрица, принцесса Ганноверская, великий князь Владимир, Лейхтенбергские, Ольденбургский и, разумеется, наследник и Георгий.

16 августа

Утром, с Державой, Олафом (адмиралы) и Красной Горкой (офицеры) перешли на северный рейд. Спать в каютах охотников не оказалось.

С часа подошли мелочь-яхты и стали вокруг нас. Эскадра Пилкина (пять судов), забросавши ночью фарватер у Толбухина, уже двигалась к северным укреплениям в стройной линии.

Погода чудная.

По сигналу от нас начали бой. С нашей стороны укрепления и флотилия Верховского громили Пилкина. Тот отделил «Чародейку» и «Жемчуг» наткнуться на мины. Обе взорвались от прикосновения. Пилкин начал отступать, Верховский бросился за ним. Чихачов, притянув Кумани из канала, рвал заграждение и уже показывался из-за косы, преследуя неприятеля. Мы с яхтами пошли в Биорк-э и на пути любовались, как «Мономах» дразнил настигнутого им и нами Пилкина.

Обе стороны хорошо маневрировали, но от «Мономаха» все отставали, и Пилкин успел скрыться в Биорк-э.

С эскадры Чихачова я велел выйти «Дмитрию Донскому», чтобы показать его государю. Сначала он едва обгонял нас, а потом вдруг – пошел по 15 узлов.

Воротил в Кронштадт и изъявил благодарность. Лишь только мы вошли в Биорк-э, Назимов по программе атаковал с севера остальную часть эскадры Пилкина, но вяло. Велели прекратить бой. Скоро подошла вся эскадра Пилкина и отставшие пароходы и малые яхты. Все разместились по диспозиции.

Вечером Назимов атаковал миноносками.

17 августа

Утро тихое, но не ясное. «Нахимов» начал атаку и, опоздавши всего на ½ часа, оставшийся на ночь в море Чихачов показался с юга. Грозный «Мономах» шел во главе колонны, за ним «Пожарский», «Крейсер», учебные корветы «Джигит» и «Генерал-Адмирал».

Пилкин, сделав прежде сигнал прогнать Нахимова, повернул суда на шпрингах и встретил Чихачова страшным огнем. Тот в море спустил паровые катера и, войдя на рейд, пустил в атаку миноноски лишь только застлало дымом. Пилкин – тоже самое.

Чихачов проходил, гремя все Пилкина линии. Грохот орудий, трескотня скорострелок и взрывы мин миноносок – хаос величественный и близко походивший к сражению. По сигналу с «Державы» прекратили бой. Пилкин переменил флаги, и всё стало мирно и покойно.

Свозили десант. Я комбинировал атаку окопов неприятеля. Должны были наступать ещё во фланг и потом пойти с фронта другою колонною. Неприятель взорвал бы фугас. Лишь только десант двинулся, ударили отбой. Государь боялся, чтобы кадеты не разгорячились, а я сказал, что великий князь Алексей *par jalousie m`a fait mangner le brevet de licutenant général* [ревностью заставил меня пропустить указания императора мимо ушей].

Вечером атака всеми миноносками линии Чихачова при электрическом освещении.

18 августа

Утром смотр. Государь обошел обе линии под штандартом и посетил некоторые суда. Общий салют 50-ти с лишком судов эффектен. Изъявлено удовольствие. Остались ещё на день *envoyant au diable la fête du régiment* [посылая к черту гулянье полка]. Смотрели греческий огонь, шар Верховского и водолазов.

В гребной гонке всего интереснее гонка тараканов с миноносок.

Верховский велел мичману Колбасьеву идти в воду с новым аппаратом, в сюртуке, как был. Императрица заохала. Государь стал уговаривать, чтобы не пускали, но я вмешался и сказал, что Колбасьева никто не нудил идти в школу, а раз что он в ней, обязан подчиняться. Добрый государь сам вынес ему коньяку и мичманок *n a pas fait la petite bouche* [не привередничал].

Этим всё кончилось и дурных ходоков я послал вечером в Кронштадт. Как раз за Чихачовым прибыла «Нева» с Монакским. Весьма пристойный и напущенно скромный Принц *marin retrograd* [морской ретроград], как он выразился, а я скажу ещё фат *marin* [морской] плыл *á pic* [в сторону пика] на скале у Карлскроны. С ним были очень милы, и когда вечером проводили на «Онеге» в Кронштадт, адъютант его, *avec un beau plumage et tout on bleudeciel* [с роскошным плюмажем и весь в небесно-голубом], повалился в шлюпку, лежал и стучал себя по ноге. Принц что-то ему сказал, и тот воспрянул; а Владимир уверял, что тот ему скомандовал maximum как *clown`y* [клоун]. Не знал я, что Владимир шут и рассеян. Он удивительно корчил Рыкачева. Рассказал, когда к нему представлялся японский посланник, он посадил его и вдруг запел *M^e^ L`ambassadeur et sa femme* [«Посол и его супруга...»]. Та представлялась великой княгине. Вообще разговоры были неизмеримо пусты.

Доказательством охоты и ребячества государя была его внезапная прогулка на новом катере, мною ему приготовленном. Я просил не ехать, он сказал, что только посмотреть, а лишь только я отошел, позвал императрицу, и вместе поехали.

У всех, кроме, впрочем, меня, прорываются грубенькие слова.

У меня разболелся зуб, и императрица ухаживала, сама давала чай и послала доктора Бирюлева. Вообще, были любезны, очень любезны, но я замечаю некоторую со мной сдержанность. Может быть, привыкают к трону.

Дюгамель распек наследника и Георгия, игравших на юте, приняв их за юнгов. *Les enfants de la Russie ont été mis á l`ordre* [Российские дети приучены к порядку].

Фантасмагория кончилась. Благодарю творца и верю покровительству моей забываемой мною Нади. <u>Ни одного несчастного случая.</u>

Наши адмиралы, по рассказам жены, всё время играли в карты, а воспретендуют на ценз первые.

19 августа

Снялись рано и к 10 часам были в Кронштадте. На пути царь принял доклад, благодарил, кого я указал, и мне повторил уже прежде неоднократно выраженную благодарность. Позволил проститься на яхте же с ним и с императрицею и отправился в Петергоф, а я в Петербург, взявши с «Олафа» жену готовиться к отъезду.

20 августа

Перед отъездом посмотрел работы в Адмиралтействах и разбирал нужнейшие бумаги.

23 августа

Стряхнул на месяц всякие служебные заботы. Мчимся на запад, без особой цели, просто проветриться и отрешиться от забот. С нами в поезде *precursors* [предвестники] путешествия государя в Варшаву обер-гофмаршал Трубецкой и Штормер. Последний преприятный железнодорожный собеседник для неиграющих в вагоне в карты. Смешил нас своими анекдотами об англичанах. Маневры в Виндзоре уморительны. Пехота подходит *flanc* [фланг] в рыло Королеве – и домой. Скачет кавалерия, осыпает королеву пылью – стоп и домой. Артиллерия дает в ухо королеве залп и домой. Кембриджский спрашивает, кто планировал маневры. *General Hill* [генерал Хилл] признается. *Ce n`est pas spirituee* [это бездушно), говорит Кембриджский. *Non ce n`est spiritual* [Нет, это духовно], отвечает, не обижаясь *Hill-Lord Garrington* [Хилл-Лорд Гаррингтон], выездивший 2.500 миль, чтобы быть членом кучерского клуба, стал президентом и его возят весьма нежно на скачки, править лошадьми запряженными в первый раз; одет по-кучерски.

Так коротали мы время.

25 августа

Ехал и знаменитый исполин Барятинской, веселый, будто сделал предложение любимому существу.

Родные сосенки сменились тополями, потом гладь восточной Пруссии и Берлин, стройный и фронтовой.

Велел Доможирову выехать на встречу и телеграфировать Алексееву, чтобы приехал в Баден. Мало по малу ландшафты становились разнообразнее; в Касселе просто живописно. Промчались мимо исторического *Wilhelmshöge* [Вильгельмшуге], где третий Наполеон философствовал по совершенным им дурачествам. Вечером были у Франкфурта и в 3-м часу ночи в Бадене. *Hòtel Angleterre* [отель Англетер] у подножия мило сердечного холма. Не ноет уже так жалобно душа. Неужели злая природа поставила законом уничтожать лучшие чувства?

26 августа

Утром были в нашей хорошенькой церкви. Мой дар уже скрыт от глаз, о чем я не горюю – поставлен в царский вход. Отслужили панихиду и взобрались к Наде. Показалось, что памятник покривило. Тополь разрастается и стоит один. Кипарисы вырыты и заменены розами. Один ведь я по временам (увы!) вспоминаю и горюю о ней. Пока жив, надеюсь на милость божию, будет всё в порядке; а потом? Милосердный господи, помилуй её, всё земное бренно!

Алексеев тотчас приехал. Дал известие о миноносках и рассказывал про подвиги Лихачева. *Mesquin jusqu`a la lâchete* [мелочный до низости]. Не передал ни одной бумаги, ни одного документа, а все собрано и выработано офицерами, при нем состоявшими.

Stefanien-bad [Купальня Стэфаниен] стал 4-х этажным дворцом, но сохранилось жилище, в котором Надя моя рассталась с миром. Полукруглый балкон с колоннами в том же виде.

Боже милосердный. Сохрани мне сердце мое.

27 августа

Дождливая погода не помешала нам взобраться к старому замку и потом, летнею дорогою мимо Меркурия, пробраться в Эберштейнбергу. К сожалению, наверху было даже холодно. Проехали далее к замку Эберштейн, в живописной долине Мурга. Осматривали помещение герцога и верхний сад его и возвратились домой. Все время дождило, но когда приходилось выходить из экипажа, дождь прекращался и ничему не мешал.

Утром до прогулки были у Нади. Велел одеть дерном скат от могилы к дорожке. Кругом и через дорожку все уже занято. Нет местечка мне горемыке.

28 августа

Виделся с Сельскими и Гротом. Концерт в *Kurhaus`e* [курортный зал].

29 августа

Утром простились с незабвенно-грустным для меня Баденом и через Штутгард, Ульм, Аунбург и Мюнхен отправились в Зальцбург. Ехали комфортабельно с обычною монотониею. В Аунбурге разцвещение флагами по поводу прибытия Крон-принца, что заставило меня верить толкам, будто старец Вильгельм послал его присутствовать на начальных маневрах, а сам будто на свидании.

Слава Богу, по приезде в Варшаву, государь не сказал ничего, изъявил только удовольствие быть в городе.

30 августа

О царе-имениннике дурных вестей нет, значит хорошо. Утро чудное. Гористая рама города во всем блеске. Отправились в Рейхенталь. Ничего старого в городе не

заметно *du premier coup d'oeil* [на первый взгляд]. Выехали за город, проехали полем битвы и вошли в начало возвышенности. Можно сказать, дорогой шли все холмики. Хорошо было в зипунах и шляпах, когда спускались в соленые подвалы. Труд большой собрать в них все соляные источники округа и потом гнать воду до Траунштaля. Рейхенталь соле-банный городок. На пути везде трубы, ведущие соленую воду.

Три ночи служебные сны преследуют меня.

31 августа

Весьма интересный день. Окружившие крепость с востока выехали по дороге к *König's See* [озеро Кёнинг]. Долины, потом холмы и далее почти ущелье *Walbirg'ом* покрытым снегом и глечером в фоне. Так доехали до Шеленбурга, миновав, как вчера, две таможни и проехали фокус соляного промысла *Bergstatgaden* [Бергстатгаден].

Здесь на холме, прежняя резиденция епископа, а ныне монастырь. Скоро уперлись в *König's See* [озеро Кёниг], взяли досчатую лодку и, миновав островок, пустились по озеру. Просто гигантская ванна с отвесными боками. Не за что зацепиться. Прошли до эхо, выпалили и вернулись назад. На обратном пути остановились в *Bergstatgaden's Werke* [Бергштатгенские заводы]. Секрет виденных вчера всюду труб для нас открыли.

Нас костюмировали – меня минером, а жену дебордером. Галереею в 1750 метров вошли мы в соляную гору. Все выложено камнем, исключая, где горная соль составляет стены. Местами деревянные подпоры, выстаивающие 100 лет. Может быть, отсюда вздумали солить корабли. Взбирались по тропам и дошли до соленого озера, кругом освещенного лампами. Здесь сели в лодки, полюбовались соляным фонтаном и, приставши к берегу, сели на салазки и скатились вниз к пещерам горной соли, также освещенным. Осмотревши их, сели в дрезину и прокатили 750 метров по рельсам до Божьего света. Соленых озер наделано 36. Их наполняют водою из разных ручьев по трубам; воду держат в озерах с неделю; она приобретает 27% соли и тогда её гонят в солеварни.

Горную соль добывают только зимою, когда нет путешественников.

Весьма любопытно. Вот день; прогулка в экипаже и пешком, в лодке, на салазках и на дрезине. Что человек не наделал; а ведь сам Бог велит обходить его закон, послал бури и непогоды, дал средство укрыться в шалаше, послал дождь – позволил выдумать макинтош и т.д.

Все охота философствовать лишь только сорвусь со скамьи.

На обратном пути рисовал очерк крепости. Взглянули на храм Петра. И старый город хорош и жалко было насидевшим епископам с ним расставаться по воле Барбароссы.

1 сентября

Благодарю творца, что в мои лета способен ещё восторгаться всем, что сильно действует на чувство. Сегодняшний путь из Зальцбурга в Ишль был для меня пир. Сначала поднимались в кручь и любовались Зальцбургом *á vol d`oiseau* [с высоты птичьего полета], потом впивали утренний воздух и не сводили глаз с указательного перста Шафберга. Мелькнуло озеро Фукель, потом остановились на Вельфганном и долго шли пешком вдоль его живописных берегов. Долина Ишля детски радовала. Не дикое горное место. Вечером прибыли в безмятежный Ишль, взглянули на *Curhaus* [Курзал] и прошлись по эспланаде. Обедали в трактире в стекольчатой беседке, *en public* [на людях]. Тем и кончилось наше знакомство с Ишлем.

2 сентября

Утром, обойдя эспланаду, познакомившись с городом *de long* [во всей его протяженности], отправились в путь. Все ущелье до *Fraun See* примечательно по красоте. Северный конец его – разверзтая улыбка вместо сдержанности южного. Выехали на долину и прикатили часом позже обыкновенного. Никогда не видел такого сумбура на станции. Остановились в *Hòtel Imperial*, 11 лет тому обновленного мною и покойною Надею. Друг мой бесценный! В суматохе жизни редко вспоминаю о тебе.

3 сентября

День свидания императоров.

Был у Штернена. Говорит, что строит два броненосца с артиллериею *en barbette* [в барбете]. Строят вдруг десять миноносцев. Машины хороши. Воспользовавшись чудною погодою, были в Пратере и обедали у Захера.

Писем, пока, никаких нет.

4 сентября

Ездили по городу. Очень мило было со стороны Греческой четы, только что приехавшей и узнавшей, что я здесь, пригласить меня обедать. Королева боится, что название начальника эскадры Средиземного моря, отвлечет наши суда от Греции. Я утешил её.

6 сентября

Теплый SO. Что-то щекотит в горле. Целый день провели в аллеях Шенбруна, солдатски выстриженных и не очень тенистых. Возвратившийся со свидания, император уже был в замке и удивительно с императрицею, скучной, по вчерашнему выражению королевы Ольги. Только авантюристу, спавшему здесь в постели цезарей, мог Шенбрун понравиться. Какая-то трущоба, заваленная городскою пылью, ибо слишком близко от города.

В *Volksgarten* [Волксгартен] встретили Танеева.

7 сентября

Жена уговорила взобраться на Коленберг, на котором появился Собиеский, спаситель Вены. Доехали до Нуздорф, а там сели на железную дорогу. Взобрались на лесистый холм, увенченный замком и вплоть к нему – трактиром. По холму тенистые дорожки и далее, к Дунаю, другой холм. Скверно пообедали, зато любовались просвечивавшею в паре Веною. Вид обширный, пожалуй, величественный, если смотреть историческою памятью. Спустились в Нуздорф пешком.

Получил письмо от Чихачова. Неповиновения в командах начали повторяться; еду на встречу такому, на «Воине».

Решили мчаться до Галаца по железной дороге, чтобы быть там 12-го утром.

Погода изменяется.

8 сентября

Один из подозреваемых, мичман Ребиндер, посланный мною в Каспий, хотел бежать из тюрьмы (за что его туда посадили?) и был убит. *Ça fera jaser* [Пойдет молва].

Видел Лобанова. Очень доволен свиданием и говорит, что всё обошлось благополучно. Мария Павловна сама напросилась, основываясь на том, что была на свидании 3-х монархов в Берлине в 1872 году и тогда была помолвлена. Что же, спросил я Лобанова, она хочет, чтобы трех монархный съезд был памятью её развода?

Все расчувствовались, но будет ли польза от чувств?

Гурко, говорят, в руках Корнилова и с женою всех огорчает.

Лобанов заговорил о Шувалове. Я рассказал доктрину Шувалова, провозглашающую самородок также истинного ума, и спросил, сделал ли он что-нибудь, выставил его леность и, наконец, слабость физическую.

Давал Лобанов читать письма Марии Федоровны о Павле Петровиче, переданные ему покойным царем. Уговаривал Лобанова самому составить исторический очерк из всех собранных им документов о Павле I.

9 сентября

Утром оставили Вену по железной дороге в Пест. В начале путь плоский, потом начинаются холмы. В Пест прибыли вечером.

10 сентября

Явился лейтенант барон *Lazzarini* [Лазарини] и поехал вместе в *Ofen* [Офен]. У Дунайской компании 182 парохода по Дунаю и его притокам и флот под грузом. На верфи 2000 рабочих. Теперь общество дает дивидент, а на Дунае жалуются, что оно монополист. Инвентарь 40 миллионов гульденов. Все служащие австрийские подданные. По маркам остров наводнили на 5-6 фут. Всё судостроение и котлы – сталь; даже топки стальные. Большие ковки покупают. У общества в Песте

замечательные плавучие пристани из двух, разделенных на *compartiments* [секции] цилиндров.

О-ва Маргариты с серными ваннами, кургаузом, рестораციею и проч. принадлежит Эрц-Герцогу Иосифу. Просто чудный парк. В 11 часов, позевавши на Пест, отправились чугункой в Галац.

11 сентября

Утром, прошли сквозь Румынскую таможню и мимо Железных ворот Дуная, покатили по стране нищенского варварства вполне восточного. Степь, палит, как в печи, и вдобавок везде грязь. Вечером прокатились по грязнейшему и убогейшему Бухаресту, – ну уж Левантский Париж. Какая-то просто давка и жители все называют короля князем. Самим неприглядно. Кучера-ямщики все русские и все скопцы из Бессарабии. Их здесь не трогают. Всё остальное в трактирах, буфетах и т. п. говорит по-немецки, а давно ли всё пахло Русью. Нет, не нам колонизировать. Мы же дали даже конституцию, а нас не помнят, и не любят.

Продолжали путь.

12 сентября

В 6 часов в Галаце. Встретили консул Романенко и командиры станционера и «Эльбруса», за мною присланного. Тотчас на пароходе и снялся. Отъезд великого князя зависит от дня открытия канала. Пошли вниз по отцу Дунаю и скоро миновали нашу границу. Прут с Ренни и памятью о воре Соловьеве.

Теперь уже не так. Везде искусственные откосы, направляющие течение; строгие правила и крепко повинующиеся им лоцмана. Исакчи, живописная Тульча – только на нашем береге едва показывается колокольня. Подойдя к западной оконечности, начали писать мыслети и два раза уткнулись.

Теперь прорывают крутой и прочный канал.

14 сентября

Снялись с якоря и поплыли в Севастополь. Великий князь выезжает 17-го. Погода грязная. Всё время дождь и у Тарханкута – SO. Покачивает. Согласно ожиданию, очутились среди эскадры Дикова.

15 сентября

В 8 ч. утра вошли в Севастополь, в тишь и гладь. Тотчас же отправился на постройки. Довольно успешно и приготовления к церемонии уже делаются.

Чертежи положительно останавливают работу. Осмотрел все адмиралтейство. Устраиваются, будто не мечтают о передаче. После завтрака смотрел прекрасную и разумную модель доков и самые доки. Чрезвычайно интересная работа. Два затруднения – просачивание воды в доке и обвалы земли. Одолевают первое и будут

устранять второе, откапывая гору по мере кладки стен. Осмотрел лазарет, обошел линию казарм и посетил тюрьму. Кажется, мы сделали школу баловства. Нужно переставить тюрьму. Слишком много развлечения.

16 сентября

После обедни проехались по городу на исторический бастион. Зелень разрастается. В городе вымощена вся круговая улица и несколько спусков. Сделан также пешеходный подъем, как в Мальте. Вообще, Севастополь оживает. Взглянули на храм св. Владимира. Остается в верхнем обложить стены мрамором и устлать пол. Ездили в Херсонский монастырь мимо Карантинной бухты, где вовсе некстати сделан минный склад. Можно забросать с моря бомбами. На месте не крещения Владимира, а подвигов Евгении воздвигнут большой двуярусный храм с мраморными колоннами и цинковой крышей. От обители к морю разведен садик, а от храма на восток делаются раскопки – открывают целые улицы. Ничего особенно замечательного, кроме систерн для воды и остатков кирпичного водопровода. Встречаются грубые мозаичные полы и их разворовывают. В музее несколько досок с надписями, а в квартире настоятеля – браслеты и другие украшения.

Ходили по площади у Графской пристани, любовались *squar-ом* [сквером] и потом пошли осмотреть, нельзя ли сдвинуть «Русское общество» к югу, а нам прижаться к Графской пристани.

Ещё раз взглянул на корабли и док. Последний видел *a vol d`oiseau* [с высоты птичьего полета], взбираясь к памятнику моего учителя. Благо мне будет, если удастся всё возобновить. Да поможет мне Господь и благословение моей Нади.

Обошел берег южной бухты. Нужно будет от эллинга подравнять насыпкою – образуется место для судовых магазинов. Каждому свой и шлюпочные на три или четыре. Осмотрел доки плавучие. Был на поповках – сдали болты центрального поддона от выстрелов. Показал жене братское кладбище. В храме все образа испорчены. Тотлебену приготовлено место повыше Кислинского. Между инвалидами нашел сослуживца по «Фемистоклу» – Будовского.

Получил депешу, что великий князь выезжает завтра и снялся.

18 сентября

Прекрасная погода Севастополя, скоро по выходе обратилась в NO, постепенно свежевший и уже ревевший у Тендры. Вовремя проскочили Киркенитский залив и в 9 ч. утра вошли в лиман. «Батум» стоял, будто не ожидал меня, и не мог выйти за мною. На пути дурацкая баржа потребовала помощи. Оказалось, что не было рук поднять якорь и паруса, а дурак шхипер просил отбуксировать к форту, хотя ветер дул туда на фордевинд. Подняли скоту якорь, поставили паруса и пустили по волнам. К 2 часам пришли в Николаев, где встретили все власти. Поблагодарил и остался на пароходе. Не выдержали и прокатились с женою по посеенному в поле городу.

19 сентября

Разумеется, первый визит на корабль и в адмиралтейство. Очень доволен. Всё идет успешно. Осматривал казармы и приют. Обедали у Главного командира.

20 сентября

Продолжал осмотр. Был на «Ливадии», этом памятнике своеволия. Все разрушается. В великолепной отделке ничего нет морского. Все выцветает и трескается.

У меня обедали все власти 24 человека. Повторю: в прежнем черноморском флоте все было ½ веком вперед.

21 сентября

В 7 ч. 20 м. утра поехал навстречу великому князю Алексею на станцию железной дороги. Тотчас начали говорить, приглашать ли Константина. Поборовшись между чувством приличия и уверенностью, что Константин произведет скандал, не выдержит, решили пригласить в сильной надежде, что приглашение принято не будет.

Старался убедить в *l'indolent Grand Duc* [беспечный великий князь] завоевать сердца, склоняющиеся здесь к его предшественнику. Обещался.

На вокзале представление, потом завтрак.

Осмотрели казармы, приют и госпиталь. Просил о докторе Есипове, введенного в подозрение глупою женою.

22 сентября

В 10 ч. утра торжественная закладка «Екатерины». Все прекрасно и хорошее предзнаменование в кавалерском празднике ордена св. Равноап. кн. Владимира, девизом коего – польза, честь и слава!

22 сентября

За завтраком великий князь сказал, что Грот просит увольнения, как сухому сердцу, руководимому разумом, надлежит. Анекдот, как земля на луну полезла по поводу затмения (слова великого князя Владимира). Подробный осмотр адмиралтейства. Прекрасные виды Боголюбова сложены в неотопляющемся магазине.

Были на ракетном заводе. Весело смотреть на охотника своего дела, на генерал-майора Нечаева. Заведение делает боевые и спасательные ракеты. Может производить их до 10 000 в год, но теперь не делает более 3000. В 10 ч.20 м. началось полное затмение луны. Ездили с женою на обсерваторию. Диск был хорошо виден, что астроном приписывал отблеску облаков на горизонте по направлению от нас к луне.

23 сентября

После обедни отправились в Севастополь. В кортеже «Эльборус». Минный отряд снялся вчера ещё, чтобы торжественнее встретить нас. Великий князь пригла-

сил с собою Лисянского, начальника штаба и капитана над портом. Шли все время штилем. Ночью, из Киркиниста, по обычаю немного зевнуло.

24 сентября

В 8 ч. утра вошли в Севастополь под флагом генерал-адмирала, если не ошибаюсь, впервые поднятого великим князем Алексием. Погода дивная, город разцвечен, установленные мною суда серпом и салютующие – очень эффектно. Оба парохода стали на назначенные им места. При этом обратили внимание на таможенный *Palazzo* [дворец] и, который хотелось бы отнять.

Власти представились. Тотчас съехали в храм служить панихиду. Словно всё время поминали брата Петра.

Переправились к докам, где с водосвятием закладка. Великий князь обращал на всё и всех внимание. Поздравил рабочих. Церемония сопровождалась громом пушек. После завтрака подробный осмотр адмиралтейства и кораблей. Уже кто-то шепнул августейшему, что можно будет оставить адмиралтейство в руках общества. Вечером танцы и гулянье на Козарского мысе. *La ville se prête aux fêtes* [Город наполнен праздничным духом].

25 сентября

Торжественный для Черноморского флота день. При раскате орудий, стечении всего Севастополя и всех прибывших чинов заложили «Чесма» и «Синоп». Хотя это несколько дело рук моих, ни малейшее самомнение не овладело мною. Общество превзошло себя. Между украшенными флагами кораблями были щиты с надписями кораблей и командиров, участвовавших в Синопе и Чесме. Мастерская банкета была убрана прилично портретами и бюстами. На самый банкет пригласили всех старых Черноморцев, дали им особый пароход «Пушкин» и даже собрали всех ветеранов.

Спичи открылились фон-дер-Флитом, предложившим здоровье Алексия. Бойко, восторженно ответил великий князь тостом за славу моряков от Петра до Синопа.

Я сказал речь, здесь прилагаемую. Все были в восторге. Вечером стена горела надписью Боже царя храни! Все суда были освещены, город также. Не забыл доки и осматривал все миноноски.

26 сентября

Утром выходили в море с минным отрядом. С «Пости» неудача. Стреляли болванками. По-моему, они имеют будущность. Клали заграждение. После завтрака осматривали поповки. Бистром представлял свою работу о мобилизации. На депешу великого князя государь отвечал так, что вышло *paraphrase* [парафраз] моей речи и приготовленного мною приказа. Случайность ли это? Великий князь не показывал мне своей депеши.

Подписал приказ, здесь прилагаемый, и в 12 ч. отправился с князем Голицыным и губернатором Всеволожским на охоту. Кажется, на всех произведено приятное впечатление. Барски всех кормил и со всеми был любезен.

27 сентября

В 7 ч. утра поехали берегом – любоваться прелестями Крыма. Заезжал к Милютину, который советовал явиться и к великому князю, предварительно спросивши, желает ли принять меня, что я и просил сделать Фан-дер-Флита, отправляющегося завтра. О Милютине говорят, что он очень встревожен выставкою в Ялте и хочет получить премию за вино, а он и ухом не ведет и даже отказался быть на открытии. *C'est ainsi qu'on fait l'histoire* [так делается история].

NB! Зарубить, что на миноносцах, выходивших навстречу Константину, которого ждали в Севастополе к Михаилу, демонстрировали криками «Ура!».

Остановились в дорогой «России».

28 сентября

По предварительным сношениям поехал в Ориенду. Великий князь Константин *a été charmant et voulu me charmer* [был мил и пытался очаровать меня]. Показывал убранство своей хижины – артистическое; толковал значение картин, которые я не раз уже видел, хвастал временной столовой в развалинах и вообще уменьем довольствоваться. Завтракали с семьёю. Особенно тешился своим Вениамином. Попов и Кази при нём неотступно. С аффектацией он высказал мне, что принимает меня, как знакомого, и знать не хочет, как министра. Ни слова о флоте, о недавнем торжестве. Будто их не было. Я очень ему благодарен.

Осмотрели Ливадию. Образа X века. Поднялись к Эрикликскому *hermitage'y* [эрмитаж (сад уединения)]. Здесь только с одной точки вид на Ялту.

29 сентября

Осмотрели Орианду и Алупку. В последней русские гобелены времен Екатерины. Симон Воронцов много прибавил к разным коллекциям. Прошли библиотеку и сад.

Сдержанность великого князя с Дюгамелем и мною рушилась на Лисянском. Прорвало, и он наговорил кучу вздора о Русском обществе.

Обед у головы Врангеля.

Поездка на Учан-Су по верхней дороге и спуск по нижней. Много я видел таких спусков. Туман, беспрестанно набегавший, мешал нам любоваться.

Вечером говорили о великом князе. Попов передает ему всякие пустяки.

Голицын говорил, что охота великого князя кончилась ничем. Он приехал сюда с испанским посланником.

30 сентября

У великого князя Лисянский *a payé pour tout le monde* [заплатил за весь мир]. Просто разругал.

В 8 ч. утра выехали в Симферополь. Губонина приняла нас по-русски – чайком. Любо слушать, как мужичка понимает надобность воспитании + чернорабочества, – и видеть изящный вкус в мужичке. Удвоила парк *il a tout embelle* [молодец] и дает дело 200 рабочим. Стоит ей 230.000, но с вином на 80.000. Дешево.

Дорога из Алушты на Симферополь чудная. Желтый цвет деревьев восхитителен. По ту сторону гор осень впереди на две недели. Последнюю станцию промчались вихрем. Скоро подошел поезд, и мы тронулись в 8 ч. в Петербург.

3 октября

В 11 ч. в Петербурге. Север дает себя чувствовать, но не очень. Отдыхал целый день.

4 октября

Акт в Морском корпусе. Являлся к Алексею.

5 октября

Представлялся к государю и императрице – и заставил ждать первого. Возвращаясь, говорил с Алексеем о предположениях. Соглашается. Находит Андреева несоответствующим делу (Зубкова ради). Дубасов затеял переписку с Сувориным и печатно вызывает его на дуэль. Упрямый осел.

Представлялись вновь выпущенные. Я говорил в это время с императрицей.

7 октября

Дубасовская полемика чуть не заставила меня потребовать «Африку», чтобы доказать, что она стала на мель по вине командира. Подумал и поехал в канал. Там нацепил себе баржу и несколько катеров, велел им закрепить рули и остановить машины и провел их на своем буксире каналом весьма легко.

Грота спустили. Хотел чересчур сильно поколебать основы и зло IV отделения. Вооружил и старцев опекунов, и женщин начальниц. О самом спуске разные версии. Увидим. Пока дали рескрипт, но сухой, как самый субъект рескрипта.

8 октября

Боюсь надоесть государю моими сопротивлениями и возражениями. А это, говорят, было; но, очевидно, становится твердым в однажды высказанных воззрениях. Спросил, можно ли сделать исключением для морских предприятий из общего правила недопуска кумуляций. Дозволил представить о Жандре, но не обещался согласиться и прибавил, что одно исключение поведет за собою другие.

В разговоре с Алексеем обделал дело насчет парусных яхт (и государь согласился) и насчет Головачова.

9 октября

Заседание в Комитете министров.

Исключительная опека над Шиповым, с отнятием на 6 месяцев у кредиторов права жаловаться в суд на удовлетворение по делу Панаева.

On est covenu qui on devait éte large [прислали большой долг]. Правительство изменило условия торгов после торгов. Тимашев сделал фальшивый или ошибочный доклад; покойный государь утвердил. Следовало бы взыскать иск Панаева с Тимашева. Назначили особую комиссию определять потери Панаева, требовавшего 150.000. Комиссия присудила 37000, а мы – сто тысяч. После Скерневицкого свидания австрийский император собирал совет, не перестать ли Австрии вооружаться против нас. Решили отдаться и войском, в случае нужды, Германии.

10 октября

Ходил в Кронштадт и ещё раз доказал, что ход каналом довольно удобен.

13 октября

На докладе у великого князя нанес первый удар Гвардейскому экипажу. Должность командующего судами уничтожается; все парусные яхты, размножавшие вредных командиров, сдаются к порту. Если пройдет у государя, буду считать себя счастливым. *Il n`y aura plus de chers fainéants* [Не будет больше дорогих лентяев].

14 октября

Визиты. Жандр чего-то ждет по поводу его проекта.

15 октября

На докладе представил государю апотеоз Севастопольских празднеств. Лично передал их императрице и наследнику, совершенно ещё под ферулою Даниловича. *A propos* [по поводу] августейшего воспитания, императрица читала вместе с государем записки Ф. П. Литке, сжалилась над Константином и дивится, как из него не вышло чего-нибудь хуже.

Говорил с Гирсом. Он предлагает от нас эксперта в конференцию о Конго и хвастает, что англичане уступают нам даже южнее Серакса в Среднеазиатской границе, но не соглашаются только на Теоджит, а *Lessart* [Лизарт] именно стоит за него. Скерневицкое свидание прошло счастливо. Предстояло затруднение свести императрицу с Бисмарком, который *a homme d`esprit* [человек духа] унизился при первом свидании, потом прикинулся весьма тронутым вниманием императрицы к сыновьям, *l`a approche pas`a pas* [они сближались шаг за шагом] и кончил тем, что

завел пружину хохота. *Il ne veut pas la Sainte – alliance, parceque le mot n`est plus de notre temps, mais alliance pure et simple* [Он не хочет Священного Союза, потому что речь не об отношениях сегодня, но о чистом и простом союзе].

15 октября

Арестовали важного вожака Лопатина, который закричал при аресте во все горло; скажите, что Лопатина схватили.

Царю нужны наше согласие и наша инициатива. Сам не делает ни к чему приступа. Покончил с Головачовым и с размножавшими тунеядцев-командиров яхтами. *Ce n`est past une petit penaud* [Не так уж и мало].

Анекдот о ... и Владимире, на которого она имела виды. Алексей на это отвечал: *vous aviez tort de ne pas les pousseur jusqu`au bout. Mon frère ètait penaud* [Зря вы не пошли до конца. Мой брат смутился].

16 октября

Заявил в Комитете министров, что не могу допустить в Южной бухте соединения военного и коммерческого портов.

17 октября

При сильном ветре вода поднялась на 7 почти фут. В 10 ч. вечера поехал осмотреть, все ли на местах. Команды и молодежь была, но командиров не было. Вообще порядку мало. По крайней мере, было исполнение младших, а старшие не подумали – винтили. Великий князь при докладе, видимо, не хотел взыскать сам и предоставил мне. Баловство.

19 октября

После многих лет был в театре на Жоконде. Последний раз дозволил себе это удовольствие с Надей ещё, которую, увы! забываю сердцем. Только в молитвах прошу её миловать меня. Черствеет душа на служебном терпуге и память о дорогом сердцу пропадает, когда приходится ежеминутно вспоминать о чем-нибудь.

22 октября

Доклад у государя. Награды Черноморцам по случаю посещения великого князя. Государь не противился, даже подаркам, что несколько запрещено.

23 октября

Спуск «Витязя». Государь, великие князья и много народа. Их величества начали осмотром корвета и были очень любезны. К сожалению, почему-то произошло важное повреждение: лопнул задний ахтер-штевень, сорвало руль и он затонул. Вероятно кормою, при спуске, корвет ударился о твердый грунт.

В Комитете министров дело Обуховского завода. Решили взять в казну, а министру юстиции выдумать форму указа. Из Кронштадта известие, что бурею 17-го числа разбило наши рушащиеся стенки.

24 октября

«Витязь» при спуске потерял руль и лопнул рудер-пост. Скверная отливка; голова вовсе не была укреплена. Газеты подняли вой о катастрофе, а корвет без течи.

26 октября

Был в Кронштадте, смотрел на разрушение гавани. А не хотят давать денег. Обедал в Гвардейском экипаже, *qui fait bonne mine à mauvais jeu* [где делают хорошую мину при плохой игре].

30 октября

Осматривал лодку «Сивучь», выстроенную в Швеции и только что оттуда пришедшую. *Every thing is nicely finiched* [Каждая деталь прекрасно сделана].

Касательно хода лодка удалась – 13. На пути качалась плавно; посмотрим, что будет с пушками. Приятно смотреть на должную работу.

2 ноября

Решили поворотить дело о Севастополе и составили государю записку (по его повелению, последовавшему вследствие журнала комитета министров), в которой доказываю, что надобности военного и коммерческого флотов не совместимы в Южной бухте.

Убеждал великого князя, что ему не подобает председательствовать в Комиссии. Мне кажется, это государственное дело. Все усилия должны клониться к восстановлению Севастополя, как военного порта, а не к тому, чтобы оживить его коммерцию.

3 ноября

Кажется, мне придется с Арсеньевым поступить бесцеремонно. Принял 56 человек вместо 50-ти. Очень серьезно говорил с великим князем, что такие приемы ставят меня в смешное положение перед Государственным Советом. Весь мой проект основан на многочисленности офицеров, а мы принимаем много в училище.

Великий князь решился взять Абазу адъютантом, о чем я говорил сегодня дяде.

5 ноября

Доклад. Государь изъявил желание видеть «Сивучь». Велел назначить комиссию под председательством великого князя Алексея насчет Севастополя.

Михаил Николаевич, на письмо в котором я извинялся, что не сделал фронта, позвал сегодня обедать. Рассказывал про свои пруэссы в Совете и спрашивал, правда ли, что Константин хочет в Совете оспаривать наши реформы, что этим он окончательно поссорится со всеми.

6 ноября

Корпусный праздник. После молебна взглянул на больных скарлатиною и отправился в холодный туман в Кронштадт. Едва успел пересесть на лодку «Сивучь» и причалить с ним к пристани у моста.

7 ноября

С великим князем ужасались видом разрушенных кронштадтских стенок. Страшно холодно. Поспешили возвратиться.

8 ноября

Московский праздник. Великий князь Алексей молодецки представлял молодецкий полк. Поздравил именинника великого князя Михаила Николаевича.

В 3 ч. Государь с императрицею смотрели лодку «Сивучь», первый – до подробности.

Войдя в каюту капитана, императрица заметила, что он ещё не дома, что она не видит вещиц, обыкновенно присущих на столах, и ожидала найти портрет капитанской жены, которая, говорят, красавица. Капитан, выпуча глаза, отвечал, что он не женат. Оказалось, что Алексей, по обыкновению, подшутил.

10 ноября

В театре давали *les intimes* [Близкие друзья, название пьесы, – ред.]. Длинно, что *Sardou* [автор пьесы, – ред.] скучен. В театре мало, цен ради.

Жена нашла, что сосед наш Анненков напоминает Попова, что совершенно справедливо.

Стала река. Только что «Сивучь» успел возвратиться в Кронштадт.

11 ноября

50-ти летие Исидора. Попал в неудачную струю. Всё наезжали великие князья и пришлось ждать долго. Победоносцев читал рескрипт, длинный, как жизнь святителя, и поднес настольный тройной портрет. Камергер митрополита из Консистории не совсем ловко исполнял свое дело.

12 ноября

Вчера в Гатчино забавлялись ясновидящим *Bishop`ом* [Бишопом].

Мещерский опять задевает меня в журнале и советует благосте царской и доброте генерал-адмирала остановить меня.

25 ноября

Вот уже две недели как не выхожу из квартиры. Прикинулась рожа, усугубляемая заботами. Реформа Министерства, реформа личного состава, смета – все это сверлит душу и не дает покоя.

Успею ли я в моих предположениях?

29 ноября

Первый и весьма знаменательный день выезда после болезни. Разбирали мою смету в Государственном Совете. Дали 2-мя миллионами менее, нежели требовал, но 2-мя миллионами более, нежели в прошлом годе, – и обещали, что смета эта будет нормальная. Все-таки можно рассчитывать и я, пожалуй доволен, если бы не связал себя уже постройками. Наша техника не допускает строения в галоп.

Очевидно, Абаза ведет Бунге и Сольского на то, что при Баранове.

Великий князь Алексей, у которого я был утром, по-видимому, равнодушен к флоту и судьбам его. К чему же у него сердце?

30 ноября

Нужно остановиться в реформах. Не успеешь вкоренить, так взбаламутишь.

1 декабря

Обедал у молодых. Только что прочел в газетах недостойную пасквиль, будто жена хочет развестись с Сергеем Александровичем. Кажется, она скромная и глупенькая, но сварливой вовсе не смотрится.

Le vieux Adlerberg est une merveille de foureuette [старик Адлерберг просто чудо].

3 декабря

Замечаю совершенную индифферентность к делам. Занятия более процессиональные, нежели умственные.

4 декабря

В Корее возмущение. Короля прогнали, а он в страхе отдается под наше покровительство с помощью бродяги – немца Лимендорфа. При этом произошло столкновение между китайскою и японскою охраною. Гирс просил послать к Сеулу судно. Кроун сам хочет идти на «Минине». Гирс испугался, что это будет уже не наблюдение, а грозящая сила. При докладе о беспорядках в Корее, государь пожалел, что там не Копытов, а я очень рад, потому что Копытов начал бы умничать и ссориться.

6 декабря

Молебен в 8 экипаже, парад Гвардейскому экипажу, завтрак у государя и ужин в Гвардейском экипаже. Просил позволения удалиться тотчас после ужина.

8 декабря

Государственный Совет завален делами и тратится много времени на адвокаторскую болтовню.

Сегодня был ещё тому образчик по поводу дела Козакевича о предании суду Кронштадтского полицмейстера. Я взял дело назад, намереваясь уничтожить места полицмейстеров моряков.

10 декабря

Доклад. Я говорил бы с государем гораздо свободнее, если бы не был у доклада вместе с великим князем. Кабы государь нас, министров, звал вместе, мы тоже были бы осмотрительнее.

11 декабря

Мог бы быть знаменательным днем, если бы у нас была возможна система. В Комитете министров уничтожили исключения в Западном крае, дававшие привилегии некоторым польским помещикам. Сольский сочувствует вполне моему цензу, хотя и находит меру смелою.

15 декабря

Гирс говорит *qu`il lui pleut des difficulties* [завяз в проблемах]. Маклай со своим протекториатом над Папуасам. Корейский вопрос, по которому китайцы и японцы *vont se prendreaux cheveux* [собираются вцепиться друг другу в волосы]. Наш военный агент в Китае сбывает китайцам наш боевой хлам, а Фредерикс из Парижа предлагает купить в Баб-эль-мандекском проливе место. Все делают доносы на Министерство иностранных дел, будто оно вовсе не заботится о выгодах России. Пожалуй, и справедливо.

А главное англичане не соглашаются на нашу Мервскую границу.

17 декабря

Корейские дела занимали на докладе, но поверхностно.

19 декабря

Знаменательный день. Новое решение так называемой Сибирской дороги, торжественно решенной в 1875 году. Абаза, отличившийся тогда речью в защиту направления на Нижний, Казань и Екатеринбург, теперь сказался за Самару, Уфу – Екатеринбург после Островского, остановившегося от Екатеринбурга на Уфе. Об-

ручев выбрал среднее направление – Нижний, Казань, Уфу – никого и ничего не удовлетворявшее. Толстой был с ним для политического объединения татар. Я убоялся, не отатарят ли татары Москву, если в три века мы не успели обрусить их.

Как бы то ни было, единогласно приняли Самару, Уфу, Екатеринбург, и это единогласие весьма важно. Оно подкрепит государя нравственно в решении, противном решению отца [1].

[1] Текст машинописный: «Конец. Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде. Фонд Ивана Алексеевича Шестакова, ед. хр. № 5, 1884 г. Копия». Текст рукописный: «Верно: Научные сотрудники Центрального Исторического Архива З. Коробова. Ципкович».

88.

17 декабря. – Корейские дела занимали на докладе, но поверхностно.

19 декабря. – Знаменательный день. Новое решение так называемой Сибирской дороги, торжественно решенной в 1875 году. Абаза, отличавшийся тогда речью в защиту направления на Нижний, Казань и Екатеринбург, теперь сказался за Самару, Уфу – Екатеринбург после Островского, остановившегося от Екатеринбурга на Уфе. Обручев выбрал среднее направление – Нижний, Казань, Уфу – никого и ничего не удовлетворявшее. Толстой был с ним для политического об"единения татар. Я убоялся не отатарят ли татары Москву если в три века мы не успели обрусить их.

Как бы то не было, единогласно приняли Самару, Уфу, Екатеринбург и это единогласие весьма важно. Оно подкрепит государя нравственно в решении, противном решению отца.

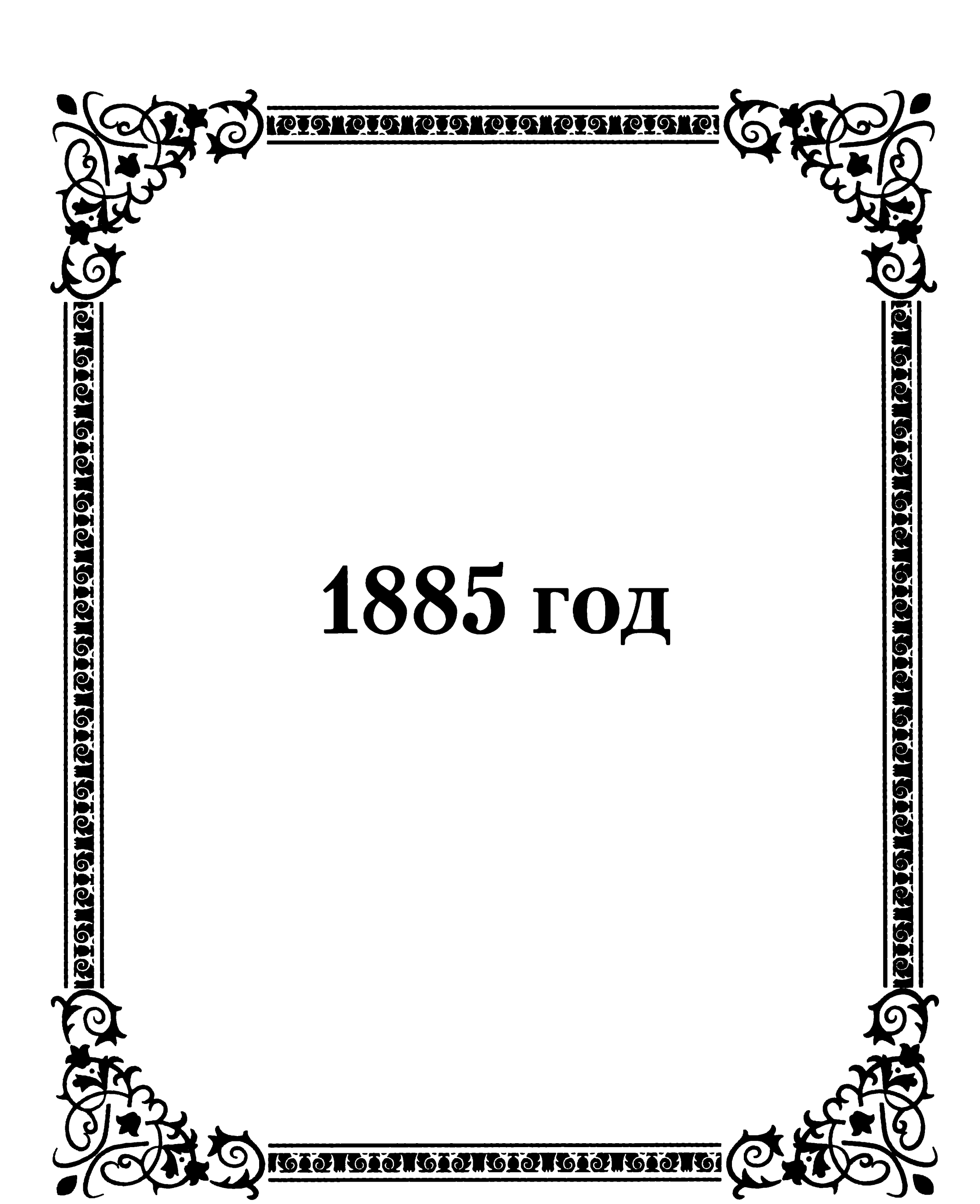
К о н е ц.

Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде. Фонд Ивана Алексеевича Шестакова, ед.хр.№ 5, 1884 г. Копия.

Верно: Научные сотрудники Центрального Исторического Архива:
Зкоробова
Утткова

1885 год

1885 год

Январь

1-го Неприятное начало года по н. ст. Половцов пишет, что во вчерашнем докладе отложено назначение Яневича в Государственный Совет до переговоров с Алексеем. Еще третьего дня Михаил спрашивал меня не поляк ли мой protégé. Он действительно католик, но как же его держали 20 лет генерал-прокурором и не боялись, а теперь боятся. Просто уловка — не нравится Половцову и братии. Не стою за Яневича, но стою, чтобы не третировали подобным образом Алексея. Обещали, а теперь вводят пустые причины к отказу. Говорил в этом смысле Алексею и побуждал его стоять за назначение. Не может же Яневич быть на black-list. Он литвин и католик, правда, но есть в совете католики.

2-го. Не довольно я [illegible] для затруднений. Сегодня показали мне возражения Бунге на ценз, а я, простак, думал что он ограничился тем, что скользнул по нем в опровержениях на проект Центрального управления. Главнее всего, что это опровержение ходит по городу, а я его не получил из канцелярии. Не по-товарищески и кажется Госуд. канцелярия, не симпатизируя проекту, тормозит его. Je tâcherai de tirer ça en clair.

Представление к наградам всегда мучит меня. Боюсь быть несправедливым и пережевываю каждое имя.

В таких то случаях /и только — увы — в таких/ я обращаюсь к моей невидимой покровительнице, Чаде. Помилуй меня.

Нехороши вести не „Мономахе." И беспорядок и неисправность в механизме.

4-го. Уладил утром вопрос о цензе. Абаза обещал содействие. Бунге решился прислать чиновника поверить свои возражения. Надеюсь дело уладится без затруднений.

1885 ГОД

Январь

1-го. Неприятное начало года по н. ст. Половцев пишет, что на вчерашнем докладе отложено назначение Яневича в Государственный Совет до переговоров с Алексием. Ещё третьего дня Михаил спрашивал меня, не поляк ли мой *protégé* [протеже]. Он, действительно, католик, но как же его держали 20 лет генерал-прокурором и не боялись, а теперь боятся. Просто уловка – не нравится Половцову и братии. Не стою за Яневича, но стою, чтобы не третировали подобным образом Алексия. Обещали, а теперь вводят пустые причины к отказу. Говорил в этом смысле Алексию и побуждал его стоять за назначение. Не может же Яневич быть в *a black list* [черном списке]. Он литвин и католик, правда, но есть в совете католики.

2-го. Не довольно я закален для затруднения. Сегодня показали мне возражения Бунге на ценз, а я, простак, думал, что он ограничился тем, что скользнул по нём в опровержениях на проект Центрального управления. Главнее всего, что это опровержение ходит по городу, а я его не получил из канцелярии. Не по-товарищески и, кажется, Госуд. канцелярия, не симпатизируя проекту, тормозит его. *Je tâcherai de tirer ça en clair* [попробую вытащить это на свет].

Представление к наградам всегда мучит меня. Боюсь быть несправедливым и пережевываю каждое имя.

В таких случаях (и только – увы – в таких), я обращаюсь к моей невидимой покровительнице Наде. Помилуй меня.

Нехорошие вести на «Мономахе». И беспорядок, и неисправность в механизме.

4-го. Улаживал утром вопрос о цензе. Абаза обещал содействие. Бунге решился прислать чиновника проверить свои возражения. Надеюсь, дело уладится без затруднений.

6-го. Вчера вечером послал к государю меморию, в которой сравнивал производство двух генерал-адмиралов. Сегодня утром получил её назад с надписью: «Ещё рано!». Не знаю, чему приписать это. Представление великого князя Алексия (через великого князя Михаила) о назначении Яневича в Государственный Совет также отклонено, несмотря на обещание. Может быть, действительно, религия и происхождение здесь взяты в расчет, а, может быть, хотят придержать Алексия.

8-го. Государь по обыкновению утвердил все представления к новому году. Великий князь даже и не трудился все читать. Уверяет с некоторою даже иронией, будто Победоносцев и Островский, вероятно, мешают назначению Яневича. Гр. Толстой, имевший сегодня же доклад, уверял, что будет на нашей стороне в Севастопольском вопросе. Этому верю, ибо по мстительности захочет разделать то, что Константин сделал. Говоря о вопросе, коснулись Милютина. Толстой о нем отозвался, как о штатском (сиречь либеральном) военном министре, оставившем магазины пустыми и западную границу обнаженною. Так, верно, думают и выше.

11-го. Утром получил от великого князя Алексия записку к нему государя. Недовольный слухами о Яневиче, я просил Алексия настоять на назначении. Государь отвечал, что «дядя Миша» ему докладывал о Яневиче, что он предоставляет себе назначать членов Государственного Совета, что там уже много таких, которые не должны быть; что Яневич может быть очень заслуженным человеком, но он не государственный человек». «Поищите пока ему другое место», прибавил государь. Я решил никого не назначать. Между тем Половцов объявил мне, что назначен Гольднер, при комиссии прошений, в силу того, что тот должен быть членом Государственного Совета, а Каханов[1] просит освободить его.

Из новостей: Бунге в Д. Т. С. (в действительные тайный советники, – ред.), Гюббенер (чаявший Государственного Совета) и *gris-gris* [серый-серый, но буквальный перевод неуместен, здесь явно какая-то идиома] Голицын секретарем. Дурново – статс-секретарем и 5 т. прибавлено жалованья. Половцов думал, что Яневича и Арцымовича (неразборчиво)[2] Островской и что сей будет министром внутренних дел, что государь ему присылает иногда вопросы до его министерства не касающиеся. Увидим. En attendant tenons nous *â* notre coquille [Подождем, спрятавшись в свою раковину].

12-го. Наступает новый год – момент этот моментального углубления в самого себя. Много я затеял, так что уныние берет при медленности выполнения замыслов. Кое-что смело, да и сам не совсем ясно вижу вероятные последствия. Останавливаться нельзя. Много погрешу, но если проведу закон о морском цензе, русский флот вспомянет меня.

Случилось, по желанию, выказаться, говорить в Комитете министров, когда говорить не следовало. Нужно быть осторожным, чтобы не потерять *sa valeur* [свою стоимость] в глазах товарищей. Меня намеренно стирают в журналах Комитета, и иногда поделом. Осторожность и осторожность!

1 Было напечатано первоначально «Казаков», затем зачеркнуто и вписано «Каханов»
2 Так в тексте: вписано рукой «неразборчиво».

Мне кажется, государь ко мне охладел несколько, может быть оттого, что я не выполнил его ожиданий, ибо он думал, что я буду полезен и в совете; а может быть и подшептывают.

Переход к новому году, обращаюсь к тебе невидимый друг мой. Прости. Сохрани и удержи.

13-го. Выход во дворце. Много народу и мало разумных лиц; мало наград! Государь положительно хочет разбить традицию периодических радостей.

Кн. Кочубей сделана обер-гофмейстериной.

15-го. Смотрел «Нерона» Рубинштейна. Опера в новом вкусе – глупейший балет, шествия и декоративный эффект. Всего менее, по-моему, музыки.

My niece is a simpleton staring at her jewelry more than at anything else [моя племянница – простачка в украшениях и ничего больше (англ.)]. Смотрит глупенькой девчонкой.

18-го. Крещенский парад. Вовсе не было холодно, а некоторые дрожали, вероятно, чтобы показать государю, до чего довело их усердие.

Вечером в Морском училище комедь с великими князьями. Всё было очень прилично, но кантату великому князю генерал-адмиралу пропели в комических костюмах поваренков, и потом, по требованию великого князя Владимира, «французское» – Голицын сказал *les ecrévisses* [это раки], что было очень некстати в среде воспитанников. Придется возиться с этим Голицыным.

19-го. Страдная для меня неделя начинается. Проходят все мои проекты. На докладе просил государя позволения шепнуть кому следует, чтобы вопросы прошли гладко, что и сделал при собрании Государственного Совета, имевшего сегодня заседание (без Алексия).

В городе сплетничают, будто M-me. Половцова разводится с мужем и выходит за какого-то Гагарина. А всего курьезнее анекдот (конечно, вздорный), будто, узнавши о смерти Штиглица, великий князь Владимир послал приятелю Половцову телеграмму: *«Félicitons, arrivons, empruntons!»* [«Отпразнуем, преуспеем, возьмем взаймы!» (барон Александр Людвигович фон Штиглиц, финансист, промышленник, управляющий Государственным банком России с 1860 по 1866 год. После 1866 и до самой смерти служил в Министерстве финансов по кредитной части, – ред.)].

20-го. Вздумалось Делянову принять под покровительство Министерства просвещения русской пансион в *Clarens* [Кларенс], в Швейцарии. Никогда мне ещё не случалось видеть министерского проекта так единодушно отвергнутого.

Абаза кончил тем, что выразил убеждение, что Делянов и С° сами будут благодарны Комитету за несогласие. Перед советом был у него. Граф Пален на время болезни Рейтерна назначен нашим председателем. Абаза говорит, что Рейтерн любит, как некие живописцы, тени. После себя в Министерство финансов вставил Грейга, а теперь вместо себя Палена.

Обедали приятели. Я посмеялся, как дипломаты не переваривают государя за его бутады.

21-го. Русская свадьба в царских хоромах. Государь и императрица выдавали замуж фрейлину С. Апраксину за лейтенанта князя Щербакова. Как будут жить молодые после пышной свадьбы – не знаю. Едут в Москву.

23-го. Опять «Гражданин» выкинул на меня насмешку. Привел слова Гейне, говорившего, что для воспитания человека нужно, чтобы с него содрали шкуру, а с меня будет содрано три без проку. Что я слишком самобытен. Досталось Дону Эпиркуэло (Чихачеву) и дону Сиерра (Пилкину), но относительно их хотели ядовитничать, а вышло только глупо.

24-го. Мой великий вопрос о цензе прошел благополучно в соединенных департаментах. Шахов (и спасибо ему) смягчал жесткие параграфы. Вообще все отнеслись сочувственно, но всякий хотел говорить и заседание длилось от 1 до 8 ч. Все поздравляли и говорили, что я поставил себе памятник, *que j'ai enlevé la question avec ténacité et fermeté* [что я поднял вопрос решительно и твердо], что я даже озолотил флот. Все пустяки, а озолоченные будут ругать, как пса.

25-го. Государь на докладе спрашивал о цензе и, по-видимому, вместе с Алексеем радовался, что он прошел. Боже милостивый! Надя моя сердечная! Не думают вовсе о бедном твоем Ване, истинном мученике и, вероятно, жертве этого вопроса. Настанет исполнение и с ним злобы, трудности, нравственные мучения. Уляжется ли действительность в расчеты, хотя основанные на прежнем опыте, но все же гадательные? Вынесет ли эмеритальная касса, на которой расчет основан? Захотят ли строго держаться закона или мне придется быть на вечной страже? Господи! Господи! Помоги мне и помилуй.

В Лондоне повторились попытки *Gris-Foix'a*. Повредило дипломатам *Westminster-Hall Tower* [Вестминстер-холла]. По делом англичанам, призревающим всяких негодяев.

27-го. Умер Сан-Донато от удара во Флоренции. По этому поводу сказал стройному гр. Палену, что кто-то свыше невелирует *lutte* [борьба] (граф жалел,

что умер богач). Довольно странный председатель Комитета министров этот остзейский барон.

К характеру великого князя Михаила Н. Спрашивал меня под видом участия, на дороге ли, по новому закону, в командиры Зеленой – и, по-видимому, с участием, а дело в том, что Алексей Михайлович идет на «Аскольде» и тетушка Якобсон не хочет, чтобы Алексей Михайлович и Зеленой были вместе (Зеленой на «Аскольде»).

29-го. Маленький бал при дворе. Алексей сказал, обращаясь к А. Н. Нарышкиной: «Вы с ним (со мною) кокетничали», а я в ответ: *«Non, monseigneur, je fais la cour á madame* [«Нет, сударь, я ухаживал за дамой»]». Императрица пеняла мне, что давно меня не видела *«Je saisis avec Bonheur,* – отвечал я, – *toute occasion de presenter mes homages á la Majesté quand j'ai la permission de la faire* [Я счастлив любой возможности выразить мое уважение к Вашему Величеству, если мне это дозволено]». Она нашла, показалось мне, что я мало имею случаев являться ко двору.

Ужин под пальмами, освещенными электрическим светом, был волшебен.

Все сравнивали мать (Долгорукову-Апраксину) с дочерью (Долгоруковой-Альбединской) и дивились, как последней подогнала траур.

31-го. Имел с великим князем Алексием подготовительный к завтрашнему заседанию разговор. *C'est un homme qui ne veut pas se déranger* [Это человек, не желающий беспокоиться] – доказательство разговора по поводу дерзко-самонадеянного ответа Дубасова. Следовало рассердиться и сказать, что пора перестать возиться с таким напыщенным подвигом своим гордецом, а он советует призвать его и намылить ему голову.

Февраль

1-го. Думаю, знаменательный день в судьбах нашего флота (отложив вероятность разделывания сделанного). *Par engoucment* [Из-за пристрастия] к Севастополю, отходному пункту его идиллических поездок на Южный берег, покойный государь согласился на выдумку великого князя Константина (имевшую, может быть, основание в его угодливость дли иных целей) соединить в Южной Севастопольской бухте военный и коммерческий порты.

В 1875 вопрос был решен под условием изменения, если флот создастся, но решение было объявлено по требованию Константиновской комиссии в Правительственном вестнике, чтобы отнять всякое сомнение. Вследствие этого в Южной бухте начала устраиваться коммерция, и городские аппетиты стали разыгрываться так, что, очевидно, шло к вытеснению флота из его природной гавани.

Я не терялся и просил новой комиссии для пересмотра вопроса, ибо предвидел, как развитие флота уже осуществляется.

Собрались сегодня под председательством Алексея – Толстой, Абаз, Посьет, Бунге и я. Решили единодушно, что совместимость быть не может, и флот должен вступить в свои права. Когда позвали голову, начали объявлением, что Южная бухта безповоротно отнимается у коммерции, и его спросили только, куда, по его мнению, выгоднее для города перенести купеческий порт. От Северной стороны Посьет отказался, отвергли также мою идею о Стрелецкой бухте, и голова предпочел Килен-балку. Знатная же торговля, коли этой бухты достаточно!

Между тем вопрос так важен, что я постараюсь приобщить к моим запискам протокол заседания.

2-го. На докладе не было ничего замечательного. Сделал неверный доклад государю о Шольце-Рогозинском: утверждал, что он не на службе, а оказалось, что на службе.

В Государственном Совете решилось давнее дело о минском губернаторе Токареве, выкроившем себе имение на земле крестьян и потом мерами Потапова и высшей его братии, доведшим крестьян до неповиновения, экзекуций и ссылок. Перетц, силясь обвинить председателя Палаты государственного имущества, растянул дело. Затем бар. Николаи, силясь выгородить исправника Капгера, ещё более удлинил его. Председатель не хотел или не умел *bring to the point* [довести до конца (англ.)].

Для меня стало сомнительно, что Тимашев и наблюдавший за ним гр. Шувалов хотят постепенно дойти до Токарева, да и Перетц привел к пересмотру дела, т. е. к безнаказанности, чтобы тем была проволочка до смерти ради. Победоносцев, с обычным ему юридическим смыслом, повернул к окончательному решению. Даже под конец замечалось колебание. Я просил слова, как близко видевший дело, утверждал, что в Западном крае в то время нельзя было винить низших, но губернатора всегда винить должно, как имевшего все средства не только не дозволить насиловать свою совесть, но помешать и высшей власти в деле незаконном, и предложил – решение Департамента гражданских законов касательно Токарева оставить в своей силе, т. е. вон из службы без права вступить в сию, а Капгера повергнуть на высочайшую милость. Лошкарев и Севастьянов уже были подведены под манифест. Этим кончилось 5-часовое заседание.

Странность нашего административного правосудия. Во все 11 лет Токарев состоял на службе и получал жалованье, а дисциплинированный в подчиненности или угодливый Капгер был отрешен тотчас от должности и жил в беде. Имена Макова и Потапова выходили на сцену.

4-го. Инженер Козолл читал лекцию о Семиреченской области, весьма занимательную. Мне понравились следующие мысли: 1) ирригация (необходимая в наших степях) всегда должна идти совместно с канализацией, ибо первая окупит последнюю; 2) англичане и французы везде силой покоряют мусульман, от них отвращающихся, а за нами, казаками-варварами, все магометанское население Кульджи, Дуньгань и Таранча, выселяются в наши границы, истребив свои пепелища. 3) искусно, без насмешек и ядовитости, лектор высказал всю глупость оставления нами Кульджи, которая станет депо центральным китайской против нас силы. В Кульдже мы были отделены от центра китайского могущества пустынями.

Не мудрено, что Гирс и братия, приглашенные Посьетом, не были на лекции.

5-го. Был в Аничкином по случаю именин Ксении, и благо мне было. Государь пожал руку, несмотря на мое признание в ошибке, о чем писал ему вчера. Дело Шольца может быть серьезно, если в Камеруне он явится на «Наездник» просить покровительства. Уступать или стараться предварительно уладить дело на случай затруднений, несовместимо с достоинством. Так и хочу говорить с государем.

6-го. Несколько дней, с какой-то детской настойчивостью, просыпаясь, я спрашивал, нет ли известий, что Махди привязал Уольсли к лошадиному хвосту. Англичане придвинулись к Картуму, *butt Memavin* [прикладом Мемавина] (хотя с рвением в крови) и послали *Wilson'a* [Вильсон] с отрядом на пароходах в Картум. Гордона видели целым. Каково же было мое удивление сегодня. Сон в руку. Wilson нашел Картум взятый арабами, участь Гордона неизвестна, а Wilson, отбитый, спустился назад и у водопада, имея разбитые пароходы, должен был выйти на остров, где *il est canardé* [был обстрелян]. Что выйдет? По-моему, английские эшелоны по мере того, как будут узнавать об участи Вильсона, будут спешить к нему на помощь и, если Махди не опьянеет от удачи, то истребит их по частям.

Прочел новость. Государь написал на телеграмме: душевно рад.

Напрасно!

7-го. Зимний парад и после завтрак. Сидел за августейшим столом между Марией Максим. Баденской и Маврикиевной. Говорил нараспашку с первой о её брате. Ольга Федоровна пила за здоровье флота, на что я ответил здоровьем её сына-моряка. Михаил Николаевич *joined* [присоединился (англ.)], и когда я сказал ему, что любовался на параде артиллерией, прибавил: пью за здоровье Шестакова. После завтрака очутился в кругу великих княжен, к которым тотчас порхнула милая императрица. Сейчас же оборотилась ко мне, сказала, что,

кажется, толкнула меня и, подавши руку, прибавила, что встретила меня вчера, *a fait tant pour que je la Remarque et m'a salué aimablement* [постаралась привлечь мое внимание и любезно приветствовала меня], но я не обратил внимания, хотя жена и толкала меня. Я отвечал, что все это не так, что жена вообще помогает мне исполнять мои обязанности и что, хотя поздно, вытянулся и провожал её далеко глазами.

Вечером бал у Такир-Паши, на вечере с итальянцами *Mr Chanfleury était ches lui* [господин Шанфлери был у него].

8-го. Знаменательный указ от 24. Изменен закон о царской фамилии Павла I. Правнуки братьев государя уже не будут великими князьями, а сестер-внуки. Это поражает всех детей Михайловичей и Николаевичей и внуков Владимира и Сергея. Давно пора было сделать. Алексей одобряет, но говорит, что теперь немецкий принц не захочет брать наших княжен, что нужно разрешить последним жениться дома, и порядочные родители не отдадут, если женам не будут предоставлены известные права. На что он метил? На прошедшее ли или на будущее? Он очень хотел жениться на Жуковской, а, может быть, желал бы сочетаться с Богарне.

Великий князь Владимир просит пароход в Архангельск. Пришло в голову послать «Эриклию» и им воспользоваться для путешествия из Тулона в Черное море. Кабы сбылось.

9-го. На понедельник, 4 февраля, назначен в общем собрании наш закон о цензе. Фокусник Половцов (благонамеренный, впрочем) обставляет случайность довольно торжественно. Во-первых, заседание будет впервые в Мариинском дворце; во-вторых, на списке первым наш закон; в-третьих, он уговаривает великого князя лично представить проект закона, в чем я совершенно согласен. Одним махом языка великий князь может заставить молчать тех, которые считают его тунеядцем, и выказаться способным *pour les grandes questions* [к серьезным вопросам], изучающим их. И государю будет приятно, что хотя один из братьев выкажет участие к государственным делам. Выходя из совета, Алексей сказал, что будет защищать закон 4-х, но затем в совет опять ни ногой. И сегодня, как в прошлый раз, мучили нас юридическим делом, мучили тем свободнее, что не было Победоносцева, ставящего юридические вопросы на почву жизни. При нем у юристов прилипает язык к гортани, за что я его прозвал укротителем.

Возвратясь домой и помня, что Алексей сказал, что поговорит со мной касательно важного понедельника, я тотчас же присел и набросал проект речи. Говорит моряк с уверенностью, великий князь с известным достоинством и орлом и вместе товарищ, горячо вступающийся за сослуживцев – все это пересыпано благодарностью за средства, даваемые флоту, намеком на недостаточность их и уважением к Государственному Совету.

10-го. Гордон, кажется, убит.

14-го. В 12ч. 45м. отправился в Кронштадт на бал по случаю годовщины собрания. Проехал весьма удачно, застал у Шварца Ноев Ковчег, куда собрались ещё с вчерашнего дня. Толковали до обеда о предстоящих назначениях в виду закона о цензе. К 10 часам прибыл великий князь Алексей, и мы поехали в клуб, где застали многочисленное общество. Не только с увлечением, но и с грацией носились веселые пары в прекрасном, освещенном электричеством зале. Мазурка до ста пар. Требовалось искусство, чтобы установить их и привести в порядок. Полюбовавшись началом, сели ужинать и пробыли в клубе до 4 часов.

15-го. Доклад. Государя разбудили часом позже, нежели он желал, пожалев после вчерашней сатурналии, как называет её В. К. Зиновьев.

Умер обер камер-курьер *Sugano* [Сугано], мой приятель, безпрестанно повторявший: *«Mon excellence, il faut êfre bien malin pour tromper son napolitain* [ваше превосходительство, надо быть настоящим пройдохой, чтобы обмануть этих неаполитанцев]».

Жаль, как человека, но смерть его просто потеря, в особенности при системе государя объявлять внезапно о своих передвижениях. У Гирша, мне о смерти объявившего, вытянулось лицо.

Обедал у Нарышкиных. Всегда у них разбалтываюсь, подшутил над безголовою Москвою (она не может выбрать голову), чем П. Самарин было обиделся.

18-го. Два довольно знаменательных вопроса моей служебной жизни. Севастопольский, приведший по моему настоянию к образованию особой комиссии, и вопрос о цензе. Утром великий князь Алексей подписал журнал о первом, к которому я приложил проект утвердительной резолюции государя, и внял одобрительно к проекту речи, составленному мною за него (в. кн.) на будущий понедельник. *C'est un trés bon enfant* [Очень хороший юноша] и сознается в своей умственной лени.

Получил телеграмму из Шанхая, в которой командир клипера «Разбойник», посланного защищать французов, уведомляет, что сегодня утром во французском квартале подымает русский консульский флаг. Может повести к серьезным последствиям. Тотчас советовал в. князю послать депешу к государю, что тот и сделал.

21-го. Опыты на поле – утешительные. По-моему, 15 д. плита из нашего железа хороша, а главное моя защита машин на корветах оказывается хорошей против 6 д. орудий. Бомбы пироксилиновые ничего не сделали, вероятно, потому, что рвутся на мелкие части. На опытах был великий князь Александр Михай-

лович. День был чудный, но лишь только солнце склонилось к горизонту, нас согнал с поля генерал-мороз.

23-го. Исторический день в летописях флота. После доклада, не отличавшегося ничем особенным, отправились в Мариинский дворец, где впервые собирали нашу *Corps legislative* [Законодательный корпус]. По русскому обычаю начали молебствием в присутствии государя, императрицы и всего семейства, кроме Константина. Молебствие продолжилось водосвятием и кончилось многолетием в светлой круглой зале, где предназначено заседать совету.

Был и трагический момент. Обе Максимилиановны, по воспоминаниям при виде в церкви мундира убитого брата, расплакались. После многолетия, провозгласили вечную память Марии Николаевне.

Комитет министров обделили. Посадили в какой-то фонарь, где при входе веяло отчаянно. Тут же протестовали и завоевали прекрасный зал.

После завтрака началось заседание чтением предшествующих журналов. Дурно слышно и я предложил небольшую перестановку. Наконец, настал момент заседания. Великий князь Алексей, с места, сказал вступительную речь, в которой повторил вкратце мои мысли. Грейг сейчас же приблизился к председателю, что и меня привлекло туда же. Мелочные опровержения его касались подробности ценза, обделения яхт (что в публике неблаговидно), а главное, сохранение на службе, помимо ценза и предельного возраста. георгиевских кавалеров. К последнему присоединился Фединька Новосильский. Я начал объяснение неловкого положения моего отказывать георгиевским кавалерам в привилегиях, но решили на это иметь перед собою компетентных судей, высших представителей этого славного ордена, и доказывал, что предложение Грейга неосновательно и в случае принятия будет несправедливо, что заботливость его кажущаяся и даже излишняя.

Объяснив значения ценза во всей его полноте, я сказал, что храбрость есть принадлежность воина, что самый закон за отсутствие её карает неумолимее, нежели за недостаток других достоинств, и определил значение храбрости в случаях службы от храбрости личной, до мужества полководца, спасающего отечество. Переход этот мог совершиться в том же лице только через ценз.

Затем я доказывал несправедливость предложения, как мешающего пробиться истинным военным талантам в совокупности, ибо штат есть. Далее я заключил, что заботы о георгиевцах бесполезны, излишни, что Белый Крест безмолвно требует внимания и так как Грейг употребил, говоря о цензе, слово суровость – то написал картину, чего ценз требует, сказал, что мы хотим вести офицеров по должному пути, не делать из них клоунов, и послушным сулим почести и награды. И, спросивши, в чем же тут суровость, кончил тем, что ценз суров для власти, которая отныне будет подчинена известным правилам.

Грейг ответил несвязным обвинением меня в гневности, а с другой стороны пристал тупой и мелочной Посьет и принял меня в два – не кнута – а кнутика. Только вывел меня из себя и заставил подшутить, что если мы таким масштабом станем мерить ценз, то придется давать его привилегию за купание в реке. Вопрос занял в заседании 2 часа и кончился тем, что я уступил в редакции, а не в сущности статьи, говорящей об императорских яхтах, по настоянию *du courtisan* [угодливого] Грейга.

Устал.

26-го. Прислали проект журнала. Георгиевский турнир выпущен, а §14 (о яхтах) иначе выражен, но сущность осталась та же.

27-го. Грейг не отстает. Половцов прислал его «литературу», как он выразился. Настаивает, чтобы остались следы его защиты георгиевцев, и Половцов спрашивает, что делать. Я просил ответ мой повергнуть августейшему председателю. Сказал, что предоставление закона с Грейговскими осрамлениями было бы с моей стороны абсурдом, что Грейг – непрошенный защитник, низводящий георгиевский крест до дарования права георгиевским кавалерам не исполнять требований службы. *Que le tout n'était pas sérieux* [Как бы все это не стало серьезно]. Увидим, что скажет великий князь Михаил.

Похороны ген.-адъютанта Казнакова. Был государь, Владимир и Алексей. На отпевании дома опоздали певчие, а на упокойной литургии, длившейся в бесконечность, архиерей вздумал посвящать в священники, несмотря на присутствие государя, не имевшего времени.

28-го. Перед докладом Алексею, жена выдумала про Грейга, что он *juif errant* [вечный жид]. Хотел передать это великому князю, но забыл. Вот, что он поведал мне: П. Шувалов в прошлый понедельник на каком-то концерте заметил Константина и подошел к нему. Константин спросил: «Прошел сегодня глупый закон о цензе?» и на утвердительный ответ возразил: «Разве Грейг не говорил?» – «Говорил, но так слабо, что его предложение не приняли во внимание». Теперь я могу быть уверенным, что был комплот и что Грейг хотел только дернуть за нитки, чтобы моя ткань распустилась.

Миклуха написал письмо государю, прося взять владения его под покровительство России, Гирсу – прося общеевропейского покровительства, Бисмарку – протест против немецкого протектората и английскому комиссару, генералу *Strackly* [Стрекли] обо всем объявил. Тот обещал ему содействие. Гирс просил моего заключения. Я отвечал, что считаю Миклуху ненормальным, но сумасшествие часто приносило пользу, – и советовал объявить протекторат наш, а не усиливаться над общеевропейским, что несовместимо с значением России и достоинством её государя. Чтобы Гирс не утаил моих мнений, послал копию Алексею.

Март

2-го. На докладе представил государю проект рескрипта в. князю, в котором он (государь) по ходатайству Алексея жалует на жизнь добавочное содержание за бомбардирование Севастополя, данное отцом на службе и вместе с тем севастопольских георгиевцев зачисляет на вечную льготу по новому закону. Самый закон сегодня подписан Государственным Советом. Протокол составлен довольно *cavalièrement* [бесцеремонно].

Перед заседанием Половцов сказал лишь, что всё улажено и что Алексей согласился на протокол. Оказалось, однако ж, что Грейга и Посьета удовлетворили, но с отклонением их предложений, а вместо меня заставили говорить Совет. Может быть, неловко было выставлять меня, когда был налицо великий князь генерал-адмирал, но мне уже отвели такую скромную роль, именно только пояснения на § о яхтах, что я удивился смелости редакторов и моей скромности. Как бы то ни было, закон прошел и в среду будет утвержден государем. Боятся, будто, дать мне ход или волю – не знаю что.

Смотрел выставку картин и знаменитую картину Репина – Убийство Иоанном Грозным сына. Артисты забывают, что эстетическое чувство слагается из всех чувств человека. На эту картину глаза уставиться не могут – ужас, сердце обливается кровью, капртину видишь и хочется плюнуть. Хороша техника – да чёрт в ней? Некоторые портреты и жанры хороши. Портрет Толстого – он, да другой, будто плачущий над своими грехами. По-моему, Иоанн Грозный грознее действительности, а Толстой добрее оригинала.

Оржевский бесподобен. Есть недурные ландшафты – например Морозное утро в лесу Яблокова.

Народу масса и, выходя, встретили Елену Федоровну, входящую с фрейлиной. Приехала в банкирских санях, с куцей лошадью. *Ce n'est pas spiritual* [так не подобает (дословно: «это не духовно»)].

3-го. Одолело опять рожистое воспаление. Интересный визит И. В. Гурко. Рассказывал про Секерневицкое свидание, на которое пригласили корпусных даже командиров и поляков и полек, по влиянию Потоцкого (заядное) на племянницу Воронцову, пригласили. Гурко сказал государю, тот взял неловкость на себя, спросил, как поправить, и через 8 дней, на Варшавском дебаркадере несколькими самообвиняющими словами, действительно, уничтожил неприятное впечатление.

Гурко рассказал, что псевдо-скандальная история Дундукова и Белосельского выдумана Оржевским, боящимся Дундукова по поводу покупки им имения в Ю.-З. Крае и желающим *le déconsidérer* [подорвать его репутацию] так, чтобы никто не поверил, если Дундуков вздумает быть откровенным. Оржевский призвал жандарма, сказал ему, что получил анонимное письмо о скандале, но

не помнит, где он произошел, – у Бореля, Донона или у татар. Тот расспросил всех поочередно, получил в ответ: нет, – а молва была пущена. Коли не у нас, так, значит, в другом. И такой негодяй теперь, при отбытии Толстого в Ливадию, куда тот уезжает по болезни, остается независимым от Дурново, заступающего Толстого. Не хорошо. Толстой возвращается в деревню, затем провожает государя в Киев, а потом на Петербургскую дачу.

6-го. Дела наши затягиваются. Увидал *Lumsden* [Ламсдена], детски нами пущенный по нашим завоеваниям, наше бессилие, и англичане требуют от нас уступки по афганской границе. Газеты возбуждены, и Англия мирится с Германией. Бисмарк послал туда сына своего Герберта и *Granville s'est exécuté* [Гранвиль разгромлен]. Наверно, помирятся, и все внимание Англии будет обращено на нас. Мы уступим. Нельзя не признать, что дипломаты наши не годны.

8-го. Не совсем выздоровев, поехал к Алексею сказать ему, что не могу быть завтра на докладе, и просил стоять на том, чтобы государь разрешил к 26-му начать исполнение нового закона милостями – произвести всех капитан-лейтенантов, посадить на капитан-лейтенантское содержание 30 лейтенантов и публиковать о льготах Георгиевским кавалерам, а также рескрипт великому князю – чтобы все знали, что ему обязаны, а не Грейгу и братии, всеми милостями.

9-го. Доклад. Государь согласился всё льготное в цензе объявить завтра, а закон считать подписанным сегодня. Доложили также и о привычке наших офицеров обходить начальство окольными путями (по поводу выставки медали Ив. Великого для публики), что этого терпеть нельзя и что я Верховскому напишу...

Дела с Англией обостряются. Мы писали, что не пойдем далее того, где стоим теперь, а они молчат и боятся за Пендж. Королева (необыкновенно для неё, а я думаю, чтобы более напугать) телеграфировала царю, неужели из-за такой дряни обе нации пойдут на войну; что мнение в Англии единодушно. Неправ и государь, рассчитывая, наверное, что англичане не пойдут в войну и, думаю, что нашим движением мы им угождаем, ибо даем повод отозвать войска из Суансима, куда их на лето посылать не следовало. Англичане травят на нас афганцев, и все теперь зависит от Сарыни. Впрочем, по нашим собственным картам, мы забрались в чуждые земли. Эти земли вовсе не принадлежали афганцам, а мы же их показывали на картах афганскими.

10-го. День рождения государя. Прием в Аничковском дворце. Сделал доброе дело: дряхлому Голицыну тут же выхлопотал позволение быть на положении мангашери, т. е. жить, где хочет и ничего не делать, и вместе просили Бунге дать ему 2 т. рублей на лечение.

Гирс не знал, как отделаться от нас с Ванновским. Задрожал и заморгал – очень натянуто с англичанами.

Государь, вчера ещё говорил, что нужно быть готовыми, а как и что готовить? Война разрушит все мои начинания.

Я не рублю головы, а срезаю только колтун – и то *gentley* [мягко (англ.)]. Смеявшийся надо мною В. Мещерский, ни с того ни с сего, вдруг написал мне преисполненное уважением письмо. Я ответил холодно.

13-го. Написал Влангали, что вынужден буду говорить с государем о политике, имея в море суда, которые могут очутиться в английских портах во время разрыва.

14-го. Вследствие моего вчерашнего письма к Влангали, утром пришел Гирс, дрожащий и прикланивающийся. На его предложение оставить Пендж спорным и не занимать его с обеих сторон, отвечают молчанием. Дундуков, напротив, рвется занять его и ему телеграфировали, чтобы не занимать. А если Сарыни выгонит афганцев, и нам предложат, то занять.

Humreden [Хамреден] телеграфирует, будто неуверен в афганцах, хочет, чтобы ему обеспечили возвращение каким бы то ни было образом и способом. Нам войны тоже не нужно. На совещании у военного министра я дал понять, что англичане нам настроют всякую пакость – отдадут ненужный им Кипр-Султан и даже прикинутся его вассалами в Египте, лишь бы поставить Турцию против нас.

Что за роль России? Бисмарк пользуется затруднениями нашими с Англией, чтобы поплевать ей в бороду. Гладстон нами отвлекает парламент от министерского кризиса, а Европу от своей Египетской неудачи просто ?[3] мы. Кто бы ни провинился – нас секут. И все это от того, что не готовились во время. Бунге пищит, что теряет миллионы только на слухах о войне, а если бы давал более денег на силы, то эти слухи и не возникли бы, ибо знали бы все, что нас угрозами не испугают.

15-го. У великого князя Алексея замечаю с некоторого времени изнуренное выражение лица. Неужели это неудовлетворяемое сладострастие? Индифферентизм великого князя меня поражает. Ему всё трынь-трава. Великий князь Михаил Николаевич говорит о нашем цензе: «Наконец у нас служба пойдет порядком».

16-го. Государь на пожелал подписать указ о том, чтобы Чихачев заменял меня всегда в высших государственных учреждениях, ссылаясь на то, что в военном ведомстве это делается без указа. Велел быть готовым на всякую случайность.

3 Отсутствует слово в тексте, знак вопроса вписан рукой

Кохановская комиссия, делавшая столько шума, закрывается, и труды её передаются в министерство внутренних дел. Приятно будет составлявшим её верховникам, что мнения их пойдут по столам.

17-го. Сегодня был весьма незначительный доклад. По случаю 25-летия речного яхт-клуба просили почетному командиру, камергеру Познанскому, ордена св. Станислава I ст. и подняли от морского ведомства флаг, на что соизволено.

По окончании доклада высказал государю, что везде миноносная горячка, что нам нужны миноносцы, контр-миноносцы и быстрые крейсеры; что отставать нельзя – и просил позволения рассмотреть немедленно вопрос в особом совещании, чтобы ускорить дело. Позволено подать записку. Великий князь равнодушен.

24-го. Поданную мною записку государь возвратил с резолюцией составить совещание под председательством Абазы из Ванновского и Сольского, Бунге, Островского и меня. Прибегнул к последнему средству ускорить приведение флота в некоторую действительность.

29-го. Вел переговоры с Ванновским. Он готовится к мобилизации, но не тратит ещё ничего. Послал ему и другим министрам записку, поданную мною государю, и его резолюциею. Мы послали в Англию условие примирения. Если они согласятся, чтобы занимаемая нами линия была северным пределом нейтральной зоны, мы уступаем Пендж (в сущности, по мнению военного министра, нам ненужный, как и самый Герат) и тотчас посылаем на место комиссию обозначить границы. Ванновский говорит, что англичане будут на месте прежде нас и что мы ограничимся активной обороной. Правда, за нами не заманчивые степи – и в этом наша сила.

30-го. И на сегодняшнем докладе ещё не решен вопрос о мобилизации флота. Вероятно, завтра получится в Англии наше предложение. Мы не двигаемся назад, но признаем Пендже спорным, и, как крайняя уступка, отдаем его афганцам. Будем ждать. Я сказал государю (весьма спокойному и уверенному в мире и в искренних отношениях к нам Германии), что англичане, одни, нам не страшны, но что они непременно купят союзников, первую Турцию, или Австрию, которая затеет восточный вопрос. Между тем у нас перемостровали[4], что английское правительство велело своей эскадре быть готовой на Дальнем Востоке. По-моему, англичане захотят на нас выместить все свои неудачи и отвлечь внимание Европы от Египта и Индии. Австрийские журналы нас оправдывают, немецкие

---

[4] Так в тексте – вписано рукой. Возможно следует читать «перемонстровали», то есть – перепугались, создали образ монстра

также: т. е. злорадственно втягивают нас *dans du pétrin* [в передрягу]. А на беду ещё умер кн. Н. Л. Орлов, небольшой дипломат, но свой человек в Берлине. На нашу беду (по-моему) побили французов в Танкине так, что они едва надеются удержать Дельту. Лангоон брошен и общее отступление – так что египетским неудачам англичан есть *pendant* [продолжение, дубль]... Да и ирландцы приутихли.

Апрель

1-го. Обедал у Абазы с Лобановым, Гирсом, Убри и Половцовым. Ничего из Англии, согласились с Абазою, чтобы совещание происходило у меня в четверг 28-го.

2-го. Не любит Алексей затруднительных положений. Кроун просит сменить Полянского. В нынешних обстоятельствах, в особенности, нужно скорее развести их, а он жалеет о Полянском. Не смотря, однако ж, на его сетование, я телеграфировал Кроуну назначить Гильдебрандта на «Мономах», а на клипер другого временно. Трудно судить издалека, может быть, и Кроун неудобен по характеру.

Все беды зараз. Телеграмма, что «Кострома» с ссыльными села на мель у Галиполи. Послана «Тамань» на помощь.

7-го. День, который может стать историческим. Вечером на концерте в пользу инвалидов, военный министр, придя довольно поздно, объявил мне, что произошла схватка между нами и афганцами. Мы их раскрошили, взяли 7 орудий и пр. Войдя в театр, Ванновский послал депешу в ложу государя с приказанием передать в антракте. Это не помешало раздавать призы музыкантам. Кажется, жребий брошен. Надежда на Бога, а в отношении меня и на дорогую мою заступницу.

8-го. Великий князь Алексей уверяет, будто англичане-офицеры просили нас их защитить. Я сказал, что узнали вчера от Ванновского о деле в Пенджи, сам распорядился посылкою нужных депеш: «Генерал-адмиралу» в Тулон, «Пластуну» в океан, Кроуну, чтобы был готов выйти в море. «Крейсер» задержан в Манилле. «Минину» велел перейти из Сингапура в Батавию; а Арапову шифрованно, чтобы уведомил «Скобелева» и «Наездник».

Гирс сказал, что английские офицеры были в Пендже и уже после погрома просили защитить их. Комаров телеграфировал целое письмо о призах и георгиях, а о причине побоища сказал два слова: «чтобы наказать наглость» и пр.

Всего для меня любопытнее был секретный трактат, заключенный Гирсом с Германией и Австрией, в котором *les tros parties contractantes* [три договаривающихся стороны] обязались внушить Турции, что она должна запирать Дарданеллы кому бы то ни было, в противном случае её признают *belligerent* [враждеб-

ный, находящийся в состоянии войны, участник конфликта], и все охраняющие её статьи Берлинского трактата *seront biffés* [будут вычеркнуты].

9-го. Сегодня у меня собралось совещание по поводу записки моей, поданной государю касательно увеличения наших миноносных средств. Я посулил собранию, что вместо 26 броненосцев мы обойдемся 18-ю, но взамен нам нужно увеличить число миноносцев, анти-миноносцев и крейсеров, на что просил 22 миллиона в 5 лет. Совещание с Абазою во главе, видимо, хотело угодить и хотели дать тотчас 2 миллиона и затем, в течение 10 лет, определить бюджет флота в 40 миллионов оттого, что требовать большего с моей стороны было бы преступно. На надежды Сольского, что по истечении 10 лет бюджет уменьшится, Абаза отвечал, что он, наверное, станет нормальным.

Вечером государь прислал верный список судов, готовящихся против нас, известный мне по «*Times*» [английская ежедневная газета «Таймс» («Время»)].

Для меня этот день – победа.

10-го. В 2 часа зевали в морском училище в августейшем присутствии, на представление Булонжье и *L'ours et le Pacha* [«Медведь и Паша», (комическая опера Франсуа-Жозефа Базена, – ред.)].

11-го. Гирс получил из Лондона частное сообщение: Нафаниил Ротшильд, приятель Гладстона, сказал Стаалю, что война неизбежна, разве наше правительство обвинит Комарова в произвольном действии – и тогда, может быть, англичане согласятся на нашу границу. Но такого обвинения ожидать нельзя. Гирс показывал мне ясное доказательство. В отчете государю о разговоре с Торнтоном, Гирс назвал схватку с афганцами *fâcheux accident* [неприятный несчастный случай]. Государь написал целую тираду: «*Un accident qui avait couvert nos troupes de gloire, ne pouvait pas être fâcheux pour nous*» [случай, покрывший наши войска славой, не мог быть для нас неприятен].

Такое слово он не допускает в русском представителе, говорит, что это трусость и т. п. Я застал Гирса в лихорадке. Он говорил об отставке и пр. Я возражал, что если дипломаты наши Комарову не извиняют *coup de tête* [безрассудного поступка], то ему, Гирсу, – дипломату, никто не извинит его в настоящих обстоятельствах, и убеждал его *didan the mother cooly* [успокоиться].

Граф Павел Шувалов назначен послом в Берлин, где конечно, будет *persona grata* [персоной, пользующейся доверием (лат.)].

Великий князь Алексей повторил, что ему следует защищать Кронштадт, предлагал мои услуги и Чихачева, как начальника Кронштадтской эскадры, с Новиковым на одном из флангов. Мы, моряки, должны работать вместе.

13-го. Снова зима. Переговоры с Англией в прежнем положении. *Le rouble baisse* [рубль падает]. Оставил государю проект резолюции на протокол совещания. Принц Алекс. Ольденбургский назначен командиром гвардейского корпуса. Назначение не популярное, но вызываемое неимением богатых простых смертных.

15-го. Влангали прислал записку, в которой надеется на мирный исход переговоров. По-моему ...[5] войны или мир у Эмира и у Султана.

16-го. Первое недоразумение с военным ведомством. Корф жалуется, что принимаются во Владивостоке меры к защите без его ведома, и военный министр хочет подчинить военные и морские силы генерал-губернатору.

17-го. А сегодня Корф плачет, говорит, что Владивосток беззащитен и хочет мобилизовать войска. К чему? Тот же плач от Фельдгаузена, и Кроун хочет отойти в бухту Амжима в ожидании английского адмирала, который снялся из Нагасаки вчера. Ночью послал депешу Фельдгаузену ставить деятельнее мины, а Гирса просил телеграфировать в Лондон, что вход во Владивосток минирован и запрещен. Гирс прислал Зиновьева спросить, беру ли я на себя, не дожидая разрешения государя, телеграфировать. Отвечал – да.

18-го. Нелепый праздник Кириллу и Мефодию, на который привлекли государя. Уезжая, он потребовал Ванновского и меня в вагон. Оказалось, что Гирс не решился послать мою депешу, но государь одобрил её. Гирс, вчера ещё уверявший меня, что *tout est â la paix* [все в мире спокойно], оказался слишком *léger* [легкомысленным]. Англичане, почти соглашаясь на нашу границу и отдавая нам даже Пендж, подчиняют всё следствию над Комаровым. По этому случаю у государя вырвалось на счет их твердое словцо.

Утомленный неопределенностью, я просил позволения начать кампанию в гавани всем боевым судам. Если, Бог даст, не будет войны, узнаем, как скоро можем быть готовы и увидим наши грехи. *Y non very gloomy* [удрученный].

21-го. Поехал в Кронштадт. Готовятся довольно деятельно. У Шварца с Пилкиным нелады, замечаемые молодежью. Прорубили лед и грузятся успешно.

22-го. Ездили на Косу. Артиллерия готовее прочих частей, но пушки сравнительно жалкие, хотя артиллеристы *tous pris des vaisseaux cuirasses* [могут пользоваться поддержкой с моря].

---

5 пропуск в тексте

24-го. Переговоры всё длятся и томят. В публике говорят, что уже готовится манифест к войне. Заатлантические друзья налегают на нас обычной алчностью. Н. П. Игнатьев привез ко мне какого-то полковника *Savage* [Саважа], желающего быть нашим агентом, с тем, чтобы будет ли война или не будет, понадобятся ли его услуги или нет, а ему дай привилегию торговать с Сибирью. Забавно: Игнатьев уверял, что *Savage* депозирует 20 миллионов, превратившихся сегодня у *Savage* в 20 тысяч.

25-го. Гирс уверяет, что перлюстрация депеш из Индии выказывает неблагополучное состояние дел там. Не утешает ли он этим государя. Уверяют, будто государь потерял терпение и спросил Гирса: «Что же, они меня принимают за принца Монакко». Кажется, во всяком случае, Гирсу не сдобровать.

Все спрашивают – «война или мир?», – а я не уверен, что никто (в России, по крайней мере) не может отвечать на этот вопрос.

Англичане ухватились за предлог надобности в войсках, чтобы порешить с глупо предпринятой Суакимскою кампанией и Гладстон, довольно дерзко, потребовал кредитов 11 миллионов, не удовлетворяя запросам оппозиции, желающей знать состояние переговоров.

27-го. По дороге в Гатчино разговорился с Островским о злобе дня. Он просил меня просить государя, чтобы он не упрямился и дал бы англичанам выход. После доклада, призвавши предварительно на помощь Надю, я дал Алексею время выйти, а сам вернулся и попросил позволения говорить откровенно. Государь ласково дозволил. Начал, как моряк, выставил всю безнадежность на успех, сказал, что мы, конечно, будем уметь умирать, но без пользы. Все планы государя о нарождении флота пойдут прахом, деньги, которые дают теперь с охотою, возьмут назад, ибо истратят на войну. На Турцию надеяться нечего. Возрождающийся Севастополь сожгут, там нет укреплений. Перешел к общим вопросам. В случае неуспехов шансы могут перемениться, и Европа, теперь к нам расположенная, пожалуй, повернется к англичанам. В случае неудач гидра революции опять поднимает голову. Я предвижу бедствие и умоляю кончить миром. «Всем известно, государь, что Вы один без чьей либо помощи стояли за честь России, пора сдать в упорстве, тем более, что англичане ищут отступления».

Государь слушал внимательно и с доброй улыбкою, и когда я сказал, что вопрос о мире или войне зависит единственно от него, что ответственность столкновения громадная, показалось мне, начал склоняться, и вошедшему после меня Островскому сказал: «нужно им (англичанам) что-нибудь уступить». Если я причиною такой перемены воззрения, благодарю за то господа и поминаю благодетельную тень Нади. Увидим. Островский просил позволения сказать о моем разговоре Зиновьеву, чтобы там сообразно действовали.

Возвращался с великим князем Алексеем. Государь, верно, не сказал ему ни слова о нашем разговоре, иначе он завел бы речь. С моей стороны я не счел нужным сообщать ему, боясь приятелей яхт-клуба.

Чихачев хочет оставить в штабе памятники своей деятельности и влияний и всё подает мне записки, в которых я вижу часто мои идеи, но он на это не указывает.

28-го. Гирс был у государя с докладом и нашел повелителя сговорчивее. Хочет собрать совет. Гладстон, во вчерашней своей речи, был тверд в требовании кредита и в скромности о происшедших переговорах. Ему выказано большое доверие и теперь легче будет делать уступки для мира. Зато в случае упрямства с нашей стороны, он имеет право и средства решиться на всё.

На рауте у германского посла все наши дипломаты – и мы, не дипломаты – *avaient le bec dans l'eau* [остались ни с чем].

29-го. Государь всё не желает расходов на мобилизацию и спрошенный мною Ванновский, подтверждая это, побаивается, что англичане явятся и застанут нас неготовыми.

Май

1-го. В 11 ч. по предварительному приказанию явился в кабинет государя с великим князем Владимиром и Алексеем, военным министром, Гирсом, Зиновьевым и Бунге, который был с докладом. Гирс, предварительно, просил государя собрать совет. Государь согласился, сказал, что сам даст знать тем, кого позовет. Я получил приказание через генерал-адмирала. Началось с чтения депешей, из которых выказалось, что английское правительство отказалось от следствия над Комаровым и ищет выхода в согласии на *arbitrage* [арбитраж] коронованного лица, который решит кто прав, *et proposera une solution conforme á l'honneur de deux pays* [предложит решение, которое позволит обеим сторонам сохранить лицо]. Эдинбургский был у Сталя и объявил ему, что согласятся только на последнее.

Государь отклонил заведенную Ванновским речь о правоте действий Комарова и предложил прямо вопрос – согласиться ли на предложение английского правительства, что примеров подобного согласия в русской истории не бывало: «что скажет Россия?» и обратился прямо ко мне за мнением. Я повторил то, что говорил в понедельник: «Не секрет, государь, кто отстаивал честь России, когда о ней шло дело. Вы, один, Вы, отстаивали её упорно. На мой взгляд, нечего вводить комаровское дело, оно Вами бесповоротно отклонено. Наступил другой фазис вопроса. Английское правительство, до сих пор отступавшее, очевидно, ищет выхода из своего положения. Отступать далее оно не может. Народ дает ему сред-

ства на сопротивление. Но и в этом положении оно продолжает искать выхода и предлагает Вам средство, которое если, может быть, неприятно, то только Вам лично, Вашему самолюбию; а им Вы пожертвуете, чтобы устранить от России бедствие войны, и на вопрос Вам, что скажет Россия, отвечу, что благодарная за поддержку до сих пор её чести, опять повторю, упорную, они присоединят к ней благодарность за личную жертву с Вашей стороны».

Начали говорить – а что если по решении Англия станет требовательнее? А даст ли она *Arbitr*'у [судье] все бумаги? Нужно указать на это. Я возразил, что этим наведут её на мысль быть требовательнее.

Ванновский домогался входить в военные подробности, но государь отклонял. Владимир говорил очень разумно и неоднократно повторял, что совершенно разделяет мои взгляды. Бунге указал на разорение и на то, что гидра вновь может понять голову. Решили согласиться на предложение Англии и предложить посредником датского короля, что, по моему, докажет, что государь вводит в вопрос душу, мысль. Датчанин принадлежит Гирсу. Говорили о Германском императоре, как о другом возможном арбитре. Чтобы не быть слишком обязанным Германии, след. и зависимыми от нее (чего с Данией случиться не может), Германию отстранили.

Боже милосердный! Может быть, день сей, по воле твоей, будет знаменательным днем для моей родины. Помилуй, что дерзаю гордиться участием моим. Надя, молись за Россию.

3-го. Столетие дворянства. Вялое, бесцветное торжество в дворянском зале в присутствии всего царского дома. Александра Иосифовна особенно высказалась, будто желая загладить поступок мужа, более всех способствовавшего унижению дворянства.

О войне самые разнообразные слухи. Речь Гладстона, по-моему, *chef d'oeuvre* [шедевр] внутренней и внешней политики, в особенности, первой. Сел тверже прежнего, кончил глупую Суданскую экспедицию, и нам, на случай, показал зубы.

4-го. Бесцветный доклад. Немилосердно кашляю, что заметил и государь. Наши суда преследуются англичанами.

5-го. Разжалобленный Кремером, частно сообщившем о смерти Ухтомского, телеграфировал вчера государю, прося занести его производство в приказ, и получил замечание, что подобные производства *in extermis* [в спешке] делаются только в морском министерстве. Нужно быть осторожнее. Однако ж как отнять у умирающего право подавать в отставку, делать последний расчет с жизнью для блага остающихся за ним. А правом производства он, как и умирающий, пользуется.

Обед у Нарышкиных и разговор с Воронцовым и Тимашевым о приливе пролетариев во все службы.

Веет миром.

7-го. Англичане с обычной бесцеремонностью следят за нашими судами. «Агамемнон», с несколькими судами, пришел к Иокогаму и стал возле «Мономаха». Воспылавши желанием превзойти Комарова или желая выказать, что он чисто русский, хотя носит английскую фамилию, Кроун пришел в бешенство и написал командиру «Агамемнона» письмо глупое и дерзкое. Глупое потому, что претендовал на право англичан ходить по морю как хочет, дерзкое потому, что укорял командира в неделикатности, а Англию в известном презрении к правам нейтральных государств, и дважды глупое потому, что в письме говорил о слабости Японии, где находился, и неспособности её стоять за права нейтралитета.

Получив от него телеграмму, я просил указать причину, вынудившую его на подобные сношения. Вскоре Гирс мне передал телеграмму Давидова, в которой тот привел текс письма Кроуна, я потребовал от Кроуна немедленного ответа ещё прежде получения телеграммы Давидова, а, получивши её и посоветовавшись с великим князем, послал телеграмму, чтобы Кроун шел во Владивосток, оставив другие суда в Иокогаме. Такого дурня нельзя держать иначе, как на привязи. Дело это началось пятого числа, а до ночи сего дня не имею никаких ответов со стороны Кроуна. Понимаю всю досаду его видеть англичан, его караулящих, но все-таки не могу приписать подобного поступка со стороны 60-тилетнего адмирала иначе, как высокомерию сумасшедшего – и тот инцидент как раз в то время, когда всё клонится к миру.

10-го. Убеждал Алексея не мешаться в дела Обуховского завода; а что-то он сильно стоит за право консорциума.

Великолепные похороны скончавшейся в Смольном дочери Черогорского князя; истинно царские. Государь провожал гроб верхом до станции, императрица и весь двор в траурных каретах. Богато и торжественно.

11-го. Мой доклад был неинтересен, а после меня был Абаза и вопрос о 40-миллионном бюджете моем решен государем. Лишь бы война не помешала расчетам.

16-го. Был Гирс. Переговоры шли хорошо, но мы начали, *á la dernière heure* [в последний момент] требовать Муршака – и все затянулось. Гладстон *a gagné tous les points* [выиграл все очки] – схватил кредит, не сказавши для чего, и под шумок афганского вопроса отказался от продолжения Суданской кампании. Из Суасина вывозят войска.

18-го. Беседую с собой только от доклада до доклада. Сегодня день рождения наследника. Обычный завтрак и целование руки. Болезнь одолевает меня. Однако ж тотчас по возвращении, был у Алексея для переговоров о Кроуне. Он боится, что смена его припишется боязни англичан. Может быть и прав. Да и Кроун мой взбесился, ибо англичане позволяют себе быть бесцеремонными, но нужно было написать умнее и не оскорблять японцев.

19-го. Наследник прислал в подарок портрет, – чрезвычайно удачная фотография; с четкой подписью. Почему ему вздумалось прислать портрет – и мне ли одному, или всем министрам – не знаю. Нужно благодарить.

Занят приготовлениями к церемонии открытия канала и нездоров. Не мог провожать Алексея в Кронштадт.

24-го. Совещание у Абазы по поводу кредитов военного времени. Я же защищал нормальный кредит и опасался, чтобы не смешали с ним военного. Члены *péquins* [штатские] просили завтра доложить государю о дозволении явиться на торжества в нешитых мундирах.

Мы всё возимся с Англией. Хотим Мурушак, не введя его в прежнее соглашение. Действительно, трудно дипломатам успевать, когда мы предъявляем всё новые требования.

25-го. На сегодняшнем докладе государь решил, что отошлет иностранных представителей назад с церемонии и, по моему ходатайству, позволил всем *péquins* [штатские] быть в маленьких мундирах.

27-го. Церемония открытия канала. Грязнейшая погода. Государь приехал по железной дороге. Великие князья и княгини на «Стрельне». Всё было в порядке, исключая *start*'a [начало (англ.)]. Нашел шквал с дождем и офицер, смешавши сигналы с «Державы», отдал перлинь, что произвело замедление; но раз давши ход, всё обошлось благополучно. Под дождем *le maître tenait a dire bonjour aux equipages* [князь поздоровался с членами экипажей].

Съезжал на «Скобелев» и делал артиллерийское ученье, обошел весь флот и благодарил за порядок. Домой воротились к 6 часам.

Островский просил дать прочесть государю мои записки. Я согласился. Говорит, что в них много поучительного для хозяина.

Июнь

1-го. Англичане согласились на наши последние предложения (какие, даже мне, *au courant* [информированному], трудно определить) и соглашаются на посредничество Короля датского. Государь написал «Наконец».

2-го. Рано утром, в Петергофе, поздравил Алексея с именинами, а в час были уже в Государственном Совете, на чрезвычайно интересном заседании. Мое дело о новом положении об управлении морским ведомством, к удивлению моему, прошло без всякого замечания. Берегли свои силы по вопросу об общем увеличении тарифа.

Голоса разделились: шесть за и пять против. Грейг говорил долго, цитировал разные французские фразы и выразил уверенность, что его мнение разделяют многие. Все пять согласившихся говорили за свое мнение. Но Абаза, может быть, лучшею из своих речей, поборол противников. Разделивши Европейское государство на две группы: должающих и дающих взаймы, он доказал, что экономическая политика не может быть одинакова для всех, что подносится горькое лекарство, которое нужно, необходимо нужно пить, такому больному – как Россия – и просил Совет убедиться, что наше положение весьма серьезное, что нам нужны не доктрины, а законы *opportunite* [своевременные (уместные, подходящие)].

Комитет министров. Рейтерн возвратился с здоровым глазом.

10-го. Набоков говорит, что в Харькове, где при обыске был убит полицейский надзиратель, нашли бомбы грубого небезопасного устройства. В военных кружках за последнее время пропаганды не замечается.

Вспомнилась моя бедная Надя. Провожал на пароход семейство Гирсов. Дочь, жалкую, почти мертвую перенесли на руках. Отдал дань собственным горьким воспоминаниям и проводил несчастную на «Неву», где велел устроить ей убежище до Ораниенбаума.

15-го. В совете дело о штурманах и артиллеристах, и потому не был с докладом. Посьет говорил о принципе, *mais je n'ai pas daigné lyi répondre* [но я не соизволил ответить ему]. Уже решено два года назад.

За последние дни у меня событие и в Европе тоже. Батарея «Кремль» затонула на глубине 25 фут у кордона Васпике после двудневного шторма. Только сегодня получил известие, что её откачали и намереваются вести в Кронштадт. Государь велел себе давать знать о постепенности работ. Если бог поможет, завтра ночью батарея будет дома.

Гладстон пал и Солсбери взялся составить новое м-ство. Придрались к налогу на пиво и спирт. Чем перемена отразится на нас? Едва ли новые министры с

кучей дел на руках решатся расковать сотканное уже Гладстоном соглашение по афганскому вопросу. Впрочем, скоро выборы и твердость нового министерства подлежит сомнению.

Много хлопот: силы физической не хватает, хотя мучает кашель; но в голове не улегается уже мысль так стройно, как прежде.

22-го. По случаю увольнения по флоту четырех старейших вице-адмиралов, мы согласились было с великим князем назначить их в Адмиралтейств-совет или в комитет раненых, о чем я уже сносился с военным министром, но в последний час мне пришло в голову сделать это иначе. Изготовил от государя рескрипт, в котором тот пишет в. князю, что усмотревши почтенную службу ветеранов, он им сохраняет по жизнь содержание. Эффект будет двойной: увидят, что государь весьма внимателен к морякам и *di proprio motto* [по его собственным словам (итал.)] сглаживает шероховатости нового закона.

Много расспрашивал государь о «Кремле» и добивался моего мнения, которое я не высказал, сказавши, что комиссия выяснит дело.

29-го. Раскланивался по случаю отъезда. Рассказал государю анекдот о взятии под козырек по телефону. Императрица сказала, что уже писала о моей поездке в Копенгаген и обещала дать письмо завтра.

Ходил с новой миноноской, но она не могла держать полного пара из опасения за котлы и, по моему расчету, 13 узлов. Вероятно, дойдет до 15-ти.

30-го. Морское торжество. Закладка «Александра II», спуск «Рынды», смотр «Наезднику» в бассейне и проба миноносца. Государь, как всегда, был очень милостив. Императрица дала письмо отцу. Погода была чудная. При закладке государь сотворил крестное знамение. *Il était ému* [он был взволнован].

Спуск был великолепный, хотя заставил себя несколько ждать.

«Наездник» первым прошел канал три года тому. Государь вспомнил и хотел видеть его опять в канале.

Прощаясь, государь, очень семейно, просил кланяться всем нашим! Отцу, мамаше, братьям. Хорошая, сердечная чета.

Июль

2-го. В 12 ч., по условию, встретил я великого князя на пристани, сдал ему, так сказать, должность (с запискою) и долго говорил. Показал письмо к Кроуну, в котором тушу его мужицкую прыть, простился и отправился с божьей помощью в путешествие, в сопровождении генерал-майора Бобрикова и капитана

Головнина (инженера). В Кронштадте перешли на «Олаф» и при свежем морском ветре поплыли к Биорк-Э, который прошли ночью.

Велеть исследовать бухту у Питкопаса.

3-го. К 10 часам утра прибыли в Роченсальм – первое место моих изысканий. Обошел на пароходе большой и малый рейды и стоявшие на них практическую эскадру Пилкина и шхерный отряд Корнилова. Последний, по моему приказанию, изучает все проходы и выходы.

Роченсальм хочу сделать центральным пунктом шхерной флотилии. Аспэ слишком *l'air* [открыт], может быть облокирован и отрезан.

Вот моя идея.

Укрепить место так, чтобы неприятель должен будет употребить большие силы. Для этого возобновить современно прежние форты и оторвать у неприятеля часть продольного по шхерам фарватера. Эту идею нужно иметь для разных пунктов, чтобы можно было проскочить, идя неизбежно по фарватеру, доступному неприятелю.

Я обошел все роченсальмские позиции на лодке и пришел для исполнения моей идеи к следующим заключениям:

Воспрепятствовать неприятелю вход в бухту между Коткою и Муссала. Для этого поставить орудия на оконечности Муссала против Туапелла, протянуть минную линию за Туапелла через камни к форту Слава и оттуда к Гальсин-Сарн. Линия защиты батареи Екатерины, Елизаветы и, пожалуй, Славы; за последнюю не стою[6].

Таким образом, миноноске, как лодке, проскочивши от запада, можно укрыться, вбежавши за Туапеллу и проход внутри мин – от внешнего неприятеля, который не посмеет атаковать её.

Кутуаль-Муль занять отрядом – может быть, командующим редутом, обстреливающим в то же время Королевский проход.

С востока опасен о. Калька-матала, но прежде, нежели неприятель займет его, миноноска из Роченсальма доконает с помощью лодок, ибо для первых есть, кроме Королевского, ещё два прохода – южнейшим можно пройти, ставя горизонтально винт, северным, как хочешь.

Если по направлению к Аспэ набросать «герцов», то неприятель может сломать себе зубы; во всяком случае, мы отвлекаем от Кронштадта большую силу.

Вода в Кюмени, и можно стоять день уже вне выстрелов. Железная дорога недалеко и к ней прекрасная грунтовая.

Вечером ездил смотреть водопад, на паровом катере. Бездна бревен, спускаемых по Кюмени, но хорошо распределяемых для сортировки и направляемых

---

6 У этого абзаца рукописная приписка: ... и ... мышление организ. Позиции для флота < чем у нападающих

заборами в воде в разные русла. У водопада пристали с большим трудом, взглянули и истинно помчались обратно в Котку, свернув направо на рыбную ловлю.

Заливающий русско-финляндец Дружинин арендует у правительства, которому переступил свое право Валаам, квадрат быстрого русла сажень в 20 и здесь губит варварски лососину. Примитивный способ ловли – плотина, спускаются клетки, в которые рыба может войти, она войдет, ошеломленная о перекладины клеток плывет по течению к другой плотине, которую раз уже миновала, и там попадается в сети. Жестокий способ убивать рыбу крючком, заставляя её биться пока под крюк не попадет голова. Уверяют, если не убить, то сама заснет и мясо хуже.

Назад истинно финляндская езда – во всю прыть.

4-го. В ночь снялись с якоря и утром я атаковал Свеаборг с моря, желая знать, к чему послужат возводимые на Друмо-Э укрепления. Но мортиры ставятся на южной оконечности и по западному берегу острова. Думаю, не поздоровится.

Прошел далее.

NB. Нужны наблюдательные пункты, с которых давали бы знать, что неприятельские суда становятся на мель.

Туман холодный задержал по выходе из живописного Баре-Зунда около лоцманской станции.

5-го. В ночь прояснилось, снялись с якоря и пошли к Тверминэ, миновали его и стали в Ладвике. Экенесской залив тянется далеко на север. Исследовать Экнес необходимо со всеми проходами к востоку.

Пока вот моя идея. Вместо того, чтобы забрасывать «герцами» залив, положить их при удобных или неудобных входах в шхеры – к Пеленге, Борго и т. д. Так, чтобы она была вне пути наших сил вдоль берега. Роченсальм гнездище укрепленное; Экнес гнездышко весьма полезное, если восточные протоки хороши, ибо может действовать соединенно с Моонзундом.

Прошли безрадостный Гангут, который непременно займется неприятелем и сообщение между Або и Гельсингфорсом перервет. Не мудрено, финны догадались, куда упереть железную дорогу. Здесь весьма редко замерзает.

Прошли запрятавшуюся в трущобу императорскую эскадру. Царственные дети отправились фиордом к заводу Дальбрук – ножному и проволочному. Прошел весьма узкое место и вошли на живописный рейд у Рунсары – предверие Або. Нас встретили «Ура!», и мы ответили.

Дал Тимроту мои идеи письменно, и он нас оставил.

По уезде Тимрота смотрящий за облака Бобриков начал городить города там, где нужны лачужки. Однако же он мне дал новые идеи. Помощь армии. При

редутах должны быть перевозочные средства (нанятые пароходы), которые могли бы брать 4 полевых орудия и роту – две стрелков. В случае вынужденного отступления или раз отбитого нападения неприятеля на редут, чтобы можно было перейти на другое убежище и тотчас укрепить его.

Занимать шхерные отряды сообразно военной программе.

6-го. Утром съездил на завод Крейтона и осмотрел лодку «Бобр». Медленно, но аккуратно и честно. Разрешил подать угольные ящики вперед. Осмотрел завод Металл-Delto.

Поручил Берхману (старшему офицеру) выяснить, удался ли Крейтон-Уайтонский катер для минного класса и то же де-Рибасу, Чихачеву.

Генералы спутники оставили меня – Бобриков, кажется *ins pile* [зрительным залом]. Ему не нравилось, что я относился к Тимроту; но, во-первых, я его взял только для связи с проектами деятелей по южному берегу, в которых он участвовал; во-вторых, Тимроту, во главе особой комиссии, предстоит стратегический осмотр берега; да Тимрот и умнее, и сообщительнее. Бобриков показался мне одним из тех, что метит и считает себя способным только на государственные места и вследствие того всё смотрит вдаль, а под носом не видит. При том он чересчур хочет быть логичен и умен, и поэтому не говорит просто, а театральничает. Одним словом, офицер генерального штаба, употребленный по дипломатической части.

В час снялись с якоря на Стокгольм. Встретил *baby squadron* [детскую эскадру (англ.); («Царевна» – на тот момент яхта императрицы Марии Фёдоровны, судя по дальнейшему тексту, «эскадрочка» состояла только из яхт, – ред.)]. «Царевна» прошла наискось мимо – играли гимн. За нею следовали кроме яхт два финляндских парохода. Направилась к северу, и потом поворотила в Або – верно, взглянуть на лодку.

К проекту защиты шхер.

Распределение флота.

I. Редуит – пароход «Ильмень» для флагмана, 2 лодки, 10 миноносцев. Два 7-ми ф. парохода для угля (лучше угольных депо), подвижных орудий и стрелков.

II. Котка. «Азия» для флагмана (сильно вооруженная). 2 лодки и 10 миноносок – береговой склад угля.

III. Свеаборг. Действующая эскадра. 10 миноносок. Уголь и всё нужное на берегу.

IV. 2-ой редуит. «Онега» для начальника. 2 лодки – 10 миноносок, два 7-ми ф. парохода под подвижную артиллерию.

NB. В отдельные поиски посылать попарно большие миноноски с малыми, тогда уголь на малую можно передать с большой.

Если неприятель выкажет намерение выбить с редуита, иметь под редуит, куда тотчас перейти.

NB. Придумать действительное поощрение лоцманам, розыскание внутренних фарватеров.

Кронштадт. Все мониторы, пять лодок, батареи и 20 миноносок, чтобы можно было вдруг нападать с обоих фарватеров.

Нарва и Луга. Жилье и уголь на берегу и 8 миноносок.

7-го. Путь аландскими шхерами навел мена на весьма непатриотические мысли. Какое дело, кому не принадлежали эти голые безрадостные камни.

Бамарзундская крепость действительно представилась мне только грозящим туманом, даром раздражающим Швецию.

Утром подошли к маяку, приняли лоцмана и вошли в живописные и мягкие Стокгольмские шхеры. На пути салютовала эскадра из 18 вымпелов, готовящаяся к маневрам в присутствии короля.

Оригинально живописный Стокгольм представился во всей своей северной красоте, вдруг тремя отделами своими. Тотчас приехал посланник Шишкин и увез нас к себе, потом Миргартен, нечто вроде *Champs Elysées* [Елисейские поля], обедать. Знаю шведские обеды по наслышке. Римские, к сожалению, *vomitorium* [тошнотворны (лат.)].

8-го. Сделал несколько визитов и разбирал чертежи лодок. Король меня помнит и зовет прямо обедать в *Rosendal* [Росэндаль], скромный домик в прекрасном парке, который вчера мы проезжали. Это меня сбивает с намерений.

Шишкины обедали и по обыкновению наших дипломатов, рассказывали придворные сплетни. Мужицкое здесь правление. Король богат и во всех аферах, кажется, даже строил Сивучь.

9-го. Утром съездил на Берзундский завод, который считал менее значительным, нежели он есть. Доменная печь с дутьем под вход – а это штука. Воздух остается там, где нужно, и нет пламени вверх. Машины на корвете *Traga*; котлы и обшивка парохода славной работы. Длинные пристани. Прекрасная чертежная.

В 2 ч. отправились на пароходе по озеру Мелар, внутренней водой, ведущая к I*ncale* [Инкале]. Мы плыли вдоль южной его части, завернули взглянуть на Королевский летний дворец и прошли между мириадом островов к *Griepsholm*'у [Грипсхольму], дворцу-музею на одном из островов, расположенному вплоть к кокетливой деревушке. Показывали какие-то темницы, в которых один Эрик посадил другого. Но всего привлекательнее – картинная галерея. Адольфы, Густавы – и не Густавы – Людовики, Карлы, Петры и пр. и пр. – все оригиналы. Устал,

но не особенно, так что с восхищением сел обедать на быстром пароходе, нас привезшем, и пустился в обратный путь.

Нельзя не сказать, нас приняли с добросердечным гостеприимством. Все встречные пароходы кричали нам, русским, «Ура!». Чудная погода, комфортабельный парад и дружество. Прелестный день. Разговорился с вице-адмиралом Лагекранцем, здешним главным командиром. У них предельный возраст в армии и флоте, для всех генералов, без различия, 65; три года *recpite* [отсрочки (англ.)] и потом *l'oville pendue* [суши весла, здесь: развлекайся] с 6000 крон. Они нашли наши премии за плавание и командование весьма справедливыми, ибо и у них офицеры годятся при береге.

Жалуется на сепаратизм Норвегии, но думают лучше скорее решиться дать ей совершенно отделиться или *paper dessus* [только на бумаге].

11-го. Положительно Шишкину не везет со мною. Приехал с утра приглашать идти на маневры. Действительно, мы отправились с 11 часов на той же *«Victoria»* [«Виктории»], на которой ходили в Гринсгольм, с тою только разницей, что нас было столько, что нельзя было воткнуть булавку. Мы прошли по жарище в шхеры за Ваногольм – укрепление вроде наших Александров и Павлов, заметили у Фредборга утлую яхту короля и скоро нагнали неприятеля, шедшего под парами на OS. Скоро пройденная нами прежде флотилия также вступила под пары и направилась к неприятелю. Обе соединились и построились в линии на якорях: фрегат, корвет, пять мониторов, пять лодок (Винда, Эдда и пр.), авизо *Drot* [Дрот] и три миноноски.

Мы ходили между ними и хорошо видели все типы шведских судов. На лодках большие 11-дюймовые орудия, вращающиеся и стреляющие по носу. Наш капитан перерезал ордер *with the greatut case* [вероятно, в оригинальном тексте значилось «with the greatest care» – с величайшей аккуратностью (англ.)]. Налюбовавшись, пошли вспять, остановились у Фредборга, где видели палатки для обеда и самого короля. Я узнал его по статной фигуре, но он уже постарел. Говорят, большой хозяин – даже отдал в наем громадные погреба под дворцом, участвует во всех компаниях и выводит из петли ведущих дурно дела, если есть уверенность, что они с помощью пойдут хорошо. *Causeur mais peu sympathique* [интересный собеседник, но мало симпатичный].

Под влиянием Германии, мечтает о многом, даже о скандинавском союзе, но увлекается в речах, которые говорит хорошо – напр., увлекся в прошлогодней размолвке с Норвегией и наобещал и подавал слишком много.

В 5 ч. Возвратились, натерпевшись от жары. Шишкины обедали. Странный состав представительства: фонфарон Мурузи, неприличный циник Моллфиус и пр.

12-го. По приглашению обедал у короля в Розендальском *cottege* [загородном доме (англ.)]. На чистом воздухе при южном небе и свежей северной зелени нельзя было быть более любезным. Принял меня перед обедом одного, вспомнил Ниццу и уверял, что очень рад меня вновь видеть. В знак того, как ему приятно высказывать дружбу нашему императору и как он стоит за то, чтобы я сохранил о Стокгольме приятное впечатление, Е. В. сам вручил мне ленту Меча и просил надеть её, чтобы видели, как он торопится делать приятное соседям. Я не знал, как благодарить – позвали адъютантов, которые меня и снарядили. Так что, сойдя вниз, я представился королеве уже как шведский кавалер. Оба принца – в старшем я узнал коронационного знакомого – Лагеркранц, министр иностранных дел и морской также обедали.

За обедом началось чоканьем с королем и приветствием по-русски. Произносит король поразительно чисто. Не молчали. После обеда король отвел меня и Шишкина в сторону и начал говорить о злобе дня; высказал уверенность, что схватка наша с англичанами только отложена, и когда я сделал ему комплимент, что в России знают и ценят его объявление нейтралитета, тем более, что в 1854 г. было иначе, ответил, что я напрасно виню людей 1855 г., что тогда можно было снабжаться в Голландии, без ущерба военных действий, что Фарезунда не знали и что только обойдя все море, он увидел его лично – вот почему, в теперешних условиях – он счел беспристрастным объявить запрет.

Потом перешел к Балтике *mare clausum* [буквально «закрытое море» (лат.), море, для которого установлен особый правовой режим плавания, – ред)], говорил чистосердечно, что он не может быть самостоятельным, что англичане опустошают его западные берега и т. д. Я отвечал, что, по-моему, вопрос *mare clausum* здесь тот же, что в проливах. При согласии прибрежных государств он мог бы быть под общей гарантией Европы, что, по-моему, уничтожение Зундских пошлин горестно, ибо могли бы служить базою дальнейших попыток к mare clausum. Я прибавил, что не виню 1855 год, но указываю на разницу между ним и 1884.

Вообще, любезностям не было конца. Король и королева говорили с командиром и Дерибасом. Обоим даны кресты. Удачный вечер усилил приятные впечатления. Поощряли съездить к Норденфельду так упорно, что я поверил, что он – король во всех предприятиях.

13-го. Взглянул на адмиралтейство, маленькое, но удаленькое.

1) Казармы – просто, чисто, удобно. Складные кровати (17 кроверов), дающие бездну места днем. Круглый умывальник с опрокидывающими фаянсовыми чашами, ударяющими о задержняк, обернутый каучуком. Столовые не вонючи, несмотря на близость кухни, которая, впрочем, в стороне. Унтер-офицеры очень от солдат возвышены и даже в буфете имеют отдельную комнату. NB. Глубже изучить систему *in Delta* [в дельте (англ.)], нечто вроде бывших наших поселений.

2) Экцерцис-Геузы изучить, там всё – гимнастика, ружье, батарея, мины. Нужно при этом изучить систему обучения.

3) Прежние эллинги для гребной флотилии превратились в минные магазины. Особые здания для Уайтходов, но малы и их мало. Наверху модельнен старой рухляди и Born [Борн] на той стороне.

4) Небольшая механическая. У неё эллинг для вытаскивания миноносок и поперечные рельсы, так что можно вытаскивать по двум перпендикулярным направлениям.

5) Миноноска по образцу Торпенкрофтовой, стоящая всего 61000 р.

6) Док 300 60 и 24, высеченный в скале, и отчасти только *Maconerée* [Маконери] – 250000 руб. В нем стоял повредившийся пароход. За починку его берут 6000 кронеров и радуются, что это прибавляет на адмиралт. *magot* [клад, кубышка, на черный день], а у нас в общую кассу.

7) Адмирал Lagerkrantz [Лагеркранц] купил для короля премилую шкуну, яхту для рыбной ловли за 4000 р.! Вот страна дешевизны.

NB. Примечательно, что все катаются до предельного возраста.

Съездил в заведение Норденфельда. Просто прекрасная большая мастерская со станками всякого рода, служащая дополнением Лондонской. Например, стволы сюда пересылаются из Англии, а составные части часто здесь делаются. Замечательная вентиляция. Отворяются затушеванные стороны. В центре мастерской – наблюдатель и раздача инструментов.

В 6 часов простились с «Олафом» и отправились в Мальмё. Все провожали очень любезно и даже сочувственно. Шишкин передал кресты Вилькену и де-Рибасу.

14-го. В 8 часов прибыли в Мальмё. Встретили Типля, и с ним пошел на пароходе. Прекрасный искусственный круглый порт с 24 футами глубины.

К 10 часам причалили в Копенгагене. Вице-консул сказал, что «Стрелок» прошел. Остановились в *Hôtel d'Angleterre* [отель «Англетер»]. Сделал визит графу Толю, скоро уезжающему по болезни. И этот не решился спросить, когда король примет меня, хотя я передавал эту просьбу через Доможирова.

Музей Торвальдсона. Есть дивные вещи. Хотелось бы видеть оригинал Иисуса с учениками. Есть одна особенно милая группа граций с Амуром: одна с милым выражением, другая с насмешливым, третья в грусти. На дворе могила художника и на ней зеленый плющ. Просто и внушительно. Дворец Христианборг горел в 40 саженях расстояния и музей едва не сделался добычей пламени.

Вечером были в Тиволи, едва не первом Тиволи в Европе. Мало, таровато и зелено.

16-го. Осмотр арсенала. Нашел там министра. Громадное пространство. Сарай для небольших орудий (*bune Vavasseur'ов* [на Вавассерах (инженер Вавассер проектировал орудийные лафеты, – прим. ред.)] от Армстронга). Чертежи новых судов: строющийся броненосец и проектированный крейсер с горизонтальной броней. Мастерских не видели. Машины делаются у Бурмейстера. Сарай для мин. Минная мастерская и сарай для миноносок. Шланги из желобчатого железа – по два в каждом – приходится по 10000 рублей на миноноску со всеми принадлежностями. Все торпедные офицеры и здесь – как у нас – сами становят *torpilles* [торпеды] Командор Саква.

«Гелиголанд», «Торнскиольд» и яхта «Данеброг». На втором 14-дюймовые орудия и гидравлический подъем; но более таких орудий не будет. Флот Дании маленький, но удаленький. Заметный недостаток *gun-bratt* [малый калибр (? – ред)].

Заведение Бурмейстера. Все тот же колдун Титхен. То же огромное пространство. Пенсионный капитал: 2½ с барышей и недоделки поштучных работ (настоящая сумма 420000 кр.), пенсионы дают тем только, кто проработал на заводе 10 лет – и этим придерживают рабочих.

Frederik's Kirka [кирха Фредерика] – тот же *Tithen* [Титхен] купил начало постройки, с большим местом продал *luts* [оставшееся] и достраивает храм.

Обед у графа Толля с братом короля, очень милым дурнем Фальбе, продавшим себя старой мазанной англичанке. Юрейна[7] истинная Штрандман – *la futilite meme* [тоже пустое место]. Муж хороший, честный человек, но мягчится.

17-го. Утром осматривал Бурмейстерское машинное отделение. Не предполагал таких размеров и так обильно снабженных новейшими станками. Есть гидравлики для штамповки (штамповали вращающиеся 3600 раз экстракторы для молока и сливок) и заклепок. Большие вещи из Швеции. Листовая сталь из Шотландии. Есть листы для котлов в $1^1/_8$ дюйма, 5000-сильная, чересчур компактная горизонтальная машина обратного действия для строящегося в адмиралтействе броненосца «Sva?[8] офицер» (названный в честь офицера, взорвавшегося среди эскадры, чтобы не зажечь товарищей судном, которое запылало, – прим. ред.).

Толковали о лодке и спасательно-буксирном пароходе; последний 325000 кронеров в 6½ месяцев. Таких заводов выстроено уже восемь. Нам трюм пригодится и для мин заграждения. Лак для хранения машины, *qui s'éline avec terebenthine* [на основе скипидара].

Осмотрел маленькую нашу церковь – внутри похожа на парижскую, но скромнее.

По назначению обедал у короля, расписавшись предварительно у кронпринца в тенистом Шарлотенлунде. В Бернсдорфе нас встретил камергер – отставной адми-

7 Над этим словом под чертой впечатано – «Зорина»
8 Так в тексте

рал, который наврал мне, что я должен сидеть по правую руку принцессы Гильды. Мне пришлось вести *la belle Héleñe d'hier* [вчерашнюю Елену прекрасную], приобретшую *maintenant argent* [сегодняшнее богатство] старого знакомца Фальбе, над которым я вчера подсмеивался у Толля. Когда все собрались, вышла вся фамилия: король Христиан IX, глухая, милая и умная королева, старушка сестра её, принцесса Ангальтская, её дочь – юная Гильда, брат короля старший Вильгельм, бывший фельдмаршал (лейтенант) австрийской армии, вышедший из неё в Голштинскую кампанию, другой брат светский *Hans* [Ганс], сказавший вчера: «*C'est dējā quelque chose qu'une jalie femme est une bonne chose* [это уже чего-то стоит, когда у красивой девушки хорошие манеры]».

Ещё обедало все семейство Толль, я с двумя спутниками, два секретаря, обер-шталмейстер Гастгаузен, рекомендовавшийся как *grand cocher или grandgroom* [главный кучер или конюшный], адъютант и караульный офицер. Другая моя соседка была дебелая фрейлина, знающая всех наших, ещё с *dame de cour Raveltow* [придворной Равельтовой].

За обедом король, Ганс и Вольдемар чокались со мной и вообще были очень любезны. Я вручил перед обедом письмо императрицы и старался пронизать моим охрипшим голосом разными нежностями о нашей милой императрице уши её мамаши.

После обеда, перед прощаньем, король объявил, что жалует мне Данеброга, о чем, возвратясь, я телеграфировал Алексею в выражениях, приятных для императрицы *tournat de maniére que l'empereur ne peut qu'approuver* [повернув все так, что император мог только одобрить].

18-го. В 9 часов утра отправились в (пропуск в подлиннике)[9], городок в северной части Зеландии. С нами был морской министр Kawn [Ковн] и гр. Толль. Здесь вдается фиорд, защищенный со стороны Каттегата мелководием и фортами. В вершине фиорда обширное пространство с разною глубиною от 4 до 6 сажен и в зелени минная станция. Здание, в котором внизу мастерская для исправления мин, действие насосами и пр.

В верхнем этаже комнаты для обучающихся офицеров и для команды. От домика к бухте железная дорога для перевозки мин, и на конце длинной пристани домик для пристрелки. При нас пустили два Уайтхеда – один подводный, другой надводный, в хорошо устроенные щиты. Затем переехали на старую канонерку, обращенную в учебное судно, снялись с якоря и на ходу 10 узлов пустили мину, давшую хорошее направление.

Минеры разделены на две категории – техников и тактиков. Техники считаются в инженерах, доходят до капитана (нашего прежнего капитан-лейтенанта), отвечают за должное хранение и исправление мин и состоят на судах в распоря-

9 Так в тексте

жении тактиков, которые суть флотские офицеры, прослушавшие трехнедельный теоретический курс в Копенгагене и прошедшие шесть недель через станцию. Скива, начальник, – энтузиаст минной части на флоте, находит это достаточным и через два года не будет в датском флоте ни одного офицера, которому мины были бы чужды.

Маленькая школа станции устроена роскошно и не видит никакой невзгоды иметь ее в отдаленном пункте. Минный паровой транспорт перевозит мины на корабли и с кораблей. А у нас твердят, что нужно ученых минеров, отвлекают офицеров на два года, всё хотим производить в минной мастерской, даже резину, и дивимся, что мастерская не производит мин и даже не успевает исправить их. Мне кажется, что назначение Пилкина и Верховского на практическую эскадру было *masterby strone* [мальчишеством]. Они воочию увидят, что вели минное дело так, что план был целью, а не средством, что особенно покровительствуемое минное дело в 10 лет нисколько не привилось на флоте, – увидят и, надеюсь, устыдятся.

Возвратились с экстренным поездом и на станции Kawn вручил мне ленту Даненброга. Ещё утром получил я от великого князя разрешение принять её.

В 7 часов оставили малогостеприимный Копенгаген и в 10 сели на прекрасный датский пароход в Корсере.

19-го. Утром в Киле и помчались далее чрез Гамбург в Кельн, где остановились на ночь. Счастливо – ехали одни и от жары не страдали.

20-го. Около полудня прибыли в Литтих, где нас ждал экипаж Садуат. Встретил Алексеев. Через час въехали в обширный чистый двор, окруженный зданиями – прежний дворец принца епископа Литтихского, а ныне жилища du roi de Turingul [короля Тюрингии], как иронически называют Садуат. Современная мощь индустрии вытеснила даже поборников религии. Здесь же все конторы.

Хозяин встретил весьма приветливо, познакомил с семейством и дал в наше распоряжение апартаменты изысканной опрятности. Совершенно *la ? de château*[10] [замки] в Англии.

День посвящен *soit-disant* [так называемому] отдыху, в котором мы нуждались, особенно жена, отправляющаяся завтра к своим.

21-го. Молодец жена, в 6 часов утра отправилась к своим, а я, в 9 часу, пустился осматривать завод. Подробно осмотрел только механический отдел и котельную. Полные воздуха и света мастерские (крыша[11]), блестящий порядок, дисциплинированные рабочие. Далеко лучше, нежели в правительственных за-

[10] Так в тексте

[11] Так в тексте.

ведениях. Ничего нигде не валяется: чистота и опрятность поразительны. Машин и станков бездна. Все краны движутся сжатым воздухом – и безопасны при морозах. Наши машины подвигаются медленно, хотя одна выставлена в Антверпене. Из якорей образовалась гора или насыпь. К ней дорога зигзагом и подвозится ветвью главной дороги руда, идущая из Испании.

Мы взобрались на эту гору и *á vol d'oiscau* [с высоты птичьего полета] осмотрели весь этот рабочий мир. Доменные печи, печи для кокса, три-четыре угольные копи (замечательны bobine [катушки]), трубы для пара, для сжатого воздуха, совершенно вавилонское столпотворение с той разницей, что всё в порядке, ходит по ниточке.

Руда сверху бросается в печи и снизу подымается элеваторами после смеси. Невозможно описать всего и ещё возможно ли, не видевши, иметь понятие об этой массе организованного стройного труда. Кроме механического, есть отделение железоделательное и сталелитейное (Бессемера и Сименса). Все перемешано с землею.

Прекрасный лазарет и *orphelinat* [приют], содержимый в безукоризненной чистоте и порядке сестрами *S.Vincent de Paul* [Св. Винсент де Поль]. 16 мальчиков и девочек. Их учат грамоте и ремеслам – мальчиков на заводе, девочек – стирать, шить, гладить и пр. *Cadoine* [Кадуан], видимо, гордится своими административными деяниями, и есть чем, огуманитировал характером своего громаднейшего учреждения. Ему банкиры верят *moyennant* [доходу] под 5% и завод идет с 600.000 р. оборотного капитала.

Пространство идет к берегу, а подземное владение через дно реки к противоположному – дивиденд 7%. На *Seraing* [Серен] можно потратить целую жизнь. Cadoine начал постройкой наших мониторов, а теперь, как Конжильской Чихачев *le roi de ciant* [скучающий король].

Его в насмешку зовут *le roi de Seringue* [королем Серена]. Просто восхитительно, и если бы не несимпатичная пара Семечкиных, бегающая везде, где почует прибыль и услышит звон золота, визит мой в Seraing был бы весьма приятен.

23-г. У нас не хотят понять, что нерв технических производств – чертежная. Здесь просто дворцовые залы, и, конечно, фотографический способ съемки планов. Целый департамент под ведением высокого техника Крафта. Счетная часть в руках 6-ти человек и *surveillants* [руководителей] в отделениях. Ведется так, что сведены все счета за последние серии – т. е. четыре недели. Любо смотреть. Просто, понятно, незапутанно. Все по главам: *houillèries, ateliers, fourneaux* [угольные шахты, мастерские, печи].

В 3 часа простились с хозяевами и в последний раз полюбовались свободной позой минера на *cour d'lonneur* [главном дворе], отправились на замарашке-пароходике в Литтих. *Château* [замки] сменяются фабриками, но ещё довольно зелено.

Примечательны *barrages* [плотины] по реке. Литтих правильно выстроен, тенистый и цветистый бульвар, палисадники, хорошие мостовые, всё как следует.

В половине 9-го покатили в Брюссель по чудно возделанным полям. Все жалуются на излишек образованных людей и не надеются, чтобы Конго притянул их, ибо король на свой счет не в состоянии развить края. Кадуан хочет водворить железное дело в России; разветвление им техники становится специальностью Кохериля, тем более, что доставляет ему работу. Мне кажется, идея основать железоделательное, строительное и механическое заведение на месте прежней спаленой верфи должна вызывать мою помощь, но предложения безумны. Проект работы на 15 миллионов, и аванса в 6, а я предлагаю премии на каждый выработанный пуд чугуна, стали и материала в деле. Они все метят на постройку, так что гарантия падает единственно на морской бюджет, а я говорю, что в заведении общая польза России.

В 7 часов прибыли в прекрасный гранд-палац в Брюсселе. Накормил всех обедом и отправились в *Vaux Hale* [концертный зал]. Много народу, прекрасная музыка. Полюбовались дворцом и в особенности *plan de l'Hôtel de Ville* [видом городской ратуши]. Освещенная высоким электрическим светом, истинно готическая, с громадною кончающейся шпицом башней, ратуша представляла волшебный вид. Все дома на площади *l'unisson* [как один] Нюренберго-аугсбургского пошиба. Замечательно картинно.

Поймал Семечкина, что он лжет. Уверил *Cadoin* [Кадуана], что вопрос и о гарантии 15 мил. работой уже решен, а я ему положительно отказал в такой гарантии.

24-го. В 9½ ч. утра помчались чудно возделанной равниной Валонов к Антверпену – т. е. к выставке. Вдали открывшиеся ворота показались мне тяжелыми. По тенистым бульварам подъехали мы к зданию и отправились прямо в отечественный отдел. Наши минеральные масла и в особенности ситцы, привлекают общее внимание; из последних – красные. Цена 25 сант. метр. Грустное впечатление производит выставка гайдуков-кавалергарда и казака – в мундирах, о чем я заметил встретившему меня помощнику комиссара. Тем грустнее, что водят рядом напоказ обитателей нового бельгийского государства на Конго.

Привлекает общее внимание, и мое в особенности, машина на «Чесму». Работа чудная. Опрокидывание ходов моментальное. Не нравится мне только положение холодильника *trop haut et trop en l'air* [слишком высоко и слишком открыто].

Легкое и вместе с тем могучее орудие *de Range'a* [Ранже) действительно дивное. Система та же, что нашего Бринка. Цепи стальные Ури, пропагандируемые герцогом Монтебелло.

Торопились: взглянули на бассейны, на новые набережные, и по широкой и глубокой Шельде отправились в *Hobocken* [Хобокен], где осмотрели жалкую

верфь «Houprch и K°», способную однако же строить всякие суда. Набережных, уже готовых, 3000 метров, роют два новых бассейна и делают шесть доков. Не совсем понимаю укрепления Антверпена, совокупного произведения Brialmont [Бриалмонта] и Тотлебена.

Завтракали с бургомистром, большим краснобаем, что, в нем, не мешает, однако же, быть преданным делу и деятельным.

Вечером возвратились в Брюссель. Показал жене феерии и *plan de l'hôtel de ville* [вид городской ратуши] 40 миллионов, дворец юстиции, стоющий таким образом в Бельгии очень дорого, дворец и вокзал. Простились с милым Кадуанем, деятельным директором гигантской металлургической кухни Seraing [Серена].

25-го. Ездили на выставку с женою. Осмотрели русское отделение, французское колониальное, убранное с обычным искусством. Жалко видеть гигантов-казаков, в мундирах, приковывающих общее внимание наряду с новыми подданными Бельгии – жителями Конго, которых водили напоказ, как приученных медведей.

Встретился неожиданно с Казнаковым, прибывшим сюда из Шербурга. По возвращении едет в Киль.

26-го. В 6 часов утра отправились в Кельн все ещё под протекцией Cadoine'a – одни, что было не малым комфортом при жаре. Так продолжали мимо Бонна и Кобленца, при помощи ключа Св. Петра, и прибыли в угарный Эмс около 4 часов. Остановились в *Quatre Saisons* [«Четыре сезона»] и тотчас увидели друзей – *Mme Stöks* [мадам Штокс] и её сестру. Говорили долго о том, о сем, как обыкновенно болтают люди, хорошо знакомые и долго не видавшиеся. По случаю воскресения большой съезд и большой фейерверк.

27-го. Утром пошел на воды, пришел прежде, нежели открыли двери, и в то же положение озирающегося стал маленький Бунге, с которым мы вместе пьянствовали у Кессель-Брунена и потом гуляли. Снова увидел его у Грота (К. К.). Бунге рассказывал, что забрел куда-то один, когда Грот заметил, что счастье его, что не узнали в нем министра финансов, я возразил – «Для избежания опасности вам стоило только сказать, что вы русский министр финансов».

Получил письмо от Чихачева. Все пока благополучно.

29-го. Втягиваюсь в лечение. До 8-ми пью *Kessel Brunnen* [Кесель Бруннен] с сывороткой. В 11 аспирация ртом и носом *Victoria Brunnen* [Виктория Бруннен]. В 5 часов стакан Виктории и снова аспирация. В промежутках выкраиваю прогулки с женою, письма и легкое чтение журналов.

Дипломатическая стрепня продолжится до выборов. Гирс едет во Францию, а государь в Киев и на свидание с Австрийским императором. Старец Франц-Иосиф I слабеет.

Злости Катакази: *á Mme Uxkulle-au lien de cirer les bottines, Me a mis du cirage dans les jeux* [м-м Икскюль – обнажив польский сапожок, вызвала блеск в его глазах].

О другой – *c'est une Esméralde ivre* [хмельная Эсмеральда] – Юрьевская протянула Карцову руку для поцелуя.

Говорил с Бунге вскользь о деле общества *Cockerille* [Кокерий], да и на водах мало ли что говорится.

31-го. *Commis des Banques* [служащий банка] Рафалович звал на обед и рассказывал разные сплетни, подобранные им в прихожих литературного мира, с которым он связан женою и сыном. Например, жизнь Юрьевской, открещивающийся от неё Катакази просто церемонимейстер её странного величества. Цион тоже подслушивает и записывает рассказываемые ею нелепости. Она протягивает лапу для поцелуя, будто в самом деле императрица, и нередко ей вывихивают руку.

Ходил пешком в Таузендгорт. Порядочное расстояние. Устал. Обогнали лицемера – паписта – Виндгорста, ехавшего по дороге с женщиной и у города разлучившегося с нею и пошедшего пешком.

Отправил пакет к Алексею и Чихачеву. Первое, вероятно, прочтет государь.

Август

1-го. Взобрались на гору *Concordia* [Конкордия], откуда *á vol d'oiscau* [с высоты птичьего полета] с разных высот любовались долиною Лана и Эмссы. Проходили *up and down* [вверх и вниз] 2½ часа. Не дурно для 65 летнего.

Утром были у обедни. Моя Надя становится ближе и ближе и всё о ней вспоминается. Мочалов рассказывал о разводе Л. и о свадьбе младшей из Коскулей. История носа первого жениха её, Джунковского, появившаяся в медицинском немецком журнале, отвлекла невесту. Раз хвастовство принесло пользу. Медик похвастал операцией, и потом, когда узнал, что пациент женится на графине, взял свое слово назад, ибо прежде говорил, что нос не так легко выправить, как думают. Невесте дали прочесть, и та отказала.

2-го. Прогулка на *Winterberg* [Винтерберг] приятная и неутомительная. Откровение *Pal Mell Gazette* [английская газета, издается с 1865 года, – ред.], где выставлены ужасы Лондона, привело к назначению разведочной или лучше поверочной комиссии под председательством архиепископа Кентерберийского.

Комиссия нашла разоблачение верным и в парламент вписан новый закон об отдалении совершеннолетия для девушек. *Soi chauffe* [что согревает]. Не унижение перед Германией, не уступки России в Афганском вопросе, не запутанное и неудачное дело Египта нанесут поражение гордому Альбиону. Доказательство, что в Англии бедная добродетель всегда под ударом и в произволе богатого порока станет основным камнем социальной революции. Пожалуй, Солсбери воспользуется случаем и приведет его в извинение *vote face* [голосовать против] консерваторов, даже станет доказывать, что консерватизм требует раздробления собственности. *Qui vivra verra* [поживем увидим].

«Донской» на 6-часовой пробе имел почти 17 узлов.

3-го. Мильберг не легко дается и 65 л. только что под стать. Полтора часа подъема.

4-го. Все думается о флоте. Составляю эскиз программы для маневров, которые основывались бы на моем плане действий в шхерах. Будет практика всему – и минам, а главное бдительности. Нужна практика и в сжигании неприятеля.

5-го. Кажется, ходишь мало, а утром только, незаметно, между стаканами, выходили $5^1/_2$ верст.

6-го. По-видимому, свидание государя с Австрийским императором состоится 14/26 августа в Кремсире, неподалеку от Ольмица, николаевской памяти.

В день тезоименитства императрицы государь, по словам Чихачева, отправился в Финляндию. Чихачев сопровождает его. Я пишу, чтобы кампания нынешнего лета кончилась маневрами.

Ездили в Фрюшт, бросив взгляд на могилу Штейна, и воротились назад. Жара, кончившаяся вечером грозою.

Англичанин за обедом в *table d'hôte* [общем столе] преспокойно лорнировал всех в бинокль. Не перестану повторять: *Quand un Anglais l'avise d'être bête, il l'est en plein* [когда англичанин показывает свою глупость, то это отражает его сущность в полном объеме].

7-го. К плаванию будущего года:

1) Шхерную эскадру – в зависимость от практической в инспекторско-тактическом смысле.

2) К той и другой – по 12 миноносок и 5 – к минному отряду.

3) Штабы уменьшить. Офицеров на миноноски вместо сверхкомплектных на суда.

4) К обоим эскадрам – пароход для жилья миноносных команд.

5) Плавучую мастерскую («Владимир» при шхерном отряде) *ā double fin* [двойного назначения].

6) К шхерному отряду транспорт.

7) Командиров миноносок сменять раз в лето; также машинистов.

8) Шесть 1 кл. миноносок на эскадре Средиземного моря на тех же условиях. Эти миноноски не сменять, а только сменить команды.

8-го. В Английском парламенте предостережение нам в случае, если консерваторы одержат верх на выборах. Несомненно, талантливый и вместе наглый секретарь за Индию *Churchelle* [Черчилль], давал отчет об индийских финансах, яро напал на лорда *Ripon*'а [Рипона], как на соню и лентяя, ничего не предвидевшего, – без всякого предуведомления и объявил, что всё будет поправлено и скоро, но с расходами: несколько голосов поднялось против *procédé* [метода] молодого министра и кто-то назвал его атаку *Ripon'a has und cowardle* [трусливой], приложив к ней те же слова, которые *Churchelle* [Черчилль] прежде прилагал к России: *«Un talent audacieux a'toubes les Chances de réussir quand l'état politique est trouble et les parties le confondent»* [смелый талант вместе с хорошими шансами на успех в момент политических сложностей между противоборствующими сторонами].

11-го. Большая прогулка к *Schöne Aufsicht* [прекрасным видам (нем.)]. Устали.

Алексеев прибыл из Парижа и привез контракт на крейсера. Из Шихау приехал заводчик и, между прочим, сказал, что из Эльбинга в Херсон неоднократно по Висле, Каналу, Бугу, Припети и Днепру посылались из Эльбинга пароходы, у которых приходилось снимать кожухи для прохода между мостами. Миноносцы пройти могут без затруднения и даже порогами в весеннюю воду. Значи, вероятно, и из Петербурга есть путь.

Нужно написать Чихачеву.

Бунге уезжает завтра. Предложил ему «Эльборус».

Государь будет в Кременчуге 13/25 и 14/26 августа, а оттуда едет в Киев. Затем, вероятно, совершит поездку в Данию.

13-го. Ездили в Висбаден. На пути видели у Рюдесгейма новый памятник, едва не стоивший жизни Кайзеру. Натуральный пьедестал величественный.

Объезжая и обходя Висбаден, представился мне образ покойной Нади, так мужественно перенесшей там постигшую нас невзгоду. С тех пор всё изменилось со мною, но воспоминания навели тихую грусть, гармонировавшую с настоящим положением обычно улыбающегося Висбадена. В горах тиф, разогнавший всех приезжих. Улицы пусты, кургауз одинок в своей красоте. Едва ли не мы одни обедали.

Поклонились церкви и праху знакомых, утешительно видеть кладбище в таком порядке.

Возвратились в 8 ч. вечера.

Заходил к Лорису, болен и не принял.

15-го. Положил начало быстроходного флота, давши сегодня положительный заказ на крейсера фирме *Chantiers de la Loire* [«Верфи Луары»]. Дай бог успеха.

16-го. Настоящий поверенный в делах в Веймаре Гальске, бывший в Дармштадте, рассказывал мне историю свадьбы Колеминой с герцогом совершенно иначе, нежели толкуют в публике. Во-первых, Колемина (дочь Гусев-Чайского вовсе не такая d*é*virgondee [бесстыдная], как говорят, – она просто хладнокровная кокетка, развелась с мужем, беспорядочным дипломатом, разорявшим семью (живши с ним до того возраста, в котором дочь или сын могли быть отданы в заведение) и появилась в Дармштадте, где Батенбергская (Гауке) хотела сделать из неё любовницу герцога. Не удалось, а герцог влюбился и женился. Колемина отказывала, но дочь герцога, Виктория, упросила её осчастливить отца и всё семейство. После свадьбы, та же дочь, по наущению озлившейся матери, большой Виктории, уговаривала отца развестись с Колеминой и не допускала между ними *téte a téte* [разговора с глазу на глаз]. С слабым бесхарактерным герцогом легко покончили, и жена его была буквально выброшена на улицу без имени даже, ибо ни свадьбы, ни развода не было. Ей дали титул уже впоследствии вместе с пенсией.

Кому верить? Вот человек, стоявший близко и, может быть, слишком близко, к ней. Колемин был секретарем в Дармштадте.

19-го. Получил известие, что за мною послан «Эльборус» – победил Галилеянин – т.е. Михаил Николаевич, отправляющийся в то же время в Боржом собирать гроши.

Ездил в Sevau [Севе] и осматривал замок Штейна, перешедший к Кильшанзеге по женской линии. Прекрасные сады; просто, но *ruhig* [покойно (нем.)]. Всего более удивили на пристроенной башне фигуры святых по национальностям: св. Адальберт, Леопольд, Александр Невский и св. Георгий. В кабинете мудреца портреты деятелей великой войны, и к ним прибавлены новейшие. Есть также кресла. Особенно замечательна наверху зала военной знати, где на досках, золотыми буквами, записаны все войны Пруссии и числа сражений. В нише, над всем царит образ старика Вильгельма.

Поднялись Зальцом по Швальбахской дороге и увидели привлекательные развалины бурга *Hanau* [Ханау], представляющиеся с Эмской дороги одинокою башней.

20-го. Убогий наш дипломатический корпус. Веймарнский представитель наш, какая-то старая щепетильная девка, напоминающая бульвар...[12]

22-го. Кончив программу лечения, как всегда, с некоторой урывкой от 4-х недельного срока, отправились на поклонение в Баден путем, которым не случалось ездить, т. е. по левом берегу Рейна, через Майнц, Мангейм и Нейдорф.

Дошли до *Hôtel de Russie* [отель «Россия»] среди вакханалии. Все мчались с бегов при звуке трубном. Тотчас же, грустные, пошли на поклон к Наде. Всё застали в порядке, и принес обычную жертву из цветов. Молил ангела моего хранителя предстательствовать пред престолом отца небесного, чтобы я был полезным слугою царю и России, чтобы он хранил доброго нашего владыку и чтобы нас, грешных, помиловал. Особенно горько было попасть в вакханалию, но кому какое дело до чужого горя?

В газетах уже есть о появлении холеры в Пласенском округе. Вероятно, придется держать где-нибудь карантин.

23-го. У обедни, но прежде духовный визит на заветный холм. Всякий раз прохожу нарочно мимо маленькой Гильды, кончившей жизнь вместе с моей Надей. Зачем ей приделали крылья. Разве она без того не была ангелом? Храни же Надю, святая Гильда.

Вечером иллюминация. На сердце вовсе не весело, но зачем жене грустить со мною. Посмотрели на суету.

24-го. До свидания дорогая моя! Храни нас и помилуй!

Утром в 8 ч. простились с ней и отправились по железной дороге в Фейберг. Здесь нас ждала коляска, и мы двинулись через Шварцвальд к Альбруну, на Рейне, через *la Blasien* [Бласьен]. Очень рад, что по внезапной решимости делаю эту поездку.

По выезде из города широкая долина (с начала между шелковыми фабриками), потом, минуя развалины Брауншвейка, въехали в *Hellentahl* [Хелентал]. Восхитительно для 65 летнего. Горы сдвинулись, вдоль дороги бежал ручей, а слева, крутизнами, вилась железная дорога, строилась из Фрейбурга в Найштадт. Зачем такая дорогая постройка? Не знаю, но смело и гигантский труд. Тоннелям и мостам счету нет. Мы сделали привал у почтовой станции, где возвышается головокружительный мост. Идя от станции пешком в гору, любовались панорамою ущелья, где также бились люди, как звери (Моро). Дорога взобралась на хребет. Содержится дорога, как дорожка в парке, даже обрезают края. Щебень готовят на устроенных выступах. Обсажена дорога краснолистной рябиной. Вот

[12] Так в тексте. «Бульвар» вписано рукой, фраза не закончена.

край, где люди делают дело, а не тратят время на салонную политику. Её предоставляют мерзавцам городам. Нужно бы отделить по-мудрее представительство деревень, изолировать его; тогда составится парламент, с которым можно будет работать на ведомом основании.

Особенно мил подъем от озера *Titi*. Но и здесь, в глуши увидел, о боже! *Lawn tennis* [теннис]. К 10 ч. вечера прибыли в *St. Blasien* [Сант Блазиен] и легли спать в Кургаузе, ничего не добившись.

25-го. В St. Blasien лечат воздухом. Обширность обеденного зала доказывает, что много пациентов. Взглянули на громадную искривившуюся ротонду – храм *St. Blaise*'а [Св. Блэ (Св. Власия, – ред)], подобную *St. Pierre* [Св. Петра] и, подобно ему, приткнутою к своему монастырю иезуитов. Теперь часть монастыря перестроена, а другая – шерстяная фабрика.

В 8 часов при дивной свежести утра выехали по Альбской долине. *Ambition de etcher* [честолюбие проводника] заставляет блазиецев уверять, что будто этот путь живописнее предыдущего. Ущелье, придающее Альбе в линии и створе с *Grandes eaux* [водопадами] в Швейцарии и, по-моему, только два пункта замечательны: трактир на скале с умелою беседкой и потом *Tiffen* [известный] трактир в одном из многочисленных в крае шерстяных фабрик. Разумеется, движется водою, которую здесь все употребляют, везде перекачивают и везде дробят по желобкам для орошения склоненных к ущелью пастбищ.

В Альбруне опять сели на железную чугунку и вышли в Нейгаузе. В трактире играли свадьбу, и нас игнорировали. Пересели к Лауфену, любовались волной *á pleur de l'ocil* [до слез в глазах], повертелись у водопада – всё, как 24 лет назад с моей незабвенной Надей. Та же гостиница смотрела на скалы, омываемые бешенной волной в Шафгаузе.

14/26. Рано выехали, по чугунке промчались мимо Цурихского озера, Веленштадского, Сарганца и Пегаца, и к 2 ч. п/п. остановились в Граубиндене, откуда завтра поднимемся на Шнигоген.

Дорогой ужаснула меня Marie [Мари]. Вдруг сделалось дурно, посинела даже, боже милосердный. Неужели милому доброму существу, приютившемуся в тихом убежище, не суждено пользоваться им по смерть мою. Помилуй её, Господи. Надя, прости её и молись за неё.

27-го. В 8 ч. утра выехали по Шплюгенскому шоссе на равнину Рейна. Восточный берег реки плодороден и по вершинам гор разбросаны развалины. Одна досель обитаема миллионщиком из Кура. Население густо, но разбросано – поэтому, когда не существовало удобных дорог, каждая коммуна Гризонов жила своей жизнью. В 20-х годах, с дорогами, все соединились в один кантон – и ка-

толики, и протестанты живут ладно. Рейн пошаливает, расплывается песком. Вздумали оплодотворить поле его шалостей и воздвигают дамбы, в роде голландских польеров, трудом бродяг и нищих, подбираемых в замке *Rialto* [Риальто], около Тузена. Но что-то неудачно.

В Тузене завтракали в чудном *Hôtel Via Mala* [отель Виа Мала] на распутьи к Шплюгену и в Энгадин. Из сада вид на вход в ущелье *Via Mala* [Виа Мала], будто оберегаемое башнеобразною скалой и замком на вершине. В ущелье вошли пешком.

Высокие скалы внезапно отодвинулись и выступами своими будто готовятся вступить в кулачный бой. Обычно швейцарская дорога идет по карнизу по левому берегу Рейна, но через некоторое расстояние начинает пересекать реку и пересекает трижды. Самый дико-восхитительный вид со II-го моста. У III-го *Via Mala* кончается и развертывается долина.

Приостановились в Андере. На пути заметили курьезную игру бешенного Рейна: снесенное водой сосновое бревно уткнулось в глыбу с желобом. Через века, когда русло Рейна вследствие обвалов примет другое направление, а в настоящее время будут строить хотя бы бердель для путешественников (*du pas o nous allons* [возле ущелья, в которое мы направляемся]), архитектор-археолог, наверно, выведет заключение о гигантской расе, обитавшей в этих краях и творившей такие дивы, играя в свайку. В некоторых пунктах скалы едва не касаются, а в одном разрыв несомненен: на правом берегу скала с выступами призматической формы, а на левом в скале точно такое же углубление. Выше Ведера снова ущелье, на котором Рейн не в шутку прядает каскадами.

В 5 часов уже надели пальто и в 6 прибыли в деревню Шплюген. Англичан столько же, сколько камней.

По поводу ужина пришел в голову вопрос: что такое Швейцария. – Ответ: «республиканская страна, где никто не имеет права даже есть, когда голоден, а когда и где придется». Не поешь, где скажут, не найдешь ничего там, где есть захочешь.

29-го. Поднялись в 9 часов. Предстояло подняться на вершину, скатиться вниз и успеть к 2½ часам в *Colico* [Колико], чтобы быть на месте к 4-м. Весь подъем интересен только, когда обернешься назад, чтобы поймать исчезающее ущелье Рейна и нагорную долину, по которой едешь. Поднялись выше облаков сыпавшихся мелким дождем. Конечный подъем на Шплигенскую вершину чрезвычайно интересен. В сумраке пара облаков, 20 раз, белой лентой, вилась чудно сделанная, истинно римская дорога. Спуск к Италии бурнее, ибо здесь начинаются убежища и крытые галереи. Миновав *Scola* [Сколу] по развивающейся ленте, висели все время над бездною, казавшейся бездонной в облачном сумраке. В *Capo Dulce* [Капо Дульче] отменно скверно позавтракали и скоро спустились в

страну каштанов, кормящих население. В *Chiavanni* [Чиаванни] уже виноградники и видели работы над железной дорогой, которая украдет у Бога лишний чудный вид. Река Мора здесь шалит, как Рейн за горами. В постоянной мгле и размягчающей сырой теплоте проехали мост через широкую Адду и во время были в Colico. Начали сновать от берега к берегу и около 5 часов прибыли в *Hôtel de la Grande Bretagne* [отель «Великая Британия»], на мысе, отделяющем оз. Комо от озера *Lecco* [Лекко]. Чудная харчевня, переполненная Джон-Булями.

Отдохнули в первый раз после многих бессонных ночей и осмотрели утром сад гостиницы, идущий террасами в гору, прошлись по городу и вошли в сад Гранд-Отель. Я смешал, остановясь в *Gr. Bretagne* [«Великой Британии»]. Именно в Гранд-Отеле, тогда только что родившемся, были мы с Надей.

30-го. До завтрака вместо прогулки осмотрели смежную *villa Melci* [вилла Мелчи]. Что за манера впускать в свою виллу за несколько грошей. Говорят, в пользу бедных, а местная хроника говорит, что хозяин сам собирает гроши. Два бюста: Летиции и Жозефины, подаренные Наполеоном бывшему вице-президенту Цизальпинской республики. Против павильона – группа Данте и Беатрисы.

Несравненно роскошнее противоположная вилла *Sommariva* [Соммарива]. Внизу, в *vestibule chef d'œuvre'ы* [главном вестибюле – шедевры] Кановы и Торвальдсена. У *palazzo* [дворца (итал.)] гигантская магнолия, возможные тропические растения и тьма цветов. В мае, должно быть, чудо. Впрочем, на *villa Melci*, на подгорьи перед задним фасом, чрезвычайно удачная клумба цветов: корзинка и из нее расстилается по газону громадный букет.

Получил известие что «Эльборус» в Венеции и готовится к походу. От Казнакова депеша: спрашивает, получил ли его письмо в Эмсе и уведомляет, что в конце недели выходит из Бреста «Забияка» с «Сивучем». И погода, и карантин, думаю, помешают мне встретиться с судами.

31-го. После двухдневной веселой погоды, Комо сегодня во всей прелести своей веселой красоты. Пришла счастливая идея прогуляться перед завтраком, и мы взобрались на *villa Serbeloni* di pendene [в стороне от] нашего Отеля. Она обнимает садом мыс, разделяющий озера Комо и Лекко. *Serbelloni* [Сербеллони] – было богатое миланское семейство, последний представитель его довольно известный генерал. Но какое дело до генеалогии *Serbelloni*? Наверное все они были художники. Планировка сада и цветников то доказывает. Терраса на Лекко, обсаженная пальмами, и величественна, и открывает чудный вид на озеро. Много гротов и в одном 5 путей, ведущих к разным дорожкам.

Мы обошли мыс по карнизу до того пункта, с которого открыли вид на Беррано. Долина между холмом *Serbelloni* и смежными к югу, занята на стороне Комо нашим отелем, а на стороне Лекко дорогою и садами.

Казнаков, в письма восторгается «Донским», но отнимает всякую надежду видеть его в Пирее.

В первый раз на Комо сделал сухопутную поездку. Поднялись по дороге от *Bellagio* [Белладжо] к Комо до известной высоты у Чиенны. *Serbelloni* всё время была красивым балконом. По мере того как мы поднимались, более и более открывалось извилистое озеро Лекко, виднелись ... [13], временами *Cadenabbia, villa Carlabia, Tremezzo, Menagio* [Каденаббия, вилла Карлабия, Тремеццо, Менаджо] и пр. Вершина Сербеллони перенимала воду, но скоро мы взошли на неё и ключек Комского озера развернулся вполне.

Сентябрь

1-го. День был чудный. Все отражалось в озерах, как в зеркале. Меня удивило, что в таком ничтожном местечке, как Чиенны, церковь внутри богато отделана мраморами. Сиденья разделены на три класса. Видно, что Милан, со своей аристократией, близко. Знаменитая *Villa Julia* [вилла Джулия] не понравилась. Какая-то казарма с плацом. Просека к озеру Комо удачна и сквозь вход видно Лекко.

С высшего пункта – Эспланады в Чиенне видели простыньку Адды.

Конечно, здесь в городе не разовьются страсти захватывать чужое, как в песчаной Пруссии. За то развивается нега, подбивающая других захватывать волшебные места эти.

2-го. Утром, в 10 часов сели на пароход и отправились в Лекко. В трактире были три молодые англичанки, которых по прическе я прозвал грифонами. Самая молоденькая из грифонов в момент отвала побежала за забытым ботаническим ящиком и осталась на пристани, плачевно воя. Я утешал, что возьмут на обратном пути из Каденабии, что и сделали. Восточный берег Лакко заселен и вдоль него тянется дорога. Около двенадцати часов пустились в путь, снова по тоскливой трясучке и знакомыми издавна местностями прибыли к восьми часам в Венецию, где тотчас же сели на пароход у *Giardino* [Джиардино].

Бог милостивый и всещедрый, молитвами нашего ангела хранителя избавил меня от большого несчастья. Я слышал из каюты глухой удар и вслед за ним тихий голос жены, но не будучи в состоянии отвечать немедленно, ждал повторения. Кончивши дело, пошел в спальню и тщетно звал жену. На мой зов она слабо откликнулась откуда-то. Боже милосердный! Я увидел её упавшей в выходе из большой каюты в трюм. Вестовой оставил за занавеской люк отпертым. Жена не хотела пугать меня и не кричала, а сидела на флортимберсахе, выжидая, пока придут на помощь. Кроме опухоли и синяков, кажется, нет ничего важного. Боже милосердный, прими мою благодарную молитву.

---

13 Пропуск в подлиннике

3-го. Утром осмотрел адмиралтейство. Особенно интересовался перенятою от Гочкиса посылаемым туда капитаном флота выделкой скорострелки. Венецианский, с бергамскими стволами выходит даже лучше оригиналов. Нужно ввести у нас на Обуховском заводе.

Получил от Чихачева письмо. Государь – баловник, хочет дать Арсеньеву Белого Орла в день совершеннолетия Павла Александровича.

В пять часов снялись и пошли в Фиуме. Строят порт в Лидо, но чтобы венецианцы не творили, торгового значения Венеции не получить вновь. Нет района, и когда мне сказали, что затрудняются выбрать место для памятника Виктора Эммануила, я посоветовал возвести его над входом во дворец дожей, чтобы языком камней сказать венецианцам, что они навсегда перестали быть венецианцами, и стали итальянцами. Ночью блудили немного, снесло к северу.

4-го. К восьми часам утра пришли в Фиуме без карантина. Порт уже стал портом. Много судов. К северу устроен портишко, собственно, для керосина.

В девять часов поехали к Уайтхеду и до двенадцати часов стреляли мне из мин разных калибров. А в двенадцать завтракали со старым приятелем Метровым и *Berri* [Берри]. Этот вышел в отставку тотчас по назначению Штернена, будучи с ним в весьма натянутых отношениях.

Абация, приобретенная обществом южной дороги, стала фешенебельным зимним убежищем и там воздвиглись большие гостиницы.

Понюхавшие моря венгерцы тратят на Фиуме большие деньги. Надеюсь, что когда они его устроют, кроаты отберут прежнюю свою собственность, а в отдаленном будущем, когда составится вселенский союз, будет у нас порт на Средиземном море.

5-го. Сирокко заволок грязью небо и дул сильными порывами. Снялись и по мере движения нашего к югу, ветер стихал. Прошли курьезный Порт-Ре и продолжали плавание Далмацким архипелагом, миновали несколько городов, в том числе красивую на вид Зару. Плавание безопасное, однако же в одном месте, у острова Арба, должен был сам вести пароход по приметам. Лень побуждала штурмана в согласии с лоцманом советовать стать на якорь в 6 часу вечера; но я не согласился и мы, в темноте, вошли в Водицу, так как мне хотелось осмотреть Себенико и притом не терять времени.

6-го. Ещё до света снялись и подошли к Себенико. Между низменными скалистыми оконечностями (на левой маяк, по правой форт без орудий), вошли в *estuary* [устье реки (англ.)] с низменными же берегами, способными вместить большую эскадру. Далее узким проходом, легко заграждаемым и обставленным отвесными скалами, вбежали в обширную бухту, где можно собрать несколько флотов.

Австрийцы намеревались сделать Себенико военным портом и, конечно, только разъединенность его с миром, по отсутствию дороги, помешала и мешает этому.

Обойдя дивную бухту, продолжали курс, и пошли вплоть Spalato [Сплит, (город в Хорватии, – ред.)],, где хотелось видеть остатки Диаклетионова дворца, вмещающего выше целую часть города, – и увидел.

Идем далее. Помолились и приоделись. Наматывая на капитанский ус идеи о порядке и чистоте.

7-го. Погода чудная. Плыли, как в озере, и к 10 часам утра стали в Корфу. Он и Покла объявлены по трактату передачи нейтральными, *c'est à savoir* [это ещё бабушка надвое сказала]. Вышло что-то вроде лжи с карантином. *J'ai laissé faire* [Я это допустил] и стало весьма совестно. Как часто слабость характера ведет чуть не к преступлению.

Корфу осмотрели. Прекрасная набережная. Проехались по ней, мимо дворца и в горы, откуда любовались видом моря, и в особенности между горных долин.

8-го. В 9 часов снялись и пошли к Патрасскому заливу между островами. Ночью вел сам пока не вышли на простор.

9-го. Встал в 4 часа, подходя к Патрасу, и вошли, лишь только забрезжилось (что было в 5 часов) в узкость Лепантского залива. Даже нет утренней прохлады.

Парнас, Галикан – весь Олимп. К 11 часам стали в Пондониуме – так назвал новый порт зиждитель его – аферист генерал Тюр, сам выехавший нам навстречу. Сели в экипажи и покатили песками. Внешний порт уже устроен. Канал без разъездов, ибо всего 6 километров. Вдоль канала 26 километров железных дорог. Насыпаны целые горы. Высота одной траншеи 78 фут. Роют подземными галереями. Тюр задал нам завтрак. Дом его образец климатически и здравого смысла. Жена, сестра знаменитой Роттаци, похожа на неё манерами, удивила кружевами и лонлиновую юбкою утром в пустыне.

Сел на «Пластун» и к вечеру прибыл в Фалер, где застал «Минин». Перебрались в гостиницу.

10-го. Утром виделся с посланником. Обедали у него. Простое многочисленное семейство. Живет на тычке. Я не знал несуществовавшего при мне Фалера. *Plage* [морской курорт] с ваннами, и уже много домов. Мимо ходит чугунка и конка. Ездил в Афины на похороны монаха с «Минина». Умер в госпитале, устроенном королевой.

11-го. По приглашению королевы ездил в Татой. Все в[14] ... условно, но я был совершенно поражен. С голых холмов Аттики вдруг въехали в благовонные сосновые рощи, и чем более поднимался, тем более всё вокруг становилось восхитительнее.

По приезде переоделись. Королева приняла меня одного, потом пошли к молебну. *Cercle* [клуб] и отдых до 3 часов. Обед *al fruco* [плодовый (итал.)], гуляли по парку – совершенная Швейцария. Затем танцы и нас стариков отпустили. Королева просто ангел. Её непринужденные приемы очень полезны нашим офицерам – приучают их к порядочности. Странно, что в рядах того же семейства повторяются одиночные исключения: принцесса Мария, Вера Константиновна. В манерах тотчас замечается сходство. Наследник – жирный гиппопотам, чем мама утешается, но мне физиономия его кажется не *intelligente* [умной]. Её дети истые греки, что доказывает разумность родителей.

Бютцовы рассказывают про Шишкиных. Ссорились с моряками. Право, у нас ералаш.

12-го. Очевидно, на «Минине» офицеры не занимались своим делом. Многие не могли объяснить мне расположение фрегата и цель разных приспособлений. Фрегат весьма чист и около исправности.

После многих лет взглянул на афинские примечательности. Поэзия уже чужда возрасту и на прошедшее смотришь равнодушно, имея свое собственное. Акрополис уже под стражей – позднею, но все же лучше, нежели прежнее свободное расхищение по камешкам. Музей Шлимана и национальный музей представляют много любопытного. Интересен также дом Шлимана. Соседство дворца мило и вместе грандиозно. Прекрасный *square* [сквер], спускающийся терраской: но всё портит казарменный вид дворца.

На «Минине» узнал, что Кроун, обзывавший Полянского лгуном, сам хуже... Противно приказанию генерал-адмирала, держит сына флаг офицером, производит ему содержание как старшему флаг-офицеру. Другой адмирал, Казнаков, телеграфировавший мне неоднократно, что выйдет 17-го августа, пришел через 9 дней и куда же? В фокус холеры – Неаполь. Мог бы придти прямо, а если есть повреждение, то едва ли трудно было догадаться, что беспокоюсь. Во всяком случае, можно было зайти в Мессину.

13-го. Прием королевы на «Минине». Все удачно. Казнаков зашел *dans la gueule du loup* [прямо в львиную пасть] – в Неаполь. Я оставил ему *une épitre* [депешу], в которой бью его по спинам других.

---

[14] Пропущено слово

Королева с истинно русской жилкой и являет необыкновенный факт. Как от сумасбродного, деспотического и эгоистического отца и такой же матери, могло родиться существо, столь полно олицетворяющее ангельскую половину человечества.

Нелидов что-то с нетерпением ожидает меня в Константинополе.

С наслаждением перебрался вновь на «Эльборус», ставший уже нашим домом.

14-го. Рано утром объехал Пирейскую бухту и работы по набережным. *Great improvement* [значительно улучшенные (англ.)]. Наша баня разрушена и nagire б... (в подлиннике точки)[15]. Миноноски могут стоять в новом порте.

В 3 часа вышли из Пирея. В заливе меня встретили «Минин» и «Пластун». Хотел буксировать сам цель, но лопнула стяжка, бросил бочку и сам водил вокруг судна. Стреляли не хорошо. Велел поставить все паруса. Щегольство помнят, а сутью мало занимаются. В 5 часов пожелал «Минину» счастливого плавания и пошел в Константинополь.

15-го. Крепкий NO заставил искать убежища в бухте на Псаре. Очутились в озере. Бедный городок первых греческих революционеров с двумя большими храмами. Кое-какие развалины. Султан Махмуд соскреб Псару с карты, получив известие о восстании.

Жена вела себя храбро.

Экзаменовал Никитина и Коландуса. Вообще, на переходе службы мало. Авось вымуштруются. Сигналов не знают.

16-го. Продолжаем путь. Свежий NO, только что пришли в Дарданеллы после заката солнца, и, не смотря на это, нас выпустили из карантина. Дудели на пристани «Боже царя храни». Мы стояли долго, исправляя в машине.

Над укреплениями работают.

17-го. Под берегом (северным) не имели зыби, но тот же NO. Перед захождением солнца открылась феерия Стамбула. Часть пролива мы прошли уже когда было темно. Стали в Буюк-Дерэ. Посол пришел поздравить, и приехали некоторые знакомые. Султан принимает меня завтра, коли не переменит фантазии.

18-го. Султану кто-то предсказал, что он умрет от руки человека, которого видит в первый раз. Поэтому он, назначая аудиенцию, всегда откладывает её. Сегодня он назначил мне и чтобы не поддаться той же штуке, я поехал с женою, послом и свитою на выезд в мечеть. От Ильдиз Киоска до мечети расставлены были

[15] Так в тексте: в скобках впечатано.

шпалерами войска, и мы держались на такой позиции, что в оба пути султан нас видел и даже кланялся. Заколдованный круг был порван.

После молебствия мы тотчас же отправились к султану. Нас принимали в наибольшем из построек этого гнезда, окруженного валами, и, кажется, рвами. В приемной нашли нашего врага-друга Осман-Пашу с волчьими глазами, старца Намин-Пашу, приезжавшего к нам при Николае, побившего нас под Еленой, Фуад-Пашу (молодого фата – большого друга Скобелева), секретаря Риза-Пашу и ещё двух-трех генералов – все генерал-адъютанты. Встретил нас церемониймейстер (он же доверенный драгоман), Мунир-Паша. Поили кофе, давали сигареты, и султан прислал извиниться, что заставляет долго ждать, ибо послал за принцами. Удалились и генералы и возвратились все в русских лентах и эполетах (мы были в виц-мундирах).

На самом деле султан знал, что я ухожу 10-го, когда начинающийся завтра Байрам не кончится, желал дать мне обед, велел изготовить его немедленно. Намин вспоминал о прошлом, Фуад хвастался Скобелевым, и так шло время.

Наконец, Мунир позвал меня с Нелидовым. В андреевской ленте и синем сюртуке встретил нас повелитель правоверных, чисто армянская личность с лукавыми глазами и длинным носом. Подняв руку, посадил, и начались восточные любезности. Истощив с нами свою медоточивость, султан велел позвать свиту и с ними также был любезен. Затем пошли к обеду. Султан считал долгом болтать со мною и Нелидовым. Не легко было бедному Муниру стоять все время и перебегать от Нелидова ко мне и обратно, проделывая в то же время салют и горбясь.

Султан проговорил целый обед. Вопросы о моем здоровье, совет лечиться у крымских татар кумысом, как здоровье государя, видел ли я его, очень рад знать, что я пользуюсь его доверием, поклон Николаю Николаевичу, благодарность Михаилу Михайловичу за присланные ноты (ещё одна причина медленности – музыка пришла без нот «Боже царя храни» и послание привезти) и, наконец, который мне год, что Камиль, мой сосед слева, не сознается, что ему 92 – вот султанские речи, сказанные архиерейским голосом, т. е. почти шопотом.

После обеда султан со мною и Нелидоваым перешли пить кофе в зал, из которого чудный вид на вход в Босфор из Мармары. Шептались с Нелидовым о возникших в Румении беспорядках. Мунир на этот раз сидел. Наконец, султан встал, объявил мне, что дает мне I класса Османии, а свите соответствующие ордена. Я благодарил, относя всё к моему государю. Поблагодарил ещё раз перед удалением, и в приемной весь синклит меня поздравил.

Султан трус и пассивно жесток. Намином прикрывается, потому что старик популярен. Осман – величайший вор и враг немцев, не дающий им заводить порядки. Следовательно, сугубо нам под руку – уверяет султана, что он его охранитель. Фуад либерал и уже сидел в тюрьме по подозрению, но выпущен и опять

напакостит не на шутку. Всех приближенных султана закупает и дарит, а также стерегущее его войско. Вообще он в Ильдызе деспота пленник.

Выезжая, увидели ведомых на заклание баранов с пастухами в каких-то халатах, и по улицам встречали турок с баранами на плечах.

По какому-то случаю я ввернул похвальное слово приятелю Шакиру, и султан ответил, что он умный человек, что Мунир передал особенно, присевши на корточки и крепче скрестивши руки на пузе.

К вечеру возвратились в Буюк-Дерэ.

19-го. На «Тамани» пошел в Стамбул. На пути беседовал с Филипповым и Протопоповым. По-моему, нам, военными судами, захватить северную половину северного Босфора, поставя под следующие батареи поповки или иные суда, а там высаживай десант, где хочешь. В Буюк-Дерэ нельзя с тех пор, как немцы научили турок устроить батареи на высотах Терапии. Труды офицеров генерального штаба, кажется, добросовестны; да и наш Власьев им хорошо помогает. Филиппов все делает помощью французов, заводящихся маяками. Зовут меня вместе осмотреть местность, и Нелидов не находит к тому препятствий.

Осмотрели базар. Торговались и ничего не купили. Взглянули на св. Софию, на Атмейдан и на Янычарский музей. Проехались не по оригинальному азиатскому, а уже беспорядочному европейскому городу.

Вечером опять в св. Софии, освещенной 7500 шкаликами. Эффектная таинственная бездна, если смотреть сверху.

Бойкий драгоман Максимов приятельским образом ругал торговцев и дерзко откровенничал с чиновниками. Видимо, полезный человек.

Ночевали на «Тамани», чтобы завтра быть на церемонии в Долме-бакче.

20-го. Встали очень рано, и с женою хотел по приглашению султана идти на Саламлык по случаю Байрама, но в 7 часу прибыл драгоман Максимов с известием, что церемония отложена. В восточной Румелии общее восстание, и султан по обыкновению струсил и хочет явно придать делу возможную огласку. И есть почему. Александр, повинуясь решению румелистов, прибыл в Тырнов с войском и теперь уже вероятно в Филипполе. Нелидов спокоен, но дивится, как наши агенты – Когадер в Филипполе и Сорокин в Андрианополе ничего не знали о перевороте, готовившемся заранее. А не было ли чего-либо в Кресире? Не слыхали ли Александр с Бисмарком и Калкони в последнем путешествии. Немцы, может быть, в ущерб нам, захотели быть благодетелями болгар; а может быть Александр и виделся с государем. *Pour les enricux* [любопытно]. Иначе как же никто из наших не знал о приготовлении переворота. Ещё третьего дня Нелидов уверил султана, что сожалеет о беспорядках, возникших в какой-то Румелийской деревне. Посмотрим.

21-го. Утром ездил по Босфору с военными агентами и по осмотре абонировал следующий план: нам нужно захватить тотчас всё пространство от Маяков до Анадоли Кавак, с одной стороны, и Телли, с другой. 3 броненосца в две линии, с поповками на буксире входят в пролив, на пути сбивают все старые батареи и становятся: 2 броненосца против нового форта выше Телла (может быть, и Анатолия Кавач), а северный заслан для десанта в бухте Кечилы, который должен войти тотчас за военными судами. 1 броненосец, проходя Кавак-Анатол., чтобы держать в решпекте Маджиар-Бурну. Одна поповка дефилирует Фали, другая Анатоли Кавак, и оба служат жолнерами линии транспортов. Уже сбивши батарею и выкинув первый десант, адмирал посылает в море сказать, чтобы шли остальные транспорты.

Власьеву отдано приказание ощупать нужное для десанта прибрежье.

NB. Придется высадиться и у Килии.

В 2 часа увидели всё *á vol d'oiseau* [с птичьего полета], пошли одни в Султанскую долину.

22-го. Рано утром, под покровительством любезнейшего Максимова, отправились смотреть дворец Долме Бакче. Нас встретил молодой флигель-адъютант султана. Особенно хорошо вычерчена входная лестница и не жалели места и замечательный большой приемный зал, также султанские бани и известное место, в котором турки всегда сидят на корточках. В дрянной картинной галлерее подарок Гобарта-Паши, как знак удивления твердости султана, с негодованием отвергшего наше предложение отдать флот. Картина изображает всех турецких броненосцев.

Осмотрел Сераль, с балкона киоска вид чудный на Мраморное море и Босфор. Все киоски. В одном глазели на сокровищницу. Громадные изумруды и натуральные жемчужины, костюмы султанов, персидский трон и проч. Бедно вообще. Пройдя сквозь киоски, где в былые времена султан принимал послов за решеткою, выехали через Стамбул в Перу и завтракали в посольстве.

Возвратившись, поехал с военными на высоту[16]; поднимались туго через посольский сад и раз въехавши, окинули всю европейскую позицию нашу. Отсюда думают нейтрализировать новую Терапийскую батарею, но, во-первых, как втащить пушки, во-вторых, какие поставить пушки. На склонах к западу тоже думают ставить батарею; а я думаю в бухте Баюк-Дерского залива поставить баржу с пушкой – дефилировать новую батарею, и к стороне Ункиар-Искелесии – другую. Нужно исследовать, могут ли суда дефилировать батарею над Терапией. На мысе памятника нужно воздвигнуть батарею или две. Склоны горы, которую назову Посольской, следует унизать орудиями. Судно, назначенное в глубину Буюк-Дерской долины, должно пройти от Незер-Бурау вплоть под европейским берегом. Филиппов *pécheur* [рыбак] все говорит о высоте гор, желая выставить

[16] Пропуск в подлиннике

свою ст. вину. Но Посольскую гору от Фанара и Килии нужно и все занять тотчас же, высадив десант в Килии и Буюк-Лимене.

Совет султана решил единогласно послать войска в Румелию, но Султан, труся за себя, не хочет посылать отсюда. Подсылает к Нелидову, чтобы тот просил государя выдать принцу Александру (уже метнувшему манифест и телеграфно просившему султана признать новый порядок вещей) остановиться, извиниться и возвратиться к прежнему порядку. Нелидов отвечал, что прежний порядок невозможен уже, что извинение ни к чему не приведет, и советовал не посылать в Румелию войска.

Между тем, государь телеграфировал себе неодобрение. Кантакузену велел подать в отставку и русским офицерам не ходить за Балканы. Что из этого выйдет? Пока вышло то, что принц Александр стал, по Максимову, «Сашей» Македонским. В этом случае, как не обвиняли в кознях и интригах, я согласен видеть руку англичан, которым это подстать во время усилий *Drumond'a Wolfa* [Дрюмонда Вольфа]. Нелидов утверждает, что *status quo ante coup d'état* [статус-кво без переворота] невозможен. Мне кажется, он слишком привязан к бывшей Болгарии, одним из творцов истории которой был сам, и слишком ценит славянские усилия в России. Едва ли повторится то, что было в 1877 году. *Le gouverment actuel ne sera pas débordé* [нынешнее правительство сброшено не будет]. Болгарам нужно показать, что мы не претим их политическому развитию, но что без нашего позволения они ничего не должны делать. Александру ничего более не оставалось делать. Его обдали холодной водой в Францизсбаде, где он виделся с Гирсом, и не пустили в Кремсир. Вообще, у нас обращались с ним презрительно за его личный характер.

23-го. В 6 часов утра оставили Буюк-Дере с нашими военными агентами и выйдя из Босфора, поворотили к Осту, осмотрели прибрежье у Ривы, обстреливаемое тремя орудиями, потом подошли к Шили – широкому *plage* [пляжу], вероятно, считаемому важным и в самом деле от него частью идет, а частью ведут шоссе к Скутари. Мои спутники удивились, увидя здесь на высотах 4 батареи вместо двух. В Шили они пересели на следовавшую за нами «Тамань» и пошли обратно, а мы с глубины 13 сажен, взяли курс. За скалами у Шили, кажется, могут укрываться миноноски – нужно исследовать. От Шили отпустили «Тамань» с моими военными чичероне.

24-го. Поплыли вдоль берега. Подходя к Синопу, спросил команду, что там случилось и, к удивлению, нашел только одного унтер-офицера, знавшего, что была битва при Синопе. Велел прочесть людям описание её и завернул на Синопский рейд, чтобы факт остался у них в памяти.

Не военный – главный командир в Черноморском флоте.

25-го. В 8 часов вечера прибыли в Батум, покачавшись предварительно часа четыре. Меня встретил Кутаисский губернатор Смекалов, обедал со мною и потом, при лунном свете, прошлись по городу, в особенности по вновь насаженному бульвару. Желают все уничтожения *porto franco* [свободного порта]. Тяжело для жителей окрестных деревень. Бунге заходил сюда и намылил голову таможенным за их притеснение.

26-го. Ночевал в вагоне и в 6 часу отправились по чугунке со всеми почестями. В 10 часов прибыли в живописный Кутаис, там пересели на открытую платформу и по Тивибульской дороге отправились по направлению к угольным копям. Дорога чрезвычайно живописна и особенно Чемынский монастырь на утесе, выступающем в Красную реку. Все время ехали по ущелью этой реки. На Чилатской станции мне показали месторождение угля и производимые работы (на плане). Дело только начинается, но Закавказская дорога подрядила на будущий год 3 миллиона пудов. Говорят, уголь похож на Ньюкастельский. Если выйдет, честь и слава Новосильскому. А от марганцевых залежей, уже снабжающих Европу, поведут железный путь в Поти.

Возвратились на главный путь. Прицепились к батумскому поезду и поехали к Тифлису. Всползли на Сурам и в 7 часу вечера прибыли в Михайлово.

В Боржоме проживал великий князь Михаил. Чтобы не бросал мне палок в ноги, отправился к нему с визитом при лунном свете. Чудная дорога сначала по равнине, потом по Боржомскому ущелью. Луна ещё более украсила его разноцветными оттенками. Серебристой лентой мелькала Кура. Через два часа проехали украшенный тремя двуглавыми орлами столб, означающий границу В. К. царства. Ехали, ехали всё по парку и, наконец, тройные реверберы на мосту указали, что мы в соседстве дворца.

Мне приготовили гофмейстерские комнаты, и сам неинтересный гофмейстер принял меня, заранее все натопил и вообще хотел пригреть на ночь, позабывши, что возвращаюсь в Михайлово. Проехал во дворец, где хозяева встретили меня любезно, потолковали о Болгарском вопросе и спросили моего мнения, можно ли вытребовать сына с «Аскольда». Я просил, в пример другим, этого не делать.

Великий князь Алексей упал из экипажа. Понесли лошади.

В 11 часов в обратный путь и опять ночевал в вагоне.

27-го. В 8 ч. утра прибыли в Тифлис и остановились в *Hôtel de Londres* [отеле «Лондон»). Европа здесь одолевает Азию. Тотчас поехал к Дундукову. Потолковали о злобе дня – Болгарском вопросе. Он недолюбливает Александра и супруга его также. Судя по газетам, Европа смотрит довольно хладнокровно на нарушение Берлинского трактата ничтожным князьком.

Взглянул на музей, требующий дня два осмотра. В большом порядке и представляет несметные минеральные богатства Кавказа. Этнографическое отделение весьма любопытно. Энтузиаст Раддесбей рвется в Мервь.

Сионский собор не особенно замечателен.

Был у барона Николаи, навестившего нас. Он здешний помещик. Вообще, великий князь Михаил и его сотрудники не поцеремонились с покоренным Кавказом и поделили его между собой.

Обедал у Дундукова, где встретил его боевых товарищей Нижегородского драгунского полка – храбрые орлы. Ни слова ни о чем, кроме Кахетинского вина.

Простились с радушными хозяевами, и завтра собираемся в путь по военно-грузинской дороге.

28-го. В 8½ ч. утра отправились по железной дороге в Месхед. Начальник Закавказских дорог Пресновский находит, что необходима ветвь от Тифлизо-Бакинской в Ленкорань и Астару для риса, хлопка и сальянской рыбы. Он говорит, что прямую дорогу от Владикавказа на Тифлис нужно строить тогда, когда Петровско-бакинская и проектируемая им Минеральная покажут, что на Москву отправляется довольно товаров с Закавказья и Персии.

В Месхеде осмотрели храм *Conozzdin* [указано ошибочно, фактически в храме Светицховели], где похоронены последние цари Грузинские. Под балдахином – пень дерева, из которого потекло миро, когда его срубили для постройки храма. Внутри храма направо храмина – предполагают для оглашенных. Собрание мощей – и есть в склянке капля крови Спасителя.

В 3 часа на легких отправились по военно-грузинской дороге. Первые две станции по довольно пустынной местности. От Анандра начинаются холмы с кустарниками дивных всевозможных цветов. Там и сям развалины замков. Арагва течет быстро почти во весь путь, лежащий по правому берегу её. В 6 ч. прибыли в Мдети и остановились в царских покоях. До сих пор, нам, азио-швейцарцам, нет ничего замечательного, кроме скорой езды под гору и с горы.

29-го. Продолжали путь. Более и более дичало, и скоро выехали в пресловутое Дарьяльское ущелье. Голые отвесные скалы над головою, но альпийских ужасов нет. Вовсе нет пропастей, хотя дорога извивается змеей и представляет образец искусства. Кондуктор беспрестанно дудит в свой разбитый горн. Миновали замок Тамары, проехали мимо крытой галлереи, и скоро очутились среди иной природы: ущелье растянулось в долину, по горам побежал кустарник, а ещё дальше просто равнина, окаймленная дальними горами. В 5 часов прибыли во Владикавказ, напоминающий Николаев. Теперь здесь до 30 т. жителей. Остановились в клубе, побродили по городу, перешарили базар, ничего не купивши, и весьма усталые вернулись домой.

30-го. В ½ 8-го пустились в Ростов по черепашьей дороге. Казбек, Эльборус и Бештау сияли во всей своей снежной прелести на безоблачном небе и по мере того, как паровоз провозил нас на нормальный по хребту луч зрения, рисовались более и более резко. Сначала отдельный отрог Кавказа, потом степь да гладь. Заход солнца в безграничной степени имеет свою прелесть.

Октябрь

1-го. К 9-ти часам прибыли в бурлацкий разросшийся и обстроившийся Ростов. Первая овация с фокусником Байковым в голове. К счастью, поезд отходил скоро, а то надоели бы. Путь до Таганрога показался безмерно длинным. К полудню прибыли на разукрашенную станцию. Пошлые речи и собрали целую коллекцию солонок. Таганрог обеднел, но некоторые улицы вымощены, что не помешало пыли засыпать нас с головы до ног.

Осмотрел маяк, возобновленную Петровскую церковь, заилинный и обваливающийся уже порт (просят 800 т.). Сделал визит м-ль Скороскани, градоначальнику, голове, и пустились далее по Харьковской дороге. На проводы собралось столько же, сколько на встречу. Просили позволения назвать насаженный мною бульвар моим именем и повесить мой портрет в зале думы, ничего этого не было бы, если бы я теперь не был тем, что есть, хотя два года я трудился на пользу города.

В 12 часов прибыли в Юзовку и по какому-то недоразумению не нашли средств перевоза на завод Юза, так что прибыли туда в 3 ч. ночи, прокатившись по освещенной луною степи.

2-го. Осмотрел завод Юза. Хорошее дело. Всё местное. Вот уже ничего нет для украшения. Замечательная машина для нарезывания винтов на костылях и перевоз металла от доменных печей в Сименсовых вагонетках. До 8 т. рабочих. Руда из Кривого Рога, уголь на месте и очень хороший.

В час прибыли на станцию и пустились в Мариуполь, с благодарностью Юза и заверением, что на два года он работой укомплектован. Уже отправили рельсы на закаспийскую дорогу. Последние грузили птицы Р. Общ. на пароход «Ростов» в Мариуполе, куда мы прибыли, промежь собачьих городов, в 5 часу пополудни. Опять встречала убогая солонка. И мариупольцы хотят, чтобы им вычистили Калмиус. О порте не хлопочат. Им возить нечего. Странно, что на рейде не застали ни одного судна. Пароходик Р. Общ. «Воронцов» перевез нас на «Эриклик» и мы тотчас же снялись с якоря в сопровождении «Эльборуса».

Бердянский электрический маяк пылал заревом ярко и точно. Войдя в луч верхнего маяка, взял курс на Керчь–Еникальский пролив. На «Эраклике» больше стройности, чем на «Эльборусе». С полночи знакомец – северо-восточный ветер.

3-го. В 6 часу вошли в Керченский пролив. Все знаки на месте, и канал шуточный, слишком узок, и мы никак не могли заметить продольного створа, ведущего по каналу, хотя погода не совсем мрачная. Может быть, свежий ost [восточный ветер] поможет миновать Константина, от которого не ожидаю комплиментов.

Ветер стих, и, бросивши якорь в Ялте, я отправился в Орианду в 8 часу вечера. *Je suis arrive á une huere indue* [Я приехал в неурочный час] и Константин принял меня *dans sa petite maison* [в своем домике] не в духе, ругал не пришедшую почту и вообще старался от меня скорее отделаться, чему я был очень рад.

На обратном пути заехал в Ливадию к Гурко. Торопится возвращением в Варшаву и просил парохода.

В 10 часов снялся и пошел в Севастополь.

4-го. Милый Севастополь показался мне во всем блеске. Утром был на постройке, заметил на правой стороне «Чесмы» погибы и велел исправить. Обошел её до киля. Некоторые переборки, в особенности разделяющие кочегарки, дали при пробе водой погибь. Велел обсудить, как укрепить их, и заметил, что подечные коридоры слишком широки. Исследовал проект предположений о спуске.

Док представил грандиозное зрелище. Уже вся форма окончена. Остановка за затвором; нужно понудить Брянский завод.

Велел приступить к казармам и к госпиталю, не смотря на опровержение Комитета и уверение, что Павловский мыс подвержен *malaria* [малярии]. Никогда прежде этого не было, и если мы будем отступать от болезни, а не бороться с ней *á la source* [в её источнике], она охватит и город.

Ездил к резервуару водопровода. Вода уже у казарм и в доках. Дает 18400 ведер в сутки.

Прежде всего утром были у заупокойной обедни на могиле адмирала.

На месте Николаевской батареи разведен бульвар. Прелесть. Не помню, где такой дивный вид, и если соленые брызги не помешают разрастись, будет восхитительно.

5-го. Утром осмотрел всю батарею на обоих берегах бухты. Орудия расположены умно, профили достаточны, и батареи довольно скрыты от взоров неприятеля, даже переделкой на северной, оставлены не мешающие огню амбразуры прежней батареи для введения неприятеля в заблуждение. К сожалению, всего три *soit disant* [так называемых] дальнобойных орудий 11-дм. и семь того же калибра коротких; остальные 9- и 6-дюймовые мортиры. Я никак не ожидал, чтобы так скоро и хорошо управились. Не достает орудий обстрелять пространство перед Бельбеком. Ставши там, неприятель дефилирует все северные батареи, а против него только две 11-дм. Нужно поставить две таких на Волохову башню с

круговым обстрелом. По южную сторону следует отнести защиту на западный берег Стрелецкой бухты. Теперь крайняя батарея у Херсонского монастыря. На месте форта Константина следует воздвигнуть броневые башни.

После полудня осмотрел казармы, взглянул на док и на «Чесму», в которой уже исправлены замеченные мною вчера погибы. Миноноски (4 больших и 6 малых), найдены мною в порядке. На малых нужно менять котлы.

Чихачев не решился телеграфировать о посылке миноносок прямо в Копенгаген, а от Алексея из Парижа ответа нет.

6-го. Утром осмотрел хлебные магазины, которые легко приспособить для наших надобностей. Взглянул на дом таможни и на старое адмиралтейство и поехал в Килен-балку осмотреть будущее расположение коммерческого порта. Им вовсе не нужно место от западного мыса Килен-бухты до Ушаковой балки, и природа, в особенности смотря с моря, указывает мол от этого мыса. Там и риф идет далее.

Город просит отдать на снос Екатерининский дворец, а я прибавляю – с тем, чтобы поставить памятник Екатерине.

В 2 часа снялся и на пути в Одессу заходил к Бельбеку. Действительно, можно оттуда дефилировать северные батареи и бросать бомбы в адмиралтейство со всего взморья. Но первое может быть устранено лишнею батареей на завороте берега (да и прежде там была батарея), а второе – неизбежное следствие войны; притом бомбардировка возможна только на ходу, следовательно, не страшна.

7-го. Утром в Одессе. Взглянул на суда Добровольного флота: какая-то история у Бауэра, в которой замешана его жена. На заводе Фендриха видел наши заказы. Посетил Зеленого и тотчас снялись с якоря. В 7 часу вечера прибыл в Спасское и тотчас переехал в дом Главного Командира.

Великий князь не согласился на мои предложения послать миноноски в Средиземное море. Напрасно. Государя ждут между 4 и 10 октября.

8-го. Осмотрел адмиралтейство. Мортонов эллинг подвигается плохо. Мастерские приводят в порядок. Магазины в большом порядке. Новый лесной. «Екатерина» очень выросла и если машина и артиллерия удадутся, будет чудным кораблем. Нужно кончить литейную.

Казармы в хорошем виде. Кабы все это было в Севастополе.

9-го. Осмотрел госпиталь. Церковь подвигается. Требуют расходов на удобное устройство нового портового управления. Взглянул на минный класс – работают над сетями.

Осмотрел также прежнее Спасское адмиралтейство в видах просьбы Садуаня. Не знаю, что можно там сотворить. Юз является компетатором Садуаня.

В 8 часу простился с Пещуровыми, у которых гостил, и покатил в Петербург.

10-го. Какой то усердный школьник контроля нашел неправильным, что в моем вагоне сидел мой курьер. Сольский был поблизости в Харькове и подчиненный, вероятно, оказывал вследствие того ревность.

В Туле после 17 лет встретился с Варей Виганд. Весьма мало изменилась, только стала домоседкой.

11-го. В 11 часов прибыли в Петербург, и я тотчас отправился в Кронштадт. Велел «Витязю» готовиться и идти со мною на встречу государю. Говорят, удался. С «Бобром» не совсем ладно. Угольные магазины готовы. Стенка подвигается[17].

13-го. Был у Гирса, бьет на то, чтобы сменили Александра (*á dédain du maître* [высокомерие мастера], преимущественно видящего только эту сторону вопроса), но не уверен в Бисмарке. План такой: присоединить Румелию к Болгарии таможенно и до некоторой степени административно, но прогнать князя в удовлетворение султана, о чем последний должен начать дело. Жалуются, что Нелидов слишком скор и впечатлителен.

Был на совещании у военного министра. Боится, что настоящие обстоятельства заставят захватить Босфор и торопят со средствами. Я старался отдалить вопрос, но не мог отвергать мер. Решили собираться каждый четверг.

14-го. Бумаги[18].

15-го. То же.[19]

16-го. Вечером, в слякоть и ветер перебрался на Большом Кронштадтском рейде на «Витязь» – новый корвет, построенный Франко-русским обществом.

17-го. В 6 часов утра снялись и *without a hitch* [без сучка, без задоринки] давши ход, постепенно его увеличивали и ровно в 6 часов вечера пришли на Свеаборгский рейд. Корвет слушает отлично руля и машина работает плавно. Командир, Макаров, обещает быть молодцом.

18-го. Был у Гейдена, осматривал зимующую эскадру. Обедал у Гейдена и вечером слушал по-шведски *Ce petit Duc* [«Маленький герцог»]. Скоро надоело, и отправился на корвет. Барометр падает; холодно и сыро.

---

17 Рядом с абзацем дописано рукой: «Неугомонность»

18 Так в тексте

19 Т.е. бумаги

19-го. В 3 часа вышел в море. Ещё прежде вышел «Олаф», который я брал с собою и послал к банке у Даго. Умеренным ходом шли весь день и часть ночи.

20-го. В 6 часов утра, зайдя за Даго увидели «Державу» и её спутников. По «Петру» открыли её. Яркие электрические фонари светили ясно в небольшую мятель. Тотчас вступил в кильватер. В 9 часу велено было показать ход. Мы 11, Петр почему-то 10. Тотчас нам велели идти полным ходом. Мы обошли «Державу», и когда нам сделали сигнал вступить в кильватер, молодецки обогнули «Петр» и вошли в свое место. Лишь только установились, сигнал – пройти вдоль правого борта. Прошли и по сигналу вновь вступили в кильватер, выписав осмерку. У Макарова славный глаз. Обгоняя яхту в первый раз, я приспустил вымпел, на что государь ответил тем же и кланялся, а во второй раз изъявил сигналом удовольствие. Продолжали плыть при свежем противном ветре и утром подошли к Кронштадту. «Держава» стала на якорь, а я просил позволения идти вперед.

21-го. Пройдя мимо «Державы» на Малый рейд с намерением идти в канал, был застигнут шквалом с пургой. Бросил якорь, пересел на «Неву» и, взявши с собою яхты, отправился к «Державе», думая, что государь пожелает приехать на рейд. На пути встретил «Державу», которая, против моего ожидания, при сильном боковом ветре пошла в канал, своротила один *pinch* [рычаг (англ.)], но удачно установилась на курсе и пошла в Питер. Я за нею следовал. В свое время «Державу» нажало, где следует, к пристани, я пристал к плавучей и скоро явился государь. Он был очень ласков, хвалил «Витязь» и вообще был в духе.

Завтра свадьба Вольдемара, и Алексей получил приказание представлять на ней царя. В канал захотел войти сам державный, боясь перевозить детей на рейде. Странное обращение на яхте. В то время как государь говорил со мною, командир, повернувшись к нам спиною, разговаривал с Чихачевым. После завтрака августейшая семья, на поданом поезде, отправилась в Гатчино, а мы воротились в Петербург. Устал и простудился. Снег валит хлопьями.

22-го. Всё советуемся с военным министром насчет дерзкой замышляемой экспедиции. Обручев хочет прославиться достижением исторической цели, а когда сильно желание, всё кажется легким. Мне сдается, что он что-нибудь да сотворил в болгарском восстании.

23-го. *Sic transit gloria mundi* [так проходит мирская слава (лат.)]. При жизни многие жалели и почитали, а к смертному одру едва пришел десяток женщин. Бедная баронесса Раден после тяжелых и долгих страданий скончалась от рака. Кто займет её место? Вот петербургский вопрос.

26-го. На днях государь спрашивал о случае с женою и о моем здоровье. Решив покончить с своенравным Кроуном, я выложил государю весь *dossier* [досье] его промахов и получил согласие считать казусы у него и с ним приключившиеся важными, и вследствие того, в отсутствие генерал-адмирала, сменить собственной властью самодура. Выхлопотал награды датским офицерам и предоставил две категории имен для контр-миноносцев. Государь выбрал Ильина, зажегшего турецкий флот в Чесьме. Вообще, государь был очень милостив и внимателен к словам моим.

27-го. Акт в морском училище по поводу выпуска офицеров. Обычная церемония. Я приветствовал выпушенную молодежь речью.

В комитете министров много убил времени, разбирая отчеты губернаторов, в особенности Киевского генерал-губернатора – и не к чему не пришли.

28-го. Н.Н. Обручев представил записку, в которой, вдавшись в историю сформирования России, указавши на отпадение от неё части, доказывает, что только ложная политика бесцельного вмешательства в европейские дела заставляла нас до сих пор выносить отпадение от России Галиции и Буковины. Что это, в соединении с польским вопросом, только и составляют существенные для России политические цели. Все остальное, даже заступничество за славян – сети, в которые нас втягивала Европа для ослабления. Ещё цель – завладение Босфором защиты ради, но не Константинополем с Дарданеллами, которые должны остаться за султаном *malgré tout et contre tous* [несмотря ни на что и вопреки всему]. Странно, что автор, жаждя разрешения польского вопроса окончательно, и находя нужным для того предъявить исторические привилегии на часть Австрии, не ставит занятие Босфора на первый план. Война с Австрией – значит борьба с Европою, а это возможно, только защитив юг Босфорской позицией. Обручев хочет приготовить государя к докладу нашего совещания, присваивая себе мысль о занятии Босфора. Бесспорно, он за нее более всех ратует.

Государь, прочтя и пометив согласием, велел дать прочесть совершенно секретно Гирсу и мне.

31-го. Решили совместно с военным министром сделать доклад о Либаве, как необходимом военном порте. Принимая в соображение бесцельность увеличения флота при замерзаемости Кронштадта, невозможность раскидываться всюду, я согласился на Либаву, потому что министерство путей сообщения хочет устраивать там купеческий порт. Северную часть этого порта я предлагаю отвоевать для военных судов и там держать исправные суда наши. Но едва ли следует ограничиться только Либавой. Если мы укрепимся в Моонзунде, тогда можно отбросить шхеры, Транзунд и Биорк-Э, ибо едва ли решатся идти в Кронштадт,

если в тылу Либавский и Моонзундский флоты. Как бы то ни было военный незамерзающий порт представляет вопрос первой важности, и я соглашаюсь на Либаву только как на начинание.

Черноморский вопрос преследуется и, кажется, входит в исполнительный фазис.

Ноябрь

2-го. Спуск «Нахимова» и закладка «Лейтенанта Ильина». Погода до того мерзкая, что до самого момента спуска не знали, какой путь изберет государь. Я решил раздвоиться, и, убедившись, что все в канале хорошо, воротился к верфи. Были великие князья: Владимир с женой, Николай и Михаил. Верный, как хронометр, государь прибыл на катере с императрицей, несмотря на слякоть и ветер, и прошел прямо к «Ильину», где ему представили вновь выпущенных. Затем последовали традиционное удары по заклепкам. Михаила Николаевича взъерошили, что государь не предложил ему ударить. От закладки прошли на крейсер, потом к месту наблюдения. Императрица, желая показать пример, всё время стояла вне палатки. Государь, между тем, рассматривал чертежи, сказал несколько милостивых слов родному племяннику Нахимова, адмиралу Воеводскому, и на запрос мой о докладе, спросил, нет ли чего особенного. Доложили ему об истории Дубасова, на что он выразил сожаление, и спросил о смене Кроуна. Доклад к нему посылаю.

Скоро «Нахимов» тронулся и сошел величественно. Гром пушек возвестил равнодушной ко всему столице, что происходит морское торжество. Авось, с помощью канала привыкнут.

В 2 часа чисто формальное открытие общего собрания Государственного Совета.

4-го. Ездил на полигон. Все удалось: доска колпинская оказалась превосходной, крепление её с котлами по системе Михайлов прочно. Пушка Бринка (составная) очень прочна и даже 6-дм. стальные обуховские снаряды оказались не хуже Крупповских.

5-го. Ездил на Обуховский завод. И здесь всё в ходу, хотя, боюсь, не поспеет во время. Что за гигант паровой станок под 12-ти дм. орудия! Прибавляют к строениям. При мне отжигали трубку 8-д. орудия. Хотим лить сталь в земле и начать с проволочными орудиями.

6-го. Александр Болгарский приказом исключен из русской армии. Совершенно заслужено и откровенно. Значит, мы не хотим, чтобы он оставался в

Болгарии. Но поможет ли это делу? Пожалуй, вызовет заступничество. Уже придумали, что Виктория одержима Батербершиком. Почему-то наша дипломатия ликует. Ей лишь бы мы не вмешивались в дело, а какой ценой? Это для неё не вопрос!

8-го. Освящение «Ярославля» (прежней «Европы»). Присутствовал Победоносцев, которого я помазал по губам моим тостом. Он ездит по пятницам в Гатчино заниматься с наследником. Чем? Казалось бы, только правом.

9-го. При докладе государь с негодованием говорил об особенности Финляндии в монетной системе и прибавил, что не успокоится, пока это не изменится. Разрешил поднести Алексею на новоселье хлеб-соль на блюде и в солонке Екатерининского сервиза, подаренного императрицей Черноморскому флоту и сделанного частью из серебра, взятого Ушаковым у турок.

С некоторых слов Островского показалось мне, что дни Набокова, как министра, сочтены. Говорили о Маносеине, Миркусе и даже Яневиче.

15-го. Сербы и болгары метнули манифест о войне.

И король и ошельмованный нами принц слезно молят султана о помощи. Мы советуем султану прежде потребовать, чтобы принц ушел из Румынии. Все, кроме Англии, и Франция более всех, за *status quo ante* [ранее существовавшее положение (лат.)]. Гирс очень этим чванится, как потребовавший того первым. Он утверждает, будто когда он сказал о *status quo* Бисмарку, тот *s'est redressé* [воспрянул], а потом примкнул – вероятнее ради сохранения Берлинского трактата.

Сегодня у нас совещание по случаю экстраординарного кредита, потребованного Ванновским и мною для исполнения почти сумасбродного плана Обручева – захвата Босфора со средствами, наскоро изготовленными в Черном море. Не было сомнения, что Абаза сделает, как государь хочет, – и действительно мы только поболтали в вероятностях и решили ограбить Россию на 8 миллионов.

16-го. Приехавши в Гатчино, увидел карету, посланную за сенатором Манасеиным, и, судя по слухам последних дней, сказал Островскому – «Вот мой новый министр юстиции».

Государь начал вопросом, чем решилось вчерашнее заседание. «Исполнением вашей воли, как всегда, когда это поручается Абаза», – отвечал я и хотел продолжать сентенцией – когда умный и порядочный человек сделает глупость, он всячески старается, чтобы её забыли, но государь возразил: «Абаза так близко знаком с финансовыми вопросами, что для него легче разрешить их, нежели кому-либо».

Потом зашел разговор о самом вопросе. Я налегал на то, что все единогласно решили оттягивать решение вопроса на Балканском полуострове донельзя.

Начали рассуждать, как может сбыться наше желание. Ещё раз государь указал на шаткость султана, прибавя, что кабы не она, можно было бы добиться, чтобы султан сам пригласил нас. Теперь дело с ним не ладится. Не хочет воспользоваться правом своим вступить в Болгарию. Правда, угрожают греки, и он стянул 175 батальонов к границам Македонии.

Первая стычка между сербами и болгарами была уже. Цареброд занят первыми.

После доклада, весьма незначительного, принес жалобу на «Гражданин», напечатавший вчера пасквиль на закон о цензе. Государь утверждал, что Мещерский без всякого такта насмеялся насчет кары. Я настойчиво просил дать предостережение и получил согласие сообщить о том Толстому. Островский говорит, что это будет казусом, ибо все думают, что государь лично покровительствует ему и сам Мещерский о том рассказывает и даже показывает, что государь перед ним письменно извиняется.

Просил высказаться на счет командировки яхт. Со всегдашним *abnégation* [самотверженностью] государь устранил свою личность и сказал, что командиры яхт должны подчиниться общему закону, что и Кремера он отпустит на место председателя технического комитета, так как это повышение, и не зачем занимать место флаг-капитана адмиралу. Расспрашивал также о Попове – смирен ли он? Отвечал, что употребляю помощников, ибо они дельные.

Может быть, я склонил государя покарать Мещерского тем, что обратил его внимание на усилие Мещерского меня выгородить и обвинить Чихачева и что я этого допустить не могу.

Выйдя от царя, увидел Манасеина в мундире. Он стал министром юстиции. Все это уготовано Победоносцевым, который и составил программу, Манасеиным принятую. Она состоит в том, чтобы уничтожить *imperium in imperium* [империю в империи], созданную для себя судебным ведомством. Последние судебные скандалы много способствовали решимости государя.

Обручев убедил меня, что Ванновский не виновен в приказе о Болгарском. Когда государь прислал к нему о том повеление, Ванновский предложил три редакции, рекомендуя №3; а в этом номере просто приказывалось батальону его высочества впредь именоваться 13-м стрелковым. Желая склонить государя на снисхождение, Ванновский послал две записки Николаю, относившиеся к аналогичному казусу с отцом Александра – Александром Гауке. В первой Николай приказывал исключить, а во второй уволить от службы по прошению. Ничто не помогло, велено исключить, не смотря на помощь Ванновскому Гирса. Грустный, по-моему, признак.

18-го. Князю Мещерскому дано предостережение. Много будет, вероятно, толков. До сих пор его щадили.

20-го. В свою очередь болгаре побили сербов и заставили их отступить в свои пределы, по крайней мере, по главному пути наступления. Хорошо бы для нас было, если бы у сербов была неудача, и Александр, зарвавшись, связался бы с турками, которые, конечно, побили бы его. Тогда и сербы, и болгаре увидели бы, что нечего надеяться на великие державы, а нужно жить своим умом, а свой ум, конечно, указал бы, что если им чего-либо от кого-либо ждать, так это от нас.

21-го. Сделал весьма неприятное открытие. У начальника штаба нет беспристрастия. Велел двум контр-адмиралам внести в списки, что у них есть ценз на вице-адмиральство, а они в последний раз плавали капитанами. Это явное нарушение закона, и мне очень горько было усмотреть это.

23-го. На докладе государь подарил мгновенно снятые виды «Витязя» и «Державы» аппаратом Бринделя. Два маленькие вида великолепны.

На донесении, что Мещерскому дано предостережение, государь надписал: – «и совершенно заслуженное, в чем убедился сам, прочтя статьи». – Мещерский, в письме государю, сделав *mea culpa* [покаяние (лат.)], уверил, что был болен, когда принесли статьи, и сам будто ей ужаснулся, когда прочел. Вследствие разговора с Островским, сказавшем мне, что в английском клубе, прочтя статью, подняли охи и ахи, я спросил государя, не напечатать ли разъяснение, но государь не согласился.

Между тем, чтобы пригвоздить ценз и показать, что вопрос бесповоротен, я сего дня назвал яхты «Царевну», «Славянку» и «Марево» в рангах.

Просил государя дать место адмиралам в сенате и опекунском совете. Обещал.

30-го. Болен. Не был у доклада и призвал доктора Энхвальда, будто командовавшего дисциплинарною ротою.

«Я требую», «Я приказываю». Запер меня на 8-10 дней и велел увлажить воздух, которым дышу. Неужели милостивый бог отнимает рога не у бодливой коровы, а у такой, которой хотелось бы дать больше молока?

Декабрь

1-го. «Глубоко опечаленный» братоубийственной войной, государь благодарит в приказе офицеров, служивших в Болгарии, признавая их труды и усилия в храбром поведении молодых болгарских дружин. Косвенно приятно должно быть и Александру, заслужившему царский гнев, но весьма умно не возвратившему русские ордена в возмездие за исключение из русской службы. И у нас оттаяла минутная злоба. Рихтер и другие близкие не возвратили орденов Александра, хотя тот давал их *á la sourdine* [под сурдинку], не имея права.

М. Г. Черняев, *qui veut toujours qu'on parle de lui* [который хочет, чтоб всегда говорили о нём], при публикованном письме возвратил Такова своему бывшему протеже Милану, а его экс-начальник штаба Комаров пишет, что не следует возвращать, ибо они даны за помощь народу сербскому, чего забывать не должно.

3-го. Влангали привез печальное известие о смерти А. П. Давыдова. Кажется, мы взаимно были друг другу симпатичны, да и вообще особенно грустна преждевременная смерть хорошего человека, который мог бы принести пользу. Мир праху твоему, усердный и разумный исполнитель видов на пользу России.

Разговорились о злобе дня. Убеждал Влангали устроить мост, по которому Болгарский Александр мог бы, не унижаясь, хотя бы на коленях, доползти в объятия государя. Изданный приказ представляет к тому средство, которое, как и всякое другое, мы должны *saisir au vol* [схватить на лету]. Победы и личная храбрость имеют свое обаяние и упорство; государь поставит его *en contradiction non seulement ávec l'opinion de ses propres sujets qui Lui, empereur doit cultiver ci les maintenir* [в противостояние не только с мнением его же собственных подданных, которое император должен поддерживать, если они на том настаивают].

Уж я вижу сильную оппозицию решимости государя касательно принца, ныне побежденного. Из Виддина комендант телеграфирует в свет, что гарнизон помнит, что русские научили брать крепости, а не сдавать их, т. е. болгары не отступают от своих идей, говорит, что они за одно с провинившимся князем и основывают свои действия на лестном для нас участии в их военном устройстве. Трудно царю спорить против этого, соглашаясь, невольно нужно стать снисходительнее к вождю храбрых.

4-го. Разговоры, хотя редкие, о предметах неважных, к которым отношу придворный *gossip* [слух], иногда наводят на весьма серьезные мысли. Обедал Арсеньев, с которым только и можно говорить о великих князьях и в. княгинях, да о легонькой французской литературе. Он выразил надежду, что Елид. Федор. примет православие. К чему может привести, придумалось мне, допущенное нарушение требования, чтобы жены наших великих князей принимали православие. Через несколько лет все наши августейшие матери будут протестантки. Православные наши князья выедут из пределов России. Вот какая картина мне представляется. Царь с царицею и малолетками православные, женская половина дома, всегда влиятельная, составит протестантскую корпорацию, православные князья разделятся на православных *pur song* [чистокровных], и православных *trés tolerant pour ne pa dire indifferents* [очень терпимых, если не равнодушных] вследствие влияния протестантских матерей. Предвижу странное и страшное смешение, даже междоусобие.

6-го. Пришел ко мне Кремер будто говорить о яхтах, но мялся и когда разговор о яхтах прерывался, не уходил. Я догадался, в чем дело, и даже, в общих чертах начал рассуждать о том, как наши офицеры ошибочно думают, будто, раз назначенные в мелкие при государе должности, они останутся в них навсегда. Кремер – весь такт, как говорит королева Ольга, – совершенно одобрял мой взгляд, но о себе ни слова.

Оказалось, что он приходил выведать. Сегодня, в Гатчино, императрица проговорилась и выразила ему сожаление, что он уходит. О женщины! Спохватилась, начала уверять, что может быть, она ошибается, что только что-то слышала, но было уже поздно.

8-го. Георгиевский праздник. Константин и весь его хвост блистали отсутствием. Просил утром Черевина дозволить жене посмотреть с хоров на бал, что потребует доклада государю. Утром же поймал Рихтера и Алсуфьева и просил их помочь мне в борьбе с флотскими свитскими. Все это *une indiserétion de l'impératrice* [болтливость императрицы].

За обедом при тосте за Вильгельма большой восторг, а при тосте за государя[20]. После обеда, за *cercle* [обходом (по кругу)], подошел ко мне царь, приветствовал с выздоровлением, и когда сказал мне «в этот раз доходили до бреда», черт меня дернул за язык и под впечатлением опасности, которой подвергался я в последние дни, отвечал: «некоторые думают, что это мое нормальное состояние». *A! un jéu de mots* [игра слов], возразил державный, императрица также была очень любезна и прямо с участием сказала, что я так хорошо смотрелся по возвращении из-за границы, а теперь похудел.

Я думал, что скажет мне о Кремере что-нибудь, но воздержалась.

Австрийцы нам пакостят. Недовольные угрозою Квенгюлера Александру, они сделали что-то ещё хуже. Боже! Избави нас от бед.

Дурак Дурново, председатель славянского комитета, комментировал приказ государю о болгарских войсках в пользу славянских идей, в слоях в обществе. Я думал, это было дозволено. Оказалось, нет. Нахлобучка от Толстого, нахлобучка от Ванновского. Но этого, по-моему, мало. *Ces imbéciles veulent encore une tais diborder le gouvernement* [эти идиоты хотят ещё раз выйти из правительства].

10-го. Совещание у военного министра. Видимо, Обручев хочет *entrer dans les bonnes graces* [войти в милость], утверждая государя в его ноте на Константинополь. Видимо, также, что г.г. генерального штаба решились рисковать всем для удовлетворения своего честолюбия. Когда я сказал им, что вернее решить вопрос походом на Македонию, меня удивили ответом, что такой поход невозможен. Но угроза-то возможна и по-моему достаточна, лишь бы видели, что мы не

[20] Пропуск в тексте. Рукой поставлен знак вопроса – ?

шутим. С всегдашней моей откровенностью я сказал, что иду с военным ведомством дотоле, пока издержки будут полезны для флота во всяком случае, а когда увижу, что они ведут к бредням недостижимым, остановлюсь.

11-го. Интересный обед у Попова. Игнатьев, Соболев, Лилиенфельд. *Le pére du mensonge s'efforçait á prouver qu'il n'est pas pére pour rien* [Отец лжи тщился доказать, что ничего сотворить не способен].

Он выразил опасение, что князь Александр, ставши силен единением, явится нашим компентитором на Константинополь, а я сказал, что чем более его вознесут, тем скорее он, в угнетении и разочаровании народа вследствие уплаты за славу, сломит себе шею. Соболев, из своей тактики, доказывал мошенничество, не то что двойственность, а тройственность князя. Свидетелем его оскорбления русских офицеров был какой-то эск-преображенец Косяков (о чем мне вчера говорил военный министр), ныне авантюрист и бродяга. Кажется, наши агенты по его показаниям освоили свое свидетельство.

12-го. Вследствие разговора с великим князем, написал письмо министру юстиции о месте в сенате для адмирала. Может быть, господь поможет!

В заседании общих дел сам опрокинул дело о призах и репризах, мною представленное. Случилось, по-видимому, странное. Я сам себя побил и вышел триумфатором.

Дело началось в 1879 году и рутинно шло до сих пор. *On entassait office sur office* [переводили из одной инстанции в другую]; всем надоело и я хотел его кончить как-нибудь, лишь бы кончить. По обыкновению, начали критиковать, и когда я выслушал всю критику, то согласился с нею, но более, нежели ожидали «По-моему, – сказал я, – все это вздор; какие законы о призах, когда их брать нельзя вследствие существующих трактатов». Поставя вопрос на такую почву, я возбудил патриотизм и все меня благодарили за подобный исход премий. Поручили мне же составить общие правила немногочисленные, подходящие под все случаи, а всё остальное предоставить инструкционному способу.

14-го. На докладе государь во всем обращался ко мне. Просил позволения частным образом, даже не говоря ничего Гирсу, снестись с Нелидовым о позволении «Донскому» пройти в Черное море к приезду государя и для него собственно, основываясь на том, что неоднократно делали это для обоих генерал-адмиралов, принцов Валлийского и Рудольфа Австрийского. По-моему, султан будет восхищен сделать личное одолжение государю и, вероятно, попросит, чтобы «Донской» сопровождал один из его кораблей для отдания почестей. Когда налажу дело с Нелидовым, тогда только официально обращусь к Гирсу с уверенностью в успехе.

Заношу резолюцию князя на записке, посланной Толстому о предостережении, данном «Руси» – цитирующей Аксакова государь написал: «совершенно за-

служенно; он перешел за границы. Эти господа (или что-то в этом роде) не хотят понять, что балаганным патриотизмом ничего не выиграешь. Да за кого же они меня принимают? Разве я немец или чухонец? Я русский не менее их, но с той разницей, что они безответственны, а я отвечаю». *C'est dit histoire* [Историческая фраза]. Подлежит, впрочем, корректура в редакционном смысле.

16-го. Государь опять выказал мне внимание. Ещё в постеле получил фотографию «Витязя» с собственноручной надписью «Витязь» «8 октября». Добродушный владыко!

Счастлива была бы Россия, если бы при нем все окружающие понимали его.

Душа так ликовала сегодня. Жена читала *revue Tartarine dans les Alpes, qui m'a fait rire de ce rire Homérique et bienfaisant qui guérit du trop de travait* [«Тартарена в Альпах», который рассмешил меня до гомерического, благотворного хохота, исцелившего переутомление. (Имеется в виду один из романов Альфонса Доде про приключения Тартарена из Тараскона, вышедший в 1885 году, – ред.)].

У Варвары Рудиковой украли 300 рублей; осталась без гроша на праздник. Послал ей деньги, которые возвратят мне в генваре из 67 тыс. Счастливый день!

17-го. 50-летие училища правоведения. Государь был со всем семейством (исключая Константина), явившемся *in corpore* [в полном составе (нем.)], разумеется, по приказанию. Большая честь. Правоведы явились со всех концов русской земли, будто чтобы выказать, как они сплотились, в виду предстоящих попыток разбить корпоративность. Были 70-летние, государственные мужи и юноши 14-15 лет. Я сел так, чтобы можно было скоро выйти и ... все приставали, чтобы я шел вперед на почетные места. Надоело. Моя обязанность быть впереди, идти на неприятеля, а во времена мира я не люблю выделяться; оставьте меня в покое.

Вечером долгий *coloque* [коллоквиум] с Поповым, удерживающим около себя прежнюю школу или шайку. Старался выставить ему ошибочность его технических идей, когда посмотришь на них глазом (много объемлющим) министра. Кажется, убедил.

18-го. Праздники разных частей, между прочим, Гвардейского экипажа. Начался день молебном в 8-м. Потом отправился к государю благодарить за присланную фотографию. Для меня всегда светлый день видеть моего честного монарха. От него пошел поздравить наследника. Большая перемена. *Il commence être plus sûr de lui meme* [он начинает быть более уверенным в себе], хотя все ещё не покидает матросскую рубашку. Впервые имел случай наметить рост Победоносцева. На его месте я велел бы выбить себе все зубы и вставить челюсть. Два-три зуба, которые великий князь сравнивает со сморчками и затем на левой стороне какой-то синеватый восковой щит. При этом брызжет, говоря. Мерзко, отвратительно.

Государь помучил войско, заставя кроме обычных двух раз, пробежать. *Les mauvais plaisants disent que ce pour voir* [Злые языки говорят, что это для виду].

Головачев *á courir* [сбежал]. Нужно опасаться не сделаться *bon-motist*'ом [бонмотистом (остряком)]. На параде, видя, как прыщик-флейтист золотой роты шагал, я сказал Вердеру *«Voila une manière civilisée un homme»* [Вот как это делают цивилизованные люди]. После завтрака, целуя руку у императрицы, услыхал от нее: *«Vous denez me féliciter aujourd'hui avec la fête de l'équipage de la garde* [Вы должны меня поздравить с праздником Гвардейского экипажа]» – намек на мое *quasi* [якобы] неблаговоление к Гвардейскому экипажу. *«Je vois félicite prinsipalement Madame, avec la garde de futur de la grandeur et de l'honneur de mon pays et je suis sûr que l' équipage de la garde ne m'en voudra pas». – «C'est trés bien tourney»* [«Поздравляю Вас, Мадам, в первую очередь с сохранением будущего величия и чести моей страны, и я уверен, что гвардейский экипаж бы этого не пожелал» – «Ловко сказано»] – возразила волшебница. Вечером за обедом, в экипаже, я намекнул на милостивый щелчок императрицы и сказавши, что она чудный образ, которому гвардейцы должны молиться, прибавил, что право это в одинаковой степени принадлежит всему флоту. Считаю, мне, человеку серьезному, нужно опасаться впадать в игру слов и остроты.

21-го. На докладе государь особенно налегал на безответственность Корнилова по постановке «Днепра» на мель. Его честная душа жаждет или привлечения виновных, или гласного оправдания невинного адмирала, в глазах всех не могущего быть пешкой при таких обстоятельствах. Послабления с Дубасовым также неприятны ему, и государь успокоился, когда я объявил, что Дубасов передан мною суду за потопление миноносца «Удав».

На обратном пути Алексей и Павел рассказывали, что у Базилевского был вечер с актрисами, на котором экс-министр Набоков играл в карты с моим портным Нарденштейном, дядей и слугой на актрис.

Ловкий Александр Болгарский сделал уже первый шаг к примирению, отдавши приказ, что войска его обязаны победою попечениям государя и усердию русских инструкторов.

22-го. В комитете министров дело об управлении Обуховским заводом, отложенное по желанию Сольского возражать. Говорили три часа. Утвердили проект, как есть, без всякой перемены. Абаза думал, что будет сражение между броненосцами и миноносцами.

23-го. Обедал у Нарышкина. Читал и дал мне балладу по поводу перемены министра юстиции. Шесть скакунов пустились по дороге в Гатчино и бегут мимо хозяина и хозяйки, а под боком у хозяина – старая няня со своими оценками

скачущих. Зло, но не неприятно и метко. Однако же рано начинают являться подпольные стихи о нынешнем царствовании.

26-го. Алексей отправился на охоту с государем, и я вручил ему записку с просьбой на охоте найти случай провесть её государю. Вследствие внимательного изучения французско-китайской компании мне показалось, что не худо бы нам приобрести острова *Pescadores* [Пескадорские] в Формозском проливе, в заливе Посьет, которого китайцы очень добиваются. Прошу велеть обсудить *citte idée barroque* [сию причудливую идею]. Можно сделать там *institution pénale* [пенитенциарное учреждение]. А будет англичанам за Гамильтона в отместку.

27-го. Рассказал мне Половцов историю о Митяе. Истинно «только жрать да пакостить», как сказано в балладе. Государь назначил Набокову 12 т. государственных и 7000 польских. Митя пришел плакать к Половцову, а когда тот ему сказал: «ведь ты получил 50 т. *de main en main* [из рук в руки]», ответил: «Получил». Так чего же больше. Не конфузясь, Митяй пошел к Михаилу Николаевичу, плакал и тот выпросил ещё у государя 6 т. на известное Е. В. употребление. Митяй ни слова не вымолвил в. князю о 50 т. Вот какие прожорливые скоты бывают.

Половцов просил помочь ему в вопросе об уничтожении чинов, обещал, ибо иначе не могу делать, стремясь уничтожить чины у себя в остающихся корпусах. Мой товарищ министр смотрит иначе.

****

Неудача назначения Яневича в. к. Алексеем на брегут.

Борьба касательно ценза – Бунге.

Мое ходатайство за в. к. Алексея.

Ещё о Яневиче. Толстой в Севастополе.

Ответ государя Алексею на счет Яневича и разные козни по назначению в госуд. совет.

Новогодние размышления.

Государь разбивает традиции периодических радостей.

Театр в морском училище. Непристойности.

Ещё по цензу. *Bon mot* [острота] на в. к. Владимира по случаю смерти Штиглица.

Пален вместо Рейтерна. *Fiasco* [провал] Делянова в комнате министров по Швейцарскому пенсиону.

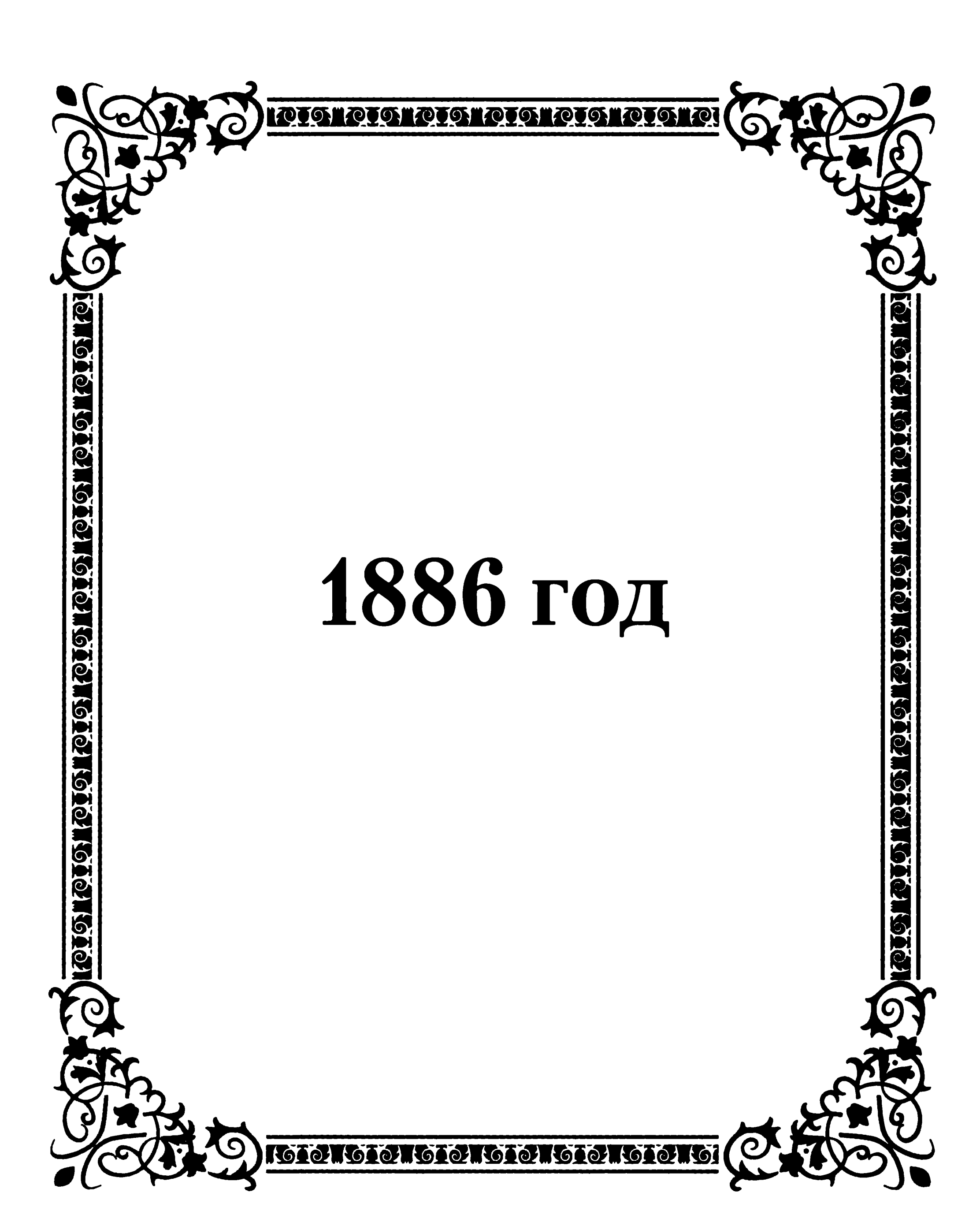
Свадьба гр. Апраксиной.

Ценз проходит в совете д-ах.

Государь заботится о цензе. Мои мучения. Взрыв в Вестминстере.

1886 год

5.-

1 8 8 6 год.

Январь 1-ое
Декабрь 20-е

Впервые воплощенная планами явилась передо мною мысль моя о внешнем порте в Балтике. Полковник *Macdonald* делал там изыскания, буравил, мерил- выработал эскиз нашей доли в аванпорте, предполагаемом к постройке ведомством П.С. для коммерции и внутренние бассейны. Кабы удалось мысль эту осуществить:

Я-б памятник себе воздвиг чудесный, вечный.

Зиновьев, по резолюции государя, пришел узнать мое мнение - нужно ли нам посылать в Сеул, по просьбе Вебера, два судна и, по мысли самого государя, - не следует ли нам заглядывать в Гамильтон, занятый, между прочим, вовсе без спроса у Корейского правительства. Отвечал: могу послать два судна, а дальше что? Команды там прогниют. Король, опираясь, наделает глупостей, в нашу пользу, возбудивши не китайцев только но и европейцев? Что касается до Гамильтона, мы его знаем а наше там появление даст повод англичанам вновь заглядыват в Владивосток, что не желательно.

21 декабря
2 января.

Обедал у Стюрлера. *Anecdotes de la vie intime.* Все присутствующие были одинакого мнения о неспособности Даниловича к своей должности. Нравоучения ярого Зиновьева мямле-дядьке наследника *m'ont fait rire aux éclats*. Но вот истинно курьезный факт, выказывающий, что Данилович *devient bête à force de vouloir être sage jusqu'à la prévoyance*

Глупая сплетня старого рамоли Стюрлера и страт-ное же-

Суб дядька- англичанин поехал в Петербург, застал у себя дома корь и, разумеется, не мог возвратиться. Прошли условные шесть недель, он пишет Даниловичу можно ли ему приехать.

1886 ГОД

Январь 1-ое / Декабрь 20-е

Впервые воплощенная планами явилась передо мною мысль моя о внешнем порте в Балтике. Полковник *Macdonald* [Макдональд] делал там изыскания, буравил, мерил – выработал эскиз нашей доли в аванпорте, предполагаемом к постройке ведомством М. П.С. для коммерции и внутренние бассейны. Кабы удалось мысль эту осуществить: я б памятник себе воздвиг чудесный, вечный.

Зиновьев, по резолюции государя, пришел узнать мое мнение – нужно ли нам посылать в Сеул, по просьбе Вебера, два судна и, по мысли самого государя, – не следует ли нам заглядывать в Гамильтон, занятый, между прочим, вовсе без спроса у Корейского правительства. Отвечал: могу послать два судна, а дальше что? Команды там прогниют. Король, опираясь, наделает глупостей в нашу пользу, возбудивши не китайцев только, но и европейцев? Что касается до Гамильтона, мы его знаем, а наше там появление даст повод англичанам вновь заглядывать в Владивосток, что не желательно.

21 декабря / 2 января

Обедал у Стюрлера. *Anecdotes de la vie intime* [Анекдоты из интимной жизни]. Все присутствующие были одинакого мнения о неспособности Даниловича к своей должности. Нравоучения ярого Зиновьева мямле-дядьке наследника *m`ont fail rire fux éclats* [заставили меня громко смеяться]. Но вот истинно курьезный факт, выказывающий, что Данилович *Deviant bēte á force de vo?loir être sage jusqu`a á la préveyance* [сильный, непредсказуемый зверь, который хочет быть предупредительным до услужливости].

[1]Субдядька-англичанин поехал в Петербург, застал у себя дома корь и, разумеется, не мог возвратиться. Прошли условные шесть недель, он пишет Даниловичу, можно ли ему приехать. Данилович отвечает, чтобы он впредь относился только по телеграфу и получил инструкции от Василевского. Англичанин приходит в Аничков, подвергается очищению в бане, где его нещадно моют и скребут под присмотром и, когда он вышел, надевают на него новое белье, платье и сапоги. Англичанин с трудом влез в них и спрашивает свои пожитки. *Brulés* [сожжены]. Но всего забавнее, что оставшийся в Гатчино фрак – *Brulé* [сожгли]!

50-летний юбилей Казакевича. Написал ему рескрипт и золотую табакерку с портретом. В кабинете не оказалось 4-х тысячной, прислали 3200, но я потребовал в 5 т. *Le jubilaire a en de la chance* [Юбиляр имеет право на шанс].

1 Рядом с абзацем в печатном виде текст: «Глупая сплетня старого рамоли Стюрлера и страстное желание Шес. попасть к наследнику»

22 и 23 дек. / 3 и 4 января

На докладе государь показал себя в высшей степени милым человеком. Во время отсутствия великого князя (а при этом условии он и, скажу я, гораздо говорливее) я выразил желание, чтобы, в виду жестокости ценза, для тех, у кого уже нет будущего, создать поболее мест для моряков, которые представляли бы *inamovibilité à vie* [обеспечение гарантий мест для ценза] и указал на Сенат и почетное опекунство, прибавя, что на последнее уже были попытки, но императрица боится, чтобы мы не завалили её неспособными дряхлостями. Сенатское место уже дано Горковенко.

[2]Сегодня, когда дошли до Небольсина, о котором просили сделать исключение, произведя его при отставке в вице-адмиралы несмотря на то, что он в чине всего три года, государь сказал – «Вот почетный опекун! Жена его знает, и мы её попросим» – и Небольсин, вместо отставки, назначается *À vie* [жить] опекуном.

Не схвативши, при перечне производств, что Басаргин представляется в контр-адмиралы, государь выразил желание сделать его флигель-адъютантом при назначении флаг-капитаном.

Ещё доказательство готовности его быть милостивым к морякам. Вообще, сегодня я в восторге от доклада. Старику Соколову, в 4 дня, выхлопотал аренду.

[3]Возвращаясь встретился с весьма интересным человеком – Г. М. Каульбарсом, прибывшим прямо из Пирота, с письмом от Александра, которое тот ему читал – весьма слезливое. Государь сделал ему тот же вопрос, что я: насколько письмо сердечно, искренно? Каульбарс отвечал, что не может ручаться, но, вероятно, князь, честолюбивый, имеет сильные поводы, чтобы, несмотря на симпатии к нему Европы, проглотить нанесенное ему оскорбление и падать к ногам оскорбителя. Что выйдет, не знаю, но молю бога, чтобы вразумил царя доброго, истинно русского. Каульбарс рассказывал, во-первых, что счастлива была мысль Нигры послать в делимитационную комиссию всех военных агентов при австрийском правительстве. Все они друг друга знали и перенесли свои дружеские отношения в заседания. На первом же Каульбарс, как единственный генерал *Et un des plus intéressés dans la question* [наиболее заинтересованный в этом вопросе], отказался от председательства и предложил его, по праву первородства самой идеи, итальянцу.

[4]Этот возразил: *quell farceur* [какой шутник], а Каульбарс попросил занести слова в протокол. Так дружески воины-дипломаты начали свое дело и также дружески они кончили его быстро. На пути их первым стоял Милан, имевший дерзость уверять, что он никогда побит не был. Объехав его линию, они перешли к Болгарской. Совершенно русский фронт, русская отколка приемов и при вечерней молитве финал за русского царя. Александр принял их с вежливостью победителя и настоял, чтобы Каульбарс взял от него письмо, хотя тот всячески отнекивался, уверял, что

2 Рядом с абзацем в печатном виде текст: «Никогда потом эти назначения не повторялись»
3 Рядом с абзацем в печатном виде текст: «Путанник и тип чендха ген. Штаба».
4 Рядом в печатном виде текст: «а результат самый глупый для нас».

его оклеветали и пр. Интересна картина болгарского общества. [5]У министра брат возит навоз или пасет свиней, а о политике толкует. Наши агенты все врут. Александр весьма популярен (и понятно) и на нас сердиты. Каульбарс толковал, что, ратуя против соединения, мы спасали Болгарию, ибо возгорелась бы общая война, под шумок которой турки вошли бы в Болгарию и снова поработили бы её. Теперь это отстранено и, вероятно, прибавил он, мы запоем иную, приятную для болгар песню.

Энтузиазм в Болгарии неподдельный. 82 тысячное войско содержится и кормится натуральною повинностью народа. Нет ни комиссариата, ни интендантской части; все по наряду, из деревень. Общее увлечение повело к победе, но – странны помимо вольные последствия людских предложений и поступков. Кевенгюллер, остановив торжествующего Александра для спасения Милана, спас самого Александра, который при подобной организации мог дойти до Пирота, мог биться почти на месте две недели, но наелся бы грязи, если бы пошел далее к Белграду.

[6]Хвастун – медный лоб Милан, уверяющий, что он отступил, а не был побит, оказался с 7-ью патронами на солдата после битвы у Пирота, а противник имел по 120-ти. Когда комиссия прибыла в Ниш на обратном пути, Милан их пригласил к себе в 5 часов, но не оставил обедать, а велел накормить в трактире. Недовольный арбитражем, он сказал комиссии, что мороз и дурное помещение в хатах, вероятно, ускорит её заключения, на что Черутти, как председатель, встал и ответил, что они имеют инструкции от своих правительств и никогда не решились бы не выполнить их до точки. Милан так сконфузился, что, ничего не возражая, начал всех подчивать папиросами. Чтобы наказать его, комиссары решились в совершенно одинаковых выражениях передать своим правительствам разговор с ним и весь вечер Милан имел удовольствие читать донесения на его дерзкую глупость. *Il me parait être un finaud act allemande Russe* [Мне кажется, он действует хитро этот русский немец], а говорят просто хороший человек.

11 января

После обеда у Нарышкина, простушка Воронцова затеяла разговор о цензе, болтала про то, что не время делать недовольных, что все очарованы Кремером и т.п. Я возражал, что выполнение закона о цензе моя религия и я буду настаивать на нем пока самого меня будут терпеть, и готов погибнуть, но не поступиться своими убеждениями.

Доклад весь, целиком, государь утвердил, хотя ехавший со мною Делянов уверял, что велено отложить тех, кто получил в коронацию, до 30 августа. Ничего подобного со мною не было и в Новый год будет *un changement de toilette Complot* [изменения в туалетах заговорщиков].

---

5 Рядом в печатном виде текст: «Хорошо бы и у нас так как наши министры ушли недалеко от болгарских».

6 Рядом с абзацем в печатном виде текст: «Не медный лоб, а скотина».

1/13 января 1886 г.[7]

Выход по случаю Нового года. Не было столько сияющих физиономий, как прежде, ибо все награды ограничились алмазными Александрами Головину, Корнилову и Убри, да товарищ министра В. В. Дурново сделан членом Государственного Совета. За 21/2 года обязанности он устал и ещё в прошлом году просился с места под предлогом расстройства своих дел. Ему дали лишних 5 тысяч и сделали статс-секретарем, обещавши за что-то Государственный Совет, что ныне и исполнено, потому только, что Дурново добрый малый, всем нравится и, при нелюдимости Толстого, всех принимает.

Моя перетасовка многим не нравится. Любо было всем маяться в придворной /?/[8] Капуи – и Кремеру и командирам яхт.

4/16 января

Мне рассказывали, что Каульбарс не подал прямо письмо Александра Государю, а вертел его в своей шапке, ибо обещал князю отдать его только тогда, когда государь спросит – и спросил.

В ответе восхваляет государь болгар и армию – и по настоянию Гирса – маленькую *flatterie* [лесть] самому князю. Князь же, после целой страницы комплиментов, только скользнул вдоль высказанной к нему строгости и по поводу приезда сюда. Приезд в нашем ответе отклонен. Теперь мы стоим за полное соединение. Германия за нас, удержала Австрию от мобилизации после Сливинского дела. В Берлине Батенбергов не любят, но говорят, с ними нужно считаться. Это привез Петр Шувалов, говоривший с Бисмарком.

6/18 января

Крещенская церемония. Воспользовался случаем, чтобы сказать Гирсу, что к английскому послу не пойду без приказания государя, так как он не только не прислал мне карточки, но позволил себе сделать выбор между министрами и одним послал, другим нет. Дипломаты уверяют, что по Блунчли посол не делает никому визитов первый. Здесь вопрос не в Блунчли, а во взаимности. Чему подвержены дипломаты наши, тому должны подвергаться иностранные дипломаты у нас.

В разговоре с Каульбарсом просил его помочь примирению государя с Александром и предложил, чтобы этот приехал в Севастополь, когда государь там будет. Не так будет унизительно для Александра, и государю будет легче, менее стеснительно. Хорош гусь! Как мне говорил Кантакузен, вместо наших офицеров, он взял во флотилию Серебрякова и Луцкого, отъявленных нигилистов. А наш Лебедев утопил запалы мин перед отправлением.

---

7 Так в тексте
8 Так в тексте

10/22 января

Был у меня Гирс. Мы, как прежде было сказано, предложили разоружение. Англичане, ради их *interests* [интересов] идут далее. Они предлагают общее вооруженное вмешательство на Грецию, чтобы не было войны на море, и дорогая торговля их могла бы идти беспрепятственно. Государь приказал Гирсу дать мне знать. Не хотелось бы повторить демонстрации *Dulcigno* [нежной любви], и на первый взгляд я предложил согласиться с англичанами (так как это единственный способ обезоружить азартных и грозных почему то туркам на море греков), но, так как к миру на море склоняется и Бисмарк, то стараться из второстепенных морских государств образовать особый охранительный союз, который, устраняя действия на море, вместе с тем наблюдал бы за англичанами и не зарывался бы в их виды. При этом я советовал склонить турок не высылать судов в Архипелаг. Незачем. Войск уже у них в Сессалии довольно. Наши силы ничтожны и нужно подумать как скрыть это ничтожество, не сходя совсем с поля действия. Можно наблюдать за нейтральным Корфу: Английский парламент открыт. Королева в своем *message* [послании], напирает на объединение Болгарии под Александром, – я говорил, что выйдет личная борьба между ею и государем – и твердо говорит, что нужно принять меры против Ирландии. Кабы эта изумрудная Польша заняла островитян.

Гирс всё сетует на Нелидова и уверяет, что однажды сказал государю, что Нелидов действует самостоятельно потому, что считает себя доверенным мыслей государя.

12/24 января

Бал на электрической выставке. Игрушечные предложения электричества и ничего путного.

13/25 января

На докладе государь говорил о предложении англичан. Мне пришла в голову другая комбинация вследствие сообщенных мне депеш Нелидова[9]. Султан бросается на шею государю, говорит, что он на него только и надеется и ведет дело к[10] ...; но ему нужно блистательно доказать, что Россия заботится о Турции и потому – он просит[11] ... Ловко. Разумеется, обещает нам возмездие; но какое? Ведет дело помимо министров, через (?). Султан робкая флюгарка, но почему-то Нелидов думает, что в этот раз он серьезен. Вот мне и вздумалось устроить настоящий политический кризис таким образом[12]: чтобы не быть в хвосте у англичан, не озлоблять против себя греков Эллады и вместе непосредственнее выказать Султану на сочувствие, не

[9] Рядом в печатном виде текст: «Детское увлечение»
[10] Пропущено слово
[11] Пропущено слово
[12] Рядом в печатном виде текст: «Детский бред и старческое самообольщение»

отставая в то же время от Европейского концерта, велеть эскадре нашей наблюдать, чтобы греки-райии не предпринимали ничего на море против турок. Гирс стоит за прежнее мое мнение; но одно не исключает другое. Государь всё боится, что англичане захватят Дарданеллы, – но тогда нужно на всё решиться.

По выходе из кабинета подали записку Гирса и я должен был возвратиться. Бюцов уведомляет, что греческая эскадра вышла, как говорят, к Криту; вот ответ на угрозу англичан не дозволять грекам войны на море. Все наши комбинации могут оказаться поздними.

Послал «Пластуну» приказание тотчас идти в Смирну на соединение с адмиралом, Казнакову ждать в Смирне приказаний, Корнилову поспешнее направить «Разбойник» и «Опричник» в Средиземное море и самому держаться поближе к Индийскому океану, чтобы придти «Мономаху», буде понадобиться, скорее на театр действий.

27 января/ 8-ое февраля

14/26 генваря, переходя по обыкновению из туалетной в кабинет, почувствовал, что ноги мои не повинуются моей воле. Застал на столе письмо от Гирса, в котором он беспокоился о наших судах в Средиземном море и указывал на желание государя, чтобы король с семейством, в случае нужды, мог укрыться под наш флаг. Дал довольно длинный утвердительный ответ и тотчас же принял В. А. Андреева с докладом. Лишь только началось чтение, почувствовал себя так дурно, что просил докладчика уйти. Лег. Не было сомнения, что Провидению угодно было оставить меня на пути мечтаний и себялюбивых надежд[13]. Левая нога, правая рука и правая часть головы были бесчувственны.

На другой день С. П. Боткин явился со своею добродушною улыбкою и предписал систематическое лечение. Занятия отложены, никого ко мне не пускать и вот теперь на 13-й день, по милости Божией я до того хорош, что второй день уже выезжаю кататься и строю планы отдохнуть путешествием во Владивосток в мае, а до того времени прожить в Крыму, где меня ожидает радость возрождения Черноморского флота[14].

В моем временном горе я имел много утешений – жена истинная *seur de charite* [сестра милосердия] – не оставляла меня ни на минуту, государь велел присылать к себе дважды в день бюллетени, а очаровательная императрица четыре дня сряду телефонировала ко мне с вопросом о здоровье. Все великие князья присылали узнавать или сами заходили. Алексей был трижды и я ему сказал, что всех надую и поправлюсь, просил поцеловать за меня руку у императрицы. На шестой день бюллетени кончились. Боткин дозволил принимать по 5-10 минут – и все мои коллеги

[13] Рядом в печатном виде текст: «Совершенно верно»

[14] Рядом в печатном виде текст: «Начало конца и к сожалению рамо лисмента, а жаль, потому что несмотря на самохвальство было и немало хорошего»

перебывали у меня и выказали большое участие. Был у меня и приехавший князь *Monte-negre* [Черногории]. Говорят, он государя возбуждает против Александра. Всё идет как нельзя лучше и сегодня особенно веселый для меня день. Были Ванновский, Островский и Нарышкин.

Последним приехал Алексей и сказал, что сегодня, на докладе, государь сказал ему, что мне нужен покой, и предлагает мне поместиться в Ливадии. Господи! воздай доброму властелину и дай мне силы и способности отблагодарить его.

Ни на минуту не терял сознание. Бог избавил меня от этого несчастия.

2/14 февраля.

Настолько поправился, что сегодня мог благодарить государя и императрицу за их внимание. Был принят обоими в кабинете и как мог, вылил свою душу в признательность. На такой высоте внимание к кому и к чему бы то ни было весьма бегло и скоротечно. Тем более поразила меня милость венценосцев. Государь повторил свое предложение отправиться в Ливадию и дал совершенное согласие на путешествие во Владивосток, сказавши, что это будет полезно. «Там ещё ни один министр не был и, вероятно, не будет». Императрица скоро удалилась, и я счел долгом откровенно высказать мое положение со слов Боткина, бывшего у меня вчера. Слава богу, способности умственные у меня не тронуты и я мог бы теперь же приступить к занятиям; но что со мною будет через месяц, два, Боткин не ручается. Он требует продолжительного удаления от канцелярских дел – и я прошу его величество решить, возможно ли это в его видах и не следует ли мне отказать теперь же. Государь выразил уверенность, «что я долго ещё могу быть полезным», милостиво согласился отпустить меня, но дважды прибавлял «после Черного моря», куда отправляется на торжество возрождения флота. Я ответил, что для самого меня это будет сердечная радость. По-видимому, императрица взяла верх. Они, семейно, отправляются прямо в Ливадию провести там страстную и святую и начать Севастопольским торжеством, а затем уже перейти в Николаев и оттуда пуститься обратно. При этом я доложил, что до меня доходят слухи, будто торжество на юге взбудоражит Европу, и я просил государя помнить, что прежде Европы есть Россия, что торжественное возрождение в его присутствии Черноморского флота оживит весь край на долго, что Россия увидит, что вместе с нею радуется событию и повелитель её. «Мне об этом никто не говорил, – отвечал государь, – но могут быть спокойны; чем больше о России будут говорить, тем лучше; меня с этой дороги не поворотят». Просил ещё до отъезда побывать в Государственном Совете, где у меня есть долг – и при этом показал ему список уволенных по предельному возрасту – на 12 тысяч получают более, нежели на службе, а члены Совета, согласившись единогласно на ценз, теперь втихомолку клеймят его, как жестокую меру. Государь возразил, что на это не должно обращать внимания. Я вышел очарованный милостивым приемом.

5/17 февраля

Начинаю собираться в путь. Великие князья Сергий и Павел навестили меня после парада. долго сидели. Показывал им всю квартиру. Очень милое внимание, в особенности в настоящее шумное время. Иностранная коллегия меня знать не хочет.

6/18 февраля

Сегодня навестил великий князь Михаил – раб лукавый, но любезный. Заговорил было о Черногорском – будто тот наускивал государя дать ему артиллерию и военные припасы, но получил сочувственный отказ под тем предлогом, что мы требуем разоружения Сербии и Болгарии: как же нам в то же время вооружать Черногорию? Князь уехал и, по газетам, был у Бисмарка. Хитер – не добьется ли там чего-нибудь.

8/20 февраля

Так чувствовал себя хорошо, что решился присутствовать на параде и после на завтраке. Государь, встретив меня у собственного подъезда, остановил лошадь, подал руку и спросил «не рано ли?» После завтрака повторил то же приветствие и был очень милостив. На вопрос об отъезде, я опередил его: 18-го. Императрица, утешая меня, уверяла, что у неё было то же самое, что она кашляла кровью и теряла голос, но все пришло в порядок. *Je tenais à paraitre* [Я решил появляться], чтобы не думали, что я никуда не годен и не винили бы государя, что он оставляет меня на месте.

Воронцов сказал, что мне отвели Адлерберговский флигель и что, вероятно, меня не потревожат, несмотря на приезд царя.

Мне всегда больно, когда государь не воздерживается от откровенного выражения своих мыслей. Ванновский рассказывал, что за прошлым завтраком, по поводу смены Апера, государь выразился: «*Quand est-ce qu`on vas changer chez vous infâme gouvernemeent* [когда намерены сделать изменения в своем печально известном правительстве]».

[15]Дали 6000 р. на подъем, что составит со следуемым мне содержанием по командировке и прогонами (не считая министерского содержания) 19400 р. Из них 5000 пойдут на перегоны, а остальные должны хватить на 8 месяцев.

<u>Копия</u> с письма государя императора

10 февраля 1886 г.
Аничков Дворец.

[16]*«Благодарю Вас, любезный Иван Алексеевич за Ваше письмо. Можете быть уверенным, что Ваше задушевное и искреннее слово не пропадет, и я буду руковод-*

[15] Рядом с абзацем в печатном виде текст: «По моему личному ходатайству»

[16] Рядом с абзацем в печатном виде текст: «Ответ на письмо о взятии Босфора по предложению Обручева»

ствоваться в решении этого вопроса Вашим мнением. Будьте уверены, что я не поведу Россию на рискованные предприятия и выжду дня, когда мы будем готовы и уверенные в полном успехе предприятия. Благодарю Вас ещё раз искренно за чисто патриотическое и истинно русское чувство, выраженное в Вашем письме.

Александр».

10/22 февраля

Не знаю, занес ли я в мои записки, что по случаю Болгарских дел государь велел нам с военным министром, совещаться насчет мер, которые нужно будет принять в крайности. Ярый Обручев подал записку о необходимости воспользоваться обстоятельствами и ударить прямо на Босфор[17] Не менее азартный Куропаткин, чая командировать экспедицию, поддерживал его. Нам дали экстренно 8 миллионов для приготовлений, и хотя я предуведомлял, что мы, с морской стороны, не можем быть готовы ранее года, деньги все-таки отпустили. Я радостно соглашался на всё, что могло увеличить скорее силы наши на юге; но не решался тратить деньги на фантазии, напр., на постройку мириады пароходиков. Сухопутные, рассчитывая разные случайности, пришли к заключению, что перед Босфором можно посадить с пароходов в пароходики десант и стаею, *à la Oleg* [подобно князю Олегу], двинуться прямо в пролив. Государя держали в убеждении возможности успеха. Удаляясь на довольно продолжительное время, счел долгом совести высказать чистосердечно мой взгляд на предприятие и представить все последствия удачи. Письмо послал в 10 час. вечера, а в полночь получил ответ здесь прилагаемый. Господи! Помоги нашему благожелающему России царю.

11/23 февраля

Сегодня, на бале у великого князя Алексея, государь ещё раз благодарил меня. Я оставался недолго, да и явился-то только из кокетства выздоравливающего, чтобы его не принимали за больного. Индо-китайские комнаты генерал-адмирала, освещенные электричеством и убранные всеми редкими произведениями индо-китайского искусства, имели вид феерии.

13/25 февраля

Был сегодня на бале в концертном зале. Государь, по обыкновению, был милостив. Полтора часа на ногах утомили меня. Многие радовались моему выздоровлению, другие прикидывались, будто радовались.

Как-то грустно становится перед отъездом. Надолго оставляешь что-то дорогое. И Надя мне чаще приходит на несколько удрученный ум мой.

[17] Рядом в печатном виде текст: «А теперь хотят отнять»

17 февраля / 1 марта

Представлялся перед отъездом. Был принят милостиво и присутствовал при докладе. Мой доклад о передаче Добровольного флота Русскому Обществу с тем, чтобы оно заплатило 3 мил. и в течение шести лет построило три 17-узл. парохода, отложен до Крыма. Очевидно, государь не благоволит к обществу, опасается вящщей монополии его и не прочь передать другому обществу. Я выразил опасение, что с 600 т. субсидии *nous ne nous tirerond pas d'affaire* [не расстраивают бизнес] и что трудно находить команды при новых правилах о цензуре. Оставил модель яхты крейсера. Государь велел всю прислугу перевести вниз и придать большую парусность. Был у наследника, где узнал, что Бунге приглашен давать ему уроки политической экономии. В общем присутствии Государственного Совета Абаза весьма существенно защищал Бунге, подвергшегося в последнее время нападкам, но главное выставил, что в то время, когда не смеют нападать на становых, бросают грязью в министров, а главное, что официальные люди участвуют в этих нападках. Победоносцев блистал отсутствием.

18 февраля / 2 марта

В 81/2 часов вечера пустились на юг. Провожали все начальники частей, несмотря на просьбу мою не беспокоиться. Великий князь телеграфировал, когда я уезжаю, но на станцию не прибыл. Мне казалось, что я наименее тщеславный из людей, а вышло, что червяк самолюбия и меня гложет как других. [18]

19 февраля /3 марта

Во время остановки в Москве съездили в Петровский парк, в Стрельну, *ou nous avons eu notre petit bout de carnaval* [маленькое подобие карнавала].

20 февраля / 4 марта

Ночь, между Тулою и Курском, 19° морозу.

22 февраля / 6 марта

Опоздали и прибыли в Севастополь только в 51/2 час. утра. В 8 часов с Пещуровым и Кумани взглянул на готовящийся к спуску «Чесма» и на доки. Кажется, ничто не мешает церемонии в двадцатых числах апреля.

Вечером, пешком, поднялся к храму Владимира. Выходит хорошо. Пол прислан уже, но не успеют положить. Мраморные доски должны прибыть в исходе года, так что ничто не помешает освящению в будущем годе. *Square* [площадь] планируется и обносится цоколем.

---

[18] Рядом в печатном виде текст: «И гораздо более других»

23 февраля / 7 марта

Собрал у себя Адлера, Пещурова, Кумани, Ф. дер-Флита, голову и других лиц, и условились о приеме государя.

Взглянул на французское и английское кладбище. Первое просто *commemorative* [мемориально]. Английское более личное.

И один остался зритель сих кипевших бранью мест,

Всех миритель браней – крест.

24 февраля / 8 марта

Ещё раз осмотрел работы и решил, где и как должна происходить церемония. Рассчитываю в особенности на прогулку в наполненном и освященном доке.

25 февраля / 9 марта

В 11 часу снялись с якоря на «Забияке» и отправились в Ялту. В три часа съехал на берег и скоро был в доме садовника, показавшемся комфортабельным.

26 февраля / 10 марта

Чувствую себя хорошо. После завтрака ездил в город и к Массандре. Возвратясь, нашел телеграмму, извещавшую, что Кремер сделан генерал-адъютантом, а Басаргин – в свиту. Видимо, государь благоволит ко флоту. Кремер вполне достоин, но все-таки его назначение *affaire de femmes* [проделка женщин]. Как попал Басаргин в свиту, когда государь уничтожает её, не знаю. Это было сделано до сих пор для Берлинского Долгорукого только.

2/14 марта

Вот уже пять дней, как мы живем в домике садовника. Жизнь установилась, и, вероятно, будет течь в том же полезном однообразии. Несмотря на погоду (от 3 до 5°+), гуляю пешком по парку. До сих пор набрел на одну только новую для меня и живописную дорогу – через Ореанду к Айтодорскому маяку. Прогулки в дикой Ореанде более по душе. Взглянул на церковь, выстроенную из развалин дворца. Ещё не отделана. Место видное с моря и вообще удачно выбранное.

4/16 марта

Получил телеграмму, что государь выезжает на четвертой неделе. С «Эрикликом» не велел торопиться, а перейдет на «П. Меркурия». Вследствие этого я приказал «Москве» быть к 15 марта в Севастополе, на случай, если бы была дурная погода и их величества заночевали бы там. «Москва» будет служить плавучим отелем.

8 марта

Был Оболенский и Мартынов, приезжавшие всё приготовить. Встречается некоторое затруднение с большим багажом. Свыше ста ящиков. Не успел расспросить, почему поспешили отъездом из Петербурга.

9 марта

Начал ездить верхом. Чувствую, что силы возвращаются, но одолевает кашель.

11 марта

Получил задушевное письмо от Гончаровой, урожденной Озеровой. Живет в Коренизе просит свидеться ради прежних давних воспоминаний. Там же живут Е. Н. Карамзина и гр. Клейнмихель, рожденная Мещерская. Обещал найти время перед отъездом в Севастополь.

17 марта

На «Забияке» приходил Басаргин и привез неутешительные новости. Машина «Меркурия» неисправна – не могли иметь более 12 узл. ходу. Пещуров не предусмотрителен. Я говорил, чтобы «Меркурий» начал ранее компанию, а он ручался за исправность. А приезд на носу, государь прибывает 23-го к полдню в Севастополь.

18 марта

Поехал к гр. Милютину. Застал дома. Сам он все-таки моложе всех в семействе. Хотел знать, что думает Милютин о Владивостоке. Находит положение наше там трудным и говорит, что нужно как-нибудь поладить там с китайцами. В этом для меня нет ничего нового. Вообще, Милютин предвидит для нас отовсюду затруднения и даже катастрофу пуще 12 года, но без Наполеоновского легкомыслия. Нашу экспедицию на Босфор считает химерою, дела на Балканском полуострове плодом наших ошибок, а дипломатические наши действия постоянно унизительными и низводящими нас постепенно в глазах Европы.

Не с легким сердцем оставил я Цинцината.

21 марта

За мною пришла «Забияка», и я перешел на ней в Севастополь. Ждем завтра властелина.

22 марта

Не мог воздержаться, посетил постройку и док.

Обедал у Аллера.

23 марта

В назначенный час (10 ч.15 м. утра) в снежно-дождливую погоду, прибыл державный к крейсеру «Память Меркурия», стоявшему у пристани. Я едва не опоздал его встретить, разговаривая с сухопутными властями, нашедшими себе на «Москве» убежище. Кругом была леденящая пустота, частью от погоды, частью по распоряжению местной власти. Рооп какой-то чудак: водил мимо меня караул, потом говорил глупую речь. Державные были со мною любезны. Мы тотчас хотели отвалить, но государь велел сделать в Ялту депешу и дожидаться ответа. Едва не наделало это конфузии. Мы вышли с качкой, шли тихо за Херсонесом и, подходя к Айтодору, снова получили свежий ветер, так что съезд был неприятен. Нас сопровождали «Москва» и «Забияка», отставшие, особенно последняя. «Пендераклия» с грузом, выйдя прежде нас, прибыла только на рассвете.

24 марта

В числе милостей всегда приходится несколько на долю провинившихся. Я думал ускорить подобную милость по случаю Пасхи, но сегодня пришло в голову, что даже проезд государя через Севастополь не должен пройти бесследно, тем более что завтра благовещение и день рождения царской дочери. Попросил приема и высказал мою идею. Согласился – и я тотчас же телеграфировал Кумани об объявлении милости завтра.

Будущий спутник мой Голицын прильнул здесь ко двору и приглашается на светлые очи.

За обедом императрица жалела о своем казаке, терпевшем горе на «Пендераклии», у которой повредилась машина. Я отвечал: *Mme Votre cosaque est si heureux qui un peu de misere. Ne peut lui faire que du bien* [Мадам, Ваши казаки так счастливы, что причиняют беспокойство. Не могу разобраться какое, но кажется хорошее]. Очаровательница была очень мила, называла меня *cher amiral* [милый адмирал] и т. п.

25 марта

День рождения Ксении Александровны. Все собрались у обедни и потом завтракали. После обеда государь разрешил мне приходить и уходить, когда хочу, что я принял за знак особенного внимания, а не потому, что я был бы лишний. *Peut-être suis-je bête* [Может быть я не очень умен]. Впрочем, я действительно лишний в этом кругу, где беспрестанно говорят и ничего не высказывают.

Кажется, пребывание государя в Николаеве сократится.

27 марта

Прибыли присяжные болтуны – дипломаты. Приниженный природою длинный однако ж Гирс, от рождения плешивый Ламздорф и, пожалуй, *si ex dure* [жестокий], будущий где-нибудь посол Оболенский. Я очень рад подбавке вечерней компании, делающей мое скорое удаление более удобным. Приедет ещё Кремер.

28 марта

Приехал из Константинополя курьером Смирнов, с извещением, что протокол об отказе Александру утверждения бессрочно губернатором Румелии подписан всеми. Дипломаты торжествуют – будто делу конец.

Турок шлет сюда посольство, кажется министра И. Д. Санд-Пашу, и по-восточному хотят прислать 12 человек. Мы просили ограничиться четырьмя.

29 марта

Мне кажется, Гирс слишком юбилействует, что все подписали протокол по нашему желанию и поет рано победу. На что бы ни решился преследуемый нами Александр, на зов к народу с целью протестовать против решения конференции или – даже на отречение, следует ожидать компликаций, и тем более, чем более возрастет вероятие перемен в английском министерстве по Ирландскому вопросу. Будто уверенные, что всё будет сладко и гладко, мы добровольно создаем себе затруднения – и виною такого детского образа действий – увы! Сердце сжимается – сам государь. Он до того возмечтал о роли деда, о том, что консерватизм должен смотреть на него, как на своего рыцаря, что хочет вводить его, при нашем политическом ничтожестве, у других.

Смена Апера, везде хныкавшего *a`l`unisson* [в унисон] с женою датчанкою – о несправедливости своего правительства, о том, что они разорены и т. п. до того взбесила царя, что он находит непристойным иметь посла при республике! А это республика *pese dans la balance* [висящая на волоске]. Он не хочет допустить, что во Франции народ с правительством и говорит, что он не хочет иметь дела только с последним. Гирс уверяет, что вчера долго и тщетно убеждал государя. Моренгейм, первый виновник зарождения этой мысли, теперь устрашившийся исполнения её, уже уехал в отпуск. Гирс говорит, что попробовал последнее средство – просит Апера написать из Франции благодарственное царю письмо, и, как французу, прикинуться ходатаем за Францию и убеждать государя оставить всё по прежнему. Боже, вразуми владыку для его же блага. Бисмарку наша вражда с Францией под руку. На все доводы Гирса, что подумают о беспричинной ссоре во Франции, отвечено, что русская дипломатия действовала бы правильнее, думая о том, как думают в России.

2 апреля

Сегодня был у государя с докладом относительно предстоящего в Севастополе торжества (кстати, отложенного вчера до 6 мая по утверждении накануне на 24 апреля). Представил всё: программу торжественного входа, приказ по флоту, рескрипт великому князю, даже *compound t`elegramme* [совместную телеграмму], которую государь и Алексей должны сделать с обеда Новосильскому, повеление о постройке морского собрания, которое царь должен дать в Севастополе мне, просьбу разрешить мне написать м-ру Финансов, что он, царь, желает облегчить по возмож-

ности городское управление Севастополя и велит Бунге сделать о том доклад. Всё было утверждено. Последовал долгий разговор о наших судах, о деле Дубасова. Государь говорил мои слова великому князю о срамоте судебного дела, конечно, Алексием переданные. Когда я начал читать рескрипты, государь перебил и сказал – «вот теперь можно Алексия произвести в адмиралы», – намекая на прежнюю просьбу мою о том же. Я возразил: позвольте дочесть рескрипт – и когда в конце его давался Владимир 1 ст., государь – адмиральский чин. Я ответил – чин его право, а орден, который он не может получить иначе, как заслуживши, – будет ему особенно приятен, – следует дать то и другое. Согласился.

Прибыл великий князь Константин, сам не знает, зачем. Со мною был кисло-любезен.

3 апреля

Сегодня, напротив, при представлении моем, Константин был очень любезен – совершенно беременная женщина. Показывал мне свои метеорологические наблюдения, способ хранения автоматически записываемых инструментами графических отчетов и указывал, как *courbe* [в придворной свите] единообразно и точно спускается каждый, что он спускается по железной дороге в Инкерманскую долину. Жаль, Недоумок, как выразился я сегодня в разговоре с Даниловичем. Весь, тщеславие, в особенности в умственном смысле – считает себя непогрешимым, и потом, несмотря на *ses moyens* [имеемые возможности], не может примириться с государственным своим бездействием.

4 апреля

Рихтер находит мой приказ и рескрипт прекрасными. Я оставил их утром у государя и ещё раз убедился, что с ним нужно *enlever les questions* [разрешать проблемы] при личном докладе. Третьего дня совершенно согласился на Владимира 1 ст. Алексия и производство его, а сегодня вечером написал, что приказ и рескрипт оставляют у себя для подписи, но думает отложить производство, чтобы не показалось странным другим две награды вдруг. Он тоже за *qu`en dirat-on* [то, что сложнее], но только не в Европе, а у себя. *Il est terrible le crayon à la main* [Этот ужасный карандаш в руках], как говорит Гирс. И действительно устно, *bec à bec* [нос в нос], он робок и соглашается, может быть, потому что не вдруг схватывает причины доклада и последствия; но после размыслит и будто сердясь, жестоко для докладчика изменяет резолюциями свои же решения. Со мною этого не бывало ещё, но повторение Ливадского житья может повести к тому и Гирс прав *qu`il faut un ministre des affaires ttrangeres avec lequel il devrait se gener plus q? avec lui. Il faut lui imposer pour etre toujours agré able* [Нам нужен министр иностранных дел, с которым можно разрешать проблемы. Все дела оговаривать конкретным сроком, что всегда приемлемо].

5 апреля

Прибыл в.к. Михаил и обиделся, что ему был готов не «П. Меркурия», а «Эльборус», хотя он испугался моря и приехал берегом. Я его умаслил рассказавши, что государь меня дважды спрашивал не имею ли я известий о его прибытии.

Государь велел вытребовать сюда Бютцова. В греческом деле нам хочется и колется. Хочется, чтобы Греция успокоилась и не давала примера Болгарии, а, между тем, все же православные; нежелательно быть с другими за магометан, против христиан. Вдобавок, в случае, если королевскому семейству придется укрываться, нам желательно, чтобы оно укрылось на русском судне.

Гирс считает по своим известиям Болгарский вопрос конченным, а государь не верит. Гирс, как ребенок, радуется минутному успеху протокола и не хочет допустить последствий.

6 апреля

За обеднею в.к. Ольга рухнула с креслом – *pliant* [складным]. Оболенский, по знаку государя, подал, *comme pour se moguer d`elle* [как бы насмехаясь над ней], паутинный бамбуковый стул. Замечательно, что только благодушный Сергий подошел помочь ей. Спросил государя о посланных на подпись бумагах. Сказал, что пришлет. Мне нужно время, подтвердил я, для напечатания и сообщил идею о помещении приказа в музее, рядом с Николаевским *le glorieux passé et la garantie du glorieux avenir* [славным прошлым и гарантией светлого будущего].

7 апреля

Гирс прибежал ко мне с депешами. Англичане требуют согласия на 5 пунктов. 1-й – объявить коллективно, что требуется разоружение и ответ в 8 дней. 2. Послать по одному судну каждой нации в Пирей в распоряжение посланников. 3. По истечении срока чтобы посланники требовали паспорты и переехали на суда. 4. Объявление блокады Лепантского залива и всех портов от Каламарки до Салоник с правом забирать в плен (*capturer* [захватывать]) греческие купеческие суда. 5. не помню.

Казнаков телеграфирует, что Эдинбургский ему <u>одному</u> объявил о требованиях английского правительства, будто ввиду отплытия «Пластуна» из Суды. Точно объявил одному Казнакову, потому что мы не даем в вопрос *tête baissée* [ясности мнения]. Я советовал согласиться безусловно на первые два пункта. Касательно остальных, дабы выиграть время, ответить, что хотя мы в принципе на них согласны, но есть разность в воззрениях на подробность, которую сообщим по возвращении Бютцова, вытребованного сюда царем. Касательно *capture* [захватов], я просил не допускать. Секвестровать на время входит в сферу давления, а *capture* есть наказание *chatiment* [призрачное], которое никто не вправе, по-моему, делать независимой дружественной державе. Гирс *est un badiqeonneur* [с чистой совестью].

Государь прислал приказ, а рескрипт оставил у себя. Верно, хочет прежде всего вручить его лично Алексею. На слова Гирса *gue l'Angleterre a evoye une note tres décidec* [направить Англии весьма решительный ответ], государь отвечал «так и нужно»; когда я возразил, что нужно смотреть на её решимость *et en faire fie* [как на проявление высокомерия], он ответил: «нужно ей подражать» – *ce qui revenait au meme* [у меня такое же мнение]. Непременно следует ему советовать, но осторожно; выбравши один из советов, он стоит упрямо, а совет может быть не мудрый.

8 апреля

Ладыженский из Пекина спрашивает, не нужно ли предуведомить китайское правительство о моем прибытии, и предлагает выслать Кеберга навстречу мне в Гон-Конг. На последнее я согласился. Гирс ответил Сталю на предложение Росбери согласно моему соображению. Французы предлагают, по возвращении Гирса в Петербург, повести переговоры о новом после. Государь уже не так настойчиво отказывает; по-видимому, один из предлагаемых – адм. *Joreguiberi* [Юрейбери] – ему нравится. *Ternau-Compan* [осведомитель] приходил к Влангали с переводом мерзости «Гражданина» – разговора его с французским парикмахером, будто считающим себя способным быть послом *Monsieur Grévy* [Господина Греви].

10 апреля

Государь любовался сегодня своими морскими силами. Басаргин вел в Ялту мимо Ливадии, салютуя при проходе, «Меркурий», «Эриклик», «Забияку» и четыре миноносца. Самое шествие и маневр миноносцев, имевших приказание возвратиться, пройдя Ливадию, выказывал неумелость, непривычку всех участвующих. В ночь присоединились две Поповки – и с этими силами мы едва не сунулись разрешать и вершить историческую судьбу России. По приглашению я стоял на бельведере дома. Государь говорил многое, доказывающее его близкое знакомство с подробностями, или, лучше, дробностями. Мне стало страшно. До сих пор он слушает и сам не решает, а приобретая более и более навык к своему положению, пожалуй, станет Николаем Павловичем. Разве скромность спасет его.

Прибыли Нелидов и Бютцов. греческие дела продолжают тянуться канителью. Англичане согласились на безусловное принятие нами первых двух пунктов и на условное остальных. Как и кто ведет у нас дела, коли мои советы, искренние, но основанные только на поверхностном знакомстве с делом, принимаются и тотчас приводятся в исполнение? Бютцов говорит, что блокада, придуманная англичанами, ничего не сделает, – и я с ним согласен. Если бы можно было запереть для греческой торговли, ведущейся вне Греции, Александрию, Марсель, Константинополь и наши порты, сказал я, эта блокада была бы действительна. Дипломаты толковали об уступке Греции Кандии, но тут же оговорились, что Турция не уступит. Когда Бютцов начал говорить о благодетельном с нашей стороны посредничестве – т. е. пообещать грекам

исполнения Берлинского обещания, а турок склонить к тому, я ухватился и сказал, что греческое сопротивление для нас важно только как могущее возбудить Болгарию к неповиновению; что нам важно устранить такую случайность на ближайшее, по крайней мере, время, – и высказал мысль, не давая грекам всего обещанного в Берлине, дать что-нибудь в заливе Арто – для приличного отступления от азарта правительству и мерзавцам-политикам, а Турцию избавить от платежа контрибуции. Вот, помоему, наше посредничество. Бютцов сказал, что англичане торгуются за Лемнос. В этом случае мне нужно иметь откровенный разговор с государем. Лемнос, приближая английский флот к Константинополю, навсегда отдалит исполнение нашей заветной мысли. Нужно сказать Порте: соглашаюсь на вашу сделку касательно Лемноса в том только случае, если вы мне отдадите верхний Босфор, и даю вам всю контрибуцию и ещё кое-что; но если без замены этой вы отдадите англичанам Лемнос, тотчас двигаю войска на Эрзерум и наступаю на Герату. Такой случай требует решительности.

14 апреля

За завтраком фамилья не была – ездили к ласковому Михаилу Николаевичу, и оттуда посетили Константина, показавшего им церковь с восторгом истинно ребяческим, как говорила императрица. За обедом, на который я явился против обыкновения, чтобы спросить приказание государя касательно приема ожидаемого завтра турецкого посла, императрица посадила меня возле себя и весь обед мы проговорили о Константине. На её втягательные в откровенность речи, я отвечал: *qu`elle se troiprpe, que Constantin n`a ni un bon ni un mauvais caractere, qu`il n`en a gamaiseu; que tout glisse sur lui* [Это неправильно, что Константин не имеет ни плохого ни хорошего характера, он ускользает от него]. (По поводу рассказа императрицы, что он рыдал за евангелием в день катастрофы с сыном, а за завтраком после обедни был как ни в чем не бывало). Я рассказал, как при мне великий князь выдумывал небылицы покойному императору, краснел до ушей, когда я дивился тому и через несколько минут *renche – rissait sur les memes mensonges.* [встречи – смеялся над теми же самыми выдумками]. *Il vous dimait donc...* [Он тебя так любил...], – сказала императрица, узнавши, что я был его адъютантом. Я никогда не исполнял адъютантской обязанности, возразил я; впрочем, кажется, могу утверждать, что он меня и теперь не ненавидит, а сердится за перемены во флоте, которых должен был ожидать, так как я во многом с ним не соглашался даже бывши адъютантом.

Разговор с Нелидовым о Лемносе. Нелидов думает, что вопрос на минуту кончен (что подтвердил и государь за обедом, говоря о согласии греческого правительства разоружиться).

Греки выдумали дипломатическое жонглерство. До сих пор французы не соглашались на употребление каких-либо против них мер. Давимые другими, они столкнулись с французским посланником, и Франция предлагает, до сих пор ничего не делавши,

взять на себя решающую роль, т. е. вынудить Грецию к разоружению. Мы отвергаем это потому, что вопрос не был в конференции, а есть просто сделка. Я не согласен с Гирсом. Нам нужен мир на Балканском полуострове. Qui veut but veut les moyens [Кто хочет, тот ищет средства]. Скажем Франции: ручаетесь ли, что через восемь дней Греция разоружится и спокойствие восстановится? Дайте залог в обещании прислать к нам. Мы этим польстим Франции, что для нас не только безопасно, но выгодно.

Целый день ждали турецкого посла и смотрели на море. В 5 часов, наконец, показался от *Wma* [запада], под самым берегом «Изседин», осторожно подкрадывавшийся к якорному месту. Он приспустил Посольский флаг против штандарта, и от мачты я наблюдал, все ли и так ли проделал Новиков, как было условлено. Вышло ладно. Воронцов поехал сделать послу визит.

Государь смотрел с балкона.

Посольство представилось государю. При этом присутствовал только *the strictly military entourage* [чисто военное окружение]; даже не было великих князей. Вечером был для них обед – только одна дама – Раевская. Почему не было Нелидовой, не знаю. Думаю, что дамы служили как *ornament* [украшение], а послица не может украшать стола. Царь заметил, что Максимов, прибывший с посольством, чересчур падал до ног перед Эдем-пашою.

Панихида по покойном государе. Просил позволения уехать 24-го. Здесь я поздоровел, но наступает *moment psihhologique* [психологический момент]. Станет хуже коли, в вечном волнении, буду ждать здесь торжественной развязки. Нужно на все взглянуть лично.

Эскадра ушла вчера утром. Новиков (по моему совету) акордировал рака, щуку и лебедя и отлично прошел с салютом мимо Ливадии. Из этого умного шута выйдет прок.

1 мая[19]

Прорывающемуся под команду Эдинбургского и в особенности в Пирей, к жене, Казнакову послал приказание быть в Суде до получения противных повелений от Бютцова. Должен был сказать государю, пекущемуся о благополучии греческого семейства, что Казнаков обременен глупою и чванною женою, которая на него влияет, и что лучше оставить в Пирее «Пластун», любый королеве. Перейти с него на «Донской» королева всегда может. Таким образом, порывы Казнакова подчиниться Эдинбургскому в чаянии, вероятно, аксельбантов, и прорваться к глупой жене, мешающейся через добрую королеву в политику, разумеется *à tort et a travers* [не так, а криво], пока устранены и ещё более устранятся моим свиданием с ним, если оно состоится.

---

[19] Так в тексте

2 мая

Максимов рассказывал, как выпроваживал турок, хотевших остаться ещё НА: день. В. к. Михаил дошел до того своей назойливостью, что государь велел сказать ему, что нет места на «Эриклике». Михаил хочет перейти только и жить в поезде. Цари не хотят, чтобы сын Михаила был вместе с наследником, вероятно, намереваясь дать цесаревичу аксельбанты и совестясь обделить Александра М., если он будет на месте.

3 мая

Востребованный внезапно «Эриклик» прибыл на рейд. Государь хочет сделать экскурсию в Гурзуф. Очень рад, посмотрит сам яхту. Со своей стороны, не допуская, чтобы царственная чета была на воде без конвоира, вытребовал «Забияку».

22 апреля / 4 мая

Не можем поладить никак с Грецией. Король готов принять наши предложения, но Делянис не хочет дать всем того же обещания, что дал французам – не хочет *semblant de coercition* [подобного принуждения]. Гирс *tremble de plus en plus* [трусит всё более и более]. Дипломатов не поймешь. Бютцов уверяет, что был момент, когда мы могли быть *Maître de la situation* [Хозяевами положения]; что Трикупис – англоман Трикупис говорил ему, что они убедились, что Англия действует исключительно в своих интересах и что нужно примириться с Россиею, озлобившую их Сан-Стефанским договором. Тикупис просил только обещания, что в будущем Россия станет на сторону Греции, когда зайдет речь о вознаграждении. Гирс ни за что не соглашался, дрожа за взаимные связи с Германией и Англией – мы им обещали ничего не делать на Балканском полуострове иначе, как сообща. При первом случае нашего *trembleur* [труса] надуют, да Австрия уже и пыталась надуть в Сербском вопросе.

23 апреля

В 11 часов был у Государя с докладом. вчера поздно он мне прислал жалобную записку Ванновского на статью Кронштадтского вестника касательно невежества инженеров в минном (деле) вопросе. Я начал уверением, что Ванновский и я, кажется, одинаково понимаем, как следует служить делу, сознав, что часть в сухопутном ведомстве организована, а у нас нет; но вместе с тем сказал, что г. г. инженеры никогда не заградят Кронштадта в 4 дня, как пишут, и что дозорной части за заграждением у них нет; что мы вообще друг от друга секретничаем и нет соглашения; что я пытался установить его, но не успел, и просил приказать, чтобы оно установилось. Велел оставить записку у себя и поговорить с Ванновским.

Дондукову выпросил «Забияку».

Т. Лазаревой выпросил кокарду, а М. Лазареву аренду в 1500 р.

Затем приступил к важнейшему вопросу – дошедшим до меня слухам о желании англичан приобрести у турок Лемнос вместо Кипра и за настоящее заступничество. Напомнив, что сам государь опасался за Дарданеллы, я сказал, что захват Дарданелл заставит слишком содрогнуться (?) Европу, а Лемноса – легче, а для довершения нашей исторической судьбы это будет все равно, ибо Лемнос ближе Севастополя к Константинополю и перехватит союзников наших, если бы такие случились. Что англичане на всё способны в политике. Выставив карты, прибавил: ваше высочество, помните, что я был против предприятия, не вызываемого ещё силою обстоятельств, в доказательство фантастической основы его сознался с горечью, что во всем рассчитывают на флот, а флота нет, в чем вы сами воочию убеждаетесь: на Лемноской вопрос я смотрю совершенно иначе. Если англичане утвердятся там, – конец всем нашим историческим стремлениям. Они всегда предупредят нас в Стамбуле. Нужно, чтобы ваши агенты имели повеление, без всякого переминания тотчас, как узнают и переговорят насчет Лемноса, объявить Порте, что мы можем согласиться на передачу лишь под условием передачи нам Северного Босфора, за что уступим контрибуцию и ещё более. Если же Порта не согласится, мы тотчас двинем войска на Ерзерум и забираем Малую Азию, которая в глазах всех правоверных настоящая колыбель их, а Европейская Турция только лагерь. В то же время объявляем Европе, что в ней мы войны вести не будем, – и тогда англичане, вероятно, не найдут союзников. Что здесь нужна та же решимость, которая выказана в Афганском вопросе, и государю следует взять дело в собственные руки.

Державный возразил, что все-таки мы будем заперты Дарданеллами, если турки согласятся отдать нам верховье Босфора. Да нам Дарданелл и не нужно; в Средиземном море у нас нет интересов. Наши интересы в Малой и Средней Азии, в которые путь мы запрем, владея Босфором. С Европейской границы выставим всю армию, чтобы никто не мешал нам успешно драться в Азии. Дорого будет стоить, возразил государь, не отставший ещё от обручевской фантазии. Дорого, но зато – игра свечей стоит, и мы станем твердо.

Велел сообщить Ванновскому для соображения действий через Малую Азию.

Зашел к императрице благодарить её, как *la chatelaine de la Livadia pour sa charitable hospitalite* [обласкавшую меня своим благородным гостеприимством в Ливадии], говоря, что меня здесь призревали до сих пор с пользою, но наступил психологический момент и, оставаясь здесь, я буду тревожиться, и мне станет хуже. За завтраком разговорились об Алексие. Очень хвалит, а на мое замечание о его безмерной доброте, императрица возразила, что Владимир, если можно, ещё добрее, *mais qu'il a toujours l'air preocupé* [при своей занятости], к нему не располагающий.

Простился с моими чудными хозяевами окончательно. Телеграфировал Алексию, что его ждут в Ливадии к 29 и получил ответ, что 29 будет в Севастополе и проведет один день.

Дундукову дал «Забияку» с условием сесть 29-го.

24 апреля

В 2 часа оставил гостеприимную, но начавшую быть для меня тревожною Ливадию. Мысли постоянно заняты Севастополем. На пути от Херсонеса, выбирал пункты, на которых яхта должна поднять штандарт, где её обязан встретить и салютовать Новиков, выходящий в море с эскадрою и, наконец, где должны начать салют укрепления. Решил сделать такую встречу императорскому кортежу и охватить его сам миноносками.

В 66 лет имел поэтическое впечатление. Вечером пробовал освещение памятника Лазарева прожектором *mangin* [манжин(тип прожектора)]. Небо было облачно, но атмосфера чиста. Вдруг наш взор был поражен явлением почтенной фигуры адмирала в облаках, такой точно, что при освещении самый памятник выдавался менее точно.

25 апреля

Осмотрел доки, но главное – «Чесму». Все работают усердно. Так как мне не придется идти за государем, чтобы не наделать скандала, взобрался на «Чесму» через «Синоп». Корабль в большой степени строительной готовности. Приготовления к спуску кончены. Сделаны нужные вычисления силы задержников – и остается только положиться на милость божию.

Вечером совет у Кумани. Решили всё и в особенности касательно дня торжества. После обеда для севастопольцев, государю будет предложена прогулка вокруг южной бухты. Осмотрев, пройдем по западному берегу корабельной бухты и обойдем освещенную «Чесму» с обеих сторон. Возвратившись на «Эриклик», напьются чаю и будут смотреть фейерверк.

Дай бог, чтобы всё удалось.

26 апреля

Осмотрел собрание, которое намереваюсь возобновить, и музей, потом съездил взглянуть на пристань в южной бухте, поднялся к казармам и взглянул на работы и приготовления к закладке. Очищая фундамент через 31 год, нашли пороховой заряд, предназначавшийся, конечно, для взрыва остатка казарм.

Вечером был Бютцов, Ещё сегодня утром государь подтвердил, чтобы «Пластун» оставался в Пирее, даже когда выедет посланник, в распоряжении королевы, если ей и королю это не покажется излишним. Казнакову велено быть в Суде, как я просил. Бютцов *aura pendant quelques jours* [за несколько дней все прояснится], так как четыре посланника уже выехали. Мне это кажется благоприятным.

27 апреля

Осмотрел все работы и дал программы всех дней высочайшего пребывания, удлиненного на сутки перенесением прибытия в Севастополь с 3 на 4 мая. Вхожу

сам во все подробности. Ребята славные, смышленые, но нужно руководить. Без хвастовства скажу, что все охотно и даже более недели охотно меня слушают. Нравственное удовольствие заставляет забывать немощь. Весь день на ногах или за письмом – и не устаю.

28 апреля

Суечусь. Всё осматриваю и всё направляю. Новиков со своею привычкою муштра и приема августейших особ, много помогает и нейтрализует апатичное спокойствие Пещурова. Заведен порядок, который должен соблюдаться во время высочайшего пребывания. Кумани, своею хладнокровною распорядительностью регулирует дело.

29 апреля

Утром все встречали великого князя Алексия. Со всеми был чрезвычайно любезен, пригласил обедать в новый павильон на бульваре и там же мы завтракали. После завтрака *je l'ai initić dans tous les details de* [вникал в каждую деталь] Ливадия, составив предварительно *menu* [меню] всего происходившего.

Вместе познакомил его с предполагаемыми наградами. Великий князь, насвистанный в Питере, выразил мысль, что мы делаем *too much* [слишком много] для тех броненосцев, тогда как Германия, втихомолку, выстроила в 15 лет целый флот. Я ответил, что мы до унижения таили наши действия и намерения и что воскрешать флот и город иначе нельзя как с помпою. Побаивается если Вышнеградский станет Министром Финансов и убедительно просил возвратиться к открытию Государственного Совета. Просидел на «Меркурие» до 12 часов, болтая о всем. Между прочим об опасности сделать из наших адмиралов пешек, хотя великий князь сознавал что своеволие их следует унять и я много для того сделал. Велел Пещурову проводить Алексия в Ялту, куда «Меркурий» и отправился в ночь.

30 апреля

A busy day [Занят ежедневно]. Начал переборкою на *splendid Moccau* [великолепное Макао], где мне делают заманчивое предложение – идти из С. Франциско с грузом в Лондон Магелановым проливом. Если бы хватило времени, я с удовольствием сделал бы это. В жизни своей пересечь четыре раза экватор и совершить поистине кругосветное путешествие – это было бы приятным завершением морской карьеры.

Наехали наши петербургские адмиралы, но самого несносного Стеценкова ещё нет. Избави меня от него, господь.

Выходил в море с эскадрою и миноносцами и проделал всё, что придется делать при встрече с государем. Если удастся, будет эффектно. Новиков репетировал даже с разцвещением флагами, а я убедился, что успею возвратиться на «Геленджике» и встретить государя с властями.

Осматривал подносимые государю и императрице Р.О. вещи. Днем последний *coup de main* [толчок рабочим] приготовлениям. Товарищ по путешествию, Голицын, прибыл на пароход.

3/15 мая

Всё шло, как по маслу. В условленном пункте Новиков с эскадрою встретил императорский кортеж, который мы сторожили с нетерпением. Вовремя же я выбежал на встречу с миноносцами и, проскользнув вдоль борта «Эриклика», повторил за государем. Все суда расцветились флагами, а я ринулся вперед и торжественно ввел доброго царя моего в бухту. Батареи вовремя открыли огонь, за ними портовые минеры салютовали шашками динамита. Бульвар, корабельная и южная бухты, высоты города и всё видимое были украшены флагами. При проходе «Эриклика» толпы народа кричали «Ура!». Просто очарование. Я успел переодеться на «Москве» и услышал от всех, что встреча была прелесть. Приехали оба брата Лазаревы.

За обедом государь жаловался, что ему тесно и прибавил – «Москва» побольше. Я предложил перебраться, что было принято сначала на переход к Очакову, а потом решено перебраться на другой день. Я радовался за спутников. Вечером иллюминация по очерку бухт была хороша.

4 мая

Утром посетил братское кладбище, где слушали заупокойную литургию. Государь велел исправить церковь, поклонился гробницам Горчакова и Тотлебена и пошел осматривать северные укрепления, а я домой. На «Москву» навезли скарбу, целые горы и подняли штандарт.

Вместо Севастопольского обеда состоялся завтрак, на который были приглашены все севастопольцы и во всех костюмах по моему настоянию. Было свыше ста человек. Государь произнес мой тост. К Новосильскому пошла условная телеграмма, а я сказал старейшему, Спицыну, чтобы он выпил за здоровье государя. Здесь некстати вмешался Попов *qui voulait se faire pardonner Bien des choses* [которому хотелось получить прощение за множество упущений] и просил позволения указать, что пивши за Севастопольцев, государь плакал. Чуть не навел тоску на всех и хорошо сделал, что исчез скоро, отправляясь в Константинополь. Я толкнул другого старика, Никонова, выпить здоровье императрицы, но с глухим трудно ладить и он ограничился ею, не упомянув наследника. Тогда я подсказал Перелешину. Наследник, с естественною развязностью и простотою, благодарил и вновь пил здоровье ветеранов. Все были приятно удивлены этим знаком пробуждающегося чувства значения. После завтрака цари направились в Бахчисарай и Чуфут-Кале и там кутили так поздно ночью, что возвратились только к 12-ти часам. Возвращаясь, видели бухты освещенными, в электрическом свете памятник Лазарева, храм и другие пункты и бенгальские огни по мере

приближения к «Москве». Государь занимает мой кабинет, а императрица и Елизавета Федоровна спальню и уборную.

Все представления мои о Севастополе утверждены. Телеграфировал Татьяне Лазаревой, что она кавалерственная дама.

5-го мая

С утра шел дождь, но к моменту смотра прояснилось, и он прошел благополучно и эффектно. Прибывший Дундуков был дежурным генерал-адъютантом. Роопкий генерал обиделся, что императрица даже не пригубила приготовленных яств. Пенял на Воронцова, а я сказал, что сам виноват, не выразивши прежде, что домогается чести.

За свежим ветром отправились в Херсонес берегом. На смотр внезапно явился из Айтодора Михаил Николаевич. Внимание государя поразительно. На завтра велел звать курского Лазарева, о котором вчера, на мое напоминание, Воронцов отвечал – «да ему нет места ни на одном обеде!»

Сегодня был обед военный. Приблизился роковой час.

6 мая

Наследник облекся впервые в наш мундир, но флигель-адъютантом не сделан, хотя, грешный человек, я подсказывал. В 10 часов пристал к доку, где государя, между другими, встретил творец отливных машин, *Mr Gvin* [М-р Гвин], в придворном английском костюме. От рабочих императрице поднесли цветы. По прекрасно устроенным мостикам перешли в палатку. Водосвятие архиереем, окропление дока водою и потом впуск воды державными руками. Забили 8 водопадов. Эффектно. *Rien n`a manque* [Ничто не опущено]. Дождик был сносный. Обошли весь док, взглянули на машину и воротились на «Эриклик» к завтраку. Пили здоровье наследника. Государь поднял здравицу за генерал-адмирала и тот громко, звонко и прилично отвечал ещё раз за наследника.

Перед отправлением на спуск государь вручил мне приказ по флоту и рескрипт Алексию, с приказом объявить при спуске.

В 1/23-го катер отвалил от «Москвы». Я с властями ждал на пристани. Государь вышел, принял почетный караул и обошел корабль, куда я, по слабости, за ним не следовал. Р.О. поднесло хлеб-соль со всеми изяществами. Лишь только государь с императрицею вошли в палатку, убранную чрезвычайно роскошно, и государь дал приказание, «Чесма» нетерпеливо ринулась и через несколько секунд всплыла гигантским лебедем. Ничего не могло быть удачнее, если бы не помяло четырех человек. Все меня поздравляли. Я подал Алексею рескрипт и раздал приказ, опустив с намерением императрицу, которая после его потребовала.

За спуском следовали закладки, а затем государь отправился на «Москву». Я зашел на минуту в банкетный зал и хотел уйти после августейших тостов, но кри-

кун Фан-дер-Флит задержал и наговорил мне разной хвалебной чепухи. Я отвечал памятью Лазарева, расчувствовался, был слаб, и объявил награды, данные его семейству.

За большим морским обедом царь пил здоровье флота и после обеда ко всем был внимателен. Попов речей не говорил.

Отсюда начались неудачи. Дождь лил. Кое-что зажгли, но то, что зажгли, заставляло ещё более жалеть, что нельзя было зажечь вполне и выполнить всю программу. Императрица не вытерпела и мы, несмотря на погоду, сели в катер. Басаргин был в мундире, и государь велел подать пальто. Подали, Басаргин пялил его и возопил жалобно – «Да мне подали сюртук» – все расхохотались. Вышли на рейд, где суда, в особенности поповки, были эффектно иллюминованы. Дождь пошел сильнее, и мы возвратились.

7-го

Сквернейшая погода с северным ветром. Государь отложил уход на день и поехал в собор, музей, по училищам, в храм адмиралов, где молился и, наконец, на бульвар в угоду городу. Здесь меня атаковал Морозов с претензиею, чтобы его, вышедшего 28 лет назад в отставку, произвели в контр-адмиралы, потому что в благодарственном письме императрицы, подписанном Посьетом, он назван контр-адмиралом. За завтраком рассказал императрице, говоря. что я знал, что она всех пленяет, но не знал, что она производит. Государь заметил, что Морозов вспоминает время Павла. «Да Павел *peut-étre n'avail pas raison, mais il avait le droitque Sa gracicuse Majeste ne possede pas tant geu je le sache* [возможно, был не прав, но, как я знаю, император, был милостив]. Много смеялись.

Вечером стихло, и временно перестал дождь. Я велел утром ещё быть готовым к иллюминации, неудавшейся вчера. И, действительно, было диво! Вся программа была выполнена. Все удалось.

8-го мая

Дождь помешал закладке казарм и поездке на Малахов. Феерия кончилась.

В 5-м часу снялись в Николаев при громе пушек. В море тихо.

9 мая

Не спал всю ночь. Плыли тихо и безмятежно. «Забияка», отставая, взял прямой курс к Кинбурну. Стал размышлять и вспомнил вчерашний диспут об уме и сердце с княгиней Оболенской, довольно удачно и скоро написал ей в рифмах, какая психологическая разница между умом и сердцем. При женском дворе мода на альбомы. Императрица просила написать ей мое имя, тоже прочие фрейлины, а княгине внес мое творение в целости под 1-ое апреля, где записался и Александр Михайлович.

В 7 ч. утра прибыли в Очаков с «Меркурием». «Эриклик», «Эльборус» и «Забияка» стояли уже у приморской крепости. Там же молодец Абаза джигитовал с тремя своими миноносцами. Одесская дума и херсонское дворянство, на пароходах Русского Общества, дополняли картину. Промеж пароходов сновали все Бугские и Днепровские силы паровых катеров. Государь съехал осматривать укрепления, а мы перебрались на «Эриклик». «Москва» отправилась в Одессу готовиться к походу. В 8 ч. утра поднят на ней штандарт, спущенный ночью. И в Очакове государь увидел всю линию огня. В 12 ч. мы тронулись большим цугом.

Гонка миноносцев дважды. Замечательно, что вовсе нет волны перед носом, хотя ветер дул крепко и ходило лиманское волнение.

В 5 часов вошли в Ингул. Причалили к пристани, и двор тотчас влез в дом по украшенной лестнице, а я отправился в адмиралтейство. *Simple et imposant* [Простое и впечатляющее]. Не придется царю сделать лишнего шага.

Обед был обыкновенный. Кочубей не красится. После обеда смотрели на фейерверк с «Эриклика», где пили чай. Иллюминация бульвара горела превосходно.

10 мая

Утром был свободен вследствие моей просьбы и очень освежился, не торопившись и не подталкиваемый 1/4 часовым распределением времени. В 3 часа молодцом сел в царский катер и поехал на спуск. Три лодки и контр-миноносец получили официальное бытие. Окончив церемонию закладки, государь взошел на корабль, осмотрел его и спустился в павильон, где отдал приказание спустить. Затрещало. Ломались ваги. Ввели новые. Корабль медленно двинулся и остановился, выйдя весь из-под эллинга. Государь хотел было ждать, пока сдернут, но я отсоветовал, и мы переехали по программе на другую сторону.

Гимназии и школы тотчас окружили царя и царицу, отправившихся на забракованную «Ливадию». Там государь, сидя в прохладе, вновь задумал ждать окончание спуска, но я сказал, что не велел дергать корабль, ожидая, что он всплывет сам собой. На «Ливадии», первом звене цепи моих удач, Алексий передал мне бриллиантовые знаки Александра Невского, нисколько меня не интересовавшие, но к ним приложен рескрипт, вознаградивший за все заботы. В успешной постройке кораблей государь видел доказательство «моих дарований, опытности и любви к флоту», «в знак особой признательности» жаловал мне знаки и пребывал «навсегда» благосклонным, прибавя собственною рукою «и искренно благодарный». За морским, по преимуществу, обедом, царь пил мое здоровье, и на станции, куда я его проводил, лобызал, чему последовали все великие князья. Императрица и весь синклит желали мне здоровья и возвращения во всей силе.

В полночь я уже плыл в Одессу.

11 мая

В 7 ч. утра прибыл в Одессу и скоро получил успокоительную телеграмму, что «Екатерина II» всплыла благополучно. Перебрался, сделал несколько визитов, взглянул на диких Дундукова, игравших и плясавших на бульваре, и возвратился на «Москву».

12 мая

Отслужил напутственный молебен епископ Мемнон. На нем отсутствовал Рооп. Набралось 17 пассажиров, с которыми, более или менее, придется познакомиться. В 5 часов, сделавши от «Москвы» телеграмму государю и императрице, двинулись в путь.

Фантасмагория кончилась. Все минувшее кажется сценическим представлением и редко в жизни, в такое короткое время, приходится на долю человека столько разнородных ощущений. В январе болезнь, 18 февраля поездка на юг, в промежутке три бала; жизнь в Ливадии, сначала скромная, при бурях и непогодах, потом не шумная, но в зависимости приятной по благодушию властелина и скромности его двора, но все-таки в зависимости и жизнь, в своем роде, придворная. Затем приготовление к Севастопольскому торжеству, деятельность физическая и умственная. Всему пришлось давать планы и тон, обо всем учесть. Самые торжества, напоминавшие Потемкинские, *moins les faussetes et les illusions* [небольшие ложные представления]. Переход в Николаев; там повторение, до некоторой степени Севастопольских сцен, милости государя, его ко всем внимание – всё это теперь приятный сон, и душа, после разнообразных волнующих ощущений, начинает успокаиваться в необозримой шири моря.

13 мая

Тишь да гладь, да Божья благодать: плывем, как в озере. Начал наполнение дня вечерним вистом. Моей молодежи раздал занятия. Эбергард, бывший в школе Копытова, готов всё выполнить. Тоже и Абаза, но, кажется, слишком пропитан своим достоинством.

14 мая

Рано утром вошли в Босфор. Земляные работы на строившемся в прошлом году у Мавро-Мола кончены. Новых прибавок нет. Стали у Топхане. Приехали всё посольство и оба военных агента. Между греками и турками, чуть не по всей линии, произошла кровавая стычка. *Qui que?* [Кто кого?] Никто не знает. Бютцов уверяет, что виновны турки. Присутствием его в Афинах союзники недовольны. Как бы то ни было, главнокомандующие свиделись и результатом то, что обе силы отступили, и греки тотчас начали демобилизацию. Трикупись, заменивший Делианиса, решился на это.

Филиппов тот же фанатик по Босфорскому вопросу – советует броненосцем разбить мосты в Золотом роге и тем запереть броненосный флот, который теперь не выходит по трусости султана (не давшего пороха) и впредь не выйдет. Будто Султана нельзя извести. Куропаткин здесь был, как мне говорил в Севастополе Ванновский, но так секретно, что не знали даже посольские, и, на вопрос мой, оба агента отвечали, будто не был. Максимов рассказал историю об Ашинове, казаке, дравшемся за Магди, а теперь подружившимся с Абиссинским владыкой Разсалою, сторонником Иоанна. Этот Ашинов, атаман вольницы, переселившийся с Кавказа в Персидские владения и разбойничавший в Елизаветпольской губернии, Англичане подкупили его во время афганского затруднения. Он взял деньги и явился с исповедью в посольство, даже приезжал в Петербург, где газеты прошумели, что он дрался с Магди. Теперь он перебрался совсем в Абиссинию, подружился с Разсалою, облюбовал по его позволению землю в порте Александр около Массуа, несмотря на претензии итальянцев, и добивается свидания с государем, которому везет подарки. Свидания он вряд ли добьется, а ещё менее просимых 15 т. ружей. У Гирса никогда не хватит на то смелости. А жаль. Нам на случай нужно бы иметь средства всячески вредить англичанам, и почему нам не употреблять те же средства, что и они. Ашинов плут, но мы избавляемся от него у себя. Разве Некрасовцы не помогали нам? Нужно поговорить с Хитровым.

В 7 ч. вечера продолжали путь.

15 мая

В Дарданеллах заметны усилия к укреплению. К северу от Анадоли Кавак воздвигнута земляная батарея, а в прочем всё по-прежнему и, в моем мнении, мне представляет препятствия решительному противнику.

В 11 ч. утра бросили якорь *Moudros-bay* [бухта Маудрас] на Лемносе, близь «Донского», пришедшего 13/25. Тот час встретился с Казнаковым, придал ему наставления и велел быть готовым на случай возбуждения (?)[20] Лемносского вопроса. Поехали все на фрегат – крайний кусочек русской земли, нами покидаемой. Диков показался мне мало знающим фрегат. Судно в порядке относительно чистоты и размещения. Мичманов хвалят, но лейтенанты апатичны. Такой пошиб приобрели ещё в училище.

У меня завтракали, пили здоровье государя, и расстались дружелюбно. Местность в бухте безрадостная, хотя местами есть обработанные скаты.

В 4 часа продолжали путь. Прощай Матушка Россия! Что-то найдем по возвращении.

16 мая

К вечеру вышли из Архипелага. Плывем, как в озере.

---

20 Так в тексте

Запишу распределение времени, которое вероятно будет соблюдаться до Владивостока. В 8 ч. утра, после кофе, занимаюсь с Абазою или Эбергардом, которым раздаю разные вопросы по Владивостоку. Читаю разные книги по частям – до Цейлона. Таким образом, вижу разные взгляды авторов.

В полдень завтрак и после него хожу, а от 2 до 3 – *sieste* [послеобеденный отдых]. До шести часов вновь читаю, хожу, думаю, записываю, что придет на ум в памятную книжку и сажусь в 6 ч. обедать с женою, Галицыными, дядей и племянником, командиром и моими двумя ассистентами. После обеда часовая прогулка по длинной «Москве» и затем три робера в вист.

Море пустынное.

17 мая

В 10 часу открылся Дамиетский маяк, а через час электрический Порт-Саида. Весьма трудно ориентироваться, подходя ночью, хотя пламя блещет ярко, и в 4-5 милях открываются красный и зеленый огни на оконечностях мола. В 12 часов встали на бочки против Русского агентства. Консул привез телеграмму от государя, от 15 числа, в ответ на мою из Одессы. Державная чета, *de tout Coeur* [все вместе], желает нам благополучного перехода.

Огонь домов нам *quai Eugénie* [набережной Евгения] скрывает огонь внутреннего маяка, служащего признаком для входа в гавань.

18 мая

Приняли шайку странствующих музыкантов до Сингапура.

В 5 часов снялись и двинулись по каналу. Шли медленно, раз приткнулись и зашли в стойло на ночь. Безотрадно кругом. Шумит только волна от винта, плескаясь в берега, всё тихо, безмолвно и уныло.

20 мая

В странном, как говорили, жарке Красном море. Вышли в него вчера, в 8 часов вечера, значит, на канал употребили 26 часов. Те же виды во весь канал – песчаная гладь. Приступают к расширению и сделают его в 10 лет, чтобы расходом вдруг 200 милл. фр. не обесценить акций.

Какой был осел гений Пальмерстон, воевавший против канала. Теперь только и видишь громадные английские пароходы в нём. 2/3 торговли через мыс Доброй Надежды поглощена каналом.

Выходя из канала, послал поздравительную депешу Алексию.

22 мая

NW [северо-западный] ветер, стихающий на ночь и свежеющий после полудня. Жарко, но я вовсе не страдаю. По обе стороны (пока только Суэцким заливом) не

утешительные виды разбитых пароходов – вероятно, до маячного времени, ибо теперь наиболее опасная часть моря освещена.

Труппа странствующих музыкантов вечером играла довольно сносно.

Поговариваем о путешествии из Иокагаммы в Европу Магелановым проливом.

23 мая

Ночью впервые испытали истинно красноморскую жару. Остановилось ветрило, освежающее каюту и я а миг сделался жидким. Впрочем, эта случайность привела меня в действительность. Каково другим пассажирам в тесных каютах или офицерам на военных судах, обязанных службою к известным *decorum* [удобством]? Кажется самый жаркий день -30° Реомюра под двумя тентами.

24 мая

Пройдя Джебель Теир, направились к выходу мимо Мокки и не ране 3-х часов ночи простились с Красным морем. Англичане так осветили Перим, что проливом 11/2 мили шириною можно проходить, как днем. Мыс Шейх-Сеид был достаточно виден, чтобы убедиться, что француз-авантюрист, его купивший, хотел надуть нас.

Мы минуем Аден и правим прямо в Гвардафую.

25 мая / Sunday

К вечеру, против Гвардафуя, получили свеженький муссон. Хорошо качаемся. Командир обещает, что в субботу утром будем в Коломбо.

26 мая

Качаемся зело с боку на бок денно и нощно. Молодой Голицын хотел перемены; *Il en a u* [он их и имеет] и лежит вверх лапками. Вечером так качнуло, что сорвало с винтов скамейку с 1/2 дюжиной пассажиров и бросило к сеткам по борту. Вот – развлечение.

28 мая

Второй день плывем совершенно тихою погодою – стоят паруса. Ночью даже не качало. Эта тихая полоса началась в широте 12°30′, на половине пути от Адена и продолжается уже до 11°15′. Начал перепадать дождь.

29 мая

Тихая погода и дождь продолжаются. Сегодня утром был настоящий тропический ливень. Монотонно. Мы, русские, не умеем коротать время на море. Все те же игры.

30 мая

Ночью ливень со шквалами; обычное явление в здешних водах. В полдень прошли о. Миникой, отделяющий Лакедивские о-ва от Молдивских. Разумеется, на нем приобрели собственность английские плантаторы. Весь остров, низменный, покрыт зеленью, преимущественно пальмами и с западной стороны его Атолы. Виднелись с лодки.

31 мая

В 8 часов открылся маяк Коломбо, и приблизились осторожно в ожидании лоцмана. Маяк с проблесками, а на конце молы другой, красный, видимый за 10 миль. Ждали, пока вышли два парохода; тогда только выехал лоцман и ввел нас за мол, где, при лунном свете, отличали английский фрегат *Bacchonte* [Бекхонт], корвет *Turquoise* [Турквас] и новый японский крейсер, который, говорят, ходит 19 узлов.

1-й июнь

В 7 ч. 40 м. отправились по железной дороге в Канди. Съехал на берег в гиге, не решившись попробовать оригинального катамарана. Трудно представить себе разнообразную роскошь тропической природы. После завтрака в гостинице, отличающейся, к счастью, отсутствием мебели, отправились в ботанический сад. Даже в тропиках собранные здесь растительные редкости поражают. В саду много кобр, но есть средство против укушения. Вместо зонтиков *natives* [общепринятых] употребляют пальмовые листы. Ботанический сад обегает быстрая красноватая река, впадающая в Тринкомале.

2 июня

Ливень не помешал нам ехать осмотреть кофейню. Теперь много введено других *stuples* [возбудителей]: какао, чай и т. п., чтобы вознаградить уменьшение кофе, происшедшее от разводки в других местах. Переправились через вчерашнюю реку на *government ferry* [правительственном пароме]. Дороги вообще прекрасны. Замечательно, что все возят на волах, приученных бежать рысью.

Визит в Канди кончили обозрением буддийского святилища *Maligoro* [Малигоро], в котором, под 6-ю колоколобразными колпаками хранится зуб Буды. Ежегодно его носят в процессии. При нас было богослужение. Присутствующие *n`etaient pas du tout recueillis* [поместились не все]. Строение в чисто индийском вкусе. Есть Будды золотые, каменные, бумажные и хрустальные.

Дали свою лепту полуголому желтому бонзе и отправились осмотреть дворец последнего царя, обращенный в *cour de justice* [суд]. Замечательная резьба колон только (деревянная). Просто навесы, а не жилые здания.

3 июня

В обычный проливной дождь выехали в 7 ч. 30 м. в Коломбо. Приехавши, после завтрака в *Gd. hotel oriental* [восточном Гранд-отеле], выехали на вознице загород. Прекрасная дорога ведет между *Bungalows* [бунгало] (виллами) европейцев. Везде большое движение и мальчишки голые. Странно, что англичане не настаивают на одеянии – это доставило бы сбыт Манчестеру. Были в музее. Собраны все произведения растительного, животного и минерального царства.

В 8 часов стали сниматься, но завело кабель в винт? и после долгих странствований по гавани остановились до утра на линии маяка с буруном за кормою. Не дали спать всю ночь. Все произошло от того, что фонарь, которым с юта на мостик делают сигналы, разбило ветром о шток, на котором его держат и продолжали вертеть машину.

4 июня

Не ранее двух часов освободили винт. Ожидание, пока справились с ним водолазы, было развлечено шутками подплывавших на связанных трех бревнах мальчишек, бросавшихся за монетами. Водолазы и эти юные амфибии – славный контингент для минной войны. Англичане, вероятно, ими воспользуются. Однако же Цейлон легкая добыча для наших крейсеров. Жалкий форт и на всем острове 1000 человек гарнизона. Можно накуролесить в порту, потопивши внешний пароход и заградивши между ним и молою минами, чтобы не мог помешать делу истребления первый английский крейсер, подошедший по зову.

Пошли вдоль берега к югу.

5 и 6 июня

Плывем Бенгальским заливом. За три дня едва встретились с двумя пароходами. Вот линия битая, по которой ходят все пароходы. Мы идем ею и пересекаем путь парусников от мыса Доброй Надежды в Бенгальский залив – и увидели только два-три судна. Ловите после этого крейсеров на океане. Лишь бы действительно были крейсеры, а вреда ими нанести можно много.

7 июня

Для уверенности входа в Малаккский пролив, нам нужно было открыть маяк у Ачина, на Пуло Брасси. Мы бежали со шквалами по 14-15 узлов. Странно, как вдруг поднимаются громадные волны и как скоро они падают. Очевидно, буря зарождается невдалеке.

Мрачность продолжалась, и я думал уже отворотить, но в 9 часов показался желанный маяк и мы пошли полным ходом в пролив мимо Пуло-Рондо, отлично видневшийся при лунном свете.

Погода изменилась.

8 июня

Плывем спокойно Малаккским проливом. После непрерывавшейся качки и жары спокойная вода и прохлада дали большей части пассажиров возможность возобновить силы крепительным сном.

9 и 10 июня

Тоже спокойное плавание; руководясь маяком *Raffle* [Рафле], названным по имени первого англичанина, занявшего Сингапур, вступили на фарватер к *New Harbour* [Нью-Харбор] обставленный баканами. Встретил лоцмана. По обе стороны острова, обросшие пальмами, а *New Harbour* [Нью-Харбор] ничто иное, как уютный пролив между о. Сингапур и смежным к югу.

При входе воздвигаются батареи; также на следующих справа островах. С запада вход может быть удобно загражден, но не то – с востока, со стороны самого рейда, весьма обширного и плохо обстреливаемого фортом *Canning* [Конинг] и вновь воздвигаемым. Город не показался, пока мы, пройдя *New Harbour* [Нью-Харбор], не поворотили к *N-ду* [северу], на рейд, где и стали около добровольца-товарища – «Петербург».

Австро-венгерский консул Брандт, покровительствующий русским за отсутствием нашего, тотчас приехал и взял с собой. По рейду скользили яйцеобразные сампунки и прау под парусами. На пристани помесь, в которой более всего китайцев. Они запряжены в дрожки, таскают рысцою тяжести, вообще работают в ущерб ленивым малайцам и сбивают деньги. Тотчас же выехали в Европейский город, т. е. собрание дач. Дороги, разумеется, прекрасные, содержимые на счет опиума, доставляющего *Straits colonies* [правлению колоний] 3 милл. долларов ежегодно. Ботанический сад уступает Кандийскому. Остановились в доме консула, принадлежащем султану Джогорскому.

Хозяин не против торговли опиумом, хотя имеет кофейную плантацию. Губернаторский палаццо на холме и смотрит *cool and comfortable* [строго и удобно].

Чем держутся раскинувшиеся на весь мир просвещенные мореплаватели?

В 6 часов вечера снялись с якоря в Гон-Конг.

11-14 июня

Хотя муссон в полном разгаре, мы плыли до Гон-Конга всё время тихою погодою. Несмотря на бессонницу, чувствую себя хорошо. Вообще, <u>кажется,</u> лучше. Спутники ведут себя пристойно и с нами не мешаются. Вздумал было расспросить двух немцев – одного, живущего в Сибири 18 лет, другого ботаника – но ничего не добился. Пржевальский ознакомил меня более с краем, нежели даже Абаза, которого взял с собой, как эксперта. Другой мой ассистент, Эбергард, более замечал в плавании, нежели товарищ его, говорящий обо всем утвердительно. Нужно остановить. Старику – Голицыну кажется лучше, но сердится, особенно играя в вист. Со мною по

службе идет также во Владивосток инженер-полковник Жаринцов, профессор бетонного дела, заговаривающий даже в пристойном отдалении так, что, страха ради, *je n'ai pas encor eu avec lui de conversation suivic* [во время прогулок я с ним не разговаривал].

15 июня

После полдня, лишь только открылись острова южнее Гон-Конга, одна из джонок, под лоцманским флагом, выбросила на утлой шлюпчоночке к нам китайца-лоцмана, и мы направились к Западному входу. После 7-ми часов ощупью пробирались мимо судов и бросили якорь ровно в 9 часов, кажется, невдалеке от старого *hulk* [блокшив] «Виктор Эмануил». Завтра увидим.

Благодарение господу.

16 июня

Дивная картина. *A land locked bay* [защищенная бухта], способная вместить все флоты мира. У воды и на рейде кипучая деятельность. Бухта наполнена пароходами и парусными судами. На севере видны возвышенности Китая и от них выдается тремя рогами полуостров Коулун, приобретенный англичанами уже через 20 лет после занятия Гон-Конга. К востоку совсем *Land-locked* [выходящая к морю]; вчерашнего входа не видно, а к западу, вдали, острова, указующие вход в Кантон.

Съехали на берег с консулом и поселились на набережной в тропическом здании. Пошли тотчас *shopping* [по магазинам]. Кое-что купили и возвратились к завтраку. Из окон наших видел *V.-Emmanuel* [«Виктор-Эммануил»], другой *Bulk-Hospital* [госпитальный блокшив], корвет «Сафир» и у Коулуна башенный *Wivern* [«Виверн»] и небольшие лодки, разгруженные, но готовые для Кантона. Здесь есть морская часть, небольшое адмиралтейство и производится смена команд на китайской эскадре и исправление судов.

После завтрака сели в *chairs* [носилки], впрягли в них по четверке китайцев и отправились на высоты по прекрасной дороге. Мы поднялись по так называемой *Zig-Zag road* [извилистой дороге]. С некоторых пунктов чудные виды на рейд и на полуостров Коулун. Мы спустились на южную сторону острова мимо резервуара для воды и доков в Абердине.

В 7 часов возвратились домой. Редкая прогулка доставляла мне такое удовольствие.

На другой день рано утром отправились на пароходике по рейду, затем в *Koolun-bau* [залив Коулун], где взглянули на суденышки в резерве и на док, купленный нынешнею доковою компаниею, чтобы не было конкуренции. Здесь же казенные угольные склады. У восточного мыса полуострова главное заведение *Wampoa C°* [Вампу К°]: два дока, эллинг и вновь строящийся док 480×82×29 за баснословную цену £ 80.000 [фунтов стерлингов]. Здесь же строятся небольшие пароходы, в осо-

бенности для Испанского правительства. В мастерских замечательная котельная по своей высоте и прохладе. Употребляемый лес с Филиппинских островов так крепок, что инженеры не боятся за свою перемычку, хотя червь обилен.

17 июня

Расставаясь с очаровавшим меня Гон-Конгом)мы ушли утром 17-го) не могу не подарить его несколькими мыслями *de convoitise* [по существу вопроса]. По-моему, как бы не защищали англичане входы, ключ позиции полуостров Коулун. С него можно громить город и суда на рейде. Так, с первого взгляда, казалось бы, нужно высадить тысячи три в *Mirs bay* [бухте Мирс], к востоку или в одной из бухт западного входа и взять Коулун с тыла. Казалось бы тоже, в случае войны, не грешно нам столкнуться с обилующим здесь пиратским населением. Кроме знания местности, оно будет полезно, как союзник. Но надобно иметь здесь умного агента, и теперь же изучить все подступы к Коулуну, а главное приготовить летучий десант в 3-4 тысячи, способный удерживаться в море по неделям. С таким десантом, при первом же объявлении войны, можно захватить или истребить Гон-Конг и тем решить английский флот его единственного *point d'appui* [опорного пункта] на дальнем востоке. Пока нет артиллерии, нет мин, и план обороны фантазируют только. Если у нас будет сильная эскадра, англичане не посмеют обнажить Гон-Конг. Интересы слишком велики. 80% всей китайской торговли.

18, 19 и 20 июня

Прошел Амой и, видя, что капитан боится входить в Мин (в чем совершенно прав, отвечая за груз, туда не застрахованный), миновали и Фучау, тем более, что оба места нам хорошо известны. Плывем при попутном муссоне, подхватившем нас при входе из Формозского пролива. К вечеру 20-го погода улучшилась, и мы увидели в мрачности двузубую вершину Кельпарта, по которой и ориентировались, чтобы быть завтра утром Гамильтоне.

21 июня

Рано утром вошли в порт Гамильтон. Вход требует довольно крутого поворота, чтобы обойти риф от восточного острова, на конце которого красный бакан. Кругом по холмам зелень и возделанные поля проса и ржи; на обоих островах корейские деревни. Застали *le gros de l'escadre Anglaise: Audacions, Champion, Cleopatra, Constant, Leander* [Основную часть Британской эскадры «Audacions», «Champion», «Cleopatra», «Constant», «Leander»] и три лодки.

[21]На *Leander* скорострелки в башенках, а я думал, что это моя идея. Адмирал *Richard Vesey Hamilton* прислал офицера и потом приехал сам с капитаном и флаг-

[21] Рядом с началом абзаца впечатан текст: «У англичан уже пять лет как существует»

офицером. Встретились дружелюбно. Я тотчас отдал ему визит, и мы поехали вместе на остров Обсерватории осмотреть помещение гарнизона. В бараках из досок, построенных в Японии, стоят морские солдаты – человек 200. Сделали вентиляцию в крыше, но оказалось не по климату – холодно. *Latrines* [сортиры] земляной системы и вокруг казарм – *egouts U* [U-образные стоки] из черепицы для стока воды, так же японские. Есть *mess and lawn-tennis* [кают-компания и площадка для игры в теннис]. Развели огороды, но не особенно важные, ибо все надеятся, что острова будут оставлены. Подвержены тайфунам и большей зыби от *SO* [юго-востока], так что надежно спокойная стоянка только внутри линии от красного бакана на *NO* [северо-востоке] оконечность западного острова в стороне восточного. Грунт хорош, а все суда дрейфовало. У Обсерватории, во внутренней бухточке, англичане устроили депо мин заграждения и каменную пристань; так же укрепили камнем берег. Работали корейцы, на то способные. В гавани нашли много рабочих лодок, но все японские, с соседних островов. Склада угля пока нет, и адмирал просил дать ему во Владивостоке, куда намерен отправиться в начале августа. Говорил, что может показать нам всё, кроме батарей, но это *Humbug* [обман] – батарей никаких нет, разве там, где их вовсе не нужно. Завели свои порядки, и адмирал едва не выдрал деревенского старшину за то, что тот допустил на берег японских девок. Корейские женщины не даются и при встрече падают ниц.

Кабель, соединявший с Шанхаем, порван у *Saddle-lsland* [о-в Сэдл]. Подобно предшественнику, *Hamilton* не рекомендует удерживать острова и надеется, что его оставят. Место жалуют, как удобное для упражнений и свободное от вина и проституток. Мы застали минные упражнения, для чего есть особые шлюпки и пароходик, выстроенный в Гон-Конге.

Растут и цветут дважды в год камелии. Охота плохая. *Homar`se* [омары] и устрицы хороши.

В деревнях оспа, и адмирал советовал не сообщаться с ними. Воду для гарнизона дистиллирует канонерская лодка, с этой целью поставленная в малом проходе между *W-м* [западным] островом и о. Обсерватория. *S-я* [южная] оконечность западного острова курьезно пробита насквозь и около неё курьезная скала. *Hamilton*, как и я, находит, что у новых судов слишком много рангоута: лучший образец Леандер (ходит 17 узлов), и у того сняли с грот-мачты реи.

1/22 ч. снялись при штиле. Думал, что выпроводят, и радовался, желая воспретить им доступ в Владивосток; а вышло противное. Были так любезны, что обещал снабдить углем.

22 июня

Плывем при штиле, чудной погоде и с чудными эффектами. Просто триумфальное шествие. Рыбаки, эскадрами, преграждают нам путь и ловят на огонь, так что мы изворачиваемся между иллюминированными плавучими городами. (Не забыть опра-

шивать в случае войны, хорошее средство)[22]. Все японцы. Далеко выезжают в море. Цусиму вчера вечером открыли, не пройдя ещё восточного края Корейского архипелага. *An ungly customer in War time* [Это угол для клиентов во время войны].

23 июня

Рано утром подошли к островам, образующим порт Лазарев, правили южным ходом и, обогнув мыс Муравьева, увидели к югу корейский город и несколько севернее его – Японскую концессию, перед которой стоял почтовый пароход; поворотили к северу по великолепному рейду, напоминающему Гиерский, и в тылу защищающих его островов прошли между оконечностью полуострова Нахимова и противоположным конусообразным мысом в самый порт Лазарев. Обошли его кругом, любовались обширною долиною реки Дунган, густо заселенную, и, выйдя на рейд, направились в море северным проходом, между Нахимовым и островами Завалишина, Куприянова и др.

Много говорили и говорят о занятии нами порта Лазарев. Я прихожу к заключению, что кроме страшных издержек и вражды с Япониею он ничего не принесет нам, ибо в случае войны, будучи легче наблюдаем из Цусимы и Гамильтона, нежели Владивостока, Лазарев ещё, вдобавок, не может быть удержан. Сохранить Лазарев можно, только владея всей Кореей и в таком случае это перл.

Разумнее держаться Владивостока, сблизить его с внутренностью Сибири дорогою и постоянно держать в Китайском море сильную эскадру. На месте она упрочит наше влияние более порта, из которого выйти трудно, и суда пригодятся на другие надобности. Поищу[23] около Владивостока бухт менее замерзающих, хотя, полагаю, неприятель не решится остаться у Владивостока до исхода ноября и начала декабря или являться туда в марте (NB: в конце июля туманы прекращаются).

В последнее время говорили ещё об острове Гончарова, как о морском стратегическом пункте. Берег (и в особенности, острова у него) к северу от п. Лазарев назначены так наверно на карте, что я отворотил было и хотел направиться прямо во Владивосток. К счастью, открылись признаки прохода между выдавшимся кряжем и берегом, и мы поворотили к Красному мысу. Действительно, оказалось, что кряж был о. Гончарова, и скоро мы очутились в проливе между ним и берегом. При входе от *W* [запада] от острова отщелилась замечательная скала[24]. Островок у восточного входа пробит насквозь. В восточный конец острова вдается глубокая бухта, тихая при всех ветрах; но её можно достигать бомбами с моря через низменный перешеек.

[25]Вынес убеждение, что нужно не умствовать, а держаться Владивостока.

NB: Нужно занять, чтобы не заняли другие, и как депо для Корейской армии.

---

22 Рядом на полях впечатан текст: «совершенно верно»

23 Рядом на полях впечатан текст: «20 лет искали лучшие адмиралы и не нашли, а он думал открыть Америку».

24 Помещен небольшой рисунок

25 Рядом с абзацем на полях впечатан текст: «То что я ему всегда повторял»

64.-

В последнее время говорили еще об острове Гончарова, как о морском стратегическом пункте. Берег / и в особенности острова у него/ к северу от п. Лазарев назначены так неверно на карте, что я отворотил было и хотел направиться прямо в Владивосток. К счастию открылись признаки прохода между выдавшимся кряжем и берегом и мы поворотили к Красному мысу. Действительно оказалось, что кряж был О. Гончарова и скоро мы очутились в проливе между ним и берегом. При входе от W-а от острова отщелилась замечательная скала. Островок у восточного входа пробит насквозь. В восточный конец острова вдается глубокая бухта, тихая при всех ветрах; но ее можно достигать бомбами с моря через низменный перешеек.

То что я ему всегда повторял

Вынес убеждение что нужно не умствовать, а держаться Владивостока.

ЛВ. Нужно занять чтобы не заняли другие и как депо для Корейской армии.

24 июня. Утром туман. Вообще ничего не видно, а по временам частные прояснения в разных направлениях. Мы шли от Гончарова прямо на Аскольд. Легли ко входу по счислению. Кто раз видел Скрыплев, будет его помнить.

Тотчас же открыли м. Басаргин и взяли курс в окутанный туманом Босфор. В 3 часа стали против адмиральской пристани, где виднелась еще не совсем готовая триумфальная арка с моим именем. Меня, по моему же уведомлению, ждали завтра. У Корнилова конечно была пирушка и мимо парохода скоро проскользнули его гости Корф с семейством. Немного опоздали салютовать моему флагу. Короче расплох. Главный командир был на новых доках и также немного опоздал. На зданиях выкинули флаги. Торжество стало внезапное и ве-

24 июня

Утром туман. Вообще ничего не видно, а по временам частные прояснения в разных направлениях. Мы шли от Гончарова прямо на Аскольд. Легли ко входу по счислению. Кто раз видел Скрыплев, будет его помнить[26]. Тотчас же открыли м. Басаргин и взяли курс в окутанный туманом Босфор. В 3 часа стали против адмиральской пристани, где виднелось ещё не совсем готовая триумфальная арка с моим именем. Меня, по моему же уведомлению, ждали завтра. У Корнилова, конечно, была пирушка, и мимо парохода скоро проскользнули его гости – Корф с семейством. Немного опоздали салютовать моему флагу. Короче – расплох.

Главный командир был на новых доках и так же немного опоздал. На зданиях выкинули флаги. Торжество стало внезапное и вечером иллюминованный в тумане город представлял *un faux air de Naples* [иллюзию атмосферы Неаполя].

Придворный Корф стоял через несколько минут на пристани, что я заметил и тотчас дал *à coquin et demi* [полузахватить] и сам съехал на пристань, взял его с собою и пригласил обедать всех командиров. Бухта чудная, и, посмотревши на хваленый Лазарев и на вновь открытый нашими увлечениями Гончаров, на заставляющий англичан ныть Гамильтон, мне представляется, что *nous y sommes et nous y restons* [нам и только нам][27].

Прибывши для возможно скорого ознакомления с отдельною местностью, я решился не жалеть себя и тотчас перебрался к главному командиру. Фельдгаузен, младший из наших адмиралов, преждевременно одряхлел и страдает глазами. Мы, морское ведомство, чересчур раскинулись, занявши первоначально место на западном береге бухты и теперь устраиваясь на северном берегу Рога, так что коммерции остается весьма мало набережной.

От дома Главного Командира (весьма странно; рядом с ним уже 11 лет возведен выветрившийся фундамент для нового, но отпущенные деньги поворочены на устройство минных зданий) к *O* [востоку], через небольшой частный промежуток, стоит здание Штаба, в наилучшем положении относительно к бухте. Перед ним, не в порядке, деревья и кусты зелени. Здание весьма удачно пришлось для нового административного устройства. В нём хорошо разместились все управления. В строительном видел образчики всех деревьев края, между прочим, черную березу. Кроме кедра, главного строительного материала, остальные больше поделочные, столярные. Всё соединено вместе, что здесь, при раскинутости города в длину, очень удобно для всех, нуждающихся в сношениях с управлениями.

Далее, к востоку, высится новое здание клуба. Прекрасный зал. Велел всячески помогать клубу. Уже выхлопотал на мебель 10 т. рублей, а теперь разрешил, противно уставу, отпустить из магазинов запасное серебро и белье. Первое – под вычет

[26] Помещен небольшой рисунок
[27] Пропущен текст. Рукой надпись «Что?»

в случае потери, а второе, при сырости климата, сгниет даром. В такой дали нельзя соблюдать строго хозяйственные уставы. Содержится пока прилично, и по разным расспросам я вижу, что нет пьянства, игры и холуйства.

Рядом библиотека, бедная, но приличная. Одно не понравилось только, много (7 человек) казенной прислуги. Общее замечание: не любят китайского труда, хотя китайцев много, и в этом разность с английскими колониями, (где из китайца выжимают все), делают из него дешевого *bête de somme* [вьючного осла] и держат по-китайски, т. е. под батожьем, а у нас гуманничают, забывая, что в местах, лишенных конкуренции труда, пригодны меры, не допускаемые в густонаселенных, где гуманность ничему не мешает. И чем может быть грозен китаец, если его не пускать выше, а держать рабочим только.

Новое адмиралтейство устраивается хорошо, но нужно сжать его. Комиссариатские магазины, прекрасное кирпичное здание; всё хранится в порядке, но не достаточно проветривается при местной сырости. Нужно наблюдать, чтобы эскадра выбирала запасы; масла, соли и водки слишком много. Думают, что ром входит в непременную долю заграничного содержания. Велел Корнилову выбирать провизию.

Наши суда, возвращаясь, бесцеремонно бросают, что им не нужно. Так, увидел совершенно исправный новый винт, высланный на «Скобелев» и даже не знаю, пригодится ли на клипера. Мысль, чтобы возвращающиеся из заграницы суда оставляли здесь весь запас (снаряды, заряды и даже орудия), хороша, и я должен, при случае, помнить это[28]. Железные экипажские магазины вообще хороши и утверждают меня только в мысли делать все склады и мастерские железными. Деревянные скоро гниют, а кирпичные слишком дороги (35 рублей тысяча). Один вдавленный магазин указывает, что нужны внутренние контрафорсы или наружные тяги против *NW* [северо-западного] ветра, как в Гамильтоне против тайфунов.

Минная мастерская уже готова, и перед нею хорошая насыпанная пристань. Кстати о пристани. Они все мелеют от сноса при дождях земли из улиц города и нужно устроить вдоль всего города отводный канал – куда? одно только – к верховью Рога, где впадает р. Объяснения, сделавши там забой, перемычку, которую задерживались бы сносы. Пристани необходимо сделать сквозные, как в Сингапуре и в Гон-Конге.

Новую механическую мастерскую обещают устроить к осени. Велел проделать дверь для снабжения котла машины углем, расширить железную дорогу (для пушек), выделить артиллерийскую мастерскую и добавочные железные пиллерсы сделать выемными. Обе котельные и обе литейные на уготованной уже площадке, приказал сжать, соединить с железной кузницей (ныне провиантский склад) и составить проект железного здания. Для укорочения приводов, движущий механизм

[28] Слева на полях впечатан текст: «Не имеет смысла, ибо никто не может знать где застанет война судно в дальнем плавании»

поставить в середине. Приводами существующими нужно пользоваться, а они все тонкие и короткие.

Теперь механическая, котельная и кузница в старом адмиралтействе. Здесь все жалкие лачуги фанзовской постройки, отслужившие службу; но теперь нужно скорее очистить местность и отдать быстро растущему городу, оставя кусок для Добровольного флота, почему-то добровольно удалившегося в Диомид. Здесь же, в старом адмиралтействе, вытаскивают суда (разбирали «Америку» на берегу и «Манджур» на воде)[29] хранят орудия Добровольной «России».

Как-то неохота переноситься скорее в Новое адмиралтейство. Хранятся станки, предназначенные для новой механической, но нужно их прибавить (паровой молот настоящий в 1/4 тонны), клепальные и т. п., чтобы все починки, кроме ковки валов и литья цилиндров, можно было делать на месте. Говоря об адмиралтействе, следует сломать бывшее строительное управление и на его месте устроить плац для казарм.

Перейду к казармам. Матросы любят отдельные флигеля и ненавидят дворцы, где нельзя развалиться и некуда плюнуть. Здесь, при отсутствии развлечений, нужно думать более об удовлетворении привычек домашних, не ломать их круто, тем более, что не на долго. Здания ещё хороши. Сибирцы так отличаются богатырством, что я тотчас узнавал всероссийских замухрышек.

Церковь экипажная оригинальна. Резьба и морские украшения на иконостасе. Хорошо содержится, но причта нет. Столовая лучше многих наших и вообще на людей обращено внимание. Вроде казармы и здания госпиталя, лежащие далее. Главный доктор Зиберт – человек долга. При малых средствах и плохой обстановке, делает много современного. Персонал хорош и сведущ. Покойницкой нет, но нужно более и первее всего думать о живых.

Перед госпиталем к морю сад и в нем летний барак – большое подспорье госпиталю. Новый, на который уже ассигнованы деньги, хотят строить несколько выше, но он станет над так называемым гнилым углом и вдобавок необходимо привлечь военное ведомство к доле в новом госпитале, о чем тотчас же по возвращении написать Ванновскому.

Перенося адмиралтейство – устройство пристани, окончание плавучего дока, меры против обмеления северного берега и вода (язва Владивостока, в особенности зимой, когда колодцы высыхают, вымерзают) – вот главное, о чем нам следует заботится. Для воды нужен, может быть, опреснитель. (Ведомства все из своего бюджета должны уделить). Привлечь город.

Город можно сказать из одной улицы – Светланской. Есть *Palazzo* [дворец] Куста и Альбертса, стоит *Palazzo* же Абаза. Понимаю, что он мог пристраститься к Владивостоку с его крепкой, энергической натурой. Достать потребности жизни можно все. Но о торговли после.

[29] Слева на полях впечатан текст: «На которых я плавал в 1873 г.»

Ещё заметка. В Экипаже мне представили учеников в кадр, не строевую роту и ещё не строевую роту – всё нестроевых. Оторвали от сохи с тем, чтобы они скверно делали непривычное дело и даже не заботятся об их образовании, безграмотных бездна, а если есть грамотные, то только плавающие.

Между делом принимал Японского генерала Курода, предназначенного для какой-то важной административной должности, бывшего префектом *Ieso* [Иесо]. Теперь гр. Куроди едет в Россию и весьма обрадовался предложению моему перейти на «Абреке» в Николаевск.

28 июня

Продолжал осмотр Владивостока и начал с укрепления на Галдобине. Взобрался на батареи по порядочной дороге, в экипаже. На мысе поставлена батарея из 11,9- и 6-дюймовых орудий, бьющая в восточный вход в Босфор. Во-первых, орудия короткие, старого чертежа, во-вторых, их мало. Нужно, по крайней мере, 4 11-дюймовых дальнобойных. На высоте над мысом 9-ти дюймовые мортиры, бьющие в тот же ход – вот и всё. Это самый легкий подход к Владивостоку, и я здесь же, не дожидаясь более подробного осмотра с моря, набросаю мои мысли.

Нужно укрепить Басаргин, Житков или следующий к западу, Назимов и Новосильский. Ограждения минами оставить, как было, между Назимовым и Новосильским (все поправки в нём тем легче, чем ближе к порту и складам). Если довольствоваться Галдобиным, бухта Парис будит легким убежищем неприятеля и гнездом блокады, весьма дешевой. Разумеется, ещё лучше обратить Скрыплев в крепость, но сообщения с ней не будет. Эгершельдские батареи уже уничтожены, но их нужно заменить батареями на Русском острове; где и на каком береге Новика поставить их, увидим впоследствии. Батарея со стороны Амурского залива, на мысах Купера, Бурном и Безыменном (с 11-дюймовыми орудиями и 9-дюймовыми мортирами) расположены хорошо, чтобы поражать неприятеля, решающегося бить город через Семеновский покос или прорываться в Новик или Босфор с запада. Ставши вдоль Семеновского покоса по берегу в расстоянии 2500 сажени от города, в Амурском заливе, неприятель может сжечь всё до Штаба, стреляя в видимую цель, и 11д орудия даже не отгонят его, ибо расстояние слишком велико. Меня поразило устройство нашего погреба, за Эгершельдом. Правда, он прикрыт мысом, но шальные бомбы с восточного входа и, думаю, с Амурского залива, могут попасть в него. Это просто дом, без блиндажа – и разве опустеет, когда все суда флотилии будут снабжены. С Амурского залива можно навести и в надголдобинскую мортирную батарею. Сушильня наших минных складов слишком роскошна, а сараи для снарядов ветхи и тесны.

Думал об управлении Владивостоком в будущем. Фельдгаузен положительно уходит. Корф рвет и мечет, что бы здесь не было Главного Ком-ра. Жаль передать созданный моряками и насажденный их интеллигенциею город в руки холуев-армейцев; но у меня есть свои виды, более важные. Если уничтожение Главного Ко-

мандирства (с уменьшением Экипажа и кадра) поведет к миллионной экономии, я буду здесь содержать вице-адмиральскую эскадру, и жертва окупится[30].

Но я соглашусь на уничтожение со следующими условиями: Начальник Морской части, зависимый только от Министерства (Лавров), градоначальник или губернатор гражданский (Унтербергер) и начальник войск. Пункту нужно развитие экономическое и губернатор, занятый исключительно своим делом, будет действительнее смешанного губернатора. С другой стороны, морской начальник, исключительно преданный флоту, будет полезнее Главного Командира, зависящего от двух властей – положение несносное для человека, способного и с энергией, а такие только здесь возможны.

Обед от города со спичами. Присутствовал и гр. Курода, японский *homme d'etat* [государственный деятель]. Ему должно было понравится, что я, отвечая на льстивые речи Головы, сказал, что *nous sommes ici et nous y resterons* [мы здесь и мы останемся], не мечтая о дальнейших приобретениях и завоеваниях. говорил и Корф, относя многое ко флоту, что и принял с тем большей гордостью, что слова эти – истина. Не пропустил я и третию силу – промышленность и торговлю, и пил за купечество.

В новом клубе собралось всё общество и прекрасный (по размерам) зал наполнился до духоты. Всё было чрезвычайно пристойно. Пробыл на бале около часа и возвратился домой. Получил ответ на мое поздравление от великого князя Павла. Бедного поставили во фронт. Жаль; не по силам. Путь наш от гостиницы Гальского (приятеля Абаза; большого плута) был прекрасно иллюминован.

30 июня

С утра, взявши Корфа со всею техническою свитою и всех командиров, отправился на рекогносцировку. Выйдя западным проходом, в который бьет только ничтожная батарея на перешейке Ларионовском, повернули направо вдоль берега, к мысам Купера, Бурному и Безымянному. На первом я осматривал прежде батарею, и нахожу теперь её безупречною и весьма полезною. Второй (мортирный) так хорошо рисуется правильными линиями и так резко окраяется дальними высотами, образующими над ним впадину, что его легко сбить. Третий также вооружен как первый. Прошли в расстоянии от 2 до 2500 сажень. Город, до дома Главного Командира, виден ясно и мне кажется, здесь нужно прибавить большое число мортир и настоящие орудия заменить более сильными.

За нами шли две миноноски старого образчика, едва перегонявшие наш лихой «Сивуч».

Повернули вдоль западного берега Русского острова. Замечательные скалы – Уши, славная цель для стрельбы. Ларионовский маяк слишком роскошно выстроен. Западный проход, кроме минного заграждения и защиты судами и фортом, нужно запереть прочным боном, что много обеспечит защиту.

30 Слева на полях впечатан текст: «Жертва не окупилась, и мы остались в дураках»

Начали с бухты Воевода. Может быть легко занята и употреблена в пользу неприятелем, ибо открыта только зимним *NW* [северо-западным] ветром. На все мои расспросы о дорогах и путях на Русском острове отвечали, что была геодезическая съемка – и более ничего. Никто, ни сухопутные, ни моряки, не могли удовлетворить моему любопытству касательно практической стратегии. Легко ли провести и какие орудия к стороне Новика и Босфора. Есть ли вода на острове и пр.?

Видел я сам, что неприятель может совершенно хозяйничать в Воеводе и удобно утвердиться десантом. По поводу незнания острова велел выбрать офицеров-охотников, чтобы они исходили остров и составили его описание. От Воеводы заглянул в Рынду и Бабкино. Здесь везде можно становиться и свозить десант. По берегам огородничество манз и рубят дрова – для кого? Не могли отвечать мне утвердительно, хотя остров наша морская собственность. Вошли, наконец, в Новик – дивная бухта почти перерезающая остров от *NW* [северо-запада] к бухте Парис в *SO* [юго-восточном] его углу. Здесь влево на перешейке у Ларионовского мыса, увидели пресловутую 6д батарею, обстреливающую минные заграждения Новика и у кошки Токаревского. Невежество и равнодушие к Русскому острову поразительны. Прошли в бухты Аякс и Парис; последняя может служить неприятелю местом не только дешевой блокады, но и для дальнего бомбардирования.

Заглянули в Улисс и вошли в Диомид, где Добровольный флот даром учредил дальние магазины, имевшие место в городе.

1 июля

Акт в женском училище, содержимом на счет Морского ведомства. Очень мило. Достигают 5 класса. Это объяснено мне тем, что Владивосток – станция; мало кто здесь имеет оседлость. Как всё хорошо и о воспитании женщин радеет здесь Морское ведомство. За что ни тронь, без нашего ведомства распадется в прах; но имея в виду важнейшую цель, повторяю, готов жертвовать самолюбием.

2 июля

В 7 ч. утра с Корфами и их свитою сели на «Сивуч» и через 11/2 часа были уже на «Пионере» Федорова. Прошли благополучно через бар. За ним не собственность, а владение Федорова. Не глуп. Занял лучшие места в устье. Уголь, но мелкий для мастерских. Разумеется, просит помочь обязательством употреблять его на флоте. Отдавая во владение, не хотят предрешать будущего. Нельзя продавать или отчуждать то, чего не знаешь. Федоров строит во Владивостоке паровую с задним колесом баржу, чтобы плавала до Никольского. Нужно очищать реку и просекать дорогу, а не железную или даже шоссейную.

Говорил со встречными мужиками. Всё хорошо, всем довольны, но, по-мужицки, много <u>но</u>. В Никольском штаб-квартира стрелковой бригады, генерал

майор Курсель. Сам и все начальники частей, верхами, выехали встретить. Салют и все украшено флагами. Даже военный выкинули.

В Никольском – радушный прием и европейская жизнь у Курселя. Сибирский пошиб даже у дочерей и, вообще, Никольское сухопутная столица края. Объехал село.

3 июля

Удивительно, что в Сибири, где соединяются в общины люди из разных губерний, с разными привычками, ввели общинное землевладение. Переселенцы изъяты от всех повинностей и здесь придется перейти прямо на милицию, в самом тесном её приложении, ибо селят отчасти и со стратегическою целью. Вечером вся так называемая крепость была иллюминована.

В 1\28 выехали в Камень-Рыболов. По пути толковал с крестьянами. Все довольны морским путем.

На станции Дебенской все уже поголовно благодарят бога и славят царя. Россия, пожалуй, возродится Сибирью. У нас остаются дураки, а сюда идет сметка, способность *suffir à soi meme* [к самодостаточности], верующая во власть, в авторитет её, ибо сначала по крайней мере ей нужно покровительство.

В Камень-Рыболове довольны и зажиточны. У города меня встретила регулярная конная Уссурийская сотня. По истине молодцы. Что, однако ж, за край? Регулярные казаки и казаки пешие.

Перебрались на пароход «Ханка» и отправились вдоль озера. В 7 часу утра подошли к посту №4, пройдя бар, на котором оставались следовавшие за нами пароходы и баржи на буксире. Пересели на «Ингода».

Экс-гвардеец Вердеревской, сосланный по участию в изнасиловании его братом сестры, стал порядочным человеком и наметался в управлении пароходом и наблюдает, что делается в крае[31].

В Маркове, где мы остановились утром 5-го июля, мы оставили вьюна Сунгачу и выступили в Уссури. Перестали делать утюги – так называют утыки в берег на крутых поворотах, ясно обозначающие носовую часть парохода.

Уссури живописнее Сунгачи. Китайское население на левом береге также редко, как и на нашем, дозволяет везде казакам иметь на своем береге покосы. Вообще неприязни я от Владивостока не видел. Если бы мы не отучали китайцев от родимого батожья, не было бы поводов думать об окитайщении края. А мы, гуманные просветители, будто упорствуем. Что касается до страха насильственного отторжения от нас Уссурийского края, нужно помнить, что народ в Китае, покойный и униженный, вовсе не солидарен с правительством, и весь секрет будущей войны в том, чтобы иметь скорый успех. Удержать захваченный край будет легко. Для этого

[31] Слева на полях впечатан текст: «Неправда, он и брат убили 3-го брата, который жил с их сестрой»

все концентрирующиеся движения вздор. Нужно грянуть из центра и сокрушить первое сопротивление армии[32].

Плывя по Уссури, у нас по утрам бывали конференции. Как пчела, собирал я мед с уст моих спутников, даже надоедал им.

Корф, как оказалось, велел уготовить торжественную встречу, и мы, не желая придти ранее 9 часов, прошли между Корсаковой и Хабаровскою вспять. Лишь только нас завидели, взвились ракеты, Хабаровское трехxолмие зажглось огнями.

По приеме местных властей на пристани, поехали в отведенный нам дом.

Расставаясь с Уссури и вступая в Амур, замечу, что плавание по нём было бы верно 200 дней в году даже при теперешнем состоянии рек, если бы компанейские пароходы были выстроены со смыслом[33].

7 июля

С утра начали объезжать город, растущий по часам. При этом город зарождается умно. На одной высоте сосредоточено всё военное (и место с зданием для будущего корпуса есть) и она называется горою. Между нею, на смежной (высоте) горе и в балке между последнею (Большой) – гражданское население; на третьей, за нею и у подошвы её – военные артиллерийские склады и китайские фанзы, оставлены большие пустыри чтобы промышленность могла разместится, где удобнее. Улицы правильны и широки. Всё деревянное, исключая правительственных зданий.

Вошли в недоконченный дом Корфа через окно и были встречены маршем. А вечером собирал мед. Начал с Дадешкальяни, понудившем меня своим донесением послать изведать пролив у Гончарова. За ним последовал новый настоятель здешнего собора, только что прибывший из Николаевска, Сибирский даже Амурский сторожил. Узнал я, что в Николаевске жалуются на не чистоту и трудность фарватера в Лимане, а что туда проходит много судов, что в городе всего 1000 жителей, что комиссионеры домов наезжают только летом. Короче, что Николаевск только товарная станция в тесном смысле, а это могло бы быть в Хабаровске и везде по Амуру, доказательством чему служит то, что за пять лет Николаевск не подвинулся ни на пядь.

Совсем иной человек подполковник Генерального штаба Волошинов, посланный изучить котиковый промысел и проживший на островах три месяца. Он изучал вопрос с корня, был в С. Франциско и пр. Дал мне свой отчет.

8 июля

Осмотрел адмиралтейство Амурской компании, где никогда не работают, а зная о моем посещении, поставили несколько мужиков на станки.

---

[32] Слева на полях впечатан текст: «Наивно и неосновательно. Не дай бог войны с Китаем, пока нет достаточно войска и главное железной дороги»

[33] Слева на полях впечатан текст: «Поверхностное замечание и желание необдумавши решать, не познакомившись с краем».

Есть литейная для маленьких цилиндров и вообще можно собрать речные лодки – что я и хотел узнать. Главное заведение в Сретенске. В 12 часов сели на пароход *Amour River* [«Река Амур»]. На меня река произвела охватывающее впечатление и плывя со скоростью 16 узлов вдоль берегов, любовался мелькавшими в 25-30 верстном расстоянии деревнями (вовсе не оправдывающими сложившееся в Петербурге мнению, будто жители голодают).

Разумеется, как ежедневно, сидели за уроком. Вопрос шел о защите реки от Хабаровки до Усть-Стрелки. Корф просил выстроить особые лодки для действия по Амуру и Сунгари. Дорого и трудно, ибо углубление дается 2 фута и требуется 6» артиллерия. Соглашались 9-фунтовую полевую, которую добыть нетрудно. Пустившись по пути дешевой защиты, я отверг лодки, а предложил выстроить баржи или даже воспользоваться существующими обветшалыми. Новые устроить так, чтобы с одной стороны была защита от пуль, а с другой – снаряды и заряды, цвейносы, и сделать приспособление для скорой передачи с бока на буксир, обыкновенно же буксировать под мышкою.

[34]Поставить по 2-3 орудия и реквизиционировать для шести барж шесть из 47 пароходов, плавающих ныне по Амуру. Против китайцев будет сердито и дешево. Что касается Сунгари, предложил заградить её устье плавучим боном, перед которым с внутренней стороны, поставить мины и проводники подать на баржу или канонерскую лодку, оставленную с внешней стороны. Если китайцы пустят по течению джонки, дожидаться скучения их у бона и тогда взорвать.

Решили исследовать всячески, дабы определить, какого углубления суда в наших частях могут действовать. Ниже Хабаровки нужно, для защиты её, построить крепкое сопротивление. Где? – покажет нам дальнейший осмотр Амура и лимана; не нужно принимать в расчет в защиту Николаевска и даже лежащих выше его к Хабаровке поселений, хотя желательно было бы и их защитить.

10-го июля в 12 часов показался щеголеватый Николаевск. На рейде «Горностай», «Тунгуз» и «Принц Генрих» с пластырем на носу, – выбросивший только 1/2 груза. Прежнее величие или присутствие иностранных фирм выказалось пристанями и около них магазинами. «Горностай» салютовал флагу Корфа, мною поднятому, и мы пристали к пристани, где Голова поднес хлеб соль мне и Корфу (прибывшему в первый раз)[35]. Отвечал, что надежды город должен основывать на генерал-губернаторе, а я только обещаю соглашаться с ним. Приехали в казармы (в наших 17 человек и 9 лоцманов; живут широко). Велел всё продавать в Адмиралтейском пустыре; только оставить место для лоцмейстерских запасов. Всё разваливается.

Содержим здания (в рушащемся виде) и Адмиралтейство (с негодными вещами) для каких-то 7-9 лоцманов и для них же 17-19 матросов. Решил разделаться с

34 Слева на полях впечатан текст: «Детски наивно и желание во всем давать советы не зная»

35 Слева на полях впечатан текст: «Сами китайцы а над церемониями соседей смеются»

этим *nonsens* и отозвать всех во Владивосток[36], передав временный присмотр воинскому начальнику, а потом всё продать (кроме якорей). Взамен того отделить одну из шхун (перевооруживши её) собственно для лоции и вместе брандт-вахты.

11-го июля

В 6 час. утра пошли на том же «Муравьеве» вниз по реке.

Я защищаю Амур, т. е. Хабаровку, там, где удобнее, не заботясь о Николаевске, куда и снаряды подвозить далеко и сам он защиты не стоит. На мысе Лазареве была батарея. Если возобновить, то будет совершенно *en l'aire* [в воздухе], притом нужно непременно убедиться, нет ли правды в упорном слухе, что есть прямой фарватер на Сахалин. В таком случае Лазарев будет обойден.

У Уюзута простились с Корфом, перешли на «Горностай» и продолжили путь. Настигла мгла, хотели даже бросить якорь, хотя Старк – старый здешний морж. Вышли из лимана в потемках и взяли курс на Кастри. Несмотря на темноту, Старк легко подошел на вид мыса. Маяк мелькал, когда мы были в море, а когда входили – не горел. В гневе я велел Моисееву произвести дознание, а если, по его мнению, окажется небрежность, – немедленно отправить смотрителя во Владивосток, под суд.

Небрежность была, но смотритель был на «Абреке» в комиссии по прежней жалобе на маяк.

12 июля

Пересел на «Абрек»; велел «Горностаю» подняться по Амуру до Сунгари, и давать мне знать, как плывет, и отпустил его, а взял «Сивуч». Со мною начальник острова, генерал Гинце и чиновник по тюремной части при генерал-губернаторе Каморский (Серьезного *troupier* [армейца], вдобавок финляндца родом) с хлыщеватейшим из Петербургских хлыщей *étalant ses voyages et ses connaissances theoriques sur les differents systems peniten tiares* [распространявший в путешествии теоретические познания различных пенитенциарных систем своей «епархии»] и считающим себя главным лицом, видимое несогласие, бывавшее подчас неприятным и умерявшееся хладнокровием финляндца-генерала. Я таки обрывал частенько хлыща, желавшего сделать мне доклад, т. е. прочесть лекцию.

Оба согласны, однако ж, в двух пунктах – вред от дозволения женам каторжных следовать за ними и ошибка в занятии для каторги средней части Сахалина, а не исключительно южной, и западного берега, а не восточного, по ту сторону восточного из двух кряжей, идущих вдоль острова. Закон дозволяет женам каторжных, не следующим за мужем, выходить замуж, и каторжные могли бы, в свою очередь, жениться на месте каторги, но Победоносцев с братиею думают, что когда-нибудь оставшиеся жены могут одуматься. Всё утопии – требовать высокой нравственно-

36 Слева на полях впечатан текст: «Справедливо»

сти от преступников и их соучастников. Выходит, так как хозяйство без женщин быть не может, поселенцы живут в сожитии и плодят незаконных. Сам Гинце хозяин; как строгий служака, точно творит волю пославшего.

Мы прибыли к острову около 4 ч. по полудни. Съехал в Александровское село; резиденция Гинце. Тотчас отправились на паровом катере в Дуэ, к копям, где «Абрек» и «Сивуч» уже грузились углем.

На Сахалине долго и долго труд будет непроизводителен, ибо работают как в северной России только шесть месяцев, но нет и едва ли будут отхожие промыслы. Уголь везде, но в мирное время для нас дорог, а в военное отрежут. Ещё причина искать ближе к Владивостоку.

13 июля

Поторопился уйти. Съездили в ближайшее поселение – Корсаковку. В колонии и в посту всё невесело, сумрачно. Птица без голоса, цветы без запаха, и прибавил Баранов, женщины без сердца, вот Сибирь.

Мы простились с грозным по виду, но радушным хозяином и отправились на клипер. Снялись с якоря и легли к Императорской гавани. Тотчас были охвачены туманом. Вечером видели электрический свет «Сивуча». Нужно попробовать днем и, может быть, можно будет таким образом везти в шахматном порядке в тумане эскадру.

Намереваясь представить отчет об осмотре края, я составляю его из трех рубрик – политического положения и значения, в военном отношении и в чисто флота касающемся. Общее значение его подлежит моему обсуждению, как члена Комитета Министров, обязанного выражать свой взгляд и, зная, что, бывшем на месте, могу ввести авторитетом в заблуждение, буду говорить осторожно. Политика доступна каждому, получившему образование и пользовавшемуся обстоятельствами жизни для увеличения его, и в неё я вдался несколько смелее; наконец, как моряк, буду говорить с уверенностью о требованиях флота, соединяя обе части – военную и морскую, ибо они здесь не разделены.

Начну с того общего замечания, что моряками пользуются, как чернорабочими, как пионерами, как людьми, способными на решения. Когда они пробьют тропу, когда дорога станет торная и по ней можно легко идти к почестям и значению, их не только устраняют от возможности пользоваться трудом, но запрягают под чиновников и офицеров генерального штаба. Такой порядок унизителен, понимается каждым, наводит уныние и должен прекратиться. Он образует во флоте ищеек. Муравьев употреблял моряков, доказавших, что для них нет невозможного, на всё. Времена Муравьева миновались; авантюры кончились и, понимая, что общая польза может требовать замены моряка другим деятелем, но не перемены системы в предположении, что моряк на гражданственность неспособен. Обручев. Диктаторским тоном легче говорить, но не легче убеждать.Ммы непременно когда-либо столкнемся. Он, по-видимому, не допускает, чтобы ему противоречили.

14 июля

Дорогою говорил Лаврову о моих планах касательно Владивостока. Из настоящих хвалит Кази и помощника Мальцова; разумеется, Старка тоже. Полянский всегда был бестолков, суетлив, забывал приказания, отдаваемые им самим – короче, ерунда; но желал всё, что поручали делать. Теперь он болезненный.

Лавров думает, что сквозные пристани не мелеют, а у наброшенных скопляется песок, напри., адмиралтейская, минная и пр.

В 1/22 вошли в чудную Императорскую гавань и стали против поста. 10 человек ничего не делают, даже не ходят на охоту: Невод драненький, и рыбу получают от орочан, которых должны просвещать.

Тщетно искал в воде «Паллады». Обошел западную бухту и хотел осмотреть другую, но с моря начало гнать туман и мы поспешили в его объятия.

15 июля

Продолжаю плавание вдоль берега, уже без тумана. Вода и воздух стали той же температуры. Муштровал немного суда. Ставил паруса. Офицеры слабы; командир мой старателен и внимателен, но нет *feu sacre* [священного горения] и на береговом месте будет лучше.

16 июля

Плывем к Ольге. У Владимира мыс четырех скал, будто оторванных от материка, выходит на Владимир и Ольгу.

Опоздали. Пришли в Ольгу, по о. Чихачеву, в 8-и часам вечера, и когда я вышел на берег у поста, было уже темно. Тихая пристань была громкой и нелепой фантазией Попова, уверявшего, что её можно легче защитить, нежели Владивосток, и легче из неё вырубиться на внешний рейд. Где бы он устроил Адмиралтейство? У пристани мелко, а остальные берега обставлены вплоть горами; но главное – это значило бы предрешить, что силы наши на Тихом океане всегда будут ничтожны и прямо отдать Владивосток *au premier venu* [первооткрывателям]. И помочь ему нельзя было бы из Ольгинского центра. Подполковник Громкау с 160 человеками здесь уже пять лет, сам не знает, для чего.

В прошлом годе, когда начался Афганский вопрос, он не знал ничего. Если бы пришли англичане, он должен был бы отступить, не зная, куда идет, ибо наши посты не исследуют даже дорог внутрь.

В 1/211 снялись по направлению к заливу Америка.

17 июля

Вследствие дождя решил отложить поездку в р. Сучан и осмотрел только залив с бухтами Врангеля и Находкою.

В Находке было заведение уделов с хорошо платимым Фуругельмом. ничего не вышло и вместо удельного *Palazzo* [дворец] – на левом мысе фанза и могила Фуругельма.

18 июля

Ощупью прибыли во Владивосток к шести часам утра. Все в сборе, даже «Вестник». Ланг живехонек.

«Сивуч» ушел за Барановым в Речной и скоро воротился. Я сделал ему визит, чтобы поблагодарить за прием в Хабаровске и пригласил его, У и И на 22 число. Познакомился с комиссаром Матюниным и знаменитым Шевелевым. Взглянул на доки и был на «Джигите».

NB. На все свое время. Не следует задаваться невозможными задачами.

Теперь Южно-Уссурийский край, по преимуществу, политико-стратегическое место. Лучше, если он себя сам будет питать – и для этого следует развить в нем торговлю, привозную или отпускную – все равно. Это притянет людей предприимчивых и поведет к открытию неизвестных богатств – и тогда все начнет развиваться (развивается и теперь) и притянет нужное население. В будущем он станет портом всей Сибири и развитие его должно идти через стажи

1/ Владивосток и сообщение его с Амуром (прямо).

2/ Поселение около и промыслы, ограничиваясь Ольгою к востоку.

3/ Развитие гражданственности и законности.

Впускать нужно всех.

19 июля

Имел разговор с губернатором Барановым. Медоточиво высказывает убеждение, что в Петербурге и в приезжающих оттуда генерал-губернаторах нет малейшего понятия о здешнем крае, а мы, дескать, прошедшие его 20 лет назад по тайге, ясно видим, что для него нужно. Обычные жалобы на то, что мы не знаем, чего хотим. Но из устной болтовни губернатора Приморской области мне приятно было извлечь, без всяких намеков с моей стороны, мнение совершенно тождественное с моим: дать китайцам *di proprio motto* [собственную возможность] вкусить прелестей сообщения с морем и допустить их транзитировать не только по Тюмень–Ула, но через бухту Экспедиция. Обоих случаях мы остановим транзит, когда захочем. Лучше даже не соглашаться на транзит через реку, т. е. через Корею, а через наши владения.

20 июля

Пришедший здесь с Барановым по поводу разграничения мандарин У-чи-сан, неожиданно дал знать, что сюда приходит целая эскадра китайских судов. Наши уверяют меня, что китайцы упорно держаться своих воззрений и отвергают всякие интернациональные вежливости. Меня это тем более встревожило, что китайская

особенность эта весьма была бы некстати в предстоящий праздник императрицы. Перед отъездом за-город, в лагерь, я отдал приказание – в случае прихода китайской эскадры, сделать обычную первую вежливость посылкою офицера. Затем, если бы китайцы отказались от национального салюта, (что соответствовало распространяемому между манзами слуху, что Богдыхан позволяет только нам жить в Уссурийском крае, а край не наш), объявить им – допускаем стоянку их в порте, но затем совершенно игнорируем их; Баранова же хотим просить (по случаю болезни Фельгаузена) блюсти, чтобы не было китайских демонстраций.

Возвращаясь в город, я убедился, что местность за первыми высотами Владивостока так пересечена, что (зная её) защищать её нетрудно от вражьего десанта. Следуя далее, услышали выстрелы и, спустившись с горы к городу, увидели шесть китайских судов на внешнем рейде. Выстрелы были нашему флагу и от сердца моего отлегло. Мы встретили их по-европейски и по-европейски же они отвечали.

NB. По поводу визита китайской эскадры и дружественных отношений между У-чи-саном и Барановым, я изложу здесь мысли меня занимающие.

При компактности и тесной международности Европы, мы ощущаем живее все европейские вопросы и за них небрегем азиатские и откладываем их. Громкие отзвуки европейского мнения, лелея слух наших дипломатов – космополитов, воспитанных на иностранном молоке и равнодушных ко всему в России, исключая собственного положения. В наших интересах (ибо мы соприкасаемся к Азии на тысячи верст) вести преимущественно азиатскую политику. Нужно нам, чтобы Азия стала дипломатическим пугалом, и следует занять в ней направляющее положение[37]. Наш союз с Китаем больше по вкусу всем в Китае, нежели союз Англии с Китаем. Правительство той же формы. Народу в Китае не нужна иностранная торговля. Наша политика с Китаем из случайно-мирной, всегда ведущей к уступкам с нашей стороны и, в конце, вредных для нас действий Европы, должна перейти в прочно-мирную, зависящую только от двух правительств. Тогда и Япония пристанет к нам.

Но с настоящими дипломатическими традициями нашими ничего не поделаешь. Здешние агенты наши, следуя общей русско-дипломатической тенденции беречь только свою кожу и *faire leschoux gras* [самодеятельность], бездействуют, отскакивают робко от всех нарождающихся вопросов и секретничают с теми, кому секреты ведать следует[38]. (Недавний пример – совет Лодыженского Корнилову без пояснения причин). Так и будет, если не выделить Азиатский Д-т наш самостоятельнее. Вопрос проливов, пока он не решится, нужно отделить в общеевропейские вопросы (помня, что мы должны превратить его в Азиатский), а для всех остальных не европейских вопросов образовать учреждение, действующее совместно с двумя военными министерствами и не откликающееся соблазном европейских зеленых

37 Слева на полях впечатан текст: «Совершенно правильно»
38 Слева на полях впечатан текст: «Верно»

столов, где каждый выказывает свою способность говорить на отличном французском языке, а не соблюдать выгоды России, ему не сведомые[39].

21 июля

Принимал разные доклады по делам порта, клонящиеся к исполнению мысли моей увеличить здесь морские силы.

Все, слава богу, идет этою дорогою. Посылаю целую комиссию осмотреть китайские суда. Хороши по постройке и виду. Принимали дружественно и не сделали никаких затруднений следовать за нами завтра.

22 июля

Утром печальная новость смерть М-м Фельгаузен. Это не помешало нашему празднеству. Все китайцы – дипломаты и моряки – в сборе у меня на «Мономахе». Также представители всех сословий. Все шло хорошо благодаря флаг-офицерам Корнилова. Вообще я замечаю и убеждаюсь (читая приказы) в совершенно пригодности назначенного мною адмирала. Не мудрствует, а разумничает[40].

23 июля

Узнал, что отход Добровольца – «Ярославля» был всюду телеграфирован 29-го, а потом перетелеграфирован 24-го; призвал болтуна Терентьева, и, сделавши ему наставление, велел вновь отложить. Нужно сюда другого агента. Не имел инициативы нанять пароход вместо повредившегося «Владивостока» и послал «Кострому» с золотником груза в Петропавловск; а имел инициативу, в моем здесь присутствии (как говорит, основываясь на словах командира), ввести в заблуждение тех, которым Добровольные суда наиболее нужны. Необходимо перевести в Одессу.

Кончал местные дела и написал Чихачову всё, для чего нужно приготовить почву к моему возвращению.

24 июля

В 5 часов оставил Владивосток на «Джигите», весьма довольный, что случайность повела к всегдашнему моему желанию видеть этот отдаленный край. Дай бог, чтобы вышла из моего посещения польза.

В бухте Седеми посетили пионера-фермера Янковского, экс-ссыльного 1863 г. Попавши в золотую Аскольдскую горячку, он, по миновании её, <u>сел</u> на полуострове между Седеми и Славянкою, взял законных сто десятин и, после нескольких попыток, прилежно занялся скотоводством. Как пьяница своего дела, он выводил меня всюду, показал и жеребца воронежского, и арабского, и жере-

---

39 Слева на полях впечатан текст: «Верно»

40 Слева на полях впечатан текст: «Результаты показали совершенно противное, и даже довольно много грязных историй»

бят, и телят, и баранов. Бьет копейку со всего. Жалуется на отсутствие долгосрочного кредита и на то, как тягают прежде, нежели отведут в собственность законные сто десятин.

Туманы мешают. Надеется, что его мясу предстоит будущность, ибо корейская скотина в соседней с нами северной части истощается. Разводит и улучшает породы фруктов и овощей. Имеет доход от чучел и насекомых, посылаемых в разные места, от овощей, хотя пересылка их во Владивосток гадательна. Тигры иногда нападают на его табуны. Отрадно видеть трудящегося в поте лица *self made* [самодеятельного] энергичного, не изнывающего под временными бедами человека.

Сосед Гек, экс-китолов, каботажничает теперь на тендере и намеревается попытаться в Корею. Я поощряю его.

С отрадным чувством оставил я Седеми, обещавши Янковскому облегчить переезд его в Европу для освежения.

В море, соединившись с грозным «Мономахом», устремились в Посьет, он внешним путем, я – шхерами.

В 1/23-го фрегат стал против Новгородского поста, а я поворотил в Новгородскую бухту, скинул её взглядом и встал на мель там, где на карте глубина 24 ф. Чтобы не терять времени, отправился прямо в пост. Взобрался на возвышенный хребет, с которого увидел обе бухты, Экспедиция и Новгородскую, долину Янчихэ и городообразный Новокиевский пост с мраморным домом комиссара Матюнина. Под ногами были угольные ямы, а не копи, ибо уголь ковыряют с поверхности лишь для нужд батальона. Добывается мрамор. Много тигров. Батальонный командир говорил, что однажды, ехавши от мыса домой, наехал на целое стадо китов. Много рассказывают тигровых анекдотов.

25 июля

«Джигит» утром стоял уже рядом с нами, и ничто не мешало нам сняться. Выйдя из залива взяли курс на о. Мату-Сима.

Коротаю время, занимаясь с офицерами фрегата в служебном отношении. Есть порядок и серьезный командир, видимо, блюдет, чтобы и офицеры серьезно смотрели на дело. (Доклады, как в Петербурге)[41].

26 июля

1/ В бухте Провидения сложили уголь для наших крейсеров. Какой-то пароход взял его и, сторожа из чукчей, отплыл на Сандвичевы острова. Какое же крейсерство возможно?

2/ Может быть, запасных матросов можно привлечь к окрестностям Владивостока хуторами экипажем, которые упразднятся.

[41] Слева на полях впечатан текст: «От кого?»

3/ Чтобы отвлечь прилипающих к нам англичан, может быть, нужно занять дальний от Японского моря пункт в Тихом океане, действовать так сказать контрапрошами.

4/ На острове Гончарова склад угля для Добровольного флота, который может возить туда рис.

27 июля

Проходя Цусиму, которую могли бы иметь без затруднений в 60-х годах, велел гнать под всеми парами, надеясь точно определить скорость фрегата и мечтая выжать из него 16 узлов. После 3-х часовой гоньбы, бросил в отчаянии. Уголь скверный, при жаре нет тяги и кочегары отвыкли или, лучше, не привыкли управлять высоким паром. Временами только добивались 72 оборотов, а нужны 88 – и ход наибольший был 13 узлов.

Курьезно приближение к Нагасаки архипелагом островов к востоку и группою Гойто. По обеим сторона огни рыбаков в такой правильной последовательности, будто входящему уготована встреча. Вошли в Нагасакскую бухту в 2 часа ночи, пройдя вплоть под мрачным и кровавым Папенбергом.

Белобортная «Москва» здесь, и завтра конец моей томительной официальности.

28 июля

Губернатор приехал с визитом и предложил мне от имени правительства так называемый дворец, но я отклонил по болезни всякую церемонность и съехал на берег осмотреть вновь приобретенный нами дом для лазарета. Приобретением за 500 иен уютного домика (частию из старого пепелища) и снабжением его остался доволен, дал 50 р. и велел садить больше зелени. Он вплоть к консульству, на холме, в пункте, обвеваемом всем, что есть воздуха в бухте. Консул Костылев – русский, переродившийся в японца, будет охранять его.

Осмотрел доки и механическое заведение Соединенной Компании, так часто исправляющие суда наши. Компактно и уютно – все, что нужно для Владивостока.

Дал обед мономаховцам, благодарил их за приятные дни, проведенные на фрегате, и перебрался на «Москву», в *laisser-aller* [непринужденность] и комфорт, столь необходимый в моем состоянии.

29 июля

Был в исторической Иносе, по которой провожал меня не менее исторический Сига *of Ounkowsky`s memory* [из унковских воспоминаний]. Видел храм, где жил Унковский в домике, выдававшемся на двор, уставленный пушками, и наше кладбище. Всё застал в порядке. Внизу наше давнее место, нанимавшееся у Сиги, и теперь оставленное для более удобного около Консульства.

NB. Поручаю Корнилову избрать места (порты Китая и Японии, Филиппинские, на Борнео и пр.) для складов угля и выбрать фирмы. Американцы всех на-

дежнее. В мирное время у них преимущественно будем брать, а на военное нужно обязать их иметь пароходы, которые грузили бы уголь и выходили с нашими офицерами. Может быть в пустынных местах можно иметь склады на свой страх и в них грузить наши пароходы Добровольного флота и Р.О.П. и Т.

(Пропущен лист дневника 92, поэтому пропуск в датах с 28-го июля, – прим. ред.)

1-го августа 1886 г.

К 9-ти часам утра остановились у Кобе, большого двойного города: Хиого – Японского и Кобе – европейского. *La ville s'etend sur une plage bordée de quais et est adossec à une rangée de montagnes* [Город простирается на различных террасах и граничит с грядой гор].

Должно быть, жарко, как в пекле. Торговое место, перенявшее много у Нагасаки. Консульские флаги вдоль набережной. Наш, разумеется, отсутствует.

NB. Нужно бы избрать место на восточном берегу Японии, куда проникали бы наши пароходы Добровольного флота хоть бы за рисом.

К вечеру вышли в открытый океан и начали тереться по берегу в неизвестности, как говорил лоцман, как и куда было течение, а вообще оно у берега слабее. Легкий пароход страшно валяло *W* [западною] зыбью. В 5 часов утра я увидел усеченный конус Фудзи-яма. В полдень прошли место небывалого крушения «Дианы». К 4-м часам стали на якорь среди пароходов разных К°, соединяющий Японию с миром. Приехал в золоте консул Колемин – *un vrai predestine* [истинно предопределенный] и прощелыга светлейшая Ф. Витгенштейн. Все остальные в горах. Перебрались тотчас-же в *Grand-H tel* [Гранд-Отель].

2 августа

Утром не выдержали и катили в джин-рикиша по *japoniseries* [японским обычаям]. Были у знаменитого *Mussachia* [Муссачи]. Действительно, есть дивные произведения, но выделка требует времени, а японцы работают медленно.

Когда спала жара, поехали прокатиться по *Missisipi bay* [прекрасный Миссисипи] через *Bluff*. При въезде на него воткнулся в глаза английский морской госпиталь – <u>на лучшем месте в городе.</u> Та же жизнь, что в Гон-Конге и Сингапуре, только европейцы не разбросаны, а соединены на том же хребте. Есть и *race-course* [ипподром]. Возвращение было особенно интересно – чудные картинки. Всё будто искусственное, миниатюрное, деликатное. Не мудрено, что в такой природе японцы вежливы и, увы!, несерьезны.

3 августа

Знакомились несколько с городом и взобрались на северную из двух высот, господствующих над ним. Как *coup d'ocil d'ensemble* [общее обозрение] оригинально.

Жара страшная и выезжаем только по вечерам.

4 августа

Говорил с некоторыми интересными людьми. С Мендельсоном толковал о способе снабжения наших крейсеров. Нужно устроить депо, выбравши сначала места, и иметь для них общего агента из американских подданных. В случае объявления войны нанять пароходы, которые были бы в его распоряжении и к каждому депо (или к агенству) прикомандировать офицера. У него должны быть секретные запечатанные рандеву, и офицер должен отправляться с пароходом на пункт, в рандеву назначенный, распечатав пакет по выходе в море. Употребление на то собственных транспортов едва ли к чему послужит. Вопрос жгучий.

Был преосвященный Николай, знаменитый миссионер наш, 25 лет подвизающийся в Японии и успевший приобрести 12 т. адептов. Говорит, что православие распространяется преимущественно между мелкими дворянами и торговцами, людьми среднего класса, и принимается солидно, хотя японцы вообще индиферентны к религии. Человек ещё молодой.

5 августа

Был у меня поверенный в делах Шпейер, живший в Никко. Условились с ним насчет представления Микадо, человеку, по его словам, глупому, но *bien intentionnte* [благонамеренный]. Главнейшие деятели министры двора и иностранных дел – люди не просвещенные, но энергические. Вопрос о капитуляциях уже решен и наши авансы – отказаться от них, не послужили ни к чему. Они были сделаны, и японцы ответили, что до нас им нет дела, ибо у нас нет в Японии ни каких сношений, кроме политических. Важны англичане и немцы. И действительно, эти две национальности завладели Япониею, и первая, с свойственною ей дерзостью, властвует явнее.

Наше влияние, так сильное в 50-х годах, теперь низведено к нулю. Корейский вопрос, в котором Шпейер играл первую скрипку, так и застыл после первой нашей неудачи[42]. Некоторое значение мы можем возвратить только *faisant parade d'une force respectable* [считая парад респектабельной силой].

6 августа

Утром поехали в Токио. На пути виднелись в заливе *Iegdo* [Иеддо (Токийском)] все морские силы Японии, выведенные из логовища холеры ради. Со станции, где нас встретила вся миссия, отправились к графу Ойама, военному министру временно вместе и морскому. У него оказались вице-министры И.Д. и флота – так что мы познакомились без особых визитов. Ойама был в Петербурге; имеет вид раздутого мехом. Японский Влангали свободно говорит <u>все же</u> по-английски, а мы кое-как

[42] Слева на полях впечатан текст: «Верно»

протянули 1/2 часа. Обедня в духовной миссии. Взобрались по мосткам на строящийся собор. Будет красоваться отвсюду.

Уже 25 лет пр. Николай подвизается на миссионерском поприще и успешно. Кто-то будет после него? Помощники теперь не выживают долго за исключительно духовным трудом и просятся назад.

В миссии всё приготовили для нашего помещения в большом доме, пустом со времен Давыдова и ожидающем нового хозяина. Посольство выстроено красиво и крепко в маленьком садике перед громадным *champ de Mars* [марсовым полем], на котором солдаты вечно учатся, чтобы не выучится.

Решил перебраться на несколько дней в Токио. В Иокогаме мне делать нечего, а здесь есть интересные для меня субъекты. Таким тотчас же оказался Шпейер, малый умный и, кажется, деловой.

Вопрос о нашем протекторате над Кореею возник, когда после декабрьских беспорядков в Сеуле прибыла сюда Корейская миссия уговориться насчет контрибуции. Вторым посланником был Молендорф, прежде секретарь германского консульства в Тянь- Зини, не назначенный консулом по смерти начальника и оставивший германскую службу. Ли-Хун-Чан пригласил его и как вскоре Корея обратилась к нему с просьбою помочь ей устроить таможни по-китайски, послал в Корею Моллендорфа. Тот пошел на меньшее жалование, нежели получал у Ли-Хун-Чана, и отличался видимым бескорыстием.

Условлено было платить жалованье всем таможенным чиновникам из сборов. Моллендорф окружил себя авантюристами всех наций и платил им так точно, что иногда на его долю ничего не оставалось. Видимое бескорыстие расположило к нему короля, который (немец не дурак) отрезал ему целый уезд в Корее. В этом уезде бухта Унковского. В газетах начали толковать, что мы хотим забрать Квельпарт. Немец уже выпросил себе часть Квельпарта в надежде жать там золото, когда остров перейдет к нам.

В Чифу, к Кроуну явился Моллендорф и ярый агент нам в Китае Шнеур. Моллендорф предложил вместо замерзающего Лазарева незамерзающую бухту Унковского (сколько нам известно, открытую), говоря, что Корея уступит, а мы сначала выстроим там фабрику, а потом утвердимся. В Токио Моллендорф спросил Давыдова, нет ли известия из Петербурга на его предложение, и вновь повторил его. Давыдов потребовал письменного изложения, как, что и от чьего имени предложение делается. Моллендорф написал, что король, поставленный в два огня между Китаем и Япониею, желает протектората России и за это уступит тотчас известную местность.

В положении Моллендорфа – нельзя было ему не верить. Давыдов тотчас послал Шпейера для приобретения официальной просьбы короля и окончательного уложения вопроса. Шпейер был уже прежде послан в Корею разузнать о революции 79-го года. Он сошелся с Моллендорфом, просил аудиенцию у короля, добился её

и на этой аудиенции (официальной) не было ни слова о протекторате. Между тем у него были министры И.Д. и военный; слухи о затеянном протекторате разнеслись и Шпейеру министры сказали, что король никогда не поручал Моллендорфу вести подобные переговоры, что король на другой аудиенции подтвердил, но вечером прислал своего поверенного сказать, чтобы Шпейер тянул переговоры с министрами, а он, король, протектората хочет. Не поддерживаемый из Петербурга, где об инциденте в Чифу забыли (новое доказательство, что нужно особое учреждение для азиатских дел), Шпейер сказал, что переговоры тянуть будет до отхода парохода из Чемульпо, а тогда уедет.

Накануне отъезда в дом, где Шпейер делал прощальный визит, явился тот же поверенный короля и объявил, что ночью Шпейер получит обещанную письменную просьбу короля о протекторате, провел всю ночь со Шнеуром, который был послан из Китая помочь составить условия, на которых приняли бы наших инструкторов, и, тщетно прождав обещанного, утром уехал.

Дело кончилось нашим срамом. Моллендорф должен был уйти из Кореи и теперь у того же Ли-Хун-Чана.

Упорство корейских министров возбуждал Китайский посланник в Сеуле. Спрашивается: так как дело шло о проявлении нашего протектората только инструкторами, не вернее ли бы было сговориться с Япониею, жаждущею только, чтобы Корея не считалась вассалом Китая? И не устроили всю эту комедию Ли-Хун-Чан, чтобы выказать Японии, что если они не уладят Корейский вопрос между собой, то ввяжется могучая Россия?

Шпейер был козлом отпущения. Нашли, что он превзошел права, данные в инструкции Давыдова, уехавши из Сеула без спросу и постращавши, что после всего происшедшего едва ли прибудет в Сеул наш посланник. Туда послали однако же тоскливого и экономного Вебера, когда нужный кандидат – Розин – был под рукою, а его отправили бездействовать в Нью-Йорке.

На гулянье продолжал беседу, но по другому предмету – по японским реформам. Даймиосы вознаграждены пенсиями и придворными обязанностями. Один Суцимский князь, поднявший вопрос и думавший, что будет властвовать над Микадо, как прежний Тайкун *boude dans ses terres, qui lui sont en partie laisses* [ретируется в свои земли так часто, как паводки (на реке)].

Остальные довольны своей судьбой. Земли их розданы по частям пособникам реформы, к которым прежние фермеры Даймиосных земель стали в неопределенное положение. Отношения их не утверждены, и Шпейер видит неизбежность аграрного вопроса. Как иен опять стал иеном, он не мог объяснить мне и относит поднятие валюты к временным аферам правительства с рисом. Япония не может соперничать с Китаем в этом отношении, по дешевизне там производства. Когда риса урождается много, она берет подать рисом для войска вместо денег, скупает его по довольно высокой цене, фрахтует пароходы и продает с убытком для себя. Это будто поддерживает

ценность иена, ибо за продажу получается серебро, обеспечивающее бумажные деньги. Если так, то это прыгание на доске едва ли продлится. Микадо хочет во что бы то ни стало ввести известный блеск при дворе, на европейский лад. Его слушают ещё. Гр. Курода, с которым я любезничал в Владивостоке, в оппозиции; будучи человеком цельным и энергичным, он ценится поневоле, и теперь его послали путешествовать.

Капитуляции уничтожены вследствие соединенного действия Англии и Германии. Взамен того открывается вся Япония, нам это в руку, и Шпейер думает, что союзники ошибутся в расчете: Японцы уже начинают вести торг без посредников и совершенно выживут европейских купцов, только в сущности комиссионеров.

7 августа

Ездил в парк на берегу залива Иедо. В одном углу парка дворец, где жил великий князь Адексей. Роскоши нет, но богатые обои, ковры, циновки, а главное чистота.

Шпейер рассказал, как Гирсу попалось письмо, в котором Александр мешал его с грязью и как Сабуров в записке государю то же сделал. Отсюда, пока Гирс, примирение не возможно с Александром, а Сабуров не поднимается. Шпейер думает, что между англичанами и Ли-Хун-Чаном есть соглашение.

NB. Не забыть циркуляра-протеста.

8 августа

Шпейер рассказал, как преосвященный Николай возненавидел гр. Путятину за то, что та, приехавши в костюме сестры, тем самым выказала, что не будет иметь дела с высшим обществом, на что её Николай предназначал. Большой фанатик и с ним никто не уживается.

9 авгста

День представлений. В 10 ч. утра, после бесчисленных поклонов у входа в чисто японскую бикоку, меня ввели в один из внутренних её покоев и предложили курить. Со мною было шесть человек. везли нас церемониально, в придворных экипажах, по пекущему солнцу.

Микадо вышел в тронную залу и мы предстали пред его бессмысленные очи. Он был в гусарской куртке с огромным мечом, протянул мне руку и спросил, нравится ли мне Япония. Первое приветствие сделал ему я, пожелав благополучного царствования. Спрашивал о моем здоровье, жалел, что я не могу долее оставаться в Японии, на что я ответил, что весьма рад познакомиться со страною, когда она уже на прочном пути к прогрессу, и уверен, что все предпринятые е. в. реформы будут иметь полный успех и, при способности населения, сослужат искреннее сочувствие всех истинных друзей Японии, между которыми ближайший сосед её, Россия. Микадо спрашивал о здоровье государя, императрицы и наследника и вообще, как уверяет миссия, говорил гораздо более обыкновенного.

После аудиенции познакомился с гр. Ито, министром двора, *le grand faiseur* [великого созидателя]. Был у князя Комацу. Его не было дома, но нас приняла жена, в богатом японском костюме с двумя золотыми зубами.

Жена принца Арисугава, напротив, была напряжена, как кукла, по-европейски. Принц и главнокомандующий, и начальник штаба и ближайший советник Микадо – короче все.

К сожалению, не застали Ито дома.

10 августа

До 4 часов провел дома, а в 4 отправился в Иокогаму и тотчас же отправились на пароход. Поездку в Иокоско отложили, чувствуя большую слабость. Жаль, что не пришлось пройти на приготовленном для меня 19 узловом крейсере *«Naniva-kan»* [«Нанива»].

11 августа

Слабость помешала много видеть. Общее впечатление мое то, что всё виденное мною – какое-то представление, нечто вроде *quignolles* [кусков] Елисеевских полей. А, между прочим, народ задорный и его не тронь, хотя землица небольшая. А мы!

12 августа

Перед отходом получили пожалованные Микадо ордена. Какая разница с нашим способом презрительно раздавать знаки отличия. Осмотрел новый японский крейсер, один из двух, построенных Армстронгом. Могучее судно. Водоизмещение 3650, длинна 320′, ширина 46′, сидит 21′, угля на 10 дней полного хода на 18 узлов. Две 24c пушки в 35 калибров (Крупа), Шесть 15c (его же) – все на *Vavasseur*-овских станках. Гидравлическое заряжение, гидравлические штурвал и машинка для подъема якорей. Броневая палуба от 2" до 3" толщиною. Крюйт-каморы и погреба, можно сказать, особые для каждой пушки. Тьма Норденфельдов. По словам капитана, вовсе не имеет качки, если волна из передних половин компаса, но из задних валяло в океан 32° в обе стороны. 4 минные порта – шаровые. Грозное судно.

В 4 часа снялись и к 7 вышли в океан. Дай бог, чтобы в нем плавание наше было бы так же благополучно, как до сих пор.

25 августа

На 12 день плавания, в виду Сандвичевых островов, кладу на памятные листки впечатления тоскливейшего пути по истинно безбрежному Тихому океану!

Пока он оказался действительно тихим, но мотаться с боку на бок в течение почти двух недель не может быть приятно. Перечитал всю ерунду по Амурскому генерал-губернаторству, начал свою на ту же тему и таким образом, вперемешку с вистом, дожил до близкого окончания тягостного перехода. Ни одного паруса, ни

малейшего дымка на ясном горизонте. Нервное состояние духа вследствие полученного перед самым отправлением из Японии известия об изгнании кн. Александра из Болгарии и могущих произойти от того затруднений не покидает меня.

25 августа

На рассвете подошли к воспетому прежними моряками *Honolulu* [Гонолулу]. Выехавший лоцман тотчас ввел нас в порт, опоясанный коралловым рифом; но приехавший карантинный чиновник столь же поспешно выгнал нас на внешний рейд, где нас осматривали, окуривали, а главное – томили ожиданием до 9 ч. вечера. В гневе и для развлечения мы занялись ловлею акул, плававших вокруг парохода в большом числе. Хитрая рыба или мы не умели ловить. Две охватили приманки, но крючья разогнулись от первого усилия пойманных хищников.

Вечером съехали в *Hawaiin hotel* [Отель Гавайя] отдохнуть от 12 дневной качки.

Avant goût [примечательность] американских отелей – главное здание и несколько *cottages* [коттеджей], строгие законы о часах завтрака и обеда, ничего вне их и звони, сколько хочешь.

После завтрака шталмейстер короля *Hayley* [Гаулей], кажется беглый английский гусар прокатил нас к единственному *Sight* [виду] около столицы – *Pali* [Пели].

26 августа

Взглянул на парламент и стоящую перед ним статую Камеамеа I – богатырь в золотой мантии из перьев, какую он носил. Напротив дворца, куда мы явились в 11 часов в придворном экипаже с женою, так как королева выразила желание её видеть. Почетный караул встретил нашим гимном, и мы тотчас же были введены в присутствие его Гавайского величества – рослого детины негритянской породы, стоявшего у трона, охраняемого двумя гайдуками с громадными банникам из перьев. После словесного приветствия король (с алмазными знаками Александра) прочитал речь. Я отвечал пожеланием всякого благополучия Королю и его *Kingdom* [королевству], как он величал свои владения. За этим нас попросили наверх к королеве, на которую мы наткнулись внезапно. За японскою ширмою она сплетничала с фрейлиной... Началось представление, и даже разговор. Вдруг вспомнили урок. Королева мгновенно поднялась и перешла в другую комнату. *«Now the Qucen is ready»* [«Королева готова»], – сказал церемониймейстер, и сделавши несколько шагов мы увидели жирное величество на троне между тех же гайдуков с банниками.

О Батенбергском кризисе смутные вести. Здесь политикою не занимаются[43].

---

43 Слева на полях впечатан текст: «Счастливая земля»

27 августа

Королева прислала мне и спутникам ожерелья из цветов желтого цвета – *a high distinction* [высокой изысканности]. Присланная женщина облекла нас в царственные цвета, и мы с ними отправились по городу на пароход, где застали следы завтрака, данного капитаном. На нём присутствовали министры и наш друг шталмейстер напился, как подобает британцу.

В 6 часов оставили этот край марионеток. Перед отъездом некто *Margues* [Маркус] предложил свой взгляд на его будущность. Туземное население вымирает; у королевской фамилии нет прямых наследников; короля можно легко купить – почему бы России не завладеть островом? Теперь на это метят Япония или Португалия. Штаты будто не станут мешать. У политика русская невеста; через неё он будто сообщал о всем Гирсу.

30 августа

В час ночи снялись с якоря. В 5 утра был уже наверху и в свежести утра любовался узкостями.

Около часа по пополудни, извиваясь между островами, вошли мы в Симоносакский пролив, бывший владелец берегов коего, так недавно ещё стоял против всех флотов Европы, оспаривая у них право проходить во внутреннее море без его дозволения. Мы бежали по громадному, наполненному быстро меняющихся прелестей озеру. Озеро обставлено маяками и баканами, на нем сидят целые города. Гневный некогда, Симоносаки теперь смирно и покойно отдыхает на северном береге.

Скоро мы вышли на простор легендарного внутреннего моря.

31 августа

Несемся благополучно по указанию *Mr Smith'a* [М-ра Смита] норвежца-лоцмана, общего фаворита, с 12 узл. скоростью, казавшеюся мне несколько бешеною.

Обычная наша пароходная жизнь вошла в свою колею, будто мы никогда не оставляли парохода.[44]

4 сентября

После 8-ми дневного благополучного плавания, лишенного всякой занимательности, вошли ощупью в туманный С. Франциско, подверженный мраку подобно Владивостоку и производящий несмотря на то громадную торговлю. Бросили якорь против самого города. Никаких писем мне нет и наш консульский персонал, по обычаю, совершенно игнорирует Россию – не одного русского журнала. Болгарские дела пока en suspens [в подвешенности]. Князь возвращался, но ему сказали,

[44] Далее машинописный текст: «Центральный Государственный Исторический архив в Ленинграде. Фонд Шестакова И.А. №4, год 1883-1886. Копия». Рукописный текст: «Верно: Научный сотрудник Центр. Исторического Архива З. Королева»

что единственное средство избежать европейского кавардака – его отречение, на *quoi il a genercusement consenti* [которое ему щедро предоставили].

Завтра взгляну на город, а послезавтра, с божьей помощью, далее.

5 сентября

С утра завладел нами Консул.

Объехали весь С. Франциско, катавшись ровно 4 часа.

По Оларовскому, здесь нужен богатый консул, *non payé* [без оплаты], например, Нейбаум, а платные консульства должны быть в Китае.

6 сентября

Обедали у Нейбаума (вице-консула), разбогатевшего финляндца, китобоя прежде, ныне американского гражданина с русскою жилкою, вероятно, вьющуюся через посредство *Alaska C°* [компания Аляска], которой он вице-председатель. Она же арендует и наши Командорские острова. Я объявил ему, что на прежние условия мы никак не согласимся в 1891 году. Он высказал готовность изменить их в нашу пользу, но теперь встречается затруднение. Котиков начали бить на плаву в море. Американское правительство, опираясь на смысл трактата о продаже Американских берегов, считает Берингово море закрытым. Теперь схватило 2–3 английские шхуны в открытом море бившие котиков и присудило. Пожалуй, выйдет интернациональный вопрос. Тогда и мы можем настоять касательно нашей части Берингова моря.

7 сентября

Простились с «Москвою», около пяти месяцев бывшею нашим *floating home* [плавучим домом]. Консул Нейбаум, с некоторыми *coureurs* [корреспондентами] на *distinguscned forcigners* [уважаемых иностранцев], провожали нас. *Steam ferry* [Уважающие отдых] переехали в *Oakland* [Окленд], а там далее.

Мы свободно расположились в директорском вагоне, обязательно данном нам с кухнею, прислугою и пр. О переезде в один дух до Чикаго, при обыкновенном железнодорожном помещении, оказалось, нечего было бы мне и помышлять.

8 сентября

Ужасы Невады прошли мы ночью; в следующую ночь перескочили *Rockies* [Скалистые горы]. В промежутке пустыня, в которой, вставая рано, только и мог любоваться восходом солнца. Зато вдруг, ни с того ни с сего, город в 60–70 тысяч жителей – *Denver* [Денвер], возникший в следствии золотой горячки в смежных *Rockies* [Скалистым горам], с электричеством, конторами, и *tramways* [трамваями]...

9–10 сентября

...и со всеми признаками просвещения – и все это наделано грубыми не образованными, по-нашему, людьми. Прокатившись по 27-ми летнему Денверу, пришло на мысль, что американцы слишком торопятся исчерпывать свою природу.

Катили мы дальше и дальше, на миг любуясь мостами Миссури и Миссисипи, едва успеваю следить по карте, каким самодержавным штатом бежим по все смешивающим, не только соединяющим рельсам.

11 и 12

Какая-то одурелость охватывает вас. Все видишь, ничего не замечаешь и в конце 6-ти дневной гоньбы *You are not a viser man than you have been*[Вы не становитесь мудрее, чем были раньше]. Одним всесветным невеждой стало больше. Чикаго издалека дал знать о приближении к нему. Думали перевести здесь дух, но Чикаго деловой сумасшедший дом. Только визг трамваев и свист пароходов да гул паровозов. Просто хоть с ума сойти? и мы были рады добыть койки на *Fast-atltleontic limited* [неудобных скоростно-атлантических (поездах)]. В одну ночь промчались через *Buffalo* [Баффало] к Ниагаре, и мы, наконец, начали жить духом после автоматического 6-ти дневного одервенения.

13 и 14 сентября

Со временем последнего моего посещения много нового. Мы уже беспрепятственно прошлись по всему архипелагу островов и там *Luna, Goat, three sisters* [Луна, Козел, Три сестры] и пр. Правительство Нью-Йоркского Штата, по мысли *Duffrin*'а [Дафферин Фредерик], скупило всё смежное пространство у водопада и превращает его в парк. У самого водопада натянут паутинный мост. А город не разрастается; нет на месте ничего кроме дивных красот природы – а на это наплевать работнику-янки. Ему бы поработать и скорее нажиться, чтобы вкусить сладости другой борьбы – политической. Разумеется, переехав две пустыни, Тихий океан и *Far West* [Дальний Запад], я бросился с жадностью на газеты. Только и вычитал – назначение Каульбарса в Софию и *speech* [речь] королевы.

15 сентября

В 3 часа оставили Ниагару. Ночью не спал и смотрел, как все попутные города мелькали электричеством, устроенным высоко, как мне всегда мечталось.

Утром прибыли в старое мое логовище 57, 58 и 59 годов – *Clarendon hotel* [отель «Кларендон»].

Нашел здесь поверенного в делах барона Розина, приехавшего меня встретить, и лейтенанта *Cowler* [Коулс], присланного в мое распоряжение.

16 сентября

Webb [Уэбб] и *Cramp* [Кремп] тотчас явились. Странно, что меня не удостоили ни одним письмом. Пожирал русские журналы. Какие мужицкие действия болгарских революционеров обеих сторон. Во всех подробностях этого политического кавардака, только ответная телеграмма царя, прикинувшегося почитателем монархического принципа – Александру, уже не болгарскому, выдается смыслом и определенностью. Алексей в Париже. За маневры рескрипт Ванновскому *calqué sur le mien* [несомненно, подражающий мне]. Прибавлено только одно слово «неизменно» благосклонный, что, вероятно, заметят.

17 сентября

Осмотрел один из новых крейсеров Штатов – *Atlanta* [«Атланта»]. Расположение орудий, как на японском, с тою разностью, что 8" поставлены в носу и в корме по диагонали и для конечных оборон одна из 6» ставится в порт бруствера. Только рубка защищена 4" бронею. *C'est trop ou trop peu* [это слишком много или слишком мало]? На пробе 14 узлов. Британское вооружение (без лиселей). Вовсе нет минного вооружения! Машина (3500 с) при водоизмещении 3000 т. *triple expensim* [тройного расширения] 90 фуд. давления, слишком стеснена. Есть *farced draft* [принудительная тяга]. По контракту до 2", а достигли только 7/8". Мы проезжали в Бруклине дивным висячим мостом, под которым проходят суда под всеми парусами. Мост стоит 15 миллионов долларов.

Каульбарс встречает сопротивление.

18 сентября

Начал день *Cramp*'ом, строителем «Забияки». Соблазняют проектом 3000-тонного крейсера, способного иметь угля на 30 дней с 10-ти узловой скоростью, ходящего 20 узлов с *forced draft* [принудительная тяга] и 17 с обыкновенною тягой, при 17' углубления, с 10-ю, кажется, 6» орудиями. Давление 160 ф! Беру модель и схему с собой. Стоимость около 2 миллн. рублей. Беру также *dynamyte boat* [динамитную лодку]. Если удастся, конец не только броненосцам, но и минам (автоматическим). Начиненная желатином бомба попадает верно в 10 на 10[45] щит за три мили! *Cramp* [Кремп] уже строит для Зелинского-изобретателя. Правительство пришло на помощь 300000$. Нужно послать сюда офицера. *Barker* [Баркер] оказался автором *Barker's project* [Баркер-проект], строить нам флот крейсеров в кредит.

19 сентября

В 9 часов вечера перебрались на гиганский *«Gascogne»* [«Гascония»] и простились с нью-йоркскими приятелями.

[45] Небольшой рисунок от руки

20 сентября

В 8 ч. утра начали двигаться кормою из стойла № 42, в то же время из смежного тронулся пароход *Cunard-a* [«Кунард»] *«Aurania»* [«Аурания»], а из противоположного германского Ллойда «Эльба». Все мы идем в Европу, и результат будет интересен. Мы тихо двинулись вниз, любуясь статуею Свободы.

Narrows [берега] хорошо укреплены так же, как фарватеры у *Sandy-Hook* [Песчанных берегов]. Интересы дня составляло состязание с нашими спутникам. *«Gascogne»* [«Гаскония»] делает первый рейс и много ещё не в порядке. Несмотря на это немец скоро *duly droped astern* [как следовало ожидать, отстал]. Обогнать *Cunarda* было труднее, но к вечеру он сдал. *«Gascogne»* [«Гаскония»] стоит 8 миллионов франков и выстроена в *La Seyne* [Ла Сэйн].

21 сентября

Осматривал пароход. Может легко взять 1500 человек войска и много офицеров. По контракту должен ходить со средней скорость 15 узлов, что заставляет летом иметь 18-ти узловой ход. За это правительство платит 9.400.000 фр. на 52 рейса и за каждую 1/10 долю узла лишние 80 тысяч. Машина на высокой раме, не имеющей связи с бортом. В машинном же отделении три динамо-электрические машины. Паровая отдельная сирена, в которой маленькая машина ставит пар на известный промежуток времени и сирена гудит сама собою через этот промежуток. Рулевой привод – толстый стержень, идущий к румпельной машинке и открывающий её клапаны.

Много ещё не кончено и многое не удалось. Капитан говорит, что в клюзы попадает много воды – и это при 18 узловой скорости (при 18 узловой скорости!) *all told* [показано всего] 220 человек и 4 офицера.

Холодно.

23 и 24 сентября

Плыли мы безмятежно в нашем плавучем дворце, кормили нас на славу. Капитан *Santelli* [Сантелли], флота лейтенант, был в высшей степени любезен, но ожидания мои не исполнились. Я не нашел в нём офицера *au courant* [в курсе] всего, что в военном флоте происходит. Кое-что схватил от лечащего корсиканца. *C°* [компания] обязана на американской линии среднюю 15 узловою скоростью и дает командирам премию, если придут ранее установленного срока. Разумно ли это? Офицеры получают премии за целость груза, механики за экономию в топливе против положения. Все заинтересованы.

25 и 26-е

Самый пароход имеет много надстроек и лежит на боку при прихватившем нас в пятницу южном ветре. Пассажиры оказались моряками, не многие не явились к обеду.

Несмотря на качку, вставая рано, занимался составлением отчета о моем путешествии. Хочу убедить перенести центр тяжести нашей политики в Азию и там устроить против ненавистной Англии грозный союз[46]. Выполнимо ли? Можно ли будет убедить китайцев и японцев в нашем бескорыстном намерении соединиться с ними только для борьбы с Англиею?

Стараюсь доказать что нам ни каких завоеваний в тех краях более не нужно.

28 сентября

Ночью взяли лоцмана и в 7 ч. утра вошли в Гавр при свежем W (западном) ветре – и вошли молодецки. Поворот в *besein de l'Eure* [бассейн Лауры], по-моему, беспричинно узок. Разумеется, нам помогали буксирные пароходы с носу и кормы; но и при этих условиях нелегко было возиться с пароходом в 510 фут длинной, парусившим своими надстройками. Тотчас явились Алексеев, Макаров, стоящие с корветом в Бресте и командиры миноносцев, выстроенных Норманом. Пришел и сам *Normand* [Норман] и директор *succursale Forges et chantiers* [филиал «Форджес и шантье»] с просьбою посмотреть японский крейсер. От всего отказался по усталости и после 4-х часового пролета по чудной Нормандии, мы были в *Bedford hotel* [гостиница «Бедфорт»].

И так полугодовое скитальчество наше по морям в разных климатах кончилось. Не могу не обратиться с благоговейною мыслию к милостивому творцу и к моей покровительнице Наде.

29 и 30 сентября

Вот уже 4 дня, как мы в Париже. Чихачев доложил государю, что я хотел бы здесь отдохнуть, на что последовало дозволение. Великий князь Алексей *fait la chasse buissoniere à Biaritz* [охотился в Баарице] и не смотря на то, что его тотчас уведомили о моем прибытии, не отозвался ни словом.

Известие о России, по моей специальности, не представляя ничего, что могло бы расстроить меня, так неопределенны, или, лучше, я так не доверяю им, что начинаю опасаться, все ли благополучно. Политические известия положительно тревожат меня. Каульбарс объехал всю Болгарию, и до такой степени общее мнение оказалось против наших требований, что в собрании выбрано громадное большинство за настоящее правительство. Пожалуй, собрание вновь изберет Сливинского героя. Мы никак не можем остаться перед такою неудачею в глазах востока и самой Турции, с которою, по-видимому, дружим. Не знаю, что посоветуют государю, и послушается ли он советов. Может быть, с пресмыкающимся министерством И.Д., привык уже сам решать внешние вопросы. Если бы я был на месте, посоветовал бы тотчас занять весь Бургасский залив. *Ca serait autand fait* [Можно было бы многое сделать] – под предлогом наблю-

46 Слева на полях впечатан текст: «27 сент.»

дения не возникнет ли междоусобия. Так в Бургасе и остался бы – а с Портою можно сговориться. Пока все молчат. Бисмарк держит Австрию и даже Англию, желая *étre dans nos bonnes graces* [желая нашей благосклонности] именно теперь, когда во Франции заметно освежение идеи о *revanche* [реванш]. Зимою едва ли кто решится на войну, а мы можем высадить корпус теперь же и до весны утвердиться в выгодном условии для всех будущих переговоров. Не знаю, приходит ли это кому в голову в Петербурге.

1 и 2 октября

По приезде мне придется тотчас обратить внимание на действия по вооружению кораблей артиллериею, на приготовление трех броненосных фрегатов, на вопрос о миноносцах, на нашу броню для «Нахимова» и на устройство средств для крейсерства в случае войны. К этому присоединится владивостокский административный вопрос. У меня сильное желание 1/2 построек, для скорости и большей уверенности в успехе, производить за границею.

Был у Греческих величеств. Согласно ожидания, королева выразила неудовольствие, что нет адмирала и даже просто указала на Назимова. «На коленях отвечаю в. в. – ни за что в мире, – возразил я *brutalement* [жестко]. – Прежде, нежели послать адмирала, нужно иметь его». Король заметил, что не следует мешаться в чужие дела; но, кажется, мои бумаги стоят низко у их греческих величеств.

5 и 6 октября

Ведем скромную парижскую жизнь, т. е. планируем.

Был у Николая Лейхтенбергского, несколько, по-видимому, оправившегося. Едет на Мадеру для своей падчерицы и просил дать ему средства для переезда. По сношении с великим князем назначил для этого «Донской». Дули страшные ветры и «Витязь» зашел в Ферроль «исправить повреждения в такелаже».

Смотрел лодку, сидящую 0,600 м. с 6" коротким орудием и 2-я скорострельными. Дно[47] ..., конечно, чтобы вода лучше бежала на оба винта. Котел и машина на палубе, ибо, разумеется, трюма нет. Защиты никакой.

Что меня наиболее интересует – это проект Морского министра ускорить постройку судов, именно произвести в 4 года – в зачет морского бюджета на 15 лет. Украл у меня мысль; Но здесь нашли капиталистов, принимающих сделку на себя, а у нас!!!

9 октября

Познакомился с министром – реформатором *Aube* [Аубэ]. Ему нужны только миноносцы в 33 метра (наши находит слишком большими), *canonniéres affuts* [канонерские лодки] с 14 сант. орудиями и *obus torpilleurs* [торпедными аппаратами] и быстроходные *abusos* [(сами) аппараты].

[47] Рукописный знак не распознан

Во всяком случае, пунктик *Aube'* а принесет пользу Французскому флоту.

10 октября

Половцев, также как и я, думает, что неудача в Болгарском вопросе может быть полезна в том отношении, что остановит от личных произвольных взглядов и действий в международных вопросах. Дис уверяет, будто виделся с Черчилем при проезде его здесь в порыве противоречия, сказал ему: «Никто в России не думает о занятии Константинополя, но иметь там морскую станцию нам весьма желательно», – Черчил ответил: «Это другое дело». – А Половцев прибавил: «Пока того не добьемся, будем строить вам всякие шиканы в Индии».

Ленивый Алексей решил, что вовсе не поедет в *St Nazaire* [Сент Назер] и приедет прямо сюда в четверг.

11 октября

У Николая Лейхтенбергского встретил Коцебу. Вопрос о после *est dans une bonne* [хорошей жизни] но *Freycinet* [Фрейсине], помятуя, что военные действовали неправильно, не хочет посылать военного, а щирого дипломата.

12-е

В 10 ч. утра отправился *St Nazaire* [Сент Назер] взглянуть на крейсер.

13-е

В 8 часов утра принялся за дело. Верфь нанимается у правительства. Мастерские все на гидравлике. Наш крейсер рядом с *Tage* [«Тэйдж»], который строят для правительства и спустят 27. Работа у нас весьма отчетливая. Орудия станут хорошо, и я велел прикрыть передние баком. Первая деревянная обшивка вся тиковая и держится на заклепанных цинкованных винтах. Наружная подводная *Pitch pine* [смолистая сосна] на медных винтах. Броневая палуба и переборки весьма тщательно пригнаны. У непроницаемых переборок не достает поперечного сечения. Особенно понравился мне проект крейсера в 3600 т. с крытою батареею и выступами для станков *Vavasseur'*а [Вавассер]. В 12 часов переехали в *Nantes* [Нант], где осмотрели машинное отделение С[48]. Наши машины в ходу, но жаль, что топки не из желобчатого железа. Котлы диаметром 16'. Воздушные насосы, вместе с донками, приводятся в движение особыми машинами. На стапелях шесть миноносок (всё цинкуется) и *Contre-torpilleur «Ouragan»* [контр-миноносец «Ураган»] в 25 узлов. Просто цилиндр с *suitables* [удобными] оконечностями.

В полночь возвратились в Париж. Памятник «Славы» открыт в Петербурге с большою торжественностью. Алексий один не был!

---

[48] Так в тексте

15 октября

Великий князь Алексий оставил, наконец, Капую и перенес свою резиденцию в Париж. Он принял меня вместе с Коцебу. В течение разговора я вставил мое удивление, что он не присутствовал при открытии памятника «Славы», прибавя, впрочем, что памятник этот вырос как-то внезапно. Тем не менее, отсутствие брата государя, принимавшего участие в войне, не могло не казаться странным. Весьма грустно, что Алексий совершенно удаляется от царской семьи. Никто не пишет ему даже о таких фактах, как болезнь наследника.

Вопрос о возобновлении сношений с Франциею через послов, наконец, разрешен. В Петербург назначен посол из Мадрида *de Laboulaye* [Дэ Лабуле]. Говорят, *un home trêsloyal* [очень мягкий человек]. Сюда, кажется, возвращается Моренгейм.

В Варну послали «Меркурий» и «Забияку», будто для покровительства нашим подданным; нам предстоит нелегкая задача. Мы объявили, что считаем собрание незаконным; собрание и Европа соглашаются выбрать князя по нашему указанию и мы не хотим оккупации. Как выйти из вопроса, не противореча себе и не затевая по упрямству затруднений, которые могли бы привести к пагубным для мира последствиям?

17 октября

Послал Алексию проект моего отчета государю о путешествии. Не знаю, когда ответит.

18 октября

В 8 ч. утра отправился в Гавр. Мы подъехали прямо к «Рынде». Корвет в наружном порядке, но вспомогательные механизмы так неисправны, что задержат две-три недели. Взглянув на корвет (достигший на пробе 14,8 узла), севший по обычаю глубже, отправился осмотреть артиллерийское заведение *Forges et chantier* [инженера Форжа]. Нашел много пушек для Испании, а главное (что меня больше интересовало) станков *Vavasseur*'а [Вавассера]. Пробирает дрожь, что у нас взялись делать их.

Со мною ездил великий князь Александр Михайлович. По-видимому, интересуется всем. Обедали вместе.

К 12 ч. возвратился в Париж.

Адмирал *Jorêguiberry* [Жорегиберри] (*ex*-министр [бывший]) во главе Гаврского отделения или в совете управления и сам старик *me faisait les honneurs* [оказывает мне почести].

21 октября

Простился с Алексеем, намереваясь отправиться послезавтра. Поручил передать государю, что будет к 4 ноября. Я, с своей стороны, просил его преподать нужные наставления Александру Михайловичу. Обещал прочитать ему нужную рацею.

Не перейти ли нам от 6 ф. прямо 10 ф. скорострельным?

Spar-Deck [спардек] на французский крейсер или увеличить бак? Проект *Normand* миноносцев, блиндированных и с выпуклостями для метания мин.

22 октября

Как всегда, перед отъездом много дел, много личностей пожелали меня видеть, между прочими – в. к. Александр Михайлович, видевшийся уже с Алексием и, вероятно, выслушавший от него нотацию.

Надавали много проектов, но Катков уверяет, что двухсотмиллионный дефицит, следовательно, надежды мало ускорить судостроение.

23 октября

Утром выехали из Парижа, в этот раз послужившего мне местом отдыха. Благослови Господи на труд и службу моему доброму государю. И ты, Надя моя, благослови меня на перепутье. Прими мои молитвы на могиле твоей.

24 октября

Утром отдал сердечный мой визит на Баденском холме. В этот раз уже я предстал перед тобою, друг мой, хилеющим старцем. Судьбы божии неисповедимы, но если суждено соединиться с тобою, будь моей заступницею...

25 и 26 октября

Желая прибыть в Петербург по возможности бодрым, решился ехать только днем: В Берлине. Посол был в отсутствии (по случаю открытия в Петербурге памятника «Победы»).

27-ое

Провел в переговорах с Доможировым.

29 октября / 10 ноября

Прибыл на границу, где застал всё, как желал, т. е. встретил курьера, особый вагон и пр. Но со стороны таможенного ведомства то же подозрение к министру, что и к *commis-voyageur* [комивояжер]. Рыли, осматривали. Странные порядки. Мы объехали весь свет; везде делали самым любезным образом исключения, не только мне, но всем бывшим со мною, а в Российской империи подвергли подозрениям.

30 октября

На пути пробегал присланные мне бумаги и документы. Значительно облегчили мне усвоение всего, сделанного в мое отсутствие, сжавши каждый по своей части, все распоряжения и исполнения. С радостью встретился с моими сотрудни-

ками. Чихачев болеет. На первых же порах становлюсь *executeur des hautes oeuvres* [палачом], рублю голову Гейкенгу.

31 октября и 1 ноября

Являлся к государю. Посадил и довольно долго говорил, несмотря на то, что ждали многие в приемной по случаю обычного по пятницам представления. Обыкновенно любящий говорить со мною о разных вопросах, в особенности о Восточном, государь упорно молчал о Болгарском. Молчал и о случае с «Рындою», вероятно, чтобы при первом свидании не наговорить мне неприятного. Императрица по привычке была очень любезна.

Просил позволения представить мои заметки о Сибири и, возвратившись домой, тотчас послал их, чтобы услышать критику в будущий понедельник.

Рано в субботу (1 ноября) пошел на «Ильине» в Кронштадт. Ходу почти добились и, наверное, добьемся, но недостаток, в его категории важной, это высота над водою.

В Кронштадте осмотрел стенки (успешно) и крест-канал (славное место для миноносцев).

2 и 3 ноября

Государь возвратил мне записку в воскресенье, с пометками, а при докладе особенно налегал на верность взгляда моего насчет азиатской политики, «что не раз занимало его». Кроме пометок на записке, была приложена записка.

Умер А. Н. Головнин и с ним, конечно, распустился кружок не – государственных людей, а государственных сплетниц, кумушек или, вернее, приживалок, не будирующих открыто, а сочиняющих разные разности в ущерб настоящего и восхваление прошлого.

Записку велено послать Ванновскому, Толстому, Островскому, Гирсу и, по-моему, предложению Абаза. Несмотря на то, что спросил на докладе, нет ли рапортов от командиров «Забияки» и «Меркурия», и на то, что, прочтя принесенный мною рапорт «Забияки», велел напечатать его в Кронштадтском Вестнике, государь ни слова не промолвил о Болгарском вопросе.

4 и 5 ноября

В Комитете Министров застал остатки или, лучше, следствия сахарного вопроса. Государю доложили, что, решивши против нормировки необходимо сделать что-либо не в угождение нормировщикам, а из опасения, что и они могут быть правы и пострадает государственный доход. Кажется, государь увидел не должное влияние Абаза, решившегося стоять за нормировку, хотя до сих пор уклонялся от сахарных вопросов, как заводчик.

Доказательство деликатности мозгов Головнина. Ко мне явился молодой Соломон с конвертом под черною печатью. Адрес был написан четкою рукою *faiseur*'а

[отправителя]. Я нашел в конверте мои последние письма и узнал, что он сделал то же со всеми, вероятно, рассчитывая, что по смерть его все запечатлеют и что некоторые письма могут компрометировать авторов. Был у внимательного усопшего на панихиде.

В Комитет опоздал и ушел тотчас по закрытии заседания, чтобы избежать фарисейских приветствий.

6 и 7 ноября

Своеобразие или, лучше, безобразие официальной Петербургской жизни. После панихиды по Головнине – бал в морском училище, затем похороны Головачева, умершего скоропостижно за пасьянсом. Жил, шутя и умер, будто шутя. Государь был на похоронах. Он шутливо же вспоминал Головачева при докладе. Индиферентизм ли это, свойственный слишком выделенному из смертной среды положению, или *une juste appreciation de la valeur du defunt?* [Справедливые почести умершему?]

8 и 9 ноября

Озорничали в Болгарии и в тоже время трубим, что никак не хотим оккупации. Получили чего желали. Каульбарс вытравлен из Болгарии и за ним выехали все наши агенты. Гирс (да и я) недоволен, что Каульбарс избрал для возвращения константинопольский путь. *Encor de la politique parallele* [повторяя параллельную политику], как при Людовике XV. Теперь Ванновский говорил мне, что советовал не посылать мне Каульбарса. Говорливый Жомини из болтовни своей дал понять мне, что министерство И.Д., довольное поведением Каульбарса, когда тот привез письмо государю, *a suggére l'idee de l`envoyer en Bulgarie* [с предположением отправить его в Болгарию]. В Берлине Павел Шувалов, говоря, что Каульбарс был в его штабе, звонко постукивал себя по лбу. *A qui donc la faute? Qu manque de c...cheы tout le monde* [Кто виноват? Кто справится с... каждый]

Гирс фарисейски благодарит меня за записку, хотя я бросил камень в его огород и почти прямо выразился, что в Азию, где требуется политика *vigoureuse* [энергичная], посылают агентов, жаждущих только большей пенсии или копящих деньги.

12 ноября

Гирс рассказывал мне некоторые подробности болгарской драмы. В Франценсбаде они условились с Бисмарком отстранить Батенбергского от дальнейших попыток. Бисмарк написал его отцу, телеграфировал самому Александру и дело, казалось, на мирном ходу. В Берлине, куда оба министра последовали почти единовременно, Бисмарк встретил Гирса словами: *toutes nos combinaisons sont renversees; lisez-ca* [все комбинации поменялись местами: прочтите-ка], подавая ответную депешу государя на жалостливое обращение к нему Александра *qui deposait sa couranne aux pieds de SM* [который положил свою корону к ногам Его Величества].

«Заговорил самодержец», – прибавил Бисмарк по-русски.

Между тем государь, упорно молчавший со мной о болгарском вопросе, в прошлый понедельник должен сказать мне, как распорядиться с «Меркурием» и «Забиякою». Утешение Гирса и вопреки желания Каульбарса, он велел разоружить суда и вместе спросил меня, нет ли от них рапортов? Я захватил с собой донесение «Забияки», не мудрствовавшее лукаво. Государь оставил у себя и вскоре вернул с желанием, чтобы его в извлечении напечатали в Кронштадтском Вестнике. Я послал Гирсу, что он найдет нужным выпустить.

А Каульбарс все-таки поехал в Константинополь и на замечания Гирса, что это не хорошо, царь ответил: «Не все ли равно, как бы он не возвратился».

13 ноября

При встрече с великим князем Алексием, приехавшем вчера из Парижа, я был удивлен отзывом его о княгине Мингрельской. Никогда ещё он не позволял себе отзываться так о женщине. Кто мог посоветовать государю выдвинуть подобную кандидатуру на Болгарское кресло? – спросил он. Я уже несколько раз говорил великому князю, что присяжные охранители царя – его братья; *mais il fait la sourde oreille* [но он глух]. Как бы то ни было, в назначении кн. Мингрельского, как говорят знающие его, самого бессовестного *chenapan* [негодяя], можно только видеть аргумент православия, следовательно, влияние Победоносцева. Боже! сохрани доброго государя нашего от этого влияния узкого фанатизма.

17 ноября

Вследствие поданной мною записки об Уссурийской области государь назначил совещание: представитель в.к: Алексий, Ванновский, Гирс, Толстой, Островский и Абаза, которого я ввел, как звено с Бунге. Мой вопрос кончается деньгами; следовательно, Абаза, как государственный человек, решит, важен ли вопрос, и раз это решивши, уже труднее ему будет стоять за экономическую сторону. Между тем он будет польщен участием в совете. Бунге не обидится, ибо зачем звать на такой совет присяжное финансовое нет.

24 ноября

Назначения Вышнеградского в тайный Финансовый Комитет произошло вследствие желания государя иметь противовес влиянию Абаза, делающего по финансам, что захочет. Казалось бы, первее всего нужно сменить министра, которого подозревают поддающимся нежелаемому влиянию; но Бунге ласкают и о смене помину нет. Вдруг оборвется, как с Набоковым. Островский всегда отзывавшийся о нюхе государя, сомневается теперь если в нем *the staff of a futur great Emperor* [основа будущей Великой империи]. Я избежал прямого ответа, указавши на то только, что подобные действия не суть проявления византизма, а горячего желания узнать

истину или истинно-нужное, балансируя разные свойства и способности в том же учреждении. Скажу только, государь проводит слишком много времени в семействе, среди детей.

Доклад был бесцветен. На обратном пути жаловался Алексию на его снисходительность к разным просьбам о приеме в училище и упрекал его в невнимании в праву определять на 10 вакансий *by favour* [по милости].

Увидел, наконец, Мингрельского, бывшего сегодня дежурным. Желающие пронизать вас глаза.

26 ноября

Георгиевский праздник. Генерал Соболев, сосед мой за обедом, говорил с Каульбарсом. В болгарских войсках совершенная анархия. Виддинский комендант, на предписание военного министра об аресте его на 10 дней, отвечает, что он арестует министра на 20. Попов, Софийский военный начальник, узнавши, что регенты и министры рассуждают, как бы удовлетворить Россию, врывается в присутствие и грозит размозжить голову тому, кто заговорит об уступках России. Производство к новому году, по словам Каульбарса, произведет восстание в армии. *Il faut de pourtant rabattre de beaucoup les preuves de Kaulbars qui a donné prevue de son mangue de percpicacité* [Надо, однако, опровергнуть многие доказательства Каульбарса, которые он представил по своей близорукости].

1 декабря

После доклада отдал государю историю Гардкотного Экипажа, выведенного из забвения путешествием великого князя Владимира (ему тоже послал) и приложил к ней сатирические стихи, в которых упоминается о капитане Кудрявом, единственном представителе гарткотов во время моей юности. Государь подарил мне новый английский карандаш. Я благодарил и прибавил, что с этих пор, наверное, не буду забывать записывать его приказаний и как раз забыл на докладе спросить, можно ли исправлять «Меркурий» – так что послал записку Алексию, чтобы тот спросил за завтраком.

Островский поднял мой пыл рассказом о таганрогском деле. Мирской доложил государю об административной неурядице Азовского угла, играя, разумеется, на струне опасности по поводу предстоящего царского визита на Дон. Государь собрал совещание из Ванновского, Островского, Победоносцева, Манасеина и Толстого, ничего не решил, но выразил, что желает слияния. Ванновский остался позади, что-то продолжал говорить с царем и вынес повеление образовать комиссию Косаговского. Теперь все считают, что дело решённым, а мне *la moustarde est montee au nez* [горчицы в нос] и я решился написать царю.

Все говорят, Абаза уходит. Жаль. Падает уровень интеллигенции правительства, что поведет не к революции, к индеферентизму народа к проявлениям какой-то детской власти.

Мой план занять денег для постройки желаемого царем флота у самого царя.

3 декабря

Долго говорил с Корфом о сибирских вопросах. По-моему, монополия на 15 лет не только не страшна в том крае, но не есть монополия. Предшествующий опыт доказывает, что на китовый промысел у нас нет охотников; на снабжение диких охотских пунктов тоже; всё являет, что в восточной Сибири, по берегу, предприятия не растут, как грибы. Если находится человек, который на предприятия, готовый проложить к ним дорогу, что за беда, если ему дадут монополию? Доктринерство хуже всего. Нет закона без исключения.

Б. Корф, вероятно, узнавши, какой дует ветер, уверял, что Абаза мил с ним, потому что у него, Корфа, в кармане доказательство, что Абаза когда-то хапнул 150 т.

Решил сделать всё, чтобы повернуть Таганрогско-Донское дело, и написал государю письмо, препроводив ответ мой Военному Министру. Страшна стала подобная мера перед самым путешествием на Дон царя и его наследника.

4 декабря

Государь возвратил мой ответ Военному министру с надписью.

6 декабря

Наследник был очень любезен при поздравлении. Оказалось, обещанный портрет заблудился. Дан другой, в мундире Гвардейского экипажа, с надписью.

Когда я спросил мнение величественного М.И. Черткова о Таганрогском деле, подошел Победоносцев и объявил, что государь говорил с ним о моем взгляде, выразился, что из него может выйти что-нибудь; а когда я поощрял Победоносцева защищать <u>наши</u> взгляды (либо они схожи), он отвечал: «Я не приеду, чтобы не нажить врагов». Государственный не человек, а <u>критик</u>, только подстать к Каткову. Дома я нашел его мнение, которое Ванновский отказывается представить в совет, как идущее в разрез с решением государя. Послал в воздаяние свое мнение и сказал, что государь дозволил мне защитить его.

12 и 13 декабря

Совещание у Военного Министра по Босфорскому (вопросу) делу, мною оставленному перед отъездом из Петербурга, но всё же нужно готовиться. Черноморскому флоту задана отныне цель – при благоприятных обстоятельствах быть в состоянии захватить море на 8 дней для занятия верхнего Босфора. Нужно все так и вести. Я возымел удобную мысль – бота и паровые шлюпки назначено хранить в Одессе и Севастополе. Нашу долю – 10 шлюпок и 4 бота – хранить при инженерном складе, а в Одессе при артиллерийском складе с прибавкою наших техников. Таким образом, всё приготовленное впадет в заведенный уже порядок.

Говорили о произведенном в августе примерном десанте в Гурзуф. По-моему, большая часть вины наша. Назначили бабушку Григораша. Первое употребление флота доказывает, что Черноморцы не просыпаются ещё. Нужно выписать Пещурову. Хороши сухопутные. Казаки забыли седла в десант. В не назначении адмирала виноват Чихачев.

Вообще мне предстоит за зиму: 1/ Увеличить Китайскую эскадру (что я уже начал делать посылкою «Дм. Донского» в Тихий океан) и выхлопотать на то и на лишний рейс добровольца 700 тыс. Вместе с тем иметь аванс в 3 милл. 600 т., чтобы постройка кораблей в Черном море не прерывалась. (Желательно опять заложить три). 2/ Из остатков от 8 мил., ассигнованных на Босфорский вопрос, выкроить на яхту – десантное судно. 3/ Решить с Обуховским делом, 4/ Принять живое участие в Таганрогском вопросе; 5/ Всё приготовить к поездке в мае в Черное море, к возвращению и участию в действиях всех эскадр здесь.

Этого с текущими делами, из коих многие важны для флота, довольно.

12 числа Абаза был у государя. Знаю только, что из опасения быть не утвержденным к 1-у генваря, он просил увольнения. Чем кончилось свидание, ещё не ведаю. Знаю тоже, что государь был очень недоволен вмешательством его в вопрос о нормировке и бранил его на кануне того понедельника, в который я просил о назначении Абаза в совещание. Кстати или не кстати, говоря о помещении в Кронштадтском Вестнике дисциплинарного дела и находя это излишним, государь прибавил: «Я вовсе не согласен с теми, которые требуют ускромления прессы». Конечно, это относилось не к Рыкачеву, а к дерзкому счастливцу Каткову, грызущему всех и, в свою очередь, попадавшему под зубы каждого. Этот непогрешимый Катон, утверждают в финансовом мире, где все знают, напал на Бунге не потому, что тот плохой министр финансов, а потому что Бунге отказал взять в казну лицей царевича Николая. Вышнеградский же дал ему 400 т. под залог здания – отсюда он хороший министр финансов. Мы же дети и на нас сильно действуют симпатии и антипатии. Уверили, что Абаза хочет дойти до того, что ему не удалось сделать *par un coup de politique* [политический ход] разорением России. Мы никак не можем отделить человека от способного слуги государству. Я не дам себе отрезать голову за Абаза, но он бесспорно умен, опытен и честолюбив. С голубой лентой и даже с канцлерством впереди, он будет распинаться, притом умниц у нас мало. Другая жертва смешивания слуги России с человеком, жертва, которую, сознаюсь, трудно не принести в жертву, – так он гадок, этот Анненков. На него насчитывают 3мил. и хотят его доканать, а, между прочим, железная дорога до Оксуса через Мерв сделана в 11/2 года и по ней потянулся уже Бухарский хлопок. Дундуков говорит, что вести эту дорогу далее на Самарканд глупо, и я того же мнения. К Оксусу подвезут товар и без того и назначенные деньги лучше употребить на продолжение дороги до Красноводска, не оставляя её притыкающуюся в измышленный Анненковым порт в Михайловском заливе.

14 декабря

Посланный в субботу журнал совещания государь возвратил с надписью «исполнить». Теперь нужно действовать. Кажется, я представлю записку министру финансов и государственному контролеру с резолюцией царя вследствие якобы происшедшего совещания, и потребую средств: на увеличение эскадры, лишний рейс Добровольного флота и на ускорение построек (при этом докажу, что перерыв в работе будет дороже стоить). Понимая настоящее положение финансов, я не прощу дальнейшего экстраординарного кредита, а требую накладки на бюджет всего проданного, изъятия от пошлин и проч., что делалось прежде, когда кредит был нормальный. Вместе укажу, что делается у других. В конце прибавлю, что обращаюсь не к министру финансов, а вообще к министру. Хочется сделать это скорее, чтобы новый министр застал уже дело на столе.

15 декабря

На докладе государь сказал, что в Киеве в артиллерийском кружке вновь открыли преступные действия и что в них замешан наш мичман Чернецкий. Какое упорство! Это доказывает, однако же, что не вселяют в училище иного духа; да и сделать этого, чрез постоянное наблюдение, Арсеньев не может, ибо слишком занят придворными отвлечениями, слишком радеет о собственном семействе и вдобавок встает, как кокотка, в полдень. Островский говорил с Петровым о моем намерении не прерывать кораблестроения на счет уделов или министерства двора. Петров отсоветовал, а Островский говорит, что устроит дело с Вышнеградским, лишь бы тот ясно видел, чего я хочу.

16 декабря

Перед К-м министров исповедовал Абазу. Уверяет, что едва ли царь в свое царствование слышал то, что услышал от него в прошлую субботу. Абаза высказал невозможность положения министров и вообще государственных деятелей, когда их участь и доброе имя зависят от журналистов, и на возражения государя, что весьма трудно обуздать прессу, сказал: если бы Катков во времена Николая Павловича, на которые в последнее время любят ссылаться, написал 1/100 долю того что пишет теперь, то давно был бы сослан в Вятку. При том обуздывают, и весьма легко, маленькие журналы (как нарочно сегодня запретили «Дело» за статью, в которой оно говорило, что сообщение правительства печати касательно сношений наших с Германиею, идет в разрез с национальным чувством). Как бы то ни было, если он заслужил не одобрение государя, то готов удалиться. Государь отвечал, что всегда ценил пользу, которую Абаза приносит, и доволен им и заговорил о Бунге. Считая его честным человеком, царь думает, что министерство не честно, даже в политическом отношении; но не сказал, что заменяет его. Прибавил, что Ванновский и я всегда утверждаем, что Абаза оказывает нам большую помощь.

20 декабря 86 г. / 1 января 87 г.

У всех уже наступил Новый год. Я получил анонимное бранное письмо с укором за измену моей Наде. Измены нет, друг мой; тебе это лучше известно чем кому-либо; но обстоятельства заставили искать домашнего покоя, соответственно моему положению.

21 декабря

Вот уже несколько дней я занят ответом Сольскому. Он передал основные правила предварительного контроля, высочайше одобренные, с которыми я ни как не могу согласиться. Когда я уезжал, Алексий настаивал при государе, чтобы я воротился к ноябрю, и когда государь спросил – зачем? отвечал, что у нас есть дело, требующее моего личного вмешательства. Алексию государь говорил прежде о предварительном контроле. Мое положение стало щекотливым. Но *never daunted* [никогда не пуганный], разобравши присланные Сольским правила по пунктам, я ударился в общие вопросы и последствия. Во-первых, выразил ему всю непристойность его поступка. Не следовало бы ему делать такой доклад государю, не поговорив со мною, а государю ничего не оставалось, как согласиться, ибо в четырех отчетах видит на меня жалобы. Во-вторых, я нахожу, что контролер, чтобы быть беспристрастным, не должен быть в К-те министров и в Государственном совете. В-третьих, если сбудутся его желания, у нас очутится первый министр, не сдерживаемый ничем и безответственный, а остальные станут пешками. Выходит зло.

22 декабря

День сильного испытания моей крепости и нервности. На докладе предупредил государя, что возражаю Сольскому отрицательно, что не могу согласиться на предварительный контроль, весьма сожалея, что он уже утвержден его, государя, волею. Получил ответ, что никакой воли не было, а было высказано желание, чтобы обоюдным соглашением мы изменили порядок вещей. Присел и пять часов с ряду *j'ai donnè un dernier coup de main à mon épitre à Solsky* [я писал и передал свое послание Сольскому]. Перед этим ходил два часа по чудному безмолвному парку. Только охраняющие часовые вставали грозными тенями, но тотчас смирялись и садились на корточки. Вечером, до 2-х часов, сидел в театре. На сцене играли в карты, и я упрекнул сидевшего около меня Голицына, что же он не бранится за дурную игру. Ужин и возвращение в столицу заняли столько времени, что я лег в 4 часа.

Абаза тоже был в числе приглашенных. Боткин, большой знаток человеческих ощущений и причин, их производящих, разобрал мне гр. Петра Андреевича Шувалова по ниточке.

23 декабря

Ещё день испытания физического. Три наших юбиляра вдруг. Все три принимали и всех я объездил. У Посьета застал *la ville et les faubourgs* [городских и приезжих]. Давка страшная, так что с трудом пробрался, чтобы произнести ему приветствие, упросивши накануне Алексия чтобы он остался у юбиляра, пока подойдут к нему моряки. Посьет расчувствовался, и было от чего. Императрица подарила его истинно женским рескриптом, как председательница О-ва спасения на водах. Все железные дороги, гавани и реки подходили по очереди с поклонами и голова, и разные общества, академии, училища и пр. Такого юбилея ещё не бывало и, конечно, истинно лестно видеть подобное уважение. Значит, заслужил. Государь, совершенно неожиданно, почтил юбиляра визитом; а вчера ещё Черевин, говоря, что поедут на похороны Г. А. Бистрома, прибавил мне: сейчас обратно в Гатчино; у Посьета не будет. Пробует ли государь, как его охраняют, или просто *il joué des mauvais tours à son* [подшучивает над] охраной? На бедного сыпятся такие клеветы.

Журналы просто стали мерзкими, и на сетования Швейница поистине следовало отвечать не усовещиванием нашей прессы, а указанием на немецкую.

26 декабря

Собрались обедать с Посьетом и его семейством у *Donon* [«Донон»]. Путейцы и моряки, старые товарищи.

27 декабря

Звали непременно быть во вторник в Комитет Министров, слушать рескрипт удаляющемуся Рейтерну. Вместо его называют Бунге, и на это многие сердятся. Бунге оказался плохим министром и был им очень недолго. Он *un intru* [интриган] в официальном мире. Рейтерн и Николаев входят в Государственный Совет, и назначением последнего также недовольны. Все товарищи министров захотят в Государственный Совет. Если назначение Бунге справедливо, то государь, по-моему, делает его, чтобы показать, что Московские Ведомости не имеют на него влияния, в чем его упрекают. Московские Ведомости сменяли Бунге, а он его возводит на самый почетный пост.

29 декабря

Доклад. Государь дал Чихачеву Александра Невского, утвердил все награды.

Сольский хочет возвратить мне бумагу, как глумление над высочайшим повелением. Если меня будут преследовать контролем, объявил, что доложу государю сам.

После заседания в Комитете Министров, управляющий делами прочел рескрипт государя увольняемому председателю Рейтерну. В рескрипте, написанном Победоносцевым, исчисляется вся государственная деятельность Рейтерна, с подробностями и точностью, и в особенности указаны успешные усилия его к восста-

новлению финансов после Крымской войны, подвигая в тоже время вопросы освобождения и сети железных дорог. Задушевно отпуская уважаемого человека на покой, царь жалует ему портрет.

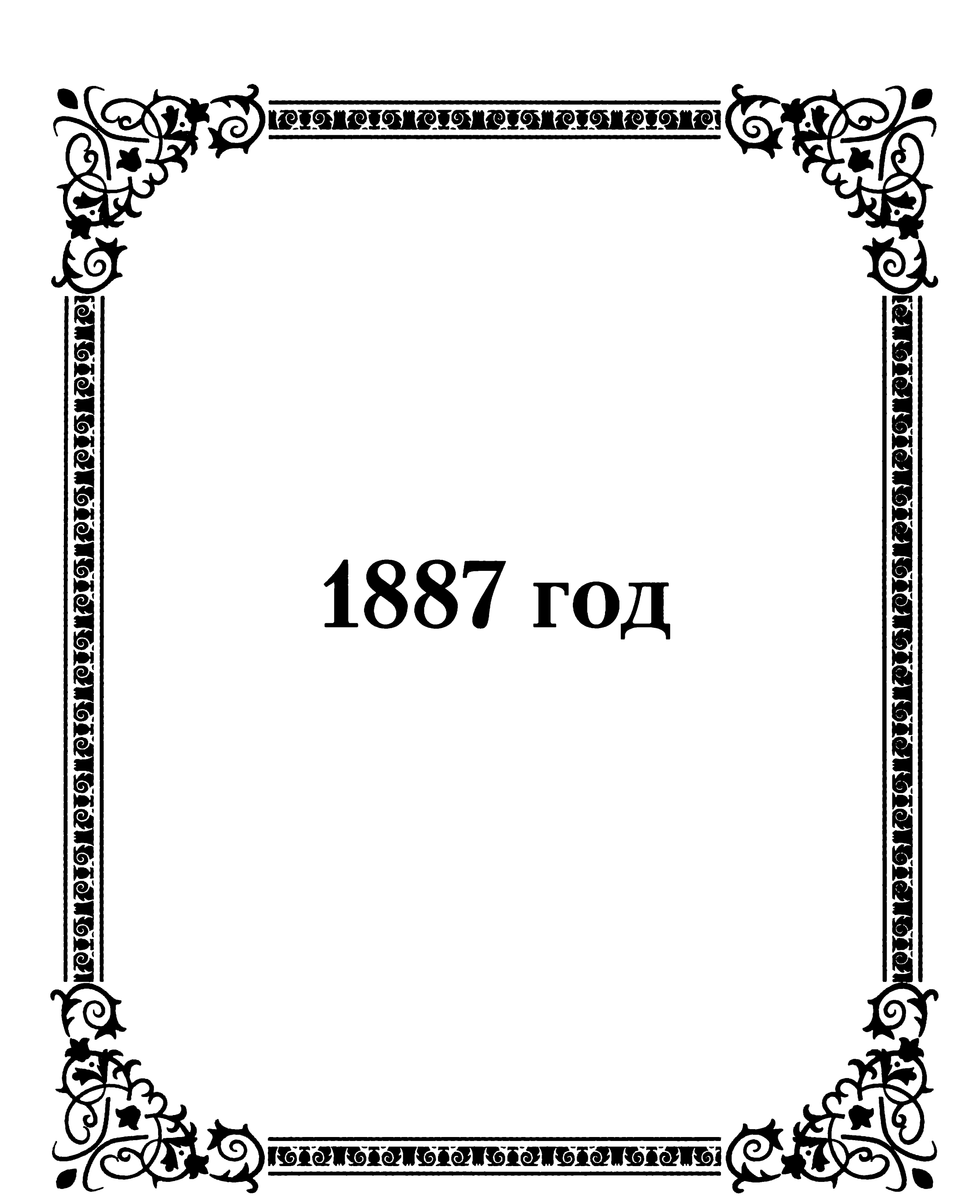
Рейтерн принял с благоговением знак царской милости, в простых словах вспомнил тяжкие свои труды и многие горькие минуты, указал, как семнадцатилетнею работою он дошел, наконец, до уничтожения дефицита – и вдруг, всесильными обстоятельствами, как он выразился, один миг все труды его рухнули, порвалась нить – и порвался голос почтенного председателя. Великий князь Михаил Николаевич приветствовал его от всего Комитета и потом мы хором поехали к нему.

При встрече с Сольским протянули друг другу руку, но не говорили[49].

[49] Текст машинописный: «Конец 1886 года. Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде. Фонд Шестакова И. А., № 6, 1 августа – 29 декабря 1886 года». Текст рукописный: «Верно: Научный сотрудник Центр. Исторического Архива З.Коробова. Научный сотрудник Центр. Исторического Архива Ципкович»

1887 год

1.

1 8 8 7 год

1 января. Выход во дворце. Проходя мимо, в процессии, государь протянул мне с Ванновским руку, на что последний заметил что государь балует своих министров. С назначении Бунге председателем Комитета Министров, говорят что это à la Paul I.

Моя Colloque с Греппи по поводу выходки глупого Меншикова, салютовавшему французскому контр-адмиралу прежде нежели итальянскому вице-адмиралу. L'incident est fini.

что? Николаи Андрея, с чем я и поздравил его в Тифлис.

Много народу во дворце. Познакомился с Вышнеградским и вечером же послал ему записку о надобностях наших.

Молился в дворцовом соборе. Господи! Помилуй мою Надю и ее сохрани под святым кровом твоим.

2 января. На Бунге, как председателя К-та Министров, указал, говорят Рейтерн, попросивший его к себе тотчас по возвращении из Гатчины. Воспользовавшись тем что был в мундире по случаю поздравления великого князя Алексия, заехал к Бунге и застал там нового министра финансов – "комплотирующих против Морского министерства", как я выразился в шутку. Вышнеградский начал говорить комплименты, а я ответил, что предпочел бы их слушать завтра, ибо сегодня-же сделал на него набег в виде просьбы отпустить денег.

В товарищи себе Вышнеградский выбирает Тёрнера.

Злоба на то, что в Гр. Эк. не любили его

3 января. Доклад у Алексия. Скоро ли мы избавимся от camaraderie Гвардейского экипажа? Она мне во многом мешает, сколько для пользы службы, столько и в отношении к справедливости, теперь, более не-

1887 ГОД

1 января

Выход во дворце. Проходя мимо, в процессии, государь протянул мне с Ванновским руку, на что последний заметил, что государь балует своих министров. О назначении Бунге председателем Комитета Министров говорят, что это *á la Paul I* [в стиле императора Павла I].

Мой *Colloque* [беседа] с Греппи по поводу выходки глупого Меншикова, салютовавшему французскому контр-адмиралу прежде, нежели итальянскому вице-адмиралу. *L'incident est fini* [Инцидент исчерпан].

Николаи – Андрея Первозванного, с чем я и поздравил его в Тифлис.

Много народу во дворце. Познакомился с Вышнеградским и вечером же послал ему записку о надобностях наших.

Молился в дворцовом соборе. Господи! Помилуй мою Надю и нас сохрани под святым кровом твоим.

2 января

На Бунге, как председателя К-та Министров, указал, говорят, Рейтерн, попросивший его к себе тотчас по возвращении из Гатчины. Воспользовавшись тем, что был в мундире по случаю поздравления великого князя Алексия, заехал к Бунге и застал там нового министра финансов – «комплотирующих против Морского министерства», как и выразился в шутку. Вышнеградский начал говорить комплименты, а я ответил, что предпочёл бы их слушать завтра, ибо сегодня же сделал на него набег в виде просьбы отпустить денег.

В товарищи Вышнеградский выбирает Тёрнера.

3 января

Доклад у Алексия. Скоро ли мы избавимся от *camaraderie* [товарищества] Гвардейского экипажа? Оно мне во многом мешает, сколько для пользы службы, столько и в отношении к справедливости, теперь более, нежели когда-либо, требуемой сословием[1].

4 января

Смотрел у Посьета все приношения по случаю юбилея. Настоящая выставка. В особенности примечательна сердечность всех адресов и, в искусственном отношении, живописное украшение их. Есть и дары частных лиц.

---

[1] Слева на полях впечатан текст: «Злоба на то, что в Гр.Эк. не любили его»

Бунге робко вступает в свою почётную роль. Просиял, как человек, с плеч которого свалилась тяжелая ноша.

Имперский рейхстаг распущен за несогласие с представленным правительством законом об увеличении армии. Правительство требовало закона на семь лет, оппозиция соглашалась на три. *On a employe les gros canons* [Они руководствуются старыми порядками], но речи Мольтке и самого Бисмарка не сломили противников. Бисмарк, с обычною дерзостью, сказал, что ему до Болгарии нет никакого дела, что дружба с Россией несравненно выгоднее и что вообще на востоке Германии нечего поперечить нам. Австрия другое дело и задача Германии – помирить интересы Австрии и России на востоке. Армию нужно прибавить против Франции, где всегда может возникнуть правительство, склонное к возмездию. Увидим.

На журнале К-та Министров о последнем заседании, государь отметил: «И я с сердечною грустью расстаюсь с почтенным М. Х. Рейтерном и ещё раз от всей души благодарю его за его деятельность как председателя Комитета Министров».

6 января

Вчера доклада у государя не было. Сегодня, можно сказать, первый зимний день –10° мороза при ясном небе. Я участвовал в церемонии и, слава богу, все миновало благополучно.

Бисмарк, своими откровенностями и роспуском парламента, отвлёк на новый год внимание от Болгарии. Ловко, если он имел это в виду. Пообдумаются, остынут и убедятся, что игра свечей не стоит.

12 января

Доклад у государя. Всё о молодежи, попавшейся в пропаганде. Упорно молчит. Чернецкий, о котором мне написал дед, как о весьма семейственном молодом человеке, оказывается одним из упорнейших. Велено перевезти для допроса сюда из Киева.

Половцов, *avec Son air habituel de protection* [с его привычкой защищать], объявил, что государь требовал его заключения о записке Танеева на счет уничтожения чинов. Вместе с собственным заключением Половцов послал *á l'appui* [в поддержку] мнение «министра его величества, которого нельзя заподозрить в неразумении или неискренности» – т. е. моё, а государь, прочтя, отметил «дельно, справедливо и разумно». Резолюция государя меня не удивляет, но настолько ли виною в ней Половцов, как он говорит, не знаю.

15 января

Большой бал во дворце. Во втором польском, в. к. Екатерина Михайловна была забыта, и только находчивость в. к. Михаила Николаевича, прицепившего её к французскому послу, спасла старушку от унижения. Наши церемониймейстеры не слишком бойки в своих обязанностях.

В разговоре с Вышнеградским я увидел, что от него не добьешься так легко, как от Бунге – и действительно: на все пункты моей записки я получил категорический отказ. Впрочем, великому князю Алексию и потом самому государю он сказал, что о снятии пошлин и поступлении всего проданного негодного в бюджет флота, он согласен. Может быть, обойдется.

Уехал до ужина.

18 января

Арсеньев удивил меня просьбою назначить его начальником кадетской эскадры. Давно размышляя, как поступить со свитскими адмиралами и беспрестанно затрудняясь неплававшими офицерами Гвардейского Экипажа, я решился покончить со старыми грехами докладом о производстве всех свитских в вице-адмиралы вместо генерал-лейтенантов. Этим Арсеньев и удовольствуется. В тоже время они будут назначены по флоту.

19 января

На докладе спросил государя, что делать с адмиралами его свиты и предложил произвести их. Государь согласился, но при этом сказал, что на Арсеньева жалобы, что он мало занимается училищем, что это ему известно частным образом. Великий князь всегда заступается за Арсеньева, а я нахожу, что государь прав.

В Государственном Совете интересное заседание. Манасеин внес проект уменьшения или ограничения гласности судопроизводства, с представлением права запирать двери ему, министру Юстиции. Это подняло бурю со стороны всех юристов в Д-те Законов, где мнения разделились поровну, и вопрос перешел в Общее собрание. Говорили, кроме министра Юстиции, Стояновский, желавший всех согласить, Перетц и Дервиз. Все видели в гласности вероятную гарантию справедливости, но говорили адвокатски, фразисто и даже казуистично. Министр Юстиции, например, сослался, что в военных судах начальство может запирать двери заседания!

La question a été enlevée par le Cte Pahlen [Вопрос был поднят гр. Паленом], бывший министр Юстиции горячо доказывал бесполезность меры, предлагаемой его преемником, даже вред её; ссылался, что сделала гласность в деле Струсберга (где Манасеин действовал прокурором), в деле Митрофании, уверял, что в подобных делах на министра Юстиции наводят такие пушки, против которых устоять трудно, и кончил, обращаясь к собранию с просьбою припомнить, что во всей Русской империи только на одного человека – министра Юстиции – нельзя подавать жалоб. Как же давать ему в руки власть превращать суд в негласный. Пален предложил, согласно мнения Д-та, чтобы вопрос о закрытии дверей был решаем кассационным Д-м Сената и чтобы решение это восходило до высочайшей власти, как важнейший предмет её в заботливости об отправлении право-

судия. Большинство – 31 (в том числе и я) приняли мнение Д-та с поправкою гр. Палена.

20 января

Осмотрел Ижорский и Обуховский заводы и всё, что на них делается для нашего будущего флота. Нельзя не утешаться, как мы изворачиваемся при нашем техническом младенчестве. Дубины превратились в деликатнейшие инструменты, топор заменился ленточной пилой и верным мерным прибором – и всё переходит на новый лад без особенных затруднений. Разумеется, случаются промахи и будут ошибки, но нельзя не надееться, что исправить их найдутся возможность и средства.

Впервые проехал по соединительной ветви от Николаевской дороги в Обуховский завод, облегчающий нам отсылку изделий на юг. 2 версты 400 сажень, с экспроприяцией, сто или 50 тысяч.

Целый день пробыл на ногах без видимого вреда и без чрезмерной усталости. Что бог даст и как защитит меня перед ним Надя! Утром и вечером молю её, чтобы не покинула меня, чтобы молитвами её господь укрепил мой дух, прояснил мой ум и вместе сохранил бы во мне теплоту сердечную

23 января

В Морском училище сделали обыск, ничего не нашли и схватили двух воспитанников. Тоже, даже в большем размере, случилось в других военных училищах. Нужно подумать, как помочь этому горю. Злоумышленники направили свои ядовитые стрелы в учащуюся молодежь.

24 января

По случаю именин великой княжны Ксении был у обедни в Аничковом дворце. Что-то государь слишком легко смотрит на законы. Довольно решительно говорил, что в Морское училище не нужно принимать никого кроме детей моряков и лиц, известных начальству, причем упомянул несколько аристократических фамилий. Боюсь, что подобная привилегия уронит ещё более уровень развития поступающих. Мне кажется, принятые меры разделения на категории и приема 14-летних достаточны.

Завтракал между великими княгинями Евгениею Максимилиановною и Елизаветой Федоровною и говорил с последней по-русски. Довольно сносно.

Великий князь Михаил Николаевич просто подслушал, что говорил мне государь, и выразил опасение, что отвергнутые в Морском училище бросятся в другие специальные заведения.

26 января

Доклад у государя. Его огорчают и беспокоят аресты в военных училищах. В Павловском, кажется, или Константиновском, один из воспитанников сам при-

знался и потом пытался зарезаться. Под этим-то впечатлением государь заговорил о милости и прощении, но я настаивал, что пропускать безнаказанно подобных проступков нельзя; только не додумался ещё, как наказать арестованных, буде они признаются виновными. Возвращать в корпус страшно.

Государь смотрел работы наших офицеров на Босфоре и остался доволен. Нужно купить на имя Р.О.П и Т. или иное всю собственность Паши на восточном береге у входа в Босфор (600000 р.).

Государственный Совет, вследствие заявления хватившегося Гирса, что все экстрадиционные договоры заключены с условием настоящего положения дел, т. е. нового судебного порядка, отослал вопрос о стеснении гласности обратно в Департаменты. Опять выйдет спор, насколько политические обязательства могут стеснять во внутренних изменениях.

После Совета совещание у Гирса. Ладыженский условился с Ли-Хун-Чаном, что обе стороны обязываются не трогать Кореи, но когда в Пекине рассматривали условия, то не согласились подписать их, если не будет упомянуто, что Корея признается вассалом Китая. Был предложен вопрос – настаивать ли на чистой подписи или с примесью вассальства. Я сказал – нужно определить, в чем вассальство; если в китайских церемониях оно выражается, но не настаивать; но определительно указать, что обе стороны не должны посылать в Корею вооруженных войск. Дипломаты замялись. Я прибавил, что нужно позондировать японцев, как им представится подобный трактат между нами и Китаем. Теперь дело, возникшее по поводу Нагасакской драки, по словам Иноэ, улаживается с Ли-Хун-Чаном, и в остановке возвращающихся судов наших нет надобности; но может скоро возникнуть другой вопрос между Китаем и Япониею или между нами и каждым из соседей. Без видимой силы ничего не поделаешь. Даже для посредничества нужно явное доказательство мощи. Усиливать эскадру в данный момент мы физически не можем. Поэтому я настаиваю на удвоении наших сил в Тихом океане, на что потребуется по меньшей мере 500000 руб. в год. Всё это, вместе с требованием Военного министра укрепиться во Владивостоке и Уссурии в течение трех лет, внесено в протокол.

27 января

По словам Дондукова, государь был недоволен, что Гирс вчера в Совете остановил вопрос о гласности судов своим заявлением. Он желал узнать будто, с кем я вотировал, и когда ему сказали – с департаментом – прибавил «подумаем». Для меня весьма утешительно подобное мнение государя, но, если рассказываемое справедливо, много врагов поднимутся на меня и всячески постараются доказать Державному ошибочность его взгляда. Это будет тем легче, что я не создал себе партии, сидя постоянно дома и никуда не показываясь. Чувствую, что меня не хватит, если буду жечь свечу с обоих концов – света и дела.[2]

[2] Слева на полях впечатан текст: «Хвастовство»

В К-те Министров о Закавказской железной дороге. Кому отдать обход Сурамского перевала? Общество говорит – «если не нам, то выкупите дорогу по номинальным ценам акций, исключая Палашковского, которому заплатите то, что он заплатил»; а Палашковского уверил Кистер, что дорога будет выгодна, и продал ему акции двора по номинальной цене – 800 т. р. И тот берется доказать это. Министру Финансов поручили войти с Обществом в переговоры о покупке дороги.

30 января

Государь очень рассердился на Гирса, что тот, *au dernier moment* [в последний момент], опрокинул решения Государственного Совета касательно закрытия дверей в судах; говорит Гирс, что никогда не видел его таким рассерженным, но смирившимся, будто перед его, Гирса, хладнокровным заверением, что он присягал служить для пользы его величества.

По этому поводу хочется мне, улучив минуту, сказать покровителю, что предложение министров его в Комитете и в Совете падают на нас как бомбы; что следует неофициально собираться толковать о предложениях, которые подносятся ему, и потом, узнавши его волю, сговариваться, как лучше провести ее[3]. В обоих случаях, не отнимая ничего у самостоятельности каждого министра, можно договориться до лучшей формы представляемого и лучшаго способа провести вопрос – да и интриг будет меньше. А теперь мы представляем странное зрелище: министры державного государя вотируют различно по вопросам, с его соизволения вносимым.

2 февраля

Бал у великого князя Алексея. Государь, как всегда, показался и спрятался. Императрица, как всегда же, танцовала без устали.

Чувствую какую-то сонливость ума, даже лень. Не так скоро и определительно приходят мысли и не так легко излагаются. Неужели это уже начало положительного ослабления. Воля бога! Молюсь только, чтобы я сам, во-время заметил это и уступил бы место более способному.

7 февраля

Замечательное заседание в соединенных Д-х по поводу Устава о промышленных и ремесленных школах. Делянов защищался против нападавших, как умел, но наконец, *pousse á bout* [дойдя до крайности], объявил, что в предоставленном им проекте всё, от слова до слова, принадлежит Вышнеградскому. Последний, выслушав все замечания, начал отстаивать свой проект с совершенным знанием дела, изученного им в качестве профессора, директора Технологического института и железнодорожного дельца – и отстоял мастерски. Хотели было собрать мнения некоторых лиц для более

3 Слева на полях впечатан текст: «Справедливо».

ясного уразумения предмета, но Вышнеградский настаивал, чтобы проект прошел в настоящую сессию, и решили дополнить только теми сведениями, которые уже находятся в Министерстве Просвещения, но не были разосланы членам.

8 февраля

Прибыл японский морской министр *Гр. Saigo* [граф Сайго, на самом деле – Сайто, – прим. ред.], отец мальчика, вывезенного семейством Струве и умершего в Вашингтоне. Человек с характером и руссофил. Может быть нам полезен в будущем. Мы обменялись визитами и встретились сегодня на бале в концертном зале. Затруднения между Китаем и Япониею кончились, и мы можем любезничать с *Saigo sans faire ombrage aua Chinois* [с Сайго без тени опасения насчет китайцев]. Пользуюсь каждым балом, чтобы атаковать Вышнеградского. Не податлив.

Уговорил великого князя отписать Арсеньева от Сергия и Павла при производстве в вице-адмиралы, которое будет, как знак особой милости, всем свитским 26 февраля. Все они ценза не имеют, и не должны бы производиться в морские чины; но меня руководит соображение пристойно отдалить производство Копытова *et débarrasser l'Empereur des amiraux de la suite* [и освободить Императора от руководства этой суетой], очищая список под предлогом уважения к памяти покойного государя, наделавшего столько свитских. Арсеньеву не будет причин отклоняться от настоящей своей обязанности.

9 февраля

После доклада был в заседании Государственного Совета. Вздутый государем Гирс внес в департамент Гражданских дел объявление, что трактаты не помешают закрывать двери в судах (!) и голоса остались в прежнем разделении 20 за и 31 против, в том числе я – один из всех министров. Старые великие князья с нами, а молодые – против, вероятно, по внушению свыше. Из этого дела придется выпутаться.

Катков продолжает рубить голову Гирсу, даже через брошюры, издаваемые в Париже – *par un general Russe* [русским генералом].

10 февраля

На театральном представлении у Гирса. Половцов, в полной уверенности на мою скромность, сказал мне, что государь, разбранивши Гирса за остановку вопроса, потребовал журнал. Половцов попросил доклада по Историческому обществу, и когда государь, сердясь, сказал ему, что дело о дверях ради Гирса затянется, ответил, что нет – стоит только решить на протоколе, который представится тотчас, что двери будут закрываться по представлению министра Юстиции Его величеством. «Я и за ваш проект» – прибавил Половцов.

Я очень хорошо понял, что он искал помирить государя с обеими сторонами, точно также как понял, чтобы сказанное конфиденциально было мною разнесено всюду и выставил бы Половцова, как примирителя ловкого и благонамеренного.

Когда кончилась французская пьеса, вся императорская фамилия двинулась пить чай. Проходя мимо меня, царь подал руку и сказал несколько слов. Его примеру последовали все великие князья. Затем императрица говорила со мною довольно долго – и ей последовали великие княгини. Все это видели собравшиеся в комнате послы и наши *gros-bonnests*. Мне это было очень лестно по расчету, что вместе со мною действующие увидят, что царь ко мне милостив и выйдет польза для дела. К сожалению, да. Но тот ли расчет? Спрашивал я самого себя. Неужели я становлюсь чванным мелко-самолюбивым придворным?[4]

11 февраля

День Севастопольского обеда. На *piece de circonstance* [пьесу из действительности] сочиненную генералом Касинским, я прибыл после обеда и несколько опоздал. Были цесаревич, Георгий, оба великие князья фельдмаршалы, Алексей и двое Михайловичей. Не имея права считать себя севастопольцем, я сел незаметным в четвертый – пятый ряд и любовался картиною Севастополя, начерненною углем в одни сутки офицером Антиповым. Облака над городом и ясный западный горизонт просто чудо. Сама пьеса так себе, а играли просто плохо.

16 февраля

После доклада, не отличавшегося ничем кроме страшного державного зеванья (последствие вчерашнего *folle journée* [безумного дня] в Царском селе), смотрел выставку фабриканта Айвазовского.

Осмотрел заодно и горную картину (огромное полотно) генерала Петерса, единственного военного офицера, имеющего академический знак.

18 феврля

Говею. Юбилей Лисянского. Велел отпустить ему дешевые алмазные знаки и сушайшую грамоту. За службу довольно. Юбиляр устроил в кают-кампании Гвардейского экипажа пир. Завистливого Гейдена и гордого Копытова на нём не было.

19 февраля

Совещание у Гирса. Мною же затеянное увеличение сил наших на востоке (дальнем) повело к разбору записки моей в особом совещании, которое со мною согласилось, на что и последовала резолюция Государя «Исполнить». Я тогда же говорил, что отсутствие министра Финансов ведет к тому, что мы пишем на песке. Так и вышло, и сегодня состоялось совещание уже с Вышнеградским. *Vu(je ne dirais pas encore la fermeté de ce dernier, mais) son déser de mériter sa reputation* [Принимая во внимание (я не говорю больше об устойчивости последнего, но) его обеспокоен-

[4] Слева на полях впечатано: «К сожалению, да»

ность о заслуженной репутации] вышло, что мы, как индейцы, вырезали друг другу ремни из спин.

Впрочем, вертевшись тысячу раз над пропастью ссоры, мы в неё не свалились, хотя дошло до того, что он исказил мой совет не давать на школы, суды и даже железные дороги в закрытие всего исчисленного, а я, *dans la chaleur de la discussion* [в пылу обсуждения], выразил удивление, что в то время, как в конституционных государствах не только без споров, но в безмолвии теперь вотируют все требования военных министров, у нас, при самодержавном правительстве, лица правительственные спорят о необходимости *coûte qui boûte* [расходов, которые помогут] приготовиться к наступающим обстоятельствам.

Вышнеградский принял это за относящееся к нему лично и ловко вывернул, сказавши, что в том и прелесть абсолютной власти, что министр может и должен высказаться перед нею откровенно, а затем, если велят, то повеление он выполнит наименее обременительным для финансов образом. Но он нарисовал страшную картину наших финансов и молил, чтобы покончили со стратегическими дорогами. После долгих, горячих споров, я просил, несмотря на солидарность двух военных министров, все-таки выделить морской вопрос, ссылаясь на медленность приготовления морской силы, на необходимость простора морской администрации в расчете на будущие издержки и на невозможность, в случае объявления войны, увеличить наши силы на востоке.

Должен сказать, что и Гирс, и сам Ванновский, сочли, что удовлетворить требование Морского ведомства нужно тотчас. Мое требование состояло в миллионе лишнем, чтобы выполнить мысль мою содержать в Китайских водах большие силы, на первый раз 12 боевых судов. Может быть, это начало перенесения морских сил наших из запертых морей в океан. 40 миллионный бюджет не выдержит постоянного содержания такой эскадры под вымпелом; поэтому я полагаю держать $^1/_4$ судов 4 месяца разоруженными в Владивостоке. Это и городу будет выгодно. Уменьшить содержание плавающих, по совету Вышнеградского, я не решусь; я сказал ем, что сделаю это тогда, если он решится сказать, что отселе наш рубль составляет 50 коп.

Кончая, я сказал, что понимаю, что у нас министр не имеет права делать из чего бы то ни было вопрос о портфеле, но он обязан, даже при опасении заслужить немилость, откровенно высказать свой взгляд на положение и, если этот взгляд неверен или, допуская его верность, не дают для выполнения нужных средств, прямой долг министра просить искать способного выйти из подобного положения.

Ванновский просил 3 100 000 на три года.

Судя по последним словам Вышнеградского, на постепенное приведение в исполнение замышленного нами, он деньги дает, если государь выкажет желание. Буду ли я верным пророком? Не знаю.

Вообще день обильный эмоциями. Нелидов пишет, что султан колеблется, не разбирая, в ладу ли мы с чтимой им Германией или нет, как уверяет Катков, пуще прежнего

вопиющий, что лада быть не может. Нелидов склоняет на союз с Германией и Турцией, а не с Францией и Турцией, доказывая, что Франция нам ни в каком случае не поможет нашей заветной мечте, а Германия помочь может. Франция, в случае успеха, возобновит на востоке прежние претензии. И моя политика та же; только я Германии не верю и настаиваю, чтобы с ней заключили торг: не только не мешайте, но склоните Австрию не мешать и даже помогать нам дойти до Константинополя. За это мы допустим Австрию в Салоники, Германию – схватиться с Франциею в уверенности нашего невмешательства; втроем обеспечим султана в неприкосновенности его владений (оговорив кое-что касательно Дарданелл), отдадим ему Карскую область (без Батума) и устроим военную контрибуцию. Мы станем спокойно развиваться и останется только действовать сообща в Египетском вопросе и нам *traquer l'Angleterre dans l'extrême orient* [гнаться за Англией на Дальнем Востоке] и силами и связями с Китаем и Японией.

Нужно поговорить с Гирсом, чтобы завел связи с Мексиканским посланником в Бельгии касательно предложения завести угольный склад в Акапулько и дать мексиканским властям, ненавидящим Англию со всею южною пылкостью, возможность избавиться от перевозных английских средств нашими добровольцами, которым мексиканцы дадут и субсидии, лишь бы перевозили в Китай их серебро. При прорытии Панамского перешейка это будет важное дело. Чичагов советует консула моряка, а Гирс полагает послать резидентом Розена. Хорошо будет.

На бирже происходило открытие бюста Александру II. Бюст больше человеческого роста, художника Чижова.

Сегодня возили в Петербург воспитанника Технического училища и отпустили назад, велевши никому не говорить, о чем его расспрашивали. Хорошо, что малый (Тырнов) сам догадался, что это ниспровержение дисциплины и всё высказал начальнику. Что за приемы? Тырнова отпустили с замечанием, что он не откровенен, а какой, спрашивается, ответ от него требовали? Ни более ни менее, чтобы он открыл, собирались ли пропагандисты у его отца – чиновника министерства Финансов. *Horreur!* [Ужас!].

21 февраля

На докладе у великого князя встретил сопротивление под предлогом, что Сергий и Павел просят Арсеньева оставить при них, будто потому, между прочим, что покойный государь этого желал. Я убедительно просил этого не делать по следующим причинам:

1/ Арсеньев – коридорный Зимнего дворца, куртизан-ищейка, весьма охотно отвлекающийся от серьезного дела (а его дело серьезное) ради придворных обязанностей. Он хочет только состоянием при великих князьях гарантировать себя от всякой невзгоды. От его двойственного положения явно страдает училище.

2/ Производство в вице-адмиралы для него уже незаслуженная и противузаконная награда. Состоянием при Сергие и Павле он гарантирует себя и от

предельного возраста (далеко смотрит), значит, получит две награды. Правда, и Шиллинг получит две, но то, что можно сделать для удобства генерал-адмирала, незачем делать для чужих князей и вдобавок не доставляя им ни малейшего удобства.

3/ Государь сам не хотел, чтобы начальники частей оставались при великих князьях – пример Лазарева.

4/ Не должно никогда делать смешного. Состоять при двух великих князьях можно, когда они дети. Один женат уже, другой вышел из опеки. Непременно скажут и обзовут и Сережей и Павлушей; да и сами они со временем будут тяготиться, что делать с Арсеньевым. На них возложется обязанность.

Увидим, что скажет понедельник, а я намерен говорить.

24 февраля

В Комитете Министров интересное заседание, в котором и я принял участие. Оказывается, что немцы мирно завоевывают нас гораздо быстрее и значительнее, нежели мы думали. Не сошлись в границах местностей, на которые должен распространяться новый предлагаемый Толстым *loie de sureté* [закон о безопасности].

Посьет предложил Западную Двину и Днепр: отложили до будущего заседания. Я находил, что даром боятся немцев-магнатов и мешают с безмозглой шляхтой мелкопоместных немцев, развитых, привыкших к правозащите и (по неимению рыцарской крови и малоимению вообще) способных исполнить всё, за что страх больших потерь и особенность взглядов понудит не браться магнатов. Толстой отлично и победительно отвечал Абазе, привыкшему господствовать и заметившему, что смешивают вопрос об иностранцах с вопросом о поляках. Ещё прежде я смешал вопросы, и Толстой убедил, что и должно смешивать.

Великий князь Михаил хлопочет о субботнем заседании, до которого ему нет дела, на которое Абаза, созывающий нас в соединенное присутствие, по-моему, охотно передаст ему. На вопрос я отвечал, что буду говорить против органического соединения Ростова и Таганрога с казаками, имея на то разрешение государя, а всех ставить в тупик ____[5] предрешение государя будто бы.

25 февраля

Государь согласился на отчисление Арсеньева и на все просьбы о милостях. Немного обращает внимание на сплетни. Узнал, что на «Рынде» недовольны Чайковским и сердился, как смеют офицеры быть недовольными тем, что к ним назначили не из Гвардейского экипажа. Я уверял его, что не та причина. *De fil en aiguille* [мало по малу] дошли до в. князя Александра Михайловича и *tante Jakobson* [тетушки Якобсон]. И государем и великим князем Алексием сказано было многое, от чего

[5] Текст пропущен

tante не поздоровится. В конце концов, велел написать, чтобы не дозволяли Сандро смотреть на своего управителя Эбелинга, как на адъютанта; что никаких адъютантов у него быть не должно.

Я сделал это письмом Корнилову, в котором предлагал принять крутые меры, если между офицерами «Рынды» и Чайковским упрочится рознь, раскассировывая гвардейцев по другим судам. Я говорил светлому душою царю откровенно. Почему, сказал я, великий князь-отец, строгий к другим детям, служащим в военной службе, думает, что в морской нужно лелеять сына? Алексий поддерживал меня честно.

Второй раз уже государь говорит о записке Голицына (Архангельского) и настаивает не очищать Архангельска от военного флота, и дал идею послать туда одну из таможенных шкун.

В Государственном Совете прочли, что государь в вопросе о дверях судов согласился с меньшинством. Я поздравил Манасеина не иронически. Абаза *voit á ce propas en noir* [видит всё в черном]. Страшно самолюбив.

Вышнеградский порадовал согласием дать 50 т. под залог парохода отставному лейтенанту Дыдымову, намеревающемуся бить китов в Охотском море, о чем я просил его. «Был бы очень рад, – сказал я возбужденному мною на совещании министру Финансов, – если бы доклад о совещании сделали вы, а не Гирс. Уверен, с одной стороны, что вы выразите твердо ваши убеждения, с другой – что вы истинно русский и сделаете всё, чтобы Россия была готова на всякие случайности».

Таким комплиментом, надеюсь, разгонится совершенно туча, правда в большей степени мною нагнанная.

26 февраля

Собирались в Аничков поздравить государя. Первым долгом поставил поздравить Ванновского с царским и его, Ванновского, праздником. Объявлена громадная прибавка столовых отдельным начальникам ниже полковых и батарейных командиров, что мне сказал вчера ещё Дондуков, приехавши вечером составить маршрут моего путешествия по Кавказу. Все армейские лица сияли.

Все бывшие согласились с моим мнением о личном присоединении Ростова и Таганрога к Дону, но по-прежнему колебались, не решено ли это уже царем. Я сказал Михаилу Николаевичу, что в самом представлении Военного министра сказано, что способ соединения предоставлено обсудить Государственному Совету, да иначе зачем дело передали ему. Оказалось, августейший председатель не читал, и Половцов, разыгрывая на моей струне, просто распетушился над своим шефом. Из разговоров вывел, что великий князь здесь же спросит у царя, как окончательно повернуть дело. Царь велел непременно вызвать огурялу – Мирского и дело отложить до его приезда, прибавя, что, кажется, мой взгляд исполним. Все меня ублажали.

При *baise main* [целовании руки] государь сказал: «уже без трости; верно оставлена где-нибудь в уголке». Я отвечал: «нет; по старческому кокетству совсем бросил».

27 февраля

Неприятные вести из Николаева. Упустили плиту (работали при минус 12°), которая пробила подводную часть корабля против кронштейна, зазубрила (как пишут) самый кронштейн и помяла кожух вала. Велел убедиться, что вал не вышел из провеса и что кронштейн не требует перемены. Последнее очень важно, ибо, если по вводе в док окажется нужным переменить кронштейн, на выделку нового потребуется много времени. Пробоина ничтожная, но все же, может быть, кораблю нельзя будет отправиться своим ходом. Бьющая волна от винта, производя дрожание, может выбить клинья заделки.

28 февраля

К нашей параллельной Лудовикской политике. Из рапортов иностранных послов, подтвержденных перлюстрацией: Прошлою осенью какое-то высокое лицо (дипломаты подозревают великого князя Алексия, но его едва уговорили представиться президенту и не таковской) предложил Греви лично союз Франции с Россиею. Греви собрал совет министров, на котором было решено, что, вероятно, толки о положении владыки имеют основание, ибо какой союз между принципами, диаметрально противоположными.

NB. Здесь я позволю себе не верить моему *informant* [информатору]. Мне кажется, союзы заключаются не на принципах, а на выгодах. Можно, в политике, соединять святого с дьяволом и со Штатами мы дружили же. Как бы то ни было, *Treycinet* [Трэйсинэ] не нашел ничего лучшего, как тотчас же сообщить Мюнстеру. В тот же день, в лесу, *Clemanceau* [Клемансо] подъехал к Мюнстеру и передал ему ту же новость.

Рядом с этим Моренгейм и Катакази друг друга выдают Гирсу, а Катков подает политические мемуары (вероятно, корректированные Сабуровым).

Петр Шувалов, ездивший на Новый год в Берлин, будто к брату, привез от старца-императора задушевное письмо к державному внуку. Кажется и Вильгельм в том хоре, который хочет возвратить Петра IV к делам.

2 марта

Боже милостивый! Прими благодарение меня ничтожного; и ты, Надя, моя, не переставай молить всевышнего за земного владыку нашего, возведшего твоего Ваню из уничижения.

В феврале, в Бухаресте, между болгарскими *réfugiés* [беженцами], упорно держался слух, что 1-го марта будет покушение на жизнь государя. Оржевский переслал Черевину письмо с прибавлением, что он не прилагает значения этому известию. Между тем, вчера на Невском, когда царская семья отправлялась в Гатчино, арестовали пять человек. На трех нашли *machines infernales* [адские машины], состоявшие из 6-вершкового цилиндра, начиненного пулями, с радиусом действия в

две сажени. На всех были пистолеты. Взятые и рассаженные в отдельные помещения, двое сознались. Один Донской казак, другой Кубанский (последний обещал все сказать через два дня, вероятно, в надежде, что товарищи успеют скрыться, ибо не знал, что они также арестованы). Генерал Федоров, к которому снаряды были доставлены для осмотра, по мягкому способу аналитиков, лизнул пулю и тотчас впал в онемение. Оказалось, что пули держались в трухе пресыщенной стрихниной. Третий преступник, когда с него сняли такой же цилиндр, как с других, на вопрос «а что у вас за книга?» ответил – «вот узнаете» и бросил её на пол. Оказалось, что он забыл дернуть нитку с воспламеняющею теркою и *soi-disant* [говорящая] книга оказалась безвредною, в сущности же была книжным переплетом, наполненным взрывчатыми веществами. Этот Каин явно вымышляет свои прозвища и ничего не говорит.

Спокойствие государя удивительное, даже детское. С обычной улыбкой он рассказывал о происшествии, интересуясь более механическими деталями, находя технические промахи и вовсе не помышляя о нравственной стороне случайности и последствиях её в случае успеха. На пути в Гатчино Алексий спросил меня, не слыхал ли я чего-либо об *attentat* [покушении]. Я отвечал – нет, и когда я вошел в кабинет, Алексий, в присутствии государя, встретил меня словами: «а то, о чём нам говорили дорогой, правда».

Дело пошло своим чередом, и государь принял доклад, будто ни в чем не бывало, даже сам придумал выход из положения Теряева, умершаго после внесения в приказ, что он увольняется от службы, но прежде доклада. Велел уволить дополнительным приказом задним числом. По окончании доклада я сказал, что имею особый доклад, для меня весьма важный, и, боясь возбудиться, докладывая словесно, предпочел написать его наскоро и просил позволения прочесть.

Я писал, что на совещании у Гирса все, кроме министра Финансов, согласились с моим и Ванновского требованиями. Хвалил упорство Вышнеградского, но доказывал, что теперь момент психологический и что не министрам отдельно и даже совокупно решать его. Не ему определять, нужно ли, требуется ли от России напряжения сил. Что скажет Россия, если внезапная случайность обнаружит, что мы не только к войне не готовы, но даже не пытались готовиться к ней. Коротко и откровенно я выставил план наш держать всех крейсеров во Владивостоке. Хранение их в Балтике с целью высылки во время на борьбу – фикция, а ничего нет пагубнее фикции в деле защиты государства. На это, или, лучше, на начало исполнения этого плана, я требую 400 т. ибо считаю... (текст в дневнике оборван на этом месте, далее следует многоточие, – ред.)

3 и 4 марта

Никогда я не был так недоволен собою, как в прошлый понедельник, последовавший за воскресным покушением. Сердце рвалось видеть императрицу и высказать ей сочувствие, но ложный стыд показаться куртизаном остановил меня.

Воспользовался случаем и в ответ на милую отметку государя, послал в Гатчино следующее:

«С юношеским восторгом прочел отметку в. в. на представленной мною записке. Мысль, что заботы о благе России не покидают вас даже под свежим впечатлением готовившегося против вас злодеяния; что даже при такой для каждого обыкновенного смертного потрясающей случайности, вы не прерываете попечений ваших о флоте, охватывая все мое бытие, придает мне силы для наилучшего исполнения ваших предначертаний. В верноподданической признательности приношу всё, что могу – молитву верующей души: да хранит бог вас и, для вашего счастия и успокоения, нашу императрицу.

Истинно верующий верноподданный».

Вечером, на совещании у Военного министра, разобрались с экстраординарною суммою, отпущенною третьего года на Константинопольский проект. На мою долю ещё 900 тыс., которые и хочу употребить на военный транспорт Добровольного флота. После совещания зашел разговор о подчиненности разнородных сил, т. е. моряков сухопутным. Глупый (по-моему) Рооп, конечно, под впечатлением прошлогодней карикатуры – лилипутской попытки десанта, вопил о единовластии так настойчиво, что и я завопил: «Вы хотите подчинить во всех действиях моряков сухопутным? Никогда, никогда, никогда!» И объявил, что этот вопрос требует хладнокровного обсуждения и решения в форме закона. Обручев столько говорил о штабе, что явно дал понять, что во всем вопросе главное – аппетиты офицеров Генерального штаба.

5 марта

Обедали три генерал-губернатора, с искоса смотревшие друг на друга: Дондуков, Корф и Рооп. Последний уверяет, что доложил государю о присоединении Таганрого-Ростовском совершенно в моем смысле.

Зиновьев сказал, что наши отношения к Германии, видимо, ухудшаются. По случаю расстреляния братушек, наши газеты увидели в германском консуле, соблюдающем интересы наших подданых в Болгарии, недостаток заступничества и, по этому случаю, заявили о немецком коварстве.

Верно Лесепс в самом деле увез из Берлина ручательство мира с Франциею; иначе не должно, кажется, объяснять, что Швейниц подал письменно Гирсу, что Берлинское правительство, желая выказать народу, что оно заметило русскую неблагодарность *simulant le ressentiment mais voulant rester au fond ami* [симулирующей злопамятство, но оставалось, в сущности, друзьями], велит консулам своим не отказаться от покровительства нашим, а просто оставить Болгарию. Это хорошо, ловко, на оба случая. Со стороны поймут, что Германия *ne se laisse pas marches sur le pieed* [не позволяет себе и ногой топнуть], с другой, отзыв покажет нам, что действительно Германия безучастна к Болгарской суматохе. Может быть Бисмарк *simule l'amitié*

tent en se vehgeant et ressentant réelement notre injistiee [имитирует дружбу и старается отомстить за несправедливость]. Гирс сегодня послал об этом записку государю.

Грессер, в день отъезда, умолял государя избрать из Петропавловского собора не обычный путь; а когда государь спросил: «а ехать ли мне завтра на раут к брату?» прибавил: «Умоляю, непременно ехать». Царь: «С императрицею?» Грессер: «С императрицею». Рассказывал Дондуков, а у него особые отношения с Грессером).

6 марта

В Кронштадте, в харчевне, арестовали приехавшего накануне 1-го марта экс-артиллериста. Он поздравил стаканом вина всех присутствующих: «С 1-м марта». Есть ли офилиация с задержанными преступниками или нет?

7 марта

Мы обыкновенно болтаем после доклада с великим князем. Сегодня разговор о в. к. Константине. Племянник дивится, как у Николая Павловича мог родиться сын, не имеющий ничего *gentleman like* [похожего на джентльмена], – скупой, до цинизма бесцеремонный в общественных сношениях и, вдобавок, трус. Трус он бесспорно, но, по-моему, его испортили: во-первых, семья, всегда дивившаяся его способностям, потом Литке и, наконец, капризная жена (в свою очередь избалованная Николаем Павловичем как семейная красавица). Николаевского у него только деспотизм, что и оттолкнуло от него всё порядочное и окружило его аферистами, поставившими его не только на насаленную, но на сальную наклонную плоскость.

Комитет Министров. Ректор здешнего университета счел нужным собрать студентов и произнес, по-моему, прекрасную, неподобострастную, но разумно рассчитанную верноподданническую речь. Были редкие крики «неправда» и свистки, заглушенные, впрочем, урою (криками «Ура!», – ред.).

Вот причина розни между Грессером и Оржевским. Бюро сыскной полиции у Грессера под прямою командою, но управляется жандармом, который в прямом подчинении у Оржевского, как корпусного командира.

На записке, поданной мною государю в понедельник и мне сегодня возвращенной, написано: «все, что удалось мне выторговать у управляющего министерством Финансов, это назначение с будущего года 600 т. рублей на Добровольный флот сверх 40 милл. бюджета Морского министерства».

9 марта

Сначала на докладе государь был задумчив. Ни слова о моем письме и об открытиях по полиции. Если поедет на Дон, по морю ни в каком случае не пойдет. Островский говорит уже теперь, что Каткова нужно остановить, но остановить его может только сила – и советует мне поговорить с государем о внешней политике,

ибо он меня любит и доверяет мне. Толстой в эти минуты нашел возможным уехать в Москву и в деревню!

Совершенная случайность навела на след заговора. Перехваченная аллегорическая депеша была передана жандармскому начальнику в Харькове[6] _____ с приказанием арестовать известное лицо, тогда отлучившееся из Харькова. Бессильно жандарм ждал возвращения, чтобы птица не ушла: а птица прилетела 27 февраля, только и дело поднялось. От 28 февраля до 1-го марта немного времени, и птица могла прилететь в гнездо днем позже. Чем бы кончилось? В Парголове открыли лабораторию.

Государь сегодня наградил медалями ловких и усердных полицейских.

Когда студенты разошлись, выслушавши речь Андриевского, нашли на скамьях прокламации. Царю не следовало бы принимать адреса. Говорят, Толстой до того трусит, что при прощаньи императрица дала ему стакан воды.

10 марта

Бедный Грейг поехал в Берлин делать операцию, которую здесь не брался делать Рейер. Тотчас с железной дороги приятель его Петр Шувалов повез его под нож. Все прошло как нельзя лучше, но пациент так ослабел, что сегодня получено известие о его смерти. Добрый был и сердечный для своего семейства человек. В *journal de Sts Petersbourg* [журнал «Санкт-Петербург»] о нем трубят, как о великом и вместе милом государственном человеке. В «Новом Времени» иронически замечают, что он был большой театрал, большой садовод и единственный полный генерал. Готовящиеся погребальные почести покажут воочию, что покойный, симпатичный англо-еврей, был *un pen jack of all trades* [мастером на все руки]. Будут почести от Конной гвардии, от флота и от стражников. Мир праху его.

Государь принял адрес Университета и положил резолюцию: «Благодарю и надеюсь, что на деле, а не на бумаге только, докажут они свою преданность и постараются изгладить тяжелое впечатление, произведенное на всех участием студентов в преступном замысле. Да поможет господь им и всем нам с достоинством и твердостию пережить это тяжелое время».

В К-те Министров, при разборе отчета Роопа, я ударил его по носу за попытку подчинить себе Добровольный флот. Только и думает о власти. Захватили дипломатов в свои руки г.г. Генерального Штаба. То же хотят сделать с моряками.

12 марта

Совещание у Военного министра по поводу укрепления Севастополя. Я взял с собой Попова, более чтобы польстить его самолюбию. Озорник-Обручев был скромнее обыкновенного, не зная Севастополя. Так называемая Майская комиссия начер-

6 Пропущен текст

тала район укреплений для 16 т. гарнизона, сочтя нужным оградить Камышевую и Казачью бухты от десанта. Я и Попов доказывали, что там десанта не может быть, если бухты будут обстреливаться, что предполагается из прежних французских траншей, введенных Майскою комиссиею, как передовая позиция. Долго спорили о Сапун-горе и решили держаться Майской комиссии. Но в конце я возбудил вопрос – почему, вопреки бывшему примеру, берут за данное, что неприятель высадить только 30 т.? Опять австро-германское пугало и, прибавил Рооп, «уже составленная дислокация на случай войны заставила рассчитывать всю защиту Севастополя против 30 т. корпуса». Заметив Роопу, что дислокацию можно изменить за счет остальных пунктов побережья, я заключил сомнением в верности базы, на которой расчеты построены.

Ванновский говорит, что государь сказал явившемуся, наконец, Святополку, будто не дозволит разбирать вопрос по существу, т. е. хочет слития, – и скажет о том великому князю Михаилу. Если правда, то необъяснимая изменчивость. Хочет задобрить казаков после покушения, что ли?

13 марта

Вследствие непристойных нападок на Германию, правительство послало в газеты сообщение весьма жидко разведенное. В этот раз Катков все-таки не напечатавший сообщение *in extensor* [дословно], как требует закон, поместил в *laacler'e* [журнале] рассуждение о нем. Должен сознаться, что редко приходилось читать более сильное, сжатое и логичное, но анти- и нелогично- правительственное. Катков уверяет, что в сообщении выражаются мнения одного человека, вовсе не обязательные для прессы, и не правительственные, ибо у правительства (поясняет, даже у правителя) антирусских мнений быть не может. При существовании у нас обуздывающих прессу законов, такой поступок нельзя назвать иначе, как горделивою дерзостью. Теперь время Гирсу поставить вопрос ребром.

14 марта

Хоронили Грейга. Много было фешонабельного народа.

16 марта

После доклада говорил с государем о присоединении Таганрога и Ростова к Войску Донскому. По-видимому, личный приезд Мирского поколебал его. Утверждал, что Мирский не довольствуется личною униею и приводит доводы, что в исполнении положений комиссии Косаговского нет больших трудностей. *Il s'en suivit presque'une discussion* [он следил за обсуждением]. В конце я сказал, что если государю угодно, чтобы сделалось по Мирскому, нужно прямо выразить волю, иначе Мирского, наверное, разобьют. Возразил, что поговорит с в. к. Михаилом! *Il n'ya pas et il ne peut pas y avoir de gouvernement* [не существует и не может быть никакого правительства].

На обратном пути убеждал Алексия, как не хорошо государю прибегать к уловкам. Согласие с меньшинством никого не оскорбит, а подшоптанное желание, чтобы вотировали в указанном смысле, оскорбит, наверное. Вместо подшёптывающего Константина Николаевича является державный серинёр.

Государь, прочтя последнюю статью Каткова касательно правительственного сообщения, вышел из себя, хотел ему дать предостережение, но склонился на увещание. Феоктистов, начальник печати и *âme clamnée* [давний друг] Каткова, послан в Москву сказать ему, чтобы он не смел более писать о наших отношениях к Германии, что сообщенные ему известия о подробностях бывшего тройственного союза могли быть переданы только изменником (Сабуровым); но прибавил, что впоследствии сам выскажет всё Каткову.

Говорил с государем также о наших юных государственных преступниках и убедительно просил его предать Шелгунова нашему военному суду, ручаясь, что его осудят по всей строгости закона. «Впрочем», прибавил я, «нужно нам изведать, как смотрит сословие, убедиться в его взгляде», а суд дает к тому возможность.

21 марта

Пришло, наконец, Таганрогское дело, занявшее у меня столько времени. Утром встретил в. к. Михаила, объявившего мне, что государь отдал на рассуждение Государственного Совета способ исполнения его воли. Принимая в расчет замеченное мною колебание государя (в понедельник) и храбрость, с которою мне объявил решение Михаил Николаевич, храбрость вовсе ему не свойственную, – я убоялся, не понял ли он государя, как желал понять, и, по докладе у великого князя Алексия, приехал в Совет, облеченный в несвойственную мне скромность; но опять стал собою, когда Абаза объявил мне, что рассуждать о способе присоединения велено.

Абаза в самом начале разграничил прения очень ловко, объявив решимость государя соединить местности и, вместе с тем, желание его, чтобы способ соединения обсуждался в Совете.

Победоносцев говорил, как юрист, против органического слияния.

Затем я ограничился указанием на уничтожаемую обязанность попечителя Азовского судоходства, уничтожаемую в то время, когда в ней наиболее предстоит нужда при устройстве Новороссийского порта и железной дороги, что, по мнению моему, поведет к развитию Азовского каботажа. Островский исторически вывел вред слияния.

Перетц разобрал предложения комиссии в главнейших видах: в отношении к земству, к нарушаемым правам дворянства, к вывороту общего строя государства в пользу казаков – говорил последовательно, складно, но рисуясь и с кафедры, как всегда говорит, и заключил в пользу личного слияния.

Дервиз привел к тому же.

Вместо Вышнеградского, Тёрнер, указавши на пункты, против которых возражал министр Финансов письменно, кончил речь «небывалым» согласием теоретика (Победоносцева) с «практиком», изведавшим на месте надобности края, – со мною.

Военный министр защищал проект подчиненного, им внесенный, но, очевидно, ему в чужом пиру было похмелье.

Вызванный на помощь помощник атамана, Поляков, начал приводить такие аргументы в пользу слияния, что председатель вовремя сделал перерыв, объявив, что выслушаем (?) начальника комиссии Косаговского, вызванного по делу из Курска. Однако ж, вспомнив, что Плеве сказал, будто в М.В.Д. обрабатывался план, сходный с предложением Победоносцева-Шестакова, не почел нужным продолжать заседание, а велел отобрать голоса.

19 членов оказались за личное присоединение, один, Военный министр, за слияние.

Дондуков, по обыкновению, начал мазать, но высказался за личное.

Решили представить государю исход заседания и предоставить вопрос его решению. Велит быть казаками – примется проект комиссии, согласится с нами – составится при М.В.Д. новый проект.

За обедом у в. к. Михаила Николаевича, присутствовавшего при прениях в качестве зрителя и почему-то уставшего, я сказал великой княгине, что присутствие гувернера держало детей в порядке и излишней болтливости не было. Танте шпиговала меня неисправностями «Рынды», спрашивала, не повысят ли Чайковского (не называя его), уверяла, что все на корвете привыкли считать его за парусное судно и пр. Я отвечал, что очень рад слышать, что офицеры смотрят на корвет, как парусное судно, – людей делают паруса, а не пар – и, когда в. княгиня сказала, что получает от сына письма в 36 страниц, я высказал всю пользу парусной скуки – молодые люди делаются даже писателями и постоянно в духовном общении с родителями. Короче, все Рындовские сплетни ей известны. Что скажет она, когда узнает содержание письма Алексия Корнилову, в котором адмиралу предписываются меры против великокняжестких сплетней?

23 марта

Приятель Каткова, Островский, большой вместе друг с начальником цензурного Комитета Феоктистовым, передал мне следующие подробности: «По жалобе Гирса, государь велел дать Каткову предостережение за первый его *leader* [здесь: статья], в котором тот обнародовал секретные статьи тройственного союза. Об этом телеграфировали Толстому в Москву. Тот отвечал – давайте сейчас, ибо он издаст ещё более сильный *leader*. Феоктистов созвал совет, ибо предостережение от него должны исходить, и, не желая сначала высказывать воли государя, должен был, однако, это сделать, так как все члены опровергли его доводы. Бросился Феоктистов к Островскому – *pas si bête* [не настолько глупому]; тот направил его к Победонос-

цеву. И «старая няня» ломалась и отплевывалась долго; наконец, написала царю письмо, в котором выказывала всю неловкость подобной меры – она де будет иметь вид уступки угрозам Германии и возбудит русское чувство, а главное – дерзость Каткова есть следствие исключительного его положения, допущенного покойным государем и нынешним.

Это было в среду. В четверг Победоносцев был в Гатчино для урока наследнику и думал, что его государь позовет, но этого не случилось. Предостережение не давалось в ожидании ответа на письмо Победонсоцева, а этот нашел ответ, только возвратясь из Гатчино.

Государь внял его доводам, но велел послать к Каткову Феоктистова, чтобы тот прочел ему громовую его резолюцию; вместе с тем, в ответе Победоносцеву, государь прибавил, что отказывается от предостережения только из уважения к личности Каткова, что слуга Каткова, Феоктистов, конечно, ему передал.

Катков прискакал сюда и вчера был принят государем. Как он рассказывает, к нему были милостивы, внимали уверениям, что на его высоту многое не доходит или доходит в искаженном виде и пр. и пр. Вспомнил я, как Самарин говорил мне, что глаз на глаз Катков расцелует у Государя руки. Государь будто обещал Каткову, что Мин-во Иностр. Дел будет ему сообщать верные данные и велел ему быть у Гирса. Гирс его не принял и Катков уехал вспять. По-моему, хорошо, что на этот раз всё так устроилось; но остановится ли Катков? В самом *Times* [«Таймс», газета] и не только, в других европейских газетах, целые столбцы о его значении. И не у него закружится голова. Едва ли какой публицист добивался такого европейского к нему внимания.

Оржевский уходит, говорят, вследствие непримиримости с Грессером. *Robert* (?)[7], ярыга в полном смысле слова, истинный Кречинский, добивающийся цели, не разбирая средства, Оржевский просто кричит, что Толстой не посмеет с ним расстаться, потому что получает от него ежемесячно 2 т. рублей на свою охрану из 60-ти отпускаемых на секретную полицию. Может быть, в этот раз придется ему сказать «сорвалось».

На пруде утки приняли меня за государя, приходящего кормить их, и окружили целым стадом.

24 марта

Интересное заседание в Комитете Министров по поводу Кавказского нефтепровода. Опровергая в защиту внесенного им проекта замечания Дондукова и Посьета, Островский говорил целый час. Моя поддержка состояла в громадной экономической даже разности угля и нефти для Черноморского флота и в трезвой надежде, что наше новое топливо с берегов Черного моря, распространится в бассейн Средиземного.

7 Так в тексте

Дондуков не отвергал нефтепровода в принципе, но стоял за керосинопровод, на что и согласились, но претензия князя та, что дело длилось три года. Абаза успокаивал в монополии, которой многие опасались, и нефтепровод вышел большинством 14 голосов против 4 – на три года постройки и 12 лет исключительного пользования, с правительственным контролем и минимальным тарифом в 11 коп. с пуда.

25 марта

Радостно приветствовал императрицу по случаю дня рождения Ксении. Великая княгиня Александра Иосифовна сказала, что убьет меня, если я уничтожу Греческую станцию, а Елизавета Федоровна была очень любезна и сказала, что в июне отправится с мужем на юбилей королевы – *comme particuliers et oficiellement* [как особенный и официальный]. Я пошутил и посоветовал заранее сшить себе музыкальный турнюр.

26 марта

Слушал в думе Анненкова. Общий взгляд на постройку Закаспийской дороги и коммерческое её значение мне, ничего не читающему, был интересен. Анненков передержал отпущенные на дорогу суммы и, как сумасшедший, устраняя препятствия, не считал. Попов в своем роде. Не симпатичен, но сделал дело, и потому камнем в него бросить не должно.

27 марта

Так уже и хожу по конференциям. По предложению Бунге ещё, Общество промышленности и торговли собралось в музее рассуждать о предстоящем исходе контракта с Р.О.П и Т. – продолжать ли его, как продолжать и сколько давать субсидий. Докладывал Горенко. По его наветам нужно отказать в субсидии по круговой Александрийской линии, по Анатолийской и, наполовину, по Одесско-Константинопольской, т. е. по ней не субсидировать, а только по Румелийской, с тем, чтобы последняя не продолжалась до Константинополя. Скальковский возражал умно, но явно поборником общества. Кази, пустивший Горенко застрельщиком, поддерживал его, возражая Скальковскому. Я пошел послушать и начерпать мудрости для решения дела, когда придет время, и ровно ничего не вынес *for my guidance* [для моего руководства]. Мне кажется, чисто товарные линии субсидировать не следует, чтобы дать возможность другим конкурировать. На нужных срочных линиях давать хоть более, но с условием большой скорости и современных пароходов. Выговорить условия употребления пароходов в случае надобности или покупки их и, наконец, установить минимальный тариф, чтобы новые предприниматели могли пуститься на предприятие, несмотря на то, что у Р.О. весь материал уже налицо.

29 марта

Бедный Жомини. Поболтал с корреспондентом *Figaro* [«Фигаро», французская газета], а тот не только тиснул всю болтовню, но назвал его по имени. Жаль было на него смотреть сегодня. Чувствует себя виноватым и сознает, что сболтнул. Важного ничего нет, но всё же есть оттенок недоверия к Германии.

30 марта

На докладе государь с большим сожалением говорил, что получил горькое письмо от матери одного из преступников, в котором бедная выражала уверенность, что сын её арестован по ошибке, ибо всегда высказывал нежные семейные чувства и самое невинное чистое направление. Мать просит свидеться с сыном и тогда убедить его величество, что сын не виноват. Государь дозволил свидание и с горечью говорил, какое бедной матери предстоит разочарование. Сын отчаянный фанатик и принадлежит, по собственному сознанию, к террористам. Схваченные шесть человек только исполнители.

Данилович передал мне, что государь велел ему посоветоваться со мною насчет Георгия, назначаемого во флот. Ему нужен учитель для морских наук и гувернер практик из моряков, который мог бы ходить с ним капитаном и адмиралом. Господи! Уясни ум мой.

Такой уж день. Рихтер, по возвращении из Гатчино, ждал меня с просьбою способствовать свадьбе Шевича с разведенною Свербеевой, склонивши священника на «Донском» обвенчать их. У Свербеевой есть разводная, но развод дан по её вине.

31 марта

Показывал великому князю установку тяжелых орудий на «Чесме». Инженер Металлического завода Крель, до отсылки инсталации в Черное море, собрал всё у себя и представил ясно, как бы на самом корабле. Очевидно, представление заняло августейшего моряка.

К завтрашнему дню 68-й моей годовщины стеклись приятные известия. Вертели механизмы на «Чесме», спустили и пробовали лодку «Кубанец», шедшую 15 узлов, и спустили во Франции крейсер «Корнилов».

1 апреля

Обрадовали и до глубины души тронули меня державные милостивой и сердечной телеграммой, поздравлявшей меня с днем моего рождения и вспоминавшей приятное время, проведенное в этот день прошлого года в Ливадии. Какая ангельская память! Телеграмма шла от *Alexandre et Marie* [Александра и Марии]. Поблагодарив мысленно всевышнего, я отвечал на имя императрицы:

Qe le Fout-Puissant Vous ait sous sa saint garde et comble de ses divines bontés Vos Majestés si gracieusement désireuses de faire des heureux Veuillez agréer cette fervent priere

de votre trés fidéle reconnaissant et heureux sujet [Как Всемогущий, Вы – их святой покровитель, вы одариваете их своей божественной добротой. Ваши Величества милостиво готовы сделать людей счастливыми. Пожалуйста, примите горячую молитву от ваших самых благодарных и счастливых подданных].

На склоне дней господь дал мне возможные утешения. Защити меня, Надя, от всякого тщеславия и гордости.

Перед отъездом много хлопот. Сегодня был в новом адмиралтействе с великим князем, всегда высказывающим более деятельности в моем отсутствии.

5 апреля

Светлый праздник как-то смотрит буднем. Всё снег и стужа, во дворце малолюдно и отсутствие веселости.

Государь хотел провести, как говорили, три дня в городе, а уехал в Гатчино тотчас после заутрени. Лично я устал и едва мог идти по прямому направлению после *baise-main* [целования руки]. Новостей нет никаких, исключая удаления Оржевского. На его место назначен Шебеко, прежний Бессарабский губернатор. Думали, что Гирс получит *dé demagement* [переезд на другую квартиру] по делу с Катковым, но этого не случилось, хотя по ведомству И.Д. много наград.

Из разговора с Даниловичем вижу, что вопрос о Георгии Александровиче ещё не решен. Просит только указать ему на людей, с которыми мог бы посоветоваться на счет курса.

6 апреля

Ездил в Гатчино откланиваться. После завтрака, в разговоре о нефти, государь вспомнил с негодованием, как раздавали места на нефтяной равнине в Баку, на что в. к. Михаил закусил губы и, по удалении государя, сказал: «*Quellepierre il a lansé dans mon jardin* [Бросает камни в мой огород]».

Вечером нескончаемый обед у японского принца Комацу. Дипломаты, несколько моряков и военные, ублажавшие его, как командира японской гвардии, на страстной неделе. Принц ждал, что государь отдаст ему визит, но его, кажется, уверили, что приехавши на несколько церемоний, государь сделал это для него. Мне не нравится эта *nonehalance* [беззаботность]) державного. Япония страна будущего, и с нею ладить нужно. Немцы понимают это.

7 апреля

Перед отправлением в путь посетили меня Влангали и Зиновьев: первый со скучными вздохами о положении Гирса, для которого не пропустит лишнего обеда, а второй сказал, что положение Гирса-Катковского вопроса не улучшилось и не изменилось. Московский трибун возится с абиссинцем-казаком Ашиновым и на свой страх, ради собственной политики, выписал в Москву ярого фенияна, которому доставил возможность

проникнуть до первопрестольной без паспорта. Владимир, возвратившись из Берлина, говорил государю, будто очень резко, что подобные отношения безответственного публициста к правительству не могут быть долее терпимы. Павел Шувалов также выражался очень откровенно. Будто поняли. Мне кажется, дали бы дорого тому, кто указал бы средство выйти из странного и начинающего быть унизительным положения.

Вследствие Катковских изоблачений по тройственному союзу, пруссаки стращают обнародовать наше согласие, чтобы Австрия заняла Боснию и Герцеговину. На это в свое время употребили Обручева. Если объявят, ничто уже не удержит Австрию идти далее. Удерживающая связь тайны будет порвана.

В $8^{1}/_{2}$ часов пустились на юг. Боже, сохрани нас.

10 апреля

В 2 часа прибыли в Севастополь и поместились в воскрешаемом мною офицерском собрании. Тотчас отправился на корабли. Не все идет, как по маслу. И англичане – бронеделатели и Крупп – сталелитейный мастер оказались с прорехами. О прогулке моей на «Чесме» нечего и думать. Лодку «Кубанец» застал вытащенною на берег. Какой-то пропуск в чеканке у ахтер-штевня и небольшая течь.

Пороховой погреб построен хорошо на 40 т. пудов и вообще всё в Сухарной балке обещает быть в порядке.

11 апреля

Город видимо отстраивается.

Смотрел на место под минное учреждение. Много работы и денег нужно, а едва ли деньги найдутся.

12 апреля

Помолился на могиле адмиралов и, делая визиты, заметил и на горе явные признаки воскресения Севастополя из мертвых. Весьма жаль, что настоящий деятельный голова отказывается от должности.

13 апреля

Стрелецкая бухта, будучи вне рейда и довольно вместительна, могла бы быть, с весьма небольшими издержками, обращена в прекрасный коммерческий порт, опирающийся на Севастополь. Стоит только соединить её железною дорогой с Севастопольскою или иною по близости Севастополя станциею.

В техническом смысле Севастополь, владеющий уже всеми средствами починки кораблей, представляет тем и для коммерции преимущество перед Феодосиею, *oú tent est encor á faire* [которую ещё нужно построить].

Но вот грозит Севастополю другая беда. Ищут места для какого-то центрального карантина. Портовые карантины не обеспечат от заразы, вносимой железными

дорогами, а с моря легче оградиться участием в Босфорском карантине, и без того не пропускающем суда из зараженных местностей. То же можно, и легче, сделать в Сулине или в вершине Дунайской дельты. На Дунае уже существует интернациональная комиссия и нам оба участия обойдутся менее, нежели собственные карантины. Оба карантина могли бы служить и против политической заразы.

16 апреля

Посвятил день обзору защиты Севастополя с юга согласно с решением так называемой Майской комиссии. Нужно было призвать опытных в Шипкинском сидении или в Рущукском подвижничестве, а спросили бравших средне-азиатские глиняные твердыни или блуждавших в тамошних песках. Во-первых, приняли странную базу – вот вам 16 баталионов; располагайте по этому числу ваши укрепления. Кажется, все защиты местности следовало первее всего подчинить очертанию, а потом уже определить численность гарнизона. Исходя от такой фальшивой базы, устроили какой-то редут, а подступы к нему, с Сапун-горы, хотят унизать полевыми укреплениями. Если, создавая такую временную позицию, думают, что войска станут упорно держаться на ней, то незачем редут, а если есть редут, то на передовой линии (и самой важной – я разумею хребет Сапуна) не станут долго держаться. Впустят неприятеля на *plateau* [плоскогорье] и он поберет форты редута, как побрал прежние, и даже легче, потому что местами, по балкам, прорвется между ними, и огонь кораблей не в состоянии помочь защитить фортов.

Во всяком случае, утвердившись на *plateau* и занимая столько укрепления, он мортирами разгромит наши морские учреждения. Ради этих соображений я стою на выраженной мною в совещании мысли – укрепить прочно гребень Сапун-горы и завалить минами (с должным охранением) вход в Балаклаву. Я думал от Сапуна примкнуть к линии западных фортов редута, но сегодня убедился, что и этого не нужно. Можно с запада ограничиться повороченными уже к Камышевской бухте французскими верками, пожалуй, между нею и Стрелецкою устроить редут, да ещё прибавить морское укрепление на восточном мысе Стрелецкой бухты. Тогда никто не решится высаживаться между Херсонесом и Севастополем, а с моря ... (?)[8] ..., и говорить нечего.

Видимая растянутость моей линии сократится железным отростком чугунки от Ушаковской балки к Стрелецкой бухте, куда я хочу вынести коммерческий порт и тем совершенно предоставить рейд не только гавани, – военному флоту.

Сегодня я проехал по всему десятиверстному протяжению предполагаемой линии, от тыла сухопутных казарм, по *plateau* [плоскогорью] Сапун-горы, назади Французского кладбища и хутора Бранера и оттуда по правой стороне Стрелецкой балки. Только упорство (в смысле упрямство) может видеть затруднения провести

8 Так в тексте

тут железную дорогу. 10 верст лишних не лягут невыгодно на экспорт, а коммерческий порт отделится совершенно. Севастополю отросток не повредит, и в военное время дорога прослужит в пользу для передвижения войск. В позиции можно быть столь уверенным, что большую часть войск придется держать на северной, откуда только и будет грозить опасность.

18 апреля

Пробовал новую лодку и три миноносца. Вышли далеко за Херсонский маяк. Механизм работал превосходно, хотя не достиг более 102 оборотов, вместо 120 контрактных. Не менее того я убедился, что лодка может прикрывать атаку миноносцев. Возвращаясь, повертел её в южной и даже Корабельной бухте между стоявшими нашими пароходами и купеческими судами. Изъян состоял в сломанном итальянскому купцу фока-рее – и того избежали бы при маленькой опытности. Хорошая посудина.

Из миноносцев интересовался более родным «Измаилом». Держался хорошо с Шихауским и Нормановским ходоками и даже вел на буксире Шихауский, когда тот, поворачивая на полном ходе, потерял нижнюю часть заднего штевня. Возился долго, чтобы вынуть руль, и когда мы воротились на помощь ему, дал сам ход, правая передним рулем.

День приятный.

19 апреля

Утром отправились в Бахчисарай на экстренном поезде. Не случалось ещё так хорошо проследить дорогу по историческим местностям, дорогим русскому сердцу. Профиль Сапун-горы, Федюхины высоты и всё, что так щемит душу воспоминаниями о нашей беззаботности и крепости задним умом, мелькало перед нами ясно. Бухта не отвязывалась очень долго, являясь неожиданно на каждом повороте дороги.

Пыльным городом, хранящим упорно татарский характер, въехали в Ханский дворец и остановились в покоях для путешественников. Отобедали и, осмотрев дворец, возвратились в Севастополь.

Простился со всеми официальными знакомыми, давши им наставления для предстоящего торжества и послал Алексию длинное письмо, написанное в надежде, что он покажет его государю. Особенно хлопочу о возобновлении Петро-Павловского храма в Севастополе.

20 апреля

К 8 часам утра прибыл в Ялту. Тотчас поехал к экс-генерал-адъютанту. Встретил его с *belle* [красоткой], осмотревши прежде церковь. *La belle* была оставлена на попечение ждавшего у церкви монаха, а мы прошли в Цинцинатово убежище. Экс-

патрон мой ухватился за комплимент, который я сделал ему касательно ходатайства его за Сальвиати. ½ часа в. князь хвастал мне своими дипломатическими способностями, как он уготовил почву у государя, Владимира, военного министра и, наконец, как он, представя Сальвиати царю, вырвал положительное приказание возобновить мозаично кладбищенскую церковь, и как государь прибавил личный заказ образа в Ливадскую церковь.

Потом развернулись планы будущих украшений Ориандской церкви, метеорологические наблюдения и пр. и пр. О флоте ни слова, и отказался приехать на спуск.

В Ливадии дворец государя уже срыт.

В 12 часов снялись, протерлись вдоль Никиты, Гурзуфа и Аю-дага и к 8 часам пришли в Феодосию. Айвазовский тотчас явился и увлек к себе. Сидели между его дивных ещё произведений, толковали о пользе железной дороги в Феодосию, пили чай и возвратились к себе, обещавши завтра быть его рабами.

...

20 апреля. Вследствие записки Ратника дал отсюда разрешение приступить к налажению всего для движения «Чесмы» нефтяным паром. Великое будет дело, если удастся, и громко явить верность пословицы «нет худа без добра». С углем «Чесма» перегрузится на фут слишком, а нефть не допустит перегрузки.

...

20 апреля (продолж.) В 8 ч. вечера прибыл в Феодосию. Тотчас приехал магнат Айвазовский и повез к себе знакомить с молодой женой. *Il aime la yeunesse* [он любит молодых]. Цинически выражается безалаберный армянин-артист, разошедшийся с милою женою, народившею ему трех детей.

...

20 апреля. Рано утром сходил для осмотра маяка, строющегося на мысе Чауда. Вышел на берег – не на Невскую набережную, всполз на пригорок и <u>по степу</u> дошел до маячных зданий.

Разумный десятник (50 руб. в месяц) ведет всё дело. Все здания почти готовы. На юг смотрит квартира смотрителя и три светлые комнаты для сторожей. Между ними Маячная башня. На севере – кладовая с небольшим погребом. Главный погреб на восточном фасе маячного квадрата, который обнесется проволочною оградою. На дворе цистерна для воды с каналом вокруг, собирающим всю воду. Впрочем, вблизи маяка есть колодезь хорошей воды. Как видит глаз – степь кругом, а к югу влажная степь моря. Велел радеть о посадке деревьев и раздвоить выносной <u>*trank*</u> [ров] в отхожем месте. Ординарный тяжел, и поэтому никогда не будет выдвигаться для очистки.

К 11 часам возвратились в Феодосию. Съехали и зашли к оригиналу Соковнину. Очевидно, запрещено ходить по комнатам, так педантски вылощены полы. И безмерно скуп – считает дочери куски сахара – и расточителен до *stupidity* [глупости]: выстроил магазины, любуется ими и никого не впускает из боязни, чтоб не испортили.

Когда думали проводить в Феодосию железную дорогу, французское общество начало хозяйничать и фантазировать. Одну из улиц прозвали *Rue de Rivoli* [улица Риволи]. По ней мы и проехали в *Palazzo Aiwasovsky* [дворец Айвазовского]. Большой дом убран преимущественно трудами хозяина. Завтракали в картинной галлерее, светлой просторной зале. Устроил обед, чая от меня благ для Феодосии и для своего зятя. Даже дал в подарок особую картину – вход в Севастополь.

21 апреля

За ночь пришли в Новороссийск. Тотчас явились вся команда железной дороги и портовая. Объехал город, посмотрел *Robinaut* [роботы], автоматически закрывающие доступ пара и нефти при отвороте от печей, прошелся по французскому нефтяному заводу и многочисленным резервуарам и долго расспрашивал о нефтяных остатках. Всего-то гонит нефтепровод полтора миллиона в год. 30% идут на керосин и тяжелые масла; все остальные остатки, раскупаемые на расхват по 27 коп. с пуда. Дорого. Наш чичероне Кербедз, умный образованный малый, свез нас на гору по шоссе и показал дивный вид на бухту и вьющееся внизу полотно дороги. Идея Кербедза провести железную дорогу по Кавказскому берегу, вместо Владикавказо-Тифлисской – мне нравится.

On rendva á la culture dans milliers d'acres de terrain [Принесли культуру в местность, измеряемую тысячами акров].

23 апреля

Обильный занимательностью и впечатлениями день. В 8 ч. утра оставили Новороссийск *á la caucosienne* [по-кавказски] поездом в шесть экипажей со всем полицейским и железнодорожным штабом и конвоем из казаков. Следуя почти вдоль полотна чугунки, вышли осмотреть работы небольшого тюнеля, и *comme avant-goút* [поскольку появилась подагра], прокатились по ним в вагонете. В 18 верстах от города достигли *Great attraction* [огромной протяженности] тюнеля в 1½ версты длиною, пробитого через перевал в долину Кубани. Рабочие не только из России, как выражается казачина – уездный начальник, но сброд из разных стран: турки, грузины, черкесы и, как минеры, итальянцы. Для свода тюнель разрабатывается во всю ширину, но вертикальная стенка с правой оставляется, пока не потребуется второй путь. Самый тюнель извивается буквою S. Воды сочится довольно, так что со временем думают провести её в Новороссийск.

Проехавши ещё 11 верст в экипаже, пересел в экстренный поезд и, не надеясь на осадку полотна, прошли тихо по направлению к востоку. Паровой свисток заменил казацкую нагайку и гонял рабочих своевременно с пути.

Весь край по левому берегу Кубани производит табак. Правый берег пшеничный и вывозит зерно Кубанью, через Ейск, Ростов и пр. Значительная часть хлеба пойдет по новой дороге и вместе с нефтью и табаком сулит ей немалые выгоды. Ку-

банская область зависит от М-ва В.Д.; имеет города с управлениями, земские учреждения и пр., разнествуя в этом с Донским войском. Военное управление и военные повинности те же, так что предложенное присоединение к области Черноморского округа не требует изъятия из общего закона и, пожалуй, введет только полезную казацкую дисциплину. Читал разные проекты о Новороссийском порте, дивясь, что не приносят последний, представленный обществом. К 4 часам остановились против Ильской станицы.

«Русский Стандарт», так величает себя Об-во нефтяное, думал, что я разину рот, вероятно, не подозревая, что я был в Черном Бакинском царстве.

В 11 часов вечера прибыл в Екатеринодар и был встречен генералом Леоновым.

24 апреля

Завтрак у Леонова. Атаманский дом невзрачный, но *home* [дом] – напоминает Николаевский. Осмотрел крепость, т. е. место, где прежде были курени. Мастерская для починки ружей и при ней школа. 4-х (с практическим) годичный курс. Принимают 19-летних, оттягивая для них срок поступления на службу. Арсенал, по-казацки, примечателен. Хранятся все грамоты, булавы, знамена и царственные подарки. Есть девичий пансион, много школ М-ва Просвещения и войсковых и даже классическая гимназия! В стране, где вчера ещё крали друг у друга жен и резали людей, как куриц! Где и теперь ещё полу-дикари, понимающие – и то по-своему – только вольницу.

Рыбный промысел уже не тот, что был прежде. Меньше рыбы, по одним, вследствие жадности торговцев икрою, по другим, оттого что мелеет Богазское устье. Последнее не причина, потому что река, а за нею и рыба, бросается в другое.

Любезные представители дороги не покидали и повезли к Тихорецку.

25 апреля

В 8 ч. утра прибыл на станцию Минеральные воды. Старик Щепкин, директор вод, ждал нас по распоряжению приятеля Островского. Направились в Пятигорск. Начальник области, старый знакомый Смекалов, был налицо; атаман Краснов, командир Нижегородцев – кн. Васильчиков, голова с хлебом-солью.

Немедленно приступил к осмотру Пятигорска. Здесь много и удачно трудился Франсуа, сделавший дельные указания для усиления источников, но уехавший в негодовании вследствие бюрократической спеси Ставропольского губернатора Барановского, с которым его свели.

Вечером Васильчиков показывал альбом своей военной прогулки через хребет к Сухуму. Оба пути его назначены у меня на карте. Потеряли немало лошадей и набрались ужасов. Особенно курьезны ледяные мосты через потоки. В таких поездках, говорят, будут впредь участвовать офицеры русской армии. Таким образом, военные, покорившие Кавказ, познакомятся и с внутренностью его для мирных целей.

26 апреля

Утром двинулся в Кисловодск. Остановился в Эссентуках, главной лечебнице района. Небольшое место смотрит опрятно.

Кисловодск наиболее живописное и людное место группы, расположенное в 2000 ф. над поверхностью моря.

Завтракали у атамана Сафонова – казака образованного, т. е. думающего непрестанно и выгадывающего, как бы попользоваться Москалем. Супруга ещё хитрее. Имя Воронцова здесь во всех устах. Очевидно, он не любил строить на свое только время.

Поклонился буяну – Нарзану, теперь запертому в прекрасной галлерее. Температура 12°. Почему так короток сезон на водах? Странно. Они не процветут, если будут посещаемы только два месяца в году. Говорят, в остальное время частые дожди. Да разве в Карлсбаде, Эмсе, в Спа не частые дожди? Никто не обращает на них внимания. Старик Щепкин, заведывающий водами, но больше любящий вино, разделяет мое мнение, что нужно приучить к более продолжительному сезону, даже с усилиями правительства, например, удешевив помещения в мае, сентябре и октябре (на первых порах).

На обратном пути осмотрел нижний парк в Эссентуках и знаменитый № 17, дающий всего 28 ведер в сутки. Не верят французским техникам, не верят своим, слушают бредни медиков, уверяющих, что их дело обращаться с водами геологически, когда они не знаю прямого своего – употреблять их терапевтически. В Петербурге, из робости повредить источникам, не решают представлений с места – и действительнейшие щелочные воды в Европе грозят иссяканием.

Завернул в Железноводск. Богаче природою всех остальных мест группы.

Ехал вместе с Смекаловым и слушал его рассказы о нынешнем положении края. Нет у нас последовательности, а у турок, несмотря на злоупотребления, администрация проникнута последовательностью, и если бы мы не вмешивались по временам, то не было бы ни греков, ни болгар, ни сербов, так выгодно быть мусульманином и турком. У нас же, с веяниями 60-х годов, развился сепаратизм между грузинами. Дело Киприяни, дерзнувшего публиковать разговор свой с прибывшим в Боржом завистливым к своей местной репутации мудрого якобы правителя Михаила Николаевича, ясно доказывает, что наше *soi-disant* [мнимо] неограниченное правительство, в сущности, просто анархия. Даже ученики Кутаисской гимназии безнаказанно наклеили прокламации, в которых советовали нам убираться вон.

Скромный и взвешивающий слова Смекалов рассказал мне совращение Николаи и анекдот про Полтинина. К нему пришли ополченцы с брюхатым помещиком-капитаном. Взглянул вечно навеселе кавказец на курьезного по виду начальника и иронически спросил его: «На что вы полагаете себя способным?» «На всё» отвечал разжиревший Саратовец или Рязанец. «Ну, скажите поощрительную речь вашим дружинникам перед походом». «Ребята! – гаркнуло пузо, – вы видите эти горы.

Трудно, очень трудно перелезть их; но и слон, послюнивши, муху у...». Пьяному Плотинину слово пришлось по сердцу. Он обнял оратора и счел его на всё годным.

Горцы и даже Лазы начали переселяться, услышав, что их станут брать в солдаты. И теперь ещё волнуются, не зная, сколько от них потребуют взноса вместо службы. Смекалов находит, и мне кажется справедливо, что Островский не только насыщен собственною непогрешимостью, но вдунул ту же уверенность в подчиненных и верит им.

Всем – Шиллингу, Островскому, Леонову разослал благодарственные телеграммы за истинно любезный прием.

27 апреля

Отправились на станцию Минеральные воды и оттуда до Армавира. Проночевали в вагоне и в 6 ч. утра в экипажах поехали в Майкоп по почтовому тракту.

28 апреля

Едем поездом в пять–шесть экипажей с конвоем по зеленой, цветами убранной степи. Прекрасная дорога, очевидно, непроходима в дождь и тогда не соединяет, а отрывает Майкоп от мира. На станциях всё однообразные жалобы прежних солдат на казаков, не дозволяющих им держать вдоволь скотины. Казаки народ не работающий, арендующий поселенцам и солдатам свои земли и вместе не дозволяющий пасти на общественных землях, даже за плату, более 4 коров и 6 овец. Отсюда жалобы, а начальству ещё не пришло в голову, ради поддержания казачества, переселить всех так или иначе севших на казацкие земли. Их сотня тысяч. Край обезлюдят, а из казаков прежних молодцов не сделают. Напротив, непривычные к труду, они оскудеют средствами к ополчению на службу. Нужно об этом поговорить.

29 апреля

Ночевал в Майкопе, бог знает, отчего разросшемся в 25 т. город.

Проезжал Лабу и Фарс, часто делающие фарсы. От Майкопа начинается гордость Дондукова – шоссе до Туабсе. Нас провожает начальник дорог округа Суходольский, которого вернее назвать можно рыльским, ибо, пользуясь 26-летним пребыванием в крае, мочит рыло на каждой станции по-кавказски. Вот в каком состоянии знаменитое шоссе. Обделанное полотно, превратившееся в корявую грязь, ведет до Елизаветинской с небольшими шоссированными промежутками. По нем, в слякоть, грязь невылазная. На так строют, о чем, кажется, я говорил уже.

От станицы Ходыженской ведет прекрасное живописное шоссе. Не помню ничего роскошнее и прекраснее долины Пшиса, вьющегося под изгибами дороги и образующего прелестные овальные поляны.

Подъем через Елизаветинский перевал особенно сенсационный. Жаль что глупцы-инженеры посоветовали дольше отдохнуть в Ходыженской и мы добрались до ночлега не видевши живописного конца дороги.

В гористом чудном крае много удобной земли и поселенцы из России, заслышав, что их хотят прогнать, просили оставить – привыкли.

Забыл, что по выезде из Майкопа увидел в поле Кубанскую батарею. Лихач – войсковой старшина Ягловской представил её в молодецком виде и проводил меня салютом.

30 апреля

Наученный вчерашним опытом путейцев в проводимых ими путях, тронулся сегодня в 5 часов утра и скоро начал катиться к морю вдоль реки Туабсе. К 10 часам прибыл в Туабсе. Парохода нет ещё. Сел на казацкого коня и отправился на Кадошский маяк. Сначала шерошили на берегу, потом свернули мимо остова разбитого судна в долину и начали взбираться, как козы, на маячный мыс. Ещё раз спустились в тонкую долину и, наконец, остатками парка, который начал разводить хозяин, лишенный земли за неисполнение условий, подъехали к маяку, стоившему нам столько денег, II разряда. Вдоль башенных стен течь, которую исправляли, но не исправили. Спланированная во дворе терраса так и осталась не только не засаженною, но ничем не засеянною. Подвалы затопляет. Неупотреблявшееся отхожее место. Кругом лес, а дрова возят из Николаева!

Будто вовсе запрещают рубить в окрестностях Туабсе. Порядки! От маяка увидели идущий «Эриклик»; возвратившись, застал его на рейде и тотчас же перебрался на фелюге, которую спустили вместе с нами очень ловко.

1 мая

Ночью всё время шел дождь. В 6 часов снялись с якоря и направились по берегу к югу. Остановились против дачи Сибирского Сибирякова. Робкий хозяин (Конст. Михайлов.) встретил нас у моря пушечными выстрелами. Как бы нас приняли 20 лет назад или в мое кавказское время?

Взобрались на *point de vue* [место обзора], навязавши на свои калоши чуть не по пуду грязи. У богача-пионера до ста рабочих и работают черкесы из соседнего аула, которые пришли приветствовать меня и просить земли из казенной. Кажется, обобрали и здесь, как в Оренбурге. Между приживалками застал Лидию Пашкову, жившую когда-то на миллионах и прожившую их, а теперь ищущую чужой помощи и пописывающую вздор в журналы (больше французские, как она говорит, ибо литературный труд плохо в России оплачивается; мне хотелось прибавить – «в особенности плохой»). Те же косы певицы – попросту растрепанной бабы. Привязалась к добрым людям. Проводила меня до яхты. Хозяин жалел, что не мог довезти меня на пароходике, вытащенном для починок. Место ему нравится и действительно восхитительно.

Пошли далее к югу вдоль сравнительно пустынного берега.

2 мая

Был задержан густым туманов до 10-ти часов утра. В это время увидели Пицундский мыс и показалась «Забияка» с Кутаисским губернатором и начальником Сухумского округа Введенским, рослый любитель ботаники. Взял с собою на «Эриклик» и вместе с «Забиякою» пошли к Новому Афону. На железно-свайной пристани нас встретила братия. Поднялись в церковь. Пропели молебен и пошли с визитом к только что назначенному Сухумскому епископу Геннадию, прожившему 30 лет в Троицко-Сергиевской лавре. Оказался говорливым ревнителем; в первый раз он знакомился с местною властию и просил покровительства. Епархия его до Анапы; он собирается осмотреть её и боится остановиться у Сибирякова, потому что он почитатель Льва Толстого. И начались жалобы на Левушку, на зловредность его сочинений, на его хитрость и пр. и пр. То правда, что слабый Сибиряков увлекается яснополянскими теориями, но вреда-то в них особого я не вижу.

Вообще Н. Афон оставил во мне то же сладкое впечатление, что Валаам. Везде упорство труда, поддерживаемое строгой дисциплиной. Чем была бы Россия, если бы в ней все так работали?

Геннадий благословил образом.

Отпалил труженикам и перешел к вечеру в Сухум.

3 мая

В 9 часов съехал на берег. По-моему, Сухум никогда не был лучше. Напротив, теперь есть основные признаки заботливости о нем – тенистый бульвар на взморье, *square* [сквер], красивая церковь, хорошие казармы и пр.

У Введенского совершенный эдем – отрадно видеть столько настойчивого труда и такие родные прелести.

4 мая

Утром, в 6 часу, вошел в Потийский порт. Порт уже не строится военными инженерами и не поступил в М-во Финансов – полное безначалие, а сюда уже входят суда.

Оконечность южной молы от заворота так осела, что бетонные массивы совсем ушли в воду и траповая площадка внутри уже ниже горизонта воды. Над водою осталась стенка, выложенная из кусочков на обыкновенном цементе. Её своротит первою бурею – и опыт есть: на самом завороте, где были и массивы, только не на мешках, а прямо на присыпке, пробило стену насквозь. Инженер-полковник изволит находить повреждение пустым. Волна так роет внешний порт, что у корня южный мол покривило внутрь.

Остов парохода *Carro* [«Карро»] торчит у конца раздельного мола. У северной стенки работают над подъемом затонувшей с людьми землечерпательницы (говорят, погибли мальчики, чистившие трубки котла). Два парохода Р.О., стоявшие с северной стороны раздельного мола, остались невредимы, хотя своротили кормовыми

швартовными врытые пушки. О разбившихся во внутреннем порте каботажках не говорю, зная, какие у них снабжения.

Следует скорее заделать существующий вход, пользуясь необходимостью исправить южный мол, и открыть северный. Гибельный ныне внешний порт станет обширным и спокойным бассейном. Грешно и думать покидать такое сооружение без дальнейшего призрения. Глупо думать проводить сюда нефтепровод. В порте, по тесноте, скучение нефтяных судов с вывозящими хлеб и марганец богатой Рионской долины, всегда будет опасно. Этим и решается пристрастный вопрос в. к. Михаила. Но порт стоит окончания по благам смежного края, не говоря уже о сраме бросить почти конченное. С грустью, но надеждою, с сожалением к Матушке-России, вышел в море и тотчас вылил мои слезы надписью К. Н. Посьету на поданной мне городским головою записке. Да поможет бог!

Спасательную станцию из южного рукава Риона немедленно перенести в порт. Выходить из устья реки нельзя в бурю. Бурун поперек входа, хотя на баре и бывает до 7 фут. Написал Посьету, что души погибших на итальянском судне, невидимо для всех потерпевших крушение на рейде, не пустят его в рай. Через стенки льются целые волны, и берег материка подмывается ими и входящим волнением через вход.

В Батуме застал «Олег», бывший в Поти в шторм 11-го марта; позвал его командира – *a clever man* [умного человека]. Он говорит, что если бы буря продолжалась ещё час, все суда погибли бы; что гавань так рыло волною, что пароход *Carro* [«Карро»], которого рубка и, в особенности, бак были под водою до бури, после неё переломился и обе части погрязли настолько, что теперь ничего кроме мачт с воды не видно. Волны катились через парапет. Южная стенка раздельного мола треснувши и, по мнению командира, таких две бури молы не выдержат.

Что касается до неведомо погибшего судна вне молы, командир уверяет, что его разбило о мол или, лучше, риф, который тянется вдоль берега; что между рифом и берегом глубина, чем и объясняется гибель всех людей без исключения.

В Батум пришли к полдню. Тотчас явились все начальники частей и в 4 часа у меня был строитель порта Зубов, городской архитектор и полицмейстер – Смекаловская комиссия для обсуждения распланировки города – с подробными планами и чертежами. Изучив их подробно, узнал, что Ротшильд уже запустил свой жидовский коготь в здешние богатства покупкою завода Палашковского, что он посылает керосин отсюда уже в Бомбай, имея по 60 коп. с двух пудов барыша; что Нобель, навезя по разверстке производительности более нежели кто-либо керосина в Батум, стал царем нефтяной здесь биржи и прижал самого Ротшильда.

Узнавши всё это от моих ярых собеседников, прогулялся на шлюпке в новый порт. Идет успешно и внешняя стенка мола будет окончена в августе, а весь мол через 9 месяцев. Будет удобно, когда всё кончится; но вход суживает осадкою горных речек с востока и наносами из Чороха с запада – мыс растет.

Государь выехал в Новочеркесск 3-го (вчера).

5 мая

В 10 ч. утра выехал на прогулку. Нашлись наши спекулянты, фиктивно и ложно купившие места у выселившихся турок, которые, в свою очередь, по турецкому закону не имели никакого права на владение, а только на пользование. Теперь эти места отбирают в казну, но местное начальство недовольно Островским, скупящимся на раздачу мест со времени Уфимского расхищения Башкирских земель.

Прекрасное шоссе на Артвин. Съехали в самую долину Чороха с снежным хребтом на фоне. Достигнув слияния Аджвариса с Чорохом, повернули влево, по дороге в Ахалцих, чисто стратегической и потому прокладываемой войсками. Застали музыку гренадер К. Н. полка и командира кн. Барятинского.

Кавказское угощение в павильоне из зелени.

Полки работают по два месяца, и Грузинскому задан кусок в 22 версты. Командир находит – и справедливо – что эта работа придерживает солдат к крестьянским привычкам.

Тостов было много. О порядке радел Ахмет-Эффенди, участковый пристав – Аджарец, одетый *an bébé* [как ребенок], с Станиславским крестиком. Он же палил под ухо из пушки. После завтрака расселись по каикам; пушку поставили на каик главного командующего и под дикие звуки зурны и турецкого барабана мы ринулись вниз и тотчас же вошли в Чорох. Рулевой – Аджар – с замечательной ловкостью правил двумя веслами, выкинутыми с кормы. Ахмет палил и мы неслись между зелеными холмами реки. Поистине *sport* [спорт].

Ловко пристали к низменному берегу. Мы вышли и вслед за нами виновник веселия – маленький железный фальконет, обернутый в башлык. Его ставили со станком на попа, поили порохом из глиняного винного кувшина, приколачивали железным прибойником и стреляли углем, защемленным между двумя лучинами. Ахмет улыбался и суетился и, вероятно, думал, какой мой брат осел; мне подают здесь руку министры, а ему там может попасть по пяткам, хотя он и паша. Брат сманивал Ахмета перейти в Турцию, но тот отвечал, что придет с тем, чтобы взять его и перетащить к нам. Нанюхавшись пороху, сели в экипажи и по той же дороге возвратились в Батум.

6 мая

Начал день поздравительной телеграммой наследнику, в которой напоминал ему, что он вступил на наш круг в этот день в прошлом годе, и получил ответ, что сегодняшнее торжество живо напоминает ему столь же радостное, прошлогоднее.

На площади парад, в котором участвовали и наши матросы. Взглянул на барачный госпиталь из гофрированного железа с войлочной внутренней переборкою и другой, деревянный, оштукатуренный. Очень хвалят. Первый барак выстроен в Англии, остальные – дома.

Осмотрел также маяк. Содержится чистенько и в зелени.

Осмотрел Бурун-Табия, теперь обращенную в нашу приморскую батарею. Вообще укрепление почтенное. К 18-у по берегу, воздвигается ещё одно, чтобы отгонять корабли, желающие дефилировать Бурун Табию и обстреливать Чорохскую долину против десанта. По южному берегу бухты вместо прежней турецкой батареи, неспособной стрелять через возвышенный мол, воздвигается к востоку новая в 18 орудий, а ещё восточнее, у холма Тамары, третья. Между западную и Бурун-Табия оставлена воздвигнутая в 1885 году батарея. Она обстреливает Артвинское шоссе, которым опасаются подступа десанта, и вместе, правым крылом, бьет в море. По высотам разбросаны пять укреплений, с мортирами, 6- и 4-дюймовыми орудиями, с целью не дать неприятелю утвердиться в горах. Всего 137, кажется, орудий, более и больших калибров (теперь 11 дюйм. десять и поставят ещё 4), нежели в Севастополе. Это нужно заметить кому следует. Осмотрел военный городок, опустевший, ибо хранящиеся в нем орудия ныне на батареях. Всё в большом порядке. Остались только орудия для вооружения нагорных батарей.

В 6½ часов собрались ко мне обедать начальники частей. Между ними начальник округа Путей сообщения Богуславский, учившийся у Петрушевского вместе с братом Петром. Вспоминали Смилово. Вечером иллюминовались. Офицеры с «Забияки» задали серенаду.

От Батума хотят вести шоссе прямо на Ахалцих, чтобы не зависеть от нынешнего, которое может быть занято высадившимся на левом берегу Чороха неприятелем. Губернатор Гроссман думает, что лучше вести шоссе не на соединение с Ахалцихом, а в притык к железной дороге у Кобулет, чтобы база была в Тифлисе. Дельно, но местность гориста и не исследована. Много обещает растущий Батум.

7 мая

На пристани сел в вагон и помчался по железной дороге. Действительно, весьма невыгодно, что рельсы идут на большом протяжении по берегу моря. Скоро въехал в роскошную долину Риона и около 3 часов прибыл в зеленый Кутаис и остановился у губернатора.

Дом хорош, творение гр. Левашовой. Отделка в персидском вкусе. Милое семейство.

8 мая

В 7 часов утра отправились на поезде на угольные копи. В этот раз мне дали слово довезти до копей. Железная дорога, чудо искусства, вьется большею частью по ущельям Красной реки, иногда по карнизу обрывов.

Остановились на конечной станции Твибуль, сели в фаэтоны и поехали по северной дороге к копям. Целая котловина с зарождениями угля образуется у скалистого хребта, и пласты выходят наружу. Вошли в корридор, от которого направо и налево идут галлереи. Ни водоотливов, ни подпор пока не нужно. Можно прямо

брать уголь в толстом слое. Нужно только провести ветвь от ст. Твибуль к копям. Закавказская дорога уже берет уголь, но не у Новосельского, а у других владетелей.

Возвращаясь в Кутаис, на станции Рион встретился с проезжавшим бар. А. П. Николаи.

Войску Донскому грамота, подтверждающая все привилегии.

9 мая

В 9½ отправился по железной дороге на Сурамский перевал. Работы по обходному пути и даже по самому тюнелю с этой стороны уже начались, и мы видели, ползя вверх, вход в пробоину. Как-то вдруг, истинно по-русски, посыпались на нефть все блага. Обходят Баку-Батумскую дорогу мимо Сурамского гнезда, решили нефтепровод и, наверное, частная промышленность возьмется за керосинопровод.

Скатились в Михайлово, где ждал губернатор Зиссерман, окружной мед. инспектор Ремерт, творец Абас-Тумана и местные власти. В экипажах отправились в Боржом, куда въехали через 1½ часа. Мутная Кура всё время сопутствовала нам. Хорошо поместили, ещё лучше накормили и вдобавок рассказали новейшую историю Боржома.

10 мая

В 5 часов утра осмотрел дворец и влез на часовую башню. Очевидно, Боржом стоил своего прежнего названия «соединения ущелий», т. е. трущобы; но трущоба эта озарилась светом просвещения и составляет теперь поистине царское убежище. Помечтал по парку и возвратился к чаю довольно утомленный.

Ездил после чая по всему Боржому. Разумный управляющий сказал, что в 9 лет он не везде ещё был, хотя в первый же год объехал наружную межу.

Ездил в Воронцовский парк, нагорное гулянье над Курою. С одного из заворотов чудный вид на всю панораму Боржома.

11 мая

В 7 часов утра выехал из гостеприимного, волшебного Боржома. Я им был очарован, но вместе хотел покуртизанничать и послать в. князю благодарное послание в рифмах, но не писалось и ограничился телеграфическою благодарностью, на которую, по прибытии в Абас-Туман, получил уже ответ.

Мы ехали скоро по прекрасному шоссе. Наконец, вышли из ущелья на простор. Не доезжая Ахалциха, остановились у памятника взятия его.

Через час после Ахалциха очутились опять в ущелии, более узком, нежели Боржомское, и более диком. Прибыли в Абас-Туман и, позавтракавши, пошли бродить. Как помещик, у которого хорошо и успешно идет хозяйство, Ремерт не подарил ни одного винтика. Совершена экспроприация и Ремерт начал все устраивать по заранее обдуманному плану, изучивши предварительно все подобные учреждения в Европе.

12 мая

Начал осмотром госпиталя. Вентиляция *parapelle* [пропеллером]. Полы из томета, 40 р. квадратная сажень. Нужно переделать все полы в Севастопольских госпитальных бараках. Взглянул на собрание и офицерский госпиталь.

В 10 ч. отправился на Зекарский перевал, через который меня решительно не пускают, стращая невозможностью проехать и беспомощностью в случае несчастья, ибо станций нет. Дорога очень живописна. Водораздел, через который нам предстояло перевалиться, подразделен по пути двумя узкими водоразделами, отбрасывающими в обе стороны речонки. Зигзагами поднялись мы до 8000 ф.

Перевал представлял обычный альпийский вид. Кое-где глыбы снега и журчащие под ними ручьи. Перевалились версты на три и с площадки, окруженной парапетом, полюбовались трущобой под ногами. Поворотили назад и быстро скатились домой, проехав всего 40 верст.

NB. Госпиталь на 200 человек будет стоить со всею роскошью 400 т. с проводкою воды, сквером и пр.

13 мая

В 6½ ч. утра оставил успокаивающий Абас-Туман. Ремерт остался по делу, которому по-видимому предан; просил передать Ванновскому его просьбу, чтобы воды перешли скорее в военное ведомство.

В 2½ часа в Михайлове сели в вагон и к полночи прибыли в Батум. На дороге беседовал с экс-инженером Шафровым – мученником Потийского порта. Он прочел мне историю порта, начинающуюся с начала столетия, со времени Цицианова, при котором, по несогласию турок уступить Поти, основан Редут-Кале. При Николае Поти перешел к нам, и начались проекты порта, кончившиеся настоящим портом Фолькенгаген-Жаринцовским, к которому приступили после неудачной и глупой попытки англичан, строителей дороги, выдвинуть в море пристань на железных сваях. Шафров предлагает, разобрав корень южного мола, им же воздвигнутый, соединить его *clairé voie* [ясно видимо] с рельсами с остальною частью мола, удлинить и укрепить головную часть и разобрать каменную одежду берега гавани – все для того, чтобы *SW^e^* [юго-западная] волна, неизбежно входящая в порт, рассыпалась не производя *ressac* [прибоя]. Во всяком случае, порт мал и нужно придать к нему северное русло Риона, вырыть в северном береге русла ковш и реку пустить в южный рукав. Все легче делать у северного, где бар ближе и глубина вдруг увеличивается.

Озлобленный Шафров, после того как катастрофа 11 марта оправдала его предсказания, подает государю записку.

14 и 15 мая

По составленному мною мнению, основанному на собственных наблюдения и беседах с местными властями, следует:

1/ образовать морское градоначальство в Батуме (там теперь живет некто вроде вице-губернатора), не вводя городского управления и подчинив ему укрепления.

2/ Потийский порт исправить, обратив коренную часть южного мола в *clairé voie* [ясно видимое] или просто разобравши её. Если к этому разобрать стенку внешнего порта, входящая волна будет рассыпаться. Голову мола исправить и, если можно, несколько продолжить. Коренную часть северного мола (пожалуй весь мол) уширить так, чтобы могли свободно проходить поезды.

3/ Прямой железной дороги не строить, а обратить сумму, на неё назначенную, для соединения Владикавказа с Петровским и Баку рельсами на улучшение Петровского порта. Взамен железной дороги, проводить шоссе, из них первее всего к Сухуму, от Батума к Риону или на Ахалцих и далее к Эривани.

4/ Пересмотреть вопрос о транзите на Джульфу.

5/ Разделить отпуск: Поти – для хлеба, марганца и среднеазиатских товаров; Батум – исключительно для нефти. Соединение всей торговли в одном порте поведет к стеснению её и насильственному ограничению торговли.

6/ В Батуме предполагается и есть для морской обороны XVII – 11-дюйм. орудий 1877 г., XII 9 дюйм. мортир, IV – 9-дюйм. орудия, X – 6 дюйм. Всего представлено 49 орудий, предполагается 56.

Сверх того на высотах предполагается иметь 72 орудия и мортиры от 6^{д} калибра и ниже. Все они могут бить в море и в бухту. Это предполагает весьма значительный гарнизон.

Как же Севастополь ограничить 16-тысячным и довольствовать теми орудиями, которые там ныне поставлены? Правительственная нелогичность.

Около полдня пустились в обратный путь, на спуск «Синопа». Благослови, господи, новое мое детище.

17 мая

Рано утром был у входа в любезный сердцу моему Севастополь, в ½ 6-го стали на якорь в Южной бухте. Снаружи город кажется в зелени, но её-то именно недостает здесь. Поэтому канал пресной воды из Черной речке особенно заманчив. Он оживит всю смежную местность. Утром же посетил госпиталь, а после завтрака адмиралтейство со всеми его *attraction* [здесь: задачами]. Застал здесь минную комиссию Драгомирова, и к 10 часам прибыл из Николаева главный командир. Новиков стоял на рейде с «Меркурием» и поповкой, составляя такой мизерный для торжества контраст, что я весьма кстати привел с собой из Батума «Забияку».

В полученных из Петербурга письмах жалуются, что, пользуясь моим отсутствием, яхтенские командиры делают обходы.

Впрочем, все благополучно.

18 мая

Рооп счел нужным, под предлогом отправления в отпуск, не принять моего приглашения на спуск. В сущности, он старался играть вторую скрипку. Бог с ним, но в соединенных действиях с ним каши не сварить.

Если возможно, нужно передвинуть плавучий док более вглубь и стараться поместить корабли под восточным берегом бухты, чтобы экипажи явились на них тотчас из казарм.

Заглянув в Собрание, бросил взгляд на план дома командира и на место у Казарского лестницы, которого просит Новиков. Лестницу эту следует поворотить несколько при переделке.

Нужно просить Толстого, чтобы он не разрешал (через Симферопольское губернское правление) построек в Севастополе, не сносясь с нами.

Беру с собою план восстановления храма Тезея. По смете будет стоить 65 тысяч. В городе всего одна приходская церковь.

19 мая

Звал на наше торжество гр. Д. А. Милютина, к которому, как государственному деятелю, питаю большое уважение. Старик прибыл на посланном за ним пароходе. Предположенные мною награды утверждены и сегодня передал их вместе с приказом по командам, получившим Георгиевские ленты на фуражки.

Приказ очень лаконический:

«Боевыми тяжестями и кровью заслуженное предшественниками вашими отличие, ныне передается вам в памятование их деяний, в наследие их доблестей. Носите монарший дар праведно, с неизменною верностью государю, с верою в несокрушимую силу России».

Взглянул ещё раз на «Чесму» и тем завершил деловое мое пребывание в любезном сердцу Севастополе.

20 мая

С утра начались церемонии. К 11-ти часам собрались все в соборе. При многолетии, суда (Меркурий, Забияка, Кубанец, Гонец, Эриклик, Эльборус, поповка В.А. Попов и 4 миноносца), салютовали 21 выстрелом и расцветились. Верфь Р.О. весело обмахивалась флагами, и у конца её красовался павильон. Из Одессы прибыли корпусной командир Рерберг, генерал Скалон, из Симферополя губернатор Всеволожский и другие, так что после спуска собрались ко мне на завтрак до 80 человек. Ровно в полдень «Синоп» сошел, как лебедь, без прошлогодней внезапности, при громе пушек и народном гимне.

Завтрак не обошелся без спичей. Телеграфировал государю и великому князю Алексию, и скоро получил милостивые ответы. Царский был длинный и весьма задушевный; Алексий, по обыкновению, торопился.

После спуска поздравил деятелей Р.О. с наградами и выпил чарку с рабочими. Элинг опустел, но леса остались и простирают объятия на новый корабль, о котором уже условился с Гаевским и Ф. дер Флитом. Вечером замедлили отплытие, чтобы посмотреть иллюминацию, и в 11 часов вышел в Николаев и Одессу.

Благодарю моего господа и вспоминаю о моей Наде.

21 мая

Около 3-х часов стали за одесским брекватером. Узнал, что «Кострома» стала на что-то у Сахалина. Неприятные вести всегда скоро доходят.

Взглянул на завод Белино и просил Главного Командира особенно покровительствовать ему, желая иметь заведение на юге, способное удовлетворять наши нужды. Осмотрел наливной пароход Р.О. «Лучъ». Тройной ряд систерн, не отделенных от борта. Пароход невыгоден, ибо, если нет керосина, нельзя употреблять под иной груз.

22 мая

В 4 ч. утра снялись. Очаковская батарея почему-то вздумала салютовать моему брейд-вымпелу. По пути остановился у Богдановки, имения покойного Аркаса, и съехал к вдове. Вспомнили старое, обошел сад и хозяйственные учреждения и продолжал путь. Попова балка уже обносится набережною. Прошли прямо в Ингул и ошвартовались у адмиральской пристани. Трубы «Екатерины» видны, но самый корабль прячется.

Остался на пароходе до отправления.

23 мая

В 11 ч. спустили в адмиралтействе лодку «Запорожец». Построена тщательно. Механизмы для неё и других лодок разложены в порядке, также и машина, снятая с «Ливадии» (Опыта). «Екатерина» более впереди, нежели я ожидал. Делают мины Уайтхеда, устроили прекрасный для них склад и при нем практическую школу, также склад электрических машин и также со школою. Вообще в этот раз Николаевское адмиралтейство очень меня порадовало.

Нужно устроить набережные. Бульвар содержится в большом порядке и город цветет.

24 мая

Осмотрел госпиталь. Нужно провести или лучше поднять в него воду из Ингула. Больные все в палатках. Храм совершенно готов и благолепен. Казармы в хорошем виде и приют также великолепно благодуше, как прежде.

Вечером, простившись со всеми на станции, отправился на север.

26 мая

Остановился в Туле. Прелестный и огромный завод, с возможными станками. Показывали мне магазинные ружья. Сила водяная и паровая в запас. Наш отдел скорострельных пушек почти готов для действия.

Ночевал в вагоне.

27 мая

В час дня прибыл в Москву и вечером покатил далее в Петербург.

Доказательство, что все морское мало интересует нашу публику. Прошлого года, ради присутствия государя, все газеты били набат, а в нынешнем никто не поднял почти голоса по случаю спуска «Синопа» и лодки. Во всем у нас нужен ещё импульс свыше, следовательно и отказываться от него не должно.

28 мая

В 11 ч. возвратился домой. Исключая неприятной вести о добровольце «Костроме», усевшемся около Крилиона, всё шло благополучно.

По случаю нескромностей, перешедших в журналы, наглец Богданович получил, наконец, возмездие – уволен от службы. Так или иначе, подозревали в том же экс-посла нашего в Берлине, Сабурова – и ему предложили подать в отставку, но, кажется, государь смягчился; а не следовало бы, если вопрос шел не о подозрении, а об уверенности.

Пришел вечером Киреев просить принять казака Ашинова, о котором с таким страхом говорил мне в Константинополе Нелидов.

29 мая

Представлялся государю. Меня ждали, и я несколько опоздал. Был тотчас же принят с обычною благосклонностью. Видеть императрицу уже было поздно, и я отправился к наследнику. Лишь только тот начал внимательно прислушиваться к моим рассказам, Данилович напомнил, что следует что-то сделать и увлек меня к себе объявить, что вопрос о Георгие несколько подвинулся, что Вальронт и Ломен ему нравится и что в нынешнем годе начнет *sport* ом [заниматься спортом] – катаньем на шлюпках.

Был у Михаила Николаевича, долго меня расспрашивавшего о Поти и потом перешедшего к плаванию сына. Мальчик сначала держал сторону старшего офицера, потом примкнул к оппозиции и, наконец, телеграфировал отцу, что если Чайковский позволит себе что-либо с ним, он тотчас спишется. Все эти сплетни повели к тому, что Алексий велел Корнилову пересесть на «Рынду».

30 мая и 1 июня

Город пуст. *Fout le monde chaunie* [все съехали на отдых]. Ездил в Кронштадт взглянуть на отправляющиеся в море отряды. Томительно это ежегодное толчение

воды, эта Пенелопина ткань. Нужно, однако ж, *tant bien que mal* [с грехом пополам], выходить из этого положения и добиться какого-либо толка. Начинают собираться заграничные суда. Пришел «Джигит», который я и приветствовал после доклада.

Говоря о Кавказе с государем и после с императрицею, выставлял им все прелести его и подтвердил императрице, что говорил Алексию о приобретении Боржома для царственных нужд.

2 июня

Богданович действительно уволен из службы за самозванство в дипломатических сношениях. Он болтал в Парижском министерстве, будто мы стоим, чтобы *Boularger* [Буларжер] остался в должности и вовсе не прочь, чтобы *Floqyet* [Флокет] был первым министром. Моренгейм, только что получивший несогласные с болтовнею Богдановича инструкции, испугался, *a référé ici* [изложенного здесь], и болтун полетел. Государь велел склонить Сабурова подать в отставку. Тот написал, что неповинен в открытии условий секретного соглашения с Австриею касательно Боснии и Герцеговины и в доказательство, что не передавал этого Каткову, говорит, что послал к нему только свой дневник. Утверждают, будто государь узнал о нескромности Сабурова от самого Каткова. Манасеин докладывал об оправдании (странном) Сабурова. Не знаю, чем кончилось дело.

15 июня[9]

На докладе государь объявил, что хочет идти в шхеры, но до Биорк-э на «Мономахе» с тем, чтобы туда пришел к 29 «Крейсер», а на малом рейде осмотрит «Джигит» и таким образом увидит все суда дальнего плавания.

Императрица в претензии, что хотят строить яхту-крейсер «будто Россия так бедна, что нельзя государю иметь яхты». Я отвечал несколько неловко; впрочем, успокоил её уверением, что судно будет прежде всего яхтою.

16 июня[10]

«Олаф», отправившийся с детьми в. к. Владимира, стал на мель у Свеаборга. Я дал знать в Петергоф. Поднялась тревога. Телеграммы занимали меня исключительно во весь день и прекратились только когда узнали, что «Олаф» снят и направился в Моонзунд.

19 июня

Сегодня состоялось отплытие в шхеры. Государь взглянул на «Кореец» и «Джигит» и, сопровождаемый шестью судами, считая яхты, пошел на «Владимире Мономахе» в Биорк-э. Лодка держалась хорошо, и все мы чинно стали у Койвисты.

9 Ошибочно написано «мая»
10 Ошибочно написано «мая»

Государь был, как всегда в море, весел и милостив, непременно захотел переехать на «Царевну» в фрегатском катере и вообще казался доволен. Я тотчас повернул на пятке «Мономах» и за ним всю эскадру и возвратился в Кронштадт, будивши часто на переходе уснувших спутников, нарушавших строй.

21 и 22 июня

Становлюсь в натянутые сношения к министру Финансов; вероятно, Сольский сообщил ему о нашей переписке и, опасаясь того же Вышнеградский *veut prendre les devants* [не желает получать сообщений] и резко пишет ко мне. Мое ходатайство об увеличении штатов госпиталей он назвал домогательством, чего, признаться, без подсказа докладчиков я не заметил бы, глубоко постигши всю суетность многописания с тех пор, как заседаю в высших государственных учреждениях. Мне стало все равно как бы ко мне не писали, лишь бы хотя несколько двинулось дело. Теперь он хочет, чтобы я изменил только что утвержденные на основании ценза и его укрепляющие штаты. Корф виляет и, заботясь, с Игнатьевым соединенно о Забайкальской железной дороге, ставит на второй план Владивостоко-Амурскую.

Далее Вышнеградский, обратив, наконец, внимание на бесправие и отсутствие власти в Петербургском канале, проектирует полицейское им управление таможенными чинами, а моряка садит бесплатно болтать или молчать в портовое присутствие. Свои более или менее, впали в какой-то азарт, вкусив ценза. Копытов настаивает на производстве[11]. Младший Пилкин хочет вынудить, чтобы ему был дан срок выслужиться в вице-адмиралы, оскорбляясь тем, чем и не думали оскорбляться его предшественники. Нужно всем давать отпор, а наступила на меня какая-то вялость, слабость. Читаю, пишу, хожу, осматриваю; но во всем сердце принимает менее участия, нежели прежде. Какое-то духовное изнурение – след того, что не все удается. Значит, нет достаточного закала. Да и был ли он? Противодействие моим усилиям добиться того, что казалось мне должным, всегда, более или менее, выводило меня из себя вместо того, чтобы терпеть и ловить удобный момент. Как ничтожен человек, способный себя разбирать, анализировать.

Дондуков говорит, что совесть заставляет его довести до конца дело об общей воинской повинности на Кавказе и принять на себя все случайности, которые могут произойти в будущем годе, если государь поедет на Кавказ, вследствие недовольства горских племен.

Если бы он не прибавлял последнего, я более видел бы в нем искренности.

26 июня

В Тырнове собрание провозгласило князем Кобурского. Взяли свое англичане, а мы участвуем в возвеличении их королевы-императрицы. При съехавшихся

[11] Слева на полях машинописный текст: «23 и 24 июня»

её вассалах, вся Европа падает перед нею ниц лицами князей крови и принцесс, собравшихся чествовать её в ролях шталмейстеров и *dames d'atour* [придворной дамы]. Положим, Мергий – родственник, но почему же не ехать ему по себе, в экипаже, и зачем ему принимать Бани, когда у державного брата до сих пор нет и Подвязки?

27 июня

По поводу окончания дела о задержанных государственных шалунах нашего ведомства, имел долгий разговор с в. к. Алексием. Он думает с корнем вырвать зло тяжкими наказаниями вовсе не по бессердечности, а по неверованию в раскаяние юношей и по безнадежности в их исправлении. Особенно его убеждает в их неискренности раскаяние Шелгунова, коновода увлекшейся молодежи. В дальнем плавании тот придумал извинение, которое может тронуть державного. Как же не простить его, «взросшего в семье, где только и говорили о ненормальности существующего порядка, о необходимости опрокинуть его?». Действительно, такой оборот оправдания кажется логичным. Великий князь этому не внемлет, не одобряет моего плана наказать всех соразмерно с виною, оставляя некоторых, не выгоняя их в толпу недовольных. Мне кажется, такой строгости добрейшего моего собеседника виновата клика прощалыг-аристократов, силящихся ревом о верноподданичестве своем заглушить гул глупости, невежества и ни на что негодности, выходящие всеми их порами. Упросил только повременить до моего возвращения.

Отправился в Моонзунд прямо из канала, более для того, чтобы вдвинуть скорее в порядок «Азию», назначенную вместо «Олафа» возить именитых.

28 июня

У входа в Моонзунд нашел «Скобелев» с гардемаринами и повернул от него к видневшемуся вдали шхерному отряду. Забыл сказать, что заглянул в Ревель, где застал всю Практическую эскадру, и попросил К. П. Пилкина прибыть в Моонзунд, что он и сделал к вечеру, придя на миноносце «Свеаборг». Встретился с Тырновым и Верховским; заговорились далеко за полночь.

Как отрадно отвлечься от бумаг!

29 и 30 июня

Осмотр Моонзундских проходов и заливов. Начал посещением Гапсаля, где видел великих князей. Прежде, нежели приступать к инженерным соображениям даже, следует убедиться, на сколько времени грунт замерзает и рассчитать, стоит ли игра свечей.

Утром пришел на «Скобелев» и убедился, что в Верховском мы нашли педагогическое золото. Со мною был Арсеньев, напевавший разные вздорные арии; но я был восхищен гардемаринами. Совсем иначе смотрят; морско, браво, уверенно. Усилия Верховского выше всякой оценки. Рассудителен, деятелен, тверд до упорства,

себя не жалеет. Жаль, что природа не дала ему сердца, а воспитание оподлило ум. Кроме чести и нравственного достоинства, он способен научить всему.

Взял «Скобелев» по пути с собою и вышел в обратный путь.

1 июля

К полдню пришел в Нарвскую губу. Осмотрел маяк. В 3 часа отправился в экспедицию по Россоне, извилистому рукаву, соединяющему реки Лугу и Нарову. Просто лесное гнобище. Через 2½ часа вышли в быструю Лугу, поворотили и, войдя снова в тихую Россону, пристали к правому берегу.

Возвратился в ½11-го на «Азию» и снялся с якоря. Спрашиваю себя, почему так много шумели о Россоне, как о стратегическом пункте? Для чего снялись прочищать её, чтобы миноноски могли переходить внутренним путем из Луги в Нарову и обратно?

Если предположить, что неприятель станет в вершине конуса, составляемого концом рифа, выдающегося к Лавенсари и базою Лугу-Нарова, что его удобно атаковать с двух сторон соединенно, стоит только соединить Лугу с Норовою проволокою. А Россону мало того, что нужно углубить, но постоянно поддерживать. И я истратил на нее 300 рублей, но более не истрачу.

Как полезно, однако ж, все видеть собственными глазами.

2 июля

Встретил в Кронштадте государя, возвратившегося с гулянья по шхерам. Рассказывая о прыткости «Ильина», государь упомянул, что командир «Крейсера» беспрестанно понукал своего механика, чтобы тот держал больше пару. По поводу поэтов Кронштадтского Вестника, вторично просил государь меня <u>не трогать</u> Рыкачева. В Вестнике е. в. черпает средства быть *au courant* [в курсе] всего, что во флоте делается настолько, чтобы мог казаться всезнайкой. Я не против такой уловки, но подобные источники ведут к кривым заключениям, которые приходится опровергать.

Проводив до Александрии, возвратился в Петербург.

4 июля

Алексий не подписал приготовленного мною приказа об осмотре гардемаринского корвета, сказавши, что сам намерен осмотреть его и тогда отдаст приказ. Трудно ладить с пристрастием и воспоминаниями детства великого князя, хотя он и более терся в жизни, нежели его братья. Я хотел приказом, написанным от имени е. в., положить конец борьбе взглядов Арсеньева, заботящегося только о *comme il faut* [своем приличии] (и то наглядном), и Верховского, твердого, упорного пройдохи, понимающего несравненно правильнее условия будущей службы воспитанников и средства приучать их к труду. Великий князь сам отправился к эскадре. Увидим, как и чем дело кончится.

5 июля

Был в Павловске. Гулял, развлекался немного. На музыке. Великий князь Константин, освободивший меня от явки, бегло спросил – «а! был в Моонзунде?» Как собаке, мимо проходящей и несколько знакомой, бросают приветливое слово.

6 июля

На докладе государь много говорил о государственных преступниках наших и хотел, чтобы до доклада я прочел показания Шелгунова. Жаль умницы. Конечно, нам нужно сойтись с Военным Министерством, и по этому поводу я призывал Имеретинского. Выходит, мы сходимся во взглядах; некоторых предать суду и просить помилования настолько, сколько нужно, чтобы не пресечь в виновных всякой надежды на будущее. Высылаемых оставить на службе, а не вытаскивать в число недовольных; воспитанников в училища не возвращать, а перевести нижними чинами во фронт, при чем наших в армию, так как у нас нет юнкеров и вольноопределяющихся.

Спуск «Александра II» назначен 14-го в 11 часов.

9 и 10 июля

Ликуют наши дипломаты. Чреватое бедами афганское затруднение кончено. Обе стороны согласились на окончательное разграничение земель, воображая (и сознательно), что им разграничатся влияния. Англичане чванятся, что урезали нас у Ходжи-Сало, а мы тем, что присоединили всех Сарыков и придвинулись на несколько верст к Герату. Но это игра в бирюльки и увидим ещё, сыграли ли и её наши мудрецы с приличным всякой детской игре детским лукавством. Дело не в том. Успех наш, если успех есть, истекал сам собою из общего политического положения Англии. У неё теперь на руках: Египетский вопрос (прерванный, но не решенный), Ирландский вопрос и Болгарские против нас интриги, пока не удающиеся. Успех в чем-нибудь для Английского министерства стал необходимостью – и оно теперь может трубить, что на долгое время отстранено возбуждение споров по близости Индии – и за это *John Bull* [Джон Буль] простит многое. Остается решить, кто выиграл *in sumu* [сумо,– вид японской борьбы].

Мне кажется, Влангали, сообщая мне с радостью окончание афганской *querelle d'Allemands vend la peau avant de tuer la bête* [ссора немцев, продающих шкуру, прежде чем убить зверя].

13 июля

На сегодняшнем докладе мне нужно было, не интригуя, конечно, выиграть два пункта: вознаграждение офицеров, поймавших у Камчатского берега суда, занимавшиеся недозволенным промыслом, и церемониал спуска «Александра II», который заставил бы сонный, равнодушный во флоту Петербург поневоле обратить на флот внимание и отнести торжество к славным Петровским временам, когда и потехи клали основание величию и победам.

Строгий в математических выкладках (к другим) министр Финансов, при неопределенности законов наших о невозможности прибрать существующие к данному случаю, вычтя расход по продаже и акциза, приравнял поимку судов во льдах к поимке нарушителей постановления о Каспийском рыбном промысле. Я предложил государю, что казне, в этом случае, не подобает обогащаться за счет лишений и страданий команд, лично е. в. известных, и предложил, за сделанными уже вычетами на продажу конфискованного и на акциз с захваченного спирта, равно $^1/_8$ в пользу инвалидов, всё остальное отдать офицерам и командам. Последовало высочайшее согласие, и я велел написать Вышнеградскому, что кроме указанных им вычетов, основываясь на том, что сам он находит, что в существующих законах нет положительных указаний, как действовать в этом случае (короче, позолотив сколько возможно пилюлю и соглашаясь с его действиями, но не с заключением), государь приказал то и то.

По спуску корабля «Александр II». Государь войдет в реку под штандартом; суда встретят его салютом и криками «Ура!». Привалит к обычной пристани, поедет в адмиралтейство и велит спускать, причем новый салют.

В 8 часов утра расцвеченные флагами суда заставят жителей заранее полюбопытствовать – зачем? почему?

Так и решили.

14/26 июля

Утром, при яснейшем *par extraordinaire* [необыкновенном] солнце, ровно в 11 часов, как было назначено, царская яхта подошла к хвосту вытянутой колонны и двинулась между украшенными по обеим сторонам реки судами и пестрою толпою зрителей на Васильевском берегу и в устроенных в адмиралтействе павильонах. Прогремели пушки, раздались радостные крики, государь пристал у моста и поехал на спуск.

Несколько минут прежде явилась на спуск королева Ольга, к которой я приставил двух испорченных ею адмиралов – Кремера и Казнакова. Государь был с императрицею, наследником и всем ближайшим семейством. Прицепленный к флоту балуемым сыном, ласковый Михаил тоже прибыл с государем. Константин, Иосифовна и все сыновья (бывшие, впрочем, в лагере) блистали отсутствием.

Царь осмотрел сперва корабль, причем милый наследник чрезвычайно любезно заботился о моей немощи и поддерживал меня под плечо. Под павильоном царская чета была встречена приглашенным мною дипломатическим корпусом, министрами и нашими моряками. Велено спускать, и государь занялся разговором с послами. Подле стоял я, беседуя с милой императрицей. Когда государь сказал Морьеру, что большой юбилейный смотр прошел удачно, и тот ответил «*Três heureusement Sire* [очень счастливо, Государь]», императрица обратилась ко мне с подтверждением слов государя и посла, а я, матрос, от души ненавидящий английское могущество,

ответил: «*Oui, Madam, malheureusement tout c'est passé heureusement* [К сожалению Мадам, счастливо всё, что в прошлом]». Корабль сошел великолепно. Государь благодарил, и все были довольны. В тот же вечер река была очищена от судов, о чем я особенно хлопотал. Всплывая на воду, корабль обрызгал всех и императрицу более других.

Перед докладом в. к. Алексий просил меня проверить распространяемый слух, будто доктор на «Рюрике» прогнал пришедшего к нему больного воспитанника кн. Белосельского, который через 10 дней отослан к родителям с менингитом. В Петергофе, как мне стало известно, выдумывают разные ужасы про тиранство Верховского, про то, что он утомляет воспитанников и проч.

Я воспользовался случаем о замечании великого князя и позволил себе выставить всю несносность положения служащих, если действия их будут зависеть от сплетен праздной публики, прибавя, что со стороны начальства согласие с ни на чем не основанными сплетнями есть постыдное предательство.

Вспомня, что он не хотел подписать приказа, который я приготовил *pour couper* [чтобы отрезать] все дрязги, я начинаю предвидеть затруднения. Между тем Арсеньев говорил мне, что списавшийся с отряда офицер Благодарев в нервном состоянии от того, что его слишком много занимают делом; великий же князь вспомнил, что я отнес жалобы на Верховского по чину избалованных училищных офицеров и согласился с моим мнением; я отнес все *á qui de droit* [как можно, к законности] и задал на спуске Арсеньеву головомойку, напомнив, что он воспитывает молодых людей для сурового дела, а не для придворных сплетен, и должен ясно им это показывать примером.

17 и 18 июля

Нужно, кажется, занести в дневник хотя бы для того, чтобы вспомнить при случае, что с некоторого времени со мною часто повторяется сплин. Вечерами, слабея, впадаю в уныние. Думается, что пора кончить с миром здешним и готовится к будущему. Желания жить нет, но хотелось бы дожить остальное время не в тягость другим, не беспомощным. Кажется, готов. Да будет высшая воля и желание той, которая имеет полное право располагать мною! Скажу только; Господи! Помоги моему бессилию. Нервности, возбуждаемой преимущественно утопическими усилиями переделать взгляды или, лучше, принципы невоспитанной, испорченной 25-ти летним княжением Константина массы – есть явные признаки, и эта нервность чаще находит, нежели прежде.

Но бывают и светлые дни. Как весьма редкую случайность, заношу визит в Царское Село к Арсеньевым. Сладко, легко было вдыхать чистый воздух в аллеях парка; наиболее исторический, т. е. связанный с историею России дворец притянул притупленное мое любопытство. Особенно настаивал я видеть кабинет покойного государя. *C'etait un pelerinage* [был паломником].

В 1863 г. (кажется, я упоминал о случае прежде), после истории с Краббе, мне случалось довольно часто являться в прихожей с другими. Всякий раз государь меня обходил. Наконец, я убедился, что мне следовало исчезнуть с глаз, и пришел откланяться перед выездом заграницу. Та же заведомо оказанная забывчивость заметить мое присутствие. Я ответил на общий поклон всем представлявшимся и вдруг услышал, что государь зовет меня. В кабинете, прогнавши сурово некстати вошедшего камердинера, покойный изъявил сожаление о случившемся, благодарил за службу, дважды сказал, что «нужно быть более сдержанным» и простился, подав руку со словами: «все забудется». В этом кабинете «увенчанный на старости лет возможною в мирное время на Руси славою», пользуясь милостью и доверием нового царя, живо вспомнил я тот, может быть, единственный поступок в моей жизни, в котором не перестаю в тихие минуты самооценки раскаиваться. Следовало молчать и терпеть с достоинством, присущим правоте, а я, в раздражении, болтал и даже писал.

Надя, внемли моему раскаянию. Оно сладко мне. Значит, у твоего Вани не вскружилась голова.

22 июля

Именины нашей милой императрицы привлекли весь *high life* [высший свет] в Петергоф, где ещё с гомерических времен Николая, день этот праздновался с особенным блеском. В 9 часов двинулись мы в сообществе Вышнеградского и нового министра полиции Шебеко. С первым нужно было сойтись, чтобы разогнать нависающее над нашими официальными отношениями облако. Поговорив, сговорились, – обещал отпустить 1 мил. 100 т. по Босфорскому вопросу.

В 11 часов я стоял уже в церкви большого Петергофского дворца. После завтрака возвратился на свою плавучую квартиру. В 9-ть после обеда вступили в цуг любопытных и любовались освещенным нижним парком.

Возвратились в город в час ночи, войдя в дивную Неву при лунном свете.

24 июля

Вечером перешел в Кронштадт, чтобы там, утром, иметь время кое-что посмотреть до ухода с великим князем к месту сборища наших учебных сил, единственных пока.

Газеты, *a l'unisson* [в унисон], воют о Каткове и хвалят так, что главный ...(?)[12] – публицистика превыше власти. Новое Время дошло до того, что уверяет, будто Катков знал свой народ и не находит в нём никаких недостатков; а Сергей Петрович Боткин, знавший его в различных фазах жизни, говорит, что Катков был скверный и вредный человек. Странно, что все газеты не только извиняют ему политическую

[12] Так в тексте

его изменчивость, а выставляют, как своевременное, чистосердечное раскаяние вследствие убеждения, что ошибался.

25 июля

Набегался по гавани. «Манджур» готовится и я не велел говорить, что он в нынешнем годе не пойдет, чтобы порт не опустил рук. Видел новое хранилище для мин; но вот беда – нужно переходить к бронзовым, а то стальные не держат пристрела и в нужный момент могут оказаться негодными к употреблению.

В 10 ч. показалась «Стрельна». Великий князь перебрался на «Азию» и мы вышли, описавши круг к стороне Петергофа. За нами пошел «Кореец». Лодка быстро перегнала, когда велели идти под всеми парами.

В ½7 часа пришли к многочисленной, разношерстной и мало-грозной эскадре. Все чинно по наружности.

26 июля

Церемониальная обедня на «Петре В.». Весь синклит адмиралов (4) и капитанов прибыл чествовать генерал-адмирала.

За завтраком и вечером (вчера) сидим долго, и великий князь слышит иные *propos* [речи], нежели в беседах с своими яхт-клубными приятелями.

Осмотрел финляндскую лоцманскую шкуну *Ellõkõn* [«Эллокон»]. Шкуна стоит 170 т. крон (около 90 т. рублей по курсу), порядочно отделана и ходит до 15 узлов. Котлы подвешены на угловом железе, приклепанном на стенках угольных ящиков, без всякого фундамента, что позволяет лазить под ними и красить. От углового железа к борту идут тяги.

История доктора «Рюрика» с Белосельским осталась сплетней.

Вечером велел светить с «Петра В.», чтобы ещё раз увериться, какой цвет менее ярок ночью. Кажется серый, но положительно убедился, что для меньшей видимости нужно красить все – судно, башни, вентиляторы и даже мачты в один цвет.

27 июля

Смотрели на «Петре» сети. Две мины с ножами не пробили их. Нужно выяснить, над какими буливандскими сетями производили опыт в Черном море. Над немецкими, более тяжелыми, привешенными к «Петру», там не упражнялись.

Великий князь смотрел гардемарин на «Скобелеве». Поднимали брам-реи и брам-стеньги, меняли марсель, действовали у орудий. Надеюсь, его высочество убедился, что юноши не замучены, а только научены.

NB. Нужно придумать обувь им для беганья на марс.

28 июля

Ставили заграждение. Долго. Черноморские плоты-шлюпки едва ли не разумнее, а то катер должен ворочаться на корабль за каждой миной. Нужно выбрать такие шлюпки, чтобы плот забирал в один раз все мины.

Производили отражение прорывающихся миноносок. Нужно непременно, чтобы миноносцы имели в корме защиту, а то всегда придется вертеться к атакующему носом. Нужны также поворотные пушки.

Стреляли шлюпками из Гочкисса. Кроме одной, все дурно.

29 июля

Дождь мешал делать что-либо; однако ж стреляли и хорошо – с миноносцев и миноносок по цели, которую мы буксировали со скоростью 8 узлов. Затем выходили на Мен-сари с десантом, который, по обыкновению, показался и действительно оказался незнающим. Разбил на карте линию проводов государя до Копенгагена. Петр, Генерал-Адмирал, Пожарский, Баян и Скобелев станут от Даго до Борнгольма; Кореец и Разбойник – от Борнгольма к Амагеру, чтобы войти вместе с Державой в Копенгаген; а Грейг и Спиридов в Финском заливе, так как угля у них мало, да и побаивается за них Пилкин.

30 июля

Погода начала поправляться. Потребовали десант с отряда Морского училища, который оказался в том же числе, что эскадренный. Здесь на берегу всё шло хорошо. Воспитанники были перемещены с гвардейцами, и десантом заправлял излюбленный Дейбнер. Возить орудия Барановского на деревянных лафетах, по песку, очень тяжело.

За обедом адмиралы жаловались на олеонафт. В нынешнем годе часто стопорили машины, а в 1885 никогда. Тогда было масло. Нужно строго исследовать, виноват ли олеонафт или поставщики его.

Со всей эскадры катались шлюпки. Старая баржа «Светланы» чуть не обогнала всех.

Простились с эскадрами и ночью выходим в море.

31 июля

Изменил своему обычаю встать рано, и был за то наказан. Мы шли с рассветом шхерами и вошли в архипелаг Аспэ с севера. Командир уверил меня, что плавал западным фарватером много раз и не нуждается в лоцмане. Следовало бы мне вспомнить, что плывем с «Генерал-Адмиралом»; а я согласился на плавание без лоцмана. Пошли в пролив и скоро начали прыгать по камням, а потом уселись и стали валиться на бок. Капитан растерялся. Пароход оказался совершенно смотровым – ни пластырей, ни водоотливных средств. Вода хлынула, затопила топки и самые котлы. Тотчас послал Эбергар-

да на финке в Котку с телеграммами во все концы, а у себя велел везде потушить огонь, перевозить на берег всё, что может от воды испортиться, послать водолазов промерить, ставить стрелы – короче произвести приготовительные работы, но отнюдь не стягивать.

С великим князем съехали на берег, ходили к башне, подняли там *signal de détresse* [сигнал бедствия]. Всё скала, скала и скала. «Азия» начала садиться носом и мы её пришпилили.

Обедали на берегу.

Пришли случайно «Скобелев» и «Баян».

1 августа

Шел дождь. Первым пришел Гадд на своей яхте и спасательные пароходы. Носовая часть начала подниматься. Тем временем подошли по порядку «Генерал-Адмирал» и «Пожарский», «Олаф» и вечером «Красная Горка».

Кадет отпустил, а остальных отдал в распоряжение К. А. Назимова, исключая «Генерал-Адмирала», на котором великий князь решился продолжить плавание.

Приходила и минная «Африка» и сам Пилкин на «Ильине»; их отпустили также. Объехали кругом начавшую уже быстро подниматься «Азию». Кроме кочегарного отделения везде выкачали воду, а отделение начали заделывать снаружи.

После обеда снялись к Ревелю.

NB. Мертваго нужно пристойно заменить. Помнить о Григоровиче, Есаулове и Загорянском. Об остальных Азиатцах лучше забыть.

Не укрепить ли Аспэ? Нужно подумать.

2 августа

Утром стали около артиллерийского отряда. Не хотели тревожить людей в воскресенье и съехали инкогнито на берег. Великий князь пошел в Екатерингаль, а я к новому бассейну, казармам и порту. Милая, украшенная рощами, заводская пустошь – этот Ревельский военный порт.

3 августа

Смотрели стрельбу с батарей. Гальваническая стрельба вытесняет вытяжные трубки, но гальванические залпы не удавались. Офицеры внимательны, люди бодры и развиты.

Утром являлся к великому князю губернатор кн. Шаховской, только что приехавший из Москвы с похорон Каткова, ярый и вместе напускной катковист, считающий за одним собою привилегию быть верноподданным. В сущности, болтун, привыкший патриотничать на словах с азартом. Рассказывал, что Терций Филиппов написал в «Гражданине» письмо, в котором изобличал покойного в гадостях – и то после телеграммы государя к вдове. Если так, то публичное противоречие царю со стороны товарища его министра, действительно, смотрит дико.

Вдова Каткова обратилась к Победоносцеву, чтобы тот доложил государю, прося его восстановить честь мужа – сиречь удалить Терция; в противном случае семейство его примет меры. По-моему, сия удрученная вдова желает продолжать мужа и пускает *balon d'essai* [испытательные пузыри]. Всё-таки сам Шаховской – административный хлыщ, и я нисколько не удивлюсь, если, недовольный, он станет порицать государя с таким же азартным негодованием, с каким приторным любострастным азартом теперь защищает и восхваляет.

Между прочим, Шаховской уверял, что Катков не был в сношениях с Богдановичем, а, как журналист, имел его тайным корреспондентом в Петербурге. Как разобрать, в какой степени и для чего и как употреблял Катков христопродавца?

За вечернею беседою великий князь рассказывал, как Скобелев, перед отправлением в Ахал-Текинский поход, просил его доставить ему свидание с наследником, его (Скобелева) не любившим. Наследник (нынешний государь) согласился и последовало примирение. По-моему, хитер был покойник, предвидел многое. Когда Скобелев надурил в Париже, государь, по возвращении виновного, сказал ему решительно, что между ними компромисса быть не может – или Скобелев должен подчиниться его взглядам, или придется ему висеть. На это Скобелев с такою же откровенностью отвечал, что наделал глупостей, и просил, чтобы ему дали дело, иначе непременно наглупит вновь. Откровенность, рекомендующая и царя, и подданного.

Великий князь совершенно одобрил проект моего приказа. Пусть знают, что не один Владимир понимает, как нужно вести свою часть. Того Бобриков прославляет своими вдохновениями. К беде «Азии» прибавилась другая сенсационная беда – упал с марса кадет Зотов. Возопиют на Верховского.

Азиатская беда миновала. «Азия» снята вчера в 4 ч. пополудни.

4 августа

Возвратились в Кронштадт с среднею скоростию 12 узлов. «Азия» идет, по телеграмме, под своими парами. Осмотрели «Нахимов» и отправились по своим домам.

Кобургский *a fait son coup de tete* [пошел на поводу у своей прихоти]. Вопреки видимому сопротивлению всей Европы, он появился в Болгарии, издал манифест к независимой Болгарии, не сказал в нем ни слова о Султане и Берлинском сговоре и вообще с дерзостию, имеющей оправдание только в решимости, на которую подвигали его делегаты регентства и самолюбие матери, бросил нам перчатку.

5 августа

У меня в разные периоды были Гирс, Нелидов и Ионин. Последние два советуют немедленное занятие, да и *chef* [главный], по-видимому, склоняется на него. Военное ведомство, так усердно бросавшееся в Константинопольскую авантюру, имея свою *marotte* [причуду] – Германию, висящую над напуганным воображением

нашего Главного штаба, а, главное, оправдывающую миллионные расходы, сделанные по настоянию Штаба на крепости и стратегические дороги, военное ведомство, сказал я, против оккупации, опасаясь, чтобы по отделении войск наших в Болгарию, не ослабилась наша западная граница.

Смеясь над аргументами Обручева и К°, я, однако ж, считаю вопрос весьма важным и требующим немедленного решения после медленного размышления.

В Болгарском вопросе три вопроса: султанский, как сюзерен, Берлинский трактат, явно нарушенный, и общее политическое положение Европы. Коли нельзя (а, по-моему, и не должно) убеждать Султана вступиться за свое право, то нечего с ним и возиться. Нужно только придвинуться к Саганлыку и вместе объявить, что, считая Берлинский трактат разорванным, мы предоставляем себе право своевременно занять, вопреки постановлениям трактата, часть Малой Азии и удерживать её, как гарантию оплаты военной контрибуции.

Нечего также высказывать особенную любовь к постыдному для нас Берлинскому трактату. Мы держались его, как основания для устранения случайностей, которые могли бы нарушить всеми желаемый мир; но раз державы допустили эту случайность, не предупредив захвата помимо нашей воли болгарского престола, мы отбрасываем Берлинский трактат, как сдерживающее средство, и докажем, что у нас в запасе есть другое, более решительное. Уверенность, что мы не хотим более вмешиваться в болгарские дела до того времени, пока то дозволят наши собственные интересы, уверенность, продолжающаяся поныне, проявила желание раздразнить нас; хотят убедиться, что мы слабы, что нам не с чем быть требовательными – и чаша переполнилась эскападою Кобургского, католического (значит, дважды австрийского) принца, испросившего на свое дерзкое предприятие благословение Папы.

Кажется, нужно действовать. Но... прежде действия следует увериться в Англии и Италии. Если друзья-германцы враги наши, это выведет их на чистую воду; если же они дорожат нашею дружбою, то предупредят решительным вмешательством в нашу пользу сближение наше с Францией, которое, тогда, будет всем понятно и вызовется, так сказать, само собою.

Мне чудится, нет ли у нас политики *a la Louces XV* [в стиле Луи XV], т. е. двух параллельных политик – официальной и негласной. Кобургский *cousin* [двоюродный брат] талантливому Вольдемару Датскому. Не дай бог подобного *cousinage* [родственника], уже отразившегося на России Батенбергским.

Воинствующий Нелидов оказывается хвастуном. Уверял, что может делать с Султаном, что хочет, а, между тем, запинается в пустяках. Высказывал мне с восторгом свою победу над Ульфом, не забывши отмахнуть Монтебелло, подавшем нам сильную помощь; а когда дошло дело до возвращения нашего к прежним приемам посылки станционеров в Грецию из Черного моря, говорит, что отчаивается в успехе. Парижский трактат будто разрешает посылать только *avisos* [уведомление].

Да кто же, создавая флот вновь, станет строить прежние мухи? Теперь наши лодки суть маленькие суда, заменяющие прежние, а я ходил в Грецию на корветах.

8 августа

Читал, при докладе Алексию, доклад мой, который хочу представить государю касательно наших политических преступников. Мы прежде согласились с Имеретинским насчет подразделения их на две категории – подсудную и подлежащую административной каре. Предполагалось с последнею поступить более или менее милостиво, именно (не увольняя из рядов ни в каком случае) считать службу виновных офицеров начинающеюся снова, лишить их на четыре и два года всех цензовых прав и по истечение этого времени дозволить представление по линии за подвиги только. Кажется, наказание довольно суровое.

Вечером Имеретинский приехал ко мне и сказал, что прибывший с Кавказа Ванновский не согласен с карами второй категории и будет просить о разжаловании их административно или, может быть, по суду.

9 августа

Все утро провел у Ванновского, силясь согласить его. *C'est un parti pris* [такова цена участия]. Он находит, будто слово «за отечество» прибавлено к словам «за веру и царя» только в прошлое царствование. Правда, оно тенденциозно употреблялось тогда, но всегда, с татарских и польских нашествий, употреблялось как *stimulant* [стимулятор].

Его доклад во вторник, мой завтра. Отдал на его цензуру подлинные слова моего доклада о нашем несогласии; он одобрил. Жаль – выйдет дело большое, а, в сущности, бредни школьников.

10 августа

Государь нашел единство наказания виновных обоих служб необходимым, несмотря на то, что в оставленном докладе и устно я доказывал, что то же взыскание, по последствиям, при законе о цензе, будет гораздо чувствительнее для флотских, нежели для армейских. Просил его ни в каком случае не простирать административную форму до разжалования в рядовые и принять судебную, помня, что за судебным приговором должны идти разнородные помилования и смягчения. Доклад государь оставил у себя, а я отправился с Алексием в Кронштадт взглянуть на уходящие вдаль «Разбойник» и «Кореец» и на продырявленную мною (*c.a.d. c'est convenu de dire* [тяжёлым решением]) «Азию».

Со времени возвращения из Черного моря, я каждый вечер стал чувствовать большое утомление, чего прежде не было. С тех пор поездки и походы, целебно отрывая от письменности, не переставали ослаблять. Сегодня было ветрено, не раз окачивало, и я вернулся больной. Даже на докладе был подвязан, вынесши вчера

ещё первый натиск давнего врага – рожи. Доктора все на даче, пришли кое-какие. Температура 40°. Жена мучается. а будет воля твоя господи. С смирением приму веление твое. Ты знаешь, Надя, нужно ли, чтобы я тяготил ещё собою других.

11 августа

Несмотря на всё желание не мог проводить моих державных покровителей, отправившихся, впрочем, при чудной погоде. Вместо эскорта (не имеемого) расставил им наших более или менее калек, чтобы каждые пять часов веселела перед ними пустыня моря.

Государь пенял на мою неосторожность, но даже не ему отвратить судьбу.

Мне кажется, боже всемогущий, что я чужд особой привязанности к земле.

Помилуй рабу твою Марию.

Решено отдать вторую категорию под суд вместе с первою. В остальном как мы с Ванновским положили.

Никогда «Держава» не была так полна. Кроме нашего царственного семейства ещё ½ Эллинского двора.

12 августа

Немного лучше. Сдал должность приехавшему со здоровым свежим лицом Чихачеву.

13 августа

Перед объездом просидел Алексий около часа. Жаль, что всё его мало интересует; даже многое, нас касающееся, считает не своим делом. По обычаю оставил ему копию инструкции, оставляемой мною Чихачеву. Простились дружески. Он едет в Биариц мимо Черного моря. Его заступничество за Р.О.П. и Т. начинает меня волновать; а сумма подобных волнений у меня громадная.

14 августа

По депеше из Копенгагена, куда государь прибыл в час дня, суда, расставленные на пути, оказались на своих местах. Король Датский и Греческий встретили царя с броненосной эскадрой в Дании. Воображаю, как радовался наш державный такой встрече, и думаю, что не ограничился, что шел, в этот раз, сам-четверт: Держава, Царевна, Разбойник и Кореец, которые, конечно, на таком малом расстоянии не могли отстать от «Державы».

19 августа

Перед отъездом сделал прощальный визит детям на «Импер. Александр» и на «Память Азова». Корабль напомнил мне *Seraing* [«Сераинг»] под Суданом. Работа идет, а следов обычного хлама нет.

20 августа

Около полдня сели в вагон и двинулись обычным путем. Что-то даст мне отдых. Надобно менее напрягать мысль и несколько щадить тело. К сожалению, дома, при нежном уходе, мало пищи для умственного развлечения; нет успокаивающих ум игривых бесед.

21 августа

В 33 часа из Петербурга в Берлин. Скоро. Остановились отдохнуть перед суточным переездом в Гастейн.

Государь подвязал себе руку от ревматизма. Разумеется – в газетах говорят о выстреле, поранении и проч.

Здешний кронпринц обречен на мутизм, и хотя в журналах звонят о его здоровьи, но, кажется, бедному нужно примириться с мыслью не царствовать.

Пишут в газеты, будто колеблющаяся Порта согласилась на наше предложение послать в Болгарию комиссара совместно с нашим Эрнротом.

24 августа

В ½ 3-го покинули Берлин; я в положении расслабленного. Вдруг исчезли силы, будто что-то надорвалось. Впрямь, кажется, перетянул.

25 августа

Прибыли в Гастейн. Поселились в *Str. Hoff* [улица Хофф] и усталые расположились в комнатах, которые только что оставил Евгений Лейхтенбергский. Доктор *Pröll* [Прёлль], кажется, из *faux bons homes* [искренних хороших людей]. Десять лет ведет то, что называется хроникою вод. В сущности, это аттестаты его внимательности и попечения о больных.

30 августа

Послал в Копенгаген поздравительную телеграмму.

31 августа

Получил из Копенгагена обычный милый ответ. Нельзя не сказать, у наших державных громадный капитал любезности. Расчетливо ли они тратят его? Это другой вопрос.

Странные вещи происходят в Европе. Все хотят мира, а стремятся к тому, чтобы никак не согласиться между собою. Дикая Болгария держит на ноже просвещенную Европу. Полинезийские едва приметные на карте островки – предмет зависти и несогласий между Англиею и Франциею. И между народами какое-то недоброжелательство. Остендские рыбаки силою не дозволяют английским выгружать в Бельгии свой улов. Зависть англичан, чтобы никто не утверждался на Тихом океане,

понятна. Это все будущие враги их или пособники их врагов. Ведь всех островов не оцепишь. А не поздоровится *John Bull* [Джону Булю], коли там и сям можно будет крейсерам запасаться углем.

Не гуляется даже, как прежде, с мечтами и вечно дружеской спутницей – мыслию. Чисто автоматический процесс передвигания ног.

3 сентября

Дождь. Трудно найти развлечение, особенно, когда воспрещены серьезные занятия. Большинство, или вернее *le total* [всего] пользующихся – немцы средней руки и венгерцы. Но и здесь не обходится без англичан.

7 сентября

Наконец, интерес кроме созерцательного. Неотвязчивый эскулап хвастал своим крохотным имуществом, визитами высокопоставленных особ, солнечными часами и плювиометром, и едва не забыл указать на истинно историческую комнату своей хижины. Во 2 этаже, в одной из составляющих его трех комнатах подписан Гастенский договор 1865 года. Этим договором ощипавшие маленькую Данию союзники условились относительно владения Шлезвигом, из него произошла в следующем же году война Пруссии с Австриею, из неё двойственность Австрийской монархии и единство Италии, а далее разгром Франции и объединение Германии. Короче, здесь зародились перестройка карты средней Европы и унижение всей Европы перед Пруссиею.

9 сентября

Наш милый доктор всячески старается разогнать мрачное настроение своих пациентов. И есть, отчего насупиться. Сегодня, например, все окружные горы покрылись снегом и завеяло холодом.

Немцы, за обиду в Рущукском журнале их консула, вздумали требовать пропуска в Черное море трех броненосцев для блокады Варны и Бургаса! За ними потянутся и все. Султан призадумался.

10 сентября

По замеченным докторами признаками, с меня довольно гастейнских ванн и я кончаю лечение. Увидим.

11 сентября

Чихачев уведомляет, что на письме казака Ашинова государь надписал: «Желал бы знать мнение И. А. Шестакова; кажется, он ему сочувствует». Я сочувствую каждому, стремящемуся поперечить Англии в её ненасытности; но едва ли можно надеяться на Ашинова. В последний раз, что он был у меня, он проболтался, что в их шайке есть и моряки. Кто же эти моряки могут быть, кроме нигилистов? «Они всё

знают о минах и скорострелках», прибавил Ашинов. Это ещё более утвердило меня в моем заключении. Подожду до свидания с государем.

13 сентября

Написал Басаргину, что положительно отказываюсь от морского путешествия в Копенгаген и просил его передать государю.

15 сентября

В полдень оставил начинавший окутываться в снег Гастейн.

18 сентября

Остановился на ½ часа в *Lousanne* [Лозанне] и переехал в *Vevey* [Веви] в надежде окончательно успокоиться на несколько недель. Приютился в *Grand Hotel* [Гранд Отель]. За *table d'hôte* [общим столом] встретил Краевского с женою или сестрою и Бильбасовым. Старик глух и хром, но глаза ещё живы и голова мыслит. Говорил об истинно бессмысленном циркуляре Делянова, обязывающем директоров гимназий разбирать, как ведут себя родители принимаемых детей. Рассказал старик, как Николай не позволил ему в сообществе с Одоевским, Вяземским, Пушкиным и пр. издавать новый журнал, написавши «не надо; и без того много».

Интересный человек. Многое видел и многое знает.

21 сентября

Краевский дивится мужеству попечителя Московского округа Капниста, обжаловавшего будто в Сенат циркуляр Делянова о приеме в гимназии. Правила о цензе говорят, что все пенсии даются на основании пенсионного устава, а мы даем без внимания к летам службы пенсии за плавание. Нужно скорее спохватиться. Да молодежи и не следует давать пенсий.

24 сентября

Басаргин уведомляет, что предуведомил государя о невозможности мне прибыть навстречу ему и что «Нахимову» велено придти к 1-му октября. Уверяют, будто в последней истории Каткова государь хотел дать Гирсу Владимира 1 ст., но помешал Манасеин. Как и по какому случаю? Не могу придумать. Разве по поводу доклада о Сабурове? Придумали, может быть, с Победоносцевым и Островским какой-нибудь отвод, чтобы приятеля Каткова не очень заушить.

29 сентября

В газетах поговаривают о Средиземном союзе, конечно, устроенном Бисмарком. На сухом пути Австрия-Германия-Италия, на море – они же и Англия; это средство завлечь последнюю и перенести союзы в коалицию против нас.

Неужели Русский бог изменит? А скверно.

1 октября

Извольте с французами иметь дело. Грязнейший скандал разносится теперь по всей Европе. Помощник начальника Штаба, назначенный *Boulanger* [Буланже], пойман в продаже отличий.

2 октября

Великий князь прибудет в Париж из Капуи 10-го. Он велел уведомить Чихачева, что будет 25 в Петербурге, если государь назначит спуск «Память Азова» этого числа; если же раньше, то 1-го ноября. Поистине, государь слаб с братьями.

Faire fie d'une ceremonie qu'il sait interesser l'empereur qui est par-dessus double sachant ou devant savoir que notre absence á nous deux servira de matiere á des mechonceteś et a'des cancans qui peuvent avoir des suites pour la marine a laquelle le public commence á s'interesse une indifference pareille est d'un gamin fiefe [На доверии, даруемом сообществом, император знал во много раз больше, и зная, что отсутствие одного из нас может иметь последствия для военно-морского флота, вел себя как равнодушный, упрямый ребенок, и причины этого заинтересовало общество].

Нечего делать, приходится скорее возвратиться. Впрочем, потеря невелика. Здесь зима.

4 октября

Ещё раз запишу мою политическую программу анти-Бисмарковскую: Союз России с Даниею, Швециею, Грециею и, если можно, с Турциею и Персиею, и дружба, *les cartec sur table* [с открытыми картами на столе], с Франциею. Почему бы не попытаться привлечь к нему Испанию, усмотревшую уже, по поводу Каролин, какими аппетитами одарена Германия.

5 октября

Опасения, выражавшиеся в некоторых журналах касательно исполнения желания государя оставить Копенгаген по причине распространившейся там кори, оправдались. Эбергард телеграфирует, что заболели дети, и Басаргин возвращается с яхтами и «Нахимовым». Иногда случайности врываются в совершенно неудавшиеся расчеты человеческой мудрости. Едва ли можно сомневаться, что в Пруссии очень хотели, в это политически шаткое, неопределенное время, видеть государя у маститого деда. Может быть, по силе обстоятельств, теперь это и сбудется и поведет к неожиданным шансам в политической игре. Надеюсь, государь не засидится в Копенгагене, а возвратится, один даже, лишь только ход болезни детей отстранит всякое опасение.

10 сентября

В 12 часов оставили наше тихое убежище в *Vevey* [Веви] и начали возвращаться в суету. В ½ 8 прибыли в Базель.

С 9 часов (11-го) гнали дальше. В полдень прибыли в дорогой по воспоминаниям Баден и тотчас отправились к Наде. Вспомнил, как неведомый злобный человек писал мне, что, скорбя о Наде, я все лгал, что скоро забыл её. Прости ему, Надя.

Здесь все по-прежнему, и незаметно, чтобы город разрастался.

В 8 час (13-го) пустились далее через Кассель. Прибыли в Берлин немецки-аккуратно.

14 октября

Застал здесь Зиновьева, возвращающегося в Россию. Был под каким-то влиянием отчаяния. Уверяет, будто наша политика и без Каткова ведется не Гирсом, но кем, неизвестно. Государь будто сам отвечал Гирсу, предлагавшему ему видеться с дедом: «Можно будет». Значит не немцы выдумали слух о свидании. Зиновьев возвращался из Парижа вместе с Обручевым, – ярым французом по-прежнему. Много сплетен слышал я, но как все они исходят из негодующего дипломатического гнезда, то верить всему нельзя.

Однако ж очевидно, какой-то злой дух толкает державного на азартные вещи. Вчера было получено письмо на имя Черевина, уже поехавшего обратно. Вероятно, в нём сообщается о намерении царя; но официально ничего ещё не известно. Дай бог, чтобы сбылось, без Бисмарка и Гирса, так, случайно.

15 октября

Видел в *restaurant* [ресторане] в. князя Николая Михайловича и тотчас подошел к нему с целью показать, что я, по крайней мере, не верю в его пассаж на «Урагуай'е». Великий князь, видимо, понял это, ибо, по тону разговора ясно было, что, во всяком случае, возвратился на неизвестность. Не упустил он, однако ж, случая, высказать свою нелюбовь к немцам и порадоваться, что государь не едет через Берлин. Я сказал, что, напротив, едет и что я рад тому.

16 октября

Встретил старого императора, весьма живо ответившего на мой поклон и убедившего меня, что он ещё не умер.

В 11 часов продолжили путь в Петербург.

17 октября

Только в съездом в *cara patria* [любимое отечество] начали согреваться. С нами в поезде кн. Влад. Долгоруков. Как я ни заговаривал с князем о серьезном, ничего не мог добиться кроме сплетен.

18 октября

В 6 ч. вечера вошли в дом, где все застали в порядке.

Кончился вчера суд над нашими революционерами. Не то, что прежние ожесточенные гаеры. Все сердечно раскаялись и сами судьи были тронуты, хотя вынесли «свирепый» приговор. Сначала меня обдало, но потом я обрадовался тому, что вопреки уверениям Оржевского, военный суд строго смотрит на преступления против присяги и царю остается широкая грань для милости.

21 октября

Рассказывают, что Мещерскому дали субсидию в 120 тыс., за что он кормил обедом Делянова и других, и будто Победоносцев поздравил Делянова с хорошим обедом у человека, которого накануне поймали с гвардейским трубачем.

Меня это удивило, ибо я считал Победоносцева покровителем Мещерского.

22 октября

На завтраке у в. князя Сергия, по случаю дня рождения великой княгини, встретил всех наличных великих князей. Николая Михайловича поздравил вследствие успокоительных известий из Копенгагена, а батюшка с испугом спросил меня, что значит сегодняшняя телеграмма из Шангая, будто адмиральский корабль перед отплытием из Владивостока стал на камни? Не перенес ли адмирал своего флага на «Рынду»? Папаша охает, что если корвет не вернется в будущем годе, то уж для родителей слишком долго. Я ответил, что великий князь может воротиться, когда угодно, дав тем понять, что корвет не для него.

24 октября

В соединенных Д^{х} начали слушать проект Островского о сбережении лесов. Мера решительная, напоминающая мой ценз. Большинство владельцев сочтут это ограничением права собственности и их не убедить, что подобные законы везде существуют. В членах присутствия большое сочувствие. Разумеется, читали проект и возражения, но дебаты мало подвинули: половина глухих, другие со слабыми горловыми мускулами.

26 октября

Был в Кронштадте, где осмотрел новые суда в гавани и некоторые школы. Школа машинных унт.-офицеров ведется толково.

Из креста хочется устроить магазин для миноносцев, но нужно сделать выход особый в обводный канал. Велел сообразить.

29 октября

Против обыкновения был в театре, в русской опере, частию потому, что светило дня или, лучше, вечеров, экс-моряк Фигнер. Его мягкие ноты, манера и игра

чрезвычайно симпатичны. Труппа составлена так, что всякая опера может быть привлекательна.

30 октября

Перед приездом государя в Берлин Бисмарк указом не велел принимать русских фондов в залог в государственном банке, хотя их там всего на миллион рублей и в 50% залоге.

У наследного принца объявлен рак. Венский профессор, призванный на консультацию, сделал это гласным для общего блага. Всякая операция теперь несвоевременна. Вой против его супруги упорно стоящей за английского специалиста.

1 ноября

Деля визиты, заехал к великому князю Николаю Николаевичу, принявшему меня по обыкновению дружески. Между прочим, он слышал, будто Александр Михайлович писал ко мне, будто я переслал его письмо государю, а тот разгневался на августейшего мичмана. Во всем этот нет одного слова правды.

2 ноября

В 6 ч. встретил возвратившегося из заграницы генерал-адмирала, рассказавшего между прочим, что Вышнеградскому не удался заем в Париже потому будто, что Рейтерн предупредил государя, что министру Финансов за заем обещана значительная сумма. Вышнеградский *n'a pas l'air d'un homme qui vient de comettre une indignité* [не похож на человека, который был только что унижен], и я думаю, новость эта из Парижа, где все настроены видениями *á la Caffarel* [в стиле Каффарель].

8 ноября

В 3 ч. 20 м. государь возвратился из путешествия в Гатчино. Никакой встречи не было, но город уже заметно ожил только при ожидании.

9 ноября

Ездил в Гатчино с докладом. Государя нашел веселым, но не ясным, как обыкновенно. Просил у него позволения быть завтра при докладе военного министра о судившихся наших революционерах и вместе о помощи из кабинетских сумм матери одного из них, Хладовского, изнемогающей под двойным бременем страха за участь сына и бедности. Соизволил.

Видел императрицу; о Берлине тоже ни слова.

10 ноября

Ездил опять в Гатчино для совместно с Военным министром доклада государю об участи осужденных. Государь повторил, что верит раскаянию и согласен со мною, во-

первых, – Шелгунова и Чернецкого разжаловать в рядовые, во-вторых, Добровольского оставить на службе. Что касается до Бобровского и Хладовского, вместо предположенного мною отставления от службы, решено, для их же пользы, разжаловать их в матросы, при чем государь прибавил, что можно через шесть месяцев принять их вновь на службу.

До сих пор никто ничего не знает о Берлинском свидании. *Il n'ya personne missi indiseret que nos diplomates* [Никто не думал, что наши дипломаты умеют хранить тайну] и, вероятно, мы что-нибудь узнаем на днях, так как сегодня я встретил Гирса, прибывшего с докладом.

14 ноября

Собрались все в Аничков дворец по случаю рождения императрицы. Утешительно было удалиться из этой пустой толпы и уединиться в прихожей храма.

В городе разные комментарии по случаю свидания государя с Бисмарком.

26 ноября

Простуда держит меня дома. Кашель не дает покоя и расслабляет сердце. Пришлось отказаться от всех *out doers duties* [визитеров по вопросам службы]. Не был даже на Георгиевском празднике.

30 ноября

После двухнедельного карантина выехал сегодня с докладом. Говорили об «Алеуте». Вероятно, замерз где-либо в Анадырской губе. Послал отыскивать его «Витязь» в Петропавловск, который вернулся в Иокогаму для исправления машины!

1 декабря

Знаменательный, может быть, в жизни моей день. Перестаю курить. Не знаю выдержу ли, но прервал курение по совету Боткина. Кашель меня не только мучает, но по временам замучивает.

4 декабря

По-видимому, зима устанавливается. Выпал снег и стало морозить.

На вопли австро-венгерских газет о передвижении нескольких кавалерийских полков к западной границе нашей, «Русский Инвалид» почел нужным объявить всё, что ему известно об усилении германской и австрийской армий, доказал, что они готовее нашей к нападению, но вместе выставил готовность нашей к защите.

5 декабря

В 12 ч. собрались у А. В. Адлерберга для поднесения ему стойки с портретами всех, состоявших в свите за время его 25-ти летнего командования. Были и великие князья.

7 декабря

На докладе говорили о новых правилах для ношения орденов. Государь, услышав, что мне не дозволят *en des habille* [при мундире] носить знак военного ордена, который я ношу 50 с лишком лет, велел переговорить с военным министром.

Жалели об «Алеуте», почти решившись считать его затертым льдами, а вечером я получил известие о прибытии его во Владивосток. Оставил Петропавловск 20 ноября, поднимавшись до бухты Св. Лаврентия. Государь отвечал вечером на мою депешу с видимою радостью.

10 декабря

Был в училище на физической лекции Карновича вместе с великими князьями Сергием и Павлом. Не особенно интересно. Арсеньев делает это всё ради придворных расчетов.

Не знаю, записал ли я, что в Гатчинский Николаевский институт хотят непременно морского директора. Беда в том, что нет теперь никого под рукой.

12 декабря

Вчера скоропостижно скончался адмирал Казакевич. Понемногу старое заменяется новым.

13/25 декабря

Был на панихиде. Жизнь идет своим путем. Просят живые о средствах к жизни ещё у неостывшего трупа.

15/27 декабря

Хоронили адмирала Казакевича. Государь прибыл к выносу на квартиру, а мы проводили старого товарища до последнего упокоения. *C'est un homme qui a du passé* [Это человек, который прошел всё].

Великий князь не мог быть на церемонии. Заболел со вчерашнего дня и, оказалось, корью.

16/28 декабря

Что-то готовит нам будущий год? Европа прикидывается, будто мы для неё непроницаемы и молча готовимся нанести куда-то тяжкие удары. Говорю – прикидывается, потому что не может не знать, что мы сами не знаем, чего хотим и что государственный корабль наш несет без привил по дующему ветру. Кто советует и что советуют – узнать трудно. Петр Шувалов на днях выехал в Берлин и там явился к императору. Не толкает ли уже его Толстой в наследники Гирсу? Мы просто накуролесили и теперь ждем, авось сивый или саврасый вывезет, не принимая сами никаких мер. Если нам даже удастся выгнать из Болгарии Кобурского, *et apres*

[а дальше]? Теремное правительство. Многие пользуются его неопытностью и вводят в правительственные действия приемы, которых не решились бы вводить в начале царствования. Вышнеградский, например, мне дает одной рукою (в угоду государю, который тотчас радостно меня о том извещает), а другою вдвое более отнимает, лишь бы уничтожить дефицит. Но какой прок даже в финансовом порядке, если он основан на беспорядке во всех прочих частях?

28 был с новогодним докладом у государя и не воздержался не сказать о назойливости Копытова, зная, что он имеет о нем мнение, которого тот не заслуживает. Спросил, зачем же я вношу его в число производимых. Оставил фотографии различных судов, в том числе трех Черноморских кораблей, сгруппированных в корабельной бухте.

Политическая буря будто начинает утихать. Кто вздул её? И кому нужна общая суматоха?

Если все пугаются Бисмарком, пора ему кончить роль пугалы.

31 декабря 1887 года

Вечером, совершенно для меня неожиданно подали приказ о производстве моем в адмиралы, в тот момент, когда я собирался к великому князю с поздравлением о его производстве.

Весьма милостиво и любезно повысить меня единовременно с генерал-адмиралом.

Новость устроила нам веселый канун нового года.

Дай Бог, чтобы он прошел для всех нас счастливо, чтобы возросла истинною силою Россия и снизошла бы на её правителей государственная мудрость.

Большой скандал в сухопутном ведомстве. Князю Барклаю-Веймарну, командиру 1-го корпуса, дан строгий высочайший выговор за произвольное толкование закона и троекратное содействие нарушению его. Дело в том, что внуки его крещены противно закону (существующему, но многократно уже нарушенному в последнее царствование), в лютеранстве не только с ведома, но по настоянию деда.

Я, было, склонялся в защиту его, но выходит, что он ярый немец и в корпусе не терпит никого, кроме немцев. Он посылал своего начальника штаба за советом, что ему делать?

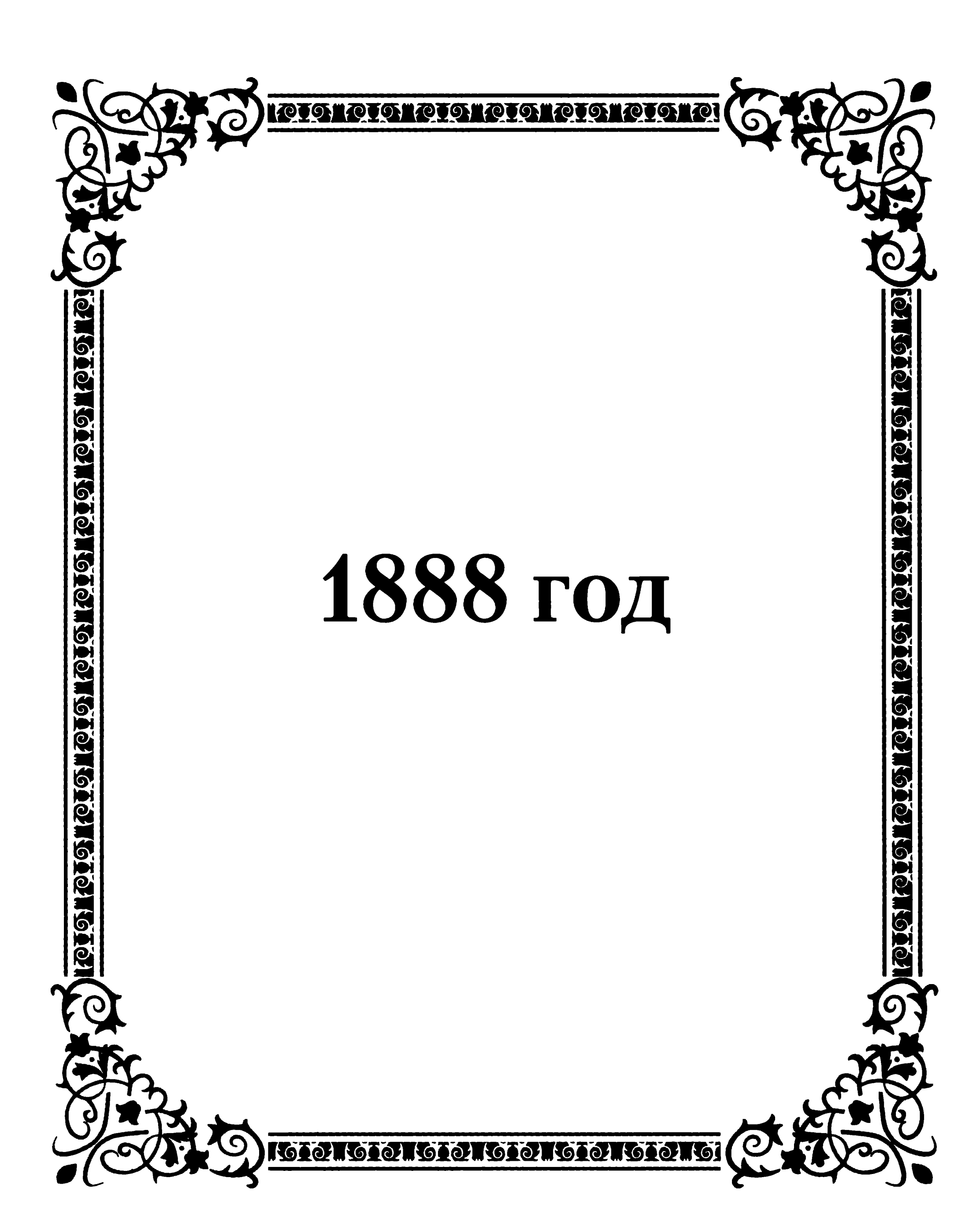
В военном Министерстве отвечали, что советовать трудно, но если подаст в отставку, задерживать не будут. По-моему, отставить Веймарна от командования должно начальство, а уходить ему из генерал-адъютантов самому не следует – будет иметь вид, что он не понимает своей виновности, и сердится на Того, кто должен был покарать его [13].

[13] Далее печатный текст: «Конец. Центральный Государственный Исторический архив в г. Ленинграде. Фонд И.А. Шестакова. д.№7. 1 января – 16 декабря 1887г.» Далее рукописный текст: «Верно: Научные сотрудники Центрального Исторического Архива З. Коробова. Ципкович»

1888 год

1888 год.

31 декабря 1887 года.

Вечером, совершенно для меня неожиданно подали приказ о производстве моем в адмиралы, в тот момент когда я собирался к великому князю с поздравлением о его производстве.

Весьма милостиво и любезно помянуть меня одновременно с генерал-адмиралом.

Новость устроила нам веселый канун нового года.

Дай Бог чтобы он прошел для всех нас счастливо, чтобы возросла истинною силою Россия и снизошла бы на ее правителей государственная мудрость.

Большой скандал в сухопутном ведомстве. Князю Барклаю-Веймарну, командиру 1-го корпуса, дан строгий высочайший выговор за произвольное толкование закона и троекратное содействие нарушению его. Дело в том, что внуки его крещены противно закону /существующему но многократно уже нарушенному в последнее царствование/, в лютеранство не только с ведома, но по настоянию деда.

Я было склонялся в защиту его, но выходит, что он ярый немец и в корпусе не терпит никого кроме немцев. Он посылал своего начальника штаба за советом, что ему делать?

В военном Министерстве отвечали, что советовать трудно, но если подаст в отставку, задерживать не будут. По моему отставить Веймарна от командования должно начальство, а уходить ему из генерал-ад"ютантов самому не следует - будет иметь вид, что он не понимает своей виновности, и сердится на Того, кто должен был покарать его.

1888 ГОД

1 января

Перед церемонией был в Аничковом и благодарил доброго государя, взыскавшего меня Своею милостию через полтора года после предшествующей награды.

У дверей кабинета встретился с наследником, очень мило меня поздравившим.

На сегодняшнем *vanity fair* [ярмарке тщеславия] случилось *quiproquo* [недоразумение], потревожившее гордого Абазу. Перед новым годом разнесся в городе слух, что ему дадут Андрея. Сенека, всегда недослышивающий, о чем говорят, подобравши в свите, что толкуют о получении теми-то Андрея, идет к Абазе и поздравляет его – *tableau* [картина].

Поздравляя Вышнеградского с утверждением в должности, я выразил надежду, что он станет добрее, а он отвечал, что заказал новые зубы, на что я возразил, что они ему нужны, разумея, что природных мало и те скверны, но давал понять, что ему нужна твердость.

Андрея получил счастливец Тимашев.

Коллеги: Сольский, Победоносцев, (Владимира 1-й степени) Островский и Воронцов-Дашков тоже попали в числа награжденных. Всем грамоты; одному Толстому рескрипт (Владимира 1-й степени).

Посещавшая великого князя, графиня Богарне заболела сильно корью, и тот рвется к ней. Просил государя приказать брату не выезжать.

3 января

Во многом заметна какая-то правительственная неправильность. Например, все ждали, что в Новый год государь, принимая приветствия иностранных представителей, выскажет свое намерение стоять за мир.

Может быть, не было основания предполагать, чтобы русский самодержец ввел обычай второй Французской империи.

Как бы то ни было, государь ничего не сказал Европе; зато поведал России о своем миролюбии, отвечая на поздравление Москвы, *C'est Dolgoroukow qui a force l'Empereur de briser la glace* [это Долгоруков, который вынудил императора разломать лед]. Но почему инцидент, связанный с внешнею политикою зародился в напомаженной голове начальника Москвы?

Поспешное решение дела Дервиза наделало много шуму в городе. Говорят, просьбу матери и самого Дервиза доложил Черевин. Меня спрашивают, что я буду делать. Отвечаю – повинюсь в доверии и легкомыслии, но сниму опеку.

Ещё новогодняя новость. Николай Николаевич Младший хотел жениться на разведенной с мужем купчихой Бурениной, и государь изъявил было согласие, но Николай Николаевич–отец написал жалобное письмо, в котором откровенно вы-

ставил собственное положение, как следствие допущенных в самом начале союзонеправильностей. Тогда государь взял назад согласие. Буренина давно в связи с Николаем Николаевичем и старше его.

Веймарна дело не приходит ещё к концу. Он у всех спрашивает совета. Рассказывают, будто день выговора совпал с днем 50-летнего юбилея постановки памятника Барклаю на Казанской площади и мудрый псевдо-потомок его ожидал, что о нём вспомнят по этому случаю.

Действительно – вспомнили и даже очень живо.

7 января

Раут у английского посла. Поехал, чтобы совсем не забыли моего облика, и тотчас был наказан за тщеславие. *Lison* [Лиза] Трубецкая завладела мною у самого входа *pour ne pas avoir l'air cl'une âme en peine* [похоже, едва не вытряхнула душу], чтобы где-нибудь пристойно усесться. *Cherchill* [Черчилль] с супругой была *great attraction* [большое представление] *Ledy Chercill* [Леди Черчилль] американка, по наружности креолка. Пробыл ½ часа и возвратился домой.

9 января

Заболел, должен был обратиться к Боткину и даже лежать в постели более обыкновенного. Вечером привязалась лихорадка. Говорят, катар нижней части кишок вследствие простуды.

11 января

В понедельник не мог ехать с докладом, но великий князь уже совершенно здоров и не нуждался в моей помощи.

14 января

Первый большой бал в Зимнем дворце. Мне лучше, но медики не дозволяют выходить, и я остался дома. Говорят, много было народу и всё обошлось чинно. Наши отличались старостию мундиров.

16 января

При докладе длинный разговор с Алексеем на счет того, как вести Наследника. Мне кажется, уже пора взять Его из-под ферулы кликуши Даниловича и приставить к нему человека, который мог бы придать ему державную осанку.

Виделся с Дондуковым. Всё говорит, что оставляет место после осенней поездки государя на Кавказ. И он, едва приехавши, уже слышал о деле Дервиза; не особенно винит в нем Победоносцева (понукающего Манасеиным) и Вышнеградского, всё поднявшего будто из желания Дервиза принять на себя постройку Персидской дороги.

Дондуков уверяет, что если опека над Дервизом продолжится, скоро концессия на Персидскую дорогу дана будет по воле Вышнеградского другому.

24 января

На сегодняшнем куртаге Данилович сообщил мне свои взгляды на употребление лета великим князем Георгием Александровичем. Уверяет, будто не говорил ещё о том с государем, желая прежде знать мое мнение, но, думаю, что не совсем так. Данилович хочет, чтобы Георгий плавал не на кадетской эскадре, а на практической, чтобы Ломен был командиром судна и чтобы на нем помещались Вальронд и Азбелов. Хозяином будет Ломен. Я совершенно с этим согласен. Такой план избавит великого князя от приятелей, которых он, поневоле будет впоследствии баловать и холить в ущерб службы. Верховский не поднимает носа, как сделал бы, если б Георгий был на его эскадре, как бы ему порученный; и князь не будет с самого начала иметь ничего общего с гвардейским экипажем.

В 1879 году Германия и Австрия заключили оборонительный союз, в котором прямо сказано, что в случае атаки России, обе державы дерутся вместе, а если другая держава атакует Германию и Россия вздумает помогать ей, то союзный договор вступает также в силу. Прибавлено, что теперь (т. е. в 1879 году) нет причины сомневаться в России, но если бы её вооружения привели к этому сомнению, то честность (*loyauté* [лояльность]) требует, чтобы обе союзные державы ей, России, это объявили во-время. Немецкие газеты уверяют, что объявление тайного договора, сделанное вчера в правительственных органах Германии и Австрии, сделано с целию ниспровергнуть всякое сомнение, что договор исключительно для соблюдения мира; а мне кажется, что объявляя его, союзники сочли наступившим момент, в который наши вооружения возбуждают в них сомнения. Иначе как объяснить, что единовременно вносится в рейхстаг законопроект о займе почти 300 миллионов марок на военные потребности, что дает средство иметь лишних 700.000 в случае войны, дабы драться на два фронта.

Внезапно умер вчера генерал-адъютант Левашов.

25 января

Сегодня, при докладе вновь просил государя вести дело с Добровольным флотом так, чтобы его можно было передать для эксплоатации русскому обществу пароходства и торговли. Не понравилось державному, но я приводил соображения о необходимости как можно скорее обновить Добровольный флот современными судами.

Как раз по возвращении с доклада, Андреев пришел с просьбой решить покупку парохода в Англии, на что я согласился в виду предстоящих перевозок.

На докладе оба августейшие брата печаловались, что не удалось *Lucas* [Лукашу] убить *Louise Michel* [Луизу Мишель]. Я доказывал, что подобные взгляды по-

ведут скорее всяких истов к уничтожению всякой власти и гораздо основательнее пенять на Швейцарию. Государь радостно упомянул, что там недавно поймали германских *Agents provocateurs* [агентов-провокаторов]. Я возразил, что полицейские средства вообще не симпатичны, но необходимы.

Мужик Володин меня же винит в своей неудачной экспедиции против железозаводчиков, и будто я, просивший государя пропустить купленную им в Германии сталь и не получивший на то высочайшего согласия, его же, Володина опозорил. Чуть не прогнал в шею. Всех ругает и себя только считает за честного патриота.

27 января

Мода на *recitations* [декларации]. Публикован договор, заключенный в 1879 году, по которому Австрия и Германия обязуются защищаться сообща в случае нападения России, а если Германия схватится с другим государством (конечно, с Францией), Австрия обязуется дружеским нейтралитетом. Если же этому другому государству поможет Россия, то Австрия принимает то же обязательство, что против России. Всего интереснее, что договор этот, заключенный Бисмарком и Вене в то время, как Александр II и Вильгельм обнимались в Александрове, должен был содержаться в секрете и *pav loyanté* [лояльно] объявлен России только тогда, когда с её стороны будут очевидные попытки к действиям. Значит, для союзников теперь ясно, что мы хотим воевать, и публикация, как бы не представлял её Бисмарк в своей речи за гарантию мира, в сущности, есть нам угроза. Но не перехитрит ли Бисмарк самого себя. Мне кажется такое презрение к Франции, которой прямо говорят, что с нею справятся в одиночку, послужит только к упрочению чувства оскорбленной национальной гордости французов. Италия, примкнувшая к союзу недавно, вероятно тоже обидится, что о ней, шавке, лающей на слонов и тем думающей укрепить себя в сонме великих держав, не говорят ни слова, будто союз её ничего не значит.

Между многими фразами, скажу, даже среди болтовни Бисмарка, изобличающей в нём старость, интересно, что он говорит о каком-то русском коллеге, убеждавшего его, что если бы Германия действовала во всём по желанию России, то тогда не избежать столкновения между двумя народами. Любопытно знать, кто этот коллега? По-моему, не кто иной, как легко восторгающийся после рюмки вина и не видящий в России нации, Петр Шувалов. Что он неудержимый болтун, тому я лично был свидетелем в Риме, куда он был послан вестником восшествия на престол и где, помню, в споре у посла о том, что делают и что следовало бы делать, сделал жест, не подвергающий никакому сомнению способностей нового Владыки.

1-е февраля

После доклада был в Государственном Совете, где вопрос о новом законе лесоохранения, по почину Б. П. Мансурова, подвергся строгому разбору. Сам Мансуров тянул канитель, но Валуев и Петр Шувалов кое-что отсекли от непрактичных

строгостей Островского. Валуев, *ce vieux cheval de bataille* [этот старый боевой конь], приподнял гриву. Семейное горе и самосозерцание сгладили с него страсть рисоваться; он стал истинно скромен и говорил увлекательно. Конечно, он не желал, чтобы забыли о его усилиях создать лесоохранительный закон и выставил это как свой почин, за что я сказал ему комплимент. Кроме самой мысли и способа её изложения, я с отрадным вниманием слушал Валуева, убеждаясь, что хотя в одном ведомстве сохраняют нить последовательности и продолжают начатое предшественниками.

На докладе старался доказать государю, что не нужно утрировать в протекции отечественным железопромышленникам, также кулакам, пользующимся покровительственными тарифами для того только, чтобы возвышать цену. Пока все наши заводы переделовые, и я просил, во-первых, дозволить Володину употребить им из заграницы 26.000 пудов стали, во-вторых, дозволить министерству ещё допускать иностранную сталь, если наши заводчики вздумают набавить цену.

Результат: Володину спустили цену до 2 р. 82 к.

2 февраля

Ещё в 1886 году, в бытность мою в Ливадии, Государь заметил, что по минному делу нет должного согласия между двумя ведомствами.

В прошлом годе была составлена смешанная комиссия под председательством генерал-адъютанта Драгомирова. Комиссия эта ездила в Черное море, делала там опыты и разошлась, не согласившись. По-прежнему инженеры стояли за гальванические мины, а моряки за гальваноударные, доказывая, что инженеры не успеют поставить заграждений. Председатель, обойденный моряками, был на их стороне. Осторожный Ванновский выпросил у государя супер-арбитрарную комиссию председательством великого князя Владимира. Осмотревши, выставленные в манеже, надобья минного дела (телеграф, коим мина дает знать о своей негодности, ножницы для резки мин и т. п.), полюбовавшись возбужденною вопросом изобретательностию наших инженеров в присутствии наследника, мы собрались у председателя решать вопрос, в чьи руки должна перейти минная оборона? Чихачев пошел к радикальному средству – присвоивал Морскому ведомству всю приморскуюоборону – и я в принципе совершенно согласен с ним, но нахожу такую эволюцию не своевременною. Что касается собственно до минного вопроса, я стал на сторону инженеров по многим причинам: 1/ у них есть кое какая организация, у нас никакой; 2/ наши слишком уверены в гальваноударных минах, без достаточного основания, 3/ чем менее будут употреблять таких мин, тем лучше, ибо они опасны; 4/ по-моему, между заграждениями – пассивной обороной – и забрасываниями – действиями активными, резка разница; инженерам – первое, морякам – второе; 5/ на переход к морским понадобятся миллионные траты; денег не дадут и падет на нас только ответственность; 6/ это потребует увеличение минных офицеров и флотских офицеров береговых, что может быть любо минерам, а не мне, введшему ценз и 7/ слишком явно уже предпочли бы моряков сухопутным.

Сила России все же армия; это нужно помнить и останавливать влечение к флоту свыше.

8-е февраля

На докладе государь отказал принять директора Русского Общества Пароходства и Торговли Фан-дер-Флита, вероятно, чтобы не заключили, что Он хотя в какой либо степени сочувствует обществу. На днях Кази в обществе покровительства торговли сравнивал деятельность Русского Общества и Добровольного Флота, разумеется, к невыгоде первого. Лекция привлекла много слушателей. Докладчик был красноречив и дерзок. Например, уподобил слитие Добровольного Флота с Русским Обществом смешиванием капли чистой воды с помоями, или, ещё хуже, отдаче законнорожденного в воспитательный дом. Должен сознаться, я несочувственно принял предложение Русского Общества и предлагал проект Кази отнять у него некоторые линии и передать их Добровольному Флоту, с тем чтобы он содержал их настоящими своими пароходами, а вновь завел бы современные. На эту тему я разрешил ему говорить, но грек воспользовался случаем, чтобы излить злобу свою на извергшее его Общество.

В газетах появились злостные статьи против Чихачева и наших адмиралов-инспекторов. Действительно, Кази мастерски выставил пакость Общества в годину бедствий. Вероятно, все это дошло до государя, и он отнесся к предложению принять директора с осторожностию.

В Государственном Совете, при прении о лесном законе Абаза, взбешенный придирчивостию Мансурова к проекту закона, одобренному в соединенных департаментах, позволил себе сказать, что явно хотят затормозить закон. Мансуров *a riposte vertement* [ответил резко], но главное, рыцарь Пален заметил, что при таких обвинениях никакие дебаты в совете невозможны. Председатель не остановил Абазу и, как последствие, очутился в унизительном положении. Мансуров, в заключении, действительно доказал, что хотел затормозить закон.

В Комитете министров дело Дервиза.

12-го февраля

У Нарышкиных принимали. Августейших *en vrais grands scigneurs* [воистину великих сеньоров]. Пригласили приятных, но не всех приятных; полуофициальность купно с независимостью, а не рабская официальность. Например, был Боткин с сыном, которого никто не знал. Из министров Гирс да я, и то по вольности. По обыкновению я ушел рано, показавшись только Державным. В доме много художественного: виды Айвазовского, *reliques* [реликвии] вместе с другими прелестями на простейших филенках гардеробного шкапа. Над ванной милой, но безобразной хозяйки, едва ли имеющей пол, работала вместе с нею великая княгиня Елизавета Федоровна.

Много, однако же, значит костюм. Нарышкина нарядилась в парижское платье *couleur valia* [серебристо-белого цвета], просто прелесть. Платье совершенно прикрыло носительницу. Повторяю: *on a fait des grands frais pour les mâitres, mais on s'est permis des invitations qui prouvaient qu'on voulait rester mâitres chez soi* [мы потратили большие деньги на мастеров, которых оказалось достаточно, чтобы стать мастерами в своем доме].

В этот вечер один из счастливейших смертных в Петербурге был мой кучер. Я велел ему стать близко, намереваясь уехать раньше. Великая княгиня Мария Павловна, увидя, что императрица декольтирована, поспешила переменить платье. Ей подали первый экипаж для переезда в соседний дворец – и кучер мой внезапно, не думая, не гадая, получил 5 рублей.

15 февраля

На докладе решили, что великий князь Георгий пойдет в практической эскадре. К нему, вопреки мной же рекомендованной посылке не на кадетской эскадре, пристегивают для утехи кадет. Я позволил себе до того не одобрять принятой решимости, что Алексей упрекнул меня в слишком грустном мнении о морском училище. Государь добродушно отвечал, что его Георгия товарищи не сдвинут. Данилович накануне объявил мне решение послать кадет, как неожиданное, пришедшее в голову будто самому государю. Врет. Сшептались с Арсеньевым, и поэтому я хотел поставить на своем.

16 февраля

Умерла гофмейстерина Кочубей 76 лет. Государь и императрица оказывали покойной большое внимание, ежедневно посещая её. Вопросом дня было – отложит или не отложит великий князь Сергий бал, назначенный на 16-е. Мне с самого начала казалось, что откладывать бал в царской семье, даваемый для царя и царицы, это значило бы создавать не совсем удобный прецедент. Мало ли у царя между подданными людей, которых он почитает или любит. Пришлось бы ему вечно быть в трауре. Наши державные, по-моему, сделали всё, чего можно было ожидать от людей сердечных, вознесенных на такую высоту.

Бал у Сергия состоялся, но императрица, как тронутая женщина, не была; государь явился на несколько минут, и в Аничковом дворце домашний воскресный бал отложен. Чего же более.

Бал у Сергия великолепный. Правда, коробило несколько слышать танцевальные арии и видеть веселящихся, но не потому, что умерла княгиня Елена. А потому, что по странному совпадению случайностей, в день смерти её танцовали в прежнем её доме, будто наказывая её за то, что она в нем чересчур весело жила.

В Комитете министров *nous sommes executes aves la meilleure du monde* [благодаря миру мы стали лучше]. Сам Манасеин и за ним всё единогласно признались

в легкомыслии, в том, что были ветреными блондинами и сняли всякую опеку с Дервиза.

17 февраля

После отпевания Кочубей в Конюшенной церкви, собрались у великого князя Алексия решать вопрос о незамерзаемом порте. Я бил на то, чтобы не было доктринеронии, чтобы удовольствовались портом наименее замерзаемым и, убежденный превосходством Моонзунда, как порта, из которого можно всегда выйти (или почти всегда) и как лучшей для флота позиции, настаивал, чтобы взялись первым за него, а потом подумали бы о Виндаве или Либаве. Коли можно соединить то и другое, ещё лучше.

Боголюбов, творец Либавской защиты и за ним Обручев, боялись высадки на Курляндский берег и именно на Либаву, как на голову железной дороги, и на этом основывали надобность сделать порт в Либаве. Я говорил, что из Моонзунда, а тем более из Моонзунда с Либавой вместе, мы будем грозить всякой морской экспедиции немцев; да и зачем им идти наугад к Курляндскому берегу, если гораздо вернее и легче они могут пристать с десантом в свой Мемель и через три перехода быть под Либавой. *On a bredouillé quelque chose* [Мне что-то пробормотали], ибо аргумент мой, кажется, был силен. Вместо разбора между Виндавою или Либавою, мы перешли к Моонзунду. Торжество фразера – Бобрикова было полное, но он же и виновен тому, что дело не кончилось в одно заседание – не представил ничего, почему можно было бы судить о стоимости укрепления Моонзунда.

19 февраля

Вышнеградский, желая поддержать международный банк, будто помогая нам, попавшимся на страшном понижении нашего курса, просил меня согласиться на сделку с обуховцами, которым банк дал денег под залог акций или купил паи.

Я отвечал согласием дать по 27.000 рублей за пай, на что согласился уже Комитет министров, и 6% с 1884 года, но с тем, чтобы заплатил Государственный банк, а не завод.

22 февраля

Доклад прошел очень скоро, без побочных разговоров, но интерес дня сосредоточивается в Государственном Совете, куда по разногласию в соединенных департаментах, было внесено требование графом Толстым права удалять признанных вредными пасторов Остзейского края от должности, по личному его усмотрению.

Б. Мансуров, *se mettant toujours en evidence, ou plutôt mettant toujours en evidence ses capacités* [всегда ставит себя в качестве доказательства, или, вернее, всегда предлагает в качестве доказательств свои возможности] заговорил первым, хотя слово принадлежало внёсшему вопрос министру или произведшим разногласие Палену и Рихтеру.

Перед заседанием я шепнул и тому и другому, чтобы не горячились, что вероятно мы лучше защитим их, нежели они сами. У Б. Мансурова талант топить интересно-возбуждаемые им вопросы в неинтересном многоязычии. Говорил хорошо. Гр. Шувалов и я сказал последнее слово, выразил удивление, что то же ведомство, которое считает нужным коллегиально и даже в целом Комитете министров обсуждать, нужно ли лишить права дрянного писаку издать его бумагомарание, в важном религиозном вопросе считает пристойным личный произвол. Толстой даже и в этом случае не потрудился приехать. Плеве подхватил мое слово – произвол. Я тотчас извинился горячностью, с которою душевно и духовно восстал против требуемого права, и просил совет принять в соображение всё остальное, мною высказанное. Толстой был побит 28-ю голосами против 15; в числе последних председатель, не смеющий быть в оппозиции министром е. в. И все министры, исключая Посьета, меня и Гирса.

Желчный Островский сердился, утверждал, что если министр говорит, что ему нужна такая-то мера, нужно её дать, и что в кабинетах подобных оппозиционных мнений министров не допускается. Я отвечал ему, что кабинета у нас нет, а если хотят министры согласия, то должны предварительно сообщать друг другу важнейшие проекты; сообща мы и обсудим их, а теперь, требуя от нас согласия, нас обращают в пешек.

23 февраля

Во вторник в Комитете министров происходил другой турнир. Военный министр внес проект присоединения Закаспийского края к Туркестанскому генерал-губернаторству. Разосланы были нам записки Гирса и настоящего попечителя Закаспии Дондукова, весьма ясно и дельно опровергающие план военного, не скажу, министра, а Обручева и Куропаткина. Присутствовал великий князь Михаил Николаевич и весьма хорошо и смело дивился желанию осуществить подобный проект.

В основу неблагоприятных для проекта прений легли доводы присутствовавшего начальника области Комарова, добродушного по виду толстяка, будто не способного на живое Кушкинское дело. Он говорил просто. Без разглагольствий, но весьма убедительно и умело, знаемо. В зале запахло общим сопротивлением проекту.

Ванновской, защищая его, упомянул авторитетные имена Куропаткина, Розенбаха и проч. Я возразил, что внесенный вопрос есть вопрос общегосударственный, а не специально такого-то или такого министерства, что он принадлежит к числу тех, которые будут внесены по инициативе известных министров, должен выйти, как выражение сознательное и твердое мнение всей министерской коллегии; поэтому нужно помогать выражению личных мнений при дебатах, а не тормозить свободу выражений мнений, что неминуемо произойдет, если будут выставлять имена известных защитников проекта, к которым привыкли относиться с полным вниманием.

Прежде пахло сопротивлением, а к концу начало вонять им. Великий князь выразился, что о проекте не может быть двух мнений, и до того осмелел, что прибавил: «чту Куропаткина, как военного человека, но в администрации он ничего не смыслит». Ванновской отказался от проекта. Таким образом, в Комитете, по крайней мере, отстранен русский *penevent* [противный ветер] индийскому вице-королю: на что дерзновенные штабные не поцеремонились даже намекнуть в своей записке. Я хотел принять в разбитии их более деятельное участие, но Ванновской скоро смирился. Если бы этого не было, я напомнил бы ему, с каким жаром у него же на совещании военное Министерство отвергало домогательство тогдашнего Туркестанского губернатора Черняева захватить в свои руки Закаспийскую область.

26 февраля

Собрались в Аничковом поздравить царя с днем рождения. Накануне ещё были тревожные депеши из Берлина, даже агентство Рейтера объявило ложно о смерти императора; но и правда была тревожна; поэтому все бросились к Вердеру, Уильому и Гирсу за известиями. Ничего не оказалось в приходе.

Во время службы жандармской полковник подал впопыхах Гирсу депешу. Шепот, запросы подходивших и встревоженное лицо Гирса обратили внимание государя и, *nolens volens* [волей неволей], Гирс должен был показать в церкви же депешу. Первым последствием было общее обвинение Гирса, решившегося отравить счастливый для России день скорою передачей скорбной новости. Гадко! Скорбь была общая, непритворная и выразилась теплым пожатием рук Вердеру и Уильому. Все балы и даже музыка за завтраком *on eté decommandés* [были отменены].

Мне показалось странным, что единовременно с депешей Шувалова о смерти старика не было депеши от правительства о восшествии на престол нового императора. Не будучи дипломатом, пуще всего по лени рыться в уме для решения вопросов, меня не касающихся, я не разбираюсь в *clapotement* [плеске] политических волн, поднятых печальным событием, но *je sens que ma chére Russie n'y perdro rien* [я чувствую, что моя дорогая Россия может чего-либо лишиться], если не будет озорничать, ибо озорничество вмиг соединит германцев, а к разъединению я усматриваю многие поводы.

Повторяю, по умственной лени намечаю только факты, на которых основаны мои надежды на внутренние несогласия даже дисциплинированной Германии. Неожиданность перемены декораций – прежде смерть Вильгельма, а не приговоренного крон-принца; остановка в ожидании, даже надеждах, кипучего молодого Вильгельма; известное влияние на крон-принца жены, ненавидящей Бисмарка, тогда как юный Вильгельм выказал уже, что готов поддаться его, Бисмарка, коноводству; отсутствие всякой лично-связующей причины в различных владетелях, чтивших старика, ценивших сына, как ученика, в войне за славу Германии, в которой они сами принимали участие, но вовсе не считающих себя обязанными женироваться

с мальчиком, который до сей поры любил только играть в солдатики. Некоторые думают, что он именно захочет показать себя *comme grand capitaine et non comme un glant* [гроссмейстер, а не как великан]. А, по-моему, подумает.

Нужно также не пренебрегать случайностью единовременного существования трех императриц. Что если Они сделают из Вильгельма *leur pomme de discord* [яблоко раздора]. Императриц не уймешь, как принцесс. *Je flaire du bien pour nous* [Я чую для нас хороший запах] и вечером, в дружеской беседе с Дондуковым откровенно переминал мои надежды. Приятель Дондуков, оставшийся юношей с поэтическими увлечениями, сообщил две идеи. Государю распорядиться, кого послать в Берлин (едет Владимир и оба Фельдмаршала), не говорить ни слова до дня похорон и в этот день самому явиться у исторического гроба, не как ценителю, заслуживает ли гроб истории, а как преданному внуку, перекреститься и тотчас уехать назад. *Tableau* [Картина]! Посылка австрийского наследника и присутствие английского наследника s'effacent [увядающего наследника]. Немцы не забудут такого внимания, и наши политические фонды поднимутся не только без уступок с нашей стороны, а поражающим духовным *coup de téte* [капризам] прямика-державного. Это далеко не глупо, но Дондуков, (видимо желающий изменить ответственное место Кавказского начальника на безответственное приближенного советника), находит (вместе, впрочем, со мною), что вокруг царя бездарный круг, замыкающий его от всего мыслящего, замыкающего тем легче, что это идет к милой ветрогонке императрице, восхищенной, что она держит семью нравственно и чувствующей неспособность свою кипятить дух и ум мужа.

Дондуков, в разговоре с испивающим Черевиным, сказал ему, что вокруг царя все ослы; один порядочный человек, да и тот свинья. Кто? Спросил Черевин. Да ты!

Другой проект Дондукова: государь, чтобы выказать доверие к нашим финансам, должен весь громадный личный капитал, положенный предшественниками за границей, перевести в Россию. Финансовый *Tableau*, по мнению Дондукова, а по моему Дондуков финансовый ребенок и поэт!

Я вижу доказательство. как молодому Вильгельму неприятен перерыв в его ожидании, в насильственном изменении склада мыслей, уже установившегося при болезни отца, в ответ на депешу великого князя Алексия. Они приятельски перебрасываются депешами, и 27-го числа Алексей метнул ему задушевный вопль по случаю смерти старца. Сержант – Вильгельм *le remercia lon aimable clepeche* [поблагодарил его за любезное послание].

Вот Гоголевская-то свинья, да и не Гоголевская только, а общечеловеческая свинья.

29 февраля

Ждали, что по случаю новолуния отдаст. Сказалось в 7 ч. утра 20° морозу. Вот уже три месяца, как нас жмет без перерыва.

В Аничковом узнал, что в Берлин на печальную церемонию посылается Наследник и по этому случаю после доклада зашел к Даниловичу. Едут оба фельдмаршала сами по себе, а цесаревич обставлен князем Шаховским, Фредриксом и графом Бенкендорфом (кажется, все были на последних германских маневрах). Собственно при цесаревиче дружный с ним князь Владимир Оболенский, немудреный, но скромный и осторожный, он легко поддастся взглядам и наставлениям посла Шувалова, что будет и мудро, и правильно (*correcte* [правильно]).

Представительство у гроба имеет вид задушевности и даже тени политики не имеет. Царственный юноша *ne peu se comprometttre ou nous comprometttre* [мал, чтобы подорвать компромисс с нами]. Надеюсь, что после столь почтенного и почетного поручения Он воротится уже не ребенком. Пора.

Таким образом, Наследника оградит, с одной стороны, благовоспитанность Оболенского, с другой, легонькое руководство зрячего Шувалова.

Великая княжна Ксения в горячке 40°. Говорят, тиф; но нынче малейшую горячку величают этим страшным именем.

1 марта

Новый император благополучно приехал умирать в своей столице. Сегодня появился манифест его с благодарностью Бисмарку за смелость в советах отцу и с программою, имеющей вид обдуманности, скромности, уверенности в силе и миролюбия. Дай то Бог!

3 марта

Газеты переполнены статьями об усопшем императоре. *Une grande figure* [большая фигура], нечего сказать. Фридрих III безмолвно успокаивает Европу манифестом. Два деятеля сошли со сцены – Наполеон и Вильгельм. Оба играли на тех же струнах – сенсационные речи, заботливость и холенье войска, наконец, войны; но Наполеон метил на эффект, думая только о себе; Вильгельм же все говорил и делал за правду для блага фатерланда. И целей достигли различных и различно достигли.

Всё замолкло перед гробом нового Барбароссы – и Болгарии будто не было, хотя Порта, по Русско-Германскому настоянию, объявила Болгарскому правительству, что его князь незаконный, т. е. дали всякому право кормить его оплеухами и толчками.

4 марта

Была в протестантской церкви торжественная панихида по Вильгельме. Вся царская фамилия и весь двор. Немцы-сектанты пожертвовали своею междусобною враждою и пригласили из морской красноречивого Дальтона.

Около 3-х часов государь с императрицею осматривали в адмиралтействе модель помещений на будущей яхте. Императрица, всё милый наивный ребенок, всё время хохотала над каким-то вздором с Басаргиным.

Будущего командира яхты, князя Шаховского, государь находит нужным назначить сперва на большое судно; думаю, дать ему «Азию».

7 марта

После доклада почувствовал себя нехорошо и через несколько часов лежал уже в бреду при 40° температуре. Не мог приписать ничему иному, как выходу со службы по Вильгельме в холодное предверие, где мне подали промерзшую шинель. В течение недели был *rechute* [рецидив], но в промежутках не переставал заниматься.

Перед оставлением командования Корнилов продает дву-годичный товар лицом и послал множество интересных донесений, между прочим, рапорт о постановке на мель «Донского» у мыса Купер. Я счел нужным разобрать его и, поблагодаривши участников за разумные труды при съемке, побранить виновных распорядителей, не называя ни тех, ни других. Великий князь посмотрел также и подписал приказ. По поводу назначения содержания смотрителю нового Чаудского маяка, Вышнеградской, при разборе вопроса в Государственном Совете, потребовал, чтобы огрызочные слова мои были внесены в журнал, и барон Николай со свойственною ему немецкою морг, прикрываемою скромностью, будто не слышал.

10 марта

Работаю усиленно над вопросом о незамерзаемом порте. Решили опрокинуть планы, навязанные нам главным штабом, и склониться на сторону отчасти замерзающего Мон-Зунда. Очень страшно стало наделать на будущее большой вздор устройством порта на Курляндском береге. И уже очень забивает нас военное ведомство – Обручевы, Куропаткины, Боголюбовы и *tutti-quanti* [все прочие] – Чихачев, начавший вопрос без меня, поставил его, в угоду армии, на слишком резко определенную почву; тогда как требовалась поверка и тщательные соображения. Поволокли и меня по тому же пути в следующих заседаниях, но во время оглянулся и теперь собираю все данные для Мон-Зунда.

13 марта

Дондуков, перед отъездом, поведал, что государь хочет не только быть на Кавказе, но и переплыть Каспий, а там в Самарканд.

Наплевать, что скажут.

14 марта

Сегодня, на докладе должен был повиниться перед Государем, что поступил не правильно, введя в штат две новые должности. Государь упрямился, но, жалея меня, подписал, а я, возвратившись, написал, что впредь выгоню того, кто будет силиться уверять меня в правильности неправильного.

Государь говорил о своем путешествии и сказал, что желает быть в Закаспийском крае. В путешествии по Кавказу садится в Новороссийске, выходит в Батуми, едет в Тифлис и в свое имение, в Боржом, и через Севастополь домой. А Воронцов говорит, что, так как царь будет осенью на охоте где-то на Волыни, то, вероятно, перейдет на Кавказ из Одессы.

15 марта

Полубольной взглянул на выставку. Орловского марины замечательные, особенно «Штиль перед бурею», с нежным бурым цветом воды и облаков, отдающим духотою (куплена государем). Сподвижник, или, лучше, герольд покойного Кауфмана, выставил три громадные картины из Хивинского похода. Один видок Айвазовского показывает, что у старого коня не пропал ещё пыл. Деревенское кладбище (кого-то) очень хорошо. Смерть Иоанна Грозного бесцветна, не грозна, вовсе не поражает; только название, возбуждающее ожидание, ничем не выполненное.

17 марта

Не могу вполне оправиться. Какая-то вялость и вечером страх лихорадки, хотя самая лихорадка уже оставила меня. Мало кого вижу, да и видеть не зачем.

Не могу ещё опомниться от исчезновения старца, державшегося на земле и державшего землю своим именем.

Какое-то оцепенение.

Порта, по нашему требованию, объявила Кобургского незаконным; но тот не уезжает и, в надежде на Итало-Англо-Австрийское соглашение, подсмеивается над германо-русским союзом против него. Нужно ожидать, что объявленный *pow ainsi dire hors loie* [мостом, практически объявленном вне закона], Кобургской вынужден будет, спасения ради, оставить край; но что потом?

Может быть, разумно с нашей стороны поддерживать между славянскими и неславянскими племенами Балканского полуострова брожение, при котором при удаче легко будет толкнуть их на защиту наших целей и видов.

А брожение есть.

Румыния недовольна немцем–королем и недовольные вышли уже на улицу. Сербской Милан *ne sait à quell saint se vouer* [не зная, куда обратиться], переходит от Ристича к Груичу, от этого кажется опять к Горешанину и, вероятно, кончит отъездом или насильственною смертию.

Будет бойня и страшная. Вопрос только в числах.

25 марта

Поздравлял царя и царицу с рождением дочери. Бедная, уже месяц в тифе, а сегодня порадовала хорошим сном и совершенно ясным сознанием.

Оба были ко мне, полубольному, очень милостивы.

La vicille garde [старая гвардия] редеет. Сегодня все заметили, что прежних деятелей уносит понемногу. Особенно это заметно в дни, когда являются одни генерал-адъютанты. Многочисленная свита прошлого царствования уже заметно поредела.

27-е марта

Общий характер происшествия и мероприятий за последнее время – неожиданность. Может быть, не могут ещё опомниться от смерти германского императора, всё регулировавшего своею маститостью при полном доверии Бисмарку. С новым *Empereur d`une heure* [императором на час] что-то не ладится. По поводу покушения экс Болгарского Александра на руку Виктории, Бисмарк, не смотря на опасное положение императора, решился грозить – отставкою, и вообще явно и смело пренебрег жизнею ради *raison d`etat* [состояния]. Нам он угодил так, что у нас слюнки выступили. Кричали всюду, что брак не возможен, ибо обидит Россию.

Le grand faiseur [Великий создатель] вообще никогда не церемонился в средствах и даже не боялся упрека в противоречиях самому себе, лишь бы достичь цели. Бисмарк – сей ревнитель прав короля, допустил в Лейпциге и других местах адрессы императору с просьбами удержать канцлера. Союз, кажется, отложен до поры до времени и Бисмарк остался выжидать перехода к Вильгельму, при котором по словам Абазы (думаю, внушенных взглядами Лобанова), заговорит другим, неблагоприятным для нас языком.

Всего страннее, что в эти важные и смутные минуты министрам совершенно неизвестно, что мы творим, что намерены делать, на какое положение решились в предстоящем периоде устрашающей неопределенности. Дипломаты и министерство иностранных дел ограничиваются осторожными восхвалениями Бисмарка и удивлениями стойкости императора в *Journal de St Petersburg* [газетах Санкт-Петербурга]; военный министр выбрал эту минуту, чтобы увеличить армию соответственно приращению германской, я ссорюсь или, лучше, решаюсь *tenir t te* [удерживать голову] Вышнеградскому, которому явно не нравится всё, до него выговоренное морским ведомством. Он хочет незаметно рассновать всё сотканное мною с таким трудом и удачными усилиями.

Но вообще мы, министры, *d'eduisons la cohesion* [лишенные сплоченности] и живем каждый по себе, семейно заразившись этою удобною и ленивою системою свыше.

Я долго убеждал Алексея поговорить с царем по-братски, посоветовать ему собирать по временам министров, что непременно поведет к согласию их во взглядах. Теперь каждый докладывает, что хочет, и происходит такой правительственный сумбур, такие постыдные для правительства случайности, что я весьма рад, что стою во главе специального министерства. Всего же прискорбнее, что вследствие незнания министрами взглядов державного, ему часто оппонируем мы в Государственном Совете, и весьма нередко государь становится на сторону меньшинства, как это

было, напр., на днях в деле о праве отрешать, помимо консистории, лютеранских пасторов от должности, которое выговаривал себе Толстой. Я был яро против меры более потому, что Победоносцев, *ayant reçu les orders de SM* [получив наказ от совета министров], только что отвечал швейцарскому евангелическому обществу, обратившемуся к царю с просьбою не преследовать в провинциях лютеран, что от государя далека всякая мысль о преследовании, – а теперь вынудили его согласие на меру, которая может быть удобна, но имеет вид явного насилия. Толстой с прирожденной ему жестокостью, говорит много пакостей.

Его проект о перевороте в земских учреждениях встречает сопротивление. Он внес его в Государственный Совет и на предварительном совещании Абаза потребовал, чтобы однажды внесенный проект не был раздроблен на две сессии, а решался бы в настоящую, что поведет к продлению сессии до конца июня, может быть. Тогда Толстой нашел, что дело вовсе не такое спешное и, как *avant gout* [предвкушение], желая вместе заручиться веским предрешением общего вопроса о земствах, внес в комитет министров представление опрокинуть Череповское земство и назначить управу от правительства.

Защищавший проект Плеве и местные Новгородской губернатор Масалов (Римский памятник) были тесно допрашиваемы бароном Николаи и проект возвращен для дополнения.

4 апреля

Драма, ниспосланная на Германию, везде произвела какое-то смятение. Будто пользуясь временным отвлечением от дела строгого наставника, зашумели в Вене, Белграде и Бухаресте. Все перемелется, Германия войдет в свой нормальный солдатской порядок и гувернер вновь поднимет лозу строже прежней. Тем не менее, настоящее положение для нас, стоящих вне условии и причин, при которых внутренние перемены возможны, может быть политически весьма выгодно. Стоит только не озорничать и разыгрывать роль сфинкса – и мне кажется весьма удачным соединение неодолеваемого самолюбием Гирса с обленившимся нравственно, или, лучше, ставшим равнодушным после неудач хозяином.

Как-то после обеда у Абазы прибывший сюда Лобанов рассказал, что жена первого Венского министра *Taafe* [Тафе] вообще женщина, которая прежде говорит, а потом думает, на замечание Лобанова, что она забыла записать ремиз, укорила его в непристойности. *Es ist unnutzig*[это неприлично], – сказала болтунья, а в ответ Лобанов, положивши карты, крикнул *Taisez vous* [замолчите!]. На другой день, на каком-то рауте проученная *Mme Taafe* [Мадам Тафе] подошла к Лобанову с извинением и уверяла, что не могла всю ночь спать, размышляя, как все это могло случиться. Позднее размышление.

Крупными местными событиями в эти дни была смерть двух иудейских дельцов – Варшавского и Полякова.

Варшавский повесился, потому что даже сын, женатый на Поляковой, отказал снабдить его деньгами на уплату срочного векселя, а Поляков, знавший о положении Варшавского и не помогший ему, был поражен ударом на погребении Варшавского. Толковали о Божией каре и бессердечии жидов вообще и т. п. Могу свидетельствовать только, что, кроме царских похорон, мне никогда не случалось видеть такой массы народа, как на проводах Полякова. Все пространство от его дома, через Сенатскую площадь, до моих окон, было густо наполнено народом.

Рассказывают, что оба жида раздавали много милостыни, и авторитет мой по этому поводу не кто-нибудь, а председательствующий в еврейской комиссии граф Пален. По комиссии он невольно познакомился с разными шлемками и обер-шлемками и утверждает, что их *largesses* [щедрость] поражают его – и не жидам только они благотворят, а всем нуждающимся. Я возражал Палену, что он ошибается, если думает, что комиссия его направлена против жидов-крезов – эти вошли уже в общую категорию обогащающихся и обогатившихся; вредны жиды-пьяницы, высасывающие жизнь народа, чтобы самим питаться каплями и крохами без соответственно тяжелого труда.

8 апреля

Отпраздновали мы десятилетие Добровольного флота молитвою.

Государь очень задушевно отвечал на нашу депешу. Празднество это закрепило существование Добровольного флота и устранило всякую мысль о передаче его Русскому Обществу.

Одиночные доклады министров довели на днях до случайности, которую можно поставить в ряд публичных скандалов. Выгнанный по личной инициативе государя – генерал-майор Евг. Богданович, известный аферист и *sacripant* [хулиган], принят на службу и назначен в Совет министров с производством в тайные советники, со стороны Толстого это презрение к службе, к царю и даже к человечеству. Попытался он даже, по случаю возвышения Богдановича, представить это государю, но честный инстинкт державного, согласившегося с министром по излишней деликатности, стал на дыбы и против грязного имени на списке последовала высочайшая отметка: НЕ НАДО!

Возникли несогласия между техническим комитетом и Кази по поводу степени прочности, требуемой от котлов новой яхты. Это заставило меня вдуматься и опомниться. Решил сделать машину *compound* [компаунд] и тем избавиться от предположенного давления в 130 фунтов.

Опасно возить царей с такими бешеными усовершенствованиями.

13 апреля

На параде лейб-гренадерского полка Оболенский и Мартынов сказали мне, что отправляются высмотреть всё для будущего путешествия... до Ташкента; а

Воронцов, по-моему, основательно говорит, что нужно царю отсоветовать ехать в Среднюю Азию, куда он не может иначе явиться, как солнцем, а для этого будто мало времени. Нужно приготовиться. Что царь должен быть там во всем блеске и пышности величия, в том нельзя спорить уже потому, что вслед за ним, вероятно, англичане пошлют на границу своих владений Валлийского с чисто индийскою помпою и бриллиантовыми вассалами.

18 апреля

Сегодня, при докладе, также говорено о путешествии. «На своих и на своих!» – сказал государь, когда я спросил его, удовлетворим ли мы его ожидания каспийскими средствами. Пещуров пишет, что был в Узень-Уде и приставал там с «Геок-Тепе». Фарватер обставлен изрядно и затруднений не будет; только для убранства парохода нет на месте никаких средств, что, впрочем, мною предвидено, и командир предуведомлен, что его потребуют сюда для указаний, что нужно.

19 апреля

В Комитете министров Толстой опять разбит. Представил, чтобы в Уфимской губернии волости отвечали имущественно за порубки своих членов. Барон Николаи заметил, что вопрос подлежит Государственному Совету, ибо требует изменений существующих законов. Я поддержал его, сказавши, что тем более подлежит вопрос решению Совета, что представлением нарушается принцип законности – за виновного хотят наказывать, может быть, невинных; что предлагаемая мера крайняя и дозволительна только в неприятельской стране во время войны.

24 апреля

Страстная с её религиозными требованиями и первые дни Святой с их китайскими требованиями, совершенно меня расстроили. Устал, обветшал и пораженные части стали более чувствительны. Благодарю Создателя, ещё чувствую себя способным к умственной работе и от души часто взываю к Нему, чтобы не наказывал меня лишением умственных и духовных сил до конца, который угодно будет определить его святой воле.

Великий князь Алексей лично отдал мне мой визит. Он вообще со мною очень мил, но выше, кажется мне, ко мне охладели. Тому могут быть две причины: я часто вотирую в Совете с тою стороною, против которой государь, по разным соображениям, решает – но в этом отношении у меня одно соображение – убеждение, голос совести.

Другая причина очень естественная. При дворе не любят инвалидов, в особенности таких, с которыми могут случаться внезапности, тревожащие августейших хозяев, не любящих эмоции. Я не одержим придворной лихорадкой и всем доволен. Хочу служить доброму моему государю и особенно не жажду милостей в мои лета.

Но нужно помнить, что при дворе больных не любят и, по возможности, избегать часто быть лицом к лицу.

29 апреля

Начал защитою сходящих со сцены Сибирского управления моряков против стереотипных обвинений их в равнодушии к Камчатке во время управления ими приморскою областию. Высказавши, что такие обвинения, беспрестанно повторяемые в документах, представляемых Государственному Совету, составят в будущем материал для истории, которую нельзя будет заподозрить в недостатке истины, я сказал, что моряки не только трудились в крае, но страдали в нём, ввели в нем гражданственность, школы, клубы, просвещенную жизнь. Теперь, когда можно войти туда в ботинках и лайковых перчатках, говорят, моряки не нужны и лягают в них. По-моему, им следовало бы сказать более сердечное и благодарное – прости.

Затем, не опровергая проектов Корфа, просил позволения уйти и отвел душу на юбилее Майкова. Симпатичного поэта собралась чествовать многочисленная сочувствующая ему публика. Началось чтение письма графа Толстого, в котором юбиляра осыпали высочайшими милостями – удвоен пенсион (3.500 вместо 1750) и произведен в тайные советники. Затем следовали поздравления, телеграммы и адрессы. Всё прошло весьма пристойно, и министру можно было сидеть на стуле. Особенно теплы были: адресс ученого Комитета народного просвещения, письмо больного Гончарова к старому сокашнику по литературе и другу и стихи графа Кутузова. Редакции журналов, даже «Будильника», надоели своими выскочками, проявлениями своего воображаемого общественного могущества. Всех бойчее, могущественнее и влиятельнее сказал в конце сам юбиляр. С поразительной выразительностью голоса, мимики и черт лица, принимавшего и передававшего нам впечатления поэта; 66-летний старик прочел «Брунегильду» из Скандинавских богатырских времен. Какая дивная способность разбирать и угадывать разнородные побуждения души! Сильно чувствовать их, изящно выражать в высшей степени отработанным словом и тащить за собой слушателей в течение часа без устали, без отвлечения на миг от произведения и от самого автора.

В числе поздравительных посланий, было одно в милых стихах от великого князя Константина Константиновича.

2 мая

Нужно наметить две случайности, которые могут иметь решающие последствия: увеличение бюджета военного министерства и разрешение, в совещании под председательством великого князя Алексея, вопроса о необходимости внешнего для флота порта в Балтике. Вследствие увеличения Германской армии новым законом и видимых приготовлений Австрии, Ванновской подал проект приращения наших сил на сумму нескольких десятков миллионов в год. Государь назначил под своим

председательством совещание из военного министра, Гирса и Вышнеградского. Говорят, последний поставил вопрос *comme une question de porteffeuille* [Как вопрос о портфеле]. Кончилось тенью компромисса. Ванновской получил 4 или 5 миллионов единовременно и по миллиону на последующие года. Гирс, разумеется, был против приращения за раз и радовался решенной постепенности, которую можно назвать отложением *aux calends grecques* [плана по Греции], но всего курьезнее инцидент, который записываю здесь со слов Гирса.

В общем разговоре указывали на возрастающее возбуждение между французами и немцами. Ванновской хотел иметь много сил на случай, если недавние враги снова схватятся за волосы. Гирс, по-моему, очень мудр, советовал даже в этом случае размыслить, что и как нам делать, указывая на то, что решительное действие с нашей стороны скрепит среднеевропейский союз и заставит Англию явно пристать к нему. Государь с энергией выразился, что в таком случае мы исправим все ошибки прошлого. Гирс устрашился. Думаю, пострадали его *immentionable* [необъятные измышления], Ванновской же, со смирением, выдохнул: «Сердце Царево в руце Божьей»!

Вопрос о порте вызвал меня на томительный экстренный труд. Ещё в 1883 годе я возобновил этот давно затеянный и теперь назревший вопрос. Посылались в Либаву и Виндаву с буравами, собирались возможные сведения о замерзаемости портов, о наносах и т. п., и тогда, по поводу комиссии при Министерстве путей сообщения, я склонился, согласно с мнением моих предшественников, к Виндаве, осмотревши, впрочем, лично реку до места, где прежние курляндские герцоги имели свои морские учреждения. Когда я отправился в 1886 г. на Дальний Восток, остававшийся за меня Чихачев (*qui, soit dit en passant est anu cochon aves Обручев et charge tres facilement d'opinion* [которому, кстати, подложил свинью Обручев, и который очень легко просматривал его работу]) повел, согласившись с военным ведомством, дело так, что вместо Виндавы избрали Либаву. Петербургской округ, со своей стороны, хлопочет о защите берегов Финского залива, и ему приглянулся Мон-Зунд, по взгляду Дубасова видящего в нем гнездо для вылазок на миноносках. Он участвовал в комиссии Глиноецкого, которую затерла комиссия прошлого года генерал-майора Бобрикова, брата начальника Штаба великого князя Владимира.

Затеялась война Белой и Алой розы. Штаб Владимира за Мон-Зунд, Главный штаб за Либаву.

Я старался отстранить вопрос самолюбия и относил попытки создать в Мон-Зунде внещний порт к давно прошедшему. Собирались два раза. У Ванновского с Вышнеградским, был уже вопрос о прибавке к военному бюджету. Собирались у государя. Вышнеградский сдался на ничтожную прибавку; наши планы о порте, разумеется, похерили. Попытаюсь ещё попросить продолжения 40 миллионного бюджета на 10 лет и скидки пошлин за всё нами выписываемое – короны некоторой гарантии для расчетов, при которых можно было бы и флот создать, и порт сделать.

По поводу совещания у государя. Бывший на нем Гирс рассказал мне следующее: он, Гирс, разумеется, был на стороне Вышнеградского, склонявшегося на постепенное приращение армии; ему не хотелось слишком рассердить немцев. Ванновской же, указывая на современное политическое положение, говорил, что нужно ждать столкновения между Германией и Францией и быть готовыми. Гирс советовал и в таком случае выжидать, осматриваться и не торопиться. В таком случае, сказал государь, мы исправим прежние ошибки. Гирс убеждал к хладнокровию, а Ванновской – сердце царево в руце божией.

Тьфу! Как гадко.

15-е мая

Гадко и то, что Ванновской не осмелился вымолвить слово царю касательно Анненкова, открывшего сегодня дорогу до Самарканда. Ему благоволение наравне с Розенбахом. Положим, Анненков не симпатичен и царь его не любит, но он полезный деятель и совершил гигантский подвиг.

16-е мая

Занимает нас теперь предстоящая церемония по спуску крейсера «Память Азова» и закладки яхты, которую государь, после многих колебаний, назвал «Полярная Звезда». Вчера вечером он прислал мне письмо какого-то деревенского сорванца или сумасшедшего, написанное на почтовой карточке и помеченное – «в собственные руки». Нахал советует назвать яхту «Славония» и подписывается будущим всеславянским наречием.

Мудрено ли, что нам, Русским, привыкшим к подобным патриархальным отношениям к царю, в высшей степени отвратна спесь принцев из немчиков.

Великий князь Алексей осмотрел тщательно новую яхту и «Азов». Я велел выставить рядом с новою моделью – модель трижды возобновленного уже родоначальника «Азова», постоянно существовавшего до 1860 года. С 1860 теперь только историческое имя возобновляется. Знамение недавнего прошлого времени – о славе флота не думали, а тешились «Волами», «Воинами», «Рындами», «Бояринами» и проч.

Около полночи в новом адмиралтействе вспыхнул пожар. Я застал уже на месте Алексия. Огонь начался в экипажеских магазинах. Благодаря обилию воды и счастливому безветрию, ничего важного не произошло, а могло бы быть бедствие.

20 мая

Великолепный спуск «Память Азова» и закладка новой яхты. Кази *s`est surpassé* [превзошел себя]. Была тьма приглашенных. Выставили флаг, пожалованный Николаем Павловичем и рескрипт Его, а также венок подвига Сакена, чему сегодня ровно сто лет. В реке эскадра, на этот раз даже броненосные фрегаты и суда яхт-клуба, по желанию самого государя.

Фрегат красавец.

В знаменитом яхт-клубе (на Морской, в котором капли нет воды морской), *soi-disant* [предположительно] умного Зубкова, так усиливающегося обобрать Обуховской завод, граф Боби Шувалов уверил, что тотчас по спуске Азова государь велел вновь вытащить его на стапель, для чего суда обыкновенно спускаются на резиновых возжах.

Старик Гейден, без сомнения, чаявший личного отличия по случаю спуска фрегата, прислал ко мне вчера, чтобы племянник его, укачиваемый, полуслепой чиновник Министерства внутренних дел, перешедший во флот, чтобы имя Гейдена жило в нём и чтобы получить наследство дяди, прибавлю ещё, в надежде, что поступит адъютантом к Алексию, чтоб этот племянник, оженившийся и поступивший в запас с отчаяния, что не дослужится до лейтенанта, был освобожден от ценза. Пристал за завтраком у великого князя. Прежде я был глух к намекам старика. Нечего было делать: *séance tenante* [незамедлительно] просил, чтобы в память заслуг деда на «Азове» произвели внука. Старик благодарил, но фарисействует – чаял бриллиантового Андрея.

22 мая

Военный министр, получивши на пять лет 40 слишком миллионов и проведя свой проект об увеличении общей службы с уменьшением действительной, махнул на общие для обоих оружий вопросы и ставит теперь преграды нашим планам косвенно и оберегая вымаклаченные деньги – стращает расходами по укреплению Мон-Зундской позиции и советует, вопреки прежним собственным уверениям, что флот нужен для устранения высадки в Курляндию или Ригу, отодвинуть его, дешевизны ради, в Балтийский порт. Совещания, очевидно, хотят привести ни к чему и вопрос о порте оставить открытым. Единства в стремлениях у нас быть не может и, кажется, придется действовать эгоистически. Мон-Зунд так жесток, что я готов склониться к Балтийскому порту, не смотря на то, что его легче облокировать. Зато он положительно не замерзаем и соединен уже с ресурсами Империи железною дорогою. Если устроить порт между Мон-Роге и материком, нет сомнения, что из него можно выйти во всякое время и, не имея крепкой позиции против коалиции, мы будем в состоянии господствовать в Балтике во всякое время года, лишь бы были силы. Распределяя создание его до 1901 года, с тем чтобы по этот год продолжали нормальный кредит, я буду иметь в обоих флотах следующий состав:

(В подлиннике дневника далее пропуск)

и порт, из которого в Балтике флоту всегда можно будет действовать. Попытаюсь убедить в этом с дороги.

27-е мая

Посол в Италии, Икокуль, был задержан в Вержболове жандармским офицером как сумасшедший. Дали сейчас знать жене, которая выказала свое несогласие с мужем, бегавшим всю ночь за доктором и немедленно отправясь на границу. Вот и пустая женщина. А бед уже довольно. Отец умирает в идиотизме, и богатство его оказывается не богатством. По слабости старика так распорядился, что дочери приходится наследовать тьму процессов.

Пора уехать отдохнуть. Располагаю иметь в понедельник последний доклад.

1 июня

Утром откланялся в Петергофе. Попал на семейный праздник. Императрица приняла среди детей в комнате, уставленной подарками для Ольги. Сегодня празднуют её рождение. Поистине, государь должен ценить жену, внесшую в дом его чарование семейственности.

Сам Владыко тоже очень милостиво простился со мною, до встречи в Черном море, куда Алексей очень не хочет ехать. В понедельник Он спросил, нужно ли и Ему быть там. Государь отвечал: «нет, не нужно, но ведь И. А. и без того будет и если в одно время с Нами, то увидимся»! Разумеется, считаю долгом увидеться.

2 июня

Утром провел с Алексием, пожелавшим лично заниматься делами министерства в моем отсутствии. Обо многом говорили. Оставил Ему *menu* [меню] всего, требующего особого его внимания. *Avec son gras bon senc* [С его смелыми мыслями]. Он вывел меня из затруднения относительно сына Дондукова – велел просто откомандировать его к отцу на время пребывания государя, для облегчения сношений с морским начальством. По этому поводу много говорилось о взгляде государя на флигель-адъютантство. Он отказывает в нём даже Наследнику.

Вечером, перед переборкой на «Азию», пришедшую за мною в порт, получил известие, что «Генерал-Адмирал» уперся в Александ. Остров и не может быть стянут.

С этою неприятною новостию и печальною вестию о безнадежности прусского короля, покидаю износившую меня столицу. Едва успел собрать все подписи совещавшихся о Мон-Зунде.

3–е июня

Рано утром двинулся в Кронштадт. Подхватил «Минин» и вел его с собою до Сескара. Бельвиля котлы действовали удовлетворительно.

До сих пор не все банки ещё обвешены; поручил мичманам наблюдать за тем.

4-е июня

В 4-м часу утра вошел на Свеаборгский рейд, где застал обе эскадры – практическую и кадетскую. «Генерал-Адмирал» был уже на свободе. Несмотря на ранний час, попросил на фрегат Чихачова и сам поехал. Ломен, видимо, встревожен. Водолазы уверяют, будто сломан и разворочен штевень. Не верится, хотя фрегат тиранили, стаскивая его боком.

Купеческие фирмы получили известия о смерти императора германского. Телеграфировал великому князю Алексею о вероятной необходимости назначить под великого князя Георгия «Эдинбургской» и отдаче «Азии», на время исправления «Генерал-Адмирала», Чихачову, на что получил ответ в Балтийском порте, куда в 6 часов утра отправился через Ревель – собственно для того, чтобы пожурить за неисправную постановку вех. В 40 дней навигации ещё не все вехи на месте. Нужно перебрать весь вопрос по ниточке.

В Ревеле получено официальное извещение о смерти Фридриха.

В Балтийском порте, нисколько не подвинувшемся от железной дороги, вошел в церковь св. Георгия, выстроенную при Екатерине вместо прежней деревянной Петровской, взглянул на громадные затеи грандиозного Петра и отправился на новый грандиозный 137-футовый маяк, который мы, лилипуты, воздвигаем в подражании Великому. Вокруг башни железные кольца, за которые, роульсами, защепляются кронштейны с настилками. Этим приспособлением думают избежать лесов для окраски и последующего ремонта башни.

Странно, что двое не могут дать одинаковых известий о местности. По словам одних замерзание залива от *S* [южного] берега до линии церковь – кордон на Мон-Роге ежегодно, а к северу чисто и редко наполняется наносным льдом. Другие утверждают (смотритель таможенной стражи, живущий здесь 18 лет), что явление это исключительное. До сих пор в одном только согласие при *SW* [юго-западный ветер] ломает лед, образуется течение между Роге и материком и лед выносит в море большою бухтою.

Воображаю, каких разноречивых сведений наберем завтра.

Смотритель маяка, Врангель, утверждает, что его сведения вернее, что все другие наблюдатели <u>увидят полынью и лунку, вопят – море открыто, а он в нынешнем году тушил маяк от 11-го января по 6-е марта. Значит, то же, что Мон-Зунд.</u>

5-е июня

Подробный осмотр пролива между обоими Роге и между ними и материком. Взял «Ильмень», два таможенных катера и «Бригитовку» и отправился по южную сторону Малого Роге ко входу в пролив, предварительно провешенному. Когда Пакерортский мыс закрывается юго-восточным мысом Малого Роге, глубина 15 фут, следовательно, придется рыть ещё столько же. Дно везде песок. Встречаются камни. В самом проливе 6, 7, 8 и 9 футов, но в двух местах гряды в 3 фута и пролив даже для

миноносок не годен, хотя с севера и юга они могут укрываться в нем от преследующего неприятеля.

В западный пролив отправился на таможенной «Ласточке». Всё время шли по линии кирки с кордоном на крайнем видимом мысе к *W* [западу], делая *Bordees* [бортами] вправо и влево, чтобы избежать песчаных языков от материка и острова Роге. Накануне фарватер был обставлен. Глубины менее 6 футов не оказалось; но если требовать, чтобы могли выбегать каналом лодки, то придется рыть на большое расстояние, чтобы добиться 12-ти фут.

Вообще утверждаться в Балтийском порте, несмотря на заманчивость железной дороги, не стоит свечей. Лед столько же, сколько в Вормсе. Обошел Роге кругом и вышел на Малый взглянуть на деяния Петра. Следы гавани, засыпанной с моря голышем, употребленным на мол, видны доселе.

6 июня

Ночь перешел в Моон-Зунд, где нашел эскадру Чихачова на внешней позиции, против деревни на Вормсе. Прошел далее за остров и стал у обвешенного уже будущего порта.

На «Ильмене» прошел сквозь обвешенный уже проход по западную сторону Хари-Лойди, в котором предполагаю поставить сильные броненосные лодки для защиты, купно с укреплениями на Вормсе, входа в Зунд, наших заграждений и проч. Всё оказалось возможным. Разумеется, проход с севера придется заградить минами, даже ряжами, чтобы неприятель не мог проникнуть в него.

Мимо Кабик-Лойда вышел на Тифенгафенской створ (мимоходом, в полдень, трудно распознаваемый), лег на нем и приведя на *S* [юг] приметные два камня у *NO* [северо-восток] мыса Даго, вошел в Унгерновской гафен. Ничего не могу сказать о нем, как об убежище для миноносок. Будет зависеть от степени занятия нами самого Даго.

На обратном пути остановился у кордона Вормсе. Выдвинутые насыпные пристани доказывают, что ледоход здесь не силен. Срубы в порядке.

Встретила пограничная стража. Дали экипаж и мы поехали осмотреть местность, подлежащую захвату. Дорога от деревни до мызы превосходная, сквозь прекрасный, хотя и молодой, хвойный лес. Видно, что царят Остзейские порядки. Вся земля – Штакельберга (странно превратившегося в социалиста и живущего за границей). Часть её отдается в ферму 180 семействам шведов. Нам дали в провожатого одного из них, прошедшего сквозь русскую цивилизаторскую среду – военную службу. Говорит по-русски наравне с полсотнею других, узнавших Кузькину мать. Есть и православные, но церкви нет. Остановились на мызе – прекрасном месте для дома Главного командира, управлений и провиантских магазинов. На мызе сто коров и всё хозяйство. Всё это должно уступить русским порядкам.

Проехали далее по прекрасной дороге, содержанной натуральной повинностию, к пресному озеру – вероятному будущему резервуару водоснабжения. От озе-

ра поворотили на южный берег острова, через лес – парк, выходящий на бухту соседнюю с тою, от которой по проекту потянется мол к гавани. У опушки леса – место для казарм и далее к *W* [западу] для адмиралтейства. Вообще можно устроиться хорошо, раздать земли во владение с уплатою в пользу создания порта и, думаю, лучше отчудить весь остров. Главный командир должен быть и градоначальником или губернатором, если из Вормса и всего архипелага сделают Алексеевскую губернию.

Эскадра перешла уже к «Азии», на внутреннюю позицию будущего рейда. Мичман сколотил нам пристань, ибо шлюпки не могли пристать к самому берегу.

7-е июня

На «Славянке» ходил к южному входу в Моон-Зунд. Неприглядно смотрит для защиты. Нужно сильно укрепиться между Шильдау и Мооном и загородить проход к о-у от Шильдау. И тогда неприятелю будет раздолье, разве поставить на Вердере Патерностере мортиры; но нужно опасаться, чтобы последний не взял с тыла десантом.

В Вердере таможня, телеграф и прекрасная гавань удобная для миноносок; только они здесь *en l'air* [на свободе] и нужно на позицию выдвигать к югу боевые суда.

Возвращаясь, увидел вдали «Ильмень» весь в сигналах. Поворотили. Врезался в 2-х футовую банку у Руно-Роге и уверял, что веха де не так.

8-е июня

Совсем слабею. Отложил дальнейшее исследование Моон-Зунда. Эскадра ушла вечером в Тагелахт, там высадит десант и снова возьмет его в Аренсбурге, оттуда же пойдет в Ригу. Я сделал гардемаринам на «Скобелеве» прощальное приветствие сигналом и, взявши «Славянку», в 6 часов отправился по пути в Ригу. Местами под килем было не более фута.

Попался под руки первый номер журнала, из которого верно узнал о смерти Фридриха. Новый император сейчас заговорил с армией и флотом. Обещает быть Фридрихом, а, думаю, будет только муштриртом

9-е июня

К 8 часам вошли в Двину. Поставили во входе, утверждая, что далее нет воды, но я просил ввести в Динамюндскую гавань, желая ощупать её.

Батарея по западную сторону устья вооружена 11-, 9- и 8-дюймовыми орудиями 67 года. Траверсы низки и тонки. Обойдя батарею, отправился вокруг зимней гавани. Мне кажется, обе должны быть к услугам военных ведомств, и из зимней можно фланкировать батарею, которую, кажется, можно дефилировать с моря. Нужно просить Чихачова убедиться в этом. Крепость ничтожна. Благодарил коменданта за любезность к лодке «Смерч», здесь зимовавшей тому два года. Пригласил все власти к обеду, а сам после завтрака отправился на пароходе Двиной.

Громадные работы по регулированию движения по реке, вот первое впечатление. Говорят, недавно было много пароходов. Поворотили в Мюльгравен, прекрасную гавань, соединяющуюся с большим озером. В ней грузят преимущественно лес и хлеб. Далее вверх по реке беспрестанные молы, исчезающие острова и вновь появляющиеся. Работа кипит бойко под присмотром правительственного инженера Нагеля и при хозяйственной помощи биржевого комитета, здесь очень радеющего об истинной пользе порта

10-е июня

Получил известие о «Генерал-Адмирале». Повреждения весьма важные. Согнулся фор-штевень, поврежден киль, отошли шпунтовые листы. Очевидно, фрегат сильно ударился.

По-видимому, хотят, чтобы Георгий непременно шел на нём. Аварии не должны пугать его. Недели через две фрегат починят, или, лучше, подчинят, но как? Вот вопрос.

После завтрака отправился в город. На пристани встретил губернатор и члены биржевого комитета. Хорошие мостовые, напоминающие Вену. Вену же напоминает и бульвар на срытых гласисах; только в Риге они несравненно живописнее, представляя местами швейцарские виды. Взглянули на прекрасный собор, на дуб Петра в Кайзергартене, на рассадники Васкера и обедали в ресторане парка Вермана.

Мой знакомец Верман уже камер-юнкер православия Победоносцева ради. Красиво здание клуба Черноголовых (безумных холостяков, уплачивающих ежегодную подписку в 600 р.). Оригинально.

Губернатор в вечной борьбе с муниципалитетом и вообще со всеми выборными властями.

Скорая смерть и немедленное предание земле германского императора не дали рижанам возможности произвести манифестации, а они до них охотники. Собирается здесь латышский праздник, от которого Зиновьев чего-то ожидает не доброго.

Русская сцена. Коменданту Дюнамюнде очень хочется убедиться воочию, как его могут атаковать с моря, но 17-го приезжает великий князь Михаил и хочет всё показать ему в смотровом виде!

На ночь возвратился на «Азию» и в 2 часа поплыл на отдых.

12-е июня

К 11 часам прибыли на рейд Пиллау. Не знаю, по глупости ли, или в самом деле вследствие правительственной меры, вызванной инцидентом в Фу-Чау, нам не позволили войти в гавань. Безотрадная плоская местность и поверх её несколько мачт, протягивала нам, будто в насмешку, две руки в виде молов. «Азии» нужно было войти, осмотреть в тиши водолазом винт, но нечего было делать. Меня ждал инженер завода Шихау с быстрым миноносцем, построенным для Италианского правитель-

ства. Помолились на крейсере. Прощаясь с командою, под влиянием молитвы и великой слабости, подступили слезы к горлу.

Быстро промчались мы по зеркальной поверхности Фриш-Гафа, окаймленного с моря наносным песчаным[1]

С востока зеленая местность и городок, произведший Коперника. Через час вошли между молов в устье реки Эльбинг и плыли среди следов недавнего наводнения – рукава Виксель, Ногата. И теперь ещё на многих полях стоит вода.

Старый Эльбинг прежде всего представился нам кирпичными трубами завода Шихау. Старик хозяин, миллионщик из простых кузнецов, ждал нас на пристани, убранной флагами. Мои дамы отправились отдыхать, а я скитался часа три по заводу и по другому учреждению вне города. В последнем случился пожар в момент нашего прибытия.

В доме хозяина мы застали следы недавнего пребывания императрицы Виктории, приезжавшей сюда утешать несчастных и так скоро нуждающейся сама в утешении.

Говорят, она избирает местом жительства Гамбург.

Старенькая хозяйка и столь же античная сестра приняли нас очень гостеприимно, накормили прекрасным обедом и отвезли на станцию.

Ехали целую ночь.

13-е июня

Для нас вдруг наступила жара, ещё более увеличивающая мою слабость. Проехали по Тир-Гартену и городу между признаков траура и после обеда были на музыке в парке выставки.

14-е июня

Встал очень рано и приготовил для великого князя Алексия записки о Динамюндских портах, об инциденте в Пиллау, а, главное, по заказу заводу Шихау. Надеюсь, что он захочет выказать свою прыть и велит тотчас заключить контракт.

Много толкуют о речи нового императора, твердо говорящей о сохранении мира. В ней не менее твердо указывается на среднеевропейский союз как на гарантию мира и на дружеские отношения к нашему царственному дому. Короче – прежняя Бисмарковщина – ты Россия, голубушка, мы тебя ценим, – но смотри, чуть что – вот тебе Австрия, Италия и я вместе.

Может быть, это и хорошо для мира, в особенности тем, кто к войне готов. Но содержать Европу в ежечасном страхе войны, ежеминутно отстраняя её, думаю, в расчете Бисмарка для внутренней политики, для того, чтобы сметанная на живую нитку Германия сшилась окончательно. Не тревожь немцев пугалом войны, стали

---

1 Так в тексте, предложение оборвано

бы углубляться в социальные вопросы и, пожалуй, дофилософствовались бы до революции. А с новыми налогами личными и другими, до поры до времени, придется направить мысли на жизненные заботы. Притом перипетии внешней политики достаточно занимают немецкие умы.

Вечером выехали в Эмс.

15-е июня

Утром поселились в *Villa San-Remo* [Вилла Сан-Ремо]. Впервые пришлось видеть всю долину реки Лан, которую не считал столь промышленною.

Ночью много страдал от слабости пузыря и приехавши до того был слаб, что не мог никуда двинуться. Прошелся с женою шагом по парку. Всё в Эмсе по-прежнему; только железнодорожный подъем на Мельграфген. Просидел против него часа и движения не видел.

Жидок-книгопродавец, банкир, комиссионер и, вероятно, сводник, встретил меня как старого знакомого, нуждающегося в покровительстве.

21-е июня

Разговорился с моим доктором, весьма сериозным медиком, учившимся, между прочим, у Макензи. Хорошо знакомый по профессиональным связям со всеми деятелями недавней драмы. *D-р Döring* [Доктор Дюринг] поведал мне, что ещё в начале прошлого года Крон-Принцу прижигали горло и в марте послали его в Эмс, где он вел себя как здоровый, устраивал пикники в холодную погоду. По возвращении в Берлин тамошние медики объявили, что у принца рак и что необходимо произвести операцию ляринготомию. Принц согласился, и всё было уже готово, когда вошел к нему Бисмарк и спросил, известили ли его медики, что операция эта представляет чрезвычайную опасность, что из 80 оперированных только трое остались живы и то не на долгое время?

Вследствие отрицательного ответа принца операция была отложена и решили призвать специалиста по гортанным болезням. Берлинские медики указали на трех: Макензи, Раухфуса и Шретера. Двор выбрал Макензи, который, говорит *Döring*, конечно, тотчас распознал рак, соскребя пленку и дал её под микроскоп *Wirchow'y* [Вирхову]. Этот так же не мог усомниться ни на минуту, хотя сказал, что положительных признаков рака нет, и скоро уехал в Египет. В Берлине высокого пациента теребили настаиваниями на ляринготомиею и Макензи увез принца в Англию, затем в Штирию, на Камо и в *San Remo* [Сан-Ремо]. Макензи старался продлить жизнь, конечно, и с целью, чтобы крон-принц успел занять трон. На него теперь очень нападают, что он вмешался в германскую политику, но мой доктор говорит, что и бергмановщина также мешалась в политику, ибо столько же не хотела видеть Фридриха на престоле, сколько Макензи желал этого в угоду пациенту и в особенности английской королеве. Что крон-принц знал или понимал цель и усилия Ма-

кензи, доказывает его письмо к нему при пожаловании Гогенцолернского ордена: «за то, что Вы помогли Мне вступить на престол».

Если Макензи хитрил, то хитрил честно – громадная разница между поведением вдовствующей императрицы и принцесс и сколько раз спокойнее умер муж, уверенный в том, что жена и семья обеспечены.

24-е июня

Старый знакомый, Ниццкий протоиерей Протопопов, приезжал служить из Висбадена в здешней церкви и был у меня. Просил совета, можно ли ему засвидетельствовать слова Сербской королевы? От несчастной требуют согласия на разводную, и для этой цели в Висбаден прибыл военный сербский министр Протичь и Нишской митрополит. Вот, чтобы держать последнего в пределах истины, королева желала, чтобы Протопопов находился при свидании.

Мне показалось, что свидетельствовать правду есть одна из священных обязанностей священнослужителя, и я советовал не отказываться от нее.

29-е июня

Почти прекратил лечение вследствие большой слабости и чувствительности мочевого пузыря. Находит какая-то апатия к жизни и только и думается, как бы не стать в тягость другим.

Господи! Помилуй мя, если мысль о прекращении никому не нужной жизни противна твоей воле!

Может быть, и погода действует на мою нравственную сторону. Ветер, дождь и холод.

Газеты заняты предстоящим путешествием Германского императора в Петербург. По-моему, это не более и не менее, как двойная игра: политика политикой – и это на сторону среднеевропейского союза, а добрые родственные отношения на нашу сторону, чтобы можно было и ими воспользоваться в случае надобности – в настоящий же момент это демонстрация Франции, чтобы не очень рассчитывала на русский союз.

У нас, по обыкновению, государь отправился в шхеры, Сам пройдя в Биорк-э на «Генерал-Адмирале», только что исправленном. Георгий остался на фрегате. Хорошая выходка: что было решено, то должно сбыться и чтобы с фрегатом не случилось, сын все-таки пойдет на нем.

Уверен, что во флоте это произведет хорошее впечатление.

1-е июля

«Нахимов» при входе в гавань, помял себе ребра, а «Чесма», по словам газет, перегруженная, пошла всего 14 узлов.

Охать не над чем, но нечему и радоваться. Любопытно будет сравнивать с «Екатериною». Если и другие два корабля дадут те же результаты, то весь боевой су-

ществующий флот будет 14 узловой; разумеется, для лодок нужно брать известную погоду. Приезжал из *St. Nazaire* [Сен Назер] Алексеев. Уверяет, что по сделанной уже на швартовах пробе (60 оборотов при 3800 силах), нужно заключить, что крейсер достигнет контрактной скорости 17 узлов без искусственной тяги; что машины исправны и что заключения механика Зотова были ошибочны и поспешны. Между тем нельзя ожидать, даже при удачных пробах, прихода крейсера в Россию ранее исхода августа.

Получил печальную весть о смерти Н. Н. Андреева. Не хотел понять своего положения; умер у дела, как жил. Несмотря на мои настояния, ни как не хотел отдыхать. Вечный покой тебе, честный труженик! Мало уже таких слуг долгу. Жаль, что некому было усладить его последние минуты.

7-е июля

Висбаденский священник, по долгу утешавший сербскую королеву в её несчастии, рассказывал о последнем прощании её с сыном и о жесткости, с которою прусские власти исполнили приказание разлучить королеву с сыном и выгнать её из пределов Германии.

Раздирающие душу сцены эти наводят на различные размышления. Допускаю, что *raison d`état* [из-за переворота] заставляет одно правительство выдать другому наследника его престола; но для чего изгонять мать из пределов земли, где она, под негласным наблюдением, ничего не могла сделать? Для чего до такой степени угождать негодяю – мужу, не выставляющему никаких причин развода, кроме ненависти к жене?

Ясно, что эта истинно прусская грубость совершена в угоду Австрии, которая тоже выгнала приехавшую в Вену королеву, но мягче, предоставя покровительнице Пруссии выказать грубостию к женщине крепость существующего между странами союза. Как же венценосцы хотят сохранить *prestiqe* [престиж], если один из них, бесстыдно развратничая, преследует жену, а остальные, безмолвно, будто между ними всеми нет солидарности, допускают охоту с гончими на коронованную особу?

Герберт Бисмарк отвечал тетке королевы Наталии, что до всего этого ему нет никакого дела. Кто же придумал такой способ угождения Милану? Но да помнят Владыки, что общество XIX века не допускает подобного обращения с женщинами. Они станут париями.

В газетах везде распространили слух, что королева, по совета Лобанова, едет в Париж, но в самом деле она в Гааге. Не возьму на ум, почему мы посоветовали ей это убежище, а что мы – едва ли может подлежать сомнению, ибо Висбаденский священник получил из Петербурга приказание отправиться в Гаагу служить, пока тамошний священник в отпуске и королева там присутствует.

8-е июля

Прислали мне № журнала Русского судоходства, в котором нет ничего, кроме статьи Лихачова «Морской Генеральный Штаб», вероятно, написанной *par connaissance* [по знакомству] с Дубасовым.

Лихачов странно комментирует Петра Великого и *se plait à trouer des fautes à Nelcon* [любит, находя недостатки, изображать Нельсона]. С такой горделивой точки зрения он все порицает в морском ведомстве, игнорируя или прикидываясь, будто игнорирует то, что в нем делается, и советуя то, о чем догадались без него. Существенно дельно только введение военно-морской науки в академию, о чем мы давно думаем, но нельзя проповедовать латынь, не имея латинистов, а вырабатывать новую науку, не имея, чем поверить выводы, т. е. судов, – бесполезная канцелярщина, о которой Лихачов так печалится.

Правда, что мы строим суда несколько с поспешностию, но выбираем могущие подойти нам и лучшие; и если брезгливый адмирал утверждает, что мы начали с ребяческою горячностию строить броненосцы, когда к ним остыли (что совершенно несправедливо), и что ясный ум прозрел, будто Севастополь не нужен, когда есть замерзающий и легко блокируемый Николаев, то, кажется, можно, при всем снисхождении к сердящейся праздности адмирала, сказать, что не броненосцами увлеклись с ребяческою горячностию, а страстию порицать задались со стародевическою злобою и капризностию.

14-е июля

Утром покинул с удовольствием Эмс, в который я прибыл расслабленным и где ещё более ослабел вследствие беспрестанных гроз. Состояние мое в высшей степени нервное. Вдобавок слабость мочевых органов, изнуряющая непрерывающаяся боль и опасение быть неопрятным.

В 5-м часу прибыли в Баден и тотчас отправились к Наде. Садовник точно исполняет обещание и хранит могилу в исправности.

Долго ли ещё мне суждено приезжать к тебе на свидание, Надя? Не возропщу, когда придет час земной разлуки. Встреть меня, как кающегося. Доведи лишь до конца добрым, честным и правдивым слугою моего государя и отчизны.

15-е июля

Были ещё на холме, устланном стараниями жены свежими цветами. До свидания, Надя! На долго ли, Богу одному известно.

16-е июля

В 8 ч. Утра прибыли в Мюнхен, собственно, чтобы избежать утомления длинного пути и набрели на ужасы! Собирались праздновать столетие рождения первого короля Баварского Афимяна Людовика I, так слепо подражавшего в своей Баварии постройкам палимой солнцем Аттики.

Проехались на выставку германских произведений, великолепный базар хороших вещей, как выразилась полудикая Матильда. Завезли обедать в лучший кафе и там накормили до нельзя гадко. Отдых вышел, куда как плох. Ночью не сомкнул глаз. Гостиница у вокзала железной дороги и всю ночь прибывали различные депутации и ротозеи любоваться приготовленными процессиями в костюмах времени рождения Людовика.

17-е июля

Переехали в Зальцбург. Газеты передают печальное известие о смерти Дрентельна, упавшего мертвым с лошади, при объезде войск назначенных в церемонию духовного празднества крещения Руси. Верный и честный был слуга царю и России.

Проехались и здесь по живописным окрестностям, но медленно, тихо, чтобы не очень меня растревожить. Горька жизнь при убеждении, что в тягость другим и лишать их всяких удовольствий.

Впрочем, благодарю Бога, не только, жена, но и сестра её оказывают мне, старику, всякое внимание. Да воздаст им Бог!

18-е июля

Утром оставили Зальцбург и к вечеру, обычным путем, прибыли в Гастейн. Набит битком, квартиры нет и поместили на ночь в комнате с угрозою, что завтра из неё выгонят. А я совсем расслаб.

Ко всем недугам присоединилась диарея. Просто не знаю, что делать.

Поздно вечером обещали, что, может быть, случайно, обретем убежище в *Solitude* [«Уединение» (отель)].

19-е июля

Перебрались в *Solitude* – сравнительно удобное и спокойное убежище. Должен был переменить доктора. Мой старик *Pwill* [Пвилл] оказался гомеопатом и предоставлял всё природе, а она у меня очень расшаталась и следовало ей помочь. Положили в постель и дали чистительное. Оказывается, простуда мочевого пузыря.

20-е июля

Уехавший было Доможиров воротился, вследствие телеграммы испугавшего его, старого доктора. Напугал он и жену, заставил её не ложиться и стеречь меня всю ночь.

24-е июля

На мою поздравительную телеграмму получил очень милый ответ от государя. Дай Бог им всем здоровья.

31-е июля

Утром получил телеграмму от Алексеева, будто на первой пробе без полной силы и форсированного дутья, крейсер шел 16 узлов.

Увидим, что скажут дальнейшие испытания.

Не довольствуясь критикою действий министерства, Лихачов написал мне о необходимости устройства испытательного аппарата для линий судов и образований винтов.

Желательно знать, для каких военных судов выводы этого аппарата были приняты в соображение.

Если это только удовлетворение ученого любопытства или страсти к исследованиям, то нам можно ещё обождать, тем более, что мороз представляет технические трудности устройства.

1-е августа

Приезжал Вахтин на пути в Англию для заказа быстроходного парохода для Добровольного флота. 15-18 узлов. Нынешний год сказывается нам благоприятным. Были и чай, и солдаты.

Хотим учредить угольную станцию около Обока, по почину Ашинова. Велел осмотреть его знаменитый порт лодке «Манджур» на пути в Тихий океан.

4-е августа

Везде в последнее время замечается ослабление военной дисциплины, нарушение её самыми высшими чинами. В Англии *Wolesley* [Уолсли] болтает о служебных вопросах, решение коих зависит частию от него; во Франции экс-министр, командуя корпусом, занимается политикою; теперь в Австрии, тоже экс-министр Кун, командовавший в Граце, стал в такое положение к центральной власти, что император должен был лишить его командования. Но, что всего хуже, по случаю увольнения его, офицеры дозволили себе не одобряющую правительство демонстрацию.

Странно, что все военные оппоненты правительству забывают требования службы вследствии сближения с обществом и его требованиями, общество же, чуя могущие произойти от упадка дисциплины беды, не одобряет военных, опирающихся будто бы на его мнение. У нас это хуже, нежели где-либо. Примеры Скобелева, Черняева и проч. Повторяются, к сожалению, без должной кары.

8-е августа

Из современных событий всего примечательнее речь императора Вильгельма при открытии во Франкфурте на Одере памятника принцу Карлу (Красному).

Вообще молодой император охотник болтать и к чему, при торжественном военном празднестве, объявлять, что все 42 миллиона немцев лягут скорее, нежели уступят пядь приобретенной земли. Никто его не вызывал на это, хотя, говорят, в

Петергофе касались Шлезвигского вопроса; а я думаю тирада эта выпущена в ожидании визита Датского короля, чтобы не подумали в Пруссии, что ему будут уступки. Как-то в Европе все в смущении. Чего-то ждут, а между тем случайность, как часто бывает, нарушит нить надежд и выжиданий и опрокинет все расчеты.

Между Бисмарком, Криспи и Кальноки опять таинственные свидания. Франция не признает уничтожения капитуляции в Массове по поводу налога на греков, пользующихся её покровительством.

Что в политике нет благодарности – это всем известно, но можно быть неблагодарным без дерзости и придирчивости ко всему, чтобы доказать свою неблагодарность; а Криспи, по-видимому, жаждет этого и, конечно, кончит тем, что отвратит от себя даже приятелей.

10-е августа

Повидавшись в Фридрихсруэ с Бисмарком, Криспи, на пути в Карлсад, дал приказание Италианской броненосной эскадре идти в[2] ...

Все недоумевают, зачем, по какому поводу? Просто италианская бравада; хотят, чтобы шумели про Италию и тем вдвинуть её в сонм великих держав.

Нужно бы нам вдвинуть в него Испанию и хотя бы одним голосом Скандинавские королевства.

Неугомонный Буланже избран вновь в трех департаментах. Чуется переворот и по мере того, как подобные перевороты будут совершаться легче и бескровнее, периоды систематических перемен правительства во Франции будут короче. Наполеон не успел ещё привить к Франции деловитость. Много праздности, готовой броситься на неизвестное, представляющее некоторые шансы успеха. А успех, всего вероятнее, при смутности понятий в политике.

12-е августа

Решившись плыть по Дунаю, я хотел заехать в Гмунден за приказаниями герцогини Кумберландской и принцессы Валлийской к императрице. Вдруг, совершенно неожиданно, появилось известие, что сама императрица с наследником и Ксенией едет в Гмунден.

Это избавляло меня от усталости, которой должен избегать.

16-е августа

Оставили тоскливый Гастейн и отправились, как думаем на отдых, в Зальцбург. Внизу ощутительно теплее, да и погода стала лучше. Поместились *d'Europe* [«Европу» (отель)]. Трудно найти место для гостиницы, удачнее избранное.

---

2 Пропущен текст

18-е августа

Положительно преследуют неудачи. Погода отвратительная. Дождь льет, как из ведра, почти целую неделю, и недуг мой усилился. Нервы совершенно расхлябались.

Победоносцев, которого застал здесь, был в Гмундене и видел императрицу, так сказать, ночью. *Tous Leurs moment sont pris* [Всё берется в свое время] преимущественно забавами, конечно.

Даже и в сходке трех сестер, всего менее занимающихся политикою, газеты видят политические интриги. Уверяют, будто дело идет о восстановлении Ганноверского престола и о согласии царя милостиво смотреть на вскочившего на болгарский трон Кобургского.

По-моему, нам всё более и более запирают путь к Босфору с Европейской стороны. Нужно подумать об Азии и наметить Пендераклию, как место высадки. Есть ли от неё к Стамбулу дорога?

20 августа

Получил от Чихачова интересные замечания о бывших маневрах. Действовали довольно смело в Мон-Зундских узкостях, и с дрянью в руках сделали, что могли.

Великий князь пробыл у эскадры пять дней перед отправлением с государем в Ильинское. Воображаю, как Он был красноречив и разговорчив *pour prouver qu'jl a bien mérité un congé* [доказывая, что он имеет заслуженный].

26-е августа

Больной и измученный? я приехал из Зальцбурга в Линц и там сел на пароход. Мы плыли приятными местами. Встретил на пароходе графа Вильчера, полярного аматера, бывшего при Великом князе Константине в 1873 году.

27-е августа

Продолжали плавание от Вены до Песта с милым командиром. Странно, что Венгрия трактует Австрию? как иностранное государство. Все плавающие в её водах, должны управляться Венгерцами; поэтому в обществе Дунайского пароходства, составленном почти исключительно из Австрийцев, все командиры, исключая плавающих выше Вены, венгерцы.

Лишь только мы отвалили от пристани, нужно заметить, прекрасно сделанной и содержанной, как вся плавучая собственность общества, я был поражен отрекомендовавшимся мне стариком, в котором узнал генерал-лейтенанта Кудрявского, 50 лет назад командовавшего в Пире корветом *«Cesaria»* [«Кесариа»], в Константинополе бригом *«Montesucollon»* [«Монтеуколлон»), любимце посланника Штюрмера, и вообще близко знакомого с тогдашними восточными дипломатическими салонами. Родом он Русский, ребенком попал в Австрию и там, следуя удобствам доброго старого времени, переходил, судя по выгодности, из флота в армию и обратно, а ино-

гда и в дипломатию. Передо мною был 83-х летний бодрый старик, веселого юмора, в прошлом годе попавший под экипаж в Вене, но выдержавший испытание. Он уже был в резерве и ехал к дочери где-то около Песта.

Приятная и поразившая меня встреча. В высшей степени любезный, он скоро сошелся с нами и потешал рассказами. Не могу не записать один из них: почему-то в Вене известие о коронации настоящего короля Португалии застало всех внезапно. Кудрявскому, командовавшему тогда бригадой в Венгрии, телеграфировали немедленно прибыть для отдаленного поручения. С чемоданом и приехал. Ему велели торопиться с выездом, ибо оставался один только Саутгамптонский пароход, который мог бы доставить его в Лиссабон во время. Не имея никого при себе, он стал выбирать по списку офицера в должность адъютанта и вспомнил, что когда-то знал какого-то барона, *veltlich-elegunt* [празднично-элегантного] и на нем остановился. Вечером, прямо на даче является пузатый капитан весь в прыщах и представляется Кудрявскому, как адъютант.

Тот советует ему немедленно принять слабительное, а пузан при первом *repas* [обеде], говорит, что пьет только шампанское и *mosolle mousseux. Va pour le mosell* [игристый «Мозель».]. В вагоне брюхан храпел и свистел *de partout* [вовсю]. Таким образом спутники приезжают в Кале. *Monsieur fait la chasse aux riches promises* [господин, представляющийся богатым], узнает богатого Венского кондитера с дочерью и совершенно забывает свое назначение.

В Саутгамптоне все каюты оказались занятыми. По уведомлению из Лондона каюта почтового чиновника (отставного лейтенанта) назначается для Кудрявского, и человек его располагается в ней. Перед самым отходом он выбегает наверх с подбитым глазом. Хозяин каюты, бывший на берегу до последнего момента, возвращается пьяный и видит в его каюте кто-то хозяйничает, выбоксировывает его из нее/.

Приходят, наконец, в Лиссабон. Назначен день коронации. Прыщеобильный адъютант садится на лошадь и лишь только двинулась процессия, задевает ногою за сложенный для постройки камень, валится, всё время болеет и с португальским орденом возвращается домой.

Французы давно бы поставили это на сцену.

В Песте мы застали какой-то праздник благотворительный. Оба города были чудно освещены. Картина чрезвычайно эффектная, но смешанная с венгерскою глупостию. Посреди реки наставили пиротехнических сооружений, не сказавши никому ни слова, и капитан наш едва не разрушил мадьярских выдумок.

Пока мы восторженно глазели на картину, в общем салоне, неожиданно для всех, разыгралась трагедия. Утомленная жизнию лишений и невзгод, молодая девушка покончила с существованием.

Мы перебрались на другой пароход и по какому-то недоразумению венской конторы, для нас не было оставлено кают. Кудрявской, бывший когда-то директором, *s`est mils en quatre* [остался на 4-х часовый]. Капитан тотчас уступил свою, и мы расстались с нашим покровителем, не зная, как благодарить его.

Страдания мои стали едва выносимыми и не знаю, чем кончилось бы все, если бы не имели приюта.

2-е сентября

Сегодня прибыл на «Эриклике», пришедшем за мною в Галц, в Севастополь. Обвезли меня измученного вокруг стоявшей на рейде эскадры. Полюбовался ею мельком из окна каюты, и ставши в южной бухте, тотчас попросил медицинской помощи. Приехали медики Морачевский и Афинский и стали ходить за мною денно и нощно. Я лежал в постели и, пользуясь поворотами парохода, любовно смотрел на воскресший Севастополь. Ни на что не способный, на вопрос великого князя Алексия, могу ли я идти в море, отвечал просьбою удалиться на южный берег, чего требовал выписанный мною из Одессы специалист доктор Цехвиновский.

Плавание мое от Песта до Галаца сопровождалось обстоятельствами, которые и закончу здесь.

От самой Вены спутником моим был Рущукский митрополит Григорий, родом Русский, недавний жилец Рущука. Он хотел непременно мне представиться и несмотря на мои просьбы принять в расчет мое страдальческое положение, за день до прихода в Рущук почти вынудил меня принять его в каюте. Мы вступили в частную беседу. По словам пастыря ¼ населения Болгарии только так называемая интеллигенция, учившаяся в России, Франции, Австрии и Италии, на стороне австрийцев. Остальные – руссофилы. Народ мыслит, как бы примириться с царем, но интеллигенция не хочет терять значения и действует террором. Не должно, по словам Григория, оставлять болгар самих себе; иначе, ввести индифферентизм, а за ним выродится католичество, чего пока, опасаться ещё нечего.

Отделение экзархом от Константинопольской патриархии принесло несомненную пользу. Индифферентизм греческих попов, при неведении языка, на котором совершалось богослужение, дал бы простор католической пропаганде. Отдельно закрепило православие и учредило школы.

...[3] очень хорошо понимал значение отделения в свою пользу. По его настоянию фирман на отделение уже был готов, а Игнатьев только воспользовался им. Теперь Григорий боится только за Македонию. По-моему, нужно попытаться изменить систему и не употреблять православие, как политическое средство. Не давать ткать на православной канве нашим дипломатам (большею частью из немцев), а опираться на местное духовенство, возбудить в нем энергию. Рассыпавшуюся на крохи православную церковь (Румынскую, Сербскую, Черногорскую и Болгарскую), слепить общением с нашим Синодом. Станем сильны и могучи, ибо религиозные чувства, отдельные от политики, сплотят 120 миллионов. Твердые в вере умы, само собою, будут тверды в отпоре всего, что может повредить славянству, зажившему полити-

3 Пропущен текст

ческою жизнию позже других, отставшим от запада и не обреченным поэтому на уничтожение. Пытаясь вымолить себе дозволение жить в сообществе запада через Бонские соборы, мы не получим дозволения без уступок и не жертвуя самобытностию; а постаравшись духовно сплотиться, можем существовать и при невежестве и при бедности нашей.

По словам Григория Кузьминский – преданный сумасшедший, а Конкевич не виновен в злоупотреблениях.

Познакомился также и с Пирочанцом, радикалом, не совсем себе чувствовавшим в беседе со мною; но я стал на нейтральный так сказать грунт. Зная, что он взялся защищать королеву, я спросил его, верно ли известие о том, как грубо выпроводили её пруссаки из Висбадена. Он отвечал, что совершенно верно, и что появившиеся в газетах условия примирения, будто поставленных королевой, чистая выдумка. Пирачанец утверждает, что положение Милана, при документах у него, Пирочанца, имеющихся, безвыходно. Милан думал, что документы никогда не увидят Божьего света, но Пирочанец сказал, что представит их на суд министров. Консистория уже отклонила от себя вопрос о разводе.

Нужно мне добиться, чтобы в Галаце не было постоянной станции. Лучше держать в Севастополе лодку и посылать её в Дунай время от времени, не дозволяя покупать ничего в Галаце, кроме ежедневной провизии.

8-е сентября

Изнемогший, огорченный невозможностию видеть мои зачатки, отправился в Ливадию, где государь дозволил мне успокоится вследствие депеши моей великому князю Алексию. С трудом вышел на берег и шагом, даже однажды выйдя из экипажа, добрался до домика садовника, знакомого с 1887 года; но теперь верхний этаж его был занят Треповым и нас поместили внизу.

Начал настоящее лечение, редко вставая с постели и подвергаясь выдумкам моего внимательного медика.

17-е сентября

Хотели меня потешить и прогулялись из Севастополя в Ялту с «Чесмою», «Меркурием» и тремя лодками. Приехали Пещуров и Басаргин. С последним, отправляющимся на встречу государя в Екатеринодар, послал письмо, в котором, вместе со скорбиею моею, что не могу встретить державного, прошу его быть снисходительным к новым, едва оперившимся произведениям нашим.

Лучше, но все-таки болезнь совершенно опрокинула меня нравственно. Нужно строго блюсти за собою и отойти во время от живого дела. Сообщил также государю разговор мой с Рущукским митрополитом.

20-е сентября

Окончательно показались мне новые силы наши и на этот раз в полном числе и лучшем порядке. Долго я, немощный, любовался двумя колоннами, ведомыми могучими кораблями. Жало сердце, что не мог сам представить их державному, да Богу не угодно.

Письмо мое передаст Басаргин, отправляющийся на встречу царю в Екатеринодар.

Дело с Володиным покончил своею властию.

Вместо великого князя остался, до моего возвращения, Чихачов. Ему неловко входить в сделки с русским Обществом и потому я написал к нему официально, что требую немедленного согласия с Русским Обществом, что кораблестроение ни в каком случае не должно замедляться.

23-е сентября

Вечером получил весьма благосклонную телеграмму от державного из Новороссийска. С участием жалеет, что болезнь помешала мне прибыть с эскадрою и надеется, что прибуду в Батум на обратном пути.

Депеша послана в 5 ч. 25 м., т. е. тотчас по прибытии.

В тоже время Пещуров уведомляет, что всё благополучно, и эскадра снимается в 6 часов; но эту телеграмму я получил лишь на другой день. Здесь погода дивная, но барометр падает. Желательно, чтобы море позволило сегодня и завтра выполнить державные намерения.

Первая, часовая со многими отдыхами, прогулка моя за три месяца. Потерял привычку ходить. Скоро устаю.

25-е сентября

Получил из Батума (1ч. 25 м.) депешу от государя. В восторге от перехода при дивной погоде и радуется, что впервые увидел истинно боевую эскадру на нашем Черном море. Спасибо доброму царю. Его сердце подсказало ему, что подобные знаки благоволения поддержат меня, хилого.

Броненосцы уходят в Севастополь, а лодки все на рейде. Не знаю, оставляют ли их там, или только пока государь отбудет из Батума.

5-е октября

Сегодня в Севастополе, в присутствии великого князя Константина, освящен храм адмиралов – торжественно, с пушечною пальбою.

Полевые орудия были расставлены там, где 5-го октября 1854 года были наши батареи.

На завтраке в собрании пожелали мне здоровья, о чем Кумани телеграфировал только вечером.

8-е октября

Приезжал из Севастополя Балк. Готовятся принять царя. Все просьбы. Попов, упрекавший меня, будто я боюсь, чтобы государь не забыл меня, просит позволения быть 16-го в Севастополе. Дамы просятся быть в доме собрания при посещении их величеств. Старшины (по моей, впрочем, идее) просят позволения выпить за здоровье государя и его семьи.

Не знаю, успею ли в Батуме испросить всё до отправления.

10-е октября

Намереваясь завтра отправиться в Батум, хотел видеть августейших детей. После болезни Ксении Александровне обрезали волосы, которые потемнели; но она все также притягивающее существо. С короткими волосами сходство с наследником поразительно.

Михаил Александрович бойкий мальчик.

Ксения Александровна дала письмо к государю.

Небольшого усилия потребовал переезд во дворец, а устал.

11-е октября

К 10 ч. утра переехал на пришедшую за мною «Москву» и отправился в Батум. Отойдя от берега, увидел к *W* [западу] отряд Новикова, повернул к нему и, приблизившись, взял курс на *SO* [юго-восток]. *NW* [северо-западная] зыбь разыгралась, но до вечера лодки держались хорошо. Когда стемнело, Новиков просил позволения отстать, рассчитывая, что придется входить в Батум в темноте.

Выношу море хорошо.

12-е октября

К вечеру при большой толчее, подошли к Батуму. Не было видно ни зги. Шел дождь и я велел отворотить; но лишь только легли в море, открылся маяк. Я согласился на предложение командира и штурмана войти в темноте. К 6 часам стали на якорь у пристани, и я провел ночь очень спокойно.

13-е октября

Погода поправляется. Горы рисуются во всей красоте с вершинами, покрытыми сплошным снегом и радужным над ним отливом.

Всё обещает истинно царскую погоду.

14-е октября

С утра суматоха. Привели на пристань, как почетный караул, Гурийскую дружину. Ходят, как серны. Первым прибыл великий князь Михаил Николаевич с женою. Бедные, получили грустное известие о сыне Георгие – перитонит. Идет в Но-

вороссийск на «Потемкине» (Русского Общества) и хочет съезжаться с больным сыном в Берлине, если можно будет его вести.

В час прибыл державный. И он, и императрица приветствовали меня ласково. Дондуков в Андрее. Царь всем доволен. Согласился на мои просьбы о присутствии дам, о здравице и о Попове.

Завтра примет доклад.

В 3 ч. снялись. Сначала Новиков оплошал, потом поправился.

15-е октября

Плывем хорошей погодой. Меня не тревожат. Только когда покажусь на палубе, спешат выказать участие. Ванновской очень доволен армией, говорит, что лучше обученной нет в мире. Толковал об Обручеве. Выдвинет его, несмотря на нелюбовь к нему государя.

Это похвально, но Обручев, будучи знающим, из зазнающихся.

Доклад мой государь утвердил весь.

Вошли в Севастополь в полночь.

16-е октября

Государь слушал обедницу на «Чесме» и потом осматривал «Екатерину» и лодку «Черноморец».

Я в это время объезжал эскадру на рейде.

После смотра, на «Москве» был принят турецкий посол, знакомец Фуад Паша.

Странный двор наш пялил на него глаза, так что я уже вступил с ним в разговор.

Кормили завтраком, на котором были все командиры. Государь пил за флот.

После завтрака я отправился в собрание, дошел до него весьма тихим шагом и любовался. Угощение в столовой было сервировано изящно и с большим вкусом.

Просил у государя позволения выпить за его здоровье, но он хотел пить сперва за флот и его представителей. В ответ я обратился к нему со следующим приветствием:

«Ваше Величество! В этих стенах, до последнего кровавого их назначения, за дружескими беседами учились чтить царя и любить Россию. Вам угодно было обратить их на прежнее употребление. Примите, с верноподданническою благодарностию нашей, обет наш, что в новое здание, от Ваших щедрот восстановленное, не проникнет никакое злоучение; что и в нем будут расти и крепнуть чувства преданности к Вам и тем сильнее, что в благодарных сердцах наших они будут не делимы к Вам, государыне императрице, вашему наследнику и всему вашему семейству. Боже царя храни!».

Слабость едва допустила кончить. Государь отъехал в казармы, куда я его не провожал и, возвратившись на пароход, тотчас сел на поезд.

Велели не торопиться в Петербург и вообще очень обласкали.

По отъезде занимался со строителями Николаевского корабля и эллинга для миноносок.

17-е октября

Утром рано снялись на той же «Москве» в Ялту. День чудный.

Знаменитый Ашинов очутился на пароходе и поднес кофейный мешок, украшенный местными султаншами. Перед самым отъездом царя явился в вагон и просил дозволения послать в колонию Ашинова пароход с углем.

Нужно убедиться, наконец, есть ли правда в словах казака.

Дома застал всё благополучно, но жена хворала болью в спине.

18-е октября

Между Курском и Харьковом царский поезд сошел с рельс, без вреда кому-либо. За границею закричат, что злоумышление. Смотрел крест, который Негус послал покойному государю – оригинальное (вовсе не драгоценное) ажурное произведение из кованой меди.

Работа грубая.

19-е октября

В ответ на изъявление чувств эскадры по случаю спасения государя, получена от его величества следующая телеграмма из Белгорода: «От души благодарим Вас и всех чинов эскадры за участие. Бог, видимо, спас нас всех от страшного несчастия. Благодарю ещё раз всех за наше плавание по Черному морю».

В письме к Рихтеру о Корнилове я выразил сомнение, что в депеше о несчастном случае многое недосказано.

20-е октября

Оказалось, что несчастие было гораздо ближе, нежели я думал, и грозило страшною катастрофою. Официально известно, что оно настигло всех за завтраком. Передовые вагоны раскинуло в обе стороны. Случилось это на проклятой насыпи. Вагон-*salon* [салон], в котором завтракали, остался на полотне, но в неузнаваемом виде и трудно себе представить, как всё кончилось так благополучно. Стены были сплюснуты, ход выброшен из под вагона и крыша держалась одною стороною!

Только говорится о Шернвале и Шереметьеве, что они пострадали более прочих, но так ли это?

19 человек убиты и 18 ранены.

Господи! Помилуй нас.

На подошедшем свитском поезде государь отправился назад в Лозовую, не ранее, как лично озаботясь об отправлении раненых в Харьков с Мартыновым на подошедшем санитарном поезде.

В Лозовой, тотчас по прибытии, сельский священник вытребован на станцию, отслужил панихиду и молебен и затем все, не исключая прислуги, обедали в станционном зале.

23-е октября

Был у меня инженер, строящий здесь *port de refuge* [порт-убежище], рассказал подробно способ постройки и оставил фотографии: Воображаю удовольствие государя, когда перед глазами его будет безопасно стоять красивая яхта.

Был старик *Kirk* [Кирк], прикативший из Англии на пробу «Синопа». Теперь его догружают, и в полном грузе будут окончательно пробовать.

24-е октября

Издан манифест, в котором чудное спасение царской семьи приписывается молитвам, непрестанно воссылаемым подданными за державного и его детей.

Такое духовное общение, при известных чувствах нашего народа, *est tres habile* [очень умело].

Отправил Посьету сочувственную депешу, прочитавши у сорванца Мещерского грубый совет поступить так, как поступил князь В. Долгорукой в Каракозовском деле.

Но тогда нужно и, ещё основательнее, Толстому удалиться по делу 1-го марта.

25 октября

Более и более утверждается слух (строитель Ялтинского порта Рудановской сам был действующим лицом), что царский поезд, по длине и весу, был далеко незаконен. На царской пристани Рудановской поднял о том вопрос: его подхватил и Баталин, управляющий Лозово-Севастопольскою дорогою. Сказали Таубе, сопровождающему царский поезд технику, но тот <u>не смел доложить,</u> Ширинкин, полицмейстер поезда, считает себя уже техником и, зная, что все хотят ехать с государем и иметь лакеев, а у них подлакеев, в угоду свите выпроваживает всех, кто дерзает делать технические замечания. Поезд допускается в 24 тысячи пудов, а царский был в 30 или 32.

29 октября

Не выдержал. Написал Победоносцеву, что в виду душевного слияния всех сословий с царем и его семейством, слияния несомненного, чистосердечного, по-моему, странно было бы тотчас ответить, лишением такого добросовестного народа данных ему прав.

Нужно, по крайней мере, отложить рассмотрение проекта Пазухина-Толстого. Не знаю, покажет ли это письмо Победоносцев царю.

31-е октября

Наследник отправился на юбилей дедушки в Данию. Значит, на нем по крайней мере нет следствий ушибов. Но зачем прицепили к нему Шувалова, уже однажды лишившегося рассудка?

1-е ноября

Болезнь поддается лечению, но побочные недуги делают не способным на всякое движение.

Желудок, геморрой и вдобавок веред на самом колене. Последние два-три дня у нас мороз, разумеется необыкновенное явление по словам старожилов; а в Севастополе, куда я хочу перебраться через неделю, вчера ездили на санях!

Это действительно необыкновенно.

8-е ноября

По известиям из Петербурга Посьет оставил министерский пост и сделан членом Государственного Совета. Жаль, что он не удалился после своего торжественного, можно сказать небывалого, юбилея.

Вышел бы со славою и почестями, а теперь будет носить до конца память о страшном событии.

Bon`mot [хорошее слово], приписываемое государю упреками будто его, что он равнодушен к политике европейских государств: «Я глава не государства, а части света», – отвечал Он.

9-е ноября

Трудно быть в положении высшей исполнительной власти, когда носишь на плечах бремя 70 лет. Дело не в способностях мысли и разума, а в недостатке живучести и твердости духа.

Невольно приходит часто мысль, что скоро нужно кончить все счеты и расчеты и углубиться в самого себя. Силою разума можно одолеть силу смерти, но дух подчиняется её неумолимым требованиям. Притом государственная или общественная деятельность требует бодрости, энергии, даже кипучести; а трудно вскипятить 70-летнюю натуру.

10-е ноября

Перебрался в Севастополь на лодке «Уралец». День будто на заказ. Тихий переезд, спокойный переход и прошелся пешком от пристани Русского Общества до квартиры. Натопили по-русски так, что должен был все открыть.

На место Посьета назначен генерал-лейтенант Паукер.

11-е ноября

Созвал консилиум. Много разрешили, что эскулап мой строго запрещал, напр., молоко, крепкое вино и т. п. Советуют массаж. Здесь доктор Когад, учившийся искусству в Вене.

Думаю пробыть недели три, а потом двинуться на север, если буду в силах.

12-е ноября

Пользуясь чудной погодой, осмотрел Петро-Павловскую церковь и храм адмиралов. Первый почти готов и возобновлен в прежнем виде; на скатах пьедестала засеяно дерном, а на площадке вокруг храма разводятся цветники. Благодарил добровольца-реставратора

С восточной стороны храма чудный вид на все бухты, маяки и гористую даль с Чатыр-Дагом на фоне.

Меня очень удобно носили в кресле и, по желанию моему, пронесли в храм адмиралов, чтобы можно было лучше видеть подходы и подъезды к нему.

Храм совершенно кончен и по истине *un joujou* [игрушка]. Надпись глянцевитым золотом мне не понравилась, и я велел попробовать *inscriptions mortuaries* [надписи с натюрмортами].

И отсюда виды чудные с ширью моря вдобавок.

Прошли далее к памятнику Казарского по месту, где будет предполагаемый дом Главного Командира. Сад его нужно соединить с бульваром, чтобы не было проезда, а решетка, отделяющая *private garden* [частный сад] от публичного.

Прогулка доставила мне истинное, давно не испытанное удовольствие.

Массировал Коган весьма добросовестно около часа времени.

===[4]

[4] Далее машинописный текст: «Конец. Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде. Фонд Шестакова И.А. ед.хр.8, 1887-1888 г.» Затем рукописный текст: «Верно: Научные сотрудники Центрального Исторического Архива: Циткович. З. Короткова»

80.

12-е ноября. – Прошли далее к памятнику Казарского по месту где будет предполагаемый дом Главного Командира. Сад его нужно соединить с бульваром, чтобы не было проезда, а решетка отделяющая private garden от публичного.

Прогулка доставила мне истинное давно не испытанное удовольствие.

Массировал Коган весьма добросовестно около часа времени.

===============

КОНЕЦ.

Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде. Фонд Шестакова И.А. ед.хр.8, 1887-1888 г.

Верно: научные сотрудники Центрального Исторического Архива:
Цыткович
Жорохова.

Приложения

ВЫПИСКА
ИЗ КНИГИ
«РУССКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»

ШЕБАНОВ-ШЮТЦ

Издаваемый Императорским Русским Историческим обществом

С.-ПЕТЕРБУРГ

Типография Главного Управления Уделов
Моховая, 40

1911

ШЕСТАКОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, генерал-адъютант, адмирал, управляющий Морским министерством. Родился 1-го апреля 1820 года в сельце Смилове Красненского уезда Смоленской губернии и происходил из небогатого, но старинного дворянского рода. Отец его, капитан-лейтенант Алексей Антонович, тяжело раненный в 1813 г. под Данцигом, оставя морскую службу, поселился в своем родовом имении – сельце Смилове, где и прожил до самой смерти. До десятилетнего возраста И. А. Шестаков воспитывался дома под ближайшим наблюдением отца. Помещенный в 1830 году в Морской кадетский корпус, он вскоре обратил на себя внимание учебного начальства как своими блестящими способностями, так и серьезными познаниями в некоторых предметах, приобретенными им ещё дома, и особенно в языках (французском, немецком и английском), так что тогдашний директор корпуса, знаменитый И. Ф. Крузенштерн, сулил ему блестящую будущность. Произведенный в 1832 году в гардемарины Шестаков два года спустя блестяще выдержал офицерский экзамен, но так как ему было всего 14 лет и 9 месяцев, то он был оставлен ещё на год в корпусе и назначен фельдфебелем гардемаринской роты. В это время своими работами он обратил на себя внимание тогдашнего начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова, который стал часто приглашать его к себе и позволил пользоваться своей библиотекой.

Прошел год, но Ш. не только не был произведен в офицеры, но был от этого производства, пожалуй, ещё дальше, чем в 1834 году.

Главной причиной этого были постоянные столкновения, происходившие у него с воспитателями, приведшие, наконец, несмотря на благоволение князя Меншикова, к увольнению в 1836 году Шестакова из корпуса. Тогда его отец обратился к своему другу адмиралу М. П. Лазареву, который согласился принять пылкого юношу в Черноморский флот юнкером. В том же году Шестаков был произведен в гардемарины и крейсировал на корвете «Ифигения» у восточного берега Черного моря. В следующем году он плавал на тендере «Струя», фрегате «Агатополь» и бриге «Аякс», причем принимал участие в занятии мыса Константиновского, за что был награжден знаком отличия военного ордена и произведен (23-го декабря) в мичманы. Ещё через год, плавая на корвете «Ифигения», Шестаков участвовал в высадке десанта и занятии местечка Шанедхо, за что был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Далее в течение трех лет он плавал на том же корвете и бриге «Фемистокл» по портам Черного и Средиземного морей. Вернувшись в 1841 году в Севастополь, он в том же году снова принимал участие в нескольких сражениях с горцами и получил орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Произведенный 11-го апреля 1843 года в лейтенанты с назначением адъютантом к адмиралу Лазареву Шестаков в этой должности оставался два года, а затем был назначен командиром строившегося тендера «Скорый».

Вооружив тендер под непосредственным руководством Лазарева, Шестаков, по его же предписанию, отправился на тендере к кавказским берегам для выполне-

ния некоторых гидрографических работ. Затем с той же целью он был командирован в устье р. Буг, в Днепровский лиман и к берегам Анатолии. Произведенные Ш. гидрографические работы дали ему богатый материал для будущего его сочинения «Лоция Черного моря».

23-го апреля 1850 года Ш. был произведен в капитан-лейтенанты, а вслед затем командирован в Англию для наблюдения за строившейся там паровой шхуной «Аргонавт». Пока достраивалась шхуна, он заканчивал свое сочинение «Лоция Черного моря», за которое был награжден бриллиантовым перстнем, а затем привел «Аргонавта» из Лондона в Николаев, после чего командовал бригом «Тезей». В 1852 году Шестаков вторично был командирован в Англию с поручением заказать там для Черного моря два винтовых корвета и наблюдать за их постройкой.

Прежде чем эти корветы – «Витязь» и «Воин» – были окончены, разгорелась восточная война. И. А. пришлось оставить Англию, а корветы на стапелях ещё были перекуплены лондонским адмиралтейством и по окончании их под именами «Казак» и «Татарин» участвовали в делах против русских во время Севастопольской осады. По возвращении в Россию Шестаков 3-го февраля 1854 года был назначен членом Пароходного комитета, а 6-го декабря произведен в капитаны 2-го ранга.

В течение этого и следующего года он составил чертежи и наблюдал за постройкой 20 экспериментальных винтовых лодок, 75 винтовых канонерских лодок и 14 винтовых корветов. Кроме того, находясь на пароходофрегате «Рюрик», он участвовал в отражении от Кронштадта союзного англо-французского флота.

Назначенный 21-го мая 1855 года адъютантом к Его Императорскому Высочеству генерал-адмиралу И. А. в следующем году (26 августа) был произведен в капитаны 1-го ранга и тогда же командирован в Северо-Американские Соединенные Штаты для наблюдения за постройкой винтового фрегата «Генерал-Адмирал», проект постройки которого и чертежи были им же составлены. Фрегат «Генерал-Адмирал», бывший самым крупным из тогдашних наших паровых судов, строился около двух лет. Первым командиром его был сам Шестаков, который и привел судно в Кронштадт в средине 1859 года. Наградой за выполнение возложенного на него поручения был орден Св. Владимира 3-й степени и звание флигель-адъютанта, которое было пожаловано И. А. 8-го июля 1859 года. Далее он в течение двух лет командовал эскадрой из четырех фрегатов – «Генерал-Адмирал», «Громобой», «Олег» и «Илья Муромец» – в Средиземном море и крейсировал с ней у берегов Сирии для охранения христиан от фанатизма турок, причем 23-го апреля 1861 года был произведен в контр-адмиралы и назначен в свиту Е. И. В. По возвращении в 1862 году в Кронштадт Шестаков был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами и назначен (19-го ноября) членом Морского ученого и Кораблестроительного технического комитетов с оставлением в свите Е. И. В. В следующем 1863 году (17-го апреля) он был произведен на пост помощника главного командира Кронштадтского порта по морской части. Так как по случаю польского восстания в ту пору еже-

минутно ожидали разрыва с Францией и Англией и появления эскадр этих держав в виду Кронштадта, шли самые оживленные работы по приведению этой крепости в боевую готовность.

На долю Шестакова, помимо заботы о морской защите крепости, выпало ещё снаряжение и вооружение крейсерской эскадры контр-адмирала С. С. Лесовского. Выполнив блестяще это дело, И. А., однако, вслед затем (29-го июля 1863 г.) оставил пост помощника главного командира Кронштадтского порта. Причиной этого послужило происшедшее у него столкновение с тогдашним управляющим Морским министерством генерал-адъютантом Краббе. Продолжая оставаться в свите Е. И. В. и членом Морского ученого и Кораблестроительного технического комитетов, Ш. в средине 1860 г. ездил за границу в продолжительный отпуск. По возвращении из отпуска он 11-го апреля 1866 года был назначен Таганрогским градоначальником с оставлением в свите Е. И. В. В Таганроге Шестаков прослужил всего около двух лет, но и за этот короткий период времени сумел много сделать для благоустройства города. Сойдясь в это время довольно близко с наказным атаманом Войска донского генерал-адъютантом А. Л. Потаповым, Ш. по назначении последнего Виленским генерал-губернатором оставил Таганрог, переехал на службу в Вильно и был 18-го марта 1868 года назначен виленским губернатором с оставлением в свите Его Величества. Первое время Шестаков и Потапов были по-прежнему в дружеских отношениях, но вскоре между ними стали возникать недоразумения, отношения сильно обострились и даже сделались враждебными. Уволенный от должности губернатора и из свиты Его Величества с зачислением по флоту (27-го октября 1869 г.) Ш. уехал за границу, где прожил несколько лет, выйдя 10-го ноября 1869 года в отставку. Между тем вскоре выяснилось, что он далеко не заслужил той тяжелой кары, которую ему пришлось понести из-за столкновения с Потаповым. Поэтому всегда покровительствовавший Шестакову генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич предложил ему снова вступить на морскую службу. Ш. приехал в Петербург и объяснил, что по расстроенному здоровью своей жены вынужден жить постоянно на юге Европы и поэтому он может принять лишь такое место, при котором ему не нужно будет возвращаться в Россию. Ввиду этого решено было создать новую должность временного морского агента в южных государствах Европы – в Австрии и Италии, на которую 12-го февраля 1873 года и был назначен Шестаков.

В течение восьми лет своей службы в этой должности И. А. весьма внимательно следил за развитием и успехами военно-морского дела в Западной Европе, сообщая самые подробные сведения обо всех усовершенствованиях, изобретениях и нововведениях в военно-морской технике, что было тогда особенно важно ввиду возрождения нашего флота и перехода к броненосной системе постройки судов. За свою службу в должности военно-морского агента Ш. был награжден орденами Св. Владимира 2-й степени (в 1875 году) и Белого Орла (в 1879 году) и, кроме того, 1-го января 1880 года был произведен в вице-адмиралы. В 1879 году скончалась су-

пруга И. А. Шестакова (Надежда Алексеевна, урожденная Михайловская), и ничто уже более не удерживало его за границей. Поэтому в 1881 году он возвратился в Петербург и был назначен (16-го ноября того же года) председателем кораблестроительного отделения Морского технического комитета и принял живейшее участие в постройке паровых судов, после того как был поднят вопрос о преобразовании и усилении нашего флота. В конце 1880 года Государственный совет предложил тогдашнему морскому министру А. А. Пещурову представить морскую программу, основанную на определенных соображениях, включая указания на наиболее необходимые для государства типы судов, на нужное время и расходы и на средства, которыми министерство располагает для выполнения программы.

К выработке этой программы и был привлечен И. А. Шестаков, будучи назначен председателем кораблестроительного отделения Морского технического комитета. Близкое знакомство с состоянием военно-морского дела в Европе и Америке и серьезные знания техники постройки судов новейших типов дали возможность Шестакову после нескольких месяцев упорного труда представить грандиозную программу преобразования и усиления нашего флота. Программу эту, высочайше утвержденную в 1882 году, когда Ш. был уже морским министром, предполагалось выполнить в течение двадцати лет. В ней заявлялось, что России необходимо сверх существующих судов построить 19 первоклассных броненосцев, 4 броненосца 2-го класса, 25 крейсеров различной величины и ряд мелких судов. Расход на все это был исчислен в 216 миллионов руб., из коих 102 миллиона могли быть взяты из обыкновенных ежегодных бюджетов Морского министерства, остальная же сумма должна быть покрыта экстраординарным ассигнованием. Положить начало исполнению этой программы выпало на долю самого же Шестакова, назначенного 11-го января 1882 г. управляющим Морским министерством.

Уже в 1883 году в Черном море были заложены три броненосца весьма крупных по тому времени размеров (10 150 тонн водоизмещения) – «Чесма, «Синоп» и «Екатерина II». В следующем году в Балтийском море были заложены броненосцы «Александр II» и «Николай I», каждый водоизмещением в 8 500 тонн. В то же время, кроме броненосцев, строились ещё крейсеры «Дмитрий Донской», «Адмирал Нахимов», «Память Азова», «Адмирал Корнилов», «Рында» и другие и целый ряд мореходных канонерских лодок, минных транспортов, миноносцев и судов других типов. Броненосцы «Чесма» и «Екатерина II» были спущены в воду уже в 1885 году; броненосец «Александр II» строился всего три года, а броненосцы «Синоп» и «Николай I» строились по четыре года. Благодаря такому быстрому и успешному судостроительству, причем все крупные суда строились исключительно в России, наш флот во время управления Морским министерством Шестакова, несмотря на исключение из списков многих старых, пришедших в негодность судов, не только не уменьшился, но увеличился по численности судов в полтора раза, а по боевой

силе – более чем вдвое. К концу управления министерством Ш-ва число всех судов достигло 1 110.

Наладив дело с построением нового многочисленного и сильного боевого флота, Шестаков обратил внимание на другую весьма важную отрасль военно-морского дела – морские крепости и порты, огромное значение которых он прекрасно сознавал. Каждый год, как только открывалась навигация, Ш. отправлялся для осмотра тех или других портов; эти осмотры имели огромное значение, так как, придя к какому-нибудь решению, министр на месте делал соответствующие распоряжения, благодаря чему совершенно устранялась всякая канцелярская волокита. За время своего сравнительно короткого управления Морским министерством Шестаков объехал все наши военные порты и посетил даже Владивосток. Вполне оценив значение этого порта, он сделал его нашим главным портом в Тихом океане. Но наибольшим вниманием и любовью Ш. пользовался Севастополь, над возрождением которого он много потрудился.

Кроме того, Шестаковым было решено устроить военный порт в Либаве, круглый год доступной для судов, и при том же приступлено к началу работ по постройке. При Ш. был выработан и в 1885 году издан так называемый «Закон о морском цензе», в силу которого для получения каждого чина и права командования судном необходимо проплавать на судах определенное число лет. Все морское управление как центральное, так и портовое, было при Ш. преобразовано: была снова учреждена должность начальника Главного морского штаба, упразднены корпуса штурманов и морской артиллерии, и обязанности офицеров этих корпусов перешли к флотским офицерам. Корпуса корабельных инженеров и инженер-механиков тоже преобразованы и выделены в полугражданское ведомство. Сибирская флотилия была уменьшена, но зато увеличена русская эскадра, постоянно крейсировавшая в водах Тихого океана, начаты были исследования залежей каменного угля в наших восточно-азиатских владениях и проч. Наконец, при Шестакове наш Добровольный флот получил более широкое развитие и приобрел много новых хороших судов. В течение своей службы в должности управляющего Морским министерством И. А. Шестаков 30-го августа 1882 года был пожалован в звание генерал-адъютанта, в следующем году (15-го мая) награжден орденом Св. Александра Невского, в 1886 году после спуска на воду броненосцев «Чесма» и «Екатерина II» Шестакову при весьма милостивом Высочайшем рескрипте пожалованы были бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского. Последней полученной И. А. Шестаковым наградой был чин адмирала, в который он был произведен по случаю 50-летия службы в офицерских чинах, незадолго до смерти, 1 января 1888 года.

И. А. Шестаков скончался в Севастополе 21-го ноября 1888 года от паралича сердца, на 69-м году от рождения.

Тело его погребено там же, в храме Св. Владимира, в приделе Св. Александра Невского. Характеристикой Ш. могут служить следующие строки телеграммы Им-

ператора Александра Ш, посланной на имя его вдовы в Севастополь 23 ноября 1888 года: «С великою скорбью узнал Я о кончине Ивана Алексеевича. Для государства и для флота в особенности это огромная потеря и трудно заменимая. В нем потерял Я человека, искренне преданного своему делу, человека с теплою душой, широким образованием и обширным государственным умом. Я привык любить и уважать Ивана Алексеевича и знал, что на него могу рассчитывать вполне и чтобы ему не поручил, он исполнит свой долг свято, доказательством чему может служить возникновение в краткое время Черноморского флота, энергичная постройка судов Балтийского флота и океанского плавания».

Помимо выдающейся государственной деятельности, И. А. Шестаков является ещё довольно известным писателем, автором целого ряда статей по разным вопросам военно-морского дела. Так, в «Морском сборнике» за 1850, 1854–1861, 1864 и 1871 годы им были напечатаны следующие статьи:

1) «Короткий глас в прошедшее», 2) «Ещё о тендерах и управление ими», 3) «Опыты, произведенные на английском корабле “Эриклик”», 4) «Обзор действий на море в течение настоящей войны», 5) «Адмирал Нахимов», 6) «Несколько слов на статью г. В. З. об адмирале Нахимове», 7) «Владимир Алексеевич Корнилов», 8) «Взгляд на некоторые вновь предложенные и предлагаемые приспособления», 9) «О военных училищах в Соединенных Северо-Американских Штатах», 10) «Орудия большого калибра», 11) «Замечания на проекты судовой отчетности», 12) «Ответ г. Хитрово (по поводу судовой отчетности и хозяйства)», 13) «Между делом», 14) «Дедушка Миссисипи», 15) «Письмо к редакторам «Морского сборника» и «Кронштадтского вестника», 16) «Вопрос о постройке новых броненосцев в Италии». Некоторые из этих статей подписаны полным именем И. А. Шестакова, другие же – псевдонимом Эксельсиор.

Кроме того, И. А. составил «Лоцию Черного моря», перевел с английского большое сочинение Джемса: «История Английского флота»; напечатал в «Русском Архиве» (за 1873 г. кн. 2) свои воспоминания под заглавием «Полвека обыкновенной жизни» и оставил огромный дневник в 7–8 томов... Затем ему принадлежит ещё несколько статей в «Кронштадтском вестнике», «Николаевском вестнике» и других повременных изданиях...

Е. Я.

И. А. ШЕСТАКОВ.

КОРОТКИЙ ГАЛС В ПРОШЕДШЕЕ

(Морской сборник, 1850, май, с. 422–430)

По трактату 2 сентября 1829 года, восточный берег Черного моря, на всем протяжении от устья реки Куба до реки Чорох, находится под властью России, которая до того времени владела только частью этого берега, составляющей прибрежные границы Гурии, Мингрелии и мирной Абхазии. Несмотря на это, полудикие, воинственные сыны Кавказа не перестают вести с нами войну и тревожить наши владения по обе стороны исполинского хребта, упирающегося в моря Черное и Каспийское.

Крейсерство вдоль восточного берега Черного моря оказалось недостаточным. Сочли нужным занять все удобные для пристанищ пункты и к 1840 году, на протяжении берега между Анапою и Сухум-Кале, выстроили 12 укреплений. Места под них занимались большею частью с помощью флота. Приняв в рассуждение непостоянство погоды, совершенно открытое положение занятых пунктов, и всякое отсутствие местных средств, знакомый с делом отдаст полную справедливость морякам и достойно оценит их труды и усилия в этом случае. Укрепления воздвиглись с быстротою, и контрабандным черкесским лодкам оставлено весьма немного убежищ. Занятие береговой линии сопровождалось многими любопытными действиями, и так как не все они еще, быть может, известны публике, то я постараюсь описать одно из них, как наиболее заслуживающее внимания и памяти в будущем.

Передаю его со всей достоверностью и возможною подробностью.

Летом, 1840 года, возобновили по берегу укрепления, разрушенные горцами, которых подстрекал Хаджи-Берзек. Генерал Раевский, в то время начальник черноморской береговой линии, отчасти покрыл неудачи с помощью флота; и преемник его, генерал Анреп, нашел уже линию в том виде, в каком она была до происшествий 1840 года, за исключением долины Цюэпсин*, где не сочли нужного возобновить уничтоженное укрепление. Для утверждения нашего влияния по берегу, и уничтожения влияния Хаджи-Берзека также для наказания дерзких убыхов, одного из самых воинственных горских пародов, находившихся всегда впереди при всех нападениях на наши укрепления, из коих четыре были уже взяты ими приступом во

* *Помещение настоящей статьи в «Сборнике» замедлилось по причинам, не зависящим от редакции. Автор заметил нескорые изменения в тех местах, где говорится о действии сухопутных войск. Они сделаны одним из участников береговой экспедиции, которому действия сухопутные долженствовали, натурально, быть лучше известны, чем морякам, следившим за ними в зрительные трубы с моря. Автор, конечно. согласится с нами, что весьма интересная статья его могла от этих изменений только выиграет. Мы надеемся, что на этом первом коротком галсе не остановится лавировка его в прошедшее, и что он не откажет читателям «Сборника» в удовольствии сопровождать его в его крейсерствах.*

время командования линией генералом Раевским и, наконец, для ослабления их влияния на подвластные народы, собран был в сентябре 1841 года, в укреплении Св. Духа, на мысе Адлер, 11,000 отряд, состоявший из нескольких линейных полков и закавказской милиции для того, чтобы из этого пункта сделать переход горами к Форту Навагинскому. Отряд был привезен на судах и расположился лагерем в широкой долине, ожидая подвоза нужных припасов и милиционеров. Последние были скоро привезены эскадрою контр-адмирала Станюковича[1], крейсировавшею у берега, и при Адлере собрались следующие суда: 84 пуш. корабль Трех-Иерархов (капитан 1 ранга Вукотич), 60 пуш. фрегат Агатополь, флагманский, (капитан 2 ранга Юхарин), 18 пуш. Бриги: Меркурий и Телемак (капитан-лейтенанты Казарский и Кислинский), шхуна Смелая (лейтенант Леонтьев) и тендер Нырок (лейтенант Ловягин). Бриг Фемистокл (капитан-лейтенант Варницкий-2), подошел к эскадре на второй день после снятия его от Адлера, тогда же присоединились 60 пуш. фрегаты Тенедос и Бургас (капитаны Полянский и Власьев); сверх того при эскадре находились пароходы кавказского ведомства: Могучий, Молодец и Боец. По несчастью, местность, на которой расположен был отряд, оказалась нездоровою и в войске, до прибытия ещё милиционеров, начали открываться горячки. Слух о намерении генерала распространился в горах, и лазутчики явились в лагерь с предостерегательными известиями. Природные препятствия на избранном пути, по словам их, были неодолимы и, вероятно, отряд достиг бы форта Навагинского, с несравненно большими потерями без содействия эскадры, не смотря на то, что половину расстояния ему приходилось идти по области Джигетов, нам покорившимся. И так генерал Анреп решился двинуться подгорьем, под покровительством судов, и, надобно присовокупить, что если эскадра, крейсирующая у юго-восточного берега, находится в распоряжении начальника береговой линии, то точно так же он находится в зависимости от морского начальника в делах, относящихся до действия судов; трехдневное шествие отрядов может послужить примером взаимной помощи, с какою моряки и сухопутные войска беспрестанно подавали друг другу руки. Однако, прежде, нежели я приступлю к описанию этого случая, считаю нужным сделать топографический очерк пути, чтобы действия могли быть оценены должным образом.

От укрепления Св. Духа до форта Навагинского 16 миль, по прямому направлению морем; принимая же в расчет изгибы прибережья, войску приходилось пройти миль 25. Сначала от укрепления Св. Духа местность низменная, покрытая густым лесом; потом высятся холмы, постепенно поднимающиеся к северу и прерываемые оврагами: они примыкают к внутренним возвышенностям, идущим вдоль берега хребтами. За этими возвышенностями поднимаются новые кряжи гор, увеличивающиеся в высоте по мере удаления от моря, и наконец, главные громады Кавказского хребта упираются в облака, вечно снежными своими вершинами. Но описываемые

[1] Михаил Николаевич Станюкович, ныне вице-адмирал, начальник 5-й флотской дивизии

действия происходили на самом берегу и об отдаленных горах распространяться нет нужды. Прибрежные холмы, постепенно возвышающиеся, как прежде сказано, к стороне форта Навагинского, покрыты лесом и довольно круты. На 2/3 расстояния от Адлера впадает в море речка Мытца, высыхающая летом, подобно большей части горных источников. Мытца служить границею между землями Джигетов и Убыхов, и обтекает с юга полукруглую прибрежную гору Хухун или Зенги. Скат этой горы и горы Бытх, сопредельной ей с севера, перерезан оврагами, покрыт большими деревьями, которые сплетены колючим растением, затрудняющим, самого ловкого пешехода.

Гора Бытх кончается к северу обрубом, на котором и выстроен форт Навагинский. Поморье по всему этому пространству из голыша и песку, и в некоторыхъ местах так узко, что войска не могли следовать отделениями; солдатам приходилось иногда идти по колени в воде. Горцы имели время узнать об изменении намерения генерала, и по скатам прибрежных холмов устроили прочные завалы из срубленных вековых деревьев. Из-за этих временных брустверов, они думали безнаказанно разить отряд, тянувшийся по берегу, и так были уверены в успехи, что Хаджи-Берзек поклялся обрить бороду и надеть юбку, если войска достигнуть цели.

В начале октября, генерал Анреп и контр-адмирал Станюкович рекогносцировали берег на пароходе и в то же время условились о действиях. Когда все приготовления были кончены, отряд двинулся по назначению 7 октября. Стройное движение линейных войск и однообразная одежда их составляли разительную противоположность с пестрыми костюмами милиционеров, пеших и конных, беспорядочно толпившихся около кордебаталии. Рационный скот, взятый также берегом, немало разнообразил картину, придавая отряду вид древних иудейских переселений.

До реки Мытцы мы не встретили никаких препятствий. Джигеты, верные своему слову, не беспокоили нас, и только у самой реки раздались первые неприятельские выстрелы. Вероятно, то были убыхи, перебежавшие границу; впрочем, и Джигеты не упустят случая поохотиться на русского.

Так или иначе, до Мытцы потеря ограничивалась несколькими ранеными, и эскадре не было большого дела; но 9 числа обстоятельства изменились.

Воинственные Убыхи, одушевляемые Берзеком, поспешили доказать, что дадут вождю своему все средства сдержать слот и контр-адмиралу Станюковичу пришлось привести в исполнение план, обдуманный им для защиты отряда. Шанс этот состоял в следующем: пароходы вели фрегат Агатополь и корабль Трех-Иерархов на буксире, в получасе пути впереди войска; суда очищали местность меткими выстрелами, завидя завал, требовавший усиленного действия артиллерии, адмирал делал сигнал генералу Анрепу; отряд останавливался, а фрегат и корабль, подойдя на ружейный выстрел, начинали громить завал могучею своею артиллериею. Бревна скоро разлетались в прах и выбивали горцев, только смельчаки таились за деревьями; но отряд не мог встретить от них серьёзного препятствия. Чтобы в

то время, когда фрегат и корабль пройдут вперед, неприятель снова не подходил к берегу, между фрегатом и головою отряда ходили шхуна и тендер. Выгоняемые из-за завалов батареями фрегата и корабля, черкесы спешили удаляться от выстрелов и успевали спускаться к берегу не прежде, как авангард и кордебаталия прошли уже очищенные судами места. Тыл войск поэтому был подвержен нападению более прочих частей; его обстреливали бриги, но огонь их не мог быть действителен, ибо горцы нападали с Фланга, следовательно, прикрывались с моря нашими солдатами. Непосредственно впереди войск, вплоть у берега, шли вооруженные баркасы эскадры; выстрелами своих корронад, они вели, так сказать, путь перед ногами солдат. В арьергарде были казачьи лодки и барказ брига Фемистокл.

Черкесы обыкновенно более напирали, когда отряд проходил овраги. Защищенные густотою лесов в ущельях, они подбегали вплоть к прибережью, с намерением поражать арьергард из длинных своих винтовок; но шлюпки в это время приставали носом к берегу и картечью выгоняли дерзких. Против кордебаталии шли невооруженные катера, собиравшие раненых, перевозившие с судов воду, в которой войско терпело большую нужду, и вообще употреблявшиеся для всех сношений с эскадрою. Приложенный в конце статьи план объясняет положение эскадры контр-адмирала Станюковича во всякое время, при движении ли войск или на привалах.

Ясно, что при движениях войска вперед, черкесы не могли нападать иначе как на арьергард, и тыл отряда чаще терпел от их метких выстрелов; а иногда даже от отчаянных натисков. Они пользовались всякою остановкой, всяким неизбежным замедлением в движении войск по извилистому поморью, которое беспрестанно изменялось в ширину. Цепь, тянувшаяся в пол высоты холмов, редко подвергалась выстрелам горцев; они стреляли прямо в батальоны, и потеря наша не могла быть незначительна. Вообще, где суда не могли покровительствовать отряду своим огнем, горцы становились смелее и наносили войскам большой урон.

В полдень 10 числа поели трехдневного, почти беспрерывного боя, отряд пришел к форту Навагинскому. В деле этом убыхи, по их собственным словам, потеряли до 1700 человек, и, конечно, самых отважных; в особенности стычка в лесу, на рассвете 10 числа, всего более увеличила их потери. Следствием этого похода была, во-первых, покорность большой части народонаселения, и потом даже самого начальника этих орд, неукротимого Хаджи-Берзека; на пути же следования наших войск мирные жители, их жилища и самые продовольственные припасы, не были тронуты, не взирая на недостаток последних чувствуемый в отряде. Во-вторых, оказана необходимая помощь укреплению Навагинскому (Сочи), которое претерпело жестокое опустошение от трех неприятельских пушек, поставленных на высоте господствующей над этим пунктом, так, что был день, когда до 120 бомб разорвано было внутри укреплений. Блокгауз взорван был на воздух, и храбрый гарнизон доходил до крайности; но экспедиция эта дала возможность на высоте

устроить шанец, который был в этом месте необходим и соединить его крытым путем с самим укреплением; также и орудия были отняты.

Вместе с приходом отряда к Навагинскому форту, и мы моряки забыли о трудах и усталости, встретя в товарищах бескорыстных ценителей наших усилий. Адмирал съехал в лагерь, где его приветствовали, как храброго сподвижника чести Русского оружия. Но люди не знакомые с подробностями морского дела, не понимавшие опасности тереться, так сказать, с кораблями вдоль берега подверженного грозным прихотям стихии, могли заключать только по результату. Более же строгих судей имел начальник эскадры в кругу самих моряков; и конечно если б был малейший повод к осуждению, то нашлись бы люди, которые не преминули бы воспользоваться случаем и найти ошибки в действиях нашего адмирала. На этот раз, однако ж, все были согласны с начальником сухопутного отряда, который писал: «что в случае надобности контр-адмирал Станюкович сделает невозможное». В самом деле, нужна немалая самоуверенность и энергия, чтобы вести трое суток девять парусных судов в картечном или ружейном выстреле от берега, оставляя их и на ночь в таком же положении, для безопасности сухопутных войск. Суда становились, имея не более двух, трех футов воды под килем, и командирам при таком условии, не приходилось думать о покое. С другой стороны, адмирал имел в своих подчиненных ревностных исполнителей, движимых, кроме чувства долга, убеждением, что от их усилий зависит целость сухопутного отряда и слава русского имени.

На пути отбили у неприятеля орудие и захватили корронаду; последняя, вместе с найденною в речке галерою, составляли морские трофеи. Но несравненно утешительнее для нас было откровенное выражение чувств, свойственное истинно храбрым. Войска сознавались, что без помощи эскадры, они с гораздо большими усилиями и потерями совершили бы переход этот; даже сам Хаджи-Берзек утверждал, что суда наши разнесли все его расчеты в прах, вместе с завалами. Но вместе с этим закатилась навсегда и звезда решительного вождя сего; влияние его исчезло, и наши гарнизоны на восточном, берегу изредка лишь тревожатся горцами.

И. А. ШЕСТАКОВ.

ОБЗОР ДЕЙСТВИЙ НА МОРЕ В ТЕЧЕНИЕ НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ

(Морской сборник, 1855, февраль, с. 207–239)

История, по определенно Карамзина, есть повествование о прошедшем, составляемое для назидания в будущем. Такое определение, само собою, обязывает историка беспристрастно и верно изображать факты. Искажение их уничтожает доверие к истории. От несправедливых показаний, здание, строимое на целые века, с благою целью избавить потомство от ошибок, в которые впало настоящее поколение, мгновенно распадается перед голосом истины, рано или поздно торжествующей. Пристрастие современных писателей приведет в сомнение любознательных потомков и сгустит ещё более мрак, наносимый временем и отдаленности событий. Последствия их иногда тяжелее ложатся на будущее поколение, нежели па настоящее. В государственной жизни, как и в частной, нередко за промахи предков, страдает потомство; зачем предоставлять ему исключительное право беспристрастного, справедливого суда над действователями? На каком основании утвердилась идея, будто верное изложение событий может быть составлено только через известный, и при том большой, промежуток времени? Для беспристрастия, как выражает самое слово, нужно отсутствие страстей; совместно ли это с природою человека? И страсти, бушующие в свидетелях событий, в действователях не сменятся ли в судьях другими страстями; особенно, если судьи эти будут чувствовать бремя минувшего и страдать от его последствий? Вот почему, кажется, ошибочно вполне отдавать историю на произвол потомства, а самим действователям довольствоваться только исчислением фактов, хроникою. Скрижали человечества должны носить на себе печать общих усилий, и верность их зависит преимущественно от показаний современников, ясно видящих причины действий. Доля грядущего историка: выставить верно последствия, обнаружить ошибочность предположений и вывести урок для будущего; или, если последствий не возможно было предвидеть, указать на них, как на новое, непрестанно повторяющееся доказательство погрешимости человеческого мудрствования, и тем усилить покорность Промыслу.

От этого обширного взгляда на историю вообще, перейдем к истории исключительно военной. Ее поле несравненно теснее, но последствия войн более ощутительны и потому безошибочное изложение фактов ещё необходимее. В ней, как и ко всеобщей истории, нельзя достичь верности, для великой цели назидания в будущем, иначе, как разобрав события и причины их тотчас по совершении самых событий; вывести же заключение и нужное нравоучение предоставить тем, кому может предстоять действие в последствии.

Без малейшего посягательства на важную роль историка, мы постараемся облегчить будущих писателей исключительно в изложении происшествий настоящей войны на море; посмотрим на них единственно со стороны технической и дозволим себе осуждать поступки противников тогда только, когда против них вправе говорить человечество вообще, без различия сословий; когда ничем не заглушимый голос оскорбленного народного самолюбия принудит нас к опровержению лживых доводов, и наконец, когда против них возопиет самый здравый смысл, этот неумолимый цензор слова.

Главнейшим основанием военной истории служат официальные донесения вождей обеих сторон. Видя в них обыкновенных смертных, мы охотно допустим естественное желание, выставить свои распоряжения в лучшем виде, и ещё охотнее одобряем то, чему ясная причина любовь к отечеству; именно, более одушевленный пылкий рассказ о собственных подвигах, нежели о подвигах противников; остальное да уничтожится истиною, неоспоримостью фактов и беспристрастием. Утешительно заметить здесь же, при самом вступлении, что военачальники народа, по юности своей и меньшей отдаленности от природы, более впечатлительного, в настоящей борьбе показывают пример скромности и уважения к истине. Понимая важность донесений в отношении к массе, читающей их с жадностью, вожди наши постигли, что искажение событий, невыгодные отзывы о неприятеле, излишнее хвастовство и самонадеянность, вредят не только их собственной славе, но и человечеству вообще, возжигая народную ненависть и распаляя страсти, которые должны умолкнуть тотчас по окончании борьбы; даже в самом пылу сражения смирятся пред голосом любви к ближнему.

Настоящая война, в чисто стратегическом отношении, разделяется на два периода, имеющие совершенно различные характеры. Наступательная в начале, когда противниками нашими были одни турки; она превратилась в оборонительную, когда западные державы, по расчетам политики или личным видам правительству послали против нас громадные морские силы. Чтоб оценить должным образцом заслуги наших моряков и судить безошибочно об их действиях, нужно вспомнить, что даже в первый период войны, все делалось, так сказать, под дулами пушек союзников Порты, готовившихся выказать сочувствие к нашим противникам, и что самые противники эти действовали неприязненно до объявления войны, с целью вывести нас на такую решимость и разжалобить всю Европу ролею угнетенной слабости. Человекъ военный, в особенности моряк, придаст этим исключительным обстоятельствам должную важность. Все делающееся на море требует быстроты и решительности. Составив заблаговременно план, не должно колебаться в исполнении его. Одна только неодолимая сила природы может изменять начертанное. Прихоти этой силы, то враждебной, то союзной, уже побуждают моряка ко всегдашней умственной бдительности. Дивное целое, составленное из мелочей, корабль грозен тогда только, когда все мелочи эти в совершенстве. Исправность каждой из них ведет к более ре-

шительному и быстрому успеху; напротив, неисправное их состояние приводит к позору и гибели. Значит, в немногие свободный минуты, когда план действий уже решен, нужно не только обдумать меры на случай прихотей атмосферы, но и обеспечить успех совершенством средств разнообразных, бесчисленных; должно принять все в расчет, взять во внимание самые мелкие подробности, пройти корабль в уме от киля до клотика. Спокойствие нравственное, даже при совершенном знании дела, здесь необходимо. Каково же должно быть душевное состояние человека, обреченного, в подобном случае силою обстоятельств, на неуверенность и сомнения, неясно видящего черту, разграничивающую наблюдательность от неприязненности, не знающего продолжается ли мир или объявлена война, находящегося в какой-то душной, сжимающей сердце среде, чуждой его привычкам и наклонностям?

В мучительном положении этом находились морские офицеры наши с исхода Мая по первое ноября 1853 года. Пылкие и ревностные, они горели желанием наказать коварных врагов, опиравшихся на слабость, как на средство оскорблять могучего противника; благородные и благоразумные, они умеряли порывы сердца и отвергали меры, между народами допускаемый, но несоответственный их характеру и тому духу, который в течение восемнадцати лет глубоко проник в сословие.

В спокойствии величия Россия ждала первого выстрела. В Константинополе решили разрыв тотчас по отъезде князя Меншикова, и, зная это, мы должны были принять меры осторожности. Мая 20-го к Босфору выслана легкая наблюдательная эскадра, под начальством капитан-лейтенанта Лесовского, командира фрегата «Кулевчи». Для такого трудного, скользкого поста нельзя было сделать лучшего выбора. При отличном образовании, Лесовский был дитя деятельной, суровой службы. Конечно, никто не мог понимать лучше ужасов» войны, никто не постиг бы полнее ответственности в том случае, если бы неосторожность или излишняя пылкость вовлекли в действия, которые впоследствии можно было бы толковать, как причины разрыва. Но служба с отличными начальниками и личные наклонности наложили на Лесовского печать решимости, столь же необходимой для военного человека, как кротость и благонамеренность для каждого. Вовремя, не колеблясь, он выбросил бы за борт полумеры и всякую мысль о личной ответственности, когда дело дошло бы до чести флага и службы, которая, по истине, может гордиться им. Судьба была справедлива, предоставив такому офицеру завидную долю быть первым стражем чести нашей на Черном море, и он выполнял назначение со всегдашнею своею ревностью и рассудительностью, до тех. пор, пока начальство, в уважение к его достоинствам, не призвало его к иной обязанности, требующей в более сильной степени выказанных им. способностей и качеств. Наблюдая за Босфором, эскадра Лесовского съела последний сухарь, тратя воду по порциям, пируя на одной солонине, сторожа денно и нощно неприятелей, не сбросивших ещё личины, приготовляясь к должному приему их упражнениями боевыми, под зноем летнего черноморского солнца.

Между тем намерения турок стали означаться. Не было сомнения, что они хотят нанести первые удары на Кавказе, где различные племена, по давней ненависти к нам, оказали бы им. действительную помощь. Надлежало оградить закавказские провинции наши, и Черноморскому флоту, в ожидании более славных подвигов, предстояло перебросить паз Крыма в Абхазию сухопутное войско.

Высадка 16000 человек пехоты, с 30-ти дневным провиантом, боевыми снарядами, двумя батареями артиллерии и слишком 800 лошадьми, на негостеприимный, представляющий постоянные к тому препятствия берег Кавказа, останется навсегда неопровержимым доказательством справедливости взгляда на службу незабвенного начальника Черноморского флота, столько лет с беспримерною ревностью заботившегося о приведении в порядок вверенной ему части во всех отношениях. Приказ царский получен 13-го Сентября, а 24-го войско было уже высажено на дальний, открытый влиянию целого моря берег Анакрии, только при средствах самого флота и весьма недостаточной помощи пароходов; я разумею, в отношения к числу 14 кораблей, 4 фрегата, два корвета и 11 транспортов; эта эскадра для уверенности в своих движениях, имела семь пароходов и из них один только в 400 сил. Знакомые с делом не найдут странным, что мы дивимся распорядительности, обеспечившей успех в этом случае, и приходим в восторг от быстроты выполнения воли царской. Деятельность и предусмотрительность, выказанные при этом обстоятельстве, вполне будут постигнуты теми только, которые знают по опыту, как трудно в подобном случае избежать недоразумений, суматохи и беспорядков, замедляющих операцию; и хотя со времени высадки дивизий Обручева противники поразили нас громадным извержением полчищ своих на крымский берег, из недр величайших кораблей в мире, мы с не меньшим уважением отзовемся о высадке в Анакрию. В Варне собирались три месяца, соединили более ста пароходов и потом перешли всего 200 миль; а наши егеря, по первому слову, перенеслись на корабли и через семь дней рассыпались за 400 почти миль — быстрота изумительная, доказывающая и удободвижимость войск и исправность флота. Десанты, думаю, всего более обнаруживают рвение и знание дела. Самая амбаркация войск зависит от усердия и сметливости каждого офицера; с корабля нельзя следить за всеми; быстрая погрузка различных предметов вагенбурга, без повреждений и потерь, требует ловкости и привычки к порядку от каждого матроса; распределение их на корабле выказывает опытность и соображение старшего офицера; короче, каждый должен вполне понимать дело и, что не менее важно, быть проникнутым желанием выполнить его наилучшим образцомъ. Последнее сообщилось Черноморскому флоту не дневным приказом (да и невозможно вдруг породить любовь к делу), а долговременным полезным влиянием, благотворно действовавшим на сословие многие годы. В распорядительности не могло быть недостатка. Главными действователями были вице-адмиралы II. С. Нахимов и В. А. Корнилов. Опытность и знание, в соединении с неутомимою ревностью и быстрым соображением, ручались за успех, и поставленные в щекот-

ливое положение, начальники, всегда ценившие друг друга, умели, не оскорбляя взаимного самолюбия, совершить вместе дело, на которое конечно было достаточно одного из них.

Замыслы Турции, побуждаемой западными державами, начали уже резко обнаруживаться. Опасаясь внезапного нападения на наши владения по восточному берегу Черного моря, князь Меншиков выслал 11-го октября эскадру из четырех кораблей, фрегата и брига, под командою П. С. Нахимова, крейсировать в виду анатолийского берега, на меридиане мыса Керемпе. Долгое, трудное крейсерство это, в осенние бури, вызвало лестные для черноморцев отзывы самых завистников наших. «Где же эти трепещущее жиды, эти пародии на матросов, из которых, как уверяли нас, состоят экипажи русских кораблей», говорили в одном из английских журналов. Как бы ни смотрели на обстоятельства публицисты, мы, моряки не можем относиться без уважения о неве домом для нас флоте, который смело борется с бурями в течение месяца, дает сражение тотчас после жестокого ветра, уничтожает противника и с торжеством, благополучно возвращается в порт, не смотря на повреждения. Мы не станем предупреждать обстоятельств и приводим здесь отзыв противников только в подтверждение собственного нашего мнения о крейсерстве адмирала Нахимова, труде упорном, выказывавшем искусство и опытность экипажей, но, к сожалению, совершенно затмившемся в лучах славной Синодской битвы. Некоторые суда, вследствие повреждений, уходили в порт; их сменяли другие, и в одно время деятельный адмирал, во что бы то ни стало решившийся исполнить долг, имел при себе только три корабля против всех сил Турции, готовых выйти из Босфора и покровительствуемых союзниками. Иностранные журналы обвиняли адмирала в выборе места крейсерства, хотя сами не переставали гласить, что часть стоявшего в Босфоре флота была назначена к перевозу войск на кавказский берег. При двусмысленном положении нашем в отношении к Турции, в неуверенности встретишь ли друга, или недруга, основательно опасаясь вместе с тем внезапного объявления войны и немедленных действий со стороны неприятелей, в таких неопределенных обстоятельствах, неужели должно было, вопреки убежденно, здравому смыслу и указаниям местности, растянуть эскадру вдоль грозного подветренного берега Кавказа, на пространстве 350 миль, и там ожидать, пока туркам угодно будет подойти к любому пункту и сделать высадку? Но ясно ли каждому, что крейсерство между Крымом и Керемпе, на перепутье судов, идущих во все восточные порта Черного моря, в более близком расстоянии от места исправлений и убежища, указывалось физическими условиями самого моря? Но туман злобы уже омрачил умы Запада, и действие, на которое вынудила сила обстоятельств, опровергали политическими доводами; будто политика отвергает здравый смысл.

Коснувшись первых возгласов Запада, прямо относившихся к нашим военным распоряжениям и мерам, станем снова следить за событиями и по возможности за их причинами.

На море, чтобы «увидеть и победить», нужно долго ходить, и никакой адмирал, никогда, не мог привести кстати тирады Цезаря. Раскрыв морскую историю, мы увидим, что все почти решительные успехи были плодом долгого бдительного крейсерства, УДЕЛОМ Т'ЕХ ТОЛЬКО, КТО ИЗНУРЯЛ ТЕЛО И ТОМИЛ ДУХ, сторожа день за днем горизонт в надежде открыть противника. Только таким неусыпным труженикам удавались пиры, вознаграждавшие за беспокойство и рвение. Были редкие случаи противного, например Трафальгар, когда Нельсон бросился, так сказать, прямо из Портсмута в армаду Вильнева; но и здесь судьба покровительствовала не даром. Трафальгар был приготовлен двухгодовым скитальчеством самого счастливца, тщетно следившего за неприятелем на край свита. Как там, так и при Синопе, победа досталась достойнейшему.

С нетерпением, и без сомнения, со скорбью держался Нахимова у анатолийского берега в томительном ожидании вожделенного вестника, который освободит его от несносного права «отражать, но не атаковывать», данного ему перед уходом из Севастополя, и легко угадать чувства, с какими почтенный начальник делал, 1-го Ноября, эскадре утешительный телеграф: война объявлена! отслужить молебствие и поздравить команду! Крепкий ветер мешал адмиралу быть разговорчивым, и не ранее вечера 2-го Ноября он высказал сотрудникам свою решимость, без хвастовства и чопорных фраз – коротко, дельно и ясно. «Неприятель не «иначе может исполнить свое намерение (атаковать «Сухум-Кале), как пройдя мимо нас или дав нам «сражение», – писал адмирал в приказе. «В первом случае я надеюсь на бдительный надзор «командиров и офицеров: во втором, с Божьею «помощью и уверенностью в своих офицерах и «командах, надеюсь с честью принять сражение. «Не распространяясь в наставлениях, я выскажу «свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу «есть лучшая тактика. Уведомляю гг. командиров, «что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает «свое дело». Определительно, но скромно. Какъ знатокъ дела, адмирал весьма хорошо понимал, что с парусными кораблями всякий план в открытом море может быть расстроен: появлением неприятеля вовсе не в той части горизонта, где его ожидают; взаимным положением противников, которое не зависит от их произвола; шквалом, штилем и т. п. успех морских битв приготовляется заблаговременно и зависит от начальника только до первого выстрела. В этот торжественный момент главнокомандующий должен совершенно положиться на личные способности и опытность командиров, предоставя себе лестное право первым ринуться в бой. Последствия, не менее того, принадлежат ему столько же, сколько и вождю сила на суше. Если, в течение крейсерства, он сумел приучить экипажи к управлению кораблями, если он развил в командирах соображение, дал им. возможность совершенно постичь качества судов своих, вселил в них уверенность, которая не может существовать без чувства собственного достоинства, тогда, подобно Нельсону под Трафальгаром, он

может закрыть сигнальные книги; но если из лишнего педантизма, отсутствием системы или чем-либо подобным, он изнурил команды: если, по нетерпению в маневрах, не допускал командиров обдумывать и выполнять мысль свою и, в довершение, клеймил их позорными сигналами; если он водил флот на помочах, уничтожая тем всякий произвол мышления, — тогда дало кончено, и в решительную минуту такому начальнику нет малейшего основания надеяться на успех. Силы величественные, стройные в маневрах, когда все доступно глазу и исправимо сигналом, в пылу битвы, при грохоте тысячи жерл, в самом скором времени представят иное зрелище. Виновник раскается в своей угнетающей системе но уже поздно. Другое условие, не менее важное и чисто нравственное, есть тесная дружественная связь между командирами, и горе адмиралу, упустившему из виду это сильное ручательство за успех. На море взаимная помощь весьма важна, но степень такой помощи не определима волею начальника, и в хаосе битвы только взаимная привязанность может понудить к наиболее действительным мерам.

Мы вдались в эти рассуждения единственно с целью показать важность действий морского начальника даже в мирное время. С каждым днем он более и более готовит себе лавры в будущем или отдаляет возможность успеха, и Синопский бой есть дело многолетних трудов, взаимной уверенности, поселенной долгим служебным братством. Оставим на время адмирала у Анатолии и обратимся к случаям, предшествовавшим его подвигу.

Все ещё не объявляя войны, но явно готовясь к тому, турки не могли смотреть равнодушно на меры, принимаемые с нашей стороны, к отраженно ожидаемых ударов. Главнокомандующий войсками Порты в Румелии, Омер-Паша, укрепив правый берег Дуная между Гульчи и Исакчи, решился объявить кн. Горчакову, что не дозволит проходить военным судам нашим в пределах его выстрелов. С нашей стороны оказалось нужным перевести часть гребной флотилии к Пруту, и капитану Варнаховскому поручено было перейти тогда от Измаила с двумя пароходами и восемью канонерскими лодками.

Не входя в подробности дела, помещенных в различных журналах, мы дозволим себе некоторые замечания, по мнению нашему, помогающие оценить подвиг Варнаховского должным образцомъ.

Турецкие батареи, конечно, не были грозны, но считались противниками нашими достаточными против тех. сил, которые мы могли выставить на реке. Укрепление берега от Тульчи до Исакчи и далее было поручено, состоявшему при Бараге д' Илье, полковнику французского генерального штаба Маньяну. Донося турецкому главнокомандующему об окончании, возложенного на него поручения, Маньян, с свойственною французу уверенностью, прибавил, что «мимо Исакчи не пролетит птица без позволения». Между тем Варнаховский прошел среди белого дня, буксируя двумя легкими, слабо вооруженными пароходами восемь неспособных к движению лодок со скоростью 2,5 узла, при возможно невыгодных условиях. Прорываясь

мимо укреплений, обыкновенно стараются идти Какъ можно быстрее но этому мешали буксируемые лодки. Турки навели орудия заблаговременно, в весьма близком расстоянии, и, наконец, ветром несло дым орудий наших прямо на укрепления и скрывало их, тогда как мачты пароходов всегда представляли предмет, по которому неприятель мог наводить свои пушки. Не смотря на все это, флотилия пришла в Галацъ в полном составе, конечно с повреждениями и значительною потерею в людях; но кто же мог ожидать иного. Впрочем, урон наш вероятно был бы менее значителен, Сели бы лишние люди с лодок, привязанных к действовавшим бортам пароходов, и с самых пароходов были посажены на лодки, находившихся вдоль не действовавших бортов. Убыль в артиллерийской прислуге можно было бы всегда пополнить вовремя. Может быть, это сделали, но не показали в донесении, тогда как распоряжение пригодилось бы для будущего. Что же касается до просьбы моряков послать их днем, а не ночью (как хотело сухопутное начальство), в которой праздные умы обвиняли их, понятно, что внезапности в этом случае быть не могло. Шум колес и искры пароходовъ открыли бы их вовремя, следовательно, темнота увеличила бы только невыгоды с нашей стороны, подвергши флотилию опасности плавания по узкой извилистой реке.

Капитан Варнаховский пал на кожухе своего парохода, Оставя нам, морякам, утешение, что первая кровь, пролитая в настоящей войне текла в жилах собрата по оружию.

На другом крае пределов наших турки, также не объявляя войны, бросились на пограничный пост Св. Николая, некстати означенный на картах наших фортом. Не удостаивая порицания зверство полудиких победителей, заметим, что образованная Европа рукоплескала неистовству, с которым в этом случае были нарушены права народные, и смотрела на Исакчи и Св. Николай совершенно иначе, нежели на Синоп, хотя последнее дело было прямым и вовсе не внезапным действием, против явного уже врага, допускаемым законами всех времен, указываемым самосохранением.

Занятие поста Св. Николая не принесло большой чести противникам, но в историю флота нашего вписало блистательную страницу. Обманутая в ожидании быстрых успехов, публика, под живым впечатлешем неудачи, равнодушно пропустила несчастное дело «Колхиды», хотя подобных приме примеров стойкого, благоразумного мужества трудно найти в действиях моряков других наций. Нужно было, чтоб Провидение поставило точно в такие же обстоятельства знаменитых на море противников. Разбирая их действия только, начали сравнивать и привели на память геройское самоотвержение соотечественников. Верные данному в начале обещанию, мы и здесь заметим, что случай с «Колхидою» произошел, без всякого сомнения, от излишней уверенности в знании местности, свойственной людям, посещающим беспрестанно тот же пункт. Не переступаемый безнаказанно морской закон, «бросать лот», верно не был соблюден при занимавшем всех желании подойти как можно ближе и уверить-

ся в чьих руках находится пост. При этом исполнение приказания генерала Миронова: отойти в сторону, явно обнаруживало недостаток опытности в управлении пароходом. 11оследствия повели к потере многих храбрых; но сопротивление искупило ошибку, и в самом строгом суде остается только удивление к хладнокровной, ничем непоколебимой решимости, спасти пароход, поставленный на край гибели. Распорядительность лейтенанта Степанова и мичмана Дистерло показала в них достойных питомцев сурового Кавказа., окрепших в бурных, опасных плаваниях вдоль негостеприимного берега во всякое время года. Летние прогулки по морю не придают нервам силы, необходимой в подобных случаях, и можно смело смотреть в глаза смерти, но теряться, когда обязанность требует исторгнуть многих из ее челюстей своим соображением. Изрешеченная славными пробоинами, «Колхида» возвратилась в порт с несомненным доказательством неприязненности турок. Личина была сброшена; наступательные действия начаты противниками, и война объявлена фактом.

Попытка «Колхиды» была совершенно искажена иностранными журналами, и как уверения их нигде не опровергнуты, чужеземный историк невольно изобразит подвиг делом бесславным. По словам иностранцев, русский пароход «Громоносец», ставши на мель, был разбит турецкими батареями, снесен на камни у Батума и потом пущен на дно. Туркофилы забыли или не знали, что от Батума к Св. Николаю идет сильное течение и не объяснили, как принесен против него пароход. Не довольствуясь простым вымыслом, они сочинили целую басню о том, как командир старался нарядить людей своих в турецкие костюмы, как турецкий офицер узнал в пароходе тот самый, который привозил в Стамбул князя Меншикова, как искусно он потопил пароход выстрелом и, наконец, как пленный экипаж подтвердил в Константинополе все эти показания.

После дела под Исакчи и нападения на Св. Николай, Порта объявила войну официально, и, в промежутки времени до манифеста нашего правительства, вице-адмирал Корнилов с отрядом пароходов осмотрел берег до Босфора. У Сизополя видели турецкую эскадру, и 29-го Октября, по возвращении в Севастополь, быстрый адмирал, получив разрешение действовать неприязненно, понесся к Варне с пятью кораблями, в сладкой надежде истребить виденные прежде неприятельские суда. Тщетное ожидание. Турки уже возвратились в Босфор, а от встреченных на пути купцов узнали только, что незадолго перед тем высланы были из пролива в Трапезунд три парохода. Предоставя контр-адмиралу Новосильскому идти на соединение с эскадрою у Анатолии, нетерпеливый адмирал, в порыве свойственной ему ревности, поспешил на пароходе «Владимир» к Нахимову, уведомить его о выходе пароходов из Босфора.

На пути этом, 5-го Ноября, «Владимир» встретил турецко-египетский пароход «Перваз-Бахри»,догнал его, после четырехчасового преследования, и взял по двухчасовом бою, в которомпротивник оказал упорную храбрость. За несколько лет пред тем, адмирал лично трудился над «Владимиром» в Англии, и удачное преследова-

ние приза вознаградило его за хлопоты п беспокойства. Пропуская подробности боя, слишком хорошо известные, укажем на некоторые особенности его. Встреча «Владимира» с «Перваз-Бахри» была первым, вероятно, и единственным сражением между двумя колесными пароходами. Ухватившись за дивную силу пара, не замедлили обеспечить ее по возможности от случайностей боя, и на будущее время пароходы с колесами употребятся только, как транспорты. И так честь первого, повторяю, может быть, единственного опыта борьбы колесных пароходов выпала на долю русских моряков. К счастью она досталась людям способным вывести должное заключение. Адмирал знал пароход во всех подробностях и блестящим опытом постиг выгоду быстрого судна. Командир, капитан Бутаков, не мог не видеть в этом случай особого покровительства судьбы, удовлетворившей его любимым наклонностям и вполне обнаружившей его качества. Страстный ко всему новому избранному им ремеслу, поверяя приобретаемые познания беспрестанными опытами с самого нежного возраста, Бутаков набежал на возможность произвести испытание блистательное, никому ещё не представлявшееся. Его быстрое соображение и ничем не нерушимое хладнокровие были необходимы в деле совершенно новом. За врагом следили с спокойствием, тотчас заметили недостаток кормовой обороны и воспользовались им искусно. Противник, приведенный в беззащитное состоянье, спустил флаг; а «Владимир», почти без урона, был готов на новую победу. Несомненное торжество искусства над ярою храбростью, дало не бешенное, не вспышка страсти, а рассчитанное, благоразумное, обнаруживающее присутствие всех умственных способностей и нравственную силу, возрастающую с опасностью. На пароходе этом, всегда отличавшемся исправностью, выказался, однако же, недостаток, которого и нельзя было открыть без подобного опыта. Огромные бомбические орудия, нагреваясь, соскакивали со штырей, и беспрестанное наведение их на гнезда изнурило прислугу.

За границею не верили победе «Владимира»: напротив, журналисты привели его в Константинополь и указывали на русскую реляцию о деле, как на образец официальной лжи. Без явной, умышленной неблагонамеренности, невозможно было толковать таким образцом донесения. Очевидно, в нем. адмирал не желал придать победе более важности, нежели она заслуживала, и старался выставить усилия своего храброго противника. Он мог бы, без опасения упрека, вовсе не упоминать об эскадре Нахимова, потому что она не имела на бой ни малейшего влияния. Отчет тем более кажется нам скромным, что это была первая победа наша на море в настоящую кампанию. В нем не только не видно хвастовства или страсти к реляциям, но даже заметно отсутствие всяких вычурных фраз, так нередко встречаемых в подобных документах. В отчете сказано лишь то, без чего он был бы не полон.

Занятие Форта Св. Николай оскорбило жителей берегов Невы: что же происходило в душах закаленных кавказцев, привыкших смотреть с презрением на дерзких противников, решившихся заменить недостаток искусства и мужества нечаянностью и коварством. Естественно, все жаждали отомстить хищникам.

Командовавший черноморскою береговою линиею вице-адмирал Серебряков, собрал отряд, крейсировавший у восточного берега, и, с помощью четырех пароходов Кавказского корпуса, атаковал Св. Николай, 7-го Ноября, с моря, надеясь на обещанное содействие сухопутных войск. Обстоятельства или недоразумения помешали единовременной атаке и, после двухчасового действия, начальник линии пошел вдоль анатолийского берега. Причины, помешавшие ему предпринять что-либо решительное, изъяснены уже в «Сборнике». Между тем, три турецких парохода, о которых узнал вице-адмирал Корнилов, прошли мимо эскадры Нахимова, вовсе не имевшей тогда пароходов, и появились у восточного берега, где, почти при штиле, напали на 44-х-пушечный фрегат «Флора», (капитан-лейтенант Скоробогатов), шедший из Севастополя в Сухум-Кале. Здесь впервые представился случай определить достоинства двух соперничествующих систем: парусной и паровой; но турки действовали робко и нерасчетливо; держались вместе, когда должны были атаковать фрегат с разных направлений, и тем давали возможность парусному противнику, искусно управляющемуся, избегать самых губительных выстрелов одним и тем же маневром. В артиллерии неприятели также не выказали большого навыка. При совершенстве в ней, пароходы своими бомбическими орудиями могли бы бить фрегат безнаказанно, держась вне его выстрелов; ибо «Флора» не имела пушек более 24-фунтового калибра. Отсутствие познаний и соображения обнаружилось в этом случае разительно. Легко увертывавшиеся противники не могли избежать метко направленного огня фрегата и удалились после семичасовых тщетных усилий. Отдавая справедливость мужеству и распорядительности капитана Скоробогатова, вполне ценя рыцарскую помощь поданную им шхуне «Дротик», па которую бросились турецкие пароходы, как на легкую добычу, однако же дела «Флоры» мы назовём счастливыми, а как его результат, без сомнения, был бы славен для нашего. флота, то из любви к делу, пожалеем, что «Флора» не встретил более решительных противников. Отныне вряд ли возможны подобные встречи, и вопрос между парусными судами и колесными пароходами, вероятно навсегда, остался не решенным. Может быть, судьба не хотела слишком резко показать человеку, что он долго и тщетно напрягал ум к ошибочной цели.

Удачную доставку пароходами снарядов на восточный берег иностранные газеты изобразили, как торжество турок, хотя причиною успеха их было неопределенное положение адмирала Нахимова, не знавшего ещё о том, что война объявлена, и не имевши при эскадре пароходов, как мы сказали прежде, «Флору» представили эскадрою фрегатов, крейсировавшую у Кавказа, и уверяли публику, будто турки отбились со славою. Известие о синопском бое дошло уже на запад, и неоспоримое, громкое доказательство убеждало каждого, что крейсеры наши держались у Синопа. Впрочем, и без этого факта легко было поверить, что и мы не стали бы в военное время сторожить турок вдоль всего протяжения восточного берега моря, когда та же цель достигалась несравненно вернее отрядом, расположенным между ана-

толийским и крымским берегами. Действительно, «Флора» шла на смену фрегата, находившегося в очередном крейсерстве у Абхазии, и нападение на нее было почти неожиданное. Представляя беглый очерк действий, предшествовавших Синопской победе, обратимся вновь к оставленному нами адмиралу Нахимову, только что освобожденному от тяжкого бремени неуверенности и сомнений.

До 16 ноября настойчивый адмирал сторожил у Синопа вошедшую туда турецкую эскадру из семи фрегатов, трех корветов и двух пароходов, поджидая двух кораблей, посланных в Севастополь для исправлений после шторма 8 ноября. Адмирал знал, что турецкие суда стояли под защитою батарей, и конечно, было бы безрассудно броситься на них с бывшими при нем тремя кораблями. 16-го, присоединились три корабля и два фрегата под флагом контр-адмирала Новосильского, возвратившегося в Севастополь и тотчас оттуда высланного князем Меншиковым. 17-го, в приказе по эскадре, П. А. Нахимов объявил измерение атаковать неприятеля. Сообщив в общих чертах план свой и давши некоторый наставления, доказывающая опытность, уважение к правам народным и человеколюбие к самим врагам, Нахимов предоставил, в случае невозможности выполнить его предначертания, «каждому действовать совершенно независимо, но непременно исполнить долг».

Ноября 18-го утром, при порывистом ветре и мрачности, эскадра построилась в две колонны, спустила гребные суда, чтобы сберечь их и, но щегольскому обычаю, принятому во флоте, помчалась на Синопский рейд под возможными парусами. Все корабли имели, кроме обыкновенных кормовых флагов, национальные на брамстеньгах. Само собою разумеется, впереди шли Флагманы. Английские офицеры, собиравшие впоследствии на месте подробности битвы, не могли воздержаться от должной похвалы явной, поражающей решимости, с которою, по словам очевидцев, русская эскадра неслась на кровавое пиршество в безукоризненном строе. Но оставим па время неутомимого начальника, вознагражденная в этот день за долгую ревностную службу, высоко им чтимую, за истинно рыцарские чувства, руководившие им во всю жизнь, и обратимся к его злополучному противнику.

Бури, выдержанные Нахимовым с такою стойкостью, загнали Османа-Пашу в Синоп, где, без сомнения, он скоро убедился, что не пройдет по назначению к Кавказу без схватки с бдительным и решительным соперником. Ему представлялись два средства: выйти в море и, пользуясь мрачностью, при дувшем N0, возвратиться в Босфор, подвергаясь случайности беглого боя с тремя кораблями Нахимова, при чем, конечно, не могло воспоследовать совершенного уничтожения его эскадры: или, предпочтя оставаться на якоре, употребить все меры к отчаянному отпору. Зная по опыту отвращение турецких моряков к бурным плаваниям и уверенные, что адмирал Нахимов употребил бы все средства к преграждению неприятелю отступления, мы не станем винить турецкого начальника в решимости оставаться на Синопском рейде, хотя осенние бури и мрачные погоды могли подать ему основательную надежду разойтись с противником в море. Допустим, что всего лучше для

него было выжидать нападения в Синопе. При взгляде на карту ясно, что турецкая эскадра оказала бы более успешное сопротивление, если бы была расположена не вдоль города, а южнее его, по краю молководия. При средствах арсенала и обыкновенной деятельности, Осман-Паша мог свезти с не действующих своих бортов орудия и уставить ими городской берег. Тогда корабли наши, откуда бы ни подошли, подвергались бы страшным продольным выстрелам. От востока их встретил бы впоследствии огонь целой эскадры, от юга – залпы береговых батарей; а по занятии мест для действия против турецких судов, они, во все время боя, находились бы между двух огней. Осман-Паша не должен был опасаться такого положения даже при восточном ветре, дующем в бухту. Стоило только иметь два якоря: в случае морского ветра он мог стоять на брошенном в море, а завидя неприятеля, сдаться па береговой и с помощью шпрингов вытянуть боевую линию. Осман-Паша удовольствовался батареями издавна и без большого смысла построенными, из коих половина почти вовсе не помогла ему, а некоторые, в пылу боя, вероятие, вредили столько же своим, сколько и нападавшим. Прижавшись к городу, он подверг его неминуемому разрушению, нисколько не обеспечивши собственной участи.

Не дозволяя себе презирать противника, Нахимов, без сомнения, полагал, что Осман-Паша поступит так, как он распорядился бы на его месте, и конечно, нельзя было помышлять об атаке турок в указанной нами позиции, в военном порте, почти неизвестном нападающем, имея при себе всего три корабля. Громы синодского побоища раздались во всех пределах нашего обширного отечества, имя главного виновника его сделалось народным. Опасаясь слабым повторением высказанного уже многими уменьшить блеск одной из самых решительных побед на море, мы скажем только, что каждый, но желанно адмирала, выполнил долг, и укажем на необыкновенную скромность начальника, совершенно забывшего о себе в донесении. На этом страшном пиру, при оглушающем гуле громовых взрывов, когда смерть реяла вокруг с неистовым бешенством, право, позволительно было бы сравнивать себя с Юпитером. Гордость так свойственна успеху. Но скромный виновник победы тешился, как на маневрах, не изменил и в этот торжественный момент жизни своим любимым наклонностям. Славное действие «Парижа» не ускользнуло от его зоркого глаза, и адмирал порывался благодарить его сигналом, будто в практическом плавании, за скорую перемену марселя. Конечно, он знал, как высоко опушится его одобрение. К сожалению, турецкие книпели, перервав фалы, лишили адмирала этого удовольствия.

Все участники синопского боя, по желанно любимого начальника, исполнили долг свой истинно блистательным образцомъ. Из двенадцати военных неприятельских судов и четырех купеческих, спасся один только пароход; остальные, после трехчасового дела, не существовали или были вконец разбиты. Той же участи подверглись неприятельские батареи. История представляет весьма редкие примеры столь совершенного истребления на море, и мы с удовольствием отнесли

бы бедственного для противников результата к их стойкости. К сожалению, причина уничтожения турецкой эскадры заключается в беспорядке, царствовавшем на ней; в паническом страхе, под влиянием которого экипажи забывали общепринятые сигналы покорности и бросали суда своп в смятении. Приятно, однако, отдать должное счастливцу в этой кровавой суматохе, обязанному спасением, несомненно, собственной решимости. Убежденный, что, оставаясь на месте, он будет лишнею только жертвою, «Тариф» смело выбежал, из линии сражавшихся, и помчался в Константинополь. Усилия фрегатов «Кагул» и «Кулевчи» конечно, не могли бы остановить убегающего, если бы фрегаты находились даже у восточного синопского мыса, где было бы удобнее перехватить всякое судно, пытавшееся спастись. Доказательством тому служит тщетная попытка вице-адмирала Корнилова, входившего в то время на рейд с тремя пароходами: «Одесса», «Крым» и «Херсонес»: они, как известно, до войны служили для сообщения между Константинополем и Одессою, успешно выполняя назначение. Обстоятельства понудили обратить их в суда, способные к бою, и постановка тяжелых орудий, конечно, изменила их качества, в особенности же повредила ходкости. Указывая на неспособность таких пароходовъ к преследованию противника, имевшего все достоинства произведений позднейшего времени, когда наука сделала уже гигантский шаг, нельзя, однако же не сказать, что и в этой встрече «Таиф» выказал искусство и находчивость, свойственные только холодной решитель ности. Разумеется, он не появился бы в Стамбуле вестником поражения соотечественников, если бы при эскадре Нахимова были пароходы с самого начала сражения; отсутствие этих необходимых в наше время соглядатаев при крейсирующем флоте объяснится в последствии; здесь же можно только сожалеть об этом.

В течение сорокалетнего мира военное морское искусство сделало огромные успехи. Самые корабли возросли в размерах: открыты лучине способы выделки металла, что дозволило увеличить калибр орудий, почти не обременяя судов лишним весом, действователей более обезопасили от случайностей боя, и наконец, Какъ бы не доверяя долгому согласию, люди силились изобретать возможные средства вредить ближнему. На введенные усовершенствования имели различные взгляды, пока все новое не было ещё освящено достойным опытом; и естественно, тем, кого обстоятельства вызвали первыми на бранное поле после продолжительного мира, досталось в удел решить многие сомнения. Так в синопском бое утвердилось превосходство бомбической артиллерии, по крайней мере, в борьбе кораблей с кораблями и с батареями, не имеющими прочной каменной одежды. Против сплошных каменных оград, искусно казематированных, такие орудия вряд ли могут быть действительны; но в стенах корабля бомбы производят страшные повреждения, что подтвердилось уже и другими фактами в настоящую войну.

Мы сказали прежде, что благополучное прибытие в Севастополь пострадавшей в бою эскадры Нахимова вызвало похвалы самих противников наших. И дей-

ствительно, нельзя надивиться неутомимым сподвижникам адмирала, приведшим суда свои в состояние перейти позднею осенью поперек Черное море; нельзя не чувствовать уважения к рвению и знанию тех, которые, по выходу из жаркого трехчасового боя, требовавшего всей энергии, принялись столь усердно за исправления, не подумавши о заслуженном ими отдыхе, и через 36 часов выступили в море, готовые принять нового противника, если не с уверенностью в успехе, то по крайней мере, с сознанием, что все могущее вести к поражению, устранено по мере возможности.

Подвиг адмирала Нахимова разнесся с необыкновенною быстротою и чрез семь дней достиг завистливой Англии. Чувство национальной гордости, вкорененное привычкою своевольствовать по всем морям мира, взволновалось, вследствие убеждения о существовании иного чуждого флота, способного приносить пользу своему отечеству; и если бы, в порыве исключительного самолюбия, вся Англия огласилась воинственным воплем, закипела бы желанием подавить вновь рожденную силу, из боязни опасного со временем соперничества; если бы эти чувства были выражены прямо, с откровенностью, свойственной благородному противнику, мы не дивились бы такому общему стремлению народа, заблаговременно заботящегося о своей славе и безопасности. Но на виновников торжества России подняли отвратительное оружие клеветы и злобы. Личный характер действователей изобразили самыми черными красками и, чрез журналы, видевшие в том временную выгоду, отдали на поругание полуграмотной безнравственной черни. Самые министры, не чуждые личных расчетов, вторили глашатаям, движимым единственно корыстно. И такие низкие, недостойные страсти раздули пламя войны, вспыхнувшей на Востоке и разлившейся по всей Европе.

Героев Снопа упрекали в жестокости, обвиняли даже в вероломстве, утверждая, будто они шли в бой под английскими флагами. Без всяких нравственных доводов, последнее уверение отвергается самим смыслом. Турки знали заблаговременно, что в виду порта крейсировала русская эскадра: к чему же послужила бы мистификация? Жестокость с соотечественниками лютых грабителей форта Св. Николай, может быть, была бы извинительна; но конечно, всякий, знающий душевные качества начальника эскадры, не допустит мысли, чтобы он, в каком бы то ни было случае, потерпел что либо зверское или безвестное; при том подобные поступки совершенно противоречили бы мнению самих иностранцев о наших офицерах.

Не довольствуясь клеветами, журналы силились уменьшить блеск Синопской Победы, прибавив шесть фрегатов к эскадре адмирала Нахимова и, основываясь на этом воображаемом превосходстве наших сил, называли победу бесславною. Такие возгласы зависти опровергнуть не трудно. Припомним сказанное нами при разборе Синопской Битвы, можно придти к заключению, что силы наши не были несоответственны средствам противников, и что Нахимов, вопреки уверениям иностранцев, не должен был атаковать тяжело вооруженные турецкие фрегаты тремя кораблями и бригом, которые имел при себе до 15-го ноября. Даже, если бы не было береговых

батарей, подобная решимость походила бы на дерзость. Адмирал, знал средства Османа-Паши, конечно, лучше тех, которые осуждали его в Англии, и смотря на людей с своего фокуса, естественно предполагал, что неприятель употребит все средства к обороне. Другая причина, по которой Нахимов ожидал подкрепления, ещё основательнее. В войне жаждут успеха, а не кровопролития. Адмирал был уверен в успехе с шестью кораблями, если бы Осман-Паша и сделал все, что следовало: в противном случае турецкий начальник мог бы сдаться без слишком упорного боя, если то согласовалось с его понятиями о чести Флага. Следовательно, с какой стороны на вопрос ни смотрели бы, Нахимов был прав; и если бы Осман-Паша оказал столько же энергии до битвы, сколько личной храбрости в самом сражении, успех наш был бы куплен более дорогою ценою. Синопский бой называли в Англии безжалостным. Отношение сил противников было совершенно тоже, что при Наварине, а дерзал ли хотя один англичанин поносить соотечественников, ежегодно празднующих этот день, как знаменитый в летописях Английского флота? Расположивши как должно батареи, Осман-Паша или синопский губернатор, уравняли бы силы. В своей собственной истории англичане имеют неопровержимое доказательство действительности береговых укреплений. Адмирал Сомарец атаковал французскую эскадру Дюмануара, стоявшую у Алхесираса под защитою батарей Изола-Верда, и был отбит с потерей одного корабля.

Без сомнения, здравомыслящие люди в самой Англии понимали, что журналы старались только возжечь народную ненависть; но большинство верило им. Помрачился рассудок и, освободись от долголетнего гнета, стала бешено рваться на арену вещественная сила.

Не завидна была доля русского сердца, бившегося на берегах Темзы; некоторые из наших соотечественников, жившие в то время в Англии, пытались отклонить общее мнение от пагубного заблуждения. Тщетно! Свобода тиснения, английская терпимость, филантропия, все стало пустым словом. В припадке ярости, холодные дотоле британцы отвергали всякое рассуждение, и безумие реяло по торжищам нового Карфагена.

И. А. ШЕСТАКОВ.

АДМИРАЛ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ КОРНИЛОВ

(Морской сборник, 1855, декабрь, с. 202–229)

При условиях общественного быта в нашем отечестве, сословие дворян, пользуясь необыкновенными преимуществами, весьма справедливо обязано нести наибольшую долю труда, ведущего к благосостоянию государства, служить ему всеми способностями. Обрабатывающий поле земледелец, удовлетворяющий нуждам и прихотям жизни ремесленник купец, облегчающий им средства сбывать плоды трудов – все эти члены общества приносят на жертвенник общей пользы известную дань; и, без сомнения, каждое назначение человека в жизни целого народа, исполняемое им искусно и добросовестно, достойно уважения; но указывая на сословие дворянства как на главных тружеников, мы хотим выставить ту только истину, что оно обязано трудиться бескорыстно, не рассчитывая на непосредственные воздаяния, не ожидая вознаграждения за каждое удачное усилие принести пользу. Закон, выведенный из силы обстоятельств и беспристрастного расчета, обязует дворянина, жертвуя собственными выгодами и наклонностями, избирать одну из отраслей государственных служб. Понимая основательность подобного требования, высшее сословие государства стремится к удовлетворенно его, и хотя для должного выполнения справедливой, воли правительства, надлежит каждому предварительно получить начала, на которых могли бы развиться в нем. достоинства человека; различные местные условия противятся у нас такому образованию юношества, и в самом нежном возрасте оно передается на руки того же правительства, которому впоследствии обязано оказывать усердное, разумное содействие. Таким образом власти сама себе готовит слуг и помощников, и влияние домашнего воспитания ограничивается только впечатлениями, доступными ребяческому рассудку. Ребенок видит чинную, христианскую жизнь родителей, бывает свидетелем постоянных трудов их, уважения им. оказываемого и это глубоко врезывается в его памяти. Приставленные впоследствии, вне родительского дома, наставники, способные выказать пользу добра, честных правил и умственного трудолюбия, образуют такого ребенка, находящегося под впечатлешем недавних отцовских примеров, без больших усилий и затруднений; и если из него выйдет человек полезный, заслуживающий быть выставленным в пример другим, родители, несмотря на раннее отчуждение детища, должны стяжать свою долю славы. По этому во всякой биографии взгляд на виновников дней замечательного человека, ее заслужившего, есть только справедливая, хотя и поздняя дань, отдаваемая по поводу блестящего настоящего, скромному прошедшему. Указавши важность влияния родителей, хотя и кратковременного, на образование, следовательно и на судьбу детей, мы безбоязнен-

но начнем наш очерк служебной жизни адмирала Корнилова кратким взглядом на его просвещенного отца, и сделаем это тем с большею готовностью, что почтенный слуга четырех царствований, принадлежа в течении 19-ти лучших лет своей жизни нашему сословию, провел их в нем. с честно для себя и пользою для службы.

Алексей Михайлович Корнилов учился в Морском Кадетском корпусе и произведен в офицеры в 1782 году, после долгой кампании в Средиземном море. Неизвестно по какому обстоятельству, Корнилов командовал фрегатом в сражении при Красной горке, ещё в чине лейтенанта. Впрочем, в кипучий век Екатерины, молодость не была препятствием к повышениям, и что Корнилов оправдал выбор, доказывают полученные им. за сражение орден Св. Георгия 4-го класса и чин капитан-лейтенанта. Поощренный в начале службы, Корнилов, по видимому, посвятил себя ей исключительно и в последствии составил весьма замечательную книгу — «сигналы посредством коих производятся тактические действия гребного флота», указал в ней как исполнять эти сигналы и тем придал книге важное тактическое значение. До сих пор, по этой части, не издавалось у нас ничего подобного, и в прошлом году, когда обстоятельства вынудили употребить гребную флотилию для истинного назначения ее, некоторые любознательные офицеры, ожидая настоящего дела, прибегнули к наставнику минувшего века. Книга выказывает способности и трудолюбие сочинителя, и с изданием ее связано замечательное в жизни Корнилова обстоятельство. В последние годы царствования императрицы, автор решился поднести рукопись генерал-адмиралу Павлу Петровичу, что было оценено государем по воцарении, и Корнилов, пожалованный в чин капитана 2 ранга в 1797 году, через полтора года был уже капитан 1-го ранга и начальствовал «канонерскою эскадрою державного ордена Иоанна Иерусалимского», имея командорский орденский знак. Потешая перед Петергофом державного гроссмейстера, Корнилов работал для истинной цели, поверял свою рукопись на деле и издал ее в 1800 году. Оставя, со вступлением на престол Александра благословенно го, морскую службу, Алексей Корнилов продолжал быть полезным на гражданском поприще, в звании губернатора самых отдаленных областей империи – сначала Иркутска, потом Тобольска, и не довольствуясь добросовестным выполнением обязанностей, оставил преемникам полезное руководство – «Замечания о Сибири». В прибавлении к ним, говоря о воспитании в Китае, Корнилов, между прочим, писал: «Как бы законы, которыми управляется государство, премудры и совершенны ни были, они тогда только могут иметь благодетельное влияние на судьбу народа, когда исполнение оных будет поручено людям благонамеренным и просвещенным; иначе самые лучшие учреждения правительства получат превратное действие и законы останутся безгласны. – Природа одаряет человека большими или меньшими способностями ума; воспитание дает ему правила, которыми он руководствуется в жизни, внушает ему уважение к законной власти, любовь к порядку, чувство справедливости, прямой чести и взаимных обязанностей между собою. Природа творит великих, необыкновенных мужей, имена которых живут в потомстве; воспитание образует полезных граждан и верных сынов отечества».

Человек, проповедовавший такие истины и прилагавший свои понятия к делу, без сомнения заботился по мере сил и возможности о воспитании детей своих, но эти силы и возможность были скудны, недостаточны. Оставя место губернатора в 1807 году, Оик жил в небольшом родовом имении своем, в Тверской губернии. Там Владимир Корнилов, родившийся к 1800 году, получил первоначальное образование вместе с детьми соседа-помещика и в 1821 году определен в Морской Корпус. Вероятно, он был довольно далек в математике, потому что в 1823 году уже выдержал экзамен в офицеры, сделавши две кампании на фрегате «Малый». И так специальное воспитание Владимира Корнилова кончилось в два года. В. корпусе он выучился всему, требуемому на экзамене, и с благословением родителей, переехавших в Петербург по случаю назначения отца сенатором, вступил на поприще службы и жизни 16-ти лет от роду. Предположивши даже возможную способность и благонамеренность в воспитателях, юный мичман конечно не мог по выходе из Корпуса дать себе отчета в своем призвании. Всему учившись, он ничего не знал основательно, не имел направления; одаренный природою, был способен на все и ни на что особенно не годен. Проведя некоторое время в развлекающей сфере столичной жизни, Владимир Корнилов, по просьбе отца, уважаемого прежними товарищами, занимавшими уже тогда значительные места во флоте, был назначен на шлюп «Смирный»,—капитан-лейтенант Дохтуров, отправлявшийся в Тихий океан для охранения торговли наших американских колоний. Несколько судов уже прежде ходили с тою же целью, и в плавании их, требовавшем настоящего военно-морского порядка, образовались отличные офицеры. В последствии небыло почти дальних посылок, в которых офицер мог бы приобрести полезную для большинства опытность и сознание необходимой на море, строгой, основанной на рассудке и убеждении дисциплины. Так называемые дальние плавания ограничивались перевозкою на транспортах казенного груза в Камчатку, по тому же изведанному, не представлявшему никаких особенностей пути, и редкие командиры успевали достичь важнейшей представляемой таким плаванием пользы – приохотить подчиненных к морю вследствие долгой жизни на корабле. Посылались изредка ученые экспедиции, обогащавшие науку, доставлявшие офицеров образованных, способных развить известную часть дела; но по исключительной цели плавания, в подобных кампаниях не мог родиться в большинстве офицеров точный взгляд на службу вообще и на флот как на средство охранения государства, что, без сомнения, есть главнейшая цель учреждения всякой военной силы. Разумеется, во всем могут быть исключения, и замечания эти мы относим преимущественно к новейшим экспедициям в Камчатку. Подобные плавания, сделавшись обыкновенными, потеряли занимательность; к тому же, посылаемые суда оставались в Камчатке, служившие на них, возвращаясь берегом, не подвергались суду целого сословия. Устранилась всякая побудительная причина, исчезло и самое рвение.

«Смирный» был расслаблен памятными бурями 1824 года в Немецком море, и прозимовавши в Норвежском порту Арендаль, возвратился в следующем году в

Кронштадт. Попытка молодого Корнилова посмотреть на края отдаленные не удалась. Снова прилепился он к столице и в 1825 году был прикомандирован к гвардейскому экипажу, по недостатку в нем офицеров. Командир экипажа скоро удалил Корнилова, не найдя в нем достаточной для Фронта бодрости. Так поняли мичмана, который, через 30 лет, появлением своим вселял уверенность в сердца робкие, незакаленные ещё в бою, и поражал мужественным спокойствием духа людей, чаще его подвергавшихся опасности! Так угадали восторженного вождя, который в минуту явной гибели, в присутствии врага сильного числом и искусством, при недостаточных, детских средствах к борьбе с ним, произнес памятные слова: «отступления не будет; сигналов ретирады не слушать, и если я велю отступать, коли меня»! Впрочем, способность узнавать людей не может быть общим достоянием.

Корнилов продолжал служить, кажется, при 20-м экипаже, сделал в 1826 году какой-то поход, а в 1827, по отношениям отца с адмиралом Сенявиным, переведен в 12-й экипаж и назначен на корабль «Азов», отправлявшийся в Средиземное море. Это новое назначение имело столь важное влияние на будущность не устоявшегося ещё молодого человека, что непростительно было бы пройти его подобно другим служебным случайностям, видимым в формулярных списках. Поверхностное воспоминание об этом назначении отдалило бы даже цель настоящей статьи—не только удовлетворить любопытству, но и служить некоторым руководством желающим идти тою же стезею. Так мы понимаем биографию вообще. Остановимся же на время в повествовании и с благоговением обратимся к памяти наставника, которому случай отдал молодого мичмана, пущенного в море жизни под всеми парусами, но без руля; живого, умственно бойкого, но не избравшего ещё цели; колебавшегося между желанием трудиться и весело жить, между охотою к занятиям и приятным бездельем, между долгом и заманчивыми удовольствиями.

Жизнь человека слишком кратковременна для приведения в исполнение важных предначертаний, если обстоятельства ставят его в завидное положение быть полезным государству не только в настоящем, но и в будущем. Да и возможные усилия во время самой жизни, по недостаткам человеческой природы, не приведут к совершенному успеху, если деятель не изберет помощников ревностных, рассудительных и проникнутых убеждением в пользе избранной им цели. Не только важная отрасль управления, но простое командование кораблем выказывает ясно, что для достижения удовлетворительной степени совершенства, познаний и усердия одного человека не достаточно; в большей или меньшей степени, все подчиненные должны способствовать делу. Следовательно важнейшая заботливость начальника должна состоять в выборе способных людей, которые сначала поняли бы виды его, потом ревностно содействовали ему, и наконец, если начальнику выпал труд, на который недостаточно его жизни или физических сил, могли бы из помощников обратиться в главных действователей. При такой только системе будет в различных отраслях управления постоянная цель, преследуемая несколькими поколениями, выраба-

тываемая тщательно, осторожно, отчетливо; короче: с пользою для государства. Только при этом условии отстранится тягостное для мыслящего человека зрелище, как идея, на исполнение которой тратились миллионы, напрягались труды и способности целого народа или сословия, при вступлении лица с новым взглядом или во все без него, отбрасывается за совершенно негодную, по пустому тщеславно или преступной гордости творчества. Начинаются новые попытки, столь же легко разрушаемые новым пришельцем, и в этом вечном начинании, всегдашнем младенчестве, находится и самая отрасль и деятели, которые не успевают узнать сущности дела, не имея ни желания, ни возможности во использоваться опытностью предшественников.

Есть случаи, впрочем редкие, когда по несчастными обстоятельствам после долгого влияния равнодушия или бездарности, требуется совершенный переворот, полная реформа; но трудно предположить, чтобы люди, которым должны доставаться главнейшие отрасли управления, могли ошибаться часто, и вообще говоря, система постоянства в цели, однажды избранной, есть лучшая. Непосредственные начальники должны приготовлять подчиненных, сообразно требованиям этой системы, и конечно лица, занимающие важные места, не могут оставлять по себе лучшего наследия. Число способных, образованных им людей, служит лучшим мерилом пользы, принесенной благомыслящим государственным мужем, и разбирая его деяния, нужно стараться узнать, так же скоро и близко, кого произвел он, Как и то что произведено им. Разумеется, счастье создать целую школу последователей дается немногим, и чтоб внушить в помощниках убеждение в пользе трудов своих, одушевить их своими мыслями, нужно приковать необыкновенными способностями, неодолимою силою гения, или, при отсутствии столь редкого качества, истинными нравственными достоинствами, увлекательным могуществом благонамеренности — это доступнее.

Бывший капитан «Азова» (в последствии Главный Командир Черноморского флота), Михаил Петрович Лазарев, отличался подобным взглядом во всю служебную жизнь свою. Прекрасная, недоступная неправде душа, указывала ему человека, познания и опытность способного офицера, а постоянство характера и светлые понятия, побуждали вести за собою однажды избранных, заботясь об их усовершенствовании. Он заметил способности в молодом Корнилове, и видя их тратимыми на неопределенную цель, на чтение легких или вредных французских авторов, выражал негодование на такую ошибочную умственную деятельность строгими взысканиями за все промахи по службе. Бедный мичман, с трудом перенося гонения, вспомнил прежнего командира и думал, что новый преследует его но той же причине. Корнилов хотел уже просить графа Гейдена, заменившего на корабле Сенявина, о переводе его к другому командиру; но сжалясь, наконец, над подчиненным, Михаил Петрович решился объясниться с ним. Он просил Корнилова сказать ему, откровенно желает ли он продолжать службу во Флоте, и по утвердительном от-

вете выразил свой взгляд на обязанности морского офицера, необходимость образовывать себя для службы, изучать языки, на которых более сочинений по морской части, и наконец читать эти сочинения вместо бывших на полке в скромной каюте мичмана. Покойный Владимир Алексеевич очень любил рассказывать об этой эпохе своей жизни и уверял, что капитан не удовольствовался силою убеждения, а выбросил всю его библиотеку за борт, заменив ее книгами из собственной своей. Не знаем, простер ли Михаил Петрович до этой степени свое ожесточение на французских писателей XVIII века? Убежденный, что подобные методы свернули бы 20 летнему юноше топ, может быть резкий ещё тогда в своих привычках капитан и посягнул на такое истребление. Достоверно, что Корнилов начал заниматься делом, учиться, следить за собою, короче, — жить новою жизнью.

Долгая кампания в Средиземном море, примечательная блистательным эпизодом Наварина и последовавшею за тем военною деятельностью, произвела несколько отличных офицеров; а соревнование, возбужденное присутствием иностранных эскадр и самолюбие, терзаемое при сравнении, породило в тех из них, которые были лучше созданы или находились под влиянием способных начальников, желавших вывести флот наш из пагубного, возмущавшего душу застоя. Михаил Петрович не любил торопиться в делах некоторой важности и не баловал подчиненных, не уверясь предварительно в твердости выказанного ими направления; по этому Корнилов получил, во всю кампанию только орден Св. Анны 4-й степени и возвратился в Кронштадт в 1830 году, произведенный по лиши в лейтенанты, на том же корабле «Азов», под флагом своего начальника-наставника, пожалованного чином контр-адмирала за Наваринское сражение. Михаил Петрович ценил однако же Корнилова, что видно из назначения его, 24 лет от роду, командиром тендера «Лебедь» в 1831 году. К судам этого рода адмирал, по воспоминаниям молодости, имел, можно сказать, пристрастие. «Лебедь» был меньшее из судов, на которых образовалась новая школа моряков, и теперь, когда польза в обширном объеме, вместе с громкими подвигами и. к сожалению, славною смертью людей, служивших ей украшением, выказали плоды скромных, но долговременных трудов, вряд ли зависть и злоба решатся метать ядовитые стрелы свои против самой системы, ее приверженцев и незабвенного учителя. По возвращении из Средиземного моря, М. П. Лазареву была поручена постройка и изготовление эскадры, долженствовавшей служить образцом как в устройстве, так в отношении к военной действительности; и всякий беспристрастный моряк-современник, согласится, что адмирал Лазарев и избранные им. командиры вполне оправдали доверие нового морского начальства и ожидания флота.

На крошечном «Лебеде» Корнилов плавал до 1833 года. Покровитель его был между тем сделан в 1832 году начальником штаба Черноморского флота, и мало помалу переводил туда любимых помощников своих.

Корнилов явился в Черное море, когда часть флота под начальством Михаила Петровича, была уже в Босфоре, по случаю приближения Ибрагим-Паши к

Константинополю. Подробности этой экспедиции, которою началась новая эра Черноморского флота, принадлежат биографии Михаила Петровича, как главного действователя, и мы упомянем о ней только с целью выказать что адмирал уже видел в Корнилове человека, которого нужно было познакомить с разнообразными занятиями, выпадающими на долю морского офицера с талантами и будущностью. Для отвоза в Босфор, Корнилов был назначен на один из кораблей, шедших туда на усиление эскадры Лазарева. Неприязненно смотрели новые сослуживцы на «балтийского выходца», и не подозревая отношений его с начальником, весьма жестко приняли. На корабле все решалось сеймом, и новичка при первом случай сбыли, откомандировавши на жалкое, зафрахтованное под войско, купеческое судно. На нем явился Корнилов в Босфор и был тотчас же назначен для особых поручений к начальнику эскадры, исполняя в то же время обязанности вахтенного лейтенанта. Как видно, Михаил Петрович имел особенный способ отличать своих любимцев, не совсем свойственный.

Главнейшим занятием Корнилова в кампанию 1833 года, проведенную товарищами его среди непрестанных торжеств в Константинополе, было описание укреплений Дарданельского пролива и Босфора, составленное им вместе с лейтенантом Путятиным. В экспедиции участвовали офицеры генерального штаба, и трудолюбивые лейтенанты занимались преимущественно гидрографическою стороною дела и укреплениями, как средствами морской обороны обоих проливов. На долю их достался труд и даже лишения; там, где другие забывались в шумном веселье и пользовались всеми удобствами жизни под роскошным небом, среди восхитительной природы. Михаил Петрович выставил полезные труды питомцев своих, и Корнилов был награжден орденом Св. Владимира 4 степени.

Вследствие приязненных отношение с «Нортон», развитых босфорскою экспедициею, начались те постоянные кампании в Средиземном море, которые успели принести Черноморскому флоту существенную пользу, познакомив с 1834 по 1854 год большую часть офицеров его с иностранными морскими силами и приохотив их к службе в увлекательной ее стороною — приятными, доступными всякими средствами путешествиями, представляющими самый легкий способ образования. Ежегодно посылались сначала три, потом четыре судна, на станции в Босфор и Афины, и в первой серии этих судов был вновь выстроенный в Николаеве бриг «Фемистокл», которым командовал лейтенант Корнилов. Явившись осенью 1834 года к нашему представителю при Порте, Тайному Советнику Бутеневу, Корнилов, в кратковременное пребывание свое в проливе, успел заслужить лестный отзыв просвещенного посланника, писавшего о нем. своему недавнему босфорскому товарищу, «бриг «Фемистокл», примерным попечением своего командира, содержится в самом лучшем виде и смело может соперничать с иностранными военными судами».

Стоянка в Босфоре была употреблена Корниловым на образование своих молодых офицеров; но скоро затруднения, встречаемые со стороны посольства для

спрашивания дозволения на проход Дарданеллами, всякий раз что Корнилову хотелось выйти на простор, понудили командира «Фемистокла» искать поста более соответствующего его характеру, на котором он мог бы удобнее заняться усовершенствованием подчиненных. Вследствие просьбы его, Михаил Петрович перевел бриг из тихих убаюкивающих вод Босфора в Пирей, где движения «Фемистокла», подчиняясь воле одного посланника, были более независимы.

В 1835 году первые черноморские средиземноморцы возвратились в Россию, и всякий из нас живо помнит ощущения, возбуждавшиеся ловким, быстрым управлением «Фемистокла» и «Ифигении». Дружно соперничали они полезными упражнениями своих команд и неподдельным порядком. Командир «Фемистокла» начал пользоваться репутациею распорядительного, толкового начальника, и это достоинство, тотчас замечаемое подчиненными, всегда особенно отличало его. В 1836 году Корнилов, произведенный ещё за границею в капитан-лейтенанты, гарцевал со своим лихим бригом по Черному морю, и в 1837-м назначен командиром корвета «Орест».

Несомненные уже достоинства и способности, ещё ближе узнанные начальником, по возникшим отношениям родственным, быстро повели Владимира Алексеевича по пути службы. С 1838 по 1842 год он получил многие знаки отличий, чины Капитана 2-го и 1-го рангов и сделался командиром 120-пушечнаго корабля «12 Апостолов», заложенного в Николаеве в 1840 году. Во время постройки корабля и впоследствии плавая на нем, Корнилов был постоянно начальником штаба на флоте, когда Главный Командир поднимал флаг; своею деятельности и умением обращаться со всеми, от кого зависало дело, он много способствовал успеху экспедиций на восточный берег Черного моря, производившихся соединено с сухопутными силами, и с того времени флот уже угадывал в нем человека, которому предстояли важные обязанности. Возвращаясь в Николаев с своим покровителем, Корнилов трудился неусыпно над «12 Апостолами» и над тяжкою редакциею штатов. Многим, может быть, покажется странным, что способности быстрые, многообъемлющие, были употреблены на поверку цифири, но не только редакция, а сама корректура, в этом случае была весьма важна, требовала добросовестности нс утомляемой сухости дела и настойчивости в достижении возможной безошибочности. Самые данные, в следствие перемен указанных опытом, после составления рукописи, и известий сообщенных из Англии посылавшими туда офицерами, во многом нужно было изменит, и такой труд. мог совершить только человек понимавший дело. Впрочем, вероятно на переходе Корнилова от исполнительности к распорядительности, от низших ступеней, требующих более труда, нежели соображения, к тем на которых соображение становится главным достоинством, Михаил Петрович хотел ещё раз испытать его тяжелою безотрадною работою. Польза штатов 1840 года очевидна для всякого моряка, особенно для тех, которым приходилось командовать судами или снаряжать их под своею ответственности. Мелочные подробности, в них указанные, облегчают дело; это лучшая справочная книга нашей части и подобного

труда, вместе полезного и гигантского, нигде не существует. Теперь многое изменилось уже, вследствие введения нового рода судов, но все штаты 1840 года будут долго ещё служить руководством, базою, и дерзкая рука неопытности конечно не решится преждевременно разбить этих скрижалей, начертанных глубоким знанием и горячею любовно к делу. Между служебными занятиями, Корнилов приготовил и издал в 1839 г., перевод «Морской службы в Англии», прекрасного руководства для молодых офицеров, знакомящего их с подробностями корабельного порядка и управления. Корабль «12 Апостолов» вышел в первый раз в море в 1842 году и по 1846-й, за исключением одного лета проведенного в отпуску, Владимир Алексеевич плавал на нем по Черному морю, доводя все части до возможного совершенства. «12 Апостолов» был редкое явление во всех отношениях. Как образец корабельной архитектуры, нам не случалось видеть ничего подобного до введения винтовых кораблей. Строитель разрешил в нем трудную задачу — соединение громадности с необыкновенным изяществом форм и превосходными морскими качествами, и во всем выказывались познания командира, его разсудительность и соображение. Внутреннее устройство, прекрасное вначале, после нескольких месяцев плавания, указавших недостатки, стало безукоризненно. Все приспособления к облегчению различных действий и к содержанию корабля в всегдашнем порядке, не нарушимом неожиданностью, были собраны на этом истинно образцовом судне, и никакой критический глаз, кроме разве ничем не удовлетворимой зависти или злонамеренности, не мог отыскать чего ни будь не имевшего цели и значения. «12 Апостолов» мог служить прекрасною школою талантливому наблюдательному офицеру, и в последние годы командования Корнилова представлял во всех отношениях предмет достойный тщательного изучения. Весьма полезно было бы, если бы подробные чертежи этого корабля, описание его вооружения, распределение команды к бою и для различных маневров, способы принятого обучения артиллериею, оружием и самые приказы и инструкции командира, были известны каждому служащему во флоте. Все это составлял и собирал человек дельный, чрезвычайно ревностный и особенно способный к власти.

Когда прекращались плавания, Владимир Алексеевич выполнял различные поручения Михаила Петровича. Одно из них весьма памятно целому сословию последствиями, которые имело на его умственную деятельность, мы хотим говорить о преобразовании Севастопольской офицерской библиотеки. В. отдаленном городе, лишенном всех средств разнообразящих жизнь, при небольшом неизменяющемся обществе, публичная библиотека представляет единственное полезное развлечение в часы отдохновения. Предшественник Михаила Петровича, адмирал Грейг, понял необходимость подобного учреждения и основал его ежегодными вычетами с офицеров. Были изданы прекрасные правила и начали выписывать полезные сочинения, но впоследствии, как весьма часто, к сожалению, случается, исполнители воли адмирала обратили обязанность в рутину, и самое общество, занятое турецкою

войною и последовавшими за нею событиями, охладело к тому, что в мирное, ничем особенно не занимательное время, доставляло единственную отраду. Вкрались послабления и потом злоупотребления: здание приходило в упадок, книг выписывалось мало, и те, странствуя едва ли не по целой южной России, читались всеми, кроме имевших на то право. Журналы и периодические издания, интерес коих состоит преимущественно в свежести, новизне, были достоянием лиц, пользовавшихся по своему чину или влиянию исключительною привиллегиею не быть невеждами. Нужно было совершенно изменить такой порядок вещей, жертвуя легко оскорбляющимся самолюбием людей привилегированных, привыкших злоупотребление считать правом, и вместе не порождая в угнетенном до толе большинстве, понятий вредных составу военного общества. На такой переворот требовался человекъ ловкий и вместе характерный, осторожный и настойчивый, не колебавшийся когда нужно было искоренит зло для общей пользы, понимавший что и как уступит седому тщеславию без вреда юной любознательности. Выбор Михаила Петровича пал на Корнилова. Само собою родились неудовольствия на секретаря— казначея; назначаемый ежегодно из неважных, по званию, лиц ревизионные комиссии, стали было считать опасными обществами потому только, что они вступили в свои права и поверяли не одни корешки выписываемых книг, а сущность их и трату общественной суммы. Многие не хотели «толкаться с мичманами в журнальной комнате» и требовали по прежнему журналов на квартиру; другие желали чтоб присылаемым за книгами лакеям верили как им самим. Ропот был сильный и остановил бы людей менее убежденных в пользе принятой меры, нежели Михаил Петрович и избранный им исполнитель. Мало по малу все затихло, без жестких мер, без ссор и без значащих уступок. Общество, понявши свою выгоду, не только не разделилось на партии, напротив, связалось ещё более, посещая с охотою новую великолепную библиотеку. И в ней не было «толкотни», которой так опасались стоявшее за прежние права свои; сталкивались только мысли — дар Божий, равно блещущий дивною силою в знатном и простолюдине, под пышной тогою и бедным рубищем. Истекши от высшей над сословием власти, тихо совершилась умственная реформа чрез наружные средства, и влияние ее на черноморцев никто не оценит справедливее их самих. Главным виновником, после адмирала, был Владимир Алексеевич, и заслуга его в этом случае, хотя не многим известная, есть заслуга важная: целому сословию облегчены средства к просвещению.

Мы привели служебную жизнь Корнилова к тому времени, когда достоинства его выказались уже успешными, важными по влиянию действиями, служившими прочным залогом способности его занять значительное место во Флоте. Ему оставалось прибрести общий обширный взгляд на разные части управления, и с этою конечно целью адмирал Лазарев, по случаю заказа в Англии необходимых для Черноморского флота пароходов, командировал туда своего питомца в 1846 году. Наблюдение за постройкою нескольких судов было только определенною целью, офи-

циальным значением; в самом же деле, из записок и заметок Корнилова, бывших в наших руках, мы видим, что он входил в малословную, но чрезвычайно правильную систему управления огромными морскими силами, оцепляющими вселенную. При таинственности английского правительства и даже частных людей, во всем относящемся до флота, при неблагоприятном взгляде на подобные поручения лиц, которые наиболее должны были бы споспешествовать успеху их для пользы нашего отечества, сбор сведений, относящихся до всего морского, в Англии чрезвычайно затруднительно; и жизнь назидательная, доставляющая столько средств к усовершенствованию, требует усиленного труда, даже часто бывает неприятна. Из некоторых писем Корнилова видно как боролся он между желаниями продлить срокъ своего окончательного, так сказать, образования и выйти из тягостного, постоянно неопределенного положения, в котором находился на чужбине, при холодности соотчичей и подозрительности англичан. Деятельность по постройке целой почти эскадры, притупляла нравственные страдания физическою усталостью, и мы не дивимся теперь восторгу, который заметили в человеке, дотоле казавшемся нам холодным, по возвращении его в отечество на борзом «Владимире». Не вменяя такому офицеру в особенную заслугу успешное исполнение технического поручения, мы скажем однако, что в европейских флотах не было колесного парохода, соединявшего с сильною артиллериею быстроту хода и другие качества в такой степени как «Владимир».

По возвращении из Англии в 1848 году, Владимир Алексеевич произведен в контр-адмиралы и в начале 1849 г., назначенный исправлять должность Начальника Штаба Черноморского Флота, стал официально первым, ближайшим помощником своего покровителя. Летучие эскадры, доверенные Корнилову в 1848–1849 годах, показали в нем способности адмирала, а полезная помощь начальнику, уже начинавшему чувствовать тягость лет, свидетельствовала о его администратпвных достоинствах. С жаром человека свежего и, сравнительно, молодого, убежденного в пользе предначертаний опытного руководителя, принялся Владимир Алексеевич за пересмотр планов и предположений адмирала, внося в них все, что указало ему последнее пребывание в Англии, но следуя к той же цели; не отвергая целого, но представляя начальнику только необходимые перемены, указываемые новым направлением морского искусства. Опередив командиров кораблей, Корнилов предоставил их влиянию всеми ценимого адмирала, а сам занялся в особенности молодыми капитанами, и в два года, между мелкими судами, не было уже особенно отличавшихся искусством в управлении. Легкие отряды, по прежнему беспрестанно плавая и подвергаясь строгому надзору, образовывали офицеров и команды, и от них выигрывала боевая часть флота, принимая выученных. Разумеется, некоторые, желая угодить энергическому начальнику, вдались в крайности и покупали совершенство слишком дорогою ценою; другие, не понявши Корнилова, думали удовлетворить его эффектом, и сначала возбужденное соревнование произвело было вред; но проницательный адмирал не давался в обман и резким словом, ему свойствен-

ным, уничтожал тех, которые решались позорить искусство, превращая его в акробатические представления.

Смерть Михаила Петровича, в 1851 году, поставила Корнилова внезапно, и может быть преждевременнно, в совершенно новое положение: он сделался лицом ответственным перед государем и Россиею. Понимая, что от него вправе требовать необыкновенного; опасаясь показаться недостойным наставника, из рук которого перешло к нему наследие, не привыкши ещё к обширной, самостоятельной власти, Корнилов находился в лихорадочном состоянии и для многих, может быть, был неприятен; но исключительное положение — ответственность без обнародованной власти, возложенная на него в разрушение системы старшинства, бесспорно вредной, но существовавшей во флоте издавна — извиняет Корнилова в глазах людей практических, способных понимать природу человека при различных условиях. Это внутреннее волнение скоро утихло, и от поднявшейся на время бури, осталась только благодетельная свежесть там где прошла она. Скоро сословие примирилось с Корниловым, видя и его достоинства и милости Царя, назначившего его сначала в Свиту, а потом, в 1852 году, генерал-адъютантом, с производством в вице-адмиралы. Сомнения были развеяны: Корнилова признали будущим главным начальником.

Между тем, в 1850 году, родилась мысль подарить флоту новые узаконения, или, говоря правильнее, согласить прежние с духом времени и пополнить их соответственно распространившимся требованиям службы. Законы выводятся из обычаев общества и служат выражением его нравов, следовательно от времени до времени должны изменяться соответственно ходу общественной жизни, иначе в приложении их к делу встретятся затруднения и наконец вкрадется произвол; а неисполнение смысла законов вводит беззаконие. И Петровское дело, как труд человека, не могло иметь вечного достоинства; уставу его во многих случаях нельзя было следовать в наше время. Способ пересмотра узаконений, принятый во флоте, обещал, более всякого другого, возможный успех. Образовался комитет под председательством генерал-адмирала. Не доверяя себе в деле столь важном, комитет составил только проект нового устава и отдал его на обсуждение самого сословия, для которого он должен был служить руководством. В числе призванных к важному делу начальников и подчиненных, был Владимир Алексеевич. Он предался труду, понимая все значение его; без опасения, свойственных завистливой посредственности, выполнил волю августейшего председателя, дать обществу право обсудить свои законы, поручив различные отделы пересмотру некоторых офицеров, не имевших на службе важного официального значения, и представил много замечаний теперь встречаемых в уставе.

Этим кончаются мирные труды Корнилова. В 1853 году начался настоящий вопрос. Проводив князя Меншикова в Константинополь, исполнив данное ему поручение в Афинах, Владимир Алексеевич возвратился в Севастополь, и не сомневаясь в близости разрыва, приступил к боевым маневрам, которыми отличалась кам-

пания Черноморского флота в течении лета. То не были только полезные упражнения, развязывавшие офицеров и экипажи — началась наука. Атаки при различных положениях, в которых можно было ожидать встречи с неприятелем в море и на якоре, нападения на укрепленные порты, взятие десантов, высадка, помощь сухопутным войскам действующим у берега — все случайности настоящей морской войны были пройдены, способности каждого проверены и все, приведено в грозное, стройное единство.

Дух брани протрубил, наконец, свои звуки! Всколыхалась Русь — и моряки, первые ринулись на защиту чести и прав ее. Горько воспоминание о славном прошедшем, стоившем столько мыслей, трудов и крови!.. но неудачи и несчастья не изгладят из благодарного, истинно русского сердца, усилий необычайных, жертв бескорыстных, принесенных радостно, восторженно; хотя все — и мысли и жертвы — не повели к ожидаемому успеху! В скорби и сетованиях будет помнить правдивый народ наш и отдаленный город, узнанный им только кровавою могилою, и доблестных его обитателей, которые стали известны только по славной гибели!

Наступило время жертвовать собою для Отечества, и Корнилов метался всюду с намерением сыскать противника и пресечь ему одним ударом все средства к войне на море. Жаждущий славного имени, основательной известности, он выходил из Севастополя с целыми эскадрами, не встречая противников и негодуя на медленность кораблей своих, переносился на быстрые пароходы, мчался в Николаеве подвинуть средства к борьбе, снова бросался на море, был везде и всех удивлял изумительною деятельностью. Эпизоды войны с турками принадлежат истории флота и повторялись уже неоднократно в наших журналах; но последние заслуги Корнилова ещё мало или вовсе неизвестны. Опасаясь, по недостатку положительных документов, оскорбить истину, предоставим будущему высказать подробности первых дней знаменитой защиты Севастополя, хотя повествование об этих страшных минутах должно было бы иметь место в биографии главного деятеля, и доведем бегло очерк наш к горькому концу, стараясь, по возможности, выставить степень участия принятого Корниловым в сохранении Севастополя от немедленного падения.

Сбитая с Альмы, небольшая армия наша отступила 9-го Сентября прошлого года к северной стороне города, а потом перешла на южную, откуда 12-го потянулась к Бахчисараю, чтоб не быть отрезанною от России. Единовременно с сим союзники, приостановившиеся на Бельбеке, направились кругом, к южной стороне города, и противники узнали о взаимных движениях столкнувшись на пути. Ожидая, после Альмы, нападения на северную сторону, главнокомандующий оставил там Корнилова. «Я начал укрепляться на северной стороне», пишет он от 12-го Сентября. «Матросы работали день и ночь. Всего у нас до 10000 свезенных с кораблей матросов и 2 000 резервных, с саперами вместе». От 13-го: «неприятель потянулся густыми колоннами на Инкерман; к вечеру передовой отряд его был по ту (южную) сторону Черной речки. О главнокомандующем сбивчивые слухи; казалось он на Мекензие-

вой даче, а некоторые утверждают что он ретируется к Бахчисараю; я же перебрался в город, полагая что там будет дело и укрепления северной стороны останутся в покое».

И присутствие его в городе было действительно необходимо. Не входившие в расчет обстоятельства, поставили Севастополь в гибельное положение. Без достаточного гарнизона, без защиты искусственной со стороны угрожаемой неприятелем, город находился с начальниками, власть коих не была определена на подобную случайность; Корнилов же, по данному ему праву, мог распоряжать только обороною северной стороны. Нужно было мгновенно оценить такое положение, и не страшась ответственности при вероятной неудаче, не помыслив даже о легкости, с которою мог бы отклонить ее как младший, Корнилов, произвольно, по внушению любви к Отечеству и привязанности к месту, взял на себя сомнительное дело. Все предались ему с тою готовностью, с которою в минуту гибели прилепляются к человеку, способному отдалить или устранить ее, так сказать инстинктивно. Страсти умолкли пред неминуемою грозою и покорились духу, видимо росшему с бедою. Надлежало решиться на крайние меры: по приказу главнокомандующего затопили корабли, чтоб преградить неприятелю вход в бухту, на что флот его, ободренный успехами армии, мог решиться при первом удобном случае. По южную сторону города начали воздвигать укрепления, свозить на них орудия с судов, рыть рвы — и работал русский воин с тем рвением и чудесною силою, которые являются в нем. при опасности, по слову вождя заслуживающего его доверия. Не время было таить истину, и Корнилов отдал следующий приказ.

«Товарищи! Войска наши, после кровавой битвы с превосходным неприятелем, отошли к Севастополю, чтоб грудью защитить его».

«Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтоб наступить на нас с моря. Нам надо отказаться от любимой мысли разразить врага на воде; к тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства. Главнокомандующий решил: «затопить пять старых кораблей на Фарватере». Они временно преградят вход неприятелю на рейд, а вместе с тем свободные команды усилят войска.

«Грустно уничтожать свой труд! Много было употреблено нами усилий, чтобы держать корабли, обреченные жертве, в завидном свету порядке, но надо покориться необходимости».

«Москва горела, а Русь оттого не погибла, но напротив стала сильнее. Бог милостив! конечно Он и теперь готовит верному Ему народу Русскому такую же участь».

«И так помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить себя! Он целый год собирал, союзников и теперь окружил царство Русское со всех сторон. Зависть коварна! но Царь шлет уже свежую армию, и если мы не дрогнем. то скоро дерзость накажется и враг будет в тисках».

В тот же день (14-го) в письме его видим: «неприятель занял Балаклаву и все Херсонесские бухты... Мы целый день укрепляли город и распределялись. Морских у нас до 10000, резервных набралось до пяти, с разным оружием, даже с пиками. Вот настоящая защита. По укреплениям работа кипит; не знаем ни сна, ни усталости; даже арестанты усердствуют». 15-го: «к вечеру неприятельские аванпосты утвердились на горах против города и на плоскости. Наши дела улучшаются. Укрепляемся сколько можем. Собрали всех что могли матросов, взяли людей от обозов; есть теперь слишком 15000, но почти все плохо приобучены и вооружены: 4000 порядочных».

Трудно угадать, что заставило неприятеля колебаться в немедленной атаке города, ибо в письмах офицеров союзной армии неоднократно видны уверения, что насыпи укреплений далеко не были кончены и город «защищался стеною без рва, не грознее акцизной стены Парижа» (*une faible murailled d'enceinte snas fosse et de la forse du mur d'octroi de Paris*). От 16-го Корнилов писал: «между тем неприятель подступает к Севастополю Мы здесь не унываем, укрепляемся как можем, как средства позволяют. Цепь редутов, бастионов, и разного рода батарей, скоро представить непрерывную линию пушечного огня». — 17-го, волшебно-созданные батареи сделали первые выстрелы, «прибавляем батареи из морских орудий», писал Корнилов.... «К вечеру явилась записка от... о приближении 10000 с Жабокрицким к северному укреплению и о движении нашей армии туда же». 18-го: «наши дела улучшаются. Войска наши показались на высотах Бельбека; укрепления становятся надежнее и надежнее: осматриваемся и готовимся в случае атаки дать Русский отпор». – 19-го войска наши подошли к городу. Главнокомандующий тотчас усилил гарнизон — и Севастополь вздохнул свободнее. Неприятель, не решившись на внезапную атаку, начал осадные работы, и в городе имели время приготовиться к долгой, отчаянной борьбе. Что перечувствовал Корнилов от 13-го до 19-го и сколько обязаны ему за эти памятные дни, узнает Россия чрез правдивого историка, который соберет подробности от лиц, бывших свидетелями его душевных мук и распоряжений. 3-го Октября Корнилов отдал свой последней приказ:

«С первого дня обложения Севастополя превосходным в силах неприятелем», писал он «войска, предназначенные его защищать, выказывали решительную готовность умереть, но не отдать города, завещанного нам любимым Царем и всею Русью Православной. В продолжение короткого времени, неутомимою деятельностью всех – и офицеров и нижних чинов – выросли из земли сильные укрепления и пушки старых кораблей расставлены на этих грозных твердынях».

Выставя удальство некоторых нижних чинов в частных схватках с неприятелем, Корнилов продолжает: «Вчера был в Севастополе флигель-адъютант государя императора, отправляющийся в Петербург. Царь нетерпеливо желает знать все о приступе врагов к дорогим для него городу и флоту Черноморскому; я поручил доложить Его величеству, что войска рвутся сразиться и на всяком шагу выказывают свою удаль; что они, по примеру отцов, не хотят и знать о числе неприятеля,

а обещают отстоять доверенное им государем сокровище. Да благословит нас Русский Бог! Ура! помни каждый, что для успеха нужно думать не о себе, но о товарищах!»

К 4-му Октябрю неприятель изготовил батареи, и ясно было, что на другой день начнется кровавый спор. Сделавши вечером все необходимые распоряжения к обороне и некоторые семейные, Владимир Алексеевич высказал близкому к нему человеку опасение за большой урон от неприятеля. Приверженный подчиненный воспользовался случаем и напомнил ему приказаше государя беречься. «Не время теперь думать о безопасности», отвечал Корнилов «если завтра меня где нибудь не увидят, что обо мне подумают?».

Роковое «завтра» оказалось последним для героя!.. В жестоких страданиях, преодолев мучения самой смерти силою души и разума, Корнилов вспомнил о близких сердцу, о дорогом ему Севастополе, о России, которую так любил и о прежнем своем покровителе и друге! В коротеньком завещании его, написанном поела Альмы под заглавием «моя последняя воля», находим, между прочим, следующий наказ сыновьям: «Избрав один раз службу государю, не менять ее и приложить все усилия сделаться ею полезными обществу, не ограничиваясь уставом, а занимаясь с любовью, изучая всеми своими способностями то, что для полезнейших действий пригодно. Лучший пример для них в отношении последнего их дед и дядя, и могу смело сказать отец... Мои бумаги не собраны, равно как бумаги и все что относится к благодетелю моему Михаилу Петровичу Лазареву, к семейству которого желал бы, чтобы дети мои сохранили особую дружбу и старались ему быть во всяком случае полезными. Извлечете из этих бумаг, особенно последних, может быть полезным. Затем благословляю жену и детей, и с спокойствием готов окончить жизнь как желал, для блага моей родины, которую Бог не оставит, и которая конечно по окончании неправедно начатой с ней войны, станет ещё выше в судьбах наших». Эти строки и последние слова разлучавшегося с миром постоянного приверженца, без сомнения замкнут уста клеветы и убедят легковерных в несправедливости их заключений.

Другие питомцы Михаила Петровича последовали за Корниловым, почтив память учителя славною смертию! Пало много жертв – все «птенцы того же гнезда», вскормленные теми же началами, проникнутые тою же преданностью к долгу и своему краю! Многие, переживши ужасные дни, более не в состоянии быть полезными! Почтим же непритворною слезою заплативших столь славно долг отечеству; пожалеем искренно тех, которые носят на себе почетные тяжкие следы геройской стойкости, и благодарное памятование великой Русской семьи, да будет им достойною наградою.

И. А. ШЕСТАКОВ.

АДМИРАЛ НАХИМОВ

(Морской сборник, 1855, август, с. 170–178)

Ещё потеря тяжкая, хотя и предвиденная; ещё смерть, поражающая значением жертвы, новая могила, внушающая благоговение и полная назидания! Свершилось предопределение — и бодрый дух, витавший над бастионами мученика-Севастополя, жививший его защитников в течение10-ти месячной томительной однообразно-кровавой обороны, отлетел в вечность! Не стало любимца Черноморцев, их вожатого к славе, товарища в лишениях, утешителя в неудачах и бедствиях! Такие могилы не орошаются слезами; не скорбь и сетования возбуждаются в тех, кои удалены от места тризны. Удивление и уважение заменяют печаль сердечную, и, сознавая вполне великость потери, невольно увлекается желанием исследовать причины соединения в одном и том же смертном достоинств, делающих из него примечательную особенность, выставленную случаем в подражание современникам и в образец потомству.

Вызванный в последнее время счастливыми обстоятельствами на поле известности, П. С. Нахимов не успел ещё прислушаться к отголоскам своей славы, не имел ещё времени убедиться в своем значении. Мелочные страсти и жалкое самолюбие легко развиваются в отдаленных зрителях, может быть даже в временных участниках великой борьбы скромного чувства долга, против восторженности и убеждения в материальных выгодах обещаемых успехом; решающие же этот важный нравственный вопрос в Севастополе, постоянные действователи, несущее все бремя трудов, готовые ежеминутно проститься с миром и дать случаем в подражание современникам и в образец потомству.

Вызванный в последнее время счастливыми обстоятельствами на поле известности, П. С. Нахимов не успел ещё прислушаться к отголоскам своей славы, не имел ещё времени убедиться в своем значении. Мелочные страсти и жалкое самолюбие легко развиваются в отдаленных зрителях, может быть даже в временных участниках великой борьбы скромного чувства долга, против восторженности и убеждения в материальных выгодах обещаемых успехом; решающие же этот важный нравственный вопрос в Севастополе, постоянные действователи, несущее все бремя трудов, готовые ежеминутно проститься с миром и дать отчет пред судом нелицеприятным, неподдающимся никаким ухищрениям, чужды мелких двигателей человечества. На стенах нашей Трои умирают геройски и праведно, в сильном, но скромном сознании, что выполнили обязанность и заплатили долг отечеству. Так, без сомнения, рассчитался с жизнью наш добрый адмирал и может быть, для большей славы своего имени, рассчитался вовремя. Честолюбие доступно всякому понятию и возрасту, и легко увлекает самые строгие характеры; будем же утешать себя мыслью, что оно

пощадило человека, имевшего полное право поддаться его обаянию; что несчастный случай свел адмирала в преждевременную могилу не зараженным никакими расчетами внушаемыми успехом и известности, чистым беспорочным сыном отчизны, никогда не действовавшим иначе как по убежденно; не заботившимся о воздаяниях, не старавшимся приобрести влияния не соответственного его способностям умевшем держаться в той только сфере, в которой он мог быть полезен никогда не ссорившимся с своею совестно. Любопытно наследовать законы такого необыкновенного явления в наше эгоистическое время; назидательно было бы, для потомства, по крайней мере, отыскать причины, указать на средства, нелегко уловимые обыкновенною наблюдательностью, которыми человек мог дойти до столь светлого, непорочного взгляда на свои обязанности к государству и обществу. Замечая явление, доходят до законов, которым оно подчиняется; так и из жизни Павла Степановича вероятно можно будет извлечь правила для образования истинно-верных слуг отечеству и друзей человечества. Биография такого человека, основанная на его формулярном списке, не представит ничего поражающего или особенно занимательного; а примесь анекдотов, большею частью выражающих легкую сторону человека и дурно с ним знакомящих читателя, недостойна жизнеописания мужа, всегда служившего образцом гражданской и воинской доблести. Смиренные труженики, какими были Павел Степанович и наставник его М. П. Лазарев, требуют биографа-философа. Не громкие подвиги, не блестящие эпизоды должны преимущественно заслуживать внимания; жизнеописаниям предстоит составить книгу, которая будет руководством жизни всякого, готовящегося на верную службу своему краю

Труд, требующий, чтоб им занялись добросовестно, следовательно, исключительно. Не имея ни способностей, ни времени, мы не смеем приступить к столь важному по цели своей предприятию, но лично знавши Адмирала Нахимова, решаемся в немногих словах представить главные черты его. По ним трудолюбивый, благонамеренный писатель, постигающий двигатели прекрасного сердца, способный сочетать в понятиях своих неколебимую настойчивость и суровость в делах служебных—с нежностью души в частных отношениях; умеющий безошибочно отделить гражданина от семьянина, напишет книгу достойную высшей премии литературных произведений, читаемую с жадностью всеми благонамеренными людьми, не для минутного развлечения, а для сохранения в своей памяти начертанных в ней нравственных истин, изменяющих, может быть сами убеждения.

Сын бедного помещика, не имевшего средств дать ему особенного воспитания, Павел Степанович в раннем возрасте был оторван от родителей. Его привезли в Морской Корпус, где в то время умственное образование было более специальное. Относительно нравственности в заведении соблюдался наружный порядок, удовлетворявшей временных посетителей; вообще же говоря, из Корпуса выпускали тогда офицеров готовых принимать впечатления, встречаемые на пути жизни, и

поддаваться влиянию непосредственных примеров. К счастью Павел Степанович, в самом начале служебного поприща, попался в морскую нравственную школу М. П. Лазарева. Вводя столь новую номенклатуру, неизвестную в министерствах просвещения, мы дозволим себе некоторые пояснения. Молодой человек, без всякой опытности в жизни, поступая на корабль, весьма скоро начинает чувствовать, что нельзя безнаказанно предаваться прихотям своего характера. Помимо постоянного бдительного надзора за всеми его поступками, на который обязует начальника самый закон и существующие постановления, состав корабельного общества, всегда немногочисленного по неминуемой тесноте места, заставляет его скоро гасить в себе противообщественные наклонности и убеждает в нелепости нравственной необузданности. Во всяком обществе собранном случаем в тесных стенах корабля, сначала, может быть, рождаются неудовольствия, даже ссоры; но со временем, в долгом плавании, все изменяется. При невозможности удалиться от человека, который не нравится (что легко в обыкновенной жизни на суше), и по естественному отвращению к одиночеству, невольно начинаешь думать о средствах провести мирно и приятно два три года в обществе, навязанном службою; становишься сначала осторожнее, потом снисходительнее к другим, наконец, строже к самому себе. Осторожность тушит излишнюю кипучесть страсти, снисходительность постепенно смягчает сердце, а из строгости к самому себе истекают правила жизни сносной для общества. После долгого совместного заточения, всякий чувствует, что сделал уступку, пожертвовал более или менее для блага всех. Никто никому особенно не обязан, следовательно, нет тягостного упрека самолюбию. Уступки были общие и произошли от силы обстоятельств. Так как никакое общество не может держаться долго на ложных, недостойных началах, оказывается непременно, что всякий уступил с пользою для себя, отказался от чего-нибудь дурного. Иные)! способности увлекут всю корабельную семью по ложному пути на долгое время. Все почти минуты дня проводятся вместе всякий налицо — и нужно быть созданным противно обыкновенной человеческой природе, чтобы целые годы, в беспрестанных столкновениях с товарищами, носить личину.

Величие явлений, совершенная особенность морской жизни и наконец, когда знакомство дойдет до короткости, самая односторонность бесед, заставляет моряка искать по временам уединения в своей келье. Уединение есть колыбель мысли, и пища для ней на корабле представляется ежедневными случайностями. Можно жить мафусаилов век, проплавать от полюса до полюса и все-таки набрести на что-либо новое, дотоле не представлявшееся. Самая служба, перенося из края в край, открывает новые предметы, невольно притягивающие любопытство; отсюда рождается желание учиться, приобретать познания, дающие средства ценить и понимать видимое. И так в нравственном и умственном отношениях невольно совершенствуешься.

Посмотрим ли на моряка как на члена своего отечества, обязанного ему служением, мы увидим что и на этом поле ему легче идти по должному пути. Небрежение

к долгу, леность, уловки, которыми придают угождениям вид ревностного исполнения обязанности, — весь этот сор легко прилипающий к должностному человеку на берегу, где многое делается за глазами начальника и видны одни только результаты, не пристает на корабле, где очевидны принимаемые меры, где небрежность ведет за собою немедленный вред и даже гибель, где леность одного становится уже тяжким бременем для немногих остальных, делящих с ним службу. Постоянное внимание к делу и неподдельное рвение внушаются силою обстоятельств и становятся привычкою. Тысячи непредвиденных внезапных случаев требуют обшей деятельности вне срочного времени труда, определенного постановлениями — и моряк привыкает считать себя вечно на службе. Поэтому известное число часов проведенных в исполнении обязанности, не считаются правом на бездействие и подобные департаментские расчеты моряку не допускаются, можно сказать, силою природы. Естественно после долговременной службы он становится весь долгом.

До сих пор мы выводили качества, свойственные моряку, из самого его быта, доказывали, что он находит на них невольно, ощупью, без чьего-либо влияния. Представим же себе облегчительные средства к достижению и развитию всех этих наклонностей. Принявши в расчет огромную власть начальника на море, вообразите, что счастье дало вам в руководители человека с сердцем светлыми понятиями, возвышенным характером и успевшего страстно полюбить дело, каким был М. П. Лазарев, и в свою очередь достойный питомец его Павел Степанович. Следя за вами неусыпно, он заметит дурные начала в самом зародыше. На своевременный укор, может быть, вы и возразили бы, но подобные ревностные охранители закона не терпят возражений и власти, им данной, не ослабляют без нужды в сознании ее необходимости. Вопреки наклонностям, ны делаетесь строгим исполнителем, обуздываете, укрощаете себя для службы, убеждаетесь, что она не розовое ложе и что, до известной степени, терпеть в ней должно. С другой стороны, если ревностью или находчивостью вы избежали лишнего беспокойства для команды только, или устранили незначительный вред, такой начальник, всегда готовый отдать должное подчиненному, тотчас заметит случай, придаст вашему действию важность, гораздо большую нежели какой оно заслуживает, могший произойти вред облечет в страшную оболочку опасности и вашу находчивость представит последствием силы духа и глубокого знания дела; скажет вам, например, что если бы вы поступили иначе, корабль потерял бы способность выполнить поручение, или что ещё более лестно, от ваших распоряжений зависела жизнь людей, — и вы спасли их. Чье самолюбие устоит от таких похвал? Невольно родится сознание что поступил хорошо; а такое сознание, часто повторяемое, рождает чувство собственного достоинства, ту благородную гордость, которая заставляет человека опасаться упрека собственной совести более невзгод начальничьих, делать дело не из страха и подобострастия, а ценя себя и понимая свою важность в огромном механизме общественного устройства. Труд и терпение становятся девизами питомцев такой школы и в них естественно

рождается презрение к недостойным спекулянтам, добивающимся наград и отличий; легкими способами угождения и столь же легко жертвующим своею честью, правилами и мыслями для достижения незаслуженного влияния, клеймимого общим мнением, именно в то время когда ненасытный честолюбец достигает апогея своего служебного поприща.

Павел Степанович, вслед за своим начальником — воспитателем, шел по колее нами начертанной, или точнее выведенной из их долгой служебной жизни. Откровенно сознаемся, что в общем взгляде нашем на жизнь моряка, мы руководились, может быть, даже увлеклись, чертами, из коих многие принадлежали почти исключительно этим двум представителям нашего сословия. Прибавим еще, что эти избранные были моряки-поэты. Энергическая природа сделала из них энтузиастов презиравших собственными выгодами, считавших преступлением заботиться о своих житейских нуждах, порицавших незнание своего дела наравне с нравственными пороками, смотревших на небрежение к долгу как на нарушение присяги — данной клятвы — следовательно, как на слабость в высшей степени бесчестную.

От жизни служебной перейдем к частной и здесь-то предстоит разрешение важной задачи. Прослуживши всю жизнь, едва ли отогревая когда-либо душу свиданием с родными, дорогими сердцу, в черствых сношениях с различными служебными семьями, над которыми властвовал в течение 25 лет, П. С. Нахимов, подобно незабвенному наставнику своему, сохранил датскую нежность сердца. Немногие свидетели последнего прощанья его с Михаилом Петровичем, отправлявшимся в предсмертное путешествие, до сих пор не могут рассказывать без умиления, как суровый по наружности адмирал проводил дни и ночи у постели угасавшего мужа, дивной жертвы своего рвения к Престолу и отечеству, какими горькими слезами заливался будущий горой Синопа и рыцарь Севастополя провожая обожаемого начальника в путь... к могиле!

Ещё одна черта для биографа. В последние годы жизни Михаил Петрович, всегда ставивший службу выше отношений частных, придавал более цены некоторым сотрудникам своим, тщательнее следившим за современными усовершенствованиями. Самое сословие, дотоле считавшее Павла Степановича оракулом, охладело к нему вследствие некоторой неподвижности, выказавшейся в нем при общем стремлении к новой отрасли нашего дела. Глубоко изучивши прежнюю, посвятивши ей жизнь и достигши лет, в которых трудно учиться новому, старому лихому моряку извинительно было придерживаться отжившей системы. Не менее того, видимое предпочтение оказываемое начальником, в чувствах которого он считал себя вправе занимать первое место, другие, младшие по службе, сильно тревожили Павла Степановича. Но ни охлаждение человека, им чтимого, ни равнодушие сослуживцев, низведших его с пьедестала ими же воздвигнутого, не изменили адмирала. В борьбе самолюбия с прекрасною чистою душою восторжествовала природа. Характер его, несмотря ни одинокую жизнь, остался приятным и правила не изменились.

С теми же чувствами преданности и нежной любви спустил он своего благодетеля в хладную могилу; с тою же верностью дружбы он ежедневно ходил на поклонение к доблестному усопшему; с тем же веселым, ничем не потемненным нравом, он примирился с новым своим положением в отношении к сословию, и не омрачая души своей порывами негодования или жаждою мести, переносил скромно, без ропота, охлаждение сослуживцев до того дня, когда справедливая судьба, пораженная нравственным спокойствием благородного страдальца, увенчала его венком славы пышнее прежнего, сорванного обстоятельствами. В чем как не в глубоком основательном сознании своих достоинств, может храниться тайна такой душевной ясности!

Кончина адмирала, раненного штуцерною пулею в голову, не представляет сама по себе ничего для современников и потомства. Он тотчас впал в бесчувствие, продолжавшееся до самой смерти, и однажды только прошептал едва внятным голосом медику, силившемуся отнять руку, беспрестанно подносимую страдальцем к ране: «эх, Боже мой! Что за вздор». Зря излагаем красноречивое описание впечатления произведенного кончиною адмирала на его ратных товарищей. Кто усомнится в искренности чувств осиротелых Черноморцев?

На месте, ныне потрясаемом громом злобы и дикого отчаяния, водрузится храм во имя мудрого просветителя нашего отечества. Символ мира — святой крест — осенит величавые своды, которые Россия воздвигнет в память великого христианского торжества. Основанием пышному храму послужит могила доблестей, дорогая сердцу каждого Русского. Под своды священного здания будут стекаться все сословия в воспоминание дивного события, озарившего землю нашу СВЕТОМ истины, для оживления своей веры; а на могиле, отныне исторической, отмеченные гением-хранителем России для трудов на пользу ее или как жертвы за ее искупление, в благодарной памяти к усопшим, придут искать силы и вдохновения!

И. А. ШЕСТАКОВ.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ НА СТАТЬЮ Г. В. З. ОБ АДМИРАЛЕ НАХИМОВЕ

(Морской сборник, 1855, ноябрь, с. 7–12)

Во втором отделе октябрьского сборника я прочел с большим удовольствием статью Г. В. З. об Адмирале Нахимове, или точнее о моем взгляде на этого замечательного человека. С удовольствием, говорю я, потому, что из различных только отзывов современников может будущий биограф составит правдивое жизнеописание, достойное нашего почтенного адмирала; с особенным наслаждением потому еще, что возражения выказывают умственную деятельность и независимость — приятное явление в наш век ералаша и веры в журналы — и устраняют преобладание идей одного человека, без сомнения, вредное для общества или сословия, если авторитет не имеет основания, или писатель не выказывает стремления к пользе. Взгляды на те же предметы, факты и личности бывают не только несходны, но совершенно противоположны; есть однако ж заключения, выводимые из вседневной жизни, и поэтому не допускаюшие большого произвола при составлении их. Г. В. З. коснулся некоторыхъ подобных заключений, разбирая мои намеки, а вовсе не окончательные суждения, о нравственных двигателях покойного Павла Степановича. Об этих-то заключениях я побеседую с автором, избегая по возможности всего, касающегося лично адмирала.

«Напрасно», говорит Г. В. З., «будем мы приписывать биографиям значение образцов для подражания. Каждый прокладывает себе путь по своему, повинуясь влечениям своих природных наклонностей». Относя заключение автора, прямо противоречащее выраженной мною идеи, не к биграфиям, а к людям, их удостаиваемым, я никак не могу отказаться от моего мнения. Природные наклонности, бесспорно, имеют огромное влияние на выбор оригинала, но все мы, более или менее подражатели, и самостоятельность, в строгом смысле слова, встречается только в искусствах, подчиняющихся преимущественно воображению, а не в жизни человека, повторяющейся в тех же многообразных формах с сотворения мира. Может быть весьма справедливо, что нет двух человек совершенно схожих между собою; но не менее справедливо и то, что нет достоинства или недостатка в каком бы то ни было смертном, не существовавших в его предшествениках; и говоря, что такой-то человек самостоятельный, справедливо, кажется, разумеет только, что сознавая свои силы, способности и наклонности, он избрал образцы, тем силам, способностям и наклонностям свойственные. Следовательно, уверение автора, будто направление человека может быть независимо от чьего-либо влияния; вряд ли не подлежит сомнению. По естественному тщесла-

вию, мы неохотно сознаёмся в том, что заимствуем от других; часто этому виновата и сама память: но в часы мышления с самим собою всякий конечно сознается, что в выпавшей на его долю роли руководствовался действиями тех или других людей, бывших в подобных обстоятельствах. Не только в поступках, но и в самых мыслях трудно отыскать оригинальность. Способ изложения, по новости своей, иногда ведет к ошибочному заключению, будто мысль доселе не являлась; но если разобрать ее подробно, так сказать, анатомировать, верно окажется, что та же идея в целом, или в дробях, приходила прежде одному или многим смертным. Оригинальность, как бы искусно ни скрывал человек внутренние побуждения свои, всегда выказывает преднамерение, усилия, и в мнении нашем есть просто гордость, а иногда расчет. В язык народа вкрадываются часто выражения, резко изобличающие человеческие или общественные слабости, и французы весьма метко карают оригиналов фразою—viser á L'originalité — выказывающею, что оригинальность есть что-то привитое, неестественное. Вовсе не хотевши сказать (и, сколько можем судить о собственном способе излагать мысли, не сказавши), что Нахимов был прост, подражатель, мы отвергаем, однако ж, чтоб в нравственном, а тем более в специальном отношении, он развился без посторонней помощи. Общество, в котором живешь, неоспоримо имеет важное влияние, и если члены его связаны отношениями столь частыми и определенными, как например служебные; если глава или представитель его — человек увлекающей, каким был М. П. Лазарев, влияние это, конечно, весьма значительно.

Книги, и в особенности биографии знаменитых мужей, накладывают также на мыслящего читателя печать своего влияния, и допустить, как правило и право — «каждому прокладывать себе дорогу, повинуясь влечениям природных наклонностей» — не соответствовало бы условиям общественного благоустройства. Подражать хорошему не стыдно, даже должно, и необыкновенные люди суть образцы для подражания. Утверждая противное, мы сокрушаем основной камень нашего воспитания, отрицаемся от впечатлений юности. Г-на В. З., как меня и всякого из нас, заставляли читать Плутарха; Г. В. З, как я и многие, и ныне продолжают читать биографии знаменитых мужей, что видно из его же замечания о Джервисе. Неужели это послеобеденное чтение? Если я не ошибаюсь в моих догадках об авторе статьи, смело ручаюсь, что он делает это не для того только, чтоб убить время или способствовать пищеварению.

Но в отношении к Джервису, я дозволю себе замечание, не допускающее приведенного автором сравнения. Павел Степанович никогда не находился в одинаковых обстоятельствах с английским адмиралом, который был известен как человек с драконическими наклонностями; а если б находился, без сомнения, не поступал бы подобно ему; ибо везде, во всем и всегда в Павле Степановиче выказывалась необыкновенная доброта. Джервис не имел сердца: стоит только вникнуть в его управление флотом по званию первого лорда адмиралтейства. Ничем непоколебимая строгость к возмутившимся против власти не выказывает в нем человека с твердою

волею, и конечно никто не упрекнет его в излишней торопливости пресечь мгновенно поражающими казнями язву, распространившуюся во флоте в военное время; но поступки его на мирном посте, где зло не требовало произвольных мер, в нарушение обычного хода законов, где оно не могло быть даже искоренено быстро, выказывают наклонность, которую нельзя иначе назвать как жестокосердием, хотя она имела начало в несомненном презрении ко всему недостойному. Упорство в гонении дурного, при отсутствии мягкости сердца, скоро достигает крайности, от которой отвращается человечество, и о Джервисах можно говорить, как о людях случайно полезных; но без восторга и сочувствия, как о Павле Степановиче, сделавшем несравненно менее Джервиса, но имевшем более приверженцев.

Эпитет нравственной морской школы, приданный мною развитию моряка в долгом плзвании, не нравится г-ну Г. В. З. Он утверждает, что честное исполнение обязанности есть условие необходимое во всякой службе. Нельзя спорить против такой истины; но я говорил о школе, в которой приобретаются данные для такого взгляда на обязанность; старался только доказать, что эти данные легче прививаются в нашей жизни и нашей службе — и этих доказательств Г. В. З. не опроверг. Есть много школ, ведущих к той же цели, но между ними встречаются хорошие и дурные, лучшие и худшие. Мне кажется, что развитие человека на море, вне развлечений береговой жизни, при неминуемом строгом наблюдении начальников и товарищей, скорее делает его полезным членом общества, и выражая эту идею, я вовсе не хотел сказать, чтоб невозможно было достичь того же, при иных обстоятельствах жизни.

Кончу мои возражения уверением, что влияние Павла Степановича знали и чувствовали, напротив, многие; на остальные же замечания, автор, без сомнения, дозволит мне не отвечать теперь. Статья его приложена к посмертному изображению нашего общего любимца, и у гроба не должно спорить об усопшем, хотя бы предметом разноречия были единнственно достоинства его, в которых я, весьма мало служивши с адмиралом, но знавши его в течении многих лет, убежден столь же сильно, как и те, которые долго имели честь быть его подчиненными.

И. А. ШЕСТАКОВ.

О ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ В СОЕДИНЁННЫХ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ ШТАТАХ

(Письмо из Нью-Йорка)
(Морской сборник, 1857, № 9, с. 22–29)

.... При наступлении жары я выехал из города и поместился в пункте на Гудзоне, представляющем, кроме удобства езды в город, много занимательности по соседству с заводом и с военною академиею. Ближайшее знакомство с этим рассадником американской армии, устроенном на тех же основных началах, как и морская академия, составляет для меня предмет почти ежедневных изучений, и, не утомляя вас подробностями, которые со временем могут быть представлены на рассмотрение людей специальных, я укажу здесь только на главные черты заведения.

Не превышая 16000 чел, армия Соединенных Штатов слишком мала для защиты края против грозного неприятеля и считается только ядром сил, которые могут быть произвольно увеличены, в случае надобности, милициею или волонтерами. Такие силы будут непременно нуждаться в настоящих военных офицерах, имеющих должные познания по всем отраслям военного дела. В этом предвидении, все воспитанники военной академии проходят тот же курс. Лучшие выпускаются в инженеры и топографы, следующие в артиллерию, а худшие в кавалерию и пехоту; но minimum балов ограждает армию от невежества и служит ручательством в образовании даже самых слабых.

Учреждение военной и морской академии встретило сначала большое сопротивление в общем мнении. Опасение зародыша какой-то военной аристократии, воспитывающейся на счет народа, и слишком связанной с федеральным правительством, восстановило многих против идеи о военных училищах, и теперь, когда все согласны в пользе этих учреждений, весьма любопытно читать прения и аргументы самых значительных государственных мужей Америки, – Клея, Вэбстера, Калгуна и других. Эти гладиаторы Конгресса, едва ли сходившиеся когда-либо в мнениях, соединили свои могучие таланты для уничтожения меры, которая казалась им противною смыслу конституции и угрожавшею свободе. Академии были учреждены самым ничтожным большинством; но нужна была война, чтоб помирить с ними публику, и со времени мексиканского вопроса все одобряют меру, против которой восставали самые ясные умы наши. Число войск, употребленных в мексиканской войне, доходило до 40 000 чел. Две трети состояли из волонтеров, с генералами и бригадирами, не имевшими понятия о военной службе, избранными по политическому влиянию. Этим импровизированным генералам дали молодых воспитанников академии в начальники штабов, или из различных полков составляли отряды

и подчиняли их молодым академическим офицерам, давши последним brevel rank. Учреждение brevel rank, основанное на той же идее, что наш Екатерининский указ, но имеющее более обширное действие, дает правительству возможность пользоваться способностями, не обращая внимание на старшинство. Президент не имеет права производить за отличие иначе, как во время войны, но может дать капитану, например, brevel на чин полковника и вслед за тем — на генеральский.

Производство на вакансию здесь по полкам, и *brevel* не имеет никакого значения, когда офицер состоит в своем полку; но как только собрано несколько полков или частей различных полков, а также в военно-судных комиссиях, где решается судьба подсудимого, — *brevel rank* дает офицеру все преимущества временного чина, т. е. дает власть и содержание, ему присвоенные. Таким образцом, в стране, где внеочередные производства возбуждают громкие жалобы, есть средство употреблять достойнейших, и в случае, если избранные не оправдают ожиданий, их стоит только возвратить в свои полки.

Для академии отведено весьма уединенное место на берегу Гудзона. Профессоры и их помощники живут постоянно в заведении и занимаются единственно воспитанием кадет. Все помощники, без исключения, суть офицеры из линии и ими преимущественно дается кадетам образование. Профессоров всего четыре, и им предоставлен только высший надзор за курсами. Если такой порядок мог устроиться в Штатах, где столь легко иметь место или занятие, обеспечивающее существование, то нет сомнения в исполнимости подобной меры у нас, и доводы утверждающих, будто нельзя образовать достаточно юношу для специального дела вне Петербурга, именно потому, что трудно будет найти учителей, неоспоримо опровергаются существованием постоянных профессоров в Америке, где по обширности поля для предприимчивости труднее найти людей, которые посвятили бы себя на труд, сравнительно мало вознаграждающий.

Кроме весьма строгого исполнения постановлений, введенного с самого начала основания академий, и легко поддерживаемого, некоторые особенности, свойственные американской практичности, мне кажутся достойными подражания. Кадет получает 36 долларов в месяц. Из этой суммы, здесь только что достаточной, он платит положенную часть в артель, за книги, бумагу, платье, мебель, расходы на прачку, белье и т. п. Правительство дает только оружие, амуницию, инструменты и модели, хранимые в классах, – куда все приводятся поочередно к слушанию лекций, и где непременно знакомятся с инструментами и моделями, а не в отдельных, роскошно-отделанных музеях, куда чрезвычайно труден у нас доступ воспитанникам, для назидания коих эти музеи устроены, и легок только сторонним посетителям, которые разносят слухи о богатых средствах заведения. Цены всему определены комиссиею, и образцы утверждены правительством.

Все нужное кадет получает от комиссара, с ведома директора, и при месячном жалованье делается расчет. Такой порядок приучает с самых молодых лет к наблюдению за собою, к экономии и к знанию цены деньгам, а главное к тому, чтоб зависеть от самого себя в средствах жизни.

Науки разделяются на теории и практику, и каждая наука имеет присвоенный ей maximum балов, смотря по важности ее в военном образовании.

Например, математика имеет 3, физика 2, французский язык ½ и т. д. При этом не случится, чтоб кадет, склонный к наукам, не столь необходимым для военного дела, стал выше успевающего в науках, без которых нельзя обойтись в службе. При мне в Морском Корпусе maximum балов был 12 для всех предметов без разбору, и случалось, что кадет, который достигал его в начертательной геометрии (преподававшейся без всяких приложений к снятию чертежей), военно-судном праве, немецком языке и проч., становился выше отлично знающего астрономию, навигацию, корабельную архитектуру, артиллерию и прочь, но получившего малые балы во второстепенных науках.

Каждый год, из пяти проводимых учениками в академиях, производятся дважды экзамены, в январе и июне; по июньскому достойные поступают в высший класс или в офицеры.

Экзамен производится только из курса последнего года и в этом нельзя не видеть несомненной пользы. Всегда и везде курс располагается так, что науки, преподаваемые вначале, служат только средствами к понятию окончательных, нужных в службе. Только последние необходимы, следовательно, незачем напрягать память ученика и отвращать его от наук повторением азбуки, при каждом экзамене. Можно весьма легко доказать совершенную бесполезность содержания в уме начальных правил некоторых наук, многочисленными примерами; но простейший и наиболее понятный из всех, испытывается каждым почти на самом себе. Нет сомнения, что большинство, и в том числе люди весьма полезные, у нас не скажут наизусть русской азбуки в последовательном порядке, а, между прочим, это ни мало не мешает им читать все, касающееся их обязанности, понимать читаемое и прилагать его к делу.

При нашей методе экзаменов из всего курса, достоинство воспитанника основывается единственно на памяти, которая, как известно, не есть мерило ни способностей человека, ни его рвения.

Ещё важная особенность обеих американских академий состоит в оценке поведения воспитанников. Существующий у нас способ означать нравственность цифрами не удовлетворяет цели, не выдержит самого снисходительного даже разбора. Это произведение больного ума, до того увлекшегося математическими выкладками, что высший моральный вопрос был совершенно упущен.

В обществе, для которого молодые люди воспитываются, существуют только два различия, есть люди хорошие и дурные. Можно ещё допустить посредственность; но разделение качеств воспитанников на 12 степеней не сообразно ни с тем, что бывает в обществе, ни со здравым рассудком. Идея эмуляции, безмерно развитая в Германии, применяется там, сколько мне известно, к наукам и ремеслам, а не к поведению. Ум несравненно эластичнее нравственности, и соревнование, возбуждаемое дробною разностью в баллах поведения, будучи противно естеству, весьма вредно. Если взять, на-

пример, кадет с 12 и 10 баллами, разность между ними окажется единственно в темпераменте. Один – флегматик, и потому избавлен природою от детских промахов; другой – боек, резов, стоит первого во всех отношениях, но в нем сильно кипит кровь. Между тем, зная, что от большего числа баллов будет зависеть его повышение в списке выхода, по свойственному каждому самолюбию, резвый мальчик будет добиваться тех же 12-ти баллов одним из двух способов: или переламывая свою детскую природу, вечно наблюдая за собою, удерживая себя (а это может породить в неокрепшем ещё теле болезни и непременно отвлечет его мысли от наук), или ведя себя скромно на глазах офицеров, и предаваясь шалостям в их отсутствии, а от этого рождается пагубная привычка обманывать, притворяться. Судьба многих (достигавших в корпусе maximum'a нравственности) на службе, служат неопровержимым доказательством приведенных выше доводов. Система американских заведений, к сожалению, основанная также на цифрах, более соответствует, по крайней мере, цели. Здесь цифрами клеймится дурное поведение. Проступки разделены на восемь степеней. Неблагородство и неспособности ведут прямо к исключение. За всякий проступок ставится против имени кадета известное число, от десяти до одного. В первый год пребывания в академии поведение не берется в расчет: новичку дается время узнать все, что от него требуется. Если в год наберется 150 таких баллов, воспитанник лишается права на недолговременный отпуск к родным, который дозволяется по прошествии двух лет пребывания в академии, а в случае увеличения до 200, исключается, если нет извинительных причин. В третий год пребывания в академии, к числу накопившихся баллов прибавляют 1/6, в четвертый 1/3, а в последний половину. Цель такой прогрессии соответствует большей способности наблюдать за собою, растущей с возрастом. Воспитатели-счетчики без сомнения скажут, что наша и американская методы одинаковы, но вникающие в предмет глубоко, увидят, что в двух способах общее только цифры; во всем остальном они противоположны. Обозначая цифрами каждый проступок, с ведома самого провинившегося и согласно утвержденной постановлениями мере, кадету беспрестанно напоминают, чего он не должен делать; ставя же одному в конце месяца 9 баллов, а другому 12, конечно, не только не дадут отчета кадетам, за что сделали между ними такую разницу, но и самому себе. Отсюда, со стороны воспитателей произвол и несправедливость, а со стороны кадет – уловка поправиться в последнюю половину месяца, в надежде прощения проступков в первой, разумеется, с преднамерением вновь дать свободу наклонностям в начале следующего месяца. Притом, кадет не узнает определительно, что ему дозволено, и что запрещено, как по американской методе. Но главное противоречие двух систем в том, что при нашей вселяется невольно мысль, будто хорошее поведение достойно наград и не есть необходимое условие в быту, а при американской, хорошее поведение есть правило, дурное – исключение. Несмотря на большую рациональность здешней системы, последняя экзаменная комиссия просила Конгресс сделать изменения, при которых поведение в академии имело бы менее влияния на будущую служебную участь воспитанника. По мнению этой комиссии, при существующих постановлениях, исключающих за

пороки и недостатки, на службе нетерпимые, остальные проступки, по маловажности своей, и легкости, с которою от них отстают, живя в обществе, не должны затмевать способностей, которые не приобретаются.

Представляя отличительные черты здешних военных заведений, которые, может быть, ещё не поздно принять в соображение при предстоящей реформе морских учебных заведений, решаюсь присовокупить мое убеждение, что всякое воспитание есть только приготовление, помогающее легко и с разбором принимать влияние того высшего воспитания, которое дает человеку требования общества и опыты жизни. Слишком быстрый переход от стеснения во всех поступках и действиях к совершенной независимости, может направить на ложный путь молодых людей с самыми лучшими началами, которые имеют по выходе из заведения все данные, чтоб быть впоследствии украшением общества, даже, может быть, гордостью края.

ПИСЬМО ЦАРОВСКОГО АДМИРАЛУ ИСАКОВУ

Иван Степанович, дорогой!

Посылаю Вам выписки из очерка А. К-ч «Из записной книжки моряка», напечатанной в февральской книжке ультраконсервативного журнала «Русский Вестник» (основатель и издатель Катков) за 1894 г. Автор, скрывавшийся под инициалами А. К-ч, Н. Ако-ич, Н. Ака-ич, А. Е. К-ч, судя по его высказываниям, попал во флот в качестве юнкера и много плавал за границей в 60-х и 70-х годах на эскадрах Попова, Шестакова и др. Он признает, что, будучи мичманом, ничего не понимал в политике, но, как явствует из его писании, и в зрелом возрасте сохранил всю свежесть детски-наивного идеализма и так и не понял до конца жизни, что вся его деятельность была посвящена бурной политике становления капитализма в России и соучастию в капиталистической политике Англии и Соединенных Шатов, где закладывались очаги позже созревшего империализма. Поскольку в нашей литературе мало сведений о пребывании отряда под командованием контр-адмирала Шестакова у берегов Сирии, посылаю Вам рассказ твердолобого К-ч'а, потому что он отлично отражает преломление фактов в кают-компанейском общественном мнении отряда и рассказывает сочно и наглядно. Не вина К-ч'а, что он, по простоте душевной, ошибочно понял, что Шестаков только из симпатии к англичанам поощрял дружбу русских гардемарин с мидшипменами. Шестаков, отнюдь не англофил, в меру своих сил вел независимую от англичан, самостоятельную русскую политику. Он отнюдь не держался англичан, а при первой же возможности сделал попытку выйти из под английского контроля, ушел в залив Искандерун и занялся боевой подготовкой и, в частности, тренировкой в высадке десанта в стратегически важном районе Средиземного моря...

1

Иван Степанович, дорогой!

Посылаю Вам выписки из очерка А. К-г „Из записной книжки моряка", напечатанной в февральской книжке ультраконсервативного журнала „Русский Вестник" (основатель и издатель Катков) за 1894 г. Автор, скрывавшийся под инициалами АК-г, Н. Ако-ич, Н-Ака-ич, А.Е.К-г, судя по его высказываниям, попал во флот в качестве юнкера и много плавал за границей в 60-х и 70-х годах на эскадрах Попова, Шестакова и др. Он признаёт, что, будучи мичманом, ничего не понимал в политике, но, как свидетельствуют его писания, и в зрелом возрасте* сохранил всю свежесть детски-наивного идеализма и так и не понял до конца жизни, что вся его деятельность была посвящена бурной политике становления капитализма в России и соучастию в капиталистической политике Англии и Соединённых Штатов, где закладывались очаги пожара созревшего империализма. Поскольку в нашей литературе мало сведений о пребывании отряда под командованием контр-адмирала Шестакова у берегов Сербии, посылаю Вам рассказ Твердолобого К-г'а, потому что он отлично отражает преломление фактов в кают-компанейском общественном мнении отряда и расска-

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ШЕСТАКОВЕ

А. К-ч [он же Н. Ако-ич, А. Е. К-ч]. «Из записной книжки моряка», «Русский Вестник», Москва, 1894, февраль

... [стр. 4 книжки журнала]

«Восстание друзов и последовавшая затем резня сирийских христиан-маронитов собрали на Бейрутском рейде флоты целой Европы, в том числе и нашу эскадру, составленную из новейших, лучших фрегатов того времени, под начальством блестящего адмирала, наводившего страх и трепет не только на нас, его подчиненных, но и на более высших чинов в самом Кронштадте и во всех центральных учреждениях морского ведомства [подразумевается Шестаков, автор «Полвека обыкновенной жизни» – примечание мое, Царовский]. На рейде, беспокойном и открытом для ветров от всех румбов, количеством кораблей постоянно преобладали французы, исправностью же и строгостью службы – англичане и русские. Французский флот был занят доставкой и снабжением десанта, высаженного в количестве шести тысяч человек, по преимуществу алжирской пехоты, расположившейся лагерем в окрестностях Бейрута, по новой дороге в Дамаск, только что проложенной наполеоновскими саперами. Англичане зорко следили за воинами в красных штанах, а мы, имея в данном случае одну цель с Великобританией: не допускать ни в чем и ни чьего преобладания на Востоке, поддерживали во всем ее адмирала. Германского флота тогда ещё не было, а турецкий, австрийский, греческий и итальянский дополняли картину, удовлетворяли тщеславию своих бессильных на море правительств и возвышали положение их дипломатических агентов, падких к салютам, адмиральским завтракам и пикникам с дамами. С англичанами мы жили в большой дружбе. Конечно, причиной таких отношений была не политика, о которой мы ничего не думали, а нечто иное. Крымская кампания и долгая осада Севастополя оставили в английских моряках глубокое впечатление. Адмирал их и командиры [стр. 5 книжки журнала] некоторых кораблей, например «Реноун'а» и «Ахиллес'а», сражались под стенами нашего многострадального города и как честные и доблестные люди имели хороший случай оценить бывших врагов своих. Надо полагать, что это короткое знакомство с черноморцами на поле чести и было причиною, побудившей моряков первого флота в свете относиться с искренним уважением к нам, преемникам традиций и защитникам погона славного Андреевского флага. Нельзя отвергать и сходства характеров и вкусов между английскими и русскими моряками. Они одинаково радушны в кают-кампаниях, не скаредны как большая часть других, веселы, любят и умеют покутить на берегу, очертя голову, и угостить на славу своих товарищей. Наш крутой и строгий флагман покровительствовал англо-русской дружбе и нередко оказывал нам, юным гардемаринам, материальную помощь в этом деле. Он призывал к себе старшего в нашей кают-компании и обращал-

ся к нему с такой речью: «Я уезжаю на берег и возвращусь завтра. Можете пригласить к себе ваших друзей-англичан и принять их в моей каюте. Мой погреб открыт сегодня для вас, воспользуйтесь тем, что найдете в нем».

В адмиральском буфете был чудный столовый сервиз, вывезенный из Нью-Йорка с фрегатом вместе едва ли не на сто человек, и великолепное серебро, а в погребе лучшие вина всех сортов, не исключая и шампанского. Мы знали, что адмирал не пересчитывал пустых бутылок, и пользовались случаем угостить и, что греха таить, угоститься. Мы делали честь запасам нашего грозного амфитриона, сводя с ума его степенного и богобоязненного буфетчика Петра, старого крепостного дворецкого, которому на следующий день, вместе с гичешными, приходилось водворять порядок в громадной столовой, чистить ковры, исправлять кое-какие аварии при помощи фрегатских столяров и подсчитывать рюмки и бокалы, разбитые в дружеских излияниях с мидшипменами, такими же горячими и увлекающимися молодыми людьми, какими были и мы сами; а самый-то большой старик из нас насчитывал себе лишь девятнадцатый год.

... [6 стр. книжки журнала].

Одна замечательная черта отличала юных английских моряков того времени от других, с которыми мне пришлось близко сойтись в Бейруте и которые во многом казались образованнее и нас и англичан, например, австрийские. Черта эта заключалась в том, что никто лучше мидшипменов не знал истории своего флота, никто не любил и не умел так увлекательно рассказывать ее эпизоды – всегда кстати и всегда вовремя. Я, например, из этих рассказов до сих помню, что Трафальгарский погром был 21 октября 1805 года, что Нельсон приказал за ½ часа перед боем сделать знаменитый сигнал «England confides that every man will do his duty» и затем, по совету флаг-офицера Паско, заменил слово «confides» словом «expects». Мы, русские юнкера и гардемарины, как я теперь только знаю, могли бы тоже кое-что рассказать нашим друзьям; но наши историки и тогда, как теперь, все ещё сортировали материалы и отыскивали следы древнего Азова!...

Кроме визитов к англичанам и приемов их у себя, мы имели ещё одно развлечение: катание верхом на прекрасных арабских лошадях, отдававшихся в наше распоряжение за ничтожную плату... И вот,... наездники брали лошадей и мчались за город, во [7 стр. книжки] французский лагерь, слушать прекрасную музыку зуавов. В одиннадцать часов, с последним катером, все мы возвращались на фрегат, чтобы завтра продолжать ту же жизнь по старой заранее известной программе, начиная с подъема брам-стенег и отдаче парусов вместе с флагом и гюйсом.

Кровавые меры, принятые под давлением европейских комиссаров, Фуад-пашой в Дамаске и Бейруте, уже в августе приостановили зверства друзов и успокоили левантинских христиан. Но в Париже не верили в успокоение края, и зуавы не трогались из своего лагеря. А так как ни одно из европейских правительств не

желало предоставить Франции преобладания на Востоке, то эскадры продолжали стоять на неудобном рейде сентябрь и октябрь. Наконец задули жестокие осенние штормы от севера и запада, сообщение с берегом сделалось крайне неудобным, наливки водой – невозможною, и дипломатам вдруг занадобилось личное свидание со своими министрами. Как только выбыли дипломаты из Бейрута, тотчас же не стало и политики, и адмиралы, один за другим, покинули рейд, уводя с собою корабли в спокойные и излюбленные гавани и предоставляя французам свободу действий в занятом ими месте.

Ушли и мы в залив Искандерун.[2] Там, в хорошо защищенной, но совершенно пустынной бухте Аияс,[3] стал на зимовье наш отряд, состоявший из трех фрегатов, двух черноморских корветов и шхуны.

Потянулись тяжелые зимние дни военно-судовой жизни, разнообразившиеся лишь ученьями, то одиночными, то эскадренными. Паруса ставились и убирались, марсели менялись, тяжелый рангоут спускался и поднимался, флаг-офицеры носились со склянками и записывали моменты... Конечно, все это возбуждало соперничество между судовыми экипажами, марсами, шханечными и баковыми и споры в кают-компаниях...

... [8 стр. книжки журнала].

На рождественских праздниках на фрегате было поставлено несколько пьес Гоголя и Островского, и отряд провел три вечера довольно весело; после представлений были танцы, ужин и жженка. Но мистификация в женских ролях оказалась так велика, что многие влюбились в [9 стр. книжки] импровизированных актрис и ходили из угла в угол разочарованными и повеся нос. Чем бы все это кончилось, я не знаю теперь, так как мы в феврале, благодаря все тем же нашим бейрутским друзьям-англичанам, преждевременно оставили скучное зимовье. Дело произошло так. Из Лондона зорко следили не только за французами в Сирии, но и за нами, расположившимися свободно в важнейшем стратегическом пункте восточной части Средиземного моря. Аданский паша, принужденный сделать визит адмиралу в Аиясе, казалось, не был удивлен видом на своих владениях бравого русского десанта, любовался им и хвалил выправку матросов и стрельбу их в цель. Этот коварный турецкий вельможа, вероятно, и в Константинополь отправил рапорт, наполненный такими же льстившими отзывами об нашей эскадре и ее деятельности. От Константинополя и до Лондона один только шаг, и прошло не более двух недель, после того как мы отсалютовали паше и он выкурил свою трубку с адмиралом на Аиясском рейде, прибыли «Liffey» и «Doris», два английских фрегата Бейрутской эскадры. При первом же визите вновь пришедших нам сделалось известным, что в их лазаре-

2 На карте из Атласа офицера: зал. Искандерун с портом Александретта (Искандерун)
3 У автора: Аіясъ

тах лежат больные натуральной оспой, не признаваемой англичанами заразительной и, следовательно, не препятствующей отношениям и посещениям. Оставаясь при своих убеждениях насчет оспы и чувствуя стеснение в некоторых действиях и занятиях, например, в своде десанта, адмирал отдал приказание развести пары и сняться с якоря всему отряду. При выходе из залива суда были разосланы в различные порты: в Смирну, Пиреи, Александрию и Вилла-Франку. Нашему фрегату выпало на долю идти в последнюю [стр. 9 книжки журнала].

С подлинным верно.

Царовский

29. 7. 1950

P. S. Существуют словари русских литературных анонимов. М. б. там найдется «А. К-ч» (он же Н. Ако-ич, А. Е. К-ч). Дата пребывания русского отряда под флагом Шестакова у берегов Сирии имеется в Вашем предисловии к «Полвека обыкновенной жизни».

Морской сборник, № 2, 1946 г., февраль

А. Н. МИХАЙЛОВА

ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ АДМИРАЛА И. А. ШЕСТАКОВА

Рукописи, как и люди, имеют свою историю, иногда довольно интересную и поучительную. Такова, например, история рукописей дневников и мемуаров адмирала Шестакова, издаваемых в наши дни Военмориздатом под редакцией и со вступительной статьей адмирала флота И. С. Исакова.

21 ноября 1888 г. в Севастополе, во время инспекционной поездки, в возрасте 68 лет скончался управляющий Морским министерством адмирал Иван Алексеевич Шестаков. Жизнь его была исключительно богата и событиями, и самыми разнообразными житейскими встречами. В юности – суровая муштра в Морском кадетском корпусе эпохи Николая I, откровенно заявлявшего, что ему нужны «лбы, а не головы»; затем – Черноморский флот, служба с адмиралом М. П. Лазаревым в должности его адъютанта; участие в Крымской войне; близость (впоследствии – разрыв) с генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем; длительные командировки в Англию и Америку; командование отрядом кораблей в Средиземном море; Кронштадт – должность помощника главного командира Кронштадтского порта; ссора с управляющим Морским министерством Н. К. Краббе и выход из морского ведомства; гражданская служба в провинции, сначала в должности таганрогского градоначальника, потом виленского губернатора, новое столкновение, на этот раз со всесильным генерал-губернатором Северо-Западного края А. Л. Потаповым,[4] гнев царя, увольнение с государственной службы и из царской свиты и отъезд за границу; томительное бездействие вдали от родины; через несколько лет – назначение на скромную должность военно-морского агента в Австрии и Италии; наконец, смерть Александра II и неожиданное возвышение Шестакова – назначение его управляющим Морским министерством.

Таковы основные этапы этого сложного жизненного пути, отраженные в издаваемых мемуарах и дневниках, дающих яркую картину истории нашего военного флота, с которым автор дневников и мемуаров был связан крепчайшими узами на протяжении свыше полустолетия.

[4] Впоследствии – шеф жандармов и начальник третьего отделения «собственной его императорского величества канцелярии».

Блестящий специалист в области военно-морского дела и прекрасный организатор, русский человек душою и горячий патриот, честный и неподкупный труженик, хотя и не лишенный своенравия и честолюбия, – И. А. Шестаков, как морской деятель, оставил о себе светлую память. Всю свою незаурядную энергию он отдал развитию броненосного флота, созданию портов и баз, укреплению обороны берегов. И Балтийский, и особенно Черноморский флот, возрождению которого Шестаков способствовал, были многим ему обязаны.

Принадлежа вместе со своим другом адмиралом Г. И. Бутаковым к младшему поколению лазаревской школы, Шестаков в течение всей жизни оставался верным заветам своего незабвенного учителя. Будучи министром, он писал сестре: «Судьбе угодно было доставить мне случай работать на возрождение и продолжение исполнения замыслов покойного М. П. Лазарева. Принимая происшедшие со времени его смерти перемены в расчет, стараюсь все возобновлять по его планам, отступая только по необходимости и сколько можно менее». И за день до смерти он в своей телеграмме героям Синопа выражал надежду на то, что «истинная сила лазаревского флота – преданность делу и чувство долга» – осенит вновь создаваемый Черноморский флот.[5]

И. А. Шестаков проявил себя и как талантливый, плодовитый писатель. Одна из его статей в «Морском Сборнике»[6] вызвала похвалу некрасовского «Современника» «почтенному автору ... за его умные и благородные речи». «Современник» отметил, что статья Шестакова «составляет в истекшем месяце одно из утешительных явлений в развитии наших понятий».[7]

По смерти Шестакова личный его архив, согласно обычаю, был опечатан и разбор его был поручен государственному секретарю А. А. Половцову, который обнаружил среди различных бумаг семь томов воспоминаний Шестакова, собственноручно им написанных и скромно озаглавленных: «Полвека обыкновенной жизни».

Резкий тон мемуаров и заключавшаяся в них беспощадная критика деятельности властителей России поразили Половцова. Однако уничтожить рукописи было неудобно: о них говорилось в духовном завещании Шестакова, о них уже ходили слухи в обществе.[8] И вот, по личному распоряжению императора Александра III и согласно воле покойного, эти воспоминания были переданы на хранение в Публичную библиотеку запечатанными в особом дубовом ларце.[9]

Во вступлении к своим воспоминаниям И. А. Шестаков сообщает: «Упоминаемые в них факты выбраны из дневника, который имел обыкновение вести, с не-

---

5 «Иван Алексеевич Шестаков 1820–1888». Воспоминания Л. И. Шестаковой. «Русская Старина» 1889 г. т. 62, апрель, стр. 179

6 Там же, стр. 181

7 Старые мысли на новое дело. «Морской Сборник», 1858, № 1

8 Новый Поэт (псевдоним И. И. Панаева), Петербургская жизнь. Заметки. «Современник», 1858, № 2, стр. 207

9 А. Б. Богданович, Три последних самодержца. М.-П., 1924, стр. 93. «Отчет Публичной библиотеки за 1889 г., стр. 122-123

многими перерывами, с 18-летнего возраста. Самые воспоминания приведены мною в порядок в первые три года после удаления моего из службы – т. е. в 1870-1871 и 1872, за границею, где я искал отдыха от разных треволнений, и кончены 1 (13) генв[аря] 1881». Кроме того, 3-й том мемуаров, содержащий рассказ о пребывании автора в 1856–1859 гг. в Соединенных Штатах Америки, почти на две трети текста составлен Шестаковым из вырезок своих статей («Между делом» и «Дедушка Миссисипи»), печатавшихся в «Морском Сборнике» в 1858–1861 гг. под псевдонимом «Excelsior».

Шестаков предназначал свои мемуары для печати. В духовном завещании его содержалось следующее распоряжение: «Записки мои, посвященные памяти первой жены моей, передать в императорскую.

Публичную библиотеку с тем, чтоб их издали, по смерти моей, вполне или в извлечениях. Своевременность, выполнение требований приличия относительно упоминаемых в записках лиц и самый способ издания зависят совершенно от управляющего библиотекою. Вырученные деньги прошу употребить на стипендии для приходящих в московские женские гимназии и назвать эти стипендии именем жены адмирала Надежды Алексеевны Шестаковой».

Ещё при жизни Шестакова была сделана попытка опубликовать часть его записок. В книге 2-й «Русского Архива» за 1873 г. была напечатана, с огромными выпусками, первая глава первого тома воспоминаний Шестакова (о его детских и школьных годах) с предисловием Ф. В. Чижова, обещавшего дать читателям ещё несколько глав этих интересных мемуаров. Однако дальше первой главы дело не пошло (очевидно, из-за цензурных требований, с которыми не хотел считаться автор, поставившим, по словам Чижова, непременным условием печатание своих записок без изменений).

При передаче рукописей на хранение в Публичную библиотеку вдова адмирала, Мария Ивановна Шестакова (возможно, не без внушения Половцова), заявила, что якобы её покойный муж неоднократно высказывал ей желание, чтобы записки его были опубликованы не ранее пятидесяти лет после его смерти. Это заявление явно противоречило завещанию Шестакова, предоставлявшего сроки и способы издания всецело на усмотрение директора библиотеки, и объяснялось, конечно, желанием самой вдовы обезопасить себя и назначенную ей солидную пенсию от неприятных осложнений, которые могли бы возникнуть после опубликования мемуаров.[10]

Дневники Шестакова, использованные им для составления воспоминаний, до нас не дошли. Вероятно, они были уничтожены самим автором после их переработки.

---

[10] Об алчности вдовы Шестакова, унаследовавшей от своего отца, зажиточного французского фермера, домовитость и скопидомство, свидетельствует следующий любопытный факт. Выйдя снова замуж (за контр-адмирала А. М. Доможирова) и потеряв второго мужа, она обратилась с прошением к царю, ходатайствуя о назначении ей пенсии не по второму, а по первому мужу – Шестакову (этой пенсии она лишилась при вторичном замужестве). Однако в этой просьбе ей было отказано.

Зато в архиве покойного адмирала, осмотренном «по особому высочайшему повелению», оказался его дневник (в восьми книгах) за 1882–1884 и 1886–1888 гг., хронологически являющийся продолжением и завершением мемуаров. Хотя относительно дневника автором никаких завещательных распоряжений не было сделано, Александр III приказал одновременно с мемуарами передать на хранение в Публичную библиотеку также и дневник, с запрещением оглашения как дневника, так и мемуаров ранее пятидесяти лет со дня кончины И. А. Шестакова (т. е. до 21 ноября 1938 г.).

Выход, надежно ограждавший «царскую фамилию» от загробных обличений адмирала, был найден.

Дневник Шестакова, охватывающий почти весь период его управления Морским министерством, заинтересовал его непосредственного начальника, генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, который, вероятно, и приказал перед передачей дневника в Публичную библиотеку сделать для себя копию с него. Эта копия, сделанная писарской рукой, тоже занимает восемь книг. Сравнительно с подлинником, в ней имеются небольшие купюры, вызванные, с одной стороны, неразборчивостью старческого почерка Шестакова, а с другой – желанием выпустить особенно щекотливые для генерал-адмирала места.[11] Содержание дневника очень не понравилось великому князю, о чем свидетельствует ряд его язвительных карандашных помет на полях дневника.

Эта копия дневника Шестакова, очевидно, хранилась в личной библиотеке великого князя, а после Октябрьской революции, вместе с другими архивными материалами, изъятыми у членов бывшей царской фамилии, поступила в Центрархив,[12] где и хранится сейчас в отделе частных фондов.

Опечатанная шкатулка с мемуарами и подлинником дневника адмирала И. А. Шестакова в течение ряда лет мирно хранилась в Рукописном отделении Публичной библиотеки. Однако наступил момент, когда о ней вспомнили.

Перед первой мировой войной Историческая часть Морского генерального штаба получила задание дать ряд справок о базах Балтийского флота, о их создании и развитии. В частности, начальник Исторической части капитан 2 ранга Е. Н. Квашнин-Самарин занимался вопросом о передовой базе. Было известно, что при выборе этой базы предпочтение Либаве было оказано не сразу, что за Моонзунд высказывались некоторые авторитетные представители флота и армии (например, адмирал Копытов и генерал Бобриков). Так как вопрос о передовой базе разрешался в то время, когда во главе Морского министерства стоял адмирал И. А. Шестаков, то, естественно, вспомнили об его записках и дневниках, куда адмирал заносил свои предположения по вопросам создания броненосного флота, обороны берегов и оборудования портов и баз флота в Моонзунде, Либаве и Гельсингфорсе.

---

[11] Выпущены, например, записи о праздновании столетия со дня рождения В. А. Жуковского, так как по поводу этого юбилея Шестаков вспоминает, что дочь поэта была обесчещена Алексеем Александровичем

[12] Ныне Государственный исторический архив в Ленинграде

Узнав от директора библиотеки о том, что пользоваться записками и дневником Шестакова до истечения положенных пятидесяти лет можно только с особого «высочайшего» разрешения. Е. Н. Квашкин-Самарин в июле 1913 г. доложил начальнику Морского генерального штаба князю А. А. Ливену о настоятельной потребности ознакомиться с записями Шестакова. Ливен предложил Квашнину-Самарину подготовить соответствующий доклад морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу. 22 июля 1913 г. Григорович представил этот доклад Николаю II.

В архиве Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится дело № 100 за 1913 г. «О предоставлении во временное пользование адмирала светлейшего князя Ливена записок и дневников генерал-адъютанта И. А. Шестакова». В нем имеется и копия доклада Григоровича царю.

В этом докладе указывалось, что «представлялось бы весьма полезным для оперативной работы Морского генерального штаба ознакомиться со взглядами и мнениями о морской обороне генерал-адъютанта Шестакова, из коих иные могли бы вероятно быть приняты в расчет и в настоящее время», и что «сие ознакомление не шло бы в разрез с высочайшим повелением в бозе почившего государя не оглашать записок и дневников генерал-адъютанта Шестакова, ибо и работы

Морского генерального штаба по морским операциям совершенно не подлежат оглашению».

«Высочайшее» разрешение на прочтение дневников и мемуаров было дано, причем царь поставил условие, «чтобы записки и дневники брались частями и по возвращении взятых – брались следующие и чтобы секретность была соблюдена абсолютно».

12 августа 1913 г. министр народного просвещения Л. А. Кассо специальным отношением уведомил директора Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко о разрешении царя «предоставить во временное пользование» записки и дневники Шестакова начальнику Морского генерального штаба князю Ливену. Для получения и обратной доставки в библиотеку рукописей назначался капитан 2 ранга Е. Н. Квашнин-Самарин. В деле № 100 имеются расписки последнего в получении рукописей и заведующего Рукописным отделом И. А. Бычкова – в обратном их приеме от Квашнина-Самарина. Из этих расписок явствует, что первые три тома записок Шестакова были выданы Квашнину-Самарину 16 сентября 1913 г., а последние четыре тома дневников – 17 апреля 1914 г. (возвращены в библиотеку 19 мая 1914 г.).

Такое медленное «чтение» записок и дневников объясняется тем что Квашнин-Самарин, учитывая чрезвычайную их ценность для истории русского военно-морского флота, с разрешения князя Ливена предпринял смелый шаг: снятие с них машинописных копий. Эта работа выполнялась совершенно секретно и в самом спешном порядке – и днем и ночью.

Из «дела» видно также, что возвращение части дневников Шестакова было задержано из-за смерти Ливена. Последние четыре тома дневника «читал» [13] уже сам морской министр Григорович, предварительно испросивший на это вторичное разрешение Николая II.

По возвращении всех подлинных рукописей в библиотеку они снова были запечатаны в дубовой шкатулке. Машинописные же их копии хранились в Исторической части Морского генерального штаба в особом секретном шкафу. О существовании их знали лишь очень немногие. В 1919 г., после упразднения Морского генерального штаба, они были переданы (в составе собрания рукописей Исторической части) в Центральный военно-морской архив, где и находятся до настоящего времени.

В конце 1939 г. по поручению Военмориздата составлялся обзор рукописных материалов по истории революционного движения в царском флоте, хранящихся в Рукописном отделении Публичной библиотеки. Тогда-то и была окончательно вскрыта опечатанная дубовая шкатулка с записками и дневниками адмирала Шестакова, рукописи цолучили первичное описание и был поставлен вопрос об их напечатании.

Такова история рукописей мемуаров и дневников И. А. Шестакова, издаваемых ныне Военмориздатом.

[13] Пометка Григоровича на докладе Николаю II

АДМИРАЛ ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. С. ИСАКОВ

АДМИРАЛ ШЕСТАКОВ И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯ»

1

Предлагаемое вниманию читателя издание воспоминаний адмирала И. А. Шестакова «Полвека обыкновенной жизни» печатается по подлиннику рукописи, хранящейся в Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

До настоящего времени была сделана только одна попытка их публикации, ещё при жизни автора: в 1873 году «Русский архив», издаваемый Петром Бартеневым, напечатал первую главу «Воспоминаний» и то с значительными купюрами и без окончания[14], что можно объяснить только цензурными условиями. Ф. В. Чижов в кратком предисловии к этой главе писал: «Недавность передаваемых в них событий, имена действовавших лиц, или ещё живых оставивших представителями своего имени ближайших родственников, и то и другое не позволяет печатать эти записки вполне».

Первое ознакомление с рукописью, особенно в части характеристики и оценок, которые автор мемуаров дает Николаю I, показывает, что безуспешность попытки издания хотя бы нескольких глав (как обещал читателям Чижов), несомненно, была вызвана тем, что Николай I «оставил представителем своего имени» Александра II, которого отнюдь не устраивала широкая огласка таких критических и резких суждений о венценосном родителе, тем более, что они исходили от дворянина, флотского офицера действительной службы и флигель-адъютанта, т. е. от доверенного лица, причисленного к императорской свите. Конечно, суть дела была не столько в сыновнем благоговении к памяти отца, сколько в необходимости поддержания принципа «неприкосновенности особы монарха», которая обеспечивалась от любой публичной критики всей системой государственного управления и прежде всего цензурой.

По тем же причинам ещё более невероятно было бы ожидать опубликования «Воспоминаний» в царствование Александра III, особенно учитывая то обстоятельство, что к этому времени к основной рукописи прибавились более едкие дневники, а официальное положение автора ещё сильнее возросло: он стал генерал-адъютантом царя, полным адмиралом, наконец, управляющим морским министерством, т. е. одной из опор того самодержавия, которое он критиковал. Кроме того, необходимо учитывать, что Шестаков был известен не только в России, но и за границей,

[14] «Русский архив 1873, кн. 1, стр. 164–200

что придало бы публикации его мемуаров ещё более скандальный характер. В то же время, до самых последних своих дней, этот «беспокойный адмирал» не оставил привычки изливать в дневниках всё, чем возмущался, и видимо не отрекся от своих писаний прежних лет, так как, судя по завещательной записи, подготавливал их для опубликования после своей смерти. Естественно, что Александр III не мог допустить такого опасного прецедента, чтобы российские порядки и царствующий дом всенародно были охаяны одним из министров.

Вот почему мы находим в официальном отчете императорской Публичной библиотеки за 1889 год такое свидетельство: «Государю императору благоугодно было высочайше повелеть передать и означенный дневник, о котором в завещании покойного адмирала не содержалось никаких указаний, равным образом в императорскую Публичную библиотеку для совместного с помянутыми его записками хранения, с тем, чтобы как записки, так и этот дневник не были оглашены ранее пятидесяти лет со дня кончины адмирала Шестакова...»[15]

С 1889 года литературное наследство адмирала, запечатанное в деревянном ларце, было похоронено в архивах Библиотеки и тем самым было исключено из научно-исторического и литературного обихода. Можно предполагать, что публикация «Русского архива» все же сыграла положительную роль в том смысле, что спасла записки от полного сокрытия их в недрах «собственной его величества канцелярии» или просто от уничтожения. Дело в том, что, несмотря на старания министерства двора и даже второй жены покойного адмирала, в петербургских кругах знали не только о факте существования записок, но и о том, «что в дневнике Шестакова много обличений»[16]. В этих условиях уничтожить «Воспоминания» и позднейшие дневники, очевидно, не решились и, скрыв их за семью печатями с сомнительной ссылкой на волю самого Шестакова, предоставили разбираться с этим делом следующему поколению.

Но всё же в записки Шестакова пришлось заглянуть до наступления срока, установленного высочайшим повелением. Накануне первой мировой войны морской генеральный штаб, подготавливая предложения по усилению Балтийского флота и его баз, вынужден был обратиться к различным источникам и документам предшествовавшего периода, для обоснования своих расчетов. При этом вспомнили и о дневниках Шестакова.

По ходатайству начальника морского генерального штаба вице-адмирала А. А. Ливена, морской министр адмирал И. К. Григорович 22 июля 1913 года получил разрешение Николая II извлечь на короткий срок записки и дневники из хранилища, с тем, чтобы выбрать из них необходимые справки, «при условии сохранения абсолютной секретности». Эта оговорка к разрешению показывает, что последний

---

[15] Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893, стр. 123

[16] См. Дневник А. В. Богданович. «Три последних самодержца». Изд. Френкель. М.-П., 1924, стр. 93 (Запись от 17 апреля 1889 г.)

царь из дома Романовых кое-что знал о характере дневников Шестакова. Когда же начальник морского генерального штаба бегло ознакомился с содержанием записок, то заинтересовался ими шире, чем это нужно было для его служебной работы, и, вопреки указаниям царя, решил негласно снять с них копии. Несколько сотрудников Исторической части морского генерального штаба были посажены за перепечатку, получив приказание – во избежание огласки факта существования копии записок, самое копирование произвести скрытно, скопированные материалы хранить в секретном шкафу и не делать предметом праздного любопытства.

После снятия копий подлинники рукописи были по частям возвращены ничего не подозревавшему директору библиотеки, который снова их опечатал. Так появился на свет машинописный экземпляр рукописи Шестакова, но им мог пользоваться только исключительно ограниченный круг лиц морского министерства. С ликвидаций морского генерального штаба после Октябрьской революции, этот экземпляр попал в Центральный государственный военно-морской архив в Ленинграде, где и хранится до сего времени, в так называемом Сборном фонде.

Настоящее издание является публикацией в сокращенном виде «Воспоминаний» адмирала Шестакова, охватывающих период его жизни до 1881 года, т. е. до шестидесятилетнего возраста. Дневники, на основе которых автор написал эти воспоминания, названные им «Полвека обыкновенной жизни», очевидно, уничтожены, так как следов их обнаружить не удалось. Рукописи последующих дневников, за время министерской деятельности И. А. Шестакова, т. е. с 1882 по 1888 годы, ещё находятся в стадии изучения.

История рукописей Шестакова сама по себе представляет определенный археографический интерес[17], но мы ограничиваем свою задачу в данной статье разъяснением только одного вопроса, почему предпринято настоящее издание «Воспоминаний», причем не полностью, а в сокращенном виде.

2

Прежде чем ответить на этот вопрос, целесообразно кратко ознакомить читателя с основными биографическими данными об авторе «Воспоминаний», так как по ряду причин, и прежде всего из-за сокрытия его рукописей, имя И. А. Шестакова мало известно широкому кругу советских читателей, даже моряков, за исключением ограниченной группы военно-морских историков.

Мемуарный характер «Воспоминаний» освобождает от необходимости приводить подробности, но, поскольку сам Шестаков не особенно заботился о хро-

[17] Краткую историю рукописей читатель может найти в интересной статье научного сотрудника Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина А. Н. Михайловой: «Дневники и мемуары адмирала И. А. Шестакова». – «Морской сборник», 1946, № 2, стр. 119–123

нологии и рукопись прерывается накануне важнейшего этапа его жизни, а существующие о нём справки в биографических словарях и в старых энциклопедиях[18] грешат многими неточностями, мы приведем наиболее существенные моменты из его биографии.

Иван Алексеевич Шестаков родился 1 (13) апреля 1820 года в семье отставного морского офицера, состоявшего на гражданской службе. В десятилетнем возрасте он был отдан в морской корпус, директором которого в то время был известный мореплаватель адмирал И. Ф. Крузенштерн. В 1834 году Шестаков блестяще сдал экзамены, но не был выпущен в офицеры по молодости, так как имел от роду неполных пятнадцать лет. Оставленный при корпусе фельдфебелем гардемаринской роты, Шестаков, в результате нескольких столкновений с воспитателями, в частности за попытку организовать любительскую постановку комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», был исключен из училища и возвращен родителям.

Этот первый конфликт способного и своенравного юноши с блюстителями николаевских порядков, так печально для него закончившийся, бесспорно, сыграл некоторую роль при формировании личности Шестакова на первом этапе его сознательной жизни и помог ему уже с юношеских лет критически воспринимать и оценивать многие события, происходившие во время царствования Николая I, а также самого царя, с которым он неоднократно сталкивался.

В 1836 году М. П. Лазарев, друг его отца, бывший в то время главным командиром Черноморского флота и портов, согласился принять молодого Шестакова гардемарином и в дальнейшем следил за его воспитанием и службой. К декабрю 1837 года Шестаков уже имел значительный морской опыт, накопленный в блокаде кавказского побережья, получил солдатский георгиевский крест за один из боев и был произведен в офицеры.

Свое первое заграничное плавание в 1838–1840 годах на корвете «Ифигения» в Архипелаге и Средиземном море молодой любознательный мичман завершил переводом книги «Лоция Ионических островов и Архипелага, содержащая также наставление для плавания Дарданеллами, Мраморным морем и Константинопольским проливом», составленной английским гидрографом И. Нори. Эта книга, как полезная для моряков Черноморского флота, по приказанию адмирала Лазарева была издана в Николаеве в 1841 году.

В чине лейтенанта, назначенный адъютантом к М. П. Лазареву, Шестаков в 1843 году перевел на русский язык и издал 6 томов составленной Д. Джемсом «Истории Великобританского флота от времен французской революции по Наваринское сражение» (Николаев, 1845 г.).

---

[18] См. например: Русский биографический словарь, издаваемый Русским историческим обществом, т. (23). СПб., 1911, стр. 233–238; Леер. Энциклопедия военных и морских наук, т. 8. СПб., 1897, стр. 357–358. Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и Н. А. Ефрона, по-лутом 78. СПб., 1903, стр. 532 и др.

В последующий период жизни автор «Воспоминаний» выходит на поприще самостоятельной и ответственной деятельности.

С 1847 по 1850 годы, будучи командиром тендера «Скорый», Шестаков (совместно с Г. И. Бутаковым, командовавшим тендером «Поспешный») провел описные и гидрографические работы по всему черноморскому побережью, результатом чего было издание в 1851 году «Лоции Черного моря».

В 1850 году И. А. Шестаков был послан в Англию для наблюдения за постройкой паровой шхуны «Аргонавт», по готовности которой привел её из Лондона в Николаев. Этим определился весь последующий служебный путь будущего адмирала, который стал одним из первых командиров, а затем и строителей паровых кораблей, флагманом паровой эскадры и, наконец, одним из организаторов перевооружения русского флота на паровые винтовые и, позже, на броненосные корабли.

В 1852 году Шестаков вторично был послан в Англию для размещения заказа на постройку двух винтовых корветов[19]. Начавшаяся Крымская война не дала возможности закончить это поручение, и он вынужден был возвратиться в Петербург в необычной роли дипломатического курьера с извещением о разрыве с Англией.

Отличное выполнение двух командировок было отмечено тем, что Шестаков, несмотря на молодость лет и капитан-лейтенантский чин, был назначен в 1854 году членом пароходного комитета, руководившего разработкой проектов паровых судов и их постройкой. Дальнейшая его служба была связана с генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем, который, управляя морским министерством, в первое время окружал себя способными молодыми офицерами русского флота.

Во время Крымской войны Шестаков эпизодически привлекался к решению вопросов обороны Свеаборга и финских шхер, но главным его делом было проектирование и руководство спешной постройкой паровых канонерских лодок, предназначенных для обороны Кронштадта, а затем организация и наблюдение за постройкой винтовых корветов, заложенных в Петербурге.

В 1856 году, будучи капитаном I ранга, Шестаков командируется в США для заключения контракта и наблюдения за постройкой большого 70-пушечного винтового фрегата «Генерал-Адмирал». Постройка заняла два года, в течение которых автор «Воспоминаний» успел объездить северные и южные штаты накануне гражданской войны и побывать на Кубе. В качестве командира построенного корабля Шестаков после приемных испытаний привел его в 1859 году в Кронштадт и за успешное строительство и переход в Россию получил звание флигель-адъютанта.

С 1860 по 1862 годы Шестаков был в должности командующего эскадрой (из четырех паровых фрегатов) в Средиземном море, где совместно с английской и

[19] Английское правительство конфисковало корветы, почти законченные постройкой, дооборудовало их и послало в состав флота, действовавшего против России на Балтийском море, причем им были даны названия: «Казак» и «Татарин»

французской эскадрами участвовал в вооруженной демонстрации у Сирийского побережья, в связи с резней христиан, учиненной Турцией в своих владениях.

Помимо приведенных основных данных из послужного списка Шестакова[20], необходимо учитывать, что ещё со времени пребывания в Америке и позже, в Средиземном море, он вел деятельную переписку с министерством по важнейшим вопросам преобразования флота. Ему как исключительно сведущему моряку посылали из Петербурга на отзыв главнейшие проекты намечаемых преобразований, на что получали от него рецензии или контрпроекты. Таким образом он неофициально принимал активное участие в подготовляемой военной реформе, в создании новой организации флота и его перевооружении.

По возвращении в Петербург, уже контр-адмиралом, Шестаков был назначен членом морского ученого и кораблестроительного технического комитетов, в составе которых принимал активное участие в разработке мероприятий по обновлению флота и его органов управления. Переведенный в 1863 году на должность помощника главного командира Кронштадтского порта, в связи с ожидавшимся разрывом с Англией и Францией из-за попытки вмешательства их в польские дела, Шестаков много сделал для приведения крепости и флота в боеспособное состояние. Одновременно он руководил снаряжением и подготовкой к скрытному выходу крейсерской эскадры контр-адмирала С. С. Лесовского, для демонстрации у берегов Северной Америки. Плавание эскадры было затем отлично осуществлено и, оказав значительную моральную и фактическую поддержку северянам, в то же время расхолодило пыл англичан, ввиду создания реальной угрозы их океанским коммуникациям[21].

В этот период службы начинаются конфликты Шестакова с управляющим морским министерством Н. К. Краббе, авторитет которого Шестаков не хотел признавать и к карьере которого относился очень ревниво, так как Краббе не имел такого морского и боевого опыта, стажа командования и технических знаний, какими обладал сам Шестаков, ему подчиненный. Шестаков считал, что его начальник обязан своей карьерой исключительно придворной ловкости[22]. Последствием столкновений с Краббе явилось увольнение Шестакова с должности помощника главного командира Кронштадтского порта, а затем длительный заграничный отпуск, завуалировавший постепенное отстранение его от дел морского ведомства.

---

20 См. также Общий морской список. Часть 12. СПб., 1900, стр. 313–320

21 Значимость так называемой «американской экспедиции русского флота» определялась тем, что одновременно с внезапным появлением эскадры Лесовского у атлантического побережья США – эскадра контр-адмирала Попова появилась в Сан-Франциско, сделав переход из Владивостока

22 Шестаков в своей оценке Краббе сходится с Д. А. Милютиным, который в своем «Дневнике» дает Краббе-министру уничтожающую характеристику: «Что же касается адм. Краббе, то его едва ли можно и считать в числе министров: принятая им на себя шутовская роль и эротические его разговоры ставят его вне всякого участия в серьезных делах государственных» (Дневник Д. А. Малютина. 1873–1875. Том первый. М., изд. Госуд. Библиотеки им. Ленина, 1947, стр. 120)

По возвращении из отпуска, в 1856 году, вытесненный с флота Шестаков в поисках работы перешел в министерство внутренних дел и был назначен таганрогским градоначальником. С болью в сердце расстался адмирал с любимым делом, но, верный своим убеждениям и характеру, с тем же рвением принялся за работу на новом поприще. Затем, в 1868 году, Шестаков получил назначение на должность виленского губернатора, однако и здесь не смог удержаться больше одного года. Разойдясь во взглядах по вопросам управления с генерал-губернатором А. Л. Потаповым и не допуская вмешательства в свои методы работы, он пошел на открытый разрыв со своим начальством, за что был уволен с должности, исключен из свиты царя и снова зачислен в списки флота.

Это был третий случай в жизни Шестакова, когда обрывалась его служебная карьера из-за нежелания приспосабливаться к начальству, которое он не уважал. Так как главой морского министерства оставался всё тот же Краббе, к этому времени произведенный в полные адмиралы, то Шестакову не удалось найти достойного приложения своих сил и способностей, почему в 1869 году он ушел в отставку и уехал за границу для лечения жены. Вынужденное бездействие продолжалось более трех лет, после чего опальный контр-адмирал в отставке предпринял попытку возвратиться к практической деятельности. Не желая совсем терять такого полезного человека, но в то же время намереваясь держать его подальше от министерства, как опасного конкурента, Краббе, при содействии Константина Николаевича, создал специально для Шестакова должность «временного морского агента в южных государствах Европы, в Австрии и Италии», на которую неудобный адмирал был назначен в 1873 году. Этот период военно-дипломатической работы затянулся почти на восемь лет, причем Шестаков сумел на ней успешно применить свои знания и опыт и дал много ценных материалов для русского морского министерства по технике и организации европейских флотов, интенсивно развивавших броненосное судостроение.

После смерти Краббе (1876 г.) опальный адмирал первое время не возвращался в Петербург по той причине, что его жена угасала от туберкулеза, и только в 1881 году, когда она скончалась, он снова начал активную службу во флоте, будучи назначен председателем кораблестроительного отделения морского технического комитета, в котором возглавил разработку новой морской кораблестроительной программы, рассчитанной на двадцать лет.

Долголетний опыт, накопленные технические знания и неукротимая энергия позволили ему сразу же выдвинуться на этой работе, и, вскоре после вступления на престол, Александр III назначил его управляющим морским министерством (11 января 1882 года). Наконец адмирал добился цели и теперь мог, в известной мере, реализовать те свои замыслы, которые вынашивал долгие годы.

За шесть лет управления министерством И. А. Шестаков развил исключительно напряженную деятельность по созданию русского броненосного флота и развитию вонных портов и баз. Он беспрестанно объезжал заводы, верфи, приморские крепости (включая

Владивосток), особое внимание уделял любимому им Черноморскому флоту. Одновременно Шестаков не менее энергично занимался проблемой организации управления, подготовкой и воспитанием кадров флота. Пользуясь относительным доверием царя, он имел довольно широкие возможности, ограниченные только финансовыми затруднениями государства и слабостью отечественной промышленности. Однако и на этот раз планы Шестакова нашли серьезную помеху в лице великого князя Алексея Александровича, нового генерал-адмирала (с 1883 года) и номинального главу морского ведомства, бездарного и совершенно равнодушного к судьбам флота. Упорно отстаивая свою линию, Шестаков всё же не рискнул идти на открытый конфликт с окружением Алексея, а ограничивался тем, что свое негодование и презрение к августейшим бездельникам изливал в дневниках, которые продолжал вести до последних дней жизни.

Смерть застала адмирала Шестакова 21 ноября (3 декабря) 1888 года, на шестьдесят девятом году жизни, в любимом им Севастополе, во время очередной служебной поездки, когда уже были спущены на воду его детища – броненосцы «Чесма» и «Екатерина II».

В заключение надо прибавить, что с ранних лет Шестаков старался принимать участие в общественной жизни, правда, в самых скромных рамках, допускаемых дворянско-помещичьей средой николаевской эпохи. Наиболее значительным выражением этой деятельности является его участие в периодической печати не только по узко профессиональным вопросам, но и по разным другим проблемам, с которыми он апеллировал к русской общественности. Очевидно по этой причине Иван Алексеевич Шестаков, даже помимо своих мемуаров и дневников, был зачислен в список русских писателей[23].

Как видно из этого краткого перечня, жизнь Шестакова была довольно интересной и разнообразной, поэтому название, избранное им для воспоминаний, – «Полвека обыкновенной жизни» – приходится принять как претенциозный авторский прием. Более подробное знакомство с мемуарами показывает, что для своего времени и для того класса, из которого вышел Шестаков, жизнь его была не совсем обычной.

3

Ознакомление с настоящими мемуарами, некоторыми свидетельствами современников, а также с теми официальными документами морского министерства, которые имеют отношение к жизни и деятельности И. А. Шестакова, позволяет восстановить основные черты его внутреннего облика.

[23] См. Д. Д. Языков. «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей». Выпуск восьмой. М., 1900, стр. 129–130. Надо оговориться, что в этом обзоре приводится не более одной пятой публикованных литературных трудов И. А. Шестакова, так как только за период с 1858 по 1862 гг. в «Морском сборнике» опубликовано 36 его статей и докладов

Прежде всего Шестаков должен быть отмечен, как талантливый и передовой для своего времени офицер русского флота. Воспитанник лазаревской школы второго поколения, которая вслед за Нахимовым, Корниловым, Истоминым и другими дала таких его сверстников, как Г. И. Бутаков, А. А. Попов, С. С. Лесовский, – он принадлежал к той группе моряков, на долю которых выпала видная роль возрождения русского флота после упадка его в царствование Николая I и трагической расплаты во время Крымской войны. Наряду с другими сотрудниками великого князя Константина Николаевича, Шестаков был участником военной реформы шестидесятых годов и активным деятелем последующих преобразований флота.

Шестаков жил и работал в исключительно интересный период последовательного перехода от парусного флота к паровому и от деревянного корабля к железному, а затем к броненосному. Начав службу на парусных кораблях, он позже принимал участие в постройке и плавал на пароходо-фрегатах смешанной конструкции, имевших деревянные корпуса и рангоут одновременно с паровыми машинами, затем строил паровые корабли с железными корпусами, но с сохраненным парусным вооружением (для увеличения района плавания) и, наконец, был организатором постройки первых броненосных кораблей русского флота. Таким образом, вся техническая эволюция флота, происшедшая в течение середины XIX века на базе общего индустриального развития, прошла при непосредственном и активном участии Шестакова.

Можно напомнить, что лучшие офицеры этой плеяды, несмотря на то, что в морском корпусе не получали инженерной подготовки, став зрелыми командирами, сумели сочетать в себе способности конструкторов и строителей кораблей новых типов (А.А. Попов, И. А. Шестаков и др.)[24] благодаря высокой технической грамотности и непрерывной работе над совершенствованием своих знаний. Эта традиция была продолжена в следующем поколении С. О. Макаровым, который, будучи строевым офицером, стал изобретателем первых торпедных катеров, создателем первого в мире мощного ледокола «Ермак» и многих усовершенствований в оружии флота, а также корифеем современной теории кораблестроения А. Н. Крыловым, который начал службу, а затем и научную деятельность во флоте по окончании морского корпуса.

Любовь к флоту, привитая с детства ветераном-отцом, лазаревская школа, воспитавшая чувство ответственности за поручаемое дело и сознание значимости профессии военного моряка для государства – были той благоприятной почвой, на которой И. А. Шестаков, благодаря упорному изучению военных наук и современных технических проблем, относящихся к кораблестроению и вооружению, сделался одним из образованных и передовых в профессиональном отношении офицеров рус-

24 К этой же категории людей должен быть отнесен капитан 1 ранга А. Ф. Можайский (1825–1890), бывший опытным строевым офицером с большим стажем плавания и талантливым конструктором, ему принадлежит не только идея создания первого в мире самолета, о разработке его технического проекта и сама постройка

ского флота. Этому же способствовало обстоятельное ознакомление с состоянием промышленности и техническим уровнем Англии, США и других стран, а также с организацией их морских сил.

Любя море и свою специальность, он в то же время был достаточно широко развит, чтобы уметь выходить за рамки узко профессионального мышления. Об этом свидетельствуют его успехи на военно-дипломатическом поприще, интерес к общественным явлениям и осуждение той отчужденности морских офицеров от армии, т. е. того флотского чванства, которым были заражены его товарищи по оружию даже в период боевого взаимодействия с сухопутными войсками.

Пожалуй, ничто так не выделяет Шестакова из среды его сослуживцев и особенно преемников по морскому министерству, как правильное понимание роли флота в составе вооруженных сил России. Будучи отличным моряком, ревниво отстаивавшим интересы флота на всех этапах своей деятельности, он в то же время никогда не был сторонником идей самодовлеющей морской мощи и самостоятельной морской стратегии, заимствованных многими русскими офицерами из теоретического арсенала британского флота.[25]

В одной из своих докладных записок «О десантной емкости кораблей», Шестаков писал: «...нужно иметь постоянно в виду, что нам придется всегда действовать рука об руку с армией». Важно отметить, что к такому заключению он пришел не в итоге решения технической проблемы (десантной емкости), а на основе анализа конкретных условий политической обстановки, своеобразия географического положения России и из учета вероятных стратегических задач, стоящих перед её вооруженными силами в целом.

Агентские донесения Шестакова для своего времени могут быть названы образцовыми, так как он никогда не ограничивался только точной статистикой, всегда сопровождал свои наблюдения обстоятельным и критическим анализом и не боялся делать весьма смелые прогнозы. Не его вина в том, что многие ценные сведения, сообщаемые им из-за границы, оставались неиспользованными и хоронились в сейфах морского министерства. Признание отчетов и предложений Шестакова автоматически должно было повести к признанию их автора, а это не устраивало его недоброжелателей в министерстве.

Участие в операциях у кавказского побережья и под Кронштадтом, командование кораблями и, позднее, эскадрой, длительные плавания и строительство кораблей обогатили Шестакова боевым, командным и техническим опытом, который очень пригодился ему во время работы под шпилем петербургского Адмиралтейства и в последующем помог сохранять живую связь с флотом, понимать его нужды и потребность в непрерывном совершенствовании. Иначе говоря, он обладал теми качествами, которые создали ему прочный авторитет, так нехватавший многим его

[25] В тексте статьи, подписаной адмиралом Исаковым к печати, эта последняя фраза была им вычеркнута

предшественникам типа маркиза де Траверсе, светлейшего князя Меншикова, адмирала Краббе и других руководителей морского министерства, из числа случайных для флота людей или вышедших из флота, но бывших не столько моряками, сколько придворными или классными чиновниками.

Умерший в 1945 году Герой Социалистического Труда академик А. Н. Крылов приводит в своих воспоминаниях интересную сцену, происшедшую при встрече Шестакова-министра с известным физиком Краевичем в стенах Морской академии и характеризующую Шестакова как человека, глубоко понимавшего необходимость перестройки учебного процесса для подготовки кадров флота в новых условиях, и тут же добавляет от себя: «Шестаков был умный человек»[26]. Надо полагать, что вытеснение парусных кораблей паровыми броненосными происходило с меньшими затруднениями, чем изменение «парусной» психологии старых морских сановников, засевших в различных органах морского ведомства и в Адмиралтейств-совете. Впрочем, эти блюстители «священных традиций» крепостнической эпохи сопротивлялись не столько введению паровых машин и винтов, сколько нарушению старых порядков, на смену которым неизбежно приходили новшества, связанные с коренной реформой всей организации вооруженных сил.

Не менее ценно другое свидетельство А. Н. Крылова, показывающее, как престарелый Шестаков до конца своих дней не утратил интереса и понимания полезности новейших технических усовершенствований для развития морского дела. За два года до смерти морской министр высмотрел на первой электротехнической выставке в Петербурге (1886 г.) экспонированные парижской фирмой Брегэ дромоскоп и дефлектор французского адмирала Фурнье и тотчас предложил Гидрографическому управлению создать специальную комиссию для сличения их с отечественными приборами[27]. Сравнение показало, что в русском флоте изученность вопросов, относящихся к девиации магнитных компасов, стоит на значительно более высоком уровне и что нам нечему учиться у французов, но в данном случае важно отметить стремление Шестакова не упустить ничего нового, изучить и, если годится, использовать. Ещё более характерен интерес, проявленный адмиралом к первым проектам автоматического путепрокладчика (Джевецкий-Брауэр), построенного в России в 1873–1876 годах[28], т. е. к тому сложному навигационному прибору, который смог получить удовлетворительное конструктивное завершение только пятьдесят лет спустя.

Эта способность заглядывать вперед и предусматривать направление технического прогресса является характерной чертой Шестакова. Она подчеркнуто выявилась в период работы междуведомственной комиссии, решавшей вопрос о приобретении одного из первых образцов торпед. В то время как представители военного ведомства высказались против покупки, один Шестаков настаивал и настоял

26 А. Н. Крылов. Мои воспоминания. М.-Л., изд. Академия наук СССР, 1945, стр. 111
27 Там же, стр. 88
28 Там же, стр. 89

на приобретении торпед, так как отчетливо понимал, что именно этот вид оружия имеет перспективу и будет непрерывно совершенствоваться. Только благодаря его настоянию русский Черноморский флот смог первым применить торпеду в боевых условиях, а Степан Осипович Макаров – держать в страхе намного более сильный турецкий флот, находившийся под командованием английского наемника на турецкой службе адмирала Гобарт-паши, и нанести ему чувствительные потери (в русско-турецкую войну 1877-78 гг.).

Тяготение к новому, передовому во всех областях морского дела и потребность учиться этому новому, чтобы передать знания своим подчиненным, неизменно сопровождают Шестакова до последних лет жизни.

Сейчас, задним числом, можно оспаривать целесообразность некоторых его административных начинаний и нововведений в области организации флота, можно продолжить старую дискуссию о вреде установленного им ценза при прохождении службы офицеров, но в целом прогрессивная и полезная роль Шестакова в истории русского флота остается бесспорной.

Не Шестаков несет ответственность за то, что у него не было достойных преемников и что, несмотря на все его труды, последующий период существования русского флота закончился, через двадцать семь лет, разгромом на Дальнем Востоке. Империю Александра III и первый период царствования Николая II после Шестакова обслуживали три бесталанных и вороватых морских министра – Н. М. Чихачев, П. П. Тыртов и Ф. К. Авелан, – больше связанных с Зимним дворцом, чем с флотом. Эти адмиралы вполне отвечали требованиям авантюристической и реакционной политики русского самодержавия, приведшей к «преступной и позорной войне», в которой «военное могущество самодержавной России оказалось мишурным[29]. Наличие в составе русского флота отдельных талантливых флагманов и капитанов, как выдающийся флотоводец, изобретатель и ученый С. О. Макаров, даровитый адмирал Н. О. Эссен, или знаменитых кораблестроителей, вроде И. Г. Бубнова и А. Н. Крылова, конечно, не могло повлиять на общий ход событий.

Поэтому, временно оставляя в стороне вопрос о значимости публикуемых воспоминаний в части, касающейся общественной и политической жизни России прошлого века, можно сказать, что авторитетность свидетельств автора в области специальных вопросов, относящихся к жизни и деятельности флота на рубеже двух технических эпох, должна быть оценена достаточно высоко, конечно, при условии критического учета субъективных моментов, неизбежных в любых мемуарах. Объективная ценность «Воспоминаний» адмирала Шестакова именно в этой области возрастает благодаря тому, что описываемый им период истории нашего флота (между Крымской и русско-японской войной) изучен и освещен в литературе очень слабо.

[29] В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд., том 8. Госполитиздат, 1947, стр. 12 и 35

Первое впечатление от разнохарактерного содержания мемуаров может натолкнуть на мысль о том, что автор воплощает в себе тот тип «просвещенного» русского барина, который обладал обширными и разносторонними, но дилетантскими познаниями во многих областях знаний и никогда не умел приложить свои силы хотя бы на скромном, но полезном практическом поприще. Однако такое впечатление было бы ошибочным.

В данном случае мы имеем дело с весьма практичным, целеустремленным и энергичным человеком, умевшим напористо добиваться поставленной цели и принесшим много реальной пользы русскому флоту. Пространные рассуждения на историко-философские темы, дидактическое резонерство по религиозно-моральным вопросам и дилетантские рассуждения об искусстве, попадающиеся в его дневниках (кстати сказать, лучше всего иллюстрирующие идеалистическую философию автора), обусловлены прежде всего **вынужденным бездельем**, на которое обрекали Шестакова его начальники, подвергая опале.

Сам Шестаков так отзывается о себе в одном из писем, относящемся ещё к 1853 году: «Деятельность для меня необходима, и я сложу руки разве только в гробу»[30]. Он оказался верен себе и умер во время служебной командировки, до последнего момента лично руководя строительством флота и Севастопольского порта, хотя к этому времени уже не мог ходить и его возили в специальном кресле.

Характерной чертой Шестакова, которая определяет почти все помыслы и деяния его жизни, является его любовь к родине. Это – одна из самых сильных сторон его личности, определяющая многие поступки автора «Воспоминаний» и поднимающая его над большинством коллег, эгоизм которых и преклонение перед всем иностранным так претили Шестакову даже в ту эпоху, когда, по выражению Герцена, «у Петербурга душа [была] на Западе».

Именно при путешествиях на Запад контрасты начинались каждый раз уже непосредственно на границе, и Шестаков с досадой и горечью вспоминает за рубежом свою страну, где «в столице человек теряет достоинство, а в провинции тухнет всякая искра благодатной мысли», где все «действия основаны на тупой вере в традиции или непогрешимость одного смертного», т. е. царя. Однако, как бы ни были сильны эти контрасты, Шестаков ни на минуту не отрекается от своей родины, от всего русского и делает всё возможное, чтобы поддержать достоинство России.

В одном из посланий А. В. Головнину он пишет: «Долг совести побуждает меня помнить, что я прежде всего русский, а потом уже русский моряк». И до конца своих дней Шестаков не изменил этому долгу, заботясь не только о росте и усилении русского флота и его кадров, но и о развитии отечественной судостроительной промышленности. В воспоминаниях, как и в материалах, относящихся к практической

[30] Письмо из Лондона, опубликовано Л. И. Шестаковой, сестрой композитора М. И. Глинки. – «Русская старина», т.LXII, апрель 1889 г.

деятельности адмирала, нельзя найти тенденции призывать варягов, т. е. привлекать иностранных советников или инструкторов к делу строительства и организации управления русским флотом или другими областями государственного механизма. Шестаков всегда делал ставку на русского человека, умел выискивать самородков и выдвигать способных русских людей. Он искренне радуется, когда узнаёт, в критический период полукустарной постройки канонерских лодок, что для расточки парового цилиндра корабельной машины смекалистый чиновник Путилов (будущий известный заводчик) ухитрился успешно использовать... каретную мастерскую министерства двора, конечно, без ведома дворцового начальства. С теплотой и гордостью вспоминает строителя первых канонерок, «золотые руки» богатого на выдумку крепостного мастерового и мечтает о тех возможностях, которые открылись бы, если б русский крестьянин был поставлен в более человеческие условия.

Конечно, с позиций либерального дворянства, но он искренне любил Россию и русский народ (см. его оценку Отечественной войны как народной: «в двенадцатом году поднялась на врага земля» и др.). Находясь длительное время за границей и следя за техникой кораблестроения, Шестаков, не переставая, думал о России, и, периодически возвращаясь домой, стремился не подражать, но, критически переработав, применить в русских условиях всё полезное, чему научился.

Следующий отрывок из его письма характеризует отношение Шестакова к использованию иностранной кораблестроительной техники: «Путятин говорил против постройки судов в Англии и в этом был совершенно прав, но, увлекшись успехами новых английских винтовых фрегатов, хотел, чтобы мы снимали с них копии, и решительно браковал заказываемые мной большие корветы». Суть же дела заключалась в том, что Шестаков заключил контракт на постройку корветов по оригинальным тактико-техническим заданиям, утвержденным вице-адмиралом В. А. Корниловым, в элементах которых были учтены особенности Черного моря и выполнения намечаемых боевых задач по взаимодействию с армией (включая переброску десанта и его последующую поддержку). Таким образом, свой проект, составленный с учетом конкретных задач и театра, Шестаков **противопоставлял** «английской копии», кстати сказать, рассчитанной на охрану колониальных, т. е. океанских коммуникаций.

Для правильной оценки взаимоотношений морского ведомства с иностранной промышленностью и роли самого Шестакова, необходимо подчеркнуть, что заказывавшиеся за границей суда строились не только по отечественным требованиям или эскизным проектам, но очень часто были для своего класса кораблей – передовыми образцами современной военной и технической мысли, служившими затем прототипом для иностранных флотов. Особенно это видно на примере постройки винтового фрегата «Генерал-Адмирал», с весьма оригинальными для того времени элементами. Таким образом, заграничные заказы для Шестакова были **вынужденным** методом реализации русских идей, для осуществления которых не было ещё

собственной промышленной базы. Иностранные фирмы и адмиралтейства охотно шли на выполнение таких подрядов, так как, помимо коммерческой прибыли, имели возможность заимствовать достижения нашей отечественной науки и в то же время тормозить развитие русской судостроительной промышленности.

Пробыв в общей сложности более пятнадцати лет за границей, Шестаков все же не стал одним из тех англизированных россиян, какими были многие его коллеги и начальники, даже не выезжавшие из Петербурга. В этом патриотизме и в принципиальности Шестакова – источник его большой моральной силы.

Вот почему он презирает эмигрантов-легитимистов, которым русский двор и дворянское общество из чувства классовой солидарности широко открыло свои салоны и кошельки и о которых автор воспоминаний иронически говорит, что эти «поборники добрых начал нашли в доброй России больше, нежели потеряли в прекрасной Франции». Очевидно, за примерами не приходилось далеко ходить: молодой Шестаков застал ещё последствия «управления» маркиза де-Траверсе; будучи лейтенантом, наблюдал французских помещиков, вернее, плантаторов, высочайшим повелением наделенных русскими рабами на побережье Новороссии; позже встречал их в качестве консулов и советников русских посольств, не утруждавших себя изучением русского языка, но представлявших интересы российской империи в других странах. Не склонен Шестаков романтизировать и янки: «Не ищите в Штатах высоких нравственных побуждений, они не существуют»[31]. Озабоченный тем, как «избавить Россию от тяжкой подати иностранным заводчикам», Шестаков, несмотря на все свои симпатии к общественному укладу США того времени, отвергал соблазнительные предложения, когда «многие, симпатизирующие нашим рублям американские пройдохи не давали покоя своими проектами и требованиями о доставке оружия, новых снарядов и т. п.».

Принадлежность к морской профессии избавила нашего капитана, а затем и адмирала, от увлечения и прусской системой с её эффектными победами в 1870–1871 гг., высоко оцененными при русском дворе, так как старейшему русскому флоту с его славной историей нечему было учиться у потомков ганзейских купцов, только начинавших обзаводиться морской силой.

Нельзя, конечно, исключать и эгоистических побуждений в линии поведения Шестакова. Будучи весьма честолюбивым и самоуверенным, он своего личного упустить в жизни не хотел и напористо добирался к кормилу правления флотом. И там, где его признавали и продвигали, его критический пафос охлаждался, как было первое время при великом князе Константине Николаевиче, и, наоборот, там, где ставили препоны его служебной карьере, Шестаков становился жестоким обличителем интриганов типа Головнина, Крабе или, позже, великого князя Алексея. Но к чести автора «Воспоминаний» надо сказать, что его честолюбие по существу было здоро-

[31] Его статья «Между делом». – «Морской сборник», 1858. № 11. Часть неофициальная, стр. 25

вым. Он добивался своего признания непрестанным совершенствованием и полезной деятельностью, никогда не поступаясь чувством долга перед родиной и не прибегая к недостойным средствам, чтобы получить лишний орден или чин. Личные стремления к власти он в значительной мере сочетал с желанием добиться такого положения и условий, при которых мог бы приносить ещё большую пользу русскому флоту.

За Шестакова говорит и его принципиальность в серьезных вопросах, и чувство собственного достоинства. В тех случаях, когда ему, что называется, наступали на ногу, он не боялся идти на конфликт, даже если знал, что тем самым испортит себе карьеру. Три раза своенравного Шестакова сбрасывали с намеченного им пути, и все три раза он не пошел на компромисс с своей совестью, чтобы ничем не быть обязанным персонам, которых он не уважал.

Так, в кратком виде, может быть охарактеризован профессиональный и моральный облик довольно необычного царского градоначальника, губернатора и, наконец, министра, который нажил себе много врагов, но не нажил капитала; не был акционером иностранных или российских фирм; всю жизнь прожил на содержание, получаемое от казны, и после смерти не оставил вдове ничего, кроме пенсии.

4

Отдавая должное Шестакову как крупному специалисту, честному патриоту и интересному мемуаристу, тут же надо оговориться, что его никак нельзя идеализировать. Также было бы ошибкой преувеличивать государственную роль Шестакова вне сферы компетенции морского ведомства. В последнем отношении он намного уступает, как государственный деятель, такому своему современнику, как Д. А. Милютин.

Шестаков бесспорно выделяется из рядов своих коллег-администраторов или товарищей по оружию, хотя бы потому, что научился находить в основе всех социальных явлений экономические предпосылки. Он убедился в том, что пришедшая к власти буржуазия подняла Англию, Францию и США на более высокий социальный и экономический уровень, намного обогнав абсолютную монархию Романовых с средневековым землевладением, при котором невозможно было дальнейшее развитие производительных сил России, вопреки общему ходу исторического процесса. Больше того, присмотревшись пристальнее к развитию промышленного капитализма в Великобритании, в параграфы конституции, которой он первое время непреложно верил, Шестаков понял даже то, что «влияние промышленности иногда насилует правительство», хотя и не понял того, что это правительство обслуживает только интересы промышленников и ленд-лордов и что «насилие» вскрывается только тогда, когда их притязания вступают в противоречие.

Весьма возможно, что если бы отставной капитан-лейтенант и провинциальный совестный судья Алексей Антипович Шестаков оставил в наследство своему сыну Ивану тысячи крепостных и большие поместья, то мы имели бы перед собой воспоминания о полувеке действительно обыкновенной жизни обыкновенного русского помещика. Но иные материальные условия, в которых оказался Шестаков, сразу же постаравшийся избавиться от нескольких бездоходных десятин и сотни крепостных, помогли сформироваться более современному мировоззрению, довольно типичному для некоторых представителей мелкопоместного и незнатного дворянства в эпоху расцвета промышленного капитализма, и сделали автора мемуаров убежденным врагом крепостного права.

Однако в своих социально-политических выводах Шестаков не смог подняться выше позиций буржуазного либерализма. Его политическое кредо определялось мечтой о конституционной монархии, во главе с «добрым и просвещенным» царем. При этом он твердо верил, что путем последовательных реформ, гуманной политики и честного служения родине со стороны дворянства и самого «первого дворянина» можно было бы вывести Россию из экономической и культурной отсталости без особых потрясений.

Любые более радикальные социальные взгляды он считал «безумными фантазиями» и категорически восставал против «буйств и зверства», т. е. каких-либо насильственных, революционных действий, для достижения даже своих скромных политических чаяний.

В роли виленского губернатора, вступившего в оппозицию к генерал-губернатору, это был всего только педантичный законник, не признававший административного произвола генерала Потапова, заигрывавшего с польскими магнатами. Но законность, которую отстаивал Шестаков, была царской законностью России, примененной к условиям колонизированной Польши. Вряд ли строгое выполнение установлений российской империи приносило какое-либо облегчение участи закабаленных польских крестьян и рабочих.

Взывая к тени Петра Первого, долго и тщетно присматривался Шестаков к представителям царствующего дома и его окружению, отыскивая тех людей, которые могли бы, по его мнению, выполнить историческую миссию преобразования России в «идеальную монархию», но так и умер, не найдя своего идеала. Одно время он готов был видеть в великом князе Константине Николаевиче человека, способного, по его мнению, выполнить эту миссию, но очень скоро разочаровался в нем, так же как и в Александре II и, позже, в Александре III.

Но служил он им всем честно, не жалея своих сил.

На первый взгляд кажется противоречивой следующая коллизия: офицер из помещиков-дворян, причисленный к свите царя, хотя и с периодическими провалами, но всё же двигающийся по иерархической лестнице до предельных высот, всю жизнь остро критикует не только царей, великих князей и сановников, но и суще-

ство некоторых особо вопиющих сторон самой системы государственного устройства. Следующие основные причины обусловили возможность появления такого феномена.

Прежде всего, отсутствие у Шестакова больших поместий или капитала и перспективы их получения в будущем. Кроме того, военно-морской флот по своей технической сущности всегда предъявлял самые повышенные требования к тяжелой промышленности и часто даже стимулировал достижение более высокого уровня конструктивной мысли, нового качества материалов или более совершенной технологии. Вот почему глубокое изучение своей профессии, участие в проектировании и постройке кораблей привело Шестакова к изучению не только отечественных возможностей, но и экономики, технических условий производства и положения рабочих в капиталистических странах Западной Европы и Америки. Естественно, что для способного и образованного офицера такие наблюдения были поучительны не только в области его морской специальности.

Несмотря на внешнее увлечение парламентской системой Англии и государственным устройством Соединенных Штатов того времени, Шестаков сумел сохранить изрядную долю критического отношения к виденному и слышанному, подмечая оборотную сторону медали. Так, например, первое посещение редакции и типографии «независимой» газеты «Таймс» произвело на неопытного флотского офицера такое сильное впечатление техническим оснащением и оперативностью организации, что он узрел в этом органе самых консервативных кругов правящей верхушки подлинный и нелицеприятный голос английского народа. Но, приглядевшись к жизни и сопоставив фактические события с фальсифицированной информацией и тенденциозными комментариями, он написал: «Ещё до Синопа я начал войну с «Таймсом» по поводу его лживых отчетов о наших действиях и, когда он отказался напечатать мое письмо, – обратился в «United Service Gazette». После того, как и эта газета уклонилась от публикации его опровержений, Шестаков окончательно убедился, насколько ошибался в своем представлении о «свободе печати» в руках британской буржуазии, уже предвкушавшей прибыли от предрешенной войны.

Подобные разочарования (а их было немало, как в Европе, так и в Америке) всё же не могли смягчить глубокой неудовлетворенности от уродливых общественных и политических условий российской действительности. К тому же история подвела некоторые итоги, вследствие которых офицер-патриот тяжело пережил гибель любимого им Черноморского флота, падение Севастополя и последующее принятие унизительных статей Парижского трактата. Но главное заключалось в том, что за поражением вооруженных сил и дипломатии он ясно различал поражение режима. Поэтому корни оппозиционности Шестакова заключались в осознании отсталости России, губительности внутренней политики и несостоятельности некоторых притязаний во внешней. Недаром он пишет, что был свидетелем «многих лет беспримерного гнета, сотен тысяч жертв и великого национального унижения».

В этом – основная причина его горечи, неудовлетворенности и того негодования, которое он изливал в дневниках, и в этом же можно найти объяснение значительной части его поступков.

Не русский народ, долготерпение которого и героизм в критические для родины моменты он наблюдал на протяжении своей сознательной жизни и прошлое которого знал из истории, нес ответственность за свою отсталость.

Поэтому Шестакову, умному, либерально настроенному и честному, претили коррупция и эгоизм царской бюрократии, паразитическое существование августейших особ, косность и бессмысленная жестокость помещиков, с преступным упорством тормозивших развитие России и делавших её аграрным придатком к Западной Европе из личных, корыстных побуждений и из страха перед неизбежным ростом пролетариата. Привыкнув с юных лет добиваться своей цели упорной работой, Шестаков презирал влиятельных бездельников – не только безграмотных и бездарных, но и более способных и образованных, как светлейший князь А. С. Меншиков и прочие ему подобные, – тем самым наживая всё больше врагов из рядов своего класса.

Чем же объяснить то, что он добился высокого ранга в рядах той иерархии, которую критиковал, и почему ему временами прощались отдельные выходки и критика существующих порядков и главных фигур империи?

Такое положение можно объяснить тем, что свои протесты и сетования он изливал интимно, в дневниках, и самые резкие из них отнюдь не оглашал всенародно. Благодаря этому общественное значение критики Шестакова оставалось **ничтожным**. Те же немногие обличительные статьи и выступления, которые выносились им наружу, не выходили из рамок того легального либерализма, который, под давлением событий, допускался иногда официальной цензурой.

Дальше фрондерства, конфликтов с бездарным начальством, резких докладов и острых сарказмов в мемуарах Шестаков не пошел. Он хотел врачевать болезни монархического строя, но вовсе не предполагал потрясать его устои. Больше того, как только этим устоям грозила реальная опасность, он готов был бороться с любым видом революционной угрозы.

Презирая значительное число представителей своего класса, Шестаков в то же время органически не был способен **бороться** против этого класса как такового, так как для России не допускал приемлемой даже буржуазную республику. Не случайно поэтому, что он смог стать министром в самый мрачный период реакции. Вынужденный приспосабливаться к режиму и пряча свое частичное возмущение и недовольство в дневниках, которые скрывал от нескромных взглядов, Шестаков был использован целиком в интересах реакции, вместе со своим платоническим либерализмом, который к тому же с годами значительно тускнел.

Такой человек, как Шестаков, был необходим всем трем царям благодаря своим знаниям, опыту, энергии и честности, с которой он служил родине, т. е. монар-

хии, так как он отождествлял эти понятия. Вот почему «беспокойному адмиралу» прощались изредка резкие выражения в докладных записках или в официальных телеграммах.

Критическое отношение к правящей клике привело к тому, что адмирала терпели, но использовали преимущественно как морского специалиста, техника, организатора флота и не подпускали к тому интимному дворцовому кругу, который определял внешнюю и внутреннюю политику России и в то же время служил посредником для иностранного капитала. У этой правящей клики хватало ума понять, что на открытый разрыв со своим классом Шестаков не пойдет. Больше того, когда появилась угроза того, что смещенный и обиженный губернатор мог сделать критически шаг, как было в момент отъезда за границу опального контр-адмирала, то в Петербурге догадались, играя на чувствительных струнах его души, учредить для него специальную должность и придумать интересную работу (морского агента), после чего периодически посылали ордена и однажды даже поздравили с производством в вице-адмиралы. Благодаря этому Краббе и Головнину с высочайшего благословения удалось «обезвредить» Шестакова почти на восемь лет. Сейчас трудно сказать, насколько серьезно в морском ведомстве пользовались плодами его зарубежной работы с 1873 по 1881 год. Ушедший с головой в изучение организации иностранных флотов и новой техники кораблестроения и вооружения, Шестаков так до конца и не понял, что его морально шантажируют.

Попытка его хотя бы после смерти рассчитаться со своими оппонентами также не удалась. Опять самодержавие оказалось сильнее, и на записки и дневники Шестакова был наложен запрет. Так полвека воспоминаний, одновременно с автором, были ещё на полвека похоронены от взоров людей.

Если такой крупный деятель был забыт не только широкой русской общественностью, но даже и в среде последующих поколений моряков, несмотря на его несомненные заслуги перед флотом, то это является естественным результатом мести Александра III и преемников Шестакова, не раздвоенных никакими либеральными иллюзиями. Арест, наложенный на литературное наследство адмирала, о факте которого, конечно, все знали, в условиях восьмидесятых годов автоматически означал запрещение вспоминать и тем более писать о своенравном министре[32]. Этим и объясняется исключительная скудность литературы о Шестакове. Иначе говоря, эта была последняя опала уже покойного адмирала, которой воспользовались его преемники с тем, чтобы постараться стереть следы его деятельности или присвоить авторство некоторых его начинаний.

По тем же причинам не случаен факт, что о Шестакове вспомнили, вернее, пришлось вспомнить, после тяжелых событий русско-японской войны, в период нового

[32] Небезынтересно отметить следующее. В конце официального некролога, помещенного после смерти И. А. Шестакова в «Морском сборнике», 1888, № 23, упоминалось, что «подробная биография покойного будет помещена в ближайшей книжке «Морского сборника». Но она не появилась ни в «ближайшей книжке», ни в годовщину смерти, ни позднее

форсированного строительства русского флота и военно-морских баз. Но и в этом случае, через двадцать пять лет после смерти адмирала, его последняя услуга флоту оказалась анонимной.

5

Эта краткая характеристика И. А. Шестакова сделана нами не столько для восстановления облика одного из деятелей русского флота, сколько для того, чтобы читатель мог правильнее понять и оценить авторские трактовки людей и событий, описываемых в «Воспоминаниях». Что касается самих мемуаров, то заранее надо оговорить, что их основная ценность заключается отнюдь не в разоблачениях николаевского режима, запоздавших почти на сто лет. Критическое отношение автора к современникам и некоторым политическим и общественным явлениям, вместе с его личными моральными качествами, принимается нами как своеобразная гарантия правдивости и относительной объективности Шестакова, что подтверждается при сопоставлении с другими источниками. Его оценки подчас очень убедительны и, очевидно, приближаются к действительности больше, чем многие официальные или панегирические свидетельства, которыми так богата литература описываемого периода.

Оставляя в стороне интимную часть мемуаров и опущенные малоценные места из них, надо сказать, что значимость публикуемой части «Воспоминаний» определяется прежде всего материалами по истории русского флота (а отчасти и иностранных) в период его полного технического переоснащения. Поскольку эта перестройка материальной базы и техники флота естественно повлекла за собой изменение его состава, организации, системы управления, подготовки кадров, а также переоборудование портов, баз и всей системы снабжения, – мы находим в мемуарах много интересных свидетельств, относящихся к этим вопросам, причем по некоторым из них автор дает подробности, не известные до последнего времени.

Бесспорный интерес представляют те места «Воспоминаний», которые показывают, как линия внешней политики царского правительства влияла на развитие русского флота и, в свою очередь, как флот использовался в качестве инструмента внешней политики России.

Из области международных отношений, пожалуй, впервые встречается в нашей литературе подробное описание таких событий, как грандиозные демонстративные маневры, вернее, политическая инсценировка, британского флота на Спидхедском рейде в присутствии королевы Виктории, во время которых условный «русский» флот был разгромлен в потешном сражении ещё до начала Крымской войны[33]. Не

[33] О маневрах на Спидхедском рейде – см. также статью А. Горковенко «Смотр и маневры английского флота в Портсмуте, 30 июля 1853 года». («Морской сборник», 1853, № 8, стр. 162–168)

меньший интерес представляет описание вооруженной демонстрации европейских флотов в Средиземном море после резни христиан, учиненной турками в Сирии, и вся закулисная дипломатическая возня, связанная с этим вопросом[34]. Кроме того, Шестаков интересно освещает некоторые стороны борьбы за аннулирование тех статей Парижского трактата, в силу которых временно была закрыта для России возможность содержания флота на Черном море, и процесс последующего возрождения этого флота, в чем он лично принимал большое участие.

Из современной ему боевой деятельности русского флота, о которой можно найти материалы и в других источниках, автор сообщает, как участник или очевидец, много интересных деталей. К таким эпизодам можно отнести блокадные действия Черноморского флота у кавказского побережья; совместные его операции с кавказской армией; подробности гибели Бестужева-Марлинского под Адлером; так называемую «Мофетову битву» под Кронштадтом и многие другие. Не потеряли не только исторического интереса, но и некоторой доли практического значения взгляды автора на методы воспитания и обучения кадетов, команд и офицеров, выработанные в школе таких замечательных педагогов-воспитателей, какими были Лазарев, Корнилов и Нахимов, и особенно в части требований, предъявляемых к русским морякам во время заграничных плаваний, или к их поведению на военно-дипломатической работе.

Историческая ценность свидетельств Шестакова ещё более поднимается там, где отдельные документы или официальные письма (Нахимова, Корнилова и др.) он приводит текстуально, использовав свой семейный архив, до того никому неизвестный.

В освещении условий общественной жизни автор не дает ничего принципиально нового, но его мемуары восполняют наши представления об эпохе благодаря обилию интересных подробностей, правда, ограниченных сферой его наблюдений. Он был свидетелем многих значительных политических событий, войн и революций, так как жил и путешествовал по России, Западной Европе и Америке в период свершения или в процессе их назревания.

Многократное пребывание Шестакова на Босфоре позволило ему оставить в своих записках несколько поучительных описаний той закулисной политической игры, в которой «западные державы, неустойчивые, малодушные, всегда взаимно друг другу не доверяющие, всегда сначала поощряют султана к сопротивлению царю, агрессивности которого они боятся, а кончают тем, что вынуждают султана к уступкам, боясь, что всеобщая война может привести к всеобщей революции[35].

Не менее интересно передает автор отдельные штрихи реакции американской общественности на итоги Крымской войны. Очень красочно показан встреченный

---

[34] Этот эпизод участия русского флота в решении средиземноморских вопросов почти совсем не освещен в нашей литературе

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том IX. М., ИМЭЛ, 1932, стр. 435

им на пароходе безмерно невежественный и столь же нахальный янки, который хвастался высокими качествами американских генералов, – устойчивый тип бизнесмена, не только сохранивший некоторые эти свойства вплоть до наших дней, но и многократно их приумноживший.

Благодаря большой любознательности и общительности, Шестаков проходит через порты, заводы и верфи почти всех стран мира, посещает как обязательные для его положения придворные приемы, дипломатические салоны, деловые клубы, посольства и т. д., так и вовсе необязательные для него заседания английской палаты и французского национального собрания, лекции по политической экономии в Коллеж де Франс и международные выставки, кубинские плантации и различные общественные собрания. Его впечатления, иногда весьма обстоятельные, иногда поверхностны, но почти всегда остры и интересны. Наблюдательность, чувство юмора и умение легко излагать свои мысли делают его занимательным бытописателем.

Кто-то сказал, что если бы исчезли все документы, книги и свидетельства о XVIII столетии, то историю нравов этого века можно было бы восстановить по мемуарам Казановы. Хотя между почтенным адмиралом и самозваным кавалером де-Сенгальт нет ничего общего, кроме литературной плодовитости на старости лет, всё же можно утверждать, что мемуары Шестакова дают очень много для того, чтобы представить быт и нравы середины XIX века, во всяком случае, так живо и убедительно, как нельзя было бы их установить из современных официальных документов или научных исторических трудов и даже из некоторых литературных произведений.

Есть некоторые частности в «Воспоминаниях», представляющие для специалистов несомненный интерес, например характеристика внутренней обстановки в США непосредственно перед войной северян с конфедератами. Для изучающих эту войну совершенно ясно встает в представлении общая обстановка, уклад жизни и некоторые характерные особенности социальных отношений, сыгравшие значительную роль в ходе восстания и последующем поражении южан. То, что с достаточной объективностью описывает офицер русского флота, объехавший северные и южные штаты буквально накануне войны, трудно найти в сохранившихся материалах или позднейших трудах по этому вопросу[36].

Чем особенно богаты мемуары Шестакова, так это краткими, но меткими характеристиками громадного числа политических и общественных деятелей. Трудно сосчи-

---

[36] Интересна деталь. Шестаков путешествовал по Миссисипи в то время, когда на одном из речных пароходов служил никому не известный Сэмюэль Клеменс (впоследствии знаменитый писатель Марк Твэн), только что сдавший экзамен на лоцмана и младший брат которого погиб при взрыве парохода во время гонок, практиковавшихся между судами-конкурентами. Такие гонки Шестаков очень живо описал в своем дневнике 20 февраля 1858 г. и затем, переработав запись в статью, опубликовал её под названием «Дедушка Миссисипи» («Морской сборник», 1861, № 3).

Марк Твэн, бросив лоцманство, вспомнил аналогичные эпизоды из своей жизни значительно позже и впервые поместил очерки о жизни на Миссисипи в журнале «Атлантик» в 1874 г. Таким образом, в русской печати эти дикие нравы американского Запада так своеобразно (чтобы не сказать больше) осваивавшего технику, были описаны на 13 лет раньше, чем с ними познакомились янки из восточных штатов

тать количество императоров, королей, вице-королей, президентов, премьеров, министров, дипломатов, с которыми он встречался и которые в той или иной мере играли роль на политической арене XIX века. Пестрый калейдоскоп этих портретов определяется не только личным тщеславием автора, но и его установкой, что «люди делают историю», на основании чего он посвятил им столько места в своих воспоминаниях. Некоторые из этих портретов бесспорно дороги для нас (Лазарев, Нахимов, Корнилов и др.); иные – интересны для лучшего понимания тех событий, на которые они влияли, тем более что в других источниках о них имеются только официальные или официозные характеристики (великий князь Константин Николаевич, Краббе, Головнин и др.). В отдельных выведенных им типах можно ясно разглядеть щедринских героев.

Вот почему можно считать, что опубликование мемуаров и дневников И. А. Шестакова должно принести свою долю пользы для изучения истории русского флота и его военно-морского искусства, а также истории русского общественного быта второй половины XIX века.

В заключение необходимо обратить внимание на тот факт, что, как и всякие мемуары, «Воспоминания» Шестакова, несмотря на относительную их добросовестность, конечно, не свободны от субъективной оценки событий, людей и действий самого автора; поэтому его свидетельства должны приниматься с критическим учетом побуждений; влиявших на впечатления, или оценок, которые в свою очередь изменялись на протяжении его жизненного пути. В частности, можно заметить, что некоторые трактовки событий, пережитых в юные годы, – позднее, при переработке дневников в воспоминания «Полвека обыкновенной жизни», – подверглись исправлениям в соответствии с изменением взглядов автора, с годами терявшего свой либеральный пыл. Но при сопоставлении «Воспоминаний» с многими другими мемуарами можно также заметить, что в них относительно меньше элементов самореабилитации, обычно являющихся основным импульсом при подобных литературных излияниях бывших государственных деятелей. Если ведение дневников в юношеские годы было привычкой, унаследованной от отца, а в период опалы решающую роль играла потребность в самореализации, то в последние годы жизни Шестаков, добившийся всего, о чем мечтал, скорее искал возможность в мемуарах и дневниках ещё более утвердить свою личность.

Кроме привычки и необходимости заполнять досуги, ведение записей можно объяснить ещё и тем, что, попав в своеобразные условия, Шестаков не мог ни с кем делиться своими сокровенными мыслями, не решаясь в то же время открыто изливать свою горечь, досаду и презрение к ближайшему окружению. Таким образом, ведение дневника стало уже потребностью, как бы духовной отдушиной, для этого деятельного и своенравного человека, не без дальнего расчета – получить моральную компенсацию за годы опалы, хотя бы после смерти. Наконец, проглядывает и дидактическая тенденция, т. е. желание Шестакова передать свои нравоучения и житейский опыт, говоря его языком, «умудряющимся соотечественникам».

6

Остается разъяснить, почему понадобилось сокращать текст рукописи «Воспоминаний» И. А. Шестакова. Для этого прежде всего надо обратиться к объему рукописи, а затем к оценке её отдельных частей.

Из числа наиболее известных мемуаров русских военных деятелей наследство Шестакова – «Воспоминания» и «Дневник» (свыше 5000 страниц) – уступает по объему, пожалуй, только «Воспоминаниям» и «Дневнику» Д. А. Милютина[37]. Помимо того, плоды литературной деятельности адмирала весьма неравномерны по качеству, особенно если оценивать их на основании тех предпосылок, которые нами сделаны выше, для утверждения целесообразности и издания «Воспоминаний».

Дело в том, что дважды подвергавшийся опале и по натуре весьма деятельный адмирал и губернатор очень тяготился невольными вакациями и поэтому периодически разряжал свою энергию литературными упражнениями, занося в дневники все, чем занят был его ум или чувства, вплоть до выражения лирических настроений, возбуждаемых красотами природы, или морально-религиозных философствований, возникавших по различным поводам. Поэтому для уплотнения более полезных материалов мы спустили многое из того, что в настоящее время не представляет познавательной ценности.

Вовсе опущена интимная сторона жизни автора, его переживания, связанные с длительной болезнью жены, и поэтические упражнения адмирала. Также опущены почти все «философические» рассуждения на моральные и религиозные темы, так как на досуге он был весьма склонен к резонерству. Значительно урезаны описания природы (Альпы, Куба, Ниагара, Миссисипи и многое другое), за исключением тех отдельных мест, которые позволяют установить маршруты путешествий автора, имеют известное значение для стратегической оценки местности или характеризуют современные ему условия судоходства (устье Дуная, дельта Миссисипи и т. п.).

Опущены или очень сокращены подробные технические описания американских пароходов, кубинских сахарных заводов, табачных фабрик или машин для прессования хлопка и многих других технических и промышленных объектов, привлекавших внимание любознательного Шестакова, который детально описывает не только оборудование, но и технологию производства и порядок эксплуатации механизмов.

Исключены описания ритуалов придворных приемов и празднеств, а также характеристика тех царских родичей и придворных, которые не играли заметной политической роли в истории России. Кроме того, мы считали возможным опустить политические и дипломатические анекдоты в тех случаях, когда Шестаков не был

[37] См. Дневник Д. А. Милютина. 1873–1875. Том первый М., Изд. Госуд. Библиотеки им. Ленина. 1947

очевидцем или непосредственным слушателем, а передает их, так сказать, понаслышке.

Считая, что подробное изложение деятельности таганрогского градоначальника (включая анализ городского бюджета) представляет сейчас ограниченный интерес, мы значительно сократили соответствующие главы, так же как и те, которые относятся к мероприятиям Шестакова в должности виленского губернатора и к его полемике с генерал-губернатором Потаповым.

Несмотря на такие купюры, мы все же оставили некоторые из мест, содержащих впечатления Шестакова и бытовые зарисовки, характеризующие как самого автора, так и среду, в которой протекали основные события. Что касается свидетельств, относящихся к истории флота, его учреждений или политических событий, участником которых был И. А. Шестаков, то наиболее значительные из них приводятся в настоящем издании в неприкосновенном виде.

Мы сочли необходимым также сохранить в точности стиль подлинника, который, несмотря на некоторое своеобразие изложения и претенциозность, не затрудняет восприятия мыслей автора.

Таким образом, редактирование «Воспоминаний» свелось в основном к отбору более ценных материалов, исправлению некоторых дат и расшифрованию значительного числа фактов, имен и особенно условных наименований и кличек, которые приводит автор, не учитывавший, конечно, того, что через столетие они не будут так же общеизвестны, как в его время.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Шестаков Иван Алексеевич

ПОЛВЕКА ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ
ДНЕВНИКИ (1882–1888 гг.)

Редактор Ю.М. Михайлов
Корректоры А. Г. Шахназарян, А.Н. Чистяков
Верстка Т. В Компанейщикова

Подписано в печать 31.07.2014. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл.-печ. л. 37,5
Тираж 500 экз. Заказ № 3236

Издательство «Судостроение».
191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Морская, 8.

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12.

